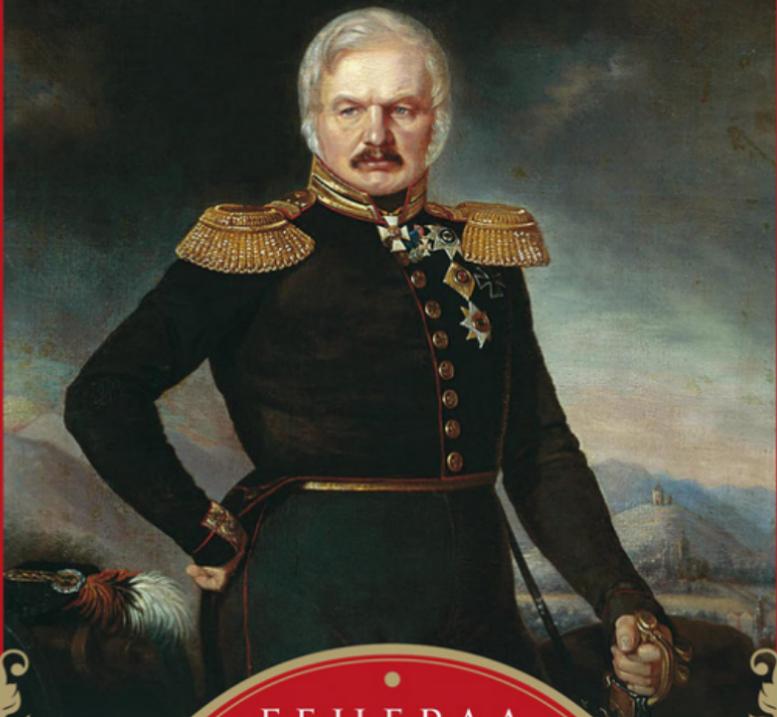
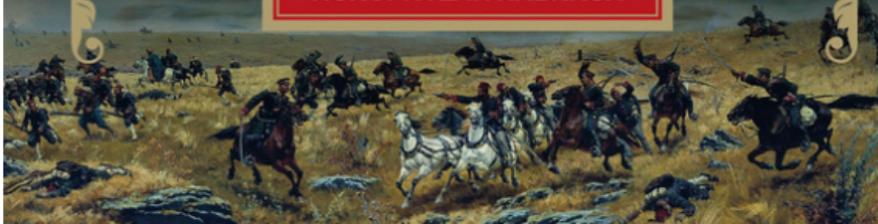

• МИХАИЛ ПОГОДИН •

ГЕНЕРАЛ
ЕРМОЛОВ

СРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ ЛЕГЕНДАРНОГО СОЛДАТА
ИМПЕРИИ, ГЕРОЯ ЭЙЛАУ И БОРОДИНА
И БЕЗЖАЛОСТНОГО
ПОКОРИТЕЛЯ КАВКАЗА

Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа / Михаил Погодин. //Центрполиграф, Москва, 2017
ISBN: 978-5-227-07482-9

FB2: Олег Власов "prussol", 11 July 2017, version 1

UUID: e6566be4-6413-11e7-a9a5-0cc47a5453d6

PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Михаил Петрович Погодин

Генерал Ермолов. Сражения и победы легендарного солдата империи, героя Эйлау и Бородина и безжалостного покорителя Кавказа

Алексей Петрович Ермолов – фигура в русской истории загадочная, противоречивая и тем не менее легендарная. С юности дерзкий и независимый, Ермолов раздражал высокопоставленных особ. Восстание в Польше, военные действия против французов в Италии, осада крепости Дербент, временная опала, участие в войне коалиций с Наполеоном, Отечественная война и, наконец, Кавказ. Ермолов начал с покорения Чечни и Горного Дагестана. Непокорные селения сжигались, сады вырубались, скот угонялся, покоренные народы приводились к присяге на верность российскому императору, облагались данью, у них брались

заложники. Имя Алексея Ермолова стало нарицательным, им горцы пугали своих детей.

Содержание

#1	0009
Предисловие	0010
Молодые годы	0038
1812 год. Дневник А.П. Ермолова о начале Отечественной войны	0183
#1	0183
Реляция о сражении 7 августа при селении Заболотье	0244
Письма Багратиона к Ермолову	0259
Письма Ермолова к Багратиону	0262
Письма Багратиона к Ермолову	0267
Ответ Ермолова к Багратиону	0271
Письмо Багратиона к Ермолову	0273
Письмо Ермолова Багратиону	0275
Письма Багратиона Ермолову	0277
Письма Платова к Ермолову	0280
Письмо Давыдова к А.П. Ермолову	0365
Письмо А.П. Ермолова к Давыдову	0366
Письмо Платова к Ермолову	0367
1813–1815. Окончание войны. Битва при Кульме и покорение Парижа	0391
1815. Дневник А.П. Ермолова. Назначение в Грузию и посольство в Персию	0419
#1	0419
Письмо А.П. Ермолова к графу А.А.	

Закревскому	0504
Два письма великого князя Константина Павловича к А.П. Ермолову	0508
От А.П. Ермолова к хану Шекинскому	0511
Дневник А.П. Ермолова (1818–1826).	
Продолжение командования в Грузии до кончины императора Александра (в извлечении г-на С.)	0513
#1	0513
Перечень некоторых происшествий на Кавказе и в Грузии в дополнение к дневнику А.П. Ермолова	0560
Выписки из биографии князя Мадатова	0563
Документы и письма А.П. Ермолова приложение к дневнику	0588
Покорение Чечни дневник А.П. Ермолова (1826–1827)	0734
#1	0734
Действия князя Мадатова в начале Персидской войны, по предписаниям А.П. Ермолова	0769
Документы и письма А.П. Ермолова приложение к дневнику	0781
В отставке (1827–1861)	0837
#1	0837
Беседы Ермолова, записанные господином С. без обозначения времени	0909
Нечто об Алексее Петровиче Ермолове	0924
Приложения	0962

Посольство А.П. Ермолова в Персию Ад. П. Берже0962
Анекдоты о разных лицах, преимущественно об А.П. Ермолоче Денис Давыдов1097

**Михаил Погодин
Генерал Ермолов. Сражения
и победы легендарного
солдата империи, героя
Эйлау и Бородина и
безжалостного покорителя
Кавказа**

Генерал Ермолов

Оформление художника Е.Ю. Шурлаповой

Предисловие

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, доброотою, простотою и ласковостью в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем, но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образованию, – мы видели, что он провел юность в заграничных университетах; но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуж-

даемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиной своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного – человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Виллие характеризовал как *homme aux grands moyens*[1].

К.А. Ухтомский. Портрет А.П. Ермолова

Ф. Вендармини. Портрет М.А. Милорадовича

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит

окружающая посредственность, а частью Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцелярией графа Самойлова.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первоначальным учителем А.П. Ермолова был их же крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего

учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левона.

Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

И.Б. Лампи Старший. Портрет генерала А.Н. Самойлова

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в Университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости,

вности, назвать шар наганами или невеждами.

«Бедное состояние семьи моей, – говаривал Ермолов, – не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени». (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов чи-

тал очень много и обладал начитанностью довольно замечательною.)

«Шарлатаны, – говаривал он также, – учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants![2] – потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж».

И. Барду. Портрет матери Ермолова, М.Д. Давыдовой

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гре-

мела на Кавказе в течение целого полувека. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н.Н. Раевский, представившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллерией. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение – стрелять «в знак осушения бокалов». Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтовой службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенной физической силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронизательные и быстрые

глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слышивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему проницательности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, иронией и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть

не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходилась па их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод.

Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы».

Д. Доу. Портрет А.П. Ермолова

Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и настойчиво просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что наконец и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден Святого Георгия за штурм Праги.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикоманди-

рован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе Персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова.

Начавши службу так удачно, Алексей Пет-

рович с шестнадцати лет приобрел самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилощивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счел себя всем этим крайне оскорбленным и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донес о нем как «о человеке неблагонадежном». Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвез его прямым трактом в Петропавловскую крепость, где Ермолов истомился под стражею, а затем он был сослан в Кострому.

Там он нашел другого изгнанника, Платова, впоследствии графа и атамана войска Дон-

ского.

В ссылке Ермолов пробыл целых три года, и это время далось ему нелегко. Он был исключен из службы и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отреклись от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!

Сильный волею, энергический Ермолов, однако, не пал духом от всех этих передраг. От нечего делать он принялся за изучение латинского языка у протоиерея Груздева, читал и переводил Юлия Цезаря и, кроме того, стал учиться играть на кларнете. По восшествии на престол императора Александра I он был освобожден вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент Военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству похлопотать об Ермоллове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, «он наскучил всему

миру секретарей и писцов», являясь ежедневно в Военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне.

Время, проведенное Алексеем Петровичем в ссылке, отразилось навсегда на его характере неизгладимыми чертами. Он стал сосредоточен, задумчив и любил уединение. «Я редко или почти никогда весел не бываю, сижу один дома, – писал он одному из своих друзей. – Я сыскал себе славного учителя на кларнете и страшно надуваю, и по-латыне упражняюсь».

Ф. Вендармини. Портрет М.Б. Баркляя де Толли

Кроме того, аресты и ссылка развили в нем мнительность, и всякая безделица беспокоила его и заставляла страшиться новых неприятностей в том же знакомом роде. Вот один интересный случай, который рассказывает г. Дубровин. Один из офицеров Алексея Петровича проиграл 600 рублей казенных денег. Ермолов тотчас же арестовал его, взыскал день-

ги с выигравших и, уступив просьбам, а главное, «избегая случая сделать человеку несчастье, сам собою испытавши, сколько тягостно переносить оное», согласился скрыть это дело и не доносить начальству о проступке офице-

ра. По частному письму его к начальнику офицер был переведен по неспособности в Кизлярскую гарнизонную роту. Офицер обиделся за то, что его признали неспособным, и решил лучше во всем признаться. Ермолов страшно встревожился; ему мерещились всяческие беды за сокрытие преступления подчиненного, и он не прежде успокоился, как тогда, когда офицер согласился не поднимать этого дела и ехать в Кизлярский гарнизон. «Страшно боюсь я хлопот, – писал он по этому поводу к своему другу, – трехлетнее несчастье сделало меня робким».

Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии.

Не имея ничего определенного в виду, он бросался из стороны в сторону: то хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова, то хлопотал о переводе в казаки. (Тогда же, вероятно, ему пришла и комическая мысль «проситься и в

немцы», но тогда ему было не до шуток, к которым он нисходил порою в веселые минуты в старости.) Словом, Ермолов просил отправить его куда-нибудь, выискать для него какой-нибудь подвиг, а не то, писал он, «завалюсь полуполковником; русская пословица: не все хлыстом, иногда и свистом – вот мое правило с давнего уже времени».

Война 1812 года выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806–1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии, он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говорили: «Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит». Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то что начальство, за исключением Кутузова, большею частью неблагосклонно и

несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов, и до такой степени умалчивало о них в реляциях, что отец Ермолова, к которому обратился один из почитателей его сына с просьбою выслать его портрет, прославляя его как любимого народного героя, отвечал: «Подвигов героя вашего не видал я ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены генералами Винценгероде, Тетенборном, Бенкендорфом и пр. и пр.»

Ф. Вендармини. Портрет М.И. Платова

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения; чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны: «К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов».

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: «Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет

обходительнее и вежливее с нами».

Однажды во время кампании 1812 года Барклай де Толли приказал образовать легкий отряд. Ермолов назначил Шевича начальником отряда, в состав которого вошли казаки, бывшие под начальством генерала Краснова. Шевич оказался моложе Краснова.

Платов, как атаман, вступился за своего подчиненного и просил Ермолова разъяснить ему: давно ли старшего отдадут под команду младшего, и притом в чужие войска?

– О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, – отвечал Ермолов, – потому что из вашей канцелярии еще не доставлен список этого генерала, недавно к нам переведенного из Черноморского войска. Я вместе с тем должен заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его.

Казаки обиделись таким ответом, и правитель дел атамана продолжал возражать Ермолову.

– Оставь Ермолова в покое, – отвечал Платов, – ты его не знаешь: он в состоянии с нами сделать то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление.

Д. Доу. Портрет И.Ф. Паскевича

Но, будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и за-

щитником своих подчиненных. «Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею», – писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполков-

ником и командуя ротой, Ермолов поминутно просит то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознавая сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом с просьбой то о том, то о другом из своих подчиненных.

Наскучив неблагодарной службой, на которой все усердие его и все подвиги его никогда по заслугам не оценивались, Ермолов в ноябре 1815 года вышел в отставку и, сдав в Познани свой корпус генерал-лейтенанту Паскевичу, отправился в Россию и поселился в Орловской губернии, в имении старика отца, считая свою службу оконченной. Но назначение его главнокомандующим на Кавказ, которым он был очень доволен, призвало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно, чем оно было прославлено в нашей войске и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные га-

зеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, – славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повещавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Русская публика, без сомнения, будет очень благодарна г. Погодину за его попытку воспроизвести некоторые черты из жизни недавно почившего истинного народного русского героя, и доказательством этой благодарности в настоящее время до некоторой степени может служить довольно общее внимание печати ко всему рассказанному о Ермолове г. Погодиным. Но во всяком случае сказание это опять еще далеко не удовлетворяет бездны вопросов, поставленных русской любознательности многозначащею личностью Алексея Петровича и странной его судьбою, которую унаследовали за ним и некоторые другие, про которых где-то сказано стихами:

Послать туда таких-то,

Авось их там убьют!

За вскрытие материалов для биографии Алексея Петровича современные писатели берутся уже не в первый раз, но она, как видно, еще жжется... Печаталось нечто и вроде его записок; появлялись и воспоминаньица и материалы; и Л.Н. Толстой не прошел Ермолова молчанием в «Войне и мире» и представил его даже со стороны не совсем привлекательной в его отношениях к Кутузову («старому человеку»), которому Ермолов посылал лист белой бумаги вместо донесения; пробовали даже выводить Ермолова и в романах под вымышленными именами. Так, еще при жизни Ермолова, в 1864 году, в одном из выходивших тогда романов Алексей Петрович, как все узнали (и чего ныне не отрицает и сам автор), Ермолов был изображен под именем «полного генерала Стрепетова», и там показаны некоторые его отношения к некоторым людям нового толка, а все-таки Алексея Петровича Ермолова в полном и ясно определенном образе все еще нет... «Беспримерный начальник и невозможнейший подчиненный» в нем уже кое-как намечены, но что именно делало

этого человека таким и «хорошим, да неудобным», как о нем говорили, – это ждет талантливого разъяснителя, для которого к тому же еще остается и совершенно нетронутой целая долгая полоса жизни Ермолова, полоса, которую он называл своим «московским сиденьем» и глядением на «Иерихонского» и других лиц, смущавших своими громкими карьерами тишину его предсмертного заката.

Алексей Петрович Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и не скудно распространенного у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам «неудобных» русских людей, и разъяснение его личности в связи со всеми касательствами к нему среды, в отпор коей он принимал ту или другую позицию, должно составить вполне глубокую и благодарную задачу и для историка-биографа и для критика. Тому-то, кто сумеет судить о Ермолове правильно и беспристрастно, предстоит завидная доля сказать многое, очень многое «старым людям на послушание, а молодым на поучение».

Н.С. Лесков

Молодые годы

Не имея притязания писать биографию Алексея Петровича Ермолова, я намерен в предлагаемой статье представить обозрение его жизни собственными его словами, из записок, рассказов, писем от него и к нему, приказов, распоряжений и тому подобных источников, которые удалось мне собрать или записать. Смею надеяться, что читатели по этим подлинным документам составят себе довольно ясное понятие о знаменитом деятеле нашего времени, который под Витебском, Бородином и Кульмом и, наконец, в продолжение десятилетнего управления Кавказом стяжал себе бессмертную славу в летописях русской истории. Начало записано мною со слов самого Алексея Петровича, с присоединением нескольких обстоятельств, записанных г. Степановым[3]. Продолжение заимствовано из собственных записок Алексея Петровича, с присоединением рассказов Дениса Васильевича Давыдова, писем, напечатанных в «Чтениях Исторического общества», и некоторых отдельных замечаний, которые

случилось мне слышать как от самого Алексея Петровича, так и от близких ему людей.

Для предварительного знакомства читателей с личностью Ермолова я предложу некоторые общие черты из его изображения, написанного знаменитым нашим партизаном-поэтом Д.В. Давыдовым: «Обнаружив с самого юного возраста замечательные способности, Ермолов приобрел впоследствии все качества отличного воина. Он представляет редкое сочетание высокого мужества и энергии с большою проницательностью, неутомимую деятельностью и непоколебимым бескорыстием; замечательный дар слова, гигантская память и невероятное упрямство составляют также отличительные его свойства».

Д. Доу. Портрет П.И. Багратиона

Будучи одарен необыкновенною физическою силой и крепким здоровьем, при замечательном росте, Ермолов имеет голову, которая, будучи украшена седыми, в беспорядке лежащими волосами и вооружена большими, но проницательными и быстрыми глазами, невольно напоминает голову льва. Ермо-

лов, будучи весьма смел со старшими, явно выказывал, подобно князю Багратиону, малое сочувствие свое к немецкой партии, во главе которой находились Барклай, Витгенштейн и многие другие.

Так, например, в начале Отечественной войны он отзывался следующим образом о штабе Баркляя:

«Здесь все немцы, один русский, да и тот безродный»; в то время служил тут чиновник Безродный[4]. Одаренный характером твердым и самостоятельным, он был всегда замечателен по отменной приветливости и обходительности со своими подчиненными, сердцами которых он вполне владел. Находясь еще в чине полковника, его обращение относительно некоторых генералов было таково, что они говорили: «Когда-то его произведут в генералы? Он тогда, конечно, перестанет выказывать такое к нам пренебрежение».

Отличаясь всегда примерною скромностью, он не только не старался возвышать заслуг своих порицанием действий своих подчиненных, но, напротив, изыскивал все способы, чтобы представить в настоящем свете действия их; они всегда находили в нем самого ревностного, смелого и правдивого защитника своих прав. Я, кроме случаев, приведенных мною в моих записках, мог бы еще упомянуть о многих других, в коих многие ли-

ца нашей армии имели в Ермолове самого неустрашимого ходатая, нередко высказывавшего своим начальникам весьма сильные и не совсем для них приятные истины. Не дозволяя себе никогда малейшей дерзости или невнимания относительно младших по себе, особливо провинившихся, он ограничивался замечаниями, уподоблениями, кои, не заключа в себе ничего оскорбительного, производили тем не менее на них магическое действие.

Выслушивая снисходительно все справедливые возражения своих подчиненных, хотя бы они были иногда облечены в формы несколько резкие, он усугублял внимание и снисходительность, когда обстоятельства, о коих ему доносили, принимали серьезный характер. Но добродушие, коим отличаются разговоры его с младшими, совершенно исчезает, когда ему надлежит прибегать к перу; мысли и суждения, излагаемые им, хотя не совсем правильно, но с мужественною силой и энергическою простотою, облакаются часто в формы крайне резкие; впрочем, самый разговор его носит обыкновенно на себе отпеча-

ток большого остроумия и язвительной насмешки. Едкая ирония его речей, которую он разил врагов своих, приобрела ему весьма много недоброжелателей. Прочитав однажды одно из его писем, я не мог воздержаться, чтоб ему не написать: «Во что обмакиваете вы перо ваше, потому что с него стекают не чернила, а желчь?» Это может быть причиной того, что он, кроме записок об Отечественной войне, почти ничего другого не писал. Оставаясь во многих отношениях образцом избранных людей прошедшего времени, он стоит выше толпы, которая, видя в нем живой протест, беспощадно преследует его своею завистью. Бездарная и неблагонамеренная посредственность, оскорбленная его едкими насмешками и не будучи в состоянии обвинить его в неспособности, изощряла и изощряет ум свой для изобретения всевозможных против него клевет: его называли интриганом, пьяницей, безбожником, хотя положительно известно, что он почти не употреблял и не употребляет вина, и нередко взыскивал с своих приближенных на неисполнение церковных обрядов[5].

Д. Доу. Портрет Д.В. Давыдова

Ермолов, приобретший обширные сведения, особенно в военных науках и истории,

снимал большею частью сам местность на бумагу и делал весьма скоро зарисовки и эскизы. Вынужденный часто диктовать в одно время нескольким лицам письма разнородного содержания, он обыкновенно собственноручно и прямо набело писал значительным особам официальные бумаги и письма; эти послания, писанные часто под влиянием минутного раздражения и проникнутые потому самую едкою иронией, отличались вполне смелым и резким тоном. Я знавал некоторых значительных лиц, кои просили Ермолова, избавив их от официальной с ним переписки, излагать свои просьбы и требования в частных письмах.

Пользуясь благоволением императора Александра, находившего большое удовольствие читать его письма к П.А. Кикину, П.И. Меллер-Закомельскому и другим приятелям, Алексей Петрович, ненавидевший просить о чем-либо для себя, нередко исходатайствовал этим путем аренды и разного рода денежные награждения достойным лицам, о недостаточности состояния которых никто не решался доводить до сведения его величества. Хотя

Ермолов испытал в течение своей жизни весьма много неприятного, но это не оказало никакого влияния на его неизменно веселый нрав. Взор мой не может не остановиться на этой светлой личности, нередко и довольно грубо заблуждавшейся и не лишенной, без сомнения, больших недостатков и слабостей, но вполне искупившей все это теплотою души и замечательною любовью к общественному благу. Хотя судьба не дозволила ему, совершив ряд кампаний, одержать самому большие победы; его решительность и проницательность, выказанные им в самые критические минуты великих войн и коим наша армия была не один раз обязана своим спасением, примерная и столь редко встречающаяся бережливость относительно казенных денег и людей, умение увлекать за собою тысячи людей одними высокими качествами ума и сердца и побуждать их к благодетельной деятельности справедливо стяжали ему завидную славу и искреннее уважение современников. Ни один почти начальник не внушал, подобно А.П. Ермолову, своим подчиненным такого глубокого уважения, безграничной

преданности и боязни послушаться его приказаний.

Если мы, современники и очевидцы магического действия, производимого в наших войсках одним именем Ермолова, были глубоко удивлены необычайною популярностью, коею он всегда пользовался, то наши потомки будут вправе думать, что известие о том если не вымышленно, то, по крайней мере, весьма преувеличенно; самые враги его, бывшие не раз свидетелями необыкновенной любви и преданности, питаемых к нему войсками, не могут отрицать этого обстоятельства. Достоин удивления то, что хотя Ермолов уже давно не стоит в рядах нашей действующей армии, но доселе одно появление его среди наших войск и в особенности среди своих старых подчиненных возбуждает по-прежнему невероятный и безграничный восторг. Я сохранил у себя несколько копий с писем, писанных Ермолову некоторыми из его подчиненных перед самую их кончиною, когда они не имели уже нужды говорить ничего другого, кроме истины. Все они оканчиваются молитвою к Богу: да продлит и благословит Он

его жизнь и командование. Я бы самому не поверил, если бы не был свидетелем многих подобных случаев и не имел бы у себя в руках письменных документов, подтверждающих это; а потому все мною здесь сказанное не есть лишь восторженный панегирик человеку, коему судьба столь рано преградила путь к вящим заслугам отечеству и который мог бы образовать много истинно полезных военных людей.

Алексей Петрович приобрел, наперекор многочисленным врагам своим, редкую популярность человека, в коем ныне никто не нуждается для каких-либо своекорыстных целей. Будучи всегда поклонником красоты, он тем не менее всегда чуждался дамского общества, предпочитая мужскую компанию, и, будучи современником всего совершавшегося в России в течение более полустолетия, Алексей Петрович, употреблявший некогда свой замечательный дар слова на одушевление воинов, увлекает им ныне многочисленных стекающихся к нему посетителей. Литература и поэзия составляли всегда истинное наслаждение Алексея Петровича, знающего наизусть

много стихотворений. Надо присовокупить, что Алексей Петрович, не могший не сознавать в себе способностей, был всегда одарен большим честолюбием, что не укрылось от проницательного князя М.И. Кутузова, который сказал о нем в конце 1812 года следующее: «Он прирожденный командующий». Не почитая себя администратором, он никогда не был преисполнен того ложного и неуместного самолюбия, которое не позволяет сознаваться в ограниченном круге своих познаний и прибегать за советами к более сведущим подчиненным; напротив того, чистосердечно сознавая в себе отсутствие административных сведений и совершенное непонимание финансовых вопросов, он любил поучиться у специалистов, хотя бы они были его подчиненные, к коим он иногда и при всех своих способностях и большом уме нередко простирает свою доверенность слишком далеко; верно оценивая умом своим способности других людей, он нередко заблуждался насчет нравственных качеств окружавших его лиц.

Не получая почти ничего от отца своего, особенно со времени производства своего в

полковники, и вынужденный довольствоваться весьма немногим, он привык вести жизнь весьма умеренную и неприхотливую [6].

Алексей Петрович Ермолов родился в 1777 году, 24 мая, в одном году с императором Александром, которого был старше тремя месяцами. Отец его Петр Алексеевич, небогатый орловский дворянин, служил по гражданской службе и был впоследствии председателем Гражданской палаты, а наконец управлял канцелярией генерал-прокурора графа Самойлова в последние года царствования императрицы Екатерины.

Мать, Марья Денисовна, была из рода Давыдовых [7].

Родился Алексей Петрович в Москве, где-то между Арбатом и Пречистенкой.

Из детства его вот черта, которую он приводил однажды, будучи уже 80 лет, в доказательство своей памяти.

«Я помню, как я еще жил у отца с матерью, у нас была печка оштукатуренная, и на ней была нарисована Церера с рогом изобилия. Только штукатурка-то треснула, трещину и

замазали глиной. В этом виде я помню эту фигуру и направление трещины, а мне было всего только 4½ года»[8]. (С.)

Алексей Петрович сначала учился у дворового служителя Алексея, по букварю и с резною указкой, расписанной синими фигурками. Потом поступил он в богатый дом одной вдовы (?), где он был какою-то неопределенною фигурой, потому что тут уже был один возлюбленный племянник. Дама эта была вдова наместника; она, как и все подобные ей особы того времени, была пропитана чванностью. Тогдашние наместники избирались лично самою императрицею Екатериною; способности и знания их были ей известны как нельзя лучше; доверенность к ним была неограниченна; они управляли губерниями двумя, тремя и более. Это были совершенные сатрапы персидские. Такое положение естественно увеличивало гордость в родственницах и супругах этих особ. (С.)

Очень рано был он отдан учиться в Университетский благородный пансион, на руки к профессору Ивану Андреевичу Гейму. Профессор этот любил Алексея Петровича, и

Алексей Петрович полюбил профессора. Бывши уже в чине генерал-майора, он не проезжал Москвы без того, чтобы не посетить своего наставника. А в Москве он бывал редко и то проездом, по делам службы. Родных у него здесь не было, а знакомых весьма мало и редко. Приедет он в Москву не как в столицу, а просто как на станцию: переложат ему лошадей в слободе и, как курьер, он мчится далее. (С.)

Попечителем пансиона был тогда Павел Иванович Фонвизин.

Памятным ему остался в пансионе учитель математики Крупеников.

Из пансиона, по переселении родителя из Москвы, он попал в Петербург, к знаменитейшему того времени математику Лясковскому, ученому, но в то же время и педанту. Однако он заслужил его привязанность и платил ему тем же. Впоследствии, именно в начале царствования Николая Павловича, взбунтовавшиеся гвардейцы навлекли на себя гнев царя. Алексей Петрович был тогда наместником на Кавказе. Из бунтовщиков был составлен целый полк, назначенный на Кавказ; в числе

разжалованных был и сын Лясковского. Престарелый отец писал по этому случаю Алексею Петровичу, просил его принять его сына под свое покровительство и вспомнить своего бывшего наставника на закате дней. И действительно, через четыре дня после написания письма Лясковского не стало. (С.)

Князь Юрий Владимирович Долгорукий отвез Ермолова в Санкт-Петербург в 1792 году, тогда как он имел уже чин капитана гвардии, записанный в службу очень рано, по обычаю того времени. Он тотчас поступил адъютантом к графу Самойлову.

Присоединяю дополнение из записок Д.В. Давыдова об этом времени.

Будучи выпущен, в 1792 году, капитаном в Нижегородский драгунский полк, молодой Ермолов, коего отец был правителем канцелярии у генерал-прокурора графа Самойлова, состоял при сем последнем в качестве адъютанта; он был по нескольку раз в год посылаем графом с грузом эполет и аксельбантов, единственной в то время фабрики Роговикова, к знаменитой княгине Е.Р. Дашковой, занимавшейся парфилажем. Выдержав экзамен

с особенным отличием, он был переведен в артиллерию; участвовав в войне 1794 года с поляками, он заслужил лестные отзывы славного генерала Дерфельдена, мнением которого он всегда очень дорожил.

Ермолов, отличившись в особенности при штурме Праги, был награжден знаком Св. Георгия 4-го класса, полученным по назначению самого великого Суворова, вместе с князем Дмитрием Владимировичем Голицыным и И.Л. Шаховским. Будучи послан в Италию, вместе с чиновником Вюрстом, коему было поручено окончить коммерческие дела с Генуэзским банком, он посетил главнейшие пункты Италии и между прочим Неаполь, где видел, знаменитую по своей красоте, леди Гамильтон; вследствие ходатайства графов Самойлова и Безбородки, снабдивших его письмами к всесильному барону Тугуту, Алексей Петрович был назначен состоять при австрийском главнокомандующем Девисе, питавшем к русским величайшее уважение, после сражения при Рымнике, в коем он участвовал.

Вызванный из Италии, где он с австрийца-

ми принимал участие в разных стычках против французов, Ермолов, в проезд свой чрез Берлин, присутствовал при бракосочетании знаменитой королевы Луизы. Отправившись вскоре по своем возвращении в поход против персидского шаха, Ермолов, после бомбардирования Дербента, вековые стены которого разрушались с страшным треском, двинулся далее; переправившись с прочими войсками графа Зубова чрез Самур, он следовал к Куре на встречу бесчеловечному Аги-Магомед-хану, спешившему с огромным войском и 80 слонами.

Прибывший курьером, подполковник граф Витгенштейн (впоследствии фельдмаршал) привез повеление императора Павла о *поспешном возвращении войск в пределы России для полезнейшего армии употребления.* Хотя на основании полученного поведения надлежало каждому полку отступать порознь, что могло подвергнуть каждую часть совершенному поражению, но по решению военного совета весь отряд отступил вместе до Терека, где его ожидал своенравный граф Гудович, пылавший гневом за то, что не ему

было вверено начальство над экспедиционным корпусом. Избегая встречи с ним, многие, и в том числе Ермолов, пробрались степью в Астрахань[9].

«Возвратившись в Россию, он поступил в состав батальона Иванова, из которого впоследствии образовался 4-й артиллерийский полк, в котором, по мнению графа Аракчеева, «у семи офицеров был лишь один мундир». (Д.)

Будучи произведен, по возвращении из похода в Персию, в подполковники, молодой Ермолов, командовавший артиллерийскою ротой, проживал в Несвиже; он квартировал вместе с доблестным князем Дмитрием Владимировичем Голицыным, братом его – умным князем Борисом, и двоюродным их братом – князем Егором Алексеевичем. Ермолов был поручен еще в войну 1794 года командиру Низовского полка полковнику Ророку, который в свою очередь передал его капитану того же полка Пышницкому (впоследствии начальнику дивизии); он подружился здесь с подпоручиком Низовского полка князем Любецким, известным по своим высоким способностям и обширным сведениям.

Александр Михайлович Каховский, единокровный брат А.П. Ермолова, столь замечательный по своему необыкновенному уму и сведениям, проживал спокойно в своей деревне Смолевичи, находившейся в 40 верстах от Смоленска, где был губернатором Тредьяковский, сын известного пиита, автора «Телемахида». Богатая библиотека Каховского, его физический кабинет, наконец празднества, даваемые им, привлекали много посетителей в Смолевичи, куда молодой Ермолов прислал шесть маленьких орудий, взятых им в Праге после штурма этого предместьев, и небольшое количество пороха, коим воспользовался хозяин для делания фейерверков. Независимое положение Каховского, любовь и уважение, коими он везде пользовался, возбудили против него, против его родных и знакомых недостойного Тредьяковского, заключившего братский союз с презренным Линденером, любимцем императора Павла. Каховский и все его ближайшие знакомые были схвачены и посажены в различные крепости под тем предлогом, что будто бы они умышляли против правительства; село Смолевичи с библио-

текою и физическим кабинетом было продано с публичного торга, причем каждый том сочинения и каждый инструмент были проданы порознь; Линденер удержал у себя из вырученной суммы двадцать тысяч рублей, а Тредьяковский пятнадцать тысяч рублей. Село Смолевичи досталось Реаду. Во время отступления наших войск от западной границы, в первую половину Отечественной войны, Ермолов, проходивший со штабом первой армии через Смолевичи, нашел здесь много книг с гербом Каховского. (Д.)

Между тем гроза, разразившаяся над Каховским, не осталась без последствий и для Ермолова, которого было приказано арестовать. Отданный под наблюдение поручика Ограновича, он был заперт в своей квартире, причем все окна, обращенные на улицу, были наглухо забиты и к дверям был приставлен караул; одно лишь окно к стороне двора осталось отворенным. Вскоре последовало приказание о том, чтобы отвести Ермолова на суд к Линденеру, проживавшему в Калуге; невзирая на жестокие морозы, Ермолов был посажен с Ограновичем в повозку, на облучке

которой сидело двое солдат с обнаженными саблями, и отправлен через Смоленск в Калугу.

Остановившись для отдыха в Смоленске, Ермолов был предупрежден губернским почтмейстером, давним приятелем его семейства, о презренных свойствах Линденера, не любившего щадить кого бы то ни было. Между тем прислано было из Санкт-Петербурга высочайшее повеление о прощении подсудимых, вина которых была даже в Петербурге найдена ничтожною. Приезд Ермолова в Калугу, где он остановился у дома Линденера, возбудил всеобщее любопытство. Линденер, будучи в то время нездоров, приказал привести к себе в спальню Ермолова, которому было здесь объявлено высочайшее прощение. Линденер почел, однако, нужным сделать строгий выговор Ермолову, которого вся вина заключалась лишь в близком родстве и дружбе с Каховским; заметив удивление на лице Ермолова, Линденер присовокупил: «Хотя видно, что ты многого не знаешь, но советую тебе отслужить пред отъездом молебен о здравии благодетеля твоего – нашего славно-

го государя». Приняв во внимание советы многих, утверждавших, что если им не будет отслужен молебен, то он вновь неминуемо подвергнется новым преследованиям, Ермолов, исполнив против воли приказание Линденера, отправился с Ограновичем в обратный путь.

Между тем коварный Линденер, донося государю о приведении в исполнение его воли, изъявил, однако, сожаление, что его величество помиловал шайку разбойников, заслуживающих лишь строжайшего наказания. Ермолов, возвратившись к своей роте, остался спокойным в течение пятнадцати дней, но прибывшему после того фельдъегерю было приказано доставить его в Санкт-Петербург со всеми его бумагами; так как опасались бегства обвиненного, то фельдъегерю было приказано оказывать ему дорогою всевозможное внимание. Прибыв в Царское Село, Ермолов и его спутник спокойно обедали и оставались здесь до наступления темноты; введенный в заблуждение ласковым обращением фельдъегеря, Ермолов полагал, что государь имел намерение дать ему новое назна-

чение, но, когда ему было объявлено, что они прибудут в Санкт-Петербург лишь ночью, дабы не быть никем узнанным, он убедился в том, что его здесь ожидало.

Остановившись сперва у квартиры генерал-прокурора Лопухина на Гагаринской пристани, они были пересланы в дом, занимаемый Тайною канцелярией, находившейся на Английской набережной. Вследствие приказа старшего чиновника этой канцелярии Ермолова повезли на время в Петропавловскую крепость, где заперли в каземат, находившийся под водою в Алексеевском рavelине. Комната, в которой он был заключен под именем преступника № 9, имела шесть шагов в поперечнике и печку, издававшую сильный смрад во время топки; комната эта освещалась одним сальным огарком, которого треск, вследствие большой сырости, громко раздавался, и стены ее от действия сильных морозов были покрыты плесенью. Наблюдение за заключенными было поручено Сенатского полка штабс-капитану Иглину и двоим часовым, неотлучно находившимся в комнате. Весьма часто, когда Ермолов обращался с ка-

ким-либо вопросом к одному из них, наиболее добродушному, он получал в ответ: «Не извольте разговаривать; нам это строго запрещено; неравно это услышит мой товарищ, который тотчас все передает начальству». После трехнедельного заключения он был повезен, в 7 часов утра, к Лопухину, у которого он застал несколько лиц в анненских лентах. Лопухин, строго приказав ему ничего не таить во время допроса, велел провести его в свою канцелярию; пройдя через ряд темных комнат, он вступил в ярко освещенный кабинет, где нашел чиновника Макарова, некогда коротко знакомого с отцом его и встрече с коим в этом месте немало удивился.

Макаров спросил Ермолова, как он попал под суд, а тот еще меньше знал о причине. Макаров, человек добрый, тотчас продиктовал ему послание, но Ермолов, переписывая, вставлял какие-то выражения, которые не понравились, и он был сослан на житье в Кострому. После оказалось, что бессовестный Линденер написал на него бог знает что. Между тем эта нелепая ссылка помешала Ермолову участвовать в Итальянской кампании

и взять несколько уроков у такого учителя, каков был Суворов! Так судьба играет людьми. Одного недостойного она ведет и поддерживает, другому бросает камень на каждом шагу.

По прошествии этого времени Ермолову было приказано одеться потеплее и готовиться к дальней дороге; ему были возвращены: отобранное платье, белье, тщательно вымытое, и принадлежавшие ему 180 рублей. В подорожной курьера не было обозначено место ссылки, но сказано было лишь: «С будущим». На все вопросы Ермолова курьер, который был родом турок, долго хранил упорное молчание; он был окрещен и благодетельствован дядею отца Ермолова. Узнав о том, что он едет с родственником своего благодетеля, курьер, сделавшись весьма ласковым с ним, уведомил его, что ему было приказано передать его костромскому губернатору, почтенному и доброму Николаю Ивановичу Кочетову, для дальнейшей отсылки в леса Макарьева на Унже. Будучи доставлен к губернатору, Ермолов узнал в сыне его – бывшего сотоварища своего по Московскому университетско-

му пансиону; по просьбе своего сына благородный Кочетов представил в Петербург, что в видах лучшего наблюдения за присланным государственным преступником он предпочел оставить его в Костроме. Это распоряжение костромского губернатора относительно Ермолова было одобрено в Санкт-Петербурге. (Д.)

С горя принялся Ермолов читать и переводить «Римского Цезаря», между тем как новый Цезарь и наш славный Суворов воинствовали один после другого на его Альпах.

Ф. Вендармини. Портрет А.И. Кутайсова

Он познакомился с протоиереем и ключарем соборным Егором Арсеньевичем Груздевым и начал брать у него уроки латинского языка. Часто случалось Ермолову будить старика словами: «Пора вставать, Тит Ливий ждет уже давно». «Если б он принадлежал к черному духовенству, – говорил Алексей Петрович, – давным бы давно еще до того времени был архиереем. Но он не хотел притворяться, и честолюбие не возмущало его души». (С.) [10]

В Костроме же сидел тогда другой русский молодец Платов.

Попался он на гауптвахту в Петербурге, вследствие каких-то отношений к любимцу Павлову, донскому генералу Денисову. Сидя

на гауптвахте, увидел Платов сон, что на Дону ловит рыбу и поймал свою саблю. Через несколько дней в самом деле приносят ему, прощенному, саблю. Он в радости схватил ее, обнажил и воскликнул: «Вот она! Она оправдывает меня!» Платов отправился к оставленному им семейству, в Москве пошел помолиться в собор, как вдруг является к нему фельдъегерь с высочайшим повелением ехать на житье в Кострому. Радостное восклицание Платова было донесено, и этому восклицанию придан недобрый смысл.

Изгнанники часто проводили время вместе и воображали, печальные, как на Альпийских горах отличаются их братья.

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над пово-

ротом Волги к югу; эта – над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку».

(Д.)

Платов был, однако, освобожден прежде Ермолова и получил назначение идти в Бухару. Сжалилась судьба и над его товарищем. Ермолов был вхож в дом губернатора И.В. Дамба, который вскоре сделался военным министром. Домашние его и родственники, оставшиеся в Костроме, писали к нему о печальной участи молодого изгнанника.

Дамб отнесся просьбою к всемогущему тогда Кутайсову, с которым был женат на родных сестрах (Резвых). Кутайсов принял участие и велел Ермолову написать к нему частное просительное письмо с прописанным всех обстоятельств.

Гордый Ермолов не согласился. Он не хотел освобождением своим быть обязанным фавориту, пред которым, однако ж, тогда все преклонялось, – примечательная черта в характере молодого человека!

Императора Павла вскоре не стало. В пер-

вый день восшествия на престол Александр велел освободить Ермолова вместе с прочими людьми, замешанными по делу Каховского.

Ермолов приехал в Петербург и поступил на службу.

Вот как в своих записках относится он о первоначальной своей службе, с 1801 года:

«Восшел на престол ныне царствующий император...

At vos incertam, mortales, funeris horam
Quaeritis, et qua sit mors aditura via.

Propertius» [11].

«Множество несчастных увидели конец бедствий, в числе коих и я получил свободу. По справедливости время сие могу я назвать возрождением, ибо на двадцать первом году жизни содержался я под караулом, как преступник, найден невинным, и обращен, по именному повелению, на службу; взят менее нежели чрез две недели вторично, исключен из списков как умерший, заключен в Санкт-Петербургскую крепость и впоследствии отправлен в ссылку в Костромскую губернию, где начальством объявлено мне вечное пре-

бывание. Всемогуший во власти своей царям мира, равно как и нам, положил предел жизни, и мне суждено воспользоваться свободою. Радость заставила во мне молчать все другие чувства, одна была мысль – посвятить жизнь на службу государю, и усердию моему едва ли могло быть равное. Я приезжаю в Петербург, около двух месяцев ежедневно скитаюсь в Военной коллегии, наскучив всему миру секретарей – и писцов. Наконец доклад обо мне вносится государю, и я принят в службу. Мне отказан чин, хотя принадлежащий мне по справедливости; отказано старшинство в чине, конечно не с большою основательностью.

Президент Военной коллегии, генерал Ламб, весьма уважаемый государем, при всем желании ничего не мог сделать в мою пользу.

С трудом получил я роту конной артиллерии, которую колебались мне поверить, как неизвестному офицеру между людьми новой категории. Я имел за прежнюю службу георгиевский и владимирский ордена, употреблен был в войне в Польше и против персиян, находился в конце 1795 года при австрийской армии в приморских Альпах. Но сие ни к че-

му мне не послужило, ибо не известен я был в экзерциргаузах, чужд Смоленского поля, которое было школою многих знаменитых людей нашего времени».

Сообщу теперь драгоценные отрывки из собственных записок Алексея Петровича Ермолова, которые счастливый случай доставил мне в руки после статейки моей в «Московских ведомостях».

«Я приезжаю в Вильно (1802), где расположена была моя рота. Людей множество, город приятный, отовсюду стекаются насладиться кротким царствованием Александра I, все благословляют имя его, и любви к нему нет пределов. Весело идет жизнь моя, служба льстит честолюбию и составляет главнейшее мое упражнение, все страсти покорены ей. Мне двадцать четвертый год; исполнен усердия и доброй воли; здоровье всему противостоящее. Недостает войны. Счастье некогда мне благоприятствовало.

Мирное время продлило пребывание мое в Вильне до конца 1804 года[12]. Праздность дала место некоторым наклонностям, и вашу,

прелестные женщины, испытал я очаровательную силу, вам обязан многими в жизни приятными минутами.

Я получил повеление выступить из Вильни. Неблагодарное начальство меня преследовало, и в короткое время мне назначены квартиры в Либаве, Виндаве, Бирже, Гродно и Кременце на Вольни; я веду жизнь кочевую и должен был употребить все способы, которые дала мне служба при моей воздержности и бережливости. У меня рота в хорошем порядке, офицеры отличные, и я любим ими, и потому все казалось мне сносным, и служба единственное было благо.

1805 год проходя из местечка Биржи, инспектор всей артиллерии граф Аракчеев сделал в Вильне смотр моей роты, и я неблагоприятно и дерзко возразил на одно из ее замечаний, умножил неблагоприятие могущественного начальника, что и чувствовал впоследствии. За год до того рапортом чрез частного инспектора просил я увольнения в отставку, и, чтобы воспользоваться ею за четыре месяца до указанного времени, я предлагал оставить майором, хотя почти уже семь лет

находился в чине подполковника. Я думаю, что подобной просьбы не бывало, и кажется, надлежало справиться о состоянии моего здоровья.

Д. Доу. Портрет А.А. Аракчеева

Спокойное России состояние прервано было участием в войне Австрии против французов...

В помощь Австрии пошел генерал Голенищев-Кутузов, армия его должна была состоять из 50 т. ч.

Пришедши с моею ротой к Радзивилову, я уже не застал армии и догонял ее ускоренными маршами, почему ехавшему генералу Кутузову из Петербурга попался я на дороге, и он, осмотрев роту, два уже месяца находившуюся в движении, одобрил хороший за нею присмотр, взбодрил приветствием офицеров и солдат, расспросил о прежней коей службе и удивился, что, имевши два знака отличия времен Екатерины, я имел только чин подполковника при бывших производствах прошедшего царствования. Он сказал мне, что будет иметь меня на замечании, приказал по-

спешить в соединение с армией. Таким образом армия наша собралась в окрестностях

Браунау, и в сем городе учредилась главная квартира. Авангард был в Баварии на 13 часах пути.

Известно было, что собирается французская армия и уже не весьма в далеком расстоянии от австрийской, почему войска наши получили маршруты до Ульма и мы готовились к выступлению.

Ф. Вендармини. Портрет М.И. Кутузова

Генералу Кутузову представляют немолодого человека, имеющего сообщить ему важное известие. Мог ли ожидать генерал Кутузов, что то был сам генерал Макк с известием о совершеннейшем уничтожении армии, бывшей под его начальством. Наполеон напал на австрийскую армию при Ульме. Генерал Макк, худо извещенный о движениях неприятеля, не довольно был осторожен, войска его были разбросаны и собраться не успели. Внезапная атака такое произвела замешательство, что армия довольно многочисленная, в хорошем весьма состоянии, вся по частям и почти без сопротивления разбита была совершенно и большею частью досталась в

плен, взята вся артиллерия и все обозы. Спаслась от поражения небольшая часть войск под начальством эрцгерцога Фердинанда, генералов Кинмейера и Мерфельда. Не избежал плена и сам генерал Макк, но, давши реверс не служить против французов, он получил увольнение и за паспортом их отправился в

свои поместья. Перевязанная белым платком голова его давала подозрение, что славного подвига сохраняет он по крайней мере некоторую память. Но он успокоил насчет опасности, объяснив, что от неловкости почтальона он более потерпел, нежели от неприятеля. В дороге опрокинута была его карета и он ударился головой, так, однако же, так счастливо, что она сохранена на услуги любезному отечеству.

Узнавши все подробности происшествия, генерал Кутузов, поблагодарив генерала Макка за известие, с ним расстался. Кажется, никому лучше нельзя поверить в сем случае.

Генерал Макк и то заслужил удивление, что скоростью путешествия своего предупредил и самую молву. Армия австрийская не имела на сей раз расторопнейшего беглеца!

Генерал Кутузов нашелся в необходимости переменить сделанные им распоряжения, и положение его час от часу делалось затруднительнее. Неприятель шел с большою скоростью и уже не в далеком находился расстоянии. Быстрое отступление было единственным средством, но с нами была вся тяжелая

артиллерия, госпитали и обозы. Дабы сколько возможно облегчить войска при отступлении, приказано все тягости отправить обратно, но г. Кутузов с войсками оставался в Браунау, ожидая присоединения австрийских войск, спасшихся от поражения при Ульме.

Наконец вышли мы из Браунау и началось знаменитое отступление, которому и сам неприятель не отказал в удивлении.

Конная моя рота и еще две пешей артиллерии в моей команде, не принадлежа никакой части войск, оставались в особенном распоряжении главнокомандующего, как резерв артиллерии. Сие особенное благоволение, привязывая меня к главной квартире, делало последним участником при раздаче продовольствия людям и лошадям, и тогда как способы вообще были для всех недостаточны и затруднительны, а мне почасту и вовсе были отказываемы, то, побуждаемый голодом, просил я о присоединении моей команды к которым-нибудь из войск. Мне в сем было отказано. Австрийский генерал Кинмейер, не имея при войсках конной артиллерии, просил о присоединении к оным моей роты, и я дол-

жен признаться, что совсем не жалел, когда главнокомандующий не изъявил на то согласия, ибо лучше хотел я терпеть вместе с товарищами.

22 октября при местечке Амштеттен (где Багратион понес большой урон) Милорадович приказал коннице ударить на колеблющегося неприятеля, и Мариупольского гусарского полка подполковник Игель-стром, офицер блистательной храбрости, с двумя эскадронами стремительно врезался в пехоту, отбросил неприятеля далеко назад, и уже гусары ворвались на батарею. Но одна картечь – и одним храбрым стало менее в нашей армии. После смерти его рассыпались его эскадроны и неприятель остановился в бегстве своем. За два дня пред тем, как добрые приятели, дали мы слово одному другому воспользоваться случаем действовать вместе, и я лишь только узнал о данном ему приказании атаковать, бросился к нему на помощь с конною моею ротою, но уже не застал его живого, только остановив неприятеля движение, дал способ эскадронам его собраться и удержаться на месте[13].

Я продолжал канонаду, а между тем устроились к атаке гренадерские батальоны Апшеронского и Смоленского полков, и сам

Милорадович повел их в штыки. Ободренные присутствием начальника, гренадеры ударили с решительностью, и неприятель, далеко прогнанный, скрылся в лес и не смел показаться.

При Амштеттене в первый раз был я в сражении против французов, и в службу мою в первый раз с конною артиллерией, которой употребление я так мало знал, как и все другие. Возможность двигать ее удобнее прочей артиллерии истолковала мне обязанности поспевать всюду, и потому я попал с гусарами. Впрочем, мне удалось предупредить неприятеля, и я, заняв одно возвышение, не допустил устроить батарею, которая могла делать нам большой вред.

Генерал Милорадович чрезвычайно благодарил меня, конечно не за исполнение его приказаний, ибо удачное действие принадлежало случаю, и я смею подозревать, что ему нелегко было бы приказать что лучшее; не менее того еще, как офицеру неизвестному,

весьма приятно было, что начальник отзывается с похвалою.

По отступлении армии к Кремсу аррьергард генерала Милорадовича остался при самом разделении дорог, дабы сколько возможно продлить неведение неприятеля о направлении нашей армии. Его усилили конницею, и князю Багратиону приказано находиться в самом ближайшем расстоянии. Передовые посты наши из венгерских гусар довольно далеко впереди занимали между лесами выгодное расположение, и неприятель не мог видеть ни малочисленности нашей, ни занимаемого нами места. С передовых постов дано знать, что прислан парламентар, объявляющий желание начальника французского авангарда переговорить о деле о генералом Милорадовичем. Приехавши на место, Милорадович не застал уже французского генерала, который, долго дожидавшись, отправился в свой лагерь, оставив капитана с данным от него поручением. После довольно несвязного разговора французский капитан сделал предложение свести передовые наши посты, присоединяя обещания, что они в продолжение дня со

стороны своей ничего не предпримут. Отвратительная наружность негоциатора определяла меру заслуживаемого им доверия. Милорадович, исполненный мечтаний об офицерских блаженных временах, когда на каждом перекрестке встретившийся выставлял себя за образец чести и добродетели, где между неизвестными заключались вечные узы дружбы и малейшее сомнение в верности было преступлением, Милорадович не дерзнул оскорбить рыцаря недоверием к словам его и, как должно, не спросив его об имени, приказал снять посты. Я был свидетелем сего свидания и подозревал, что нам выгоднее бы было иметь дело вместо Наполеона с Франциском I.

Только что стали мы приближаться к своему лагерю, как получили известие, что, когда оставили места свои войска, составлявшие передовую стражу, и начали собираться, неприятель напал на них в больших силах, преследует уже их не в дальнем расстоянии и что вслед идет немалое число войск. Вскоре появился неприятель и занял все окрестные возвышения, так что в виду его отступление делалось весьма опасным. Не знаю, кто умел

склонить Милорадовича отменить приказание послать помощь отступающим гусарам, ибо иначе произошло бы дело, по неудобству местоположения для нас, без сомнения, невыгодное. Итак, не выходя из лагеря, устроились мы в боевой порядок и приготовились к отражению. Неприятель двинул сильную пехоту на правый наш фланг, слабейший положением, и заставил нас обратить в ту сторону и силы наши и внимание, а в то самое время против левого нашего крыла большим отрядом кавалерии произвел обозрение в тылу нашем, где не могло укрыться от него, что кроме войск князя Багратиона не имели мы другого подкрепления. По счастью нашему, неприятель не мог прежде вечера кончить обозрение, по той причине, что кавалерия его принуждена была сделать большой обход вокруг леса, мимо коего кратчайший путь лежал под выстрелами наших батарей. Итак, наставший вечер не допустил ничего предпринять решительного, и Милорадович избежал наказания за непростительную ошибку, которую надобно было поправить потерю многих голов. Неприятель не застал бы

головы у Милорадовича, ибо, невзирая на бесстрашие, она была в величайшем замешательстве. В полночь разложив весьма большие огни, мы беспрепятственно отступили, и я признаюсь, что не менее рад был многих.

На другой день, по прибытии в Креме, заняли мы арьергардом предместье Штейн. Маршал Мортье приблизился к самым воротам города, и началась весьма горячая перестрелка.

Главнокомандующий располагал дать войскам отдохновение, и нужно было исправить одежду и обувь солдатам, поврежденные непрерывными дождями в продолжении целого месяца, и для того нельзя было терпеть неприятеля в столь близком расстоянии. Генерал Милорадович получил повеление атаковать его, и одна неустрашимость и предприимчивость его могли восторжествовать!

Артиллерия по неудобству местоположения мало была в употреблении, и потому во все время сражения находился я при генерале Милорадовиче, и могу судить, что оно в своем роде было одно из жесточайших, и войска наши оказали возможной степени мужество. Ре-

шительное окончание дела произведено искусным направлением войск, в команде генерала Дохтурова бывших; но генералу Милорадовичу, по справедливости, принадлежит большее участие в успехе, ибо до того сбил он неприятеля со всех высот, ближайших к городу, невзирая на твердость его позиции.

...Вскоре после сражения получено известие, что неприятель овладел Веною без сопротивления.

...Главнокомандующий ускорил отступление... и мы от стороны Вены не опасались уже быть отрезанными. Дабы избегать сражения всеми силами и по превосходству неприятеля не подвергнуться, без всякого сомнения, поражению, главнокомандующий решился противопоставить неприятелю арьергард князя Багратиона и он оставлен близ города Голдабруна (откуда удачно совершил отступление).

...Главнокомандующий прошел город Брюнн и соединился с армией графа Букстевдена. Государь вместе с австрийским императором находился в крепости Ольмюц...

Таким образом, в происшедших с неприятелем

телем делах, во все время отступления от Браунау и до Брюнна, генерал Кутузов, против многочисленных сил приобретши успехи при Ламбахе и Амштеттене и совершенную победу при Кремсе, довел войска если несколько и утомленные быстротою движения, но с наилучшим духом и ничего не потерявши, кроме одной пушки при Ламбахе. Сия ретирада по справедливости поставляется в числе знаменитых военных событий нынешнего времени. Между соединившимися армиями приметна была чрезвычайная разность. Пришедшая из России была совершенно сбережена и в наилучшем устройстве. Наша напротив потерпела от продолжительных трудов, изнемогла от недостатка продовольствия, от ненастного времени глубокой осени. Одежда войск истреблена была на бивуаках, обуви почти вовсе не было. Самые чиновники были в различных и даже смешных нарядах.

Государь выехал навстречу армии и, судя по приветствиям, которыми удостоил многих, казалось, доволен был службою храбрых и верных войск его. Между прочими изъявил и мне за службу благоволение. (Ермолов в

продолжении этого отступления приобрел полную благосклонность главнокомандующего, так что получил прозвание в армии: L'enfant gate du general[14].) Государь приказал дать армии отдохновение.

Армии по соединении расположились у самой крепости Ольмюц...

...В Ольмюце нашел я инспектора всей артиллерии, графа Аракчеева, в том же могуществе при государе, с тем же ко мне неблагоприятным расположением, невзирая на лестное свидетельство главнокомандующего на счет мой. Едва имел я к нему доступ и никогда ни малейшего ободрения, тогда как многим другим оказывал он сильное свое покровительство. Тут по сравнению выгод, приобретенных другими, почувствовал я, как невыгодно не нравиться сильному начальнику, который и то считает за благодеяние, что, утесняя невинно, не погубляет!

Армии наши получили повеление выступить вперед. Генерал Кутузов был противоположного мнения, и рассуждения на сей предмет были различные... По малому значению или, лучше сказать, по совершенному незначению

моему в армии, не мог я знать точных намерений начальства, но общая молва была, что государь не согласен с мнением г. Кутузова и согласился на предложения австрийцев.

Я с конноартиллерийскою ротой находился при кавалерийской дивизии генерал-адъютанта Уварова, которая пред некоторою частью армии составляла передовое войско. На четвертый день около вечера (по дороге к Брюнну) встретились мы с неприятельскою кавалерией в малых силах; перестрелка была незначаящая, и кавалерия прогнана. Темнота ночи остановила нас на вершинах одного возвышения в хорошем местоположении. Недалеко позади стала на бивуаках вся армия. Впереди нас изредка видны были неприятельские огни, которые, казалось, означали цепь передовой стражи. В армии был слух, и почти все верили, что неприятель уходит. Около полуночи у подошвы возвышения, на котором стояла наша дивизия, в одно мгновение загорелись огни, охватившие большое пространство. Мы увидели обширные бивуаки и движение великого числа людей, что

наиболее утвердило многих во мнении, что неприятель не ищет даже скрывать своего отступления. Напротив того некоторым казалось сие подозрительным. Мы узнали вскоре, что огни означали торжество в честь Наполеона и зажжены были в его присутствии.

Генерал-адъютант Уваров позван был в главную квартиру, откуда возвратился в скором времени. Немедля за ним прислан офицер с «диспозициею» на нескольких листах, наполненною трудными названиями селений, озер, рек, долин и возвышений и так запутанною, что ни помнить, ни понимать не было никакой возможности. Списать не было позволено, ибо надобно было успеть прочитывать многим из начальников и весьма мало было экземпляров. Я признаюсь, что, выслушав оную, столько же мало получил о ней понятия, как бы и совсем не подозревал о ее существовании. Одно то ясно было, что назавтра атакуем мы неприятеля.

Ф. Вендармини. Портрет Ф.П. Уварова

Еще до рассвета выступила армия, опасаясь, по-видимому, чтобы неприятель не успел

уйти далеко. Войска на марше должны были войти в места, по «диспозиции» для них назначенные, и потому начали колонны встречаться между собою и проходить одна сквозь другую, отчего произошел беспорядок, кото-

рый ночное время более умножало. Войска разорвались, смешались, и, конечно, не в темноте удобно им было отыскивать места свои. Колонны пехоты, состоящие из большого числа полков, не имели при себе ни человека конницы, так что нечем было открыть, что происходит впереди, или узнать, что делают и где находятся ближайшие войска, назначенные к содействию. Генерал Милорадович в моих глазах выпросил по знакомству у одного шефа полка двадцать гусар для необходимых посылок. К сему прибавить надобно, что ни одна из колонн не имела впереди себя авангарда. Общий авангард всей армии находился весьма мало впереди и на самой конечности правого фланга, так что собою не закрывал он ни одной колонны, и армия в движении своем совершенно была открыта. Дивизия генерал-адъютанта Уварова отведена была далеко назад, чтобы потом перейти ближе к правому флангу, где вся почти кавалерия соединена была особенно.

Таким образом колонны подвигались вперед в полной беспечности, и между ними допущены были большие пространства, в том

предположении, что, приближаясь к неприятелю, войдут они в надлежащее боевое устройство.

С началом дня, когда полагали мы себя еще в довольном расстоянии от неприятеля и думали поправить нарушенный темнотою ночи порядок, мы увидели всю французскую армию, стоящую в боевом порядке, и между нами не было двух верст расстояния.

Из сего заключить можно, сколько достоверные мы имели известия об отступлении неприятеля и чем обязаны премудро начертанной австрийской диспозиции, которая более похожа была на топографическое описание Брюннского округа, нежели на начертание порядка, приготавливающего целую армию к бою.

Совершенная готовность неприятеля доказывает, что он предуведомлен был о нашем предприятии, ибо не почитал за нужное открывать следования нашего, и даже до самой занимаемой им позиции не было ни одного пикета. Войска его оставались в бездействии, удивленные странным явлением, ибо трудно было предположить, чтобы могла армия в

присутствии неприятеля, устроенного в боевом порядке, совершать подобное движение, не имея какого-нибудь хитрого замысла. К тому же неровности местоположения скрывали силы наши. Когда же перешли мы болотистый и топкий ручей и многие из колонн вдали в селения, лежащие между озер по низкой долине, простирающейся до подошвы занимаемых неприятелем возвышенностей, когда обнаружались все наши силы и несообразные между колонн промежутки, открылся ужасный с батареей огонь, и неприятель двинулся к нам навстречу, сохраняя всегда выгоду возвышенного положения. Некоторые из колонн наших в следовании их были атакованы во фланг и не имели времени развернуться. Другие хотя и устроили полки свои, но, лишены будучи содействия и помощи других войск, или даже окруженные, не могли удержаться против превосходных сил, и в самое короткое время многие части армии нашей приведены были в ужаснейшее замешательство. Самые начала действий, собственно по предположению, что неприятель в отдалении и войска успеют соединиться, не

согласовались с диспозицией, а потому и перемены необходимо не соответствовали предначертанной цели. Действия сделались частными, связи между войска не существовало, и сблизиться они не имели возможности. Пространства между ними столько были велики, что гвардейский корпус, под начальством его высочества цесаревича, назначенный составлять резерв, должен был при самом начале сражения вступить в первую линию и по необходимости столько занять места, что не мог он отделить ничего на составление второй линии. Левый фланг, под командою генерала графа Буксгевдена, занимая ту самую высоту, где прежде находилась дивизия генерал-адъютанта Уварова, удерживался довольно долго и отступил с меньшею потерей людей, но батарейные 24 орудия, бывшие в долине, и часть пехоты у их прикрытия достались во власть неприятеля. Изломавшийся под передним орудием мост остановил прочие в следовании. Колонны, находившиеся в центре: генерала Милорадовича – по долгом сопротивлении, рассеяна; генерал-лейтенанта Пршибышевского, неосторожно проходя

селение, окружена и, потерпев большой урон, чрезвычайно много потеряла пленными, в числе коих и сам попался начальствующий колонною; генерал-лейтенанта графа Ланжерона, по неудобству места, недолго сопротивляясь, также много потеряла. Полки лейб-гвардии сделали несколько удачных атак, но в них не было связи, и люди, не привыкшие к войне, увлечены будучи храбростью, бесполезно истощив усилия, понесли большой урон. С отличною неустрашимостью действовали полки кавалергардский и конвой гвардии, и часть сего последнего, врубившись в конницу, взяла одного орла, но общий испытан жребий, была опрокинута с потерею.

Неприятель, одержав сии успехи, умножил войска свои против авангарда князя Багратиона, расположенного на конечности правого фланга, и против кавалерийских дивизий генерала-лейтенанта Эссена 2-го и генерал-адъютанта Уварова, которые до того сохранили места свои единственно по той причине, что неприятель, обратив внимание в другую сторону, их истребление определил в последствии. Вся сия кавалерия состояла в команде

австрийского генерала князя Лихтенштейна. Многие из полков врубались в неприятельские войска, но должны были уступить превосходным силам.

При самом начале сражения генерал-майор Меллер-Закомельский с уланским полком его высочества цесаревича сделал блистательную атаку, опрокинул противоставшую кавалерию, рассеял часть ближайшей пехоты, но тяжелая его рана пресекла его успехи, оставила его во власти неприятеля у самых пушек, которым угрожала его храбрость, и полк рассеянный обратился. В кавалерии нашей, точно как и в других войсках, действия по большей части были частные, без всякого взаимного вспомоществования. Итак, с одного крыла и до другого войска наши по очереди одни после других были расстроены, опрокинуты и преследуемы.

Потеря наша наиболее умножилась, когда войска стеснились у канала чрезвычайно топкого, на котором мало было мостов, а иначе, как по мосту, перейти чрез оный невозможно. Здесь бегущая конница наша бросилась вброд и потопила много людей и лоша-

дей, а я, оставленный полками, при коих я находился, остановил свою батарею, предполагая действием оной удержать преследующую нас конницу. Первые орудия, которые мог я освободить от подавляющей их собственной кавалерии, сделав несколько выстрелов, были сняты, люди переколоты, и я достался в плен[15]. Дивизия генерал-адъютанта Уварова, столпившись у моста, имела время осмотреться, что она бежала от малого числа неприятеля и что главные его силы, остановившись на возвышениях, не спускались в долину. Прогонявшие нас были обращены в бегство и истреблены, и мне чрез самое короткое время возвращена свобода, когда уже я был близко от французской линии. Я обязан свободою Елисаветградского гусарского полка полковнику Василию Ивановичу Шау[16], который догнал меня с несколькими человеками Харьковского драгунского полка. При нем не было ни одного человека полка, к которому он принадлежал, почему судить должно о беспорядке.

Присоединясь к остаткам истребленной моей роты, нашел я дивизию в величайшем

беспорядке у подошвы холма, на коем находился государь. Холм занят был лейб-грендерским полком и одною ротою гвардейской артиллерии, которые не участвовали в сражении и потому сохранили устройство. При государе почти никого не было из приближенных, на лице его изображалась величайшая горесть, глаза были наполнены слезами. Здесь можно было видеть части почти всей армии, и если премудрая «диспозиция» нас разделила, то бегство соединило многих. На месте сражения оставили мы более шестидесяти орудий, и армия отступила. Войска генерала князя Багратиона потерпели урон несравненно менее прочих; часть пехоты его приведена была в замешательство неприятельскою конницею, но она, не будучи поддержана в своих успехах, дорого поплатилась за свою дерзость, тем не менее, однако же, потеряно несколько пушек. Из сих войск составлен арьергард в команде князя Багратиона. На прямейшей дороге к городу Аустерлицу, чрез который должны были проходить наши войска, учрежден большой пост, который поручен мне в команду, вероятно, потому, что

никто не желал принять сего неприятного назначения. Пост сей состоял из одной роты лейб-гренадерского полка, одной сотни лейб-казаков, одного эскадрона спешенных драгун Черниговского полка, одного эскадрона лейб-кирасирского ее величества, одного эскадрона Елисаветградского гусарского полков и двух орудий конной артиллерии. Приказано разложить большие огни и петь песни. Сего последнего не было исполнено, ибо не было расположения к веселости.

По счастью нашему, время клонилось к вечеру, и неприятель далее болотистого канала нас не преследовал.

Я с отрядом войск обязан спасением тому презрению, которое имел неприятель к малым моим силам, ибо к совершеннейшей победе не мог он желать прибавить несколько сотен пленных. Но когда нужен был ему водой, он довольствовался тем, что отогнал передовую мою стражу от канала. Я должен был выслушивать музыку, песни и радостные клики в неприятельском лагере. Нас дразнили русским кликом «Ура!».

Пред полуночью я получил приказание

отойти, что должно было последовать гораздо прежде, но посланный офицер ко мне не доехал. В городке Аустерлице, давшем имя незабвенному сражению, нашел я арьергард князя Багратиона, который не хотел верить, чтобы могли держать меня одного в 6 верстах впереди, и не восхитился сим распоряжением генерал-адъютанта Уварова. Прошедши далее 4 версты, прибыл я к армии, но еще не все оной части собраны были, и о некоторых даже не было известия, беспорядок дошел до того, что в армии, казалось, полков не было, видны были разные толпы. Государь не знал, где был главнокомандующий генерал Кутузов, а сей беспокоился насчет государя. Я должен был явиться генерал-адъютанту Уварову, и сей был в восхищении, что украшенным донесением мог придать важность отряду его собственного изобретения.

Не дожидаясь присоединения оторвавшихся частей, армия в продолжение ночи пошла далее. На рассвете стали собираться разбросанные войска, и около 10 часов утра появилась неприятельская кавалерия, наблюдавшая за нашим отступлением. В сей день, по

причине совершенного изнурения лошадей, оставили мы на дороге не менее орудий, как и на месте сражения.

Вскоре узнали мы, что австрийский император заключил перемирие с Наполеоном, обязавшись немедленно приступить к переговорам о мире, и мы уже не могли ожидать вспомоществования австрийцев.

Армия наша прибыла в местечко Голич на границе Венгрии, чрез которую лежал нам путь. Отовсюду окружены мы были французскими отрядами конницы, и арьергард наш находился уже в самом близком расстоянии от армии, дабы не подвергнуться опасности быть отрезанным.

В перемирии, заключенном с австрийским императором, упомянуто было, что русские беспрепятственно отступают в свои пределы, но время и направления были назначены.

Кажется, в сем снисходительном позволении не имели мы нужды, ибо неприятель следовать за нами в такую страну, какова Венгрия, и в позднее время осени не мог. Не мог также быть уверенным, чтоб Австрия, имея в готовности армию эрцгерцога Карла и войска

эрцгерцога Фердинанда, расположенные в Цнайме, не усмотрела выгоды перервать перемирие, что Наполеона поставило бы в самое затруднительное положение.

Я не описал Аустерлицкого сражения с большою подробностью, ибо сопровождали его обстоятельства столько странные, что я не умел дать ни малейшей связи происшествиям. Случалось мне слышать рассуждение о сем сражении многих достойных офицеров, но ни один из них не имел ясного о нем понятия, и только согласовались в том, что никогда не были свидетелями подобного события. Нет сомнения, что впоследствии составятся описания, но трудно будет дать им полную уверенность, и скорее могут быть с точностью определены частные действия, нежели соотношения их между собой и согласования действий со временем.

О сражении Аустерлицком можно, кажется, сказать, что каждой части войск представлено было действовать отдельно, с условием притом ни себе не ожидать, ни другим не давать вспомоществования, и для лучшего

успеха полезно было бы даже забыть, что на том же самом поле и в то же самое время были еще другие русские войска.

Так разделенных нас и лишенных взаимного вспоможения предоставила судьба пред лицом неприятеля, и он, трепещущий имени русского, осмелился быть победителем!

«Non adeo has exosa manus victoria fugit.
Vergilius»[17].

В половине января месяца 1806 года армия наша, возвратясь в свои пределы, расположилась на квартирах в Волынской губернии.

Я с ротой моею отправлен в 3-ю дивизию генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена, расположенную около местечка Щавель Виленской губернии.

В непродолжительном времени вышли за прошедшую войну награды. Многие весьма щедрые получили за одно сражение при Аустерлице, мне за дела во всю кампанию дан орден Св. Анны 2-й степени, ибо ничего нельзя было дать менее. Напоследок по отличному отзыву обо мне главнокомандующего и ходатайству генерал-адъютанта Уварова

я произведен в полковники, обойдя одного старее меня в чине. По расположению ко мне начальства, я должен был и то принять за величайшую награду, хотя в одном чине был я без малого девять лет.

...В помощь Пруссии назначена армия под начальством генерала барона Беннигсена. В состав сей армии поступили свежие войска, не бывшие в прошедшем походе, и она состояла из 2-й дивизии генерал-майора графа Остермана Толстого, 3-й генерал-лейтенанта барона фон дер Остен-Сакена, 4-й генерал-лейтенанта князя Голицына, 6-й генерал-майора Седморацкого. Кавалерия непосредственно принадлежала дивизиям, но, по обстоятельствам отделяемая от оных, составлялась особыми частями.

Под начальство генерала графа Буксгевдена поручена другая армия, также из четырех дивизий состоящая.

Наполеон... при городе Ауэрштедте совершенно разбил прусские войска... пошел с армией к Варшаве, извещен будучи о приближении к ней наших войск.

В Белостоке сошлись (наши) армии, и на-

чальствующими ими, не будучи приятелями прежде, встретились совершенными злодеями.

Наполеон занял Варшаву.

В сие время прибыл к командованию обеими армиями генерал-фельдмаршал граф Каменский. Опытный начальник при первом взгляде увидел, сколько опасно положение войск наших, рассыпанных на большом пространстве. Он приказал поспешнее собрать войска. Близость неприятеля не допускала сделать того иначе, как отступивши некоторое расстояние.

Армия наша начала сосредоточиваться отступая... не могли, однако же, некоторые части войск избежать неравной борьбы с неприятелем... При местечке Лопачин атакован был превосходными силами генерал-майор граф Пален (Петр Петрович). Он шел на сборное место дивизии и от оногo находился не более 1 мили с половиной. Столько не безопасны были сообщения между войск наших. Граф Пален имел к отступлению кратчайшую дорогу на местечко Голымин и ту выгоду, что лесистые места препятствовали неприятелю

действовать многими силами, а сверх того в Голымыне он мог найти наши войска. Но должно отдать справедливость благоразумной предусмотрительности его, что, невзирая на большие гораздо трудности, он взял направление на отряд генерал-майора Чаплица, расположенный у местечка Цеханов, который плаче был бы отрезан и впоследствии мог быть уничтожен. При сем отряде находился я с тремя ротами артиллерии и легко мог видеть, что направление его на Цеханов не приносило никакой пользы, но было следствием одного неблагоприятного распоряжения графа Буксгевдена. Фельдмаршал, узнав о том и сделав строгое замечание за нелепое раздробление сил, приказал отряду немедленно возвратиться, но уже мы были на месте и, утомленные грязною чрезвычайно дорогой, не могли тотчас выступить обратно. По счастью, генерал граф Пален искусным сопротивлением продлил сражение и не прежде присоединился к отряду генерала Чаплица, как уже поздно вечером, и потому неприятель не мог воспрепятствовать нам соединиться с войсками при местечке Голымыне.

Когда на другой день возвращались мы к нему, неприятель проходил по той прямой дороге, о которой сказал я выше, но мы одним часом времени его предупредили.

Прибыв в Голымин 14 декабря, нашли мы 7-ю дивизию генерал-лейтенанта Дохтурова, 5-ю генерал-лейтенанта Тучкова, 1-ю и часть 4-й дивизии генерал-лейтенанта князя Болицына из армии генерала Беннигсена.

Неприятель начал перестрелку. Войска его были в малых силах и по большей части состояли из кавалерии под начальством принца Мюрата. Ужасное превосходство было на нашей стороне, и если топкие места покоряли нас не самому выгодному устройению войск, которые расположились на двух дорогах, почти под прямым углом сходящихся, то неприятель менее имел удобства, занимая средину, лесом и мелким кустарником покрытую. Против восьми его пушек мы имели до восьмидесяти орудий, вся 5-я дивизия нашла излишнею по тесноте местоположения и составляла резерв, тогда как неприятель не имел других стрелков, кроме спешенных конных егерей. Совершенно от нас зависело уни-

чтожить принца Мюрата, но мы довольствовались пустою перестрелкой, и Мюрат был атакующим. В течение непродолжительного времени пришла сильная неприятельская кавалерия, но число артиллерии его не увеличилось, ибо она по причине болотистых мест и дорог, в то время года непроходимых, не могла следовать равною с нею скоростью. Та же самая причина препятствовала пехоте, и она прибыла в весьма незначительном количестве.

По старшинству, думать надобно, командовал с нашей стороны генерал Дохтуров, но справедливее сказать, не командовал никто, ибо, когда послал я бригадного адъютанта за приказанием, он, отыскивая начальника и переходя от одного к другому, не более получаса времени, был по крайней мере у пяти генералов и ничего не успел испросить в разрешение. Между тем неприятель сделался предприимчивее и непонятным образом успел обойти левое наше крыло, что не иначе могло произойти, как от нашей оплошности, но избыток сил вскоре восстановил порядок. Должно отдать справедливую похвалу храбрости

генерал-майора князя Щербатова: когда полк его, Костромской мушкетерский, расстроен будучи большою потерею, должен был уступить удачной атаке неприятеля, он взял знамя, бросился вперед, и неприятель обратился в бегство. К вечеру стали очевидно уменьшаться войска наши и заметны были многие в линиях интервалы. Легко было понять, что не таков должен быть порядок при отступлении и что войска отходили, конечно, не по приказанию, но по произволу. Долго не смел я отступить без приказания; согласил я подполковника князя Жевахова с двумя эскадронами Павлоградского гусарского полка идти, и мы отправились в ту сторону, где видно было более отступающих. Пройдя местечко Голымин, взял я направление на местечко Маков. Правый фланг войск наших, состоявших из отряда генерал-майора Чапдица, видя, что левый фланг отступил, и никак не ожидая, чтобы местечко Голымин, занимавшее центр нашей позиции, могло быть оставлено нами прежде, нежели пройдут последние войска, беспечно подошел к нему, но у самого местечка встречен был картечными выстрелами.

Внезапный сей случай привел в замешательство Екатеринославский и Владимирский мушкетерский полки, темнота способствовала беспорядку, и два орудия достались в добычу неприятелю.

Таким образом кончилось сражение, имевшее для нас одну ту пользу, что мы развлекли силы неприятеля и собою заняли некоторую часть оных. Но простителен ли подобный расчет, когда употреблены на то средства в три раза более тех? Что бы с таковыми сделал Наполеон?

В 5 верстах от Голымина, в селении Ключницы, нашел я в господском доме несколько генералов, и, конечно, они не вместе с нами приехали, ибо застал уже их спящих, а на полу остатки кушанья свидетельствовали, что сон не происходил от голода.

В отступлении от Голымина, не будучи преследуемы, ниже почти наблюдаемы неприятелем, оставили мы около сорока пушек большею частью батарейной артиллерии, единственно по причине крайнего изнурения лошадей и дорог, непроходимых от

чрезвычайной грязи. Той же участи должна была подпасть и моя рота, но, захватив брошенных выпряженных лошадей от других рот, я избавился стыда лишиться орудия без выстрела.

В тот же самый день, как при Голымыне, произошло в Пултуске главное сражение... Генерал Беннигсен, не поколебав твердости своей и самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнув к последним средствам и резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в штыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против штыков. Войска его, потеряв взаимную связь и не довольно будучи сильными остановить успехи на сем пункте, и сами (потеряли?) в скором удалении средства спасти от поражения разорванные части, и мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не допустил Наполеона поправить неудачу, ибо необходимо было некоторое время для приведе-

ния в порядок распуганных войск, прежде нежели приступить к какому-либо предприятию. Итак, твердость генерала Беннигсена самое опасное положение обратила в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть их и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников.

После сражения при Пултуске и Голымыне армиям надлежало идти за неприятелем или по крайней мере остановиться... Граф Буксгевден, желая сделать г. Беннигсену вред или собственно по недоумению, продолжал выполнять повеление фельдмаршала об отступлении, вынужденное самою крайностью... но силу коего изменить должны были необходимо происшествия того дня

В день сражения фельдмаршал граф Каменский в десять часов поутру был в Голымыне и сам назначил посты для казачьего Малахова поста, предвидя важность сего места, к которому приказал войскам прибыть поспешнее. А дабы не потерять времени в переписке, послал от себя прямо к начальнику от-

ряда, отправленного в Цеханов, чтобы он скорее возвратился в Голымин, поставя ему на вид, что одною быстротою движения может избежать опасности быть отрезанным. Фельдмаршал был также в Пултуске во время сражения, но, когда после оногo необходимо было войскам общее распоряжение, согласно переменившимся неожиданно обстоятельствам, уже дан был приказ армиям, что он оставляет их по причине болезни, и отправился в Гродно.

Во всяком случае сделал он непростительный поступок, ибо присутствие его при армии тем необходимее было, что он не полагал важным кончить с выгодою сражение при Пултуске, а по отъезде его и малейшая неудача, при несогласии начальников, могла иметь бедственные последствия. Армия сожалела об его отъезде, ибо на опытность его и прежнюю знаменитость полагали большие надежды[18]. Между начальниками были рассуждение, что ни к чему доброму не поведет известная вражда командующих армиями.

Генерал Беннигсен, лишен будучи выгод одержанной победы, нашелся в необходимо-

сти оставить место, ибо граф Буксгевден, отступая, открывал неприятелю дорогу в тыл его расположения и потому, взяв направление на местечко Рожаны, в городе Остроленке перешел на левый берег Варева.

Генерал граф Буксгевден туда же отступил через местечко Маково. Здесь оставлен был арьергард в команде генерал-майора Маркова для прикрытия армии, переходившей за реку. До самой ночи с чрезвычайно медлительностью продолжалось движение. В беспорядке теснились обозы на длинном мосту, а уже неприятель, вышедши из лесов в больших силах, занял позицию недалеко от местечка. Нельзя было в короткое время разрушить мост, и потому опасно было, чтобы неприятель, пользуясь темнотою ночи, не овладел им.

С позволения начальника послал я команду и приказал ей зажечь два квартала, прилежащие к мосту, дабы осветить приближение неприятеля, если бы покусился он идти на оный. Два раза подходили его войска, и в некоторых местах осматривали броды, большая часть сорока орудий, которыми я коман-

довал, употреблены были на защиту оных, и трудно было успеть в том. Потеря от канонады должна была быть значительною, и мы успели разрушить часть моста. Мне грозил наказанием за произведенный пожар, в главной квартире много о том рассуждали и находили меру жестокою. Я разумел, что после хорошего обеда, на досуге, а особливо в 20 верстах от опасности, не трудно щеголять великодушием. Вняли, однако же, моим оправданиям!

Обе армии составлены в одну под начальством генерала барона Беннигсена, а граф Буксгевден отозван в Россию...

Главнокомандующий получил приказание (1807) выступить в Пруссию, и армия, в самых последних числах декабря, пошла по направлению на Кольно, Бялу, Иоаннисбург и далее. Составлены три передовых отряда, из коих сильнейший дан в команду генерал-майора Маркова, другие два поручены генерал-майорам: Барклаю де Толли и Багговуту. Авангарду генерала Маркова, в котором определен я начальником артиллерии, назначено следовать на Арне, Рейн, Растенбург, Россель до Гейль-

сберга. Армия в близком расстоянии двинулась по тому же направлению.

Слышно было, что неприятель левым крылом своим потянулся также в Пруссию. В скором времени около Николайкена и Зесбурга появились конные его партии для наблюдения за движениями нашими. От нас отряжены таковая же, и они, при помощи жителей, в земле мало открытой, изрезанной множеством озер, приносили большую пользу. В Николайкене схватили они несколько человек.

12 января авангард, прибывши в селение Эльдиттен, узнал от жителей, что в городе Либштадте расположен отряд французских войск, от которого, не более получаса назад, приходил в селение заезд для узнания, нет ли о русских каких-либо слухов. Мы в сей день сделали довольно большой переход, и потому генерал Марков, дабы употребить людей менее усталых, приказал вызвать охотников. Большое число объявили себя таковыми, но, когда предложено было 5-му егерскому полку и люди узнали, что идет сам шеф полковник Гоголь, общий отзыв был, что не останется ни один человек, ибо равно все идти желают, и,

не сделав даже привала, полк выступил немедленно. Я упросил послать два орудия и с ними пошел сам, чтобы свидетелем быть происшествия.

В двух верстах от Либштадта возвышенности, которые должны мы были проходить, открыли нас неприятелю, и тотчас по городской стене и в воротах начала пехота готовиться к обороне, но приметно было, что она не в большом количестве. Егеря наши, заняв прилежащее к городу кладбище, вошли в перестрелку, а между тем приспела и линейная пехота, расположилась против ворот, от которых продолжалась главная улица. Полковник Юрковский с двумя эскадронами Елисаветградского гусарского полка ворвался в город с боковой стороны оною, и в то же время пехота ударила в штыки. Неприятель приведен в замешательство и, столпясь в тесных и кривых улицах, потерпел большой урон, а те, кои бежали из города, ожидаемы были казаками храброго подполковника Сысоева, который стремительно их преследовал. Из пушек наших не сделано ни одного выстрела. В плен досталось нам 22 штаб- и обер-офицера и бо-

лее 300 человек. Гусарский красный полк, неизвестно почему называемый просто парижским, почти употреблен (истреблен?) при сем случае. Оставивши в городе небольшой кавалерийский пост, генерал Марков возвратил полки в селение Эльдиттен, где утомленным войскам готова была пища и покойный ночлег. Мы в сии сутки в походе и действии были 16 часов.

По диспозиции из главной квартиры 13 января авангарду назначен ночлег в городке Морунген, и мы выступили с рассветом. Впереди, с Елисаветградским гусарским и двумя донскими полками, полковник Юрковский, прогоняя перед собою неприятельские пикеты, только лишь взошел на хребет небольших возвышенностей, у подошвы коих оканчивается пространная равнина, в которой лежит Морунген, увидел он устроенного в боевой порядок неприятеля довольно сильного. Полковник Юрковский имел неосторожность спуститься в равнину, и неприятель встретил его своею кавалерией. Прибыл, ускоривши движение, авангард, и нашел, что, теснимый превосходною кавалерией, отступает он к од-

ной мызе, в которой прямая улица могла быть обстреливаема неприятельскою артиллерией. Немедленно привел я свою конную роту, и, превосходством огня и преимуществом возвышенного местоположения отогнав батарею, доставил я нашей коннице удобное отступление. Ей приказано было расположиться позади войск.

...Увидели мы на расстоянии двух пушечных выстрелов, по дороге от местечка Голланд (единственной, по которой должны мы отступить), выходящую из леса пехоту. Против правого фланга нашего, устроясь в боевой порядок, прикрытая кавалерией, начала она подвигаться вперед. Схваченные фланкеры показали, что прибывшие войска составляли корпус маршала Бернадота, им лично предводимый. За час до сего могли мы отойти безопасно, пропусти время, едва можно было надеяться спастись хотя бы и с большим уроном. Открытые отовсюду, не могли мы обмануть неприятеля насчет сил наших и заставить его действовать с осторожностью. При первом взгляде мог он видеть, что мы не в состоянии были противиться силам его, по

крайней мере втрое превосходным... Неприятель под сильным огнем своих батарей теснил остальную (за отбытием нескольких батальонов с генералом Марковым) часть авангарда, и мы отступали шаг за шагом. Артиллерия наша не делала других выстрелов, кроме картечных. Уже было очень темно, когда вошли мы в лес, и тогда неприятель прекратил преследование, вероятно в надежде иметь нас на другой день в своих руках. По отбытии генерала Маркова не оставалось другого генерала, и потому полковники Турчанинов (Павел Петрович), Вуич и я явились в команду старшего полковника Юрковского. Первое старание наше было отыскать дорогу, и я не менее других заботился о том, дабы не иметь стыда потерять более двадцати орудий артиллерии, но, встречая по лесу или глубокие снега или не замерзшие болота, мы не находили средства выйти. Командир Конного полка, храбрый Сысоев, отыскал место, по которому артиллерия могла удобно достигнуть большой дороги, но необходимо надлежало проходить весьма близко от неприятельского бивуака при селении Георгенталь. Конечно, сред-

ство сие спасти артиллерию было сомнительно, но так как не было другого, то решились мы испытать его. В следовании мимо бивуака французы произвели по нас ружейный огонь и мы имели несколько раненых людей, но далее мы шли в совершенной безопасности. Вскоре возвратились мы в Либштадт.

В Либштадте, в доме амтмана[19] нашли мы генерал-майора Маркова, покойно спящего после хорошего ужина[20], и с ним нескольких спутников, которые все съели, ничего нам не оставляя, как будто мы не должны возвратиться. В утешение голодному осталось любоваться пригожим станом и прелестными глазами жены амтмана, но как я был герой, совершивший ретираду, то и не был я удостоен взгляда, который, как мне сказали, мог принадлежать победителю и с самим сердцем. Побежденные не налагают контрибуции. Генерал Марков, как человек весьма ловкий, не показал удивления, видя нас возвратившихся, как будто мы только что исполнили его распоряжения. Мы заплатили ему столько же малым удивлением, когда чрез час времени приехал генерал-лейтенант

князь Багратион и принял от него начальство над авангардом.

...Мы ночевали в Морунгене, из которого незадолго вышли последние войска неприятеля.

Выступив перед рассветом 15-го числа, около селения Зонненвальд догнали неприятеля, но он не держался, разменявшись со мною несколькими пушечными выстрелами.

Дошли мы до города Дейч-Эйлау.

Авангард расположился на квартирах... Армия вся следовала за авангардом по одной дороге.

Командующий передовыми постами полковник Юрковский препроводил князю Багратиону перехваченного курьера от Наполеона к маршалу Бернадоту, с повелением прекратить отступление, которое до сего времени нужно было для того, чтоб армию нашу отвлечь за собою по направлению на Грауденц, а что между тем Наполеон соберет всю армию у местечка Адленштейн, 2-го числа февраля нового стиля, и со всеми силами нападет на растянутую нашу армию.

Особенное счастье дало нам в руки сего ку-

рьера...

Князь Багратион отправил бумаги к главнокомандующему и... разделил авангард для скорейшего движения на две колонны, из коих другая, в команде генерала Маркова, пошла чрез Остероде. В сей последней находился я с большею частью артиллерии.

Утро 22 января (2 февр. н. ст.) открыло нам сильную неприятельскую армию, и наша стояла напротив, готовая к бою.

Неприятель поражен был внезапным сим явлением... Он не решился атаковать нас, а главнокомандующий, имея нужду сблизиться со своими магазинами, дал армии приказание отступить, и она, с наставшим вечером, двинулась по направлению на местечко Ландсберг.

24-го числа января, с самого утра, догнал нас неприятель, и в таких силах, что с трудом можно было удержать некоторый порядок при отступлении. При селении Вольфсдорф неприятель стремительно напал на нашу позицию... Артиллерия во весь день была в ужасном огне, и, если бы перебитых лошадей не заменяли гусары отнятыми у неприятеля,

я должен бы был потерять несколько орудий. Конную мою роту, как наиболее подвижную, употреблял я наиболее. Нельзя было обойтись без ее содействия в лесу и даже ночью, и она направляла выстрелы свои или на крик неприятеля, или на звук его барабана. Войска ею были чрезвычайно довольны, и князь Багратион отозвался с особенною похвалой. Урон наш во весь день был весьма значителен и, по крайней мере, равен неприятельскому. Против нас дрался корпус маршала Даву...

25-го числа января выступили мы перед рассветом, чтобы, прежде нежели начнет неприятель преследование, успеть пройти соединение дорог, по коим отходили арьергард и отряд генерала Баркляя де Толли, что и удалось по желанию. От соединения дорог арьергард князя Багратиона следовал на местечко Ландсберг (для присоединения к армии) проселочною и малобитою дорогою, а туда же, не на большой дороге, чрез деревню Гоф, отправился отряд Баркляя де Толли...

...Против него соединились оба маршала (Даву и Судет) с силами пять раз превосходными.

Неустрасимый генерал Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился сам, но сие сражение не приносит чести его распорядительности, и, конечно, немудрено было сделать что-нибудь лучшего.

...Главногокомандующий рассудил за благо оставить занимаемую (при Ландсберге) позицию по причине важных весьма в ней недостатков.

Арьергард князя Багратиона в прежнем числе войск оставлен пред входом в Ландсберг. Через час после рассвета арьергард прошел Ландсберг, расположился в ближайшей к нему позиции, в местечке оставлен сильный отряд пехоты и у ворот несколько орудий. Спустя довольно долгое время, в больших силах неприятель приблизился к местечку и, отвлекая внимание канонадою, двинул гораздо большие силы на правый наш фланг. Обратившись против оных и способствуемы местоположением, долго дрались мы упорно, наконец быстро перешли мы поле, отделявшее нас от леса. Вслед за нашею пехотой неприятель взошел в Ландсберг, и его армия в глазах наших стала собираться на прежней

нашей позиции. Видно было, что в сей (день?) не с одним неприятельским авангардом предстояло нам дело, но, к счастью нашему, пространство между Ландсбергом и Прейсиш-Эйлау по большей части покрыто все лесом. Князь Багратион отпустил назад всю кавалерию и часть артиллерии, дабы свободнее было в движениях. Все егерские полки, соединенные в местечке (были в действии), линейная пехота составляла подкрепление. До 11 часов утра дрались мы с умеренною потерей. Неподалеку нашедши разбросанные бочки с вином, которые идущие при армии маркизанта оставляли для облегчения своих повозок, спасая более дорогой товар, невозможно было удержать людей, которых усталость и довольно сильный холод наиболее располагали к вину, и в самое короткое время четыре из егерских полков до того сделались пьяными, что не было средств соблюсти ни малейшего порядка... и мы теряли их убитыми и пленными[21].

Приближаясь к местечку Прейсиш-Эйлау, арьергард вышел на открытое место, и ему показана позиция, которая заслоняла собою

местечко, позади которого на обширной равнине армия наша устраивалась в боевой порядок. В подкрепление арьергарду присланы несколько полков от 8-й дивизии и полки конницы. Мы расположились по обеим сторонам дороги, обсаженной деревьями. Двадцатью четырьмя орудиями занял я хребет довольно крутых возвышенностей на левом фланге. К подошве оных простиралась долина, по коей должен был проходить неприятель, стрелки наши лежали по ней совершенно скрытые. На правом фланге была часть кавалерии, большая часть оной поставлена позади. Неприятель, устроив на противоположной стороне батареи, открыл сильную канонаду, на которую отвечало изредка, по разности калибров, ибо не имел я ни одного батарейного орудия. Во многих пунктах спустились с высоты неприятельские колонны, но действием более сорока орудий остановлены; некоторые с приметною потерей обращены картечью. Около двух часов имели мы выгоды на нашей стороне, наконец двинулся неприятель большими силами; идущие впереди три колонны направлены: одна по боль-

шой дороге, где у нас мало было пехоты, другая – против Псковского и Софийского мушкетерских полков, и третья – против моей батареи из 24 орудий.

Шедшая по большой дороге проходила с удобностью и угрожала взять в тыл твердевший пункт нашей позиции. Прочие медленно приближались по причине глубокого снега, лежащего на равнине, и долго были под картечными выстрелами. Однако же дошла одна, хотя весьма расстроенная, и легла от штыков Псковского и Софийского полков; другая положила тела свои недалеко от фронта моей батареи. Полковник Дехтерев, с Санкт-Петербургским драгунским полком, пошел против колонны, следовавшей по большой дороге, которая, дабы отнять выгоду скорости движения по битой дороге, стала сходить в сторону, на глубокий снег. Торопливость была причиной расстройства; полк им воспользовался и, испытав слабый ружейный огонь, имел наградою за смелое предприятие одного орла и пятьсот пленных. Столько же, по крайней мере, убито, в числе их генерал, начальствовавший колонною. Мне не случилось видеть

столько решительной кавалерийской атаки; не менее удивлен я был, видевши, как полк, не расстроившись, быстро спустился с крутой, покрытой снегом, высоты, с которой несколько раз до того съезжал я с осторожностью. Не долго пользовались мы приобретенными успехами, ибо неприятель атаковал гораздо в больших силах, умножились батареи, которые покровительствовали движению колонн, и мы, не в состоянии будучи противиться, получили приказание отступить и присоединиться к армии. Неприятель тотчас же явился на нашей позиции и по следам шел за нами. Удачно исполнил я приказание, — с конными орудиями прикрывал войска, пока войдут они в Прейсиш-Эйлау. Лишь только вошел я в ворота, неприятель подвел свои колонны и приступил к атаке местечка, которого оборона возложена на генерала Баркляя де Толли. После переменного счастья местечко оставлено (за неприятелем), и к чувствительному урону в людях прибавлена потеря нескольких пушек.

Ж.А.С. Форт. Битва при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 г. Российская армия теснит

французские войска

Настало 27-е число января, и сражение Прейсиш-Эйлауское было одно из кровопролитнейших в последние времена... Главный недостаток (наш) состоял в том, что весь левый наш фланг имел против себя высоты, где неприятель поставил свою артиллерию, за ними скрывал свои движения, сосредоточивал свои силы, и трудно было отвращать нападение их. Отчего при самом начале потеряли мы некоторое расстояние. По причине близких позади лесов нельзя было отодви-

нуться далее. Местечко Преисиш-Эйлау, занимающее большое пространство, способствовало неприятелю открытым образом приближаться к самому нашему центру, в защиту которого, по необходимости, надлежало употребить большое количество батарейной артиллерии и держать постоянно на одном месте. Правый фланг был совершенно в пользу нашу, ибо впереди простиралась обширная равнина, болотистая, для действия неудобная, на которой показывались одни стрелки. Непонятно, как генерал-квартирмейстер не знал о сем болоте, и следствием того было, что не менее 12 тысяч войск стояли бесполезно, ограничиваясь пустою перестрелкой против отдаленных батарей, тогда как войска сии во многих местах были необходимее. И я, между прочим, стоял с двумя конноартиллерийскими ротами до полудня, стреляя изредка и без нужды.

Неприятель сделал несколько бесполезных атак на центр наш, уступая действию 60 поставленных вместе орудий. Нападение на левый фланг было успешнее. Не остановили его ни благоразумные распоряжения генерала барона Сакена, ни сопротивление неустра-

шимого генерал-майора графа Остермана-Толстого. Левый фланг отошел назад и составил почти прямой угол с линиею армии. Около 11 часов густой снег затмил свет, и действия прекратились на четверть часа. В сие время, обманутые темнотою, два эскадрона французских гвардейских кирасир заехали между наших линий пехоты и конницы, и едва некоторые из них спаслись. Рассеявшийся мрак открыл пред 7-ю дивизией колонну французской пехоты во ста, не более, шагах. Внезапно представшие ей полки наши остановились в совершенном от удивления бездействии. С ужаснейшим ожесточением, изъясненным громким хохотом, Владимирский мушкетерский полк бросается в штыки – и не остается могущих оплакать гибель товарищей.

Во многих местах дрались войска наши с переменным счастьем, и нигде, кроме левого фланга, на шаг не уступили мы места. Между центром и левым флангом семь полков кавалерии нашей стремительным ударом опрокинули все, чей было против них; пехота неприятельская, бросая ружья, спасалась в лес; уже

были они на батарее, но от беспорядка в минуту потеряны успехи, и не без стыда надобно было бежать от такой части неприятельской кавалерии, которую мог остановить Александрийский гусарский полк.

Вскоре после начала сражения на правом нашем фланге слышна была в отдалении канонада. Известно было, что маршал Ней преследует корпус прусских войск в команде генерала Лестока, которому главнокомандующий приказал сколько можно ранее присоединиться к армии, но чего он не выполнил. Когда неприятель около двух часов после полудня возобновил усилия, главнокомандующий послал подтверждение, чтоб он шел сколько можно поспешнее; но между тем надобно было чем-нибудь умедлить успехи неприятеля на левом нашем крыле. Посланная туда 8-я дивизия отозвана к центру, где необходимо было умножение сил; резервы наши давно уже были в действии. Итак, мне приказано идти туда с двумя конными ротами. Дежурный генерал-лейтенант граф Толстой махнул рукою влево, и я должен был принять сие за направление. Я не знал, с ка-

ким намерением туда я отправляюсь, кого там найду, к кому поступаю под начальство. Присоединив еще одну роту конной артиллерии, прибыл я на обширное поле на конечности левого фланга, где слабые остатки войск едва держались против превосходного неприятеля, который подвинулся вправо, занял высоты батареями и одну мызу, почти уже в тылу войск наших.

А.Ж. Гро. Наполеон на поле битвы при Прейсиш-Эйлау 1808 г.

Я зашел за сию последнюю и выгнал пехоту, которая вредила мне своими выстрелами. Против батареи начал я канонаду и сохранил место свое около двух часов. Тогда начал приближаться корпус генерала Лестока; в голове колонны шли два наши полка, Калужский и Выборгский, направляясь на конечность неприятельского фланга; против меня стали реже выстрелы, и я увидел большую часть орудий, обратившихся на генерала Лестока. Я подвигал на людях мою батарею всякий раз, как она покрывалась дымом, отослал назад передки орудий и всех лошадей, начиная с моей собственной, объявил людям, что об отступлении помышлять не должно. Я подошел почти под выстрелы и все внимание обращал на дорогу, лежащую у подошвы возвышения, по которой неприятель усиливался провести свою пехоту, ибо по причине глубокого снега нельзя было пройти стороною. Картечными выстрелами из тридцати орудий всякий раз обращал его с большим уроном. Словом, до конца сражения не прошел он мимо моей батареи, и уже поздно было искать обхода, ибо

генерал Лесток, встретив умеренные силы, опрокинул их, обошел высоту и батареи, которые неприятель оставил во власти его, предался совершенному бегству и мрачная ночь покрыла место сражения. Главнокомандующий, желая видеть ближе действие генерала Лестока, был на левом фланге, а удивлен был, нашедши от моих рот всех лошадей, все передки и ни одного орудия. Узнавши о причине, был чрезвычайно доволен.

Вот как рассказывает об этом сражении и участии в нем Ермолова Д.В. Давыдов: «Конные роты полковника Ермолова и Богданова находились на правом фланге армии, перед которым простиралось обширное, ровное поле, на коем, по-видимому, могла с успехом действовать многочисленная кавалерия; но неприятель, зная, что оно было весьма болотисто, избегал его. Наступление корпуса Даву, сильно встревожившее всех, заставило (дежурного генерала) графа П.А. Толстого приказать двум этим конным ротам, под командою Ермолова, спешить на левый фланг. Прибыв туда, Ермолов, снявшись с передков и

оставив при себе самое необходимое количество зарядов, отправил всех лошадей, равно как и передки, назад. Граф Кутайсов, прибыв позднее сюда, с 1-ю конною ротой, сделал то же самое. Беннигсен, возвращаясь из корпуса Лестока, найдя одни лошади и передки без орудий, вообразил в первую минуту, что они сделались добычею неприятеля. Против наших орудий находилось возвышение, вооруженное неприятельскими орудиями, весьма большого калибра, вероятно захваченными в прусских крепостях. После каждого выстрела наши артиллеристы, по приказанию Ермолова, пользуясь дымом, скрывавшим их на время от неприятеля, подвигали вперед на руках, по глубокому снегу, свои орудия, по направлению к возвышению. Деревня Ауклапен, зажженная брандскугелями роты Ермолова, была потому очищена неприятелем. Когда корпус Лестока стал приближаться, все неприятельские выстрелы обратились против него; французские войска, покушавшиеся двинуться между возвышениями и нашими ротами, против Лестока, выстрелами из наших 36 конных орудий потерпели жестокий урон. Моги-

левский и Выборгский полки, входившие в состав корпуса Лестока, перебежали рысью по снегу большое пространство, чтобы стать во главе этого корпуса».

Хотя граф П.П. Пален и говорил, что Ермолов вполне заслужил Св. Георгия 3-го класса и Беннигсен был совершенно с этим согласен, но этот орден был лишь пожалован мужественному графу Кутайсову, племяннику генерала Резвого, а Ермолов получил Владимира 3-го класса. Так как генерал Резвый приказал составить списки об отличившихся, то граф Кутайсов потребовал их от Ермолова. Представляя их, Ермолов сказал: «Благодарю, ваше сиятельство, что вам угодно известить меня, что вы были моим начальником во время битвы».

«Я не без намерения, – говорит Давыдов, – подробно описал этот подвиг нашей конной артиллерии, прибывшей на помощь нашего левого фланга. Мое повествование, основанное на словах и свидетельстве многих артиллеристов, князя Багратиона, графа Толстого, Богданова, наконец, самого Беннигсена, явно противоречит вымышленным рассказам

слишком усердных почитателей графа Кутайсова. Ни этому молодому генералу, подававшему большие надежды и о слишком ранней кончине которого справедливо сожалела вся наша армия, ни Ермолову не принадлежит мысль подкрепить 36 конными орудиями наш левый фланг, который не выдерживал уже натисков Даву; будучи отправлен князем Багратионом к ротам Ермолова и Богданова вскоре после присылки их к нашему левому флангу, я не нашел здесь графа Кутайсова, в скором прибытии которого с одной ротой никто еще здесь ничего не знал. Прибыв сюда позднее и приказав приведенной им роте поступить так же, как уже сделали роты Ермолова и Богданова, граф Кутайсов не позволил бы себе, без сомнения, того, что дозволяют себе его почитатели, а именно: приписать себе главную честь быстрого появления конной артиллерии к угрожаемому пункту. Мне положительно известно, что князь Багратион, которому никто, без сомнения, не дерзнет отказать в беспристрастии при оценке заслуг своих подчиненных, почел личным для себя оскорблением то обстоятельство, что

Ермолов, имевший, по мнению всех беспристрастных очевидцев, по крайней мере, равные права с графом Кутайсовым знаки Св. Георгия 3-го класса, не получил их; князь жаловался даже на то его высочеству цесаревичу».

Ниже увидим мнение об этих наградах самого Ермолова. Недавно еще имел я честь слышать от графа Д. Н. Б., что многие из современных свидетелей придавали большое значение действию артиллерии под начальством Ермолова в Прейсиш-Эйлауском сражении.

Но возвратимся к запискам самого Ермолова.

«Менее двух недель пробывши около Кенигсберга, армия выступила вперед. Авангард в команде генерал-майора Маркова в два перехода прибыл к Прейсиш-Эйлау...

С любопытством осматривал я поле сражения[22]. Я ужаснулся, увидевши число тел на местах, где стояли наши линии, но я более нашел их там, где были войска (неприятеля?) и особенно где стеснялись его колонны, готовясь к нападению, невзирая на то что в продолжении нескольких дней приказано было

жителям местечка (как то они сами сказывали) тела французов отвозить в ближайшее озеро, ибо нельзя было зарывать в землю замерзлую. Как артиллерийский офицер, примечал я действие наших батарей, и был доволен! В местечке не было целого дома, сожжен квартал, куда, по словам жителей, сносились раненые, причем много их изрублено.

Прибывши в Ландсберг, нашли мы госпиталь офицерский, и, к удивлению их, они видели в нас гораздо большее о них попечение. Многие по несколько дней были не перевязаны. Хозяин моей квартиры, знающий французский язык, сказывал, что он слышал французских офицеров, рассуждающих, в каком состоянии была армия их, когда после сражения, в ту же ночь, прошла она Ландсберг. Они говорили, что, если бы не корпус маршала Бернадота, не бывший в деле, который оставлен был в арьергарде, некому было прикрыть отступление, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке и число мародеров неимоверное. Во многих корпусах недоставало снарядов.

Главная квартира наша расположилась в Бартенштейне. Неприятель был за рекою Пас-

сарге, главная квартира Наполеона в местечке Остероде.

Авангард, пришедши в селение Лаунау, поступил в команду генерала барона Сакена, куда вскоре собрались и все отдельные отряды от авангарда.

19-го числа мы были в Лаунау с большими довольно силами. Против нас находился корпус маршала Нея, коего квартира в Гутштадте. Неприятель от стороны Петерсвальде занял стрелками лес, лежащий пред самым нашим лагерем, из Цехерна беспокоил нас своими батареями, хорошо расположенными и окопанными. Генерал барон Сакен равномерно и с своей стороны употребил стрелков, но французы, с большим навыком в сем роде действия, в продолжении двух (часов?) причиняли нам весьма чувствительный урон. Почему генерал Сакен предпринял сделать во время ночи нападение на Цехерн, в том предположении, что неприятель, выгнан будучи из оногo, оставит Петерсвальде и мы будем иметь пребывание выгодное и покойное. Пехота назначена к атаке, но, довольно близко подойдя к батарее, закричала «ура!», пробуди-

ла неприятеля, и он приготовился к обороне. Открылся картечный и ружейный огонь, люди в голове колонны оробели и легли, задние продолжали идти и до такой степени смешались, что долго невозможно было вывести из выстрела. При сем случае потеряно несколько офицеров и немало нижних чинов. Здесь в первый раз случилось мне видеть, что в ночное время отступающую пехоту прикрывала кавалерия. Не знаю, почему рассеявшихся людей не собрали барабаном, но подбирал их генерал граф Пален с Сумским гусарским полком...

...Генералу барону Сакену дано другое назначение.

Генерал-майор Марков приказал против Цехерна построить батарею, которую я делал весьма прилежно, ибо до того на сем месте много потерпела моя рота. Осмотревши часть леса, которую удерживал за собою неприятель, в продолжение ночи, в опушке ближайшего леса расположил я шесть орудий моей роты и, заслонив их нарубленным ельником, ожидал рассвета, когда неприятель обыкновенно приводил свою пехоту из лагеря от Пе-

терсвальде. С самого начала дня вышла сильная колонна из лагеря и беспечно подвигалась к той части леса, где всегда на ночь оставалась небольшая часть войск. В движении своем дала она фланг моей батарее, и картечь из шести орудий на весьма длинном расстоянии произвела такое поражение в колонне, что, оставив на месте тела, обратилась она в поспешнейшее бегство к лагерю, провожаемая выстрелами. Мы заняли остальную часть леса, и неприятель не покушался возвратиться. Мы уже не держали в нем, как до того было, шести полков пехоты. Батареи против Цехерна часто отвечали французским и часто без пользы...

Вскоре неприятель оставил Цехерн и Петерсвальде[23].

...Рота конная имени моего, много потерпевшая в делах авангарда, отправлена назад для починки и укомплектования людьми, на место ее прислана другая. Вскоре происками старших по артиллерии полковников, из которых ни один не имел ни столько большой, ни столько видной команды, мне дано приказание отправиться к моей роте. Главнокоман-

дующему доложено, что смена назначена для того, чтобы дать мне отдохновение. Так объяснил он сам генералу князю Багратиону, который, возвратясь в сие время из Санкт-Петербурга, просил, чтобы меня не переменяли, и я остался у начальника, который обладал полною всех нас доверенностью.

...Около трех месяцев продолжалось с обеих сторон совершенное бездействие.

Генерал передовых французских войск предлагал князю Багратиону оставить селение Петерсвальде нейтральным... Расположенные против нас французы имели в продовольствии величайший недостаток... 24-й драгунский полк, изнуренный голодом, большею частью перебежал к нам. Не менее терпели войска авангарда... солдаты употребляли в пищу воловьей кожи, которые служили покрывкою шалашей.

Князь Багратион послал меня доложить главнокомандующему о сей крайности. Даны строгие приказания, и все осталось в прежнем виде. Не понравилось дежурному по армии, генерал-майору Фоку, мое донесение, и я

приобрел его вражду, которой подвергался я и потому, что не удивился весьма посредственным его способностям, тогда как уже многие находили выгоды перевозить их.

Государь император прибыл к армии, и пришла гвардия под начальством цесаревича.

К нам прежде приехал великий князь, который со времени кампании Суворова в Италии имел к князю Багратиону дружественное расположение. Увидевши недостатки, он взялся заботиться об улучшении продовольствия. Первый транспорт с провиантом, по настоянию его, отправленный в авангард, взят на дороге другими войсками, но всем прочим давал он свои конвои, они доходили исправно, и чрез некоторое время от недостатка перешли мы к изобилию. Между многими чиновниками, представленными великому князю, удостоился и я его приветствия, по засвидетельствованию князя Багратиона о моей службе. До того не был я ему известен, никогда не служивши в столице.

Везде приказано (готовиться) ко встрече государя вместе с королем Прусским.

...Подъезжая к каждой части войск, государь называл начальников по фамилии королю Прусскому и, между прочим, сказал обо мне, что «и в прежнюю кампанию доволен его службою». Все восхищены были вниманием и благосклонностью государя, и я, не желая льстить, скажу, что он умел ободрить всех. Я был вне себя от радости, ибо не был избалован в службе приветствиями. Король Прусский дал орден за достоинство (pour le merite) трем штаб-офицерам, в числе коих и я находился. Ордена сии были из первых и еще не были чрезвычайно размножены.

Вышли награды за Прейсиш-Эйлауское сражение. Вместо 3-го класса Георгия, к которому удостоен я был главнокомандующим, я получил Владимира. В действии сделан участником мне артиллерии генерал-майор граф Кутайсов. Его одно любопытство привело на мою батарею, и как не был в его команде, то он и не мешался в мои распоряжения. Однако же, не имевши даже 4-го класса, ему дан орден Георгия 3-го класса[24]. В реляции хотела написать (его) моим начальником, но генерал-квартирмейстер, барон Штейнгель,

знавши обстоятельства, тому воспрепятствовал. Князь Багратион объяснил главнокомандующему сделанную несправедливость, и он, признавая сам, что я обижен, ничего, однако же, не сделал. Вот продолжение тех приятностей по службе, которыми довольно часто я наделяем!

...Предположено 1 мая атаковать корпус маршала Нея (в Гутштадте).

Государь прибыл к войскам авангарда, осмотрел вяз, объехал в сопровождении главнокомандующего передовые посты, оставленные впереди Цехерна и Петерсвальде, дабы неприятель не мог подозревать о движении авангарда. Неизвестно мне, почему вдруг дано приказание отменить атаку... Авангард вступил в свою позицию при Лаунау.

Неприятно было известие о сдаче Данцига, и не было сомнения, что Наполеон присоединит большую часть осаждавших войск.

Я не мог узнать, что могло понудить, упустив 1 мая, время удобное к нападению, не прежде произвести оное, как 24-го числа, когда армия неприятельская весьма усилилась.

Не могло побуждать к тому ожидание сикурсов, ибо ни малейших не прибывало войск, ниже продовольствие не сделалось лучшим прежнего, и мы не могли выйти на продолжительное предприятие.

Движение 24 мая столь хорошо было соображено, что корпус маршала Нея весь должен был достаться в наши руки...

Авангард шел на Альткирхен (за Гутштадтом) и отрезывал французов в лесу, простирающемся от Негерсвальде к Гутштадту, в то время как оставленные два полка егерей на них ударят. Действия его не должны быть решительны, дабы войскам, назначенным обойти неприятеля, дать время совершить движение. С правой стороны генерал-лейтенант барон фон дер Остен-Сакен должен обойти неприятеля и не допустить к реке Пассарге...

...Не слышно было на одного выстрела (в стороне, где шел барон Остен-Сакен)... Между тем у Альткирхена собрались довольно значительные силы, и авангард получил повеление атаковать их. Дело началось весьма горячее. Неприятель, долго защищавшись, отступил.

Авангард, преследуя неприятеля до вечера, остановился на ночлег пред селением Квец.

Причиною, что диспозиция не выполнена, был генерал барон Сакен. Он не пришел в назначенное время, отговариваясь далеким обходом и будто ожидал повелений. Но общий был слух, что, имея неудовольствие на главнокомандующего, он нарочно сделал, чтобы лишать его успеха в предприятии. Многие чрезвычайно негодовали, что упущен благоприятнейший случай уничтожить целый неприятельский корпус.

25 мая против неприятеля, устроенного в крепкой позиции, собрались наши войска в больших силах... Картечными выстрелами выгнал я неприятеля из селения Квец... Защищаясь весьма упорно, неприятель не мог удержаться долго, ибо войска были в ужаснейшем беспорядке[25].

Казакам достались обозы и между ними экипаж маршала Нея, его серебряный сервиз и другие вещи. Найдены серьги и браслеты, и трудно было бы понять, как употребление делал из них господин маршал, если бы не истолковали вырезанные на серебре гербы раз-

ных польских фамилий беспристрастие его к самым верным слугам Наполеона!..

Авангард пришел на ночлег к селению Депен на реке Пассарге.

27 мая, с самого рассвета, стекались отовсюду войска неприятеля. Одна колонна, опрокинув 7-й егерский полк под командою подполковника Лаптева, так проворно пришла к батарее, где я случайно находился, что я почитал ее за свои войска, и только по белым перьям можно было узнать. Встреченная картечью двенадцати орудий, она обратилась в замешательстве.

На несколько часов остались мы в покое. Князь Багратион приказал всему авангарду быть в готовности...

По требованию моему прислано мне несколько батарейных орудий, ибо часто с трудом выдерживал я действие сильнейших калибров неприятельской артиллерии. Под Кенигсбергом испытал я, что могут значить трехфунтовые единороги против порядочной артиллерии, и я уверен, что неприятель удивился, что не с первых выстрелов обратил нас в бегство.

...28 мая, когда в большом количестве пришла пехота (неприятельская), мы только что могли удержаться на высотах у самого Гутштадта. В сей день с моею ротой я был в ужаснейшем огне и одну неприятельскую батарею сбил, не употребляя других выстрелов, кроме картечных. Прикрывавший роту Санкт-Петербургский драгунский полк стоял под выстрелами с невероятным хладнокровием. Мы последние отступили за арьергардом и мост чрез реку Алле сожгли за собою. Неприятель занял город, пехота его наполнила дома, лежащие по берегу. Я вытерпел ружейный огонь и не прежде отошел от города, как загорелся он в нескольких местах. Я платил негодным жителям, приверженным к французам, за то, что в феврале, когда 5-й егерский полк был вытеснен из города, они изъявили радость рукоплесканием и делали насмешки.

Отступивши к Гейльсбергу по следам армии, авангард расположился, не переходя реки.

29 мая авангард послан к селению Лаунау, дабы остановить неприятеля, если возьмет он

сие направление... Между тем армия... по обыкновению, погрешила медленностью, ибо авангард по крайней мере лишних два часа должен был удерживать неприятельские силы, платя за несоразмерность их большою потерей людей...

Когда неприятель привел все войска, когда против 40 орудий стало 150 пушек и кавалерия протянулась далее конечности правого нашего крыла (при котором была моя конная рота), положение наше сделалось весьма опасным. Неприятельская кавалерия прорывала наши линии, и с тылу взяты были некоторые из моих орудий. Одна из атак столько была решительна, что большая часть нашей конницы опрокинута за селение Лангевизе. Но расположенные в оном егерские полки генерала Раевского остановили успехи неприятеля, и конница наша, устроившись, возвратилась на свое место, и отбиты потерянные орудия. Я спасся благодаря быстроте моей лошади, ибо во время действия батареи, часть конницы приехала с тылу, и на меня бросилось несколько человек французских кирасир. Между тем пехота наша, вытерплевая

ужаснейший огонь и потеряв много людей, начала отступать. Приезжает дежурный генерал-майор Фок и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имея приказаний, тогда как армия не успела еще расположиться в укреплениях. Неприятно было князю Багратиону подобное замечание от генерала Фока, который только в небольших чинах известен был смелым офицером и доселе нигде употреблен не был. Князь Багратион повел его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую к отступлению, и в глазах его приказал идти вперед. Не прошло пяти минут, как Фок получил тяжелую рану, и мы преследованы до самых окопов. Войска авангарда потеряли, конечно, не менее половины наличного числа людей; не было почти полка, который бы возвратился со своим начальником, мало осталось штаб-офицеров.

Великий князь был свидетелем сражения, и ему поручено главнокомандующим пехоту и артиллерию авангарда перевести за реку Алле на отдохновение, а кавалерию, менее утомленную или мало потерпевшую, присо-

единить к армии для дальнейшего действия. В числе особенно отличившихся в сей день замечены генерал-майоры Багговут, под начальством его командовавший всеми егерями Раевский, и шеф Киевского драгунского полка Львов. Главкомандующий благодарил меня за службу, и великий князь оказал мне особенное благоволение. Ему понравился ответ, сделанный мною присланному от него адъютанту с замечанием, что французская колонна слишком приближается к батарее: «Я буду стрелять, когда различу белокурых от черноволосых». Он видел опрокинутую колонну.

Пред вечером произведена жесточайшая атака, наставшая ночь прекратила сражение, и войска наши торжествующие возвратились в укрепление.

(У Фридланда, 2 июня) неприятель состоял в 10 тысячах сводных гренадер маршала Удино... Вскоре собралось большое количество наших войск... Надлежало напасть решительно на французский корпус... По несчастью, главкомандующий был в сей день очень болен...»

Ермолов в своих записках почти вовсе не упоминает о себе в этом деле... Давыдов рассказывает так:

«Звание главнокомандующего вместо Беннигсена, у которого обнаружилось сильные припадки падучей болезни, принял на себя князь Г... Между тем французская кавалерия, испытав неудачу при нападении своем на наш правый фланг, ограничилась выставлением фланкеров. Вдруг французы, заняв опушку впереди находящегося леса 10 пушками огромного калибра, открыли по нас губительный огонь картечью; действие этих 10 пушек было вполне ужасно для наших войск, которые были засыпаны страшною массою чугуна. Хотя Ермолов поспешно противопоставил неприятелю около 40 легких орудий, но они не могли заставить молчать огромные пушки французов; к счастью, вследствие наших выстрелов, обвалившиеся деревья в опушке леса образовали род натурального бруствера, что вынудило французов отступить с занимаемой ими позиции. Около двух часов пополудни главные силы неприятеля,

предшествуемые весьма сильною артиллерией, заняв Сортлакский лес, устремились на наш левый фланг и сильно потеснили его к городу; тщетно князь Багратион, Раевский, Ермолов и храбрейшие офицеры левого нашего фланга старались привести в устройство рассеянные полки наши! Усиливавшиеся неприятельские колонны и многочисленная артиллерия, коею командовал мужественный и решительный генерал Сенармон, подвигались вперед; действие ядер, гранат и в особенности картечи, густо осыпавших наши войска с самого близкого расстояния, было неизменно смертоносно. Багратион со шпагою в руках (что я все время моего при нем служения лишь здесь видел) ободрял Московский гренадерский полк, коего остатки окружали его лошадь. Он напоминал им подвиги их в Италии и Суворова, но все было напрасно! Даже семеновцы и павловцы дрогнули и значительно осадили назад; неустрашимые измайловцы, пустив по семеновцам беглый огонь, остановили их.

Вскоре семеновцы и павловцы, опомнившись после первой минуты смущения, муже-

ственно встретили неприятеля.

В это грозное для нас время князь Багратион, желая хотя сколько-нибудь приостановить натиск французов, которые грозили нам совершенным истреблением, приказал Ермолову привести из резервов какую-нибудь батарейную роту. Встретив 4 орудия из бригады храброго Осипова, коими заведовал поручик Комаров, приказавший уже их взять на передки и продолжать свое отступательное движение, Ермолов велел ему остаться на месте; когда Комаров донес ему, что у него вовсе нет зарядов, Ермолов сказал ему: «Я вам приказываю не оставлять вашего места: чрез ваше отступление образуется интервал, коим неприятель может воспользоваться; если ваше начальство останется тем недовольно, доложите, что вы это сделали на основании приказа полковника Ермолова; я между тем возьму с собою одного фейерверкера вашего, с которым доставлю вам 4 зарядных ящика». Но встреченные Ермоловым на пути роты не только не снабдили его зарядными ящиками, — они, исполняя чье-то повеление, поспешно напротив отступали с поля сражения.

Между тем главные массы французов, стремившиеся к городу, сильно теснили войска наши. К довершению несчастья, мосты (четыре, через реку, бывшую в тылу) запылали прежде перехода армии на правый берег».

Возвращаемся опять к запискам самого Ермолова.

«Итак, вместо того чтобы разбить и уничтожить слабый неприятельский корпус, которому за отдалением не могла армия дать скорой помощи, мы потеряли главное сражение...

Но ни он в себе не нашел, ни войска к нему не могли иметь доверенности.

Без препятствий дошли мы до Велау...

При отступлении арьергарда посланные разъезды открыли отряд генерала графа Каменского, идущий от Кенигсберга, и за ним неприятель в силах. В нескольких верстах позади соединялись дороги, и граф Каменский, прошедши прежде, мог привести за собою неприятеля, который занял бы нашу дорогу. Князь Багратион, благосклонно выслушивавший мои рассуждения, позволил мне сделать

предложение, чтобы всю нашу кавалерию послать на левый фланг преследующего нас неприятеля, новостью сего движения остановить или по крайней мере умедлить ход его и, с пехотою пройдя поспешнейшим образом соединение дорог, ожидать графа Каменского. Князь Багратион приказал привести сие в исполнение, и мы едва могли предупредить графа Каменского, а потом кавалерия наша прибыла в одно время с последними его войсками. Он отправился к армии, и арьергард остался один.

При селении Тапланен, по удобству местоположения, дождались мы неприятеля, и довольно горячая сшибка с передовыми его войсками была совершенно в пользу нашу. В 12 верстах не доходя Тильзита, нашли мы ожидающиеся полки кавалерии и приказание главнокомандующего удерживать неприятеля, дабы армия имела время перейти за Неман. На нем только один мост, и потому каждый из нас видел, сколько трудное поручение возложено на князя Багратиона и какой опасности подвержено отступление арьергарда, имея один мост и такое множе-

ство кавалерии. Арьергард расподобился в боевой порядок. Мы готовились к последнему сражению на земле союзников!

...Конечно, неприятель одного был с нами мнения, что неравными силами преодолеть нас было возможно, а потому остаток дня провел в бездействии... Мы нетерпеливо ожидали приближения ночи.

Арьергард пришел поутру в Тильзит, и тотчас вся конница, казаки и артиллерия отправлены за Неман... Мост приготовлен к скорейшему сожжению... На оном явился с кавалерией маршал принц Мюрат, и мост загорелся почти под самую его лошадью.

Неприятель занял город... Мы не без страха ожидали происшествий! Армия наша была малочисленна и в беспорядке... Она не в большом расстоянии от берега расположилась лагерем; лесистое местоположение было весьма к стати ее бессилию. Авангарду приказано стать на самом берегу. Князь Багратион, по приказанию главнокомандующего, послал адъютанта с предложением перемирия. Он представлен к Мюрату, потом к Бертье, – и ему объявлено, что Наполеон желает мира, не

перемирия!

На другой день с объяснением о том приехал в главную квартиру Бертье, и послано донесение государю, который находился в местечке Шавлях[26]. Через два дня прибыл государь к армии[27].

...Вскоре заключен мир. Все выгоды одного были на стороне Наполеона; им без изъявления почтения, то есть все одного наружности, оказаны нашему государю...

Войска арьергарда возвращены в дивизии, к коим они принадлежали; мы все, служившие под командою генерала князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлением искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том подчиненных. Солдатами он был любим чрезвычайно. Я, простясь с товарищами, отправился в Россию.

Итак, кончил я войну, быв в должности начальника артиллерии в авангарде в этой

должности с самого начала войны до заключения мира.

По особенному счастью моему не потерял я в роте моей ни одного орудия, тогда как многие, в обстоятельствах гораздо менее затруднительных, лишались оных. Вообще из артиллерии, бывшей в команде моей, брошено одно орудие Псковским мушкетерским полком, но и тут нельзя упрекнуть артиллерийского офицера.

В сражении при Гейльсберге многие из орудий попадали в руки неприятеля, ибо приказано было мною офицерам менее заботиться о сохранении пушек, как о том, чтобы в самом близком расстоянии последними выстрелами заплатили за себя, если будут оставлены. Истолковано им, что гораздо менее вреда потерять пушки, нежели, для спасения их увозя заблаговременно, лишать войска кровительства их, а часто и самого охранения, единственно от них зависящего. Поставлены офицерам в доказательство случаи, собственно в авангарде происшедшие, что батареи, оставаясь на месте до последней крайности, не взяты неприятелем при всех возмож-

ных усилиях; приведены примеры, что самая малая часть войск не могла быть преодолена превосходными силами, единственно оттого, что неприятель не мог устрасить артиллерии и заставить ее удалиться; что, если б офицер боялся потерять орудия и для того в опасности оставил свое место, войска были бы преданы неминуемому истреблению. Я выдавал кавалерийским штаб-офицерам свидетельства, когда отбивали они захваченные неприятелем орудия, и они получали по оным надлежащую награду. Сими офицерами возвращены все потерянные при Гейльсберге орудия. О распоряжении моем, слагающем ответственность за оставленные орудия, известно было начальству и доведено до сведения самого государя, который впоследствии весьма милостиво о том меня спрашивал.

Я имел счастье приобрести благоволение великого князя Константина Павловича, который о службе моей отзывался с похвалою. Князя Багратиона пользовался я особенным благорасположением и доверенностью. Он делал мне поручения по службе, не одному моему званию принадлежащие. Два раза

представлен я им к производству в генерал-майоры, и он со стороны своей делал возможное настояние, но потому безуспешно, что не было еще до того производства за отличие, а единственно по старшинству. Между товарищами я снискал уважение, подчиненные были ко мне привязаны. Словом, по службе открылись мне новые виды и надежда менее испытывать неприятностей, нежели прежде. В продолжение войны я получил следующие награды: за сражение при Голымыне золотую шпагу с надписью за храбрость, при Прейсиш-Эйлау – Св. Владимира 3-й степени, при Гутштадте и Пассарге – Св. Георгия 3-го класса, и при Гейльсберге – алмазные знаки Св. Анны 2-го класса[28].

Отправившись из Тильзита в Россию, проезжал я Вильно, где нашел генерала Беннигсена. Он принял меня с тою же благосклонностью, каковую оказывал мне с самой моей молодости. Разговаривая о войне, он сказал мне, что летняя кампания в Пруссии производилась совершенно не так, как он желал. Ему обещано было подкрепление из 30 тысяч человек, с которыми намеревался он, вместе с

раннею весною, начать деятельную кампанию, когда силы Наполеона развлечены были осадой Данцига. Подкрепление медлило и назначено наконец к 1-му числу мая непременно, но со всем тем, по день заключения мира, не прибыло к армии ни одного человека. Подкрепление сие состояло из двух дивизий рекрут, пред самым походом получивших оружие, употребление коего совершенно было им незнакомо. Не менее половины сих рекрут, проходя Минскую и Виленскую губернии, оставлены в госпиталях.

Генерал Беннигсен говорил мне, что он предлагал государю после сражения при Прейсиш-Эйлау отправить к Наполеону ловкого человека, который, предложив о размене пленных, старался бы изведать средства склонить его к миру и надеялся заключить выгодный. Он назначал на сие генерал-майора Хитрово (Николая Федоровича), который в пребывание свое в Париже был весьма ласкаем Наполеоном.

В конце августа прибыл инспектор всей артиллерии, граф Аракчеев, осмотрел артиллерию, распределил укомплектование оной

и, продолжая мне прежнее неблаговоление, приказал мне оставаться в лагере по 1-е число октября, когда всем прочим артиллерийским бригадам назначено идти по квартирам 1 сентября. К сему весьма грубым образом прибавил он, что я должен был приехать к нему в Витебск для объяснения о недостатках. Я отвечал, что неблагорасположение ко мне не должно препятствовать рассмотрению моих рапортов. Оскорбили меня подобные грубости, и я не скрывал намерения непременно оставить службу. Узнавши о сем, граф Аракчеев призвал меня к себе и, предложив дать мне отпуск, приказал приехать в Петербург, чтобы со мной лучше познакомиться.

Я поступил в 9-ю дивизию генерал-лейтенанта князя Италийского, графа Суворова-Рымникского, сына великого Суворова, и квартира моя назначена в местечке Любине на Волыни.

Вскоре получил я высочайший рескрипт на мое имя и деньги для награждения низших чинов, отличившихся храбростью. Это был первый пример подобной награды.

В то же время граф Аракчеев писал мне, что о награде ходатайствовал он, желая доказать уважение его к отличной моей службе.

Д.В. Давыдов так рассказывает от отношениях графа Аракчеева к Ермолову: «Граф Аракчеев, почитая Ермолова прежним фаворитом, преследовал его весьма долго; оставаясь в чине подполковника в продолжении 9 лет, Ермолов думал одно время перейти в инженеры, сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова. Когда генерал Бухмейер объяснил графу его ошибку, этот последний решился вознаградить Ермолова за все прошлое. После этой войны Ермолов, невзирая на малый чин свой, удостоился получить весьма милостивый рескрипт государя, препроводившего к нему 1000 рублей для награждения нижних чинов командуемой им роты. (Весьма замечательно то, что во все время царствования императора Александра ни один почти штаб-офицер не удостоивался получать высочайших рескриптов.)»

Вот письмо Аракчеева с высочайшим рескриптом:

«Милостивый Государь, Алексей Петрович!

При оставлении, по болезни моей, командования Артиллерийским Департаментом, я почел приятным себе долгом отличить роту, вами командуемую, пред Государем Императором, испрося на имя ваше у сего препровождаемый рескрипт, не имея ничего у себя более в виду, как доказать вам, милостивому государю, то уважение, которое я всегда имел к службе вашей, а вас прося при оном случае, дабы вы остались ко мне всегда хорошим приятелем, чего желает пребывающий к вам с почтением и преданностию,

милостивый государь, покорный слуга,
граф Аракчеев.

12 декабря 1807 года».

«Господину артиллерии полковнику Ермолову.

Отличное действие в прошедшую кампанию командуемой вами конноартиллерийской роты подает мне приятный повод изъяснить оной особое мое благоволение, а вместе с сим инспектор артиллерии, Граф Аракчеев,

препроводит к вам тысячу рублей для награждения в роте, по вашему назначению, тех фейерверкеров и рядовых, которые по отличному своему знанию артиллерийской науки, заслуживают уважение, что самое примите в знак и к вам особого моего благоволения. В Санкт-Петербурге. Ноября 30-го дня 1807 года.

На подлинном подписано:
Александр».

В записках моих упомянуто, что П.И. Меллер-Закомельский содействовал своим отзывом перемене расположения Аракчеева к Ермолову.

В Петербург приехал я, когда граф Аракчев из инспекторов всей артиллерии поступил в звание военного министра. Он принял меня с особенным благоволением и встретил объявлением новой награды. Государь побаловал, в знак отличия, нашивки на мундир конным артиллерийским ротам моей и князя Яшвиля[29].

Аракчев сам представлял меня императору-

ру, и мне нетрудно было видеть, что предупредил его в мою пользу. Пробыв в Петербурге три дня, я подал графу Аракчееву записку о том, что во время ссылки моей при покойном государе Павле I многие обошли меня в чине и что потому состою я почти последним полковником по артиллерии. Я объяснил ему, что, если не получу я принадлежащего мне старшинства, я почту и то не малою выгодой, что ему, как военному министру, известно будет, что я лишен был службы не по причине неспособности к оной. Не получив ответа на поданную записку, в тот же день выехал я из Петербурга. Остановившись в Орле у моих родных, получил я известие, что я при общем производстве по артиллерии пожалован генерал-майором и назначен инспектором части конно-артиллерийских рот, с прибавлением к жалованью 2 тысяч рублей[30].

В сем новом звании отправился я (1809) для осмотра конной артиллерии в молдавской армии под начальством отличного долголетием фельдмаршала князя Прозоровского, коего главная квартира находилась в Яссах. Военные действия были прекращены на

некоторое время. Я был свидетелем перехода войск в лагерь при... знаменитой зарождении ужасных болезней в войсках и истреблением большого числа оных. Никакие убеждения не сильны были отклонить от занятия убийственного сего лагеря. Войска делали марши не более 15 верст, и редко употребляли на то менее 10 часов, ибо, устроенные в большие каре и в середине оных имея тяжелые обозы, медленно двигались они по большей части, без дорог. Фельдмаршал не переставал твердить, что он приучает войска к маневрам. Подверженные нестерпимому зною, войска очевидно изнурялись, и фельдмаршал, вскоре переселившийся в вечность, отправил вперед себя армию не менее той, какую после себя оставил.

В Валахии начальствовал генерал-лейтенант Милорадович, и редкий день не было праздника, которые он делал сам и других заставлял делать.

Я жил очень весело, бывал на праздниках, ездил на гулянья, выслушивал рассказы его о победах и между прочими о сражении при Обилешти. «Я, узнавши о движении неприятеля,

теля, – говорил он, – пошел навстречу. По слухам, он был в числе 16 тысяч человек, я написал в реляции, что разбил 12 тысяч, а в самом деле было турок не более 4 тысяч человек». Предприимчивость его в сем случае делает ему много чести.

К армии поехал я чрез Бендеры, Одессу, в Крым. Обозрев все древности, прелестный полуденный берег, пробыл я некоторое время в Карасубазаре, где стояла одна рота моей инспекции. Возвратившись чрез Харьков, я видел довольно большую часть полуденного края России.

В состав армии, назначенной против австрийцев, под командою генерала князя Голицына (Сергея Федоровича), поступила дивизия, к которой я принадлежал, но я оставлен начальником отряда резервных войск, в числе 14 тысяч человек, в губерниях Волынской и Подольской.

Военным министром дано повеление занять войсками границы обеих сих губерний, ибо многие из дворян перебежали и уводили с собой большое число людей и лошадей в герцогство Варшавское, где формировалась поль-

ская армия. По сему поручению я доносил непосредственно военному министру графу Аракчееву, и им одобрены мои распоряжения. Для обуздания своевольных дана мне власть захватываемых при переходе чрез границу, невзирая на лица, отсылать в Киев для препровождения далее в Оренбург и Сибирь. Я решился приказать тех из переходящих за границу, которые будут вооружены и в больших партиях, наказывать оружием, и начальство довольно было решительностью. Я употребил строгие весьма меры, но не было сосланных[31].

По окончании войны против австрийцев армия наша возвратилась из Галиции, и часть оной расположилась в Волынской губернии, понудила отряд мой вывести в Киевскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. Квартира моя из Дубне перенесена в Киев. Вместе с Волынской губернией оставил я жизнь самую приятную. Скажу в коротких словах, что страстно любил W., девушку прелестную, которая имела ко мне равную привязанность. В первый раз в жизни приходила мне мысль о женитьбе, но недостаток состоя-

ния с обеих сторон был главным препятствием, и я не в тех уже был летах, когда столько удобно верят, что пищу можно заменять нежностями. Впрочем, господствующею страстью была служба, и я не мог не знать, что только ею одной могу я достигнуть средств несколько приятного существования. Итак, надобно было превозмочь любовь. Не без труда, но я успел.

(1810 г.) Дивизия, к которой я принадлежал, вскоре по возвращении из Галиции отправлена в Молдавию, но я по-прежнему оставлен с резервом. Я писал о перемене назначения моего графу Аракчееву, но в самое то время на место его военным министром назначен генерал Барклай де Толли, которому я мало был известен[32].

Все занятия мои в Киеве ограничились употреблением порученных мне войск на построение новой крепостцы на Зверинской горе. Избавляясь ужасной скуки, объезжал я войска в квартирном их расположении и занимался сформированием двух конно-татарских полков, Евпаторийского и Симферопольского. При расписании всей кавалерии непо-

нятным образом поручены артиллерийскому генералу два полка иррегулярной конницы.

Около двух лет прожил я в Киеве, и тяготила меня служба ничтожная и чести не приносящая. С другой стороны, льстило мне благосклонное мнение начальства, и генерал князь Багратион, назначен будучи главнокомандующим молдавскою армией, просил об определении меня начальником артиллерии в армии, на что не последовало соизволения. Поступивший на место его главнокомандующим генерал граф Каменский, проезжая Киев, предложил мне служить с собою[33]. За величайшее благодеяние принял я предложение его и ожидал, в звании бригадного командира, иметь два полка, на которые весьма охотно променивал отряд из 14 тысяч человек, преобразованных в лопатники. Прибывши в армию, граф Каменский представил государю о назначении меня дежурным генералом. Свыше ожидания моего было сие назначение, и я с восхищением ожидал повеления отправиться в армию. Главнокомандующий был в особенной доверенности у государя, и все представления его были утверждаемы, но в

рассуждении меня он получил отказ, и ему ответствовало, что я надобен в настоящей должности. Также сделано было предложение заместить мною умершего генерал-майора графа Цукато, который с отдельною частью войск действовал вместе с сербами против виддинского паши. На сие сказано, что я молод. Надлежало разуметь в сем случае старшинство в чине, ибо многим в меньших летах не было упрекаемо в молодости. Не могло счастье представить более случаев, льстящих честолюбию, особенно служащему без покровительства, но тем более огорчала меня неудача, что в настоящем чине, не будучи еще употреблен против неприятеля, я желал первые опыты сделать против турок, где ошибки легко поправляемы или по крайней мере менее видны. Мне нужна была опытность и случай оказать некоторые способности, ибо, служа во фронте артиллерийским офицером, я мог быть известен одною смелостью, а одна таковая в чине генерал-майора меня уже не удовлетворяла. Итак, оставаясь по-прежнему в Киеве, должен я был назначение мое почитать продолжительным.

Получив на короткое время отпуск, проехал я в Петербург. Я представлен был государю в кабинете, что предоставляемо было не менее как дивизионным начальником. Слух носился о раздающихся неудовольствиях с Наполеоном, с которым редко можно кончить их иначе как оружием. Многие к сим причинам относили благосклонный прием, делаемый военным. Не имея сего самолюбия, боялся я в душе моей на случай войны остаться в резерве. Инспектор всей артиллерии, барон Меллер-Закомельский, хотел употребить старание о переводе меня в гвардейскую артиллерийскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовал я себя годным, а возвратился в Киев[34].

Вскоре за сим военный министр уведомил письмом, что государь желает знать, согласен ли я служить в гвардии командиром артиллерийской бригады. Я отвечал, что, служа в армии и более будучи употребляем, я надеюсь обратить на себя внимание государя, что по состоянию не могу содержать себя в Петербурге, а без заслуг ничего выпрашивать не смею. Высочайший приказ о переводе меня в

гвардию был ответом на письмо мое. Не мог я скоро отправиться к новому моему назначению, ибо, переломив себе в двух местах руку, я долго был болен. По донесению о сем государю, прислан курьер узнать о моем здоровье, и военному губернатору приказано каждые две недели уведомлять о нем. Удивлен я был сим вниманием и стал сберегать руку, принадлежащую гвардии. До того менее я заботился об армейской голове моей.

За два месяца до окончания года приехал я в Петербург и вступил в командование бригадою, не входя в хозяйственную часть оной, желая показать, что я не ищу выгод. Государь принял меня с обыкновенною милостью, и сего довольно, чтобы фигура моя не казалась чужеземною в столице. Великий князь, со времени последней кампании, постоянно был мне благосклонным. Изломанная рука моя доставляла мне возможность не во всех участвовать ученьях и разводах, которые большую часть времени отнимают у служащих в Петербурге, и я был довольно свободным. Вскоре вновь сформирован Литовский гвардейский полк, поступивший вместе с Из-

майловским полком в бригаду, в которую государь назначил меня командиром с сохранением артиллерийской бригады. К жалованью моему прибавлено в год по 6 тысяч рублей.

Таким неожиданным образом переменилось вдруг состояние бедного армейского офицера, и я могу служить ободряющим примером для всех подобных мне. В молодости моей начал я службу под сильным покровительством и вскоре лишился оного. В царствование императора Павла I содержался в крепости и отправлен в ссылку на вечное пребывание. Все младшие по службе сделались моими начальниками, и я при нынешнем государе вступил в службу без всяких выгод, испытывал множество неприятностей по неблаговолению начальства, всего достигал с большими усилиями, по очереди, и нередко с равными правами на награду, неравные имел я успехи со многими другими. В доказательство сего скажу пример, теперь со мною случившийся. Отряды резервных войск поручены были артиллерии генерал-майору книзу Яшвилю и Игнатьеву, но по расположению моего отряда на границе на мне одном возле-

жала стража оной и с большою властью большая ответственность. Им обоим дан орден Св. Анны 1-го класса, мне даже не изъявлено благодарности.

О сделанной мне обиде объяснился я с военным министром Барклаем де Толли, который весьма хладнокровно отвечал мне: «Правда, что я упустил из виду службу вашу». Я желал бы в сию минуту видеть в нем знатного человека, и отказ, мне сделанный, был бы приправлен вежливостью. Не менее сего досаден мне был отказ на представление инспектора всей артиллерии, коим просил он определить меня начальником артиллерии в молдавскую армию, под предводительством генерала Кутузова, благосклонно расположенного ко мне. После сего поданною запиской военному министру объявил я необходимость лечиться кавказскими минеральными водами и просил об определении меня на линию бригадным командиром. Он сказал мне, что по особенному благоволению ко мне государя я хочу заставить дать себе награду, и прошу об удалении, зная, что на оное не будет согласия. Итак, я успел только, к общему всех

удивлению, разгорячить ледовитого немца, который изъяснился с великим жаром[35].

Вскоре за сим я удостоверился, что весьма трудно переменить мое назначение, ибо, когда инспектор всей артиллерии (по согласию моему) вошел с докладом о препоручении мне осмотра и приведения в оборонительное положение крепости Рижской и мостового укрепления при Динабурге, государь не изъяснил соизволения, приказал мне сказать, что впредь назначения мои будут зависеть от него и что я ни в ком не имею нужды. Когда же увидел меня, спросил, сообщено ли мне его приказание, и прибавил: «За что гонят тебя из Петербурга? Однако же я помешал: и без того много будет дела». Не смел я признаться, что желал сам переменить род моей службы, и доволен был, что военный министр не довел до сведения о поданной мною записке. В таком положении прошло время до марта месяца, в начале коего выступила гвардия в Литовскую губернию.

Его высочество цесаревич повел колонну, составленную из гвардейской кавалерии. Под моею командой, в особенной колонне, следо-

вала вся гвардейская пехота.

«Quo fata trahunt, retrahuntque sequamur.
Vergilius»[36].

1812 год. Дневник А.П. Ермолова о начале Отечественной войны

Эта часть нашей статьи состоит из отрывков собственных записок Ермолова, полученных мною от графа Арсения Андреевича Закревского, из рассказов Д.В. Давыдова, из писем князя Багратиона, Платова и пр., помещенных в чтениях Общества истории и древностей, из собственных отметок и замечаний, полученных от других свидетелей. Читатели, даже и не военные, найдут здесь много сведений, неизвестных, кажется, по описаниям Отечественной войны.

Настал 1812 год! Год, памятный каждому россиянину, тяжкий несчастьями, знаменитый блистательною славой в роды родов.

В начале года выступила гвардия из Петербурга, и я вышел марта 5-го числа. В городе Опочке получено назначение меня дивизионным гвардии начальником. Долго не решаюсь я верить чудесному обороту положения

моего. К чему, однако же, не приучает счастье?.. Дивизионным командиром прихожу я с гвардией на маневры в Вильну. Кто не хвалит гвардии и как не хвалить ее по справедливости?.. И после короткого в Вильне пребывания возвращаюсь в Свенцяны, дивизионную квартиру гвардии... Через два дня приезжает государь в Свенцяны... Молва, самых вихрей быстрейшая, несколькими часами прежде разгласила о переходе французов через Неман 12 июня.

Первой западной армии, сильнейшей числом войск, начальство поручено было генералу от инфантерии Барклаю де Толли, военному министру, коего главная квартира была в Вильне.

Вторая западная армия состояла в команде генерала от инфантерии князя Багратиона, и главная его квартира была в Пружинах.

...Единственное к соединению войск наших средство было отступление.

Наконец вошли мы в знаменитый лагерь (при Дриссе).

Во время пребывания 1-й армии в укреп-

ленном лагере неприятель собрался на левом фланге по направлению на Дисну. Маршал Даву поспешал к Минску... К соединению обеих армий отняты были все надежды.

Определено отступление 1-й армии из укрепленного лагеря. 1 июля возложена на меня должность начальника главного штаба сей армии. Итак, в звании сем находясь при главнокомандующем, который в то же время был и военным министром, имел я случай знать о многих обстоятельствах, не до одного управления армии касающихся...

От назначения моего употребил я все средства уклониться, просил могущественного графа Аракчеева, самому представлял государю, что я не приуговлял себя к многотрудной сей должности, что достаточных для того сведений не имею и что по обстоятельствам, в коих находится армия, которых от самого наименее проницательного человека скрыть было уже невозможно, полезен был выбор чиновника с большею опытностью и более в армии известного.

Графа Аракчеева намерение было в должность сию определить генерал-лейтенанта

Тучкова 1-го, в котором думал он найти особенные способности, но не знаю, почему государь приказал мне вступить в оную[37]. Думаю, однако же, что людей, несравненно меня способнейших, не хотели отдалить от войск, или они сами, видя худое дел состояние и на каждом шагу умножившиеся трудности, должности сей принять не соглашались. Я ожидал, что, испытав меня в короткое время, освободят от должности, если не выгонят, и просил только одной милости, чтобы возвратили по-прежнему к командованию гвардейскою дивизией, ибо лестнее не мог я желать ничего. Мне обещано сие, и от дивизии показывался я в откомандировке. Государь вскоре отъехал от армии, и сие легко могло продолжить пребывание мое в новой моей должности. Первый помощник мне по делам дежурный генерал армии, флигель-адъютант Кикин, бывший при введении нового образа управления, по изданному незадолго пред тем положению о действующих армиях, не желая служить с предместником моим, генерал-лейтенантом маркизом Паулуччи, сказался больным, и должность его

отправлял комендант главной квартиры полковник Ставраков. Если возможно понимать смысл слов: *сие судеб преисполненное имя*[38], то, кажется, никому более приличествовать они не могут, как ему, ибо судьба им преследовала всех бывших главнокомандующих.

Суворов, вышедший из среды людей обыкновенных, один смел взять его по доброй своей воле, прочие же, кажется, не могли от него отделаться. Он находился при нем в Италии. При графе Буксгевдене и потом при бароне Беннигсене был в Пруссии. Перенесся в Финляндию ко всем переменившимся главнокомандующим, и теперь не избег от него генерал Барклай де Толли! За что же, по крайней мере, терпят его в должности дежурного генерала? Свидетельствуюсь им самим, что он исправлять оной не в состоянии. Я прошу переменить его, но генерал Барклай де Толли уверяет, что трудно найти способнейшего! Сколько ни старался я уговорить Кикина, по он не соглашался избавить меня от Ставракова.

В три дня армия прибыла к Полоцку.

Неприятель против корпуса графа Витгенштейна показал небольшую часть легких войск, занял отрядом местечко Друю и мало-значащими силами приблизился к Динабургу [39]. Граф Витгенштейн донес главнокомандующему, что он намерен усилить отряд против Друи, на правом берегу Двины расположенный, и удерживать Динабург. Генерал-майор Добре (начальник корпусного штаба) уведомил меня, что подкрепление сие должно состоять из десяти батальонов пехоты с соразмерным числом артиллерии и конницы, которой и без того было весьма недостаточно. Я возразил против сего раздробления сил, и главнокомандующий согласился со мною. Пречудное намерение, зная движение неприятеля на левый фланг и не имея возможности маневрировать вперед, защищать Динабург, и отдаленный, и к обороне неспособный.

Из Полоцка государь отправился в Москву [40].

В Полоцк хотел я заковать в железа комиссионера 7-го класса, Ю...кого, который отправлялся с деньгами в уплату за провиант, купленный у евреев в местечке Бешенковичах,

который оставлен был на том берегу, где идет неприятель и откуда никто не помышлял перевести его на нашу сторону, хотя в армии, чувствуем, уже был недостаток.

В Полоцке по отъезде государя, случилось мне обедать с оставшимся его штатом. Какую заметил я разность в тоне, какую перемену в обращении! Государь увез с собою все величие и оставил каждого при собственных средствах.

Армия прибыла к переправе при Будилове.

Корпус маршала Даву между тем... овладел Могилевом.

Атаман генерал Платов наказал польскую кавалерию 27 июня при местечке Мире и 14 июля при местечке Романов, дерзнувшую сразиться.

Судьба сохранила нам врожденную поверхность над поляками: казакам первым предоставила честь возобновить в сердцах их сие чувство. Со времени уничтожения Польши, с 1794 года, изгладившего имя ее с лица земли, по 1807 год, примечательный заключенным с Францией миром в Тильзите, не существовало поляков. Мир сей произвел на

свет герцогство Варшавское, вместе с надеждою распространить его на счет несогласия соседственных ему держав. Наполеон исчислил меру страха, коим господствовал он над сердцами царствующих его современников, понесенные каждым из них в войнах потери, блистательные и постоянные оружия его успехи, страх тот более и более распространившиеся, и дал надежду на возрождение Польши. Воспламенились умы, и в короткое время все усилия были употреблены надежде сей дать вид правдоподобия!

В 1809 году Варшава уже союзница наша против австрийцев, и мы в пользу ее, вопреки пользе нашей, исторгаем у них знатную часть Галиции. Уже в нынешней войне она против нас в общем союзе Европы. Мы умножили ее силы и вооружили против себя. Австрийцы между прочими ее союзники. Для пользы ее попеременно вонзаем мы меч в сердце один другого, и судьба к ослеплению нашему прибавляет сетование, что недовольно глубоки раны! Неужели не исполнится мера наказания Бога-мстителя?[41]

В Будилове предложил я главнокомандую-

щему перейти на левый берег Двины, и расчет сей основывал я на том, что неприятель проходил труднейшею по тому берегу дорогою, что только кавалерия его была у Полоцка, но главные силы и вся тяжелая артиллерия были далеко назади и не менее трех маршей было между нами и неприятелем.

Перейдя в Будилове, должно было поспешно следовать на Орту и Давуста, имеющего в предмете армию князя Багратиона, на которую должны были быть обращены и внимание его и силы, около Могилева расположенные, заставить развлечь оные, способствовать тем князю Багратиону идти беспрепятственно в соединение с 1-ю армией, а самой ей, истребив части войск, занимающие Орту и Дубровну, и перейдя немедленно на левый берег Днепра, закрыть Смоленск, куда все тягости и обозы армии должны были идти из Витебска прямою дорогою, дабы не делать препятствия армии в быстром ее движении. Все сие можно было успеть сделать, ни малейшим, по отдалению неприятеля, не подвергаясь опасностям.

Главнокомандующий, вняв предложению

моему, на оное согласился, уже приказано мне было возвратить к переправе прошедшие два кавалерийских корпуса. Полковник Манфреди отправлен был с двумя понтонными ротами для устройства переправы. Все было готово, и пришедшим нам успех предлежал верный! Через полчаса после отданных приказаний главнокомандующий переменял намерение. Я примечал, кто мог отклонить его, и, кроме флигель-адъютанта Вольцогена, никого не подозреваю. Сей тяжелый немецкий педант пользовался большим его уважением. Я, видя, что теряются выгоды, которые не всегда даруют счастье и за упущение которых часто платится весьма дорого, зная, что по недостатку опытности не мог я иметь права на полную ко мне главнокомандующего доверенность, склонил я некоторых из корпусных командиров сделать о том ему представление с их стороны, но все было безуспешно, главнокомандующий остался непреклонен, и армия продолжала путь к Витебску.

Давыдов в письме к Вальтеру Скотту так говорит об этом событии:

«Ермолов предложил Барклаю, переправившись чрез Двину у Будиловой переправы на левый берег реки, который выше и ровнее правого, следовать чрез Сенно, Оршу на Смоленск, куда мы могли прибыть по крайней мере двумя сутками ранее; мы могли встретить у Сенно головные французские войска и, легко разбив их (что немало возвысило бы нравственный дух войск), двинуться далее. Барклай согласился; уже были наведены понтоны, но вдруг он по неизвестным причинам отменил переправу. Ермолов упомянул об этом в письме своем к государю от 16 июля.

Кстати привести здесь два письма князя Багратиона к Ермолову, коими поясняются тогдашние отношения.

I

«На марше, 3 июля.

Я вам скажу, любезный мой тёска, что я бы давно с вами соединился, если б оставили меня в покое. Вам неизвестно, какие я имел предписания от М***.

Я расчел марши мои так, что 23 июня главная моя квартира должна была быть в Минске, авангард далее, а партии уже около Свен-

цян. Но меня повернули на Новогрудек и велели идти или на Белицу, или на Николаев, перейти Неман и тянуться к Вилейке, к Сморгони, для соединения. Я и пошел, хотя и написал, что невозможно, ибо там три корпуса уже были на дороге к Минску и места непроходимые. Перешел в Николаеве Неман. Насилу спасся Платов, а мне пробиваться невозможно было, ибо в Воложине и в Вишневе была уже главная квартира Даву, и я рисковал все потерять и обозы. Я принужден назад бежать на минскую дорогу, но он успел и ее захватить. Потом начал показываться король Вестфальский с Понятовским; перешли в Белицу и пошли на Новогрудек. Вот и пошла потеха! Куда ни сунусь, везде неприятель. Получил известие, что Минск занят и пошла сильная колонна на Борисов и по дороге Бобруйска. Я дал все способы и наставления Игнатьеву и начал сам спешить, но на хвост мой начал нападать король Вестфальский. Вдруг получаю рапорт Игнатьева, что неприятель приблизился к Свислочу, от Бобруйска в 40 верстах, тогда когда я был еще в Слуцке и все в драке. Что делать? Сзади неприятель, сбоку

неприятель, и вчера получил известие, что и Минск занят. Я никакой здесь позиции не имею, кроме болот, лесов, гребли и пески. Надобно мне выдраться, но Могилев в опасности, и мне надобно бежать. Куда? В Смоленск, дабы прикрыть Россию несчастную. И кем? Господином Фулем. Я имею войска до 45 тысяч. Правда, пойду смело на 50 тысяч и более, но тогда, когда бы я был свободен, а как теперь, и на 10 тысяч не могу. Что день опоздаю, то я окружен.

Спас Дорохова; деташемент и Платов при-
мкнул!

Как ретироваться из Свенцяи в Дриссу? Бойтесь Бога, стыдитесь. Россию жалко! Войско их шапками бы закидало. Писал я, слезно просил: наступайте, я помогу. Нет! Куда вы бежите? Ей-богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся нас, войско ропщет, и все недовольны. У вас зад был чист и фланги. Зачем побежали? Надобно наступать; у вас 100 тысяч. А я бы тогда помог. А то вы побежали, где я вас найду. Нет, мой милый, я служил моему природному государю, а не Бонапарте. Уже истинно, еле дышу от доса-

ды, огорчения и смущения. Я, ежели выдерусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армией и служить. Стыдно носить мундир. Ей-богу, болен! А ежели наступать будете с первою армией, тогда я здоров. А то что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать и бить фланг и тыл какой-то неприятельский. Если б он был здесь, ног бы своих не выдрал, а я выйду с честью и буду ходить в сюртуке... Ох жаль, больно жаль Россию! Я со слезами пишу. Прощай, я уже не я, уже не слуга; выведу войска на Могилев и баста! Признаюсь, мне все омерзело, так что с ума схожу. Несмотря ни на что, ради бога ступайте и наступайте!

Ей-богу, оживим войска и шапками их закидаем. Иначе будет революция».

II

«Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили. Теперь побегу к Могилеву, авось их в клещи поставлю. Платов к вам бежит. Ради Бога, не осрамитесь, наступайте, а то, право, худо и стыдно мундир носить, право скину его. Они революцию делают в Несвиже; хотели в Гродно начать, но не удалось; в Вильне

тож хотели, и в Минске. Им все удастся, если мы трусов трусим. Мне одному их бить невозможно, ибо кругом был окружен и все бы потерял. Ежели хотят, чтоб я был жертвою, пусть дадут именное повеление драться до последней капли. Вот и стану.

Армия была прекрасная; все устало, истощилось. Не шутка 10 дней, все по пескам, в жары на марше, лошади артиллерийские и полковые стали и кругом неприятель. И везде бью. Ежели вперед не пойдете, я не понимаю ваших мудрых маневров. Мой маневр – искать и бить! Вот одна тактическая дислокация, какие бы следствия принесла нам. А ежели бы стояли вкупе, того бы не было! Сначала не должно было вам бежать из Вильны тотчас, а мне бы приказать спешить к вам, тогда бы иначе! А то побежали и бежите, и все ко мне обратилось! Теперь я спас все, и пойду только с тем, чтоб и вы шли. Иначе пришлите командовать другого, а я не понимаю ничего, ибо я не учен и глуп... Жаль мне смотреть на войско и на всех на наших. В России мы хуже австрийцев и пруссаков стали.

Прощай, любезный! Христос с вами!

Я всегда ваш верный, *Багратион*.
7-го дня июля».

В ночи на третьи сутки (в Витебске) главнокомандующий согласился послать корпус пехоты и несколько кавалерийских полков навстречу неприятелю по левому берегу Двины. Я предложил генерал-лейтенанта графа Остермана, блистательную репутацию в прошедшую войну сделавшего... надобен был генерал, который бы дождался сил неприятельских, и они его не уstraшили. Таков был Остерман, и он пошел с 4-м корпусом! В 12 верстах встретил он небольшую часть неприятельских передовых войск и преследовал их до местечка Островно. Здесь предстали ему силы неприятельские превосходные, и дело началось жарчайшее Ночь прекратила сражение...

Урон с обеих сторон был весьма значущий...

Ф. Вендармини. Портрет П.П. Коновницына

Генерал-лейтенант Коновницын послан с 3-й дивизией в подкрепление графу Остерману.

ну... Граф Остерман составлял его резерв... Ни храбрость войск, ни самого Коновницына бесстрашие не могли удержать стремления, и он отступил. Гренадерская дивизия пришла подкрепить его, и часть кавалерии с генерал-адъ-

ютантом Уваровым приспела для умножения тесноты и беспорядка. Я приехал в самое то время, как стрелки наши толпами и быстро отступали, и генерал Коновницын, отзываясь, что есть старший генерал-лейтенант Тучков 1-й, не заботился ввести между ими порядка, а сего последнего не заметил я вникающим в важность обстоятельств и деятельным, сколько они того требовали. Я сделал им представление о необходимости некоторого устройства, и они, отдалив излишние войска, производившие тесноту, сделали то, по крайней мере, что отступление могло быть не бегством. С окончанием дня кончилось сражение. 6-й корпус и арьергард присоединились к армии, мост сожжен, и понтоны сняты.

Того же дня поутру объехал я занимаемую для армии полковником Толем позицию и нашел в ней все заключающиеся возможные недостатки. Квартирмейстеры, не видя в лесу один другого, окликались по голосам, так частым кустарником покрыта была большая часть позиции. Позади всей оной был глубокий ров, с трудом проходимый. Спусков делать не доставало времени, отступить над-

лежало большей части армии чрез город, остальной необходимо чрез ров. Главнейшею целью предназначалось закрытие города.

В присутствии многих генералов возразил я против сей позиции, представляя, что генерального сражения здесь давать не должно было, будучи удаленными от способов пополнить потери; что еще не уничтожена совершенно надежда соединиться со 2-ю армией, единственным предметом с некоторого времени нашего отступления; что если сражение необходимо, то по крайней мере должно устроить войска по другую сторону города на Смоленской дороге и владея дорогою на Бабиновичи; что сохранять Витебск, теряя другие существеннейшие выгоды, опасно; что при неудаче отступление чрез город пагубно; что, уступив Витебск, мы прибавим один город более ко множеству целых потерянных губерний и что лучше пожертвовать им нежели другими удобствами, которых соблюдение гораздо важнее.

Ф. Вендармини. Портрет А.И. Остермана-Толстого

Главнокомандующий согласился, но не мог отменить занятия позиции для генерального сражения и приказал избрать место за городом на Смоленской дороге. Я осмотрел ее тогда уже, как войска вступали в назначен-

ные им в одной месте, и нашел, что она также лесистая, также трудные между войск сообщения, чрезвычайно обширная и гораздо большее число войск требующая. Два корпуса правого фланга 2-й и 4-й отрезаны от прочих войск глубоким весьма рвом, чрез который и без присутствия неприятеля едва можно было перевозить артиллерию. Если бы неприятель атаковал левый фланг (в чем он и не мог обмануться), имел он дня действия батарей высоты на продолжении линий и мог чрезвычайно затруднять отступление. Переменить же боевое войск устройство отнюдь было невозможно. Если же бы неприятель сделал нападение на правое крыло наше, подкрепить его чрезвычайно было затруднительно, а вскорости и совсем невозможно, разве без артиллерии.

С началом дня войска были уже устроены в позиции. Граф Пален составленным особенно авангардом... начал дело... отступил за реку Лучесу и искусно воспользовался крутymi ее берегами, защищая находящиеся в нескольких местах броды. Армия неприятельская, заняв все против лежащие горы, каза-

лось, для того развернулась, чтобы каждому из воинов своих дать зрелище искусного сопротивления графа Палена, с силами несравненно меньшими сражающегося. Не с меньшим чувством удивления смотрела и наша армия, в начальниках действовало соревнование, каждый из воинов мнил открывать в себе новую и дотоле неизведанную силу.

Осмотрев обстоятельно невыгодное армии нашей расположение, неудобство по свойству места пользоваться успехом и в случае неудачи невозможность отступления, осмелился я предложить главнокомандующему об оставлении немедленно позиции. Предложение, всеконечно, дерзкое, решительность молодого человека; расчет, однако же, был с моей стороны, ибо лучше предпринять отступление с некоторым сомнением, совершить его беспрепятственно, нежели дать сражение, и, конечно, без всякого сомнения не иметь успеха, а может быть, не избежать и совершеннейшего разбития. В одном случае, по мнению моему, можно было решиться на сражение, если бы другая армия могла после оста-

новить успехи торжествующего неприятеля и преодолеть его, потерю обессиленного. Мы были совсем в другом положении. Позади нас ближайшие войска в Калуге, малые числом, слабые составом. Они после прибыли к армии, и если единообразное одеяние ручается за способность воина, то генерал от инфантерии Милорадович прибыл из Калуги с войском!

Если бы дождались мы неприятеля в позиции, с некоторою основательностью заключить возможно, что неприятель не атаковал бы нас с фронта позиции, – но, оставя небольшую часть войск, дабы занимать нас, перешел бы реку Лучесу со всеми силами гораздо выше и, движением сим поставя себя в сношение с левым флангом корпуса Даву, в Орте и Дубровке расположенным, напал на нас по направлению от Бабинович, точно с самой слабой стороны позиции, о которой упомянул я выше. Неприятель по неудачном сражении имел тогда лучшую несравненно и прямейшую на Минск дорогу и тотчас усиливал себя всем корпусом маршала Даву, что опять предоставляло ему средства к действи-

ям наступательным.

Сей день сделал я первый над собою опыт и удостоверился, что крайность лучшее побуждение к решительности и что самая трудность предприятия в глазах исчезает. Испытал также, что в подобных случаях надобны исполнители, тою же дерзостью руководимые и тем же пламенем оживленные. Нет время рассуждением, где одному действию место решит часто одна минута!

Главнокомандующий колебался согласиться на мое предложение, простительно было заняться некоторым размышлением о положении нашем, и оно требовало всего со стороны начальника внимания! Полковник Толь, вопреки мнению многих, утверждал, что позиция соединяет все выгоды, что должно дать сражение. Генерал-лейтенант Тучков видел необходимость отступления, но боялся помыслить об исполнении. Решительность не была его свойством. Он предлагал дожидаться вечера и отступить ночью. Ему надобна была та же нерешительность и в неприятеле. Генерал-адъютант барон Корф был моего мнения, утверждать его не осмеливаясь. Я боялся и

непреклонности главнокомандующего, боялся и его согласия. Наконец приказывает дать об отступлении повеление. Пал жребий и судьба из рук неприятеля похитила лавр победы!

Было первый час пополудни, авангард в жесточайшем огне, между армий близкое расстояние, и о присутствии Наполеона известили нас пленные. О дерзость, божество, пред жертвенником коего военный человек не раз в жизни своей должен преклонить колена, ты нередко спутница благоразумия, нередко, оставляя его в удел робкому, провожаешь смелого к великим предприятиям, тебе в сей день принес я достойную жертву! В мгновение ока в лагере всеобщее движение. Войска стесняются в походное устройство, тремя путями совершается отступление армии... Неприятель, как потом объявили нам пленные чиновники, принял его за перемену боевого порядка армии. Через полчаса лесистое местоположение скрыло все войска от глаз неприятеля. Я оставался до выступления последнего человека и войска понуждал выходить рысью...

Глаза мои не отрывались от авангарда, все внимание обращено было на храброго и достойного графа Палена. Отдаляющаяся армия, вверив ему свое спокойствие, не могла, однако же, оградить его силами неприятелю соразмерными. Но поколебать мужества его ничто не было в состоянии. Я скажу с Горацием: «Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенного». До пяти часов вечера сражение продолжалось с равною жестокостью, и арьергард отступил на другую сторону города, оставя неприятеля раздавленного порядком»[42].

Давыдов так рассказывает об этом славном подвиге Ермолова:

«Барклай, имея в виду задержать неприятеля, дабы дать тем время князю Багратиону спешить чрез Могилев на соединение с первою армией, решился принять сражение сперва впереди города, а потом позади его. Оно было отменено по следующим причинам: обе позиции, весьма пересеченные, были крайне невыгодны для принятия сражения с превосходным в силах неприятелем, а потому гибельный исход битвы не мог быть

сомнителен, тем более что части армии были разобщены между собою оврагами и лесами. Резкие возражения начальника главного штаба 1-й армии, Ермолова, настойчиво требовавшего отступления армии, спасли ее от гибели и значительной потери людей, тем более бесполезной, что прибывший на первом переходе из города Витебска адъютант князя Багратиона князь Меншиков привез известие о занятии Могилева войсками маршала Даву.

Вот некоторые подробности, относящиеся к этому и сообщенные мне очевидцами этого события. Ермолов, которому уже удалось убедить главнокомандующего не принимать сражения впереди города, где по причине пересеченной и лесистой местности наши полки, не видя один другого, могли лишь перекликаться, отправился из Витебска в Островно, где мы потерпели поражение; возвратясь поздно в город, он не застал уже здесь Барклая, который находился в лагере и возымел вновь намерение сразиться с неприятелем. Ермолов, выехав на рассвете из города, прибыл к правому флангу армии, состоявшему из

войск 2-го корпуса и упиравшемся в Двину; он был отделен от прочих частей армии глубоким оврагом. Полковнику Никитину стоило величайших трудов, чтобы перевести свою конную роту чрез этот овраг; позиции прочих частей армии были столь же невыгодны для принятия боя.

Ермолов, знавший эту местность с первых лет своего служебного поприща, поспешил к Барклаю и в сильных выражениях предсказывал ему бедственный исход сражения, которое намеревались здесь принять. «Нас спасет одно обстоятельство, – говорит он, – фронт позиции нашей прикрыт речкою Лучевой, которую трудно перейти вброд, но можно отыскать его гораздо выше; пока неприятель будет занят отыскиванием удобных бродов, мы должны поспешно начать отступление; иначе наша армия подвергнется разбитию по частям».

Между тем граф Пален уже вступил в ожесточенный бой с неприятелем. На собранном военном совете все единогласно согласились с мнением Ермолова; когда старший из генерал-лейтенантов армии Николай Алексеевич

Тучков предложил удерживать позицию до вечера, Ермолов с величайшей запальчивостью возразил ему: «Кто же вам поручится в том, что наша армия будет существовать до вечера? Может быть, вашим превосходительством заключено условие, по которому Наполеон обязывается не тревожить нас до ночи?»

Результатом этого было то, что Барклай приказал войскам начать отступление. Барклай, предполагая, что Могилев занят войсками 1-й армии, думал принять сражение близ Витебска затем, чтобы, задержав здесь Наполеона, облегчить тем соединение свое с князем Багратионом. Но на 1-м переходе от Витебска прибыл адъютант князя Багратиона князь Меншиков, с известием о занятии Могилева маршалом Даву, а потому сражение близ Витебска на крайне невыгодной местности с превосходным в числе неприятелем, предводимым самим Наполеоном, неминуемо подвергало 1-ю армию жестокому и бесполезному поражению, которое могло иметь для нашего отечества самые бедственные последствия».

Возвращаемся к запискам Ермолова.

«В самый день отступления от Витебска (к Поречью и Смоленску) прибыл от князя Багратиона адъютант князь Меншиков с известием о происшедшем при Дашкове сражении, и что армия его беспрепятственно идет в соединение. Атаман генерал Платов с войском своим был уже на марше к армии и по расчету времени должен был уже с нею соединиться, ибо князь Багратион, отправляя его, приказал ускорить движение. Я послал из конвоя моего одного офицера и урядника Бугского казачьего полка с письмом к атаману, и они, проехав среди неприятеля, на втором от Витебска переходе доставили мне ответ его, из коего видно было, что он находится близко нас и фланг армии нашей закрывает.

Главнокомандующий был чрезвычайно доволен, офицера наградил двумя чинами и уряднику дал один.

Из Витебска главнокомандующий дал поручение великому князю отправиться в Москву к государю... Я заметил многих сожалевших о его отъезде и, что более делает ему чести, людей непосредственно ему подчинен-

ных. Я не говорю о себе, ибо я обязан был многими милостями и самым благосклоннейшим обращением, которых никогда не забуду. Со времени выхода из Петербурга и в продолжении кампании каждый шаг его поведения умножал привязанность к нему служащих под ним. Я, командуя гвардейскою пехотною дивизией и непосредственно завися от него, был свидетелем, что ни с кем не случилось ни малейшего неудовольствия, ниже тени неприятности[43].

Армия выступила в Поречье, 5-й и 6-й корпуса прибыли в Смоленск.

В Поречье генерал-провиантмейстер Л. докладывал военному министру, что в Велиже сожжен магазин, из нескольких тысяч четвертей овса и 64 т пудов сена состоявший.

На первом от Поречья переходе великий князь возвратился из Москвы и вступил в командование 5-м корпусом. От князя Багратиона получено известие, что он приближается беспрепятственно к Смоленску, и если нужно, то одним днем после нас вступит в город. Не знаю, с каким намерением предложил мне главнокомандующий (но, всеконечно, не для

испытания образа моих мыслей, ибо не имел он в том нужды), что как уже соединение армий не подвержено ни малейшим затруднениям, то полезнее полагает он действовать по особенному направлению, предоставив 2-й армии операционную линию на Москву, что обеих армий продовольствие затруднительно и может даже быть недостаточным, что в Торопце и на Волге большие заготовлены запасы, и Псковская и Тверская губернии сделали в провианте важные пожертвования, готовые обратиться в пользу армии, и что для того предпочитает он с 1-й армией действовать по направлению на Белой и вверх по реке Двине.

Подобное намерение подвержено многим возражениям, и я должен был опровержение мое предложить не иначе как с покорностью, но сродная мне порывистость, верный признак недостатка во мне благоразумия, которому многие в жизни неприятности должны были научить меня и которому, во сто раз умноженные, знаю я, что не покорят, заставила меня горячо объясниться с главнокомандующим.

«Государь, – говорил я ему, – видя необходимость соединения армий, многие для достижения того сделал жертвы. От него ожидает он счастливого успеха и восстановления дел наших. К тому устремлены его желания, приуготовлены умы солдат и им обещано оное. К чему послужили 2-й армии труды, перенесенные ею, преодоленные ею опасности? Вы навсегда повергаете ее в то положение, из которого вырвалась она сверх всякого ожидания. Ошибки служат наставлением, свои собственные более научают. Раз обманутый, неприятель в другой раз легко обманут не будет!»[44]

Движение ваше к Двине есть самое для неприятеля выгоднейшее, он, соединив свои силы, истребит слабую 2-ю армию и вас навсегда отдалит от полуденных областей, от содействия прочих армий. Вы не смеете сего сделать, должны соединиться с князем Багратионом, составить общий план действий и тем исполнить волю государя. Россия не будет иметь права упрекать вас, и вы успокоите ее насчет участи армий».

Я говорил с жаром, но проник я наконец

цель главнокомандующего, и порывистость моя могла казаться несколько простительною. Я видел, что соединение с князем Багратионом было неприятным. Главнокомандующий, как военный министр, мог иметь над ним некоторую власть; князь Багратион, как старший в чине, мог не покоряться. Кажется, министр не имел довольно твердости, надобно было именем государя объявить, что ему поручено начальство, но и князю Багратиону надлежало дождаться сего объявления. О власть, дар божества бесценнейший! Кто из смертных не вкушал сладостного твоего упоения, кто недостойный не почитает тебя участком могущества Божие, его благостью уделяемого; кто во образе ее не признает совершенства твоего, Непостижимый?

...О власть! Трудны пути, ведущие к тебе, велика мзда достигающим! Но для чего не одних украшаешь идущих путем правым? Для чего увенчиваешь ты исторгающих тебя беззаконием? и сим расточаешь могущественные твои очарования! Твоими обольщениями, твоею таинственною силой подвизается дерзновенный...»

Главкомандующий, терпеливо выслушавший мое возражение, простил горячность незнанию моему обращаться с людьми, и я заметил, что он часто удивлялся, как я, дожив до лет моих, не перестал быть Кандидом! Я почитаю себя простоте своей обязанным, что он не переменял ко мне своего расположения, или приметить того нельзя было, ибо ни холоднее, ни менее обязательным в обращении быть никак невозможно.

...Я в Смоленске, там, где в ребячестве моем живал я с моими родными, где служил в молодости моей, где знаком со всеми вообще, по брату моему, имеющему там родственные связи; где, могу я сказать, живал в удовольствии, ибо беспечность и свобода, размножая к тому причины, отдаляли всякое противное ощущение. Теперь я в летах прешедших время пылкой молодости, и если не по собственному убеждению, то по мнению многих, человеком порядочным и уже занимающим важное в армии место. Какие удивительные и едва ли для самого меня постижимые перевороты! Невольно вырываются у меня приятнейшие воспоминания, что я некогда платил

дань любви красотам, которых Смоленск бывал отечеством. Здесь многие предметы обновляют в памяти многие происшествия, которым одна счастливая молодость может давать место и которые не повторяются в жизни!

На другой день прибытия армии к Смоленску 2-я армия была от города в 12 верстах. Князь Багратион приехал к главнокомандующему с несколькими генералами, большою свитой, пышным конвоем. Они встретились с возможным изъявлением вежливости, со всеми наружностями приязни, с холодностью и отдалением в сердце один от другого.

В Смоленске по званию моему имел я частое сношение с гражданским губернатором, бароном Ашем... Положение армии в лице его требовало человека деятельного, но я могу сказать пример его беспечности: когда армия наша прибыла из Витебска в Поречье, он отправлял транспорт с провиантом в армию из Поречья в Витебск. Я должен был сделать ему замечание, что опасность, грозящая губернии, могла бы допустить со стороны его более

любопытства насчет армии.

В Смоленске нашли мы начало составления земского ополчения, нашли некоторое число собранных мужиков без всякого на возраст их внимания, худо снабженных одеждою, совсем не вооруженных...[45]

В Смоленске армия пробыла четыре дня, чтобы заpastись хлебом. Главнокомандующий пригласил великого князя и некоторых из отличнейших начальников, и по долгом рассуждении общее всех мнение было атаковать неприятеля. Я в первый раз в случае столько важном видел великого князя и не могу довольно сказать похвалы, как о рассуждении его чрезвычайно основательном, так и о скромности, с каковою предложил он его. Я с сего времени удвоил мое к нему почтение. Главнокомандующий был один, не весьма охотно давший согласие на атаку; он ожидал точнейших о неприятеле сведений, и ожидал их от передовых постов, которые никаких не имели...

Все благоприятствовало предпринимаемой нами атаке. Рассеянные на большом пространстве (в Поречье, Велиже, Сураже, Орше,

Лядах, Витебске) неприятельские войска, бездействием нашим обезличенные, а в надежде продолжительнейшего отдохновения нашего покаяющиеся, в успехе удостоверили... Сто двадцать тысяч россиян с любовью к отечеству, с отмщением в груди, и Бог споборник правого! Кто мог противустать? Дан приказ к наступлению! Воспрянула бодрость в сердцах начальников, разлилось веселье между воинами. Уже слышен глас трубы, призывающей к брани. Уже веют победоносные знамена! С изумлением взирает Смоленск на силы ополчений и взором их обнять не может. Твердые стены его сотрясаются от радостных восклицаний воинства. Днепр шумит, гордясь согласным пути его течением! Как вихрь летят полки, и вмиг расстояние между нами исчезает. Еще шаг – и уже перед лицом их! Пресекает путь ваш, храбрые воины, веление начальствующего!

Армии, не доходя на расстояние небольшого марша от Рудни, остановились. Главнокомандующий колебался идти далее, князь Багратион настоятельно того требовал. Вместо быстрого движения, в положении нашем

единственного средства к успеху, дан армиям день отдохновения. Дан неприятелю лишний день для соединения сил. Он мог узнать о нашем предприятии...

Взятый в плен (Платовым при Пешне) полковник утверждал, что они не знали о приближении армии нашей и никаких на то особенных распоряжений не сделано...

...Еще обстоятельства благоприятствовали нам, еще ничто потеряно не было, если бы главнокомандующий тверд был в намерении... Главнокомандующий не только отклонился от исполнения предначертанного плана, но и переменял его совершенно.

Через день 2-я армия по причине худой воды, производившей болезни, и не менее даже от недостатка оной, возвратилась в Смоленск. 1-я армия четыре дня без действия пребывала в Мощинке.

...Главнокомандующий предпочитал действовать со стороны Поречья, и нельзя постигнуть причин сего намерения. Отделить ни одного из корпусов неприятельских было невозможно.

Никогда не забуду я странного намерения твоего, Барклай де Толли, и никогда не прощу тебе отмену атаки на Рудню! За что терпел я от тебя упреки, Багратион, благодетель мой? Не я ли при первой мысли о нападении на Рудню настаивал на исполнении, не я ли требовал скорости оногo? Я все средства употреблял удерживать между вами, яко главными начальниками, доброе согласие, боясь и малейшего между вами охлаждения. Скажу и то, что в сношениях ваших, в объяснениях одного с другим, чрез меня происходивших, я холодность, грубость Барклая де Толли представлял пред тебя во всех тех видах, какие могли тебе казаться приятными. Твои отзывы дерзкие и колкие передавал ему в выражениях самых обязательных. Ты часто говаривал мне, что не ожидал найти в Барклае столько хорошего, как нашел в нем. Не раз он мне повторял, что он не думал, чтобы можно было служить вместе с тобою с такою приятностью.

Благодаря доверенности обоих вас ко мне я долго бы удерживал вас в сем мнении, но причиною вражды между вами помощник

твой граф Сен-При.

Ф. Вендармини. Портрет И.В. Васильчикова

Он с завистью смотрел на то, что я более

его употреблен был и твоею пользовался дружбою. Начальство Барклая де Толли, звание его военного министра, мне, как чиновнику к нему близкому, давали над Сен-При некое первенство и занятиям моим большую наружность. Он пользу общую заставил молчать пред собственною. Хотел значить более нежели должно, более нежели мог, и тем хуже для тебя, что молодому сему и счастьем и двором избалованному человеку дал ты слишком много свободы!

Потеряв много времени, потеряв время бесценное, 1-я армия из Мощинки пошла тою же дорогой обратно к Рудне. Точного намерения не было ни искать неприятеля, чтобы с ним сразиться, ни дожидаться его прибытия, но довольно идти вперед, чтобы князь Багратион присоединился. Лишь армия прибыла к селению Гаврики, где стоял авангард генерал-адъютанта Васильчикова, войска 2-й армии были уже на втором от Смоленска марше и приближались, чтобы занять левое крыло позиции...

В сие самое время князь Багратион получил рапорт генерал-майора Неверовского, что

3 июля неприятель в больших силах весьма напал на него в Красном, где, упорно защищаясь, был он вытеснен, стремительно преследуем, потерпел знатный урон, потерял несколько пушек и отступает к Смоленску. Нерасторопный курьер был сутки в дороге, и неприятеля можно уже было полагать в движении на Смоленск. Во время чтения рапорта слышен был глухой звук выстрелов, и передовые посты известили о сильной канонаде.

Корпусу генерал-лейтенанта Раевского приказано тотчас идти поспешнее к генерал-майору Неверовскому в подкрепление. 2-я армия немедленно пошла к Смоленску, вслед за нею отправилась и 1-я армия. Атаману Платову велено, собрав партии, отойти к селению Приказ-Выдра и там расположиться... В Смоленске было величайшее смятение. Губернатор барон Аш уехал первый, не сделав ни о чем распоряжения, не дав никаких подчиненным наставлений. Все побежало! Исчезли власти, не стало порядка!

Возвращаясь от селения Гаврики, склонил я флигель-адъютанта полковника Кикина вступить в должность дежурного генерала,

которую оставил он за болезнью, не принимал за упрямством. Особенная сродная ему склонность к порядку, необыкновенная деятельность и знание нового порядка дел, при введении коего он находился и сам способствовал образованию дежурства армии, заставили меня искать его, а паче сближение его со мною, когда ни я не привлекателен, ни он не привязчив, давало мне подозрение, что он собственно для меня в том не откажет. Помню даже, что раз упрекал его равнодушием к беспорядкам, нечувствительностью к общей пользе. Я ничем не тронул его; сыскал его дружбу, и он согласился!

...Ты, преупрямейшее существо, Кикин, которого впоследствии любил я, как брата, которого почитаю честность правил и прекрасное свойство души, поздно начал ты смеяться над моим обращением, поздно странными нашел употребляемые мною в обхождении способы, столько по наружности одинаковые, столько разнообразные по действию. Они и над тобой самим имели действие. Ты не заметил, что впечатление их зависит от различного образа чувств, и если можно мне доказать, что и ты,

и Ставраков одинаково понимаете вещи, то соглашусь я, что любезный друг, старый товарищ и почтенный сослуживец одинаково всеми принимаемы и одинаковую цену в чувствах каждого имеют. Чем сблизил я тебя с собою? Обыкновенным умом не привлекают! Конечно, не очаровал приятностью: взгляни мне в рожу, или после собственной твоей кажусь я еще хорошим? И так успел я моим обращением, обыкновенными моими средствами, и Кикин мне брат, а Ставраков сослуживец!

Прощай, Ставраков, любезный сослуживец, несчастный дежурный генерал, комендант несравненный! Уже не приходишь ты ко мне с представлениями и не требуешь разрешения, накладывать ли на подводы тех раненых, кои идти не могут? Уже не вижу тебя углубленного в размышление, сколько наряжать людей на похороны умирающим чиновникам, и в сомнении бегущего ко мне за разрешением. Прощай, но прими благодарение мое за упражнение деятельности моей, за удержание меня в трудах непрерывных. Ты прервал связь мою с ленью, ты утвердил в

неутомимости, и благодаря тебе я и твою отправлял должность! О лень, всегда мною чтимая! Прими меня возвращающегося к тебе, клянусь вечным постоянством. Распрости нежные твои объятия, и я почию в них сном праздности. Ксенофонт! Неси соломы, стели роскошную постелю. Адъютанты! Кикин, дежурный генерал, добра ночь!

4 июля весь день генерал-лейтенант Раевский дрался один с своим корпусом и 27-й дивизией. 2-я армия прибыла поздно в вечеру, 1-я армия ночью. Он не только не впустил неприятеля в город, но, заняв предместья, и оными овладеть не допустил...

5-го числа сражение продолжалось с жестокостью, урон наш был чувствителен, но стены, нас ограждавшие, укрывая от действия артиллерии, сделали его ничтожным в сравнении с потерей неприятеля, которая была ужасна. В сем случае Наполеон не пощадил поляков, и они, рабственно прихотям его служащие, понесли на себе всю почти потерю. За час до вечера неприятель приблизился

весьма к стене, а стрелки наши должны были войти в город. Часть предместья, лежавшая по Днепру с левой стороны, была во власти его, мост осыпаясь ядрами приблизившихся его батарей, город во многих местах объят пламенем...

...Князь Багратион склонял главнокомандующего непременно на следующий день защищать город и атаковать неприятеля, предлагал со своею армией переправиться на левый берег, и чтоб он то же сделал с своей стороны. Главнокомандующий спросил о том при мне полковника Толя мнение, который отвечал, что надобно атаковать неприятеля двумя колоннами из города. Я возразил против сего предложения и удивился, что человек с его понятиями мог допустить столько неосновательные мысли и в случае столько важном. Как предложить атаковать из города, когда в нем малое число весьма ворот (заметить должно, что ворота не прямые, но имеют повороты)? Какое продолжительное надобно время, чтобы небольшое число войск могло пройти их, и как развернуть их под огнем артиллерии, к самым почти стенам горо-

да придвинутой, дабы дать место второй линии и резервам, и когда приспеть может сопровождающая атаки артиллерия? Как собрать войска в улицах города, где не осталось дома, не разрушенного артиллерией, и требовать от них порядка и устройства?

Я присоединил к возражению моему случай отступления, при котором все упомянутые неудобства возрасти должны в большей степени. Главнокомандующий согласился с моим замечанием. Я представил, что если необходимо нужно атаковать неприятеля, то переправиться на ту сторону Днепра мимо города и с правой его стороны; ибо тогда весь форштат принадлежал еще нам и, усиля его оборону, можно было удержать оный за собою. Устроенные чрез Днепр мосты могли быть сильно защищены батареями правого фланга крепости... В случае отступления близки были каменные церкви и большие монастыри с оградами, которые успехам неприятеля не дали бы распространиться.

2-я армия никак не должна была переправиться выше и атаковать правое неприятеля крыло, как то предполагал князь Багратион,

ибо неприятель или бы воспрепятствовал ее переправе по близости оной, а если бы переправилась она далее, то по расстоянию ее от 1-й армии мог совершенно ее уничтожить. Трудно было в таком случае удержать согласие в действии, соблюсти взаимное подкрепление, имея единственное сообщение чрез город, величайшей медленности подверженное, которое мог неприятель нарушать, весьма малыми силами не выпуская войск наших из города, тогда как беспрепятственно сосредоточивать мог свои войска по произволу.

Возражая таким образом против неосновательного мнения князя Багратиона и полковника Толя, я в свою очередь сделал также неблагоприятный поступок, поддерживая предложение гг. корпусных командиров, которые чрез генерал-майора графа Кутайсова представляли главнокомандующему, чтоб еще один день защищать Смоленск. Его необходимо было защищать в одном только случае, если бы положено было атаковать неприятеля непременно. Если главнокомандующий с первого дня не имел того намерения, то и защищать его не должно было, ибо даже и

удержать за собою бесполезно... Наполеон искал случая вступить в сражение, ибо дальний путь и быстрый ход чрезвычайно изнуряли его войско, которое от продолжения времени ослабевало ощутительно, и в сих только причинах надобно искать начало бесполезных его при Смоленске усилий.

Главнокомандующий приказал ночью оставить город, и войскам, перейдя на правый берег, истребить мост. До вечера продолжавшееся сражение не допустило войска рано оставить город и последние полки вышли пред рассветом беспрепятственно, за коими вскоре неприятель занял город.

Я приказал вынести из города образ Смоленской Богоматери, укрывая его от бесчинств, делаемых неприятелем со святынею. Принял его, отслужил молебен и видел с радостью, что над солдатами произвело сие хорошее действие.

Петер фон Гесс. Сражение при Смоленске 5 августа 1812 г.

6-го числа сделано распоряжение об от-

ступлении. Того же числа армия князя Багратиона пошла к селению Пнева слобода, дабы переправиться за Днепр заблаговременно.

Итак оставили мы тебя, Смоленск! Судьба претила нам защищать тебя долее. Привлекли на тебя все роды бедствий, наполнили отчаянием и страхом, превратили в жилище ужаса и смерти. Собственными руками ускоряли твое разрушение, разнесли пожирающий тебя пламень, а ты, озаряя нас сиянием снедающих тебя пожаров, казалось, упрекаешь нам твоим бедствием, а в стыд нам расточаешь мрак, скрывающий наше отступление.

Разрушение Смоленска познакомило меня совсем с новым для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают... Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов своего отечества. В первый раз в жизни коснулся ушей моих стон соотчичей, впервые раскрылись глаза мои на ужас бедственного их состояния, и, конечно, на всю жизнь останутся в сердце воспоминания. Незнакомо было мне сие чувство, судьба и оному научила. По занятии неприятелем Смоленска приказано было бросать бомбы в город, и французы немалый потерпели урон...

Началось 7-е число, происшествиями достопамятное. Главнокомандующий, поехав в полночь от Смоленска, полагал, что войска, отступившие с вечера, прошли уже большое расстояние, но весьма был удивлен, найдя на лагере весь корпус генерал-лейтенанта Багговута. Трудный путь, худыя переправы, ночь необычайно темная, останавливали на каждом шагу движение артиллерии, и войска едва подвигались вперед. Уже оставалось ночи весьма короткое время, и до рассвета почти

невозможно было удалиться из виду неприятельских армий. Почувствовал главнокомандующий неприятность нашего положения, и сколько в подобном случае опасно, если будут нас преследовать французы, в чем нельзя было, впрочем, усомниться! Он приказал мне ехать и употребить все средства к скорейшему войск ходу, употребил даже просьбы, чтобы я старался о том сколько возможно[46]. Отъезжая, пожелал я ему, чтобы в сей день ничего с нами не случилось, но оба мы в том сомневались.

Ф. Вендармини. Портрет А.И. Горчакова

Проехав не более трех верст, прогоняя вперед артиллерию, нашел я среди пехотной колонны два эскадрона Сумского гусарского полка, начальник коих донес мне, что он, не более двухсот шагов оттуда стоя на посту, был прогнан неприятелем, занявшим его место, причем ранено у него два гусара. От него узнал я, что вместе с нам на посту были егеря от авангарда князя Горчакова, которые отошли прежде, нежели отряд генерал-майора Тучкова прошел сие место, но тогда неприятель

тель еще не появлялся. Поправить сего было невозможно, ибо ни положения неприятеля, ни сил его по темноте нельзя было рассмотреть, а оставалось только желать, чтобы войска успели пройти без препятствия сие место, где, между прочим, переправа около мельни-

цы немало была затруднительна.

Я известил главнокомандующего о сем обстоятельстве и поспешил далее. Строгость, угрозы и шум моих адъютантов прогоняли артиллерию, что одно и надобно было, ибо войска могли идти скоро. Начинало рассветать немного, и войска, сделав около 10 верст пути, остановились некоторое время, и я знаю причину, что идущий в голове с 1-м кавалерийским корпусом генерал-адъютант Уваров расположился фуражировать в деревне и вьючить на лошадей сено.

Если б Уваров и был для армии человеком необходимым, то в сию минуту, конечно, был ей в тягость. Как начальник главного штаба, имеющий власть приказывать именем главнокомандующего, пишу я к нему записку и не пишу комплиментов, – корпусу назначаю, не дожидаясь пехоты, идти занять то место, где проселочная дорога, по коей мы идем, соединяется с почтовою.

Д. Доу. Портрет А.А. Тучкова

Вскоре услышаны пушечные выстрелы изредка и, спустя мало времени потом, гораздо

чаще; я приказал пехоте идти сколько можно поспешнее. Начальствующий всю колонною генерал-лейтенант Тучков (Николай Алексеевич) оставался ночевать в деревне, и его найти было невозможно, но я, увидевшись с генерал-лейтенантом Коновницыным и перегово-

ря с ним, был уверен, что сей в трудах неутомимый человек все исполнит наилучшим образом. Я посылаю к главнокомандующему адъютанта и прошу уведомить меня, что происходит в арьергарде? Пишу к нему записку, что если против него канонада, то нет ничего опасного, и если даже может быть потеря, но не будет следствий; ежели же действует отряд генерал-майора Тучкова (впереди), то легко может быть отрезана большая дорога и мы атакованы на марше, и тогда трудно даже будет соединиться с другою колонною армии, которая пошла прямо на переправу через Днепр у Пневой слободы.

Для ускорения движения приказал я посадить людей на орудия и идти рысью. Вскоре получаю известие от главнокомандующего, что арьергард сильно преследуем неприятелем, который, по занятии предместья на правом берегу, захватил высоты, мимо коих проходила колонна[47], и движением сим отрезал арьергард так, что часть кавалерии оного должна была проскакивать под выстрелами и что для подкрепления оного возвратил он весь 2-й корпус генерал-лейтенанта Баггову-

та, который, вытеснив неприятеля из его положения, открыл арьергарду путь к отступлению, но что, однако же, сражение, продолжаясь весьма сильно, требует его там присутствия.

Между тем выходит генерал-адъютант Уваров с кавалерийским корпусом на почтовую дорогу, за ним вслед 1-я гренадерская и 3-я пехотная дивизии. На самом соединении дорог расположен был Елисаветградский гусарский полк, принадлежащий отряду генерал-майора Тучкова, которого полагали в 7 верстах впереди к городу, на том месте, где был авангард 2-й армии генерал-лейтенанта князя Горчакова. Командир полка донес, что и сам генерал-майор Тучков не более 1 версты впереди. От него узнали мы, что генерал-лейтенант князь Горчаков, не дождавшись его, отошел с авангардом ко 2-й армии, сняв вообще все посты, и только оставил три полка донские в команде генерал-майора Карпова, которым также приказано следовать к армии. Я остановил сии полки, чтобы сколько можно удерживали они неприятеля, который имел с ними весьма слабую пере-

стрелку и вперед не подавался.

Генерал-майор Тучков мог еще подвинуться около 2 верст, но далее расположен был неприятель в силах. Я предложил генерал-лейтенанту Тучкову 1-му подкрепить отряд генерал-майора Тучкова гренадерскими лейб- и графа Аракчеева полками под командою полковника Желтухина 2-го и полуротою батарейной артиллерии. Все прочие войска отошли на ночлег 6 верст далее к стороне Дорогобужа.

Было 10 часов утра и довольно спокойно со стороны Смоленска, но слишком рано было, чтобы до конца дня надеяться на продолжение сего спокойствия, и слишком близко позади соединение обеих дорог. Еще не прибыл 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана, много артиллерии разбросано было по дороге, 2-й корпус был в далеком расстоянии, и арьергард, которому служил он подкреплением, удерживал ход его. Позади соединения дорог в 2 верстах была весьма выгодная позиция, которой фронт, над окрестными местами возвышенный, прикрывался болотистою чрезвычайно речкой, но нельзя было занять

онуую, ибо надлежало уступить дорогу неприятелю.

Итак необходимость заставила расположиться в позиции самой невыгодной. Правый фланг ее простирался по холму, защита коего было существовающею для нас важною, ибо он закрывал у подошвы его сходящиеся позади дороги, и, его не имея, не можно было ни отступить, ниже усилить какую-либо часть войск всего боевого устройства, ибо по всей линии сего фланга можно было проходить войскам. Центр позиции покрывался частым кустарником по низкому и частью болотистому месту. К левому крылу несколько вперед выдавался лес, густой, но необширный; на конечности оногo пространное поле, для действия конницы удобное, склонялось назад к ручью весьма тинистому. Необходимо было занять поле сие и даже отделить на то значащую часть артиллерии, ибо неприятель, устроив на нем свои батареи, охватывал тыл всех прочих частей линии нашей и дорогу, к ним ведущую.

Генерал-майор Тучков дал знать, что при-
мечено умножение неприятельских сил, и

препроводил схваченных двух виртембергских гусар, которые сказали, что 16 полков неприятельской кавалерии ожидают прибытия пехоты в большом количестве и тогда сделают на нас нападение. Генерал-майор Карпов уведомил, что разъезды его открыли переправу французской армии на правый берег Днепра по нескольким наведенным мостам. Я предложил генерал-лейтенанту Тучкову 1-му возвратить войска, отошедшие на ночлег, и донес об известиях главнокомандующему. Он прислал мне приказание вступить в сражение и уведомил, что он прибудет сам, устроив дела арьергарда. Обстоятельства сражения видны из реляции ниже сего, которую подал я главнокомандующему от 22 сентября, за № 501, и которую приказал он мне прямо от себя представить его светлости фельдмаршалу князю Кутузову. Важные происшествия, сопровождавшие сие сражение, затруднительное положение, из коего с выгодою вышли войска наши, и особенная доверенность, возложенная на меня в сей день главнокомандующим, позволяют мне с приятностью распространиться о таком деле, в

котором главнокомандующий большую часть успеха обратил собственно на счет мой.

Реляция о сражении 7 августа при селении Заболотье

После трехсуточной защиты города Смоленска определено было отступление армии. 2-я армия прикрывала переправу чрез Днепр, большими неприятельскими силами угрожаемую. Авангард ее был в 6 верстах от Смоленска на Московской дороге. 1-я армия следовала двумя колоннами. Первая под командою генерала Дохтурова, из 5-го и 6-го корпусов и арьергарда генерала от кавалерии Платова, следовала дорогою, от неприятеля отклонившеюся и безопасною.

2, 3 и 4-й корпуса и арьергард генерал-адъютанта барона Корфа должны были сделать фланговой марш для достижения большой Московской дороги, путями трудными и гористыми, ход их умедливавшими. В продолжение сего авангард 2-й армии отошел и на смену его заблаговременно посланный отряд генерал-майора Тучкова 3-го, состоящий из 20-го и 21-го егерских, Ревельского пехотного и

гусарского Елисаветградского полков, встретил уже неприятеля на одиннадцатой версте от города.

Арьергард генерал-адъютанта барона Корфа в близком от Смоленска расстоянии был атакован большими неприятеля силами. Ваше высокопревосходительство, свидетель сего упорного сражения, должны были ввести в дело 2-й корпус генерал-лейтенанта Багговута, прочие корпуса продолжали путь свой. Я получил повеление вашего высокопревосходительства ускорить их движение. Важность обстоятельств того требовала: надобно было захватить соединение дорог. Невозможно было употребить довольно поспешности. Соединение было близко от Смоленска, отряд генерал-майора Тучкова 3-го слаб против неприятеля. Именем вашего высокопревосходительства приказал я 1-му кавалерийскому корпусу генерал-адъютанта Уварова поспешно занять соединение дорог, что было исполнено без замедления. 3-й корпус генерал-лейтенанта Тучкова 1-го, горящий желанием встретить неприятеля, пришел по свежим следам кавалерии. Генерал-майору Пассеку поручил я

проводить артиллерию рысью. 4-й корпус генерал-лейтенанта графа Остермана-Толстого пришел мало времени спустя.

Я нашел отряд генерал-майора Тучкова 3-го в 2 только верстах от соединения дорог. Приказал часть пехоты подвинуть вперед, подкрепил его бригадою полковника Желтухина из лейб-гренадерского и графа Аракчеева полков и 6-ю батарейнными орудиями. Передовые посты были в перестрелке, но неприятель был слаб. 3-й и 4-й корпуса отошли на назначенный ночлег в 6 верстах расстояния. В 2 часа пополудни усилился огонь на передовых постах, и два дезертира объявили, что неприятель в числе двенадцати полков пехоты и кавалерии готов сделать нападение, коль скоро большие силы, переправляющиеся с левого берега Днепра, к ним присоединятся.

Командующий передовыми постами войска Донского генерал-майор Карпов дал известие, что неприятель со многими силами переходит реку. Я известил о сем генерал-лейтенанта Тучкова и 3-му корпусу приказал прийти поспешнее. Передовые посты уступили си-

лам неприятеля, и к пятому часу должен был уже и 4-й корпус приблизиться. Я донес вашему высокопревосходительству, и вам угодно было приказать мне расположить войско в боевое устройство в ожидании вашего прибытия из арьергарда. Вскоре началось дело во всей силе. Неприятель употребил все усилия по большой почтовой дороге. Но выгодное положение с нашей стороны и не присевшая еще дотоле неприятельская артиллерия дала возможность удержаться. Неприятель умножил стрелков на левом фланге отряда генерал-майора Тучкова 3-го, но по распоряжению его употребленный 20-й егерский полк с генерал-майором князем Шаховским удержал его и дал время 3-й дивизии полкам Черниговскому, Муромскому и Селенгинскому приспеть и утвердиться.

Вскоре прибыла неприятельская артиллерия и канонада с обеих сторон усилилась чрезвычайно. Ваше высокопревосходительство изволили прибыть к сражающимся войскам. Появилась неприятельская кавалерия и как туча возлегла на правом крыле своем. Всю бывшую при корпусах кавалерию, кроме

1-го корпуса, надобно было по необходимости употребить на левом нашем крыле. Силы неприятеля были превосходны, местоположение в его пользу. Позади нашей кавалерии болотистый ручей, трудная переправа артиллерии. Но бригада под командою генерал-майора князя Гуриала, быстро вытеснившая неприятельскую пехоту из леса, к которому пролежала его кавалерия, сделала атаки ее нерешительными, робкими, паче же Перновский полк с генерал-майором Чоглоковым, выстроенный в колонне среди самого неприятеля, подкрепляя нашу кавалерию, удвоил ее силу. 24 орудия сделали ее непреодолимою! По силам неприятельской кавалерии, казалось, должно было одной лишь быть атаке и вместе с нею истреблению левого нашего крыла. По храбрости войск наших каждая атака обрацаема была в бегство как с потерю, равно и со стыдом неприятеля. Кавалерией и казаками приказал я командовать генерал-адъютанту графу Орлову-Денисову. С обеих сторон повторенные равным образом атаки и отражение продолжались довольно долго. В сие время прибыла 17-я дивизия гене-

рал-лейтенанта Олсуфьева и утомленные в деле с арьергардом генерал-адъютанта барона Корфа полки употреблены были в подкрепление правого крыла, как пункта от главных неприятеля атак удаленного. На центре усилились батареи неприятеля, но противостоявшие неустрашимо 3-й дивизии полки Черниговский, Муромский и Селенгинский, удержав место, отразили неприятеля, который, бросаясь на большую дорогу, привел в замешательство часть войск, оную прикрывавших.

В должности дежурного генерала флигель-адъютант полковник Кикин, адъютант мой лейб-гвардии конной артиллерии поручик Граббе и состоявший при мне штаб-ротмистр Деюнкер, адъютант генерала Милорадовича, собрав рассеянных людей, бросились с барабанным боем в штыки и в короткое время очистили дорогу, восстановив тем связь между частями войск. Не успевший в намерении неприятель отклонил атаку и последние усилия на правое наше крыло. Батарея наша из четырех орудий была сбита, и я, неверяя утомленным полкам 17-й дивизии восстанов-

ление прервавшегося порядка, лейб-гвардии гренадерский полк в присутствии вашего высокопревосходительства повел сам на батарею неприятельскую. Полковник Желтухин, действуя отлично храбро, опрокинул все, что ему встретилось на пути. Я достигал уже батареи, но сильный картечный огонь, храброму сему полку пресекавший путь, привел его в расстройство. Атаки неприятеля однако же прекратились. Полк занял прежнее свое место, и с обеих сторон возгорелся сильный ружейный огонь. Екатеринославский гренадерский полк пришел в помощь и полки 17-й дивизии участвовали, а более стрелками. Генерал-майор Тучков 3-й, опрокинувший сильную неприятельскую колонну и увлеченный успехом, во время, к ночи узко клонящееся, взят в плен. Генерал-лейтенант Коновницын, невзирая на сильный повсюду неприятельский огонь, оттеснил неприятеля на всех пунктах правого крыла и удержал за нами как место сражения, так и то, которое находилось далее. Он учредил посты, отпустил артиллерию, снял войска с позиции в совершенном порядке, и армия беспрепятственно отступила к До-

рогобужу и соединилась со 2-ю армией.

Списки об отличившихся... имею честь представить, с моей стороны доверенность вашего высокопревосходительства стараясь заслужить справедливостью моего донесения».

Д.В. Давыдов так описывает это дело:

«Распорядившись насчет отступления армии из-под Смоленска, Барклай и Ермолов ночевали в арьергарде близ самого города. Барклай, предполагая, что прочие корпуса армии станут, между тем, выдвигаться по дороге к Соловьевой переправе, приказал разбудить себя в полночь, для того чтобы лично приказать арьергарду начать отступление. Когда наступила полночь, он с ужасом увидал, что 2-й корпус еще вовсе не трогался с места, он сказал Ермолову: «*Nous sommes en grand danger comment cela a-t-il pu arriver?*»[48] К этому он присовокупил: «Поезжайте вперед, ускоряйте марш войск, а я пока здесь останусь».

Дурные дороги задержали корпус Остермана, который следовал потому весьма медленно. Прибыв на рассвете в место, где корпуса

Остермана и Тучкова 1-го располагались на ночлег, Ермолов, именем Барклая, приказал им следовать далее. Князь Багратион, Ермолов и Толь утверждают, что Тучкову 3-му надлежало не только занять перекресток дорог, но и придвинуться ближе к Смоленску на подкрепление Карпова и смену князя Горчакова.

Услыхав пушечные выстрелы, Ермолов писал отсюда Барклаю: «Если выстрелы, мною слышанные – с вашей стороны, мы можем много потерять; если же они со стороны Тучкова 3-го, большая часть нашей артиллерии может сделаться добычею неприятеля; во всяком случае прошу ваше высокопревосходительство не беспокоиться, я приму все необходимая меры». На самом деле 180 орудий, следуя медленно и по дурным дорогам, находились еще в далеком расстоянии от Соловьевой переправы. К величайшему благополучию нашему, Жюно, находившийся на нашем левом фланге, не трогался с места; Ермолов обнаружил здесь редкую деятельность и замечательную предусмотрительность.

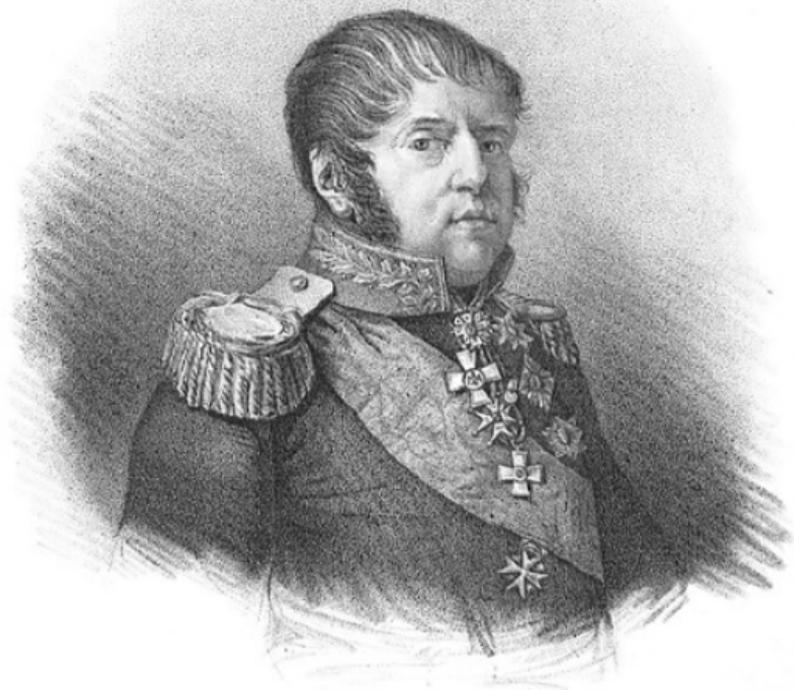
По его распоряжению граф Кутайсов и ге-

нерал Пассек поспешили к артиллерии, которой приказано было следовать как можно скорее; здесь в первый раз употреблена была команда: *на орудие садись!*

Ермолов, достигнув перекрестка, поехал далее по направлению к Соловьевой переправе и возвращал назад встречаемые им войска. Принц Александр Виртембергский, не имевший команды, просил Ермолова поручить ему что-нибудь; придав принцу сведущего штаб-офицера с солдатами, он просил его заняться улучшением дорог.

Ф. Вендармини. Портрет А. Виртембергского

Возвратившись к перекрестку, Ермолов узнал здесь от генерала Всеволожского, что Тучков 3-й находится лишь в 300 саженьях отсюда. Князь Багратион в письме своем Ермолову, от 8 августа, между прочим, пишет: «Надо примерно наказать офицера квартирмейстерской части, который вел Тучкова 3-го; вообрази, что за 8 верст вывел далее, а Горчаков дожидался до тех пор, пока армия ваша пришла».

Взяв в плен двух вестфальцев корпуса Жюно, Тучков 3-й препроводил их к Ермолову, которому они объявили, что у них 16 полков одной кавалерии. Ермолов писал отсюда с капитаном квартирмейстерской части Ховеном (впоследствии тифлисским военным губерна-

тором) великому князю Константину Павловичу, следовавшему в колонне Дохтурова, что надо поспешить к Соловьевой переправе, перейти там реку и, расположившись на позиции, покровительствовать переправе прочих войск.

Приказав, именем Барклая, Остерману и Тучкову 1-му подкрепить Тучкова 3-го, Ермолов направил графа Орлова-Денисова к Заболотью, где он, однако, не мог бы выдержать натиска неприятеля, если бы, вместе с тем, не велено было командиру Екатеринбургского полка князю Гуриелю занять роццу; во время нападений неприятеля на графа Орлова-Денисова, Гуриель поддерживал его батальным огнем из роцци. Получив записку Ермолова, Барклай отвечал: «С Богом, начинайте, а я, между тем, подъеду». Прибыв вскоре к колонне Тучкова 3-го и найдя, что здесь уже были приняты все необходимые меры, Барклай дозволил Ермолову распорядиться войсками.

Между тем неприятель, заняв одну высоту несколькими орудиями, наносил нам большой вред; Ермолов приказал Желтухину со своими лейб-гренадерами овладеть этою вы-

сотой. Желтухин, не заметив, что высота весьма крута, повел слишком быстро своих гренадер, которые, будучи весьма утомлены во время подъема, были опрокинуты неприятелем. Неприятель, заметив, что этот храбрый полк, здесь сильно потерпевший, намеревается вновь атаковать высоту, свез свои орудия. Между тем Наполеон навел 5 понтонных, через которые французы могли атаковать наши войска с фланга и тыла; если бы Тучков 3-й придвинулся ближе к Смоленску, он бы мог быть отрезан. Все наши войска и артиллерия, благодаря неутомимой деятельности, энергии и распорядительности Ермолова, но в особенности бездействию Жюно, достигли благополучно Соловьевой переправы. Барклай, оценив вполне заслуги Ермолова, поручил ему представлять от своего имени рапорт о том князю Кутузову[49].

Возвратимся к рассказу самого Ермолова.

«На другой день рано армия перешла за Днепр. 9-го числа первая армия вся вместе прибыла к селению У святы. Днем прежде, 2-я армия расположилась неподалеку от Дорого-

бужа.

16-го числа был войскам растах...[50]

На другой день войска перешли к Дорогобужу. Полковнику Толю приказано расположить их подле города. Между тем пехота арьергарда (атамана Платова) пришла к селу У святы и заняла оное.

1-я армия осталась у Дорогобужа только до вечера, 2-я тотчас начала выступать и потянулась вверх по левому берегу реки Осьмы, дабы занять идущую от стороны Ельны дорогу, которою мог воспользоваться неприятель, и, между тем, для того, чтоб обеим армиям разделиться для удобнейшего движения войск.

...Армия была уже в селении Семлево... Предположено было остановиться два дня, ибо утомленные продолжительным отступлением войска имели нужду в отдохновении... В первый день отдохновения атаман Платов прислал занимать лагерь для арьергарда, донося, что неприятель сильно теснит его и он, не в состоянии будучи удержать его стремительности, находится только в 8 верстах и ночью прибудет в селение Семлево... 1-я армия

должна была оставить Семлево, 2-я армия, всегда на одной высоте на левом ее фланге находящаяся, последовала также далее (к Вязьме), вместо предположенного отдохновения.

От генерала от инфантерии Милорадовича получено известие, что он с войсками, сформированными им в городе Калуге, в числе 16 тысяч человек, большею частью пехоты, спешит соединиться с армией. Здесь приводим несколько писем из военной переписки, относящейся ко времени, о котором идет речь. Желательно, чтобы военные люди разместили эти письма возможно точнее.

Письма Багратиона к Ермолову

I

«Любезный Алексей Петрович!
Я писал бумагу министру: вы, я думаю, читали. Вуде же нет, должны прочесть по званию вашему, я ожидаю ответа. Покорно прошу отослать сего подносителя, царевича Грузинского, в гвардии егерский полк.

Весь ваш князь Багратион.

29 июля.

Выдра».

II

«Отношение обширное министра я получил: оно не заслуживает никакого внимания, ибо невозможно делать лучше и полезнее для неприятеля, как он. Я пишу к нему единственно для очистки себя и отвязаться от него. Завтра отпущу дивизию гренадерскую в Смоленск, а потом и остальные мои бедные войска последуют туда же. Авангард останется по-прежнему сутки, а потом постепенно будет подвигаться к Смоленску, дабы точно занять мне дорогу в Дорогобуж. А здесь, в боло-

тах и лесах, а особливо по теперешней погоде, делать совершенно нечего. Министру надобно обратить весьма деятельное внимание о заготовлении нового хлеба, дать способ уездам жать, сушить и молоть. Министру надобно настоятельно просить главнокомандующего в Москве о поспешном ополчении, дабы в течение десяти дней хотя бы иметь нам в прибавок до десяти тысяч (50 т.). Я не ведаю, как расписаны по губерниям из Калуги, Тулы, Ярославля и Нижнего Новгорода, куда должны ратники поступать? Ежели в Москву надобно их везти, то почтою и скоро, ибо, по мнению моему, ежели в течение одного месяца мы очутились за Смоленском, то как же неприятель не воспользуется пробежать 300 верст в десять дней, а мы все будем переписываться о Поречье и Мстиславичах? Истинно, я сам не знаю, что мне делать с ним? И о чем он думает? Голова его на плахе, точно так и должно! Странно и то, что от Государя нет никакого известия, а до столицы не далеко! Узнай, ради самого Бога, где Тормасов, что он делает, куда он направил свой путь; также где граф Витгенштейн? Без толку и связи не

только операций, но и ничего сделать невозможно. От моего авангарда, то есть Васильчикова, получил рапорт, что неприятель в Рудне и довольно силен. Видно, он нас ожидал третьего дня; а как мы не пошли, он к нам, по-моему, должен пожаловать, разве дурные дороги ему помешают.

Сейчас получил от исправника рапорт, что в Чаусах и в Ряске якобы ожидают и вступили 10 000 поляков. Я не верю и послал к Неверовскому узнать поточнее. Порядок марша армии я теперь послал министру, вы увидите.

Прощай. Весь ваш
князь *Багратион*.
30 июля».

Письма Ермолова к Багратиону

I

«(Получено 30 июля.)
Милостивый государь,
князь Петр Иванович.

Я читал бумагу военного министра к вашему сиятельству; все оправдание нашей нерешительности, медленности, предпринимаемых не у места мер есть намерение продолжить, как думает он, войну, дабы дать время составить новое ополчение; намерение наиболее к обстоятельствам приличествующее и спасительное; но я спрошу смело каждого: отняты ли способы у неприятеля между тем атаковать нас? Кажется, выгода его не терять время.

Я дрожу за последствие. А ваше сиятельство не должны молчать о том. Вы можете говорить и далее. Славнейшая, столькими делами приобретенная репутация, надежда, возложенная на доверие и любовь к вам войском, известность всей России, дают вам право, которых никто другой не имеет, все сие должно заставить говорить и быть услышанну.

Мы не знаем, что мы делаем, а, кажется, делаем не то, что надобно: дали неприятелю собрать свои силы, которые он по тому даже одному употребит в действие, что, содержа их вместе, нечем кормить, кроме что движениями нас запутает, и я боюсь, чтобы опять нас не бросили в разные стороны. Сдержите ваше слово, благодетель мой, не отставайте от нас, чтобы нас не разрезали. А нас не опасайтесь; мы со своим молодечеством и искусством не далеко уйдем от вас. Дай бог попасть на Духовщину, а вам не худо помышлять о Дорогобуже. К нам беспрестанно доходят слухи, что у неприятеля немалые силы в Поречье и что вчера, в 40 верстах оттуда, было очень много пехоты и артиллерии; в минуту привели камердинера одного дивизионного командира, в 6 верстах от Поречья пойманного, который говорит, что их там много и Мюрат там же. Что мы будем делать, обо всем вас, благодетель мой, уведомя.

Ермолов».

(С оригинала.)

«Почтенный благодетель!

Я говорил министру о вашем желании, что армии, имеющей честь служить под вашими повелениями, угрожает несчастье, что вы хотите сдать команду; это ему очень не понравилось; подобное происшествие трудно было бы ему растолковать в свою пользу. Нельзя скрыть, что вы не оставили бы армии, если бы не было несогласия, но каждый должен вразумиться, что частные неудовольствия не должны иметь места в деле, которое требует усилий и стараний общих. Я заметил, что это даже его испугало, ибо впоследствии надо будет дать отчет России в своем поведении. Конечно, мы счастливы под кротким правлением Государя милосердного; но нынешние обстоятельства и состояние России, выходя из порядка обыкновенного, налагают на всех нас обязанность и соотношения необыкновенные. Не одному Государю надо будет дать отчет в действиях своих отечеству, но также людям, каковы вы, ваше сиятельство, и военный министр. Вам, как человеку боготворимому подчиненными, тому, на коего возложена надежда многих и всей России, я обязан говорить истину: да будет стыдно вам прини-

мать частные неудовольствия к сердцу, когда стремления всех должны быть к пользе общей, что одно может спасти погибающее наше отечество. Пишите обо всем Государю; если мой голос не достигает до его престола, ваш не может быть не услышан».

III

«4 августа.

Ваше сиятельство!

Ничего не знает, даже и то, куда завтра идет, ждет известия о неприятеле от Платова, а тот не туда послал, куда надобно. Неприятель от нас так далеко, что дойти до него два марша. Один корпус отослал было назад, предполагая, что вы не успеете к Смоленску; насилу удержал, несколько часов работая, чтобы подвинуть вперед: как клад ее дается! Что скажет Платов? Обманул моего маршала: вот Поречье! Бога ради, чтобы только не перешли в Смоленске чрез Днепр. Можно что-нибудь успеть сделать здесь. Но два марша от неприятеля, пока дойдут, надобно держать его у Смоленска, а потом надобно и на драку время; дай Бог вам терпение! Батюшка князь Петр Иванович, чрез Днепр не пускайте, а

быть может, здесь успеем.

А. Ермолов».

(С оригинала.)

IV

«Ваше сиятельство, милостивый государь!

Вчера поутру Рудня пуста; неприятель поспешно оставил и пошел на Любавины. Авангарда вашего передовые посты не знали. Вам незачем было идти сюда, но из Смоленска на Красное со всею армией, а мы, выступя сутки прежде, были бы в Рудне, и неприятель поспешил бы перейти к Добровке и Лядам: много разницы. Бог знает, что бы было. Мое мнение, что они для сокращения пути переправляются у устья реки Березины. Желал бы обмануться. Жаль, мы поздно узнали об их движении; много они выиграли пути. Мы готовы идти вперед. Готовы чистым сердцем, движением нашим дать вам помощь и всеми силами помогать вам. Ради Бога, мост у Катани. Я посылаю понтоны в Катань, надобны нам будут, мы в тыл можем перейти. Если вы отступите, смоленские гавань, ворота, можно дерзкому начальнику их удерживать, чрез мост в Смоленске можно пускать. Бродов

отыскать трудно. Пушки переправят. Нужно выиграть время дня, мы будем действовать из Надвы и на Любовать. Много потеряно времени.

Ермолов».

(С оригинала.)

Письма Багратиона к Ермолову

I

«Получив вашу записку, сию минуту и спешу вам отвечать. О Смоленске поздно говорить, а теперь надобно знать, как твердо стать. Я никак не думаю, чтоб он сунулся всею армией на нас тотчас; им также нужно отдохнуть. Преследовать может какой ни на есть корпус их. Где вы теперь остановились, мне кажется, места открыты и верно с поля не подойдут. Но если серьезно, я тотчас ваш всем сердцем и душой. Я рад драться и единодушно. Но позвольте сказать, что вы изменяете мне, ибо в одну минуту двадцать перемен. Далее нам не должно идти, пусть люди отдохнут и надобно накормить. Берегите ваш правый фланг на Духовщину, чтобы туда не пробрались. Не теряйте ни минуты, собирай-

те ратников, они нам на разные услуги пригодятся, а строевых наших возьмем в строй. Пишите в Калугу, у Милорадовича много войска, надобно их присоединить сзади к нам. Пишите Растопчину, чтобы готовился. Я теперь стою здесь, хотел отойти за 8 верст, влево, дать вам здесь место. Но как вы там остановились, то и я уже здесь ближе стоять не могу, как теперь 12 верст от вас. Я сам буду у вас после обеда непременно. Ради Бога, не переменяйте поминутно, надобно какую-нибудь иметь систему. Я все той веры, что против вас места открытые, они не посмеют идти никак, чтобы себя обнаружить. Теперь дело Платова с боков их осмотреть и даже хвост, ибо из лесов как они выйдут, тогда и видно. Впрочем, надобно всем мужикам приказать, чтобы давали знать, где неприятель. Я послал графа Сен-При к вам и сам уже буду верно».

II

«Проси государя наступать, иначе я не слуга никак!

Вчера скакал 24 версты к Платову, думал застать стычку, но опоздал. Петр Давыдов[51] лихо атаковал и славно отличился. Васильчи-

ков генерал-адъютант – славно. Я волосы деру на себе, что не могу баталии дать, ибо окружают меня. Ради Бога Христа, наступайте! Как хочешь разбирай мою руку. Меня не воином сделали, а подьячим. Столько письма! Вчерашний день, бедный мой адъютант Муханов ранен пикою в бок почти смертельно.

Прощай, Христос с вами, а я зипун наде- ну».

III

«Ну, брат, и ты пустился дипломатическим штилем писать. Какой отчет я дам России? Я субальтерн и не властен, и не министр, и не член совета. Следовательно, требовать ответа никто не осмелится. Я еще лучше скажу: год уже тому, что я министру писал и самому государю и предвещал, что значит оборона и в какую пагубу нас введет. Точно так и случилось. Однако шутка на сторону. Растопчина надобно предупредить, ополчения также. Из Смоленска нужно взять всех ратников во фронт и смешать с нашими. Я все делаю, что должно истинно христианину и русскому, а более бы сделал, если бы ваш министр отказался от команды. Мы бы вчера были в Витеб-

ске, отыскали бы Витгенштейна и пошли бы распашным маршем и сказали бы в приказе: «Поражай, наступай. Пей, ешь, живи и веселись!»

А вместо Витебска, вашими какими-то демонстрациями, я думаю, буду, может, послезавтра в Дорогобуже. Не дай бог, а так будет точно от мудрых распоряжений ваших. Впрочем, вы более под ответом, нежели я, несчастный. Главнокомандующий по новому регламенту ничего не может делать без совета генерал-штаба. Если же главнокомандующий не послушает, вы должны оставить документ за подписанием вашим. И тогда, как скоро неприятель подошел так близко, непростительно, что передовые посты пропустили. Надобно их непременно выгнать. Стыдно нам терпеть, а стыднее генералу передовому об них не знать. Сию минуту получил сей рапорт. Это старая сказка. На что туда посылать пехоту, там пусть остаются казаки, а батальоны обратить ко мне. Ежели хотите занять Красной, тогда надобно уже послать по крайней мере пять тысяч пехоты и конницы, но и то тогда, когда мы наступательно начнем.

Оленин пустое говорит. Неприятель не его испугался, а узнал, что я пришел; вот зачем он приостановился. Впрочем, я вас уверяю, что завтра мой Сысоев перейдет Днепр и потревожит их очень с тылу, а Платову пошлите сказать, чтоб он шел к ним в лицо, тогда четыре полка будут наши».

(Продолжение письма потеряно.)

Ответ Ермолова к Багратиону

(Получено 2 августа.)

«Несправедливо вините вы меня, благодетель мой, будто бы я начал писать дипломатическим штилем. Я вам говорю как человеку, имя которого известно всем и всюду, даже в самых отдаленных областях России, тому, на которого не без основания отечество полагает надежду свою, человеку, высокоуважаемому государем и пользующемуся его доверием. Вы *соглашаетесь* на предложение военного министра; не хочу сказать, чтобы вы ему повиновались, но пусть будет так. В обстоятельствах, в каких мы находимся, я на колених умоляю вас *ради Бога*, ради отечества, писать Государю и объясниться с ним откоро-

венно. Вы этим исполните обязанность свою относительно е. в. и оправдаете себя перед Россией. Я молод, мне не станут верить; если же буду писать – не заслужу внимания, буду говорить – почтут недовольным и осуждающим все, но верьте, ваше сиятельство, это меня не устрашает. Когда гибнет все, когда отечеству грозит не только срам, но и величайшая опасность, там нет ни боязни частной, ни выгод личных, я не боюсь и не скрою от вас, что писал, но молчание, слишком долго продолжающееся, служит уже доказательством, что мнение мое почитается мнением молодого человека. Однако я не робею, буду еще писать, изображу все, что вы сделали и в чем встречены вами препятствия. Я люблю вас слишком горячо, вы всегда благодетельствовали мне, а потому я спрошу у е. в., писали ли вы к нему или хранили виновное молчание; в последнем случае, достойнейший начальник, вы будете кругом виноваты.

Если вы уже не хотите, как человек, постигающий ужасное положение, в котором мы теперь находимся, продолжать командование армией, я, при всем уважении моем к вам, бу-

ду называть и считать вас невеликодушным. Принесите ваше самолюбие в жертву погибающему отечеству нашему, уступите другому и ожидайте, пока не назначится человек, какого требуют обстоятельства.

Пишите, ваше сиятельство, или молчание ваше будет ужасно обвинять вас».

Письмо Багратиона к Ермолову

«Эх, брат, взяли! Вот вам правый фланг, вот Поречье! Мало повесить! А ты, мой милый, очень на меня напал и крепко ворчишь! Право, нехорошо! Я знаю, что любишь меня и за то крепко нападаешь. Я сам, мой друг, тебя люблю так, как более не могу. Но что мне писать Государю, сам не ведаю. Я писал, что соединился, просил, чтоб одному быть начальником, а не двум. Посылаю ему все мои отношения, равно и министра ко мне в копии, чтоб он ведал, но ни на что ответа не имею, а более писать я не ведаю что. Если написать мне прямо, чтобы дал обеими армиями мне командовать, тогда Государь подумает, что я сего ищу не по моим заслугам или талантам, а по единому тщеславию. А вы теперь береги-

тесь, чтобы Бонапарте не сделал с вами штуку данцигскую. Имейте ежедневно известия от графа Витгенштейна. Не идут ли на него и на Тормасова? Посылайте теперь, как можно, в Ивню и Рудню, хотя большую часть кавалерии прогнать пехоту из Рудни. Там есть еще десять полков кавалерии и пехоты. Зачем Платова бросаете так далеко вправо? Его посылайте с нашею кавалерией на Рудню и Бабиновичи. Там их, говорят, довольно очень. Там надобно их хорошенько пощупать. Ради бога, думайте о продовольствии настоящем и будущем, и рекомендую вам главную вещь: вы должны все бумаги министра внизу подписывать, яко главного штаба начальник. Вы должны всю переписку знать министра с нами, по части военной; иначе будете отвечать; и поздно будет сказать: «Я не знал, мне не сказали!»

(Окончание письма потеряно.)

Письмо Ермолова Багратиону

(Получено 6 августа на марше от Смоленска к Дорогобужу.)

«Ваше сиятельство!

Имеете все право нас бранить, но только не за оставление Смоленска. После мы вели себя героями, правда не совсем благоразумно, однако же геройски. Когда буду иметь счастье вас видеть, расскажу вещи невероятные. Смоленск надо было защищать; но заметьте, что неприятеля нет доселе в Ельне, следовательно, все силы его были у Смоленска, а мы не были так сильны после суточной города обороны.

Наконец, благодаря Бога, хотя раз мы предупредили ваше желание вам угодно было, чтобы мы остановились и дрались; прежде получения письма вашего я получил уже о том приказание. Теперь, почтеннейший благодетель, надлежит вам оказать нам помощь. Пусть доброе согласие будет залогом успеха; если Бог защищает правую сторону, то он благословит наше предприятие и будет нам помощником. Представьте себе, ваше сиятель-

ство, что два дня решат участь сильнейшей в Европе империи, и вам судьба представляет эту славу. Самая неудача не должна отнять у нас надежды; надо противостоять до последней минуты страшным усилиям могущественного соперника; одно продолжение войны представляет вернейший способ восторжествовать над злодеями нашего отечества. Боюсь, чтоб опасность, угрожая древней нашей столице, не заставила бы прибегнуть к миру, но это мера малодушных и робких. Все надо с радостью принести в жертву, когда под дымящимися развалинами жилищ наших можно погребсти врагов, ищущих гибели нашего отечества. Благословит Бог. Умереть должен россиянин со славой».

Письма Багратиона Ермолову

I

«Любезный друг Алексей Петрович! Министр пишет мне, как изменнику. Это истинно больно, но я не могу служить никак. Дела мои и все движения не ему отдам на суд, но целому свету, и, сколько он меня ни путал и двулично ни писал, я все вышел и выйду в честью. Армия в три дня у Смоленска не от меня. А кому должна благодарить Россия, то министр должен ведать. Я не токмо огорчен и взбешен, но более. Итак, армия моя, наполненная единомыслием, верою и пробравшись весьма бестолковыми направлениями от министра, дошла, однако, до цели. Но как бы то ни было, я не слуга Барклаю; ибо я до сих пор думал: я служу государю и отечеству, а по его отношению вижу, что ему. Итак я в три дня в Смоленск и армию ему отдам. А я очень нездоров и с ума сошел точно по милости Б. Следовательно, сумасшедший не токмо защитить отечества, но и капральством не может командовать. Министр более не мог меня уже огорчить, как огорчил, и полно!

Прощайте. Вам всем Бог поможет, и дай вам Бог все, и мне пора в чужой хижине оплакивать отечество, по мудрым распоряжением иноверцев. Дайте знать, что у вас делается по известиям. На Ельню неприятеля не слышно. Я от вас два дня ничего не имею. Что делается в Смоленске? Куда они идут, за вами или остановились? Где Платов и какое его направление? Нужно нам собрать людей. Усталых много; отдохнуть надобно. Подумайте укомплектовать в Дорогобуже. Пора отсылать в Москву и дать знать, чтобы готовили людей. Равно в Калуге, в Ярославле, в Твери, а где еще в других местах. Скажите, ради Бога, зачем оставили Смоленск и какое намерение министра? Куда мы пойдем, по крайней мере знаете ли, что неприятель делает и куда он пошел? Прошу дружески, дайте мне знать обо всем. Надобно примерно наказать того офицера квартирмейстерской части, кто вел Тучкова. Вообрази, что 8 верст вывел далее и Горчаков дожидался до тех пор, пока почти армия ваша пришла. Ради бога, дай знать! Ей-богу, с ума надобно сойти от бестолковщины.

Весь ваш *Багратион*.

8 августа».

II

«Я к вам писал два раза, нет ответа: прошу доложить министру, куда он делает направление армии? Я писал к нему, нет ответа. Я не понимаю, что все значит, зачем вы бежите так и куда вы спешите? Бойтесь Бога, что с вами делается, за что вы мною пренебрегаете? Право, шутить не время. Ежели я пишу, надобно отвечать! Здесь навалена бездна обозов и всякой мелочи, равно милиция. Что вы не делаете никаких распоряжений? Если вы хотите прийти сюда завтра, это напрасно. Что вам стоило мне отвечать вчера о ваших намерениях? Бойтесь Бога! Устыдитесь России, дайте людям отдохнуть! Вы их замучили. Ежели неприятель за вами следует, можно видеть. Места открытые и далеко видны. У Ельни стоят мои казаки и на дороге к Рославлю. Там нет ничего. Воля ваша, отсюда ни шагу назад, а ежели вы прочь, то я вам оставляю армию и поеду тотчас к государю, донесу, что это нарочно делают, для гибели России.

Князь Багратион.

Прошу ваше превосходительство доло-

жить начальнику и дать мне ответ.

9-го дня августа.

Дорогобуж».

Письма Платова к Ермолову

I

«**М**илостивый государь,
Алексей Петрович!

Я бы три раза мог соединиться с первою армией, хотя бы боем. Первый раз еще чрез Вилейку, другой раз чрез Минск, и третий: от Бобруйска мог бы правее чрез Могилев, Шклов, Орту, когда еще неприятель не занимал сих мест. Но мне вначале от Гродно еще велено действовать на неприятеля во фланг, что я исполнил от 18 июня по 23-е число, не довольно во фланг, даже другие части мои были и в тылу, когда был маршал Даву при Вишневицах. А потом я получил повеление непосредственно состоять мне под командою князя Багратиона; тогда я, по повелению его, прикрывал вторую армию от Николаева чрез местечки: Мир, Несвиж, Слуцк и Глуцк до Бобруйска ежедневно, если не формальною битвою, то перепалкою. Сохранил все обозы и

всю дрянью тащащуюся, а армия покойно делала одни форсированные марши до Бобруйска. Тут я получил повеление от Михаила Богдановича следовать мне непременно к первой армии. О том же было предписано и князю Багратиону. Тогда он меня отпустил весьма неохотно и оставил у себя десять полков: Донских девять и Бурский один, хотя сказано ему только восемь оставить. Я не оспаривал о двух оставленных полках, пошел поспешно к Старому Быхову, минуя в ночь армию, по пути идущую к Могилеву, ибо я с войском, еще не доходя до Бобруйска за двадцать верст, находился в арьергарде. Князь Багратион, нагнав меня почтою в самом Старом Быкове 11-го числа, объявил мне, что будет иметь генеральное дело с армией Даву при Могилеве и что я должен остаться на два дня, ибо до сих пор резонов, за отдаленностью, главному начальству неизвестно было, что он меня оправдает пред начальством и даст на то мне повеление. Тогда я и сам, посуди, принял в резон и остался. Вот два дня уже и упущено. Вместо того, генерального дела не было, а была 11-го числа битва, и довольно порядочная. С обеих

сторон если не десять, то девять, с убитыми и ранеными, пало, что мне точно известно. В наших войсках был я очевидец, а неприятельский урон на другой день узнал я чрез взятого офицера под Могилевом. Итак я, переправясь через Днепр на левую сторону у монастыря Ворколабова, 12-го следовал на Дубровну, а потом располагал пробраться чрез Бабиновичи к Витебску. Бабиновичи неприятелем уже заняты, как открыли мои передовые, посему судите, как было мне скоро соединиться. А между тем получил я повеление следовать мне к Поречью, потому я и следую направо уже от Бабинович чрез Любавичи, Инково и Наташки. На левом моем фланге, от стороны Бабинович, неприятель ведет меня на глазах. Уведомляют о сем его бестии, наши дворяне белорусские, и часто встречаются с моими партиями, делают препятствия, что два часа только, тому назад было вблизи Любавич. Однако же всюду моими молодцами прогоняются; поражением при Любавичах взято пленных шесть, при разбитии эскадрона их дерзкого. Оставляю о сих мелочных делах продолжать. Это было почти всякой день, а я скажу

только то, что с 16 июня по сие время без роздыха и всякий день форсированные марши; лошади в полках притупели, а многих раненых и усталых брошено. Писал бы я вам более, но нет уже на сей бумаге места, и пора ехать вслед за полками.

Покорнейший слуга

Матвей Платов.

Я служу сорок второй год, а такого колдовства, которое я вижу, не видывал и не ожидал.

7 июля. Любавичи».

II

«Я письмо к вам писал на песке, сидя на коленях, как другу. Прошу его довести до сведения главнокомандующего; он увидит, что мне было невозможно успеть скоро соединиться с первою армией. А теперь уже есть надежда соединиться чрез два дня, разве отретурируется до Москвы, тогда уже не скоро нагоню. Боже милостивый, что с русскими армиями делается? Не побиты, а бежим! Одна со страхом отступает, а других отдаленными дорогами отводят без бою. Спасал ее три недели удачно; прошу Бога, чтобы благословил ме-

ня и другую защитить».

III

«Милостивый государь мой,
Алексей Петрович!

Я известился, будто генерал-майор граф Пален за 27-го числа сражение подал реляцию прямо от себя к главнокомандующему армией. Если это правда, то на что это похоже и можно ли быть чему-либо доброму в российской армии? Во-первых, не может быть правды, кроме непростительного неповиновения, и я могу изобличить. А во-вторых, выведу большую историю и неприятно будет для Михаила Богдановича, ежели он примет от него, минуя меня, похожую потачкой неповинному разврату по службе.

Есть и буду всегда непременно и покорнейшим слугою.

Матвей Платов.

20 июля 1812 года.

На марше. Николаев».

IV

«Милостивый государь мой,
Алексей Петрович!

Уведомление вашего превосходительства,

за № 406, я получил, что армия остановилась в Семлеве и располагается там пробывать в завтрашний день: сие меня удивило, ибо неприятеля веду я перестрелкою на плечах, который авангардом своим прошел уже Славново, откуда я послал сего утра к вам уведомление. Я теперь ретируюсь перестрелкою и буду примерно от Славнова в 8 верстах, у моста и находящегося болота по обеим сторонам, удерживать неприятеля всячески, ежели он не собьет меня своими орудиями и не навалится большими колоннами пехоты. В случае же его усиления принужден буду отступить еще 8 верст, чтобы сблизиться к генерал-лейтенанту Уварову верст за пять, и тут, быть может, не удержу ли неприятеля, тем более что приходиться будет к тому времени и вечер. Но ежели вы сего вечера с армией из Семлева не выступите, то я не отвечаю за завтрашнее утро, чтобы не привести к вам неприятеля весьма близко, ибо мне нечего будет делать, потому что неприятель идет одною большою дорогою с великими силами. И потому я и прошу доложить главнокомандующему, что весьма нужно было армии высту-

пить сего вечера, дабы прибыть утром к Вязьме.

Я, по долгу моему, обязан доложить. Надобно ведь место смотреть, и нужно распорядиться, где войско построить, а на это остается только время на один завтрашний день, а много после завтра утро, в рассуждение скорого следования неприятеля по сей дороге.

С левого фланга моего до армии князя Багратиона есть у меня связь, и неприятель там не следует вблизи. На правом же моем фланге, за корпусом генерал-лейтенанта Багговута, офицер Наумов, возвратясь, донес, что и там неприятель вблизи не следует, а по дороге, по которой я следую, неприятель идет в большом количестве.

На сие мое донесение я буду ожидать скорейшего от вас уведомления.

Честь имею быть с отличным почтением
вашего превосходительства покорный слуга
Матвей Платов.

Четверть четвертого часа пополудни.

14 августа, 1812 г.».

V

«Я вашему превосходительству настояще и

подробно объяснить не могу о случившемся жестоком в нынешний день сражении, у селения Рыбки, при речке Осма, с 11-го часу по утра до шестого часу по полудни, при самом вечере окончившемся, а скажу только то, что оно уступает одной только баталии кровопролитной.

Божескою милостью и храбростью российских воинов удержал сильный корпус неприятельский, о котором подтвердят и пленные, взятые нами, коих я не считал, но есть довольное число. С нашей стороны убитых и раненых также довольное число всех полков; артиллерия вся была от меня употреблена; в других орудиях и зарядов уже не достало, ибо неприятельских орудий больше гораздо было в действии против нас. Перескажет о сем сей податель, господин полковник Шнерберг, который был повсюду очевидец. Я поспешаю только о том дать знать, что неприятель силен, и не знаю, что будет завтра с моим авангардом. Но скажу и то, что я буду делать то против его, что знаю. А ваше дело распорядиться армией, как его принять. Это не реляция, а поспешное мое уведомление о же-

стоком неприятельском на меня нападении, и за сведение даю вам знать, что я во всех сражениях, прошедших от 16 июня по сие число, столько не потерял убитыми и ранеными донских офицеров и казаков, сколько сего дня, ибо шесть раз на сильную кавалерию неприятельскую ходили в атаку до самых пушек и с регулярными полками, находящимися с Розеном. Егери все были в сильном огне, словом сказать, дрались отчаянно, и участь авангарда была на волоске. Я много доволен храбростью и неутомимыми трудами генерал-майоров Розина и Иловайского пятого.

Вашего превосходительства покорнейший слуга

Матвей Платов.

15 августа 1812 г. Селение Семлево».

VI

«Дислокации на сей 16-й день и уведомление ваше об отступлении я получил, и по оному исполняться будет. А вчерашний выговор мне, что я сближаюсь к армии будто от одного авангарда малого неприятельского, чуть было не сразил до болезни. Теперь видите, что я прав. Если б я не брал своих мер, давно

бы егери и орудия были в неприятельских руках. Где было можно, не довольно удерживал, даже скрутя голову, дрался отчаянно.

Покорнейший слуга

Матвей Платов».

После сделанного отступления возвратимся опять к запискам Ермолова.

«...Отступая от Смоленска, сделал я распоряжение, чтобы все раненые, в Вязьме находившиеся, препровождены были далее, и, по настоящему требованию главного по медицинской части инспектора Виллие, должен я был давать направление и 2-й армии раненым, дабы бесполезно не стеснялись они на одной дороге, и так для 1-й армии раненых назначена дорога на Волоколамск и по обстоятельствам далее в Тверь, для 2-й армии на Мещовск, Масальск, Калугу и далее в Рязань. Москве, столице уstraшенной и уже трепещущей, не должен я был дать неприятное зрелище нескольких тысяч страждущих.

В селение Царево Займище прибыл князь Кутузов и принял начальство над 1-ю и 2-ю западными армиями. Кончено несогласие ко-

мандующих оными, водворилось единоначалие».

Здесь, кажется, место напомнить читателям рассказ Давыдова о письмах Ермолова к государю, о которых выше было упомянуто.

«Письма, писанные им государю в начале Отечественной войны, вследствие особого повеления его величества и чрезвычайных обстоятельств, в коих находилось в то время наше отечество, послужили, как известно, поводом его врагам к изобретению всевозможных на него клевет; его обвиняли в том, что он писал государю письма, в коих будто бы старался поколебать доверие его величества к лицам, казавшимся для него опасными. Я, по крайней мере, не встречал таковых; но, сколько мне известно, письма его, большую часть которых я имел возможность прочесть, заключают в себе лишь довольно резкие указания на некоторые ошибки Барклая, на малое доверие, внушенное им к себе войскам, на необходимость в единоначалии и на действия генерала Эртеля. Эти письма были даны в оригиналах государем Кутузову, при от-

правления сего последнего в армию. Кутузов, всегда любивший, особенно во время отступления своего из Баварии, Ермолова, называемого потому Fenfant gate du general, стал с этого времени обнаруживать к нему холодность и недоверчивость, которые еще более усилились во время Отечественной войны, благодаря окружающим светлейшего; известны старания сих последних не допускать Ермолова, коему они завидовали, действовать самостоятельно и умалчивать, по возможности, о нем в реляциях. По смерти Кутузова эти письма перешли к Барклаю; его окружающие, принадлежавшие большею частью к партии, которую Ермолов жестоко преследовал своими насмешками, и потому ненавидевшие его, воспользовались этими письмами, чтоб окончательно восстановить против него Михайла Богдановича, который не упускал впоследствии случая ему, по возможности, вредить [52].

Вот истинная причина, почему Барклай невыгодно отозвался в своем изображении военных действий 1-й армии о Ермолове, который, будучи глубоко предан князю Баграти-

ону, никогда, впрочем, не выказывал большого сочувствия Михаилу Богдановичу. Таким образом, обязанность, возложенная государем на Ермолова, обязанность трудная, опасная, на которую отваживались немногие исторические лица, потому что она никогда не оканчивалась в пользу тех, на которых возлагалась, была выполнена Ермоловым с редкою добросовестностью. Самые ожесточенные недоброжелатели его не могли сказать, чтоб Ермолов написал что-нибудь другое государю, кроме как о некоторых ошибках Барклая, всему свету известных и давно уже оцененных, о вреде, который происходил от отсутствия единства в командовании армиями, и о малом доверии, питаемом войсками к главнокомандующему, что было, к сожалению, вполне справедливо. Из участников же современной эпохи Ермолов отозвался невыгодно лишь об одном Эртеле. Представляю на суд каждого, у кого есть капля здравого смысла, сказать самому себе: много ли было на свете людей, которые бы, взяв на себя такую трудную роль пред государем и Отечеством, исполнили ее более честно и более скромно?

Между тем это подало повод многочисленным и сильным врагам Ермолова, людям, большею частью, бездарным и завистливым, упрекать его в том, что он интриган, обязанный своим возвышением проискам и иска- тельству у начальников; весьма трудно согла- сить подобного рода обвинения со смелыми, резкими и никому не безызвестными возра- жениями Ермолова своим начальникам и старшим генералам, коим он часто, в присут- ствии многих свидетелей, высказывал горь- кие истины. Возбудив этим против себя мно- гих генералов, в числе коих находилось нема- ло бездарных, корыстолюбивых и алчущих власти лиц, он приобрел тем весьма сильных врагов, которые, распространяя о нем самые неблагоприятные слухи, могли значительно повредить ему, если не в понятиях прозорли- вого правительства, то в общественном мне- нии. Вообще, если достоинства человека из- меряются числом его врагов, никто более Ер- молова не имел столь большого количества ожесточенных недоброжелателей в старших и равных себе, но безгранично преданных по- читателей в своих подчиненных.

...Во все время отступления армии от Дриссы до Царева Займища Ермолов, пользовавшийся полным доверием Барклая, отдавал по целым неделям приказы по армии. Когда Барклаю хотелось внести что-нибудь в приказ, он уведомлял его записками.

Ермолов, оценивший способности Толя, с которым он находился впоследствии далеко не в приятельских отношениях, ходатайствовал о нем не раз у Барклая, который, как известно, выслал его однако из армии в Москву. Ермолов подавал даже Барклаю записку, в которой он свидетельствовал об усердии и дарованиях Толя, приобретшего впоследствии огромное влияние на Кутузова, который привез его с собою в армию».

...Приближался великий день Бородинского сражения. В Гжати, говорит Ермолов, прибыли войска генерала Милорадовича в числе 16 тысяч человек и разделены по полкам. Назначена для обеих армий позиция при селении Бородино...

...(26-го числа) после князя Багратиона (получавшего тяжелую рану) принял команду

над 2-ю армией и вместе над войсками, на левом фланге бывшими, генерал Дохтуров. Холодность и равнодушие к опасности, свойственные сему генералу, не заменили, однако же, Багратиона. В то самое время как на левом фланге Дохтуров боролся с превосходнейшими силами неприятеля, высота, важная по положению своему и лично защищаемая генерал-лейтенантом Раевским, испытывала сильнейшие нападения. 18 стоящих орудий с трудом уже противились почти вчетверо превосходнейшей артиллерии. Уже дерзнул неприятель приблизиться на картечный выстрел. Бестрепетный Раевский, невзирая на слабое прикрытие батареи, на грозящую ей опасность, но истощились наконец снаряды его артиллерии, и хотя стоящие по сторонам батареи еще ее охраняли, но долго не могло продлиться таковое ее состояние.

В сие время находился я на правом фланге при князе Кутузове на батарее, совершенно от опасности удаленной, которую неприятель до самого почти вечера не почтил ни одним выстрелом. Он запретил мне от него отлучаться, равно как и начальнику артиллерии

1-й армии генерал-майору графу Кутайсову, которого отличная храбрость увлекала уже в средину опасности, и он за то на него досадовал. Уже время клонилось к полудню; атаки на высоту, генерал-лейтенантом Раевским защищаемую, усилиясь, охватывали и часть войск 6-го корпуса, справа к ней прилегающего. Военный министр, всегда в опаснейших местах присутствующий, был свидетелем упорного сопротивления генерал-лейтенанта Раевского. В сие самое время приехал от левого фланга полковник князь Кудашев с донесением, что неприятель чрезвычайно умножил свои батареи и войска наши должны были отойти на некоторое расстояние по той причине, что артиллерия наша в необходимости нашлась уступить превосходному огню неприятеля.

Князь Кутузов дал повеление 2-му и 4-му корпусам идти поспешнее на вспоможение левому крылу. Мне препоручил отправиться к артиллерии того фланга и привести ее в надлежащее устройство. Начальник главного штаба 2-й армии генерал-адъютант граф Сен-При был ранен, и потому в звании моем мог я

удобнее войти в распоряжение. Графу Кутайсову объявил я, чтоб из резерва приказал он трем конным артиллерийским ротам следовать за мною на левый фланг. Граф Кутайсов непременно хотел со мною ехать, и никакие со стороны моей убеждения не могли отклонить его от намерения. Проезжая неподалеку высоты генерал-лейтенанта Раевского, увидел я, что уже она была во власти неприятеля, батарея на оной взята им, бегущая пехота наша сильно преследуема!

Важность пункта сего была ощутима для каждого и мне натвердили об оной[53]; я бросился к 6-му корпусу, самому ближайшему к высоте, 3-му батальону Уфимского пехотного полка приказал идти быстро вперед, остановил им бегущих стрелков наших и отступающие в расстройстве егерские 18, 19 и 40-й полки. Неприятель не мог употребить захваченной артиллерии, ибо при оной не было зарядов, но по обеим сторонам взятой им батареи подвезены были орудия, и командуемые мною полки осыпавы были картечью. Три конные роты, меня сопровождавшие, остановились на левом моем фланге и, отвлекая на

себя огонь неприятеля, облегчили мне доступ к высоте, которую взял я не более как в десять минут. Телами неприятеля покрылась батарея и отлогость холма до вершины. Все сопротивлявшиеся заплатили жизнью, один только взят в плен бригадный генерал Бонами, получивший двенадцать ран штыками. Потерянные нами орудия все возвращены, но урон со стороны моей по числу людей был ужасный. Слабые полки мои заставляли меня опасаться, чтобы неприятель не похитил приобретенного нами успеха, но главнокомандующий генерал Барклай де Толли, видя собственными глазами близкую опасность, немедленно прислал два полка пехоты, помощью которых я мог удержаться и между тем собрать рассеянных людей. Граф Кутайсов, бывший со мною вместе, подходя к батарее, отделился вправо, где, встретив часть нашей пехоты, повел ее на неприятеля, но пехота сия обращена, и он не возвратился. Вскоре прибежала лошадь, и окровавленное седло давало подозрение о его смерти. Могло остаться горестное утешение, что он ранен и в руках неприятеля. Погасла жизнь твоя, до-

стойный молодой человек! Не одним близким твоим оставлено сетование, отечество теряет величайшие в тебе надежды! Судьбою предоставлена мне была честь познакомиться тебя с первыми войны опасностями[54]; мне оставлена судьбою и горесть видеть тебя жертвою оных.

Около трех часов пополудни, получив картечью в шею рану, должен я был удалиться с батареи, сдав команду генерал-майору Лихачеву, которого полки были неподалеку, и я знал его храбрость.

В пять часов пополудни неприятельская кавалерия, воспользовавшись отдалением нашей, овладела батареей генерал-майора Лихачева, которую малое число нашей пехоты защитить не могло, и сам он достался в плен, причем взято также несколько пушек. Невзирая на потерю сей высоты, господствующей над всею окрестностью, войска наши остались весьма близко оной, и неприятель, опасаясь со стороны нашей усилий к возвращению ее, не решился поставить на ней артиллерию, которая, конечно, много бы наносила нам вреда».

Д. Доу. Портрет Н.Н. Раевского

Д.В. Давыдов так описывает участие Ермолова в Бородинском сражении:

«Некоторые военные писатели приняли в настоящее время за правило исказить собы-

тия, в которых принимал участие генерал Ермолов; они умалчивают о заслугах сего генерала, коего мужество, способности, бескорыстие и скромность в донесениях слишком всем известны. Так как подобные описания не могут внушить никакого доверия, я решился либо опровергать вымыслы этих господ, либо сообщать моим читателям все то, о чем им неудобно было говорить. Так, например, в описании Бородинского сражения никто не дал себе труда собрать все сведения о взятии редута Раевского, уже занятого неприятелем. Почтенный Николай Николаевич Раевский, именем которого назван этот редут, описывая это событие, упоминает слегка о Ермолове, выставляя лишь подвиги Васильчикова и Паскевича. Отдавая должную справедливость блистательному мужеству этих двух генералов и основываясь на рапорте Барклая и на рассказах очевидцев и участников этого дела, все беспристрастные свидетели этого побоища громко признают Ермолова главным героем этого дела; ему принадлежит в этом случае мысль и исполнение...

...Получив известие о ране князя Баграти-

она и о том, что 2-я армия в замешательстве, Кутузов послал туда Ермолова, с тем чтоб, ободрив войско, привести его в порядок. Ермолов приказал храброму полковнику Никитину (ныне генерал от кавалерии) взять с собой три конные роты и не терять его из виду, когда он отправится во 2-ю армию. Бывший начальник артиллерии 1-й армии граф Кутайсов решился сопровождать его, несмотря на все представления Ермолова, говорившего ему: «Ты всегда бросаешься туда, куда тебе не следует: давно ли тебе был выговор от главнокомандующего, за то, что тебя нигде отыскать не могли. Я еду во 2-ю армию, мне совершенно незнакомую, приказывать там именем главнокомандующего, а ты что там делать будешь?»

Они следовали полем, как вдруг заметили вправо на редуте Раевского большое смятение: редутом овладели французы, которые, не найдя на нем зарядов, не могли обратить противу нас взятых орудий; Ермолов рассудил весьма основательно: вместо того чтоб ехать во 2-ю армию, где ему, может быть, с незнакомыми войсками не удастся исправить ход

дел, не лучше ли восстановить здесь сражение и выбить неприятеля из редута, господствующего над всем полем сражения и справедливо названного Беннигсеном ключом позиции. Он потому приказал Никитину повернуть вправо к редуту, где они нашли уже не Паскевича, а простреленного полковника 26-й дивизии Савоини с разнородною массой войск. Приказав ударить сбор, Ермолов мужественно повел их на редут. Найдя здесь батальон Уфимского полка, последний с края 1-й армии, Ермолов приказал ему идти в атаку развернутым фронтом, чтобы линия казалась длиннее и ей легче было захватить большее число бегущих. Для большого воодушевления войск Ермолов стал бросать по направлению к редуту Георгиевские кресты, случайно находившиеся у него в кармане; вся свита Барклая мужественно пристроилась к ним, и в четверть часа редут был взят. Наши сбрасывали с вала вместе с неприятелем и пушки; пощады не было никому; взят был в плен один генерал Бонами, получивший 12 ран. (Этот генерал жил после долго в Орле; полюбив весьма Ермолова, он дал ему письмо в Южную

Францию к своему семейству, которое он просил посетить. При получении известий о победах французов раны его закрывались и он был добр и спокоен; при малейшем известии о неудачах их раны раскрывались и он приходил в ярость.)

Так как вся масса наших войск не могла взойти на редут, многие, в пылу преследования, устремившись по глубокому оврагу, покрытому лесом и находящемуся впереди, были встречены войсками Нея. Но Ермолов приказал кавалерии, заскакав вперед, гнать наших обратно на редут. Мужественный и хладнокровный до невероятия Барклай, на высоком челе которого изображалась глубокая скорбь, прибыв лично сюда, подкреплял Ермолова войсками и артиллерией. В это время исчез граф Кутайсов, который был убит близ редута; одна лошадь его возвратилась. Один офицер, не будучи в состоянии вынести тела, снял с него знак Св. Георгия 3-го класса и золотую саблю. (Этот молодой генерал, будучи полковником гвардии 15 лет и генералом 24 лет, был одарен блистательными и разнообразными способностями. Проведя вечер 25 ав-

густа с Ермоловым и Кикиным, он был поражен словами Ермолова, случайно сказавшего ему: «Мне кажется, что завтра тебя убьют». Будучи чрезвычайно впечатлителен от природы, он в этих словах неизвестно почему услышал голос судьбы.)

Ермолов оставался на редуте около трех часов, пока усилившаяся боль, вследствие сильной контузии картечью в шею, не вынудила его удалиться. Барклай написал Кутузову следующий рапорт о Бородинском сражении: «Вскоре после овладения неприятелем всеми укреплениями левого фланга сделал он, под прикрытием сильнейшей канонады и перекрестного огня многочисленной его артиллерии, атаку на центральную батарею, прикрываемую 26-ю дивизией. Ему удалось оную взять и опрокинуть вышесказанную дивизию; но начальник главного штаба генерал-майор Ермолов, с свойственною ему решительностью, взяв один только 3-й батальон Уфимского полка, остановил бегущих и толпою, в образе колонны, ударил в штыки. Неприятель защищался жестоко; батареи его делали страшное опустошение; но ничто не

устояло... 3-й батальон Уфимского полка и 18-й егерский полк бросились прямо на батарею, 19-й и 40-й егерские полки по левую сторону оной, и в четверть часа наказана дерзость неприятеля; батарея во власти нашей, вся высота и поле около оной покрыты телами неприятельскими. Бригадный генерал Бонами был один из снискавших пощаду, а неприятель преследован был гораздо далее батареи. Генерал-майор Ермолов удержал оную с малыми силами до прибытия 24-й дивизии, которой я велел сменить расстроенную атакой 26-ю дивизию».

Барклай написал собственноручное представление, в котором просил князя Кутузова удостоить Ермолова орденом Св. Георгия 2-го класса; но так как этот орден был пожалован самому Барклаю, то Ермолов был награжден лишь знаками Св. Анны 1-го класса.

«В Бородинском сражении принимал участие и граф Федор Иванович Толстой, замечательный по своему необыкновенному уму и известный под именем Американца; находясь в отставке в чине подполковника, он поступил рядовым в московское ополчение. На-

ходясь в этот день в числе стрелков при 26-й дивизии, он был сильно ранен в ногу. Ермолов, проезжая после сражения мимо раненых, коих везли в большом числе на подводах, услышал знакомый голос и свое имя. Обернувшись, он, в гряде раненых, с трудом мог узнать графа Толстого, который, желая убедить его в полученной им ране, сорвал бинт с ноги, откуда струями потекла кровь. Ермолов исходатайствовал ему чин полковника».

В другом месте Давыдов говорит еще:

«...На Бородинском поле... Ермолов... блистательно исторгнул из рук неприятеля (редут Раевского).

...Этот знаменитый подвиг Ермолова не был оценен Николаем Николаевичем, как он того вполне заслуживал. По причинам, для меня непонятным, Раевский, упоминая о нем слегка, приписывает всю славу этого подвига Паскевичу и Васильчикову; он, по-видимому, желает убедить всех, что честь защиты этого редута и изгнания из него неприятеля принадлежит лишь подчиненным ему генералам и войскам. Изложив уже весь этот эпизод Бо-

родинского побоища, я почитаю обязанностью сказать, что все мною сказанное об этом основано на словах очевидцев и участников этого дела, из которых многие доселе живы, как, например, мужественный А.П. Никитин. Сам фельдмаршал князь Барклай де Толли, весьма не благоволивший впоследствии к Ермолову, относил весь успех этого дела его решительности и мужеству.

Это же самое подтвердил почтенный и благородный граф Иларион Васильевич Васильчиков, сказавший не одному мне следующие замечательные слова о Ермолове: «Quoique je n'aie jamais ete ami de coeur du general Ermoloff, je ne puis ne pas conveuir, que notre armee lui doit son salut a Witebsk, Borodino et Culm; dans une foule d'autres occasions ce general a fait preuve de beaucoup de talent, de courage, de presence d'esprit et d'un rare desinterressement»[55]. Высокое мужество и самоотвержение Раевского и его сподвижников... не нуждаются в присвоении чужих заслуг.

...После Бородинского сражения Ермолов отправился с Толем и полковником (русским,

австрийским и испанским) Кроссаром с Поклонной горы к Москве отыскивать позицию, удобную для принятия сражения. Войска были одушевлены желанием вновь сразиться с неприятелем; когда после Бородинского сражения адъютант Ермолова Граббе объявил войскам от имени светлейшего о новой битве, это известие было принято всеми с неописуемым восторгом. Отступление наших войск началось лишь по получении известия с нашего правого фланга, которого неприятель стал сильно теснить и обходить. Князь Кутузов, не желая, однако, оставить столицу без обороны, имел одно время в виду вверить защиту ее со стороны Воробьевых гор Дохтурову, а со стороны Драгомиловской заставы принцу Евгению Виртембергскому.

Граф Растиопчин, встретивший Кутузова на Поклонной горе, увидав возвращающегося с рекогносцировки Ермолова, сказал ему: «Алексей Петрович, зачем усиливаетесь вы убеждать князя защищать Москву, из которой уже все вывезено? Лишь только вы ее оставите, она по моему распоряжению запалает позади вас». Ермолов отвечал ему, что

это есть воля князя, приказавшего отыскивать позицию для нового сражения. Кутузов, узнав, что посланные не нашли хорошей позиции, приостановил движение корпуса Дохтурова к Воробьевым горам. На Поклонной горе видны доселе следы укреплений, кои надлежало защищать принцу Виртембергскому. Кутузов отправил в другой раз к Москве Ермолова с принцем Александром Виртембергским, Толем и Кроссаром; принц, отличавшийся большою ученостью, сказал: «*Eй faisant creneler les murs des cou-vents, on aurait pu y tenir plusieurs jours*»[56].

Возвратившись в главную квартиру, Ермолов доложил князю, что можно было бы, не заходя в столицу, совершить, в виду неприятельской армии, фланговое движение на Тульскую дорогу, что было бы, однако, не совсем безопасно. Когда он стал с жаром доказывать, что невозможно было принять нового сражения, князь, пощупав у него пульс, сказал ему: «Здоров ли ты, голубчик?» – «Настолько здоров, – отвечал он, – чтобы видеть невозможность нового сражения».

Хотя на знаменитом военном совете в Фи-

лях Ермолов, как видно из предыдущего, был убежден, что новое сражение бесполезно и невозможно, но, будучи вынужден подать свой голос одним из первых, дорожа популярностью, приобретенною им в армии, которая приходила в отчаяние при мысли о сдаче Москвы, и не сомневаясь в том, что его мнение будет отвергнуто большинством, он подал голос в пользу новой битвы. Беннигсен, находившийся в весьма дурных отношениях с Кутузовым, постоянно предпочитавшим мнения противоположные тем, кои были предложены этим генералом, требовал того же самого; неустрашимый и благородный Коновницын поддержал их. Доблестный и величественный Барклай, превосходно изложив в кратких словах материальные средства России, кои были ему лучше всех известны, требовал, чтобы Москва была отдана без боя; с ним согласились граф Остерман, Раевский и Дохтуров. По мнению сего последнего, армия, за недостатком генералов и офицеров, не была в состоянии вновь сразиться с неприятелем. Граф Остерман, питавший большую неприязнь к Беннигсену с самого 1807 года,

спросил его: «Кто вам поручится в успехе боя?» На это Беннигсен, не обращая на него внимания, отвечал: «Если бы в этом сомневались, не состоялся бы военный совет, и вы не были бы приглашены сюда».

А. Д. Крившенко. Военный совет в Филях в 1812 г.

Вернувшись после совета на свою квартиру, Ермолов нашел ожидавшего его артиллерию поручика Фигнера, столь знаменитого впоследствии по своим вполне блистательным подвигам. Этот офицер, уже украшенный знаками Св. Георгия 4-го класса за сме-

лость, с которою он измерял ширину рва Рущукской крепости, просил о дозволении остаться в Москве для собрания сведений о неприятеле, вызываясь даже убить самого Наполеона, если только представится к тому возможность. Он был прикомандирован к штабу и снабжен на Боровском перевозе по дорожною в Казань. Это было сделано затем, чтобы слух о его намерениях не разгласился в армии».

Возвращаемся к повествованию самого Алексея Петровича о событиях, следовавших за Бородинской битвой:

«1-го числа сентября армия наша не приметно приблизилась к самым стенам Москвы. Место, на котором расположилась армия, простиралось от урочища, называемого Фили, чрез речку Карповку, Воробьевы горы, почти до самой Калужской дороги... Князь Кутузов показывал вид, что непременно хочет дать сражение...

Всем очевидным недостаткам местоположения никто не хотел противостать. Господа генералы молчали, и, конечно, не от того,

чтобы многие могли разуть, что князь Кутузов обманывает обещанием защищать Москву. Он спросил меня по прибытии на место, какою нахожу я позицию? Я отвечал, что о месте, назначаемом для 60 или 70 тысяч человек, по одному взгляду решить не можно, что, однако же, приметны в нем такого рода недостатки, что усомниться должно в возможности на нем удержаться. Он взял меня за руку, оцупал пульс и сказал, здоров ли я? Подобный вопрос не вызвал меня на скромный ответ, и я с некоторою живостью возразил, что место таково, что на нем драться он не будет или в короткое время разбит будет совершенно.

Кутузов не хотел далее раздражать меня оскорблениями, ласково приказал мне, взяв с собою генерал-квартирмейстера Толя, осмотреть ту же самую позицию и донести ему о ее недостатках, а потом, когда найдется другая, предложить об оной. Со мною также объезжал позицию г. Кроссар, принятый в службу нашу полковник, служивший прежде долго в Австрии и Испании, человек с дарованиями. Я сам сделал рисунок позиции и объяснил ее

порочность. Кутузову доложил я, что тут же есть другая позиция, хотя также с большими недостатками, но то важное имеющая преимущество, что отступление безопасно и не чрез весь город, но чрез некоторую только часть Замоскворечья и не переправляясь через реку, прямо на Тульскую дорогу (и проч. и проч.).

...Кутузов, все выслушав благосклонно, ничего, однако же, не сказал. Я нашел Кутузова с графом Растопчиным, с коим он объяснялся весьма долго. Граф говорил мне, что он не понимает, почему Кутузов усиливается непременно защищать Москву... что вывезены все сокровища... Несколько перед тем дней клялся Кутузов седыми своими волосами, что неприятель путь к Москве должен проложить чрез его тело. Он не знал, как сложить с себя вину оставления Москвы. Он подробно пересказал мне разговор свой с Растопчиным и со всею невинностью уверял меня, что до того времени не знал он, что неприятель приобретением Москвы никаких не снищет выгод, что подлинно оставить ее можно, и спросил у меня на то мнения. Я боялся повторения

испытаний моего пульса, замолчал, но, когда приказал он мне говорить, я отвечал ему, что если отступить, то для соблюдения наружности приказал бы в честь древней столицы арьергарду нашему дать сражение.

День клонился уже к вечеру, и об оставлении Москвы еще неизвестно было. Военный министр, призвав меня к себе, объяснил мне причины, по которым отступление полагает он необходимым, причины самые ясные и основательные, против которых возразить было невозможно. Никогда не слышал я его столь благоразумно рассуждающего. Он пошел к Кутузову и мне приказал идти за собою. Барклаю де Толли более, нежели кому-либо, известны были обстоятельства. В восхищении был Кутузов от сего предложения, ибо не первый он его сделал и имел на кого возложить вину, а дабы более отклонить от себя упреки, приказал созвать совет, и в восемь часов вечера назначено для сего время.

(На совете) Барклай де Толли предлагал взять направление на Владимир, дабы сохранить сообщение с Петербургом, а особенно царскою фамилией. Кутузов приказал мне,

или по званию моему, или потому, что я младший, объяснить мое мнение. Я убежден был основательным предложением военного министра, которому можно было противоречить в одном направлении на Владимир в единственном намерении сохранить сообщение с Петербургом, ибо оно отдавало во власть неприятеля все полуденные наши области и знатные готовые уже для армии запасы. Гораздо важнее было не потерять сообщения с ними и армиями генерала Торماسова и адмирала Чичагова, потому что царская фамилия могла, при малейшей грозящей ей опасности, выехать в Казань или северные губернии, не порабощая армию невыгодному направлению. Не смел я, как офицер весьма малоизвестный, дать согласие мое на оставление столицы. Не хочу, однако же, защищать мнения моего, ибо оно было неосновательно, но, страшась упрека соотечественников, дал я голос атаковать неприятеля. 900 верст непрерывного отступления, говорил я, не приучили неприятеля к подобным со стороны нашей движением, и нет сомнения, что в распоряжении войск его произойдет боль-

шое замешательство, которым его светлости, как искусному полководцу, предложит воспользоваться, и что, конечно, сие произведет оборот в делах наших[57].

Князь Кутузов с неприятностью отвечал мне, что потому даю я такое мнение, что не на мне лежит ответственность. Генерал Беннигсен, известный знанием военного искусства и опытностью своей, хотя удивил меня, дав мнение, с моим согласующееся, но я не мог усомниться, что он основывает его на вернейших, нежели я, расчетах.

Приехавшему после всех генерал-лейтенанту Раевскому приказано мне было пересказать предложение военного министра и каждого особенно мнение, и он отвечал, что обстоятельства, военным министром объясняемые, достаточны склонить его к мнению оставить Москву... Приказано сделать диспозицию к отступлению... к Рязанской заставе...

...Неприятель в положенное по условию время вошел без боя, не препятствовал выходить обозам армии, а даже самим жителям, занял тотчас все заставы, и Москву оставили мы в руках его.

Тщательно наблюдал я действие, которое произвело над войсками оставление Москвы, и сверх чаяния заметил, что солдат не терял духа и далек был ропота...

В городе Гжатске переменял Кутузов распоряжение мое о больных и раненых и разосланным от себя офицерам приказал отовсюду свозить их в Москву. Их было до 26 тысяч человек. В последнюю ночь послал я к коменданту, чтоб объявил он им, что оставляем мы Москву и чтобы те, кои в силах, удалились.

...Ближе к вечеру слышны были в Москве два взрыва пороха и пожар ужаснейший далеко освещал окрестности. Исполнил обещание свое граф РаSTOPчин!..

Неприятель покорением столицы мнит, поколебав твердость россиян, достигнуть славного для себя мира. Он не находит столицы и вместо мира видит народную войну, под ужасающими его признаками возгорающуюся. Мнит стяжать сокровища, награду воинов за понесенные труды, – их не обретает... За что отнимать у себя славу жертвования столицей? Справедливый неприятель у нас ее не похищает! Все доселе народы, счастию На-

полеона двадцать лет покорствующие, не явили подобного примера. Судьба сберегла его для славы россиян! Двадцать лет побеждая все противоборствующие народы, в торжестве неоднократно проходил Наполеон столицы их. Чрез Москву единую лежал ему путь к вечному стыду и сраму! В первый раз уstraшенная Европа осмелилась увидеть в нем человека!

Армия, 3-го числа сентября имел растах, пошла по Рязанской дороге к Боровскому перевозу чрез Москву-реку[58].

Армия расположилась у города Подольска... Растах...

Армия спокойно прибыла к селу Красная Пахра (на Калужской дороге)... отошла к селу Воронову и наконец в Тарутино.

В Тарутине возвратился артиллерии капитан Фигнер, отправленный мною из Подольска в Москву. Предприимчивый и храбрый сей офицер взялся разведать о неприятеле и, буде бы возможность была, хотел вкрасься в свиту Наполеона. Он, бывши в Москве, возвратился к передовым войскам, под командою генерал-лейтенанта и Раевского, а объ-

явил, что послан от меня. Генерал-лейтенант Раевский, зная его в Молдавии, дал ему небольшую команду кавалерии, с которою он отправился на дорогу между Можайском и Москвою. Скрыв отряд свой и осмотрев идущие неприятельские шесть орудий с небольшим прикрытием, напал на них при селении Вязьме и взял в плен, где поблизости расположенный неприятель, уведомлен будучи о происшествии, не успел прийти на избавление. Фигнер был первый из партизанов употребленный при большой армии. Успехи его, в которых много способствовали ему вооруженные им поселяне, дали мысль Кутузову умножить число партизан...

Приводим два документа, касающиеся этого храброго офицера.

I

Его светлости высокоповелительному г. генерал-фельдмаршалу, главнокомандующему всеми армиями, князю Голенищеву-Кутузову

Начальника главного штаба 1-й армии генерал-майора Ермолова рапорт

«Вчерашний день я имел честь предупредить г. дежурного генерала всех армий для

доклада вашей светлости о действиях отряженной с артиллерии штабс-капитаном Фигнером партии; ныне рапорт его в подлиннике имею честь представить вашей светлости.

Сей офицер, известный своею предприимчивостью и прежними отличными действиями, был употреблен мною в полной уверенности, что он воспользуется первым случаем, чтобы доказать свое рвение к пользам службы. Действие его, но лучше свидетельство самых пленных вполне оправдали сделанный мною выбор и выказали все его способности.

Благоволите, ваша светлость, вознаградить труды сего офицера, имеющего единым предметом пользу службы своего государя, и обратить благосклонное внимание свое на его усердие, заслуживающее величайших похвал. Простите также смелость моего предложения о том, что надо отрядить сего отличного офицера с большею партией, избрав ему предприимчивых офицеров, дабы малочисленность конницы его не ослабила его деятельности и не вынудила его часто по необходимости скрываться в лесах.

25 сентября 1812».

II

Г. начальнику главного штаба 1-й западной армии генерал-майору и кавалеру Ермолову

Артиллерии штабс-капитана Фигнера рапорт «Вверенным мне отрядом о причинении неприятелю вреда донести честь имею следующее: 1) в окрестностях Москвы истреблены все продовольствия; 2) в селах, лежащих между Тульской и Звенигородскою дорогою, побито до 400 человек; 3) на Можайской дороге взорван парк, шесть батарейных орудий приведены в совершенную негодность, а 18 ящиков, сим орудиям принадлежащих, взорваны. При орудиях взяты: полковник, 4 офицера и рядовых 58, убито офицеров три и великое число рядовых. Невзирая на чрезвычайную трудность путей, офицеры наблюдали в своих командах совершенный порядок. От чего в самые мрачные ночи в лесах, едва днем сквозящих, марши были быстры, а следствия оных неприятелю губительны. Перенося равнодушно холод и стужу, презирая опасность среди многочисленного неприятеля, они поселяли

твердость и надежду в солдатах. Урон, понесенный сим отрядом, состоит в одном убитом и двух легко раненных.

Артиллерии штабс-капитан Фигнер.

(?) дня 1812 года».

В Подольске генерал-лейтенант Коновницын[59] назначен дежурным генералом при князе Кутузове. Генерал сей по новому званию своему входил в мою должность в обязанности, непосредственно на мне лежащие, которые прежде сближали меня с Кутузовым.

...Князь Кутузов произведен был после Бородинского сражения в фельдмаршалы и вместе с возвышением сим почел необходимым создать дежурного при себе генерала, дабы управление армиями не оставить в руках генерала Беннигсена, который состоял при нем в звании начальника главного штаба всех действующих армий. По получении известия о смерти достойнейшего генерала князя Багратиона 2-я армия хотя и существовала по имени, но штаб оной был уничтожен и присоединен к штабу 1-й западной армии, и я наименован начальником главного штаба обе-

их армий.

22-го числа сентября военный министр Барклай де Толли оставил армию и поехал в Калугу и далее. Я знал намерение его и для того незадолго пред его отъездом подал рапорт, что чувствую себя к отправлению моей должности неспособным и прошу возвратить меня в армию.

Он представлен был в подлиннике фельд-маршалу, но никакого не последовало ответа. Вместе с Барклаем де Толли уехал и правитель собственной канцелярии его, флигель-адъютант гвардии полковник Закревский, офицер отличных и благороднейших свойств, с которым был я приятель, и вместе разделяли и горести неудачной войны и приятные в оной минуты. И я, кроме достойного дежурного генерала 1-й армии флигель-адъютанта Кикина, не видал никого желающего мне добра, и положение мое час от часу делалось более неприятным. Генерал-лейтенант Коновницын возмечтал, что я должен обрабатывать часть дел, собственно до него относящихся. Я некоторое время делал то с терпением...

Он вместе с полковником Толем вредили мне у Кутузова и расположение ко мне и внимание, всеми замеченное, уничтожали. Он охладел ко мне, я не искал его милостей и старался отдалиться от главной квартиры, в которой я не жил во все время пребывания армии в Тарутине и не иначе появлялся, разве приказано мне бывало. Я посещал Коновницына и в то же время имел с ним переписку, в которой он ничего у меня не выигрывал.

В таких отношениях с Коновницыным и Толем, могущественными людьми настоящего времени, я был совершенно праздным, и мне оставалось быть свидетелем разных интриг главной квартиры, вражды между Кутузовым и генералом Беннигсенем, которую возбуждал полковник Толь единственно в намерении, отдаляя его влияние на Кутузова, сохранить над ним власть свою. Звание начальника главного штаба оставалось еще при мне, и, невзирая на повторенный мною о неспособности рапорт, я не мог получить увольнения от оногo[60].

Сражения Тарутинское и Малоярославец-

кое описаны у Давыдова с большими подробностями, чем у Ермолова, и мы считаем целесообразнее представить прежде его рассказ:

«Главная квартира Кутузова находилась, как известно, в Леташевке, а Ермолов с Платовым квартировали в расстоянии 1 версты от этого села. Генерал Шепелев дал 4-го числа большой обед, все присутствовавшие были очень веселы, и Николай Иванович Депперадович пустился даже плясать. Возвращаясь в девятом часу вечера в свою деревушку, Ермолов получил чрез ординарца князя Кутузова, офицера Кавалергардского полка, письменное приказание собрать к следующему утру всю армию для наступления против неприятеля. Ермолов спросил ординарца, почему это приказание доставлено ему так поздно, на что он отозвался незнанием, где находится начальник главного штаба.

Ермолов, прибыв тотчас в Леташевку, доложил князю, что, по случаю позднего доставления приказания его светлости, армию невозможно собрать в столь короткое время. Князь очень рассердился и приказал собрать все войска к 6-му числу вечером; вопреки уве-

рением генерала Михайловского-Данилевского, князь до того времени и не выезжал из Лешашевки. В назначенный вечер, когда уже стало смеркаться, князь прибыл в Тарутино. Беннигсену, предложившему весь план атаки, была поручена вся колонна, которая была направлена в обход; в этой колонне находился и 2-й корпус. Кутузов с свитой, в числе которой находились Раевский и Ермолов, остался близ гвардии; князь говорил при этом: «Вот просят наступления, предлагают разные проекты, а чуть приступишь к делу, ничего не готово, и предупреденный неприятель, приняв свои меры, заблаговременно отступает». Ермолов, понимая, что эти слова относятся к нему, толкнул коленом Раевского, которому сказал: «Он на мой счет забавляется».

Когда стали раздаваться пушечные выстрелы, Ермолов сказал князю: «Время не упущено, неприятель не ушел; теперь, ваша светлость, нам надлежит с своей стороны дружно наступать, потому что гвардия отсюда и дыма не увидит». Кутузов скомандовал наступление, но чрез каждые сто шагов войска останавливались почти на три четверти часа;

князь, видимо, избегал участия в сражении. Место убитого ядром Багговута заступил мужественный принц Евгений Виртембергский, который стал у головного полка.

Ермолов послал сказать чрез капитана квартирмейстерской части Ховена графу Остерману, чтоб он следовал со своим корпусом быстрее. Остерман выслал к назначенному месту лишь полковые знамена при ста рядовых. Беннигсен, выведя войска к месту боя, вернулся назад; если бы князь Кутузов сделал со своей стороны решительное наступление, отряд Мюрата был бы весь истреблен. Фельдмаршал, окруженный многими генералами, ехавшими верхом, возвратился вечером в коляске в Леташевку. Он сказал в это время Ермолову: «Голубчик, неприятель понес большую потерю, им оставлено много орудий в лесу». Кутузов, не расспросив о ходе дела у главного виновника победы Беннигсена, послал государю донесение, в котором вместо 19 орудий, взятых у неприятеля, показано было 38. С этого времена вражда между Беннигсеном и Кутузовым достигла крайних размеров и уже никогда не прекращалась».

Н. Самокиш. Бой под Малоярославцем

О сражении при Малоярославце Давыдов говорит следующим образом:

«Князь Кутузов, получив известие чрез Дорохова о приближении неприятельской колонны, отправил из Тарутина к Фоминскому корпусу Дохтурова с начальником главного штаба 1-й армии Ермоловым.

Перед выступлением своим Ермолов приказал Фигнеру и Сеславину следовать по на-

правлению к Фоминскому, с тем чтобы собрать сведения о неприятеле. Фигнеру не удалось перейти Лужу, тщательно охраняемую неприятельскими пикетами. Сеславин успел перейти реку и приблизиться к Боровской дороге; здесь оставив позади свою партию, он пешком пробрался до Боровской дороги сквозь лес, на котором еще было немного листьев. Достигнув дороги, он увидел глубокие неприятельские колонны, следовавшие одна за другою к Боровску; он заметил самого Наполеона, окруженного своими маршалами и гвардией. Неутомимый и бесстрашный Сеславин, выхватив из колонны старой гвардии унтер-офицера, связал его, перекинул чрез седло и быстро направился к корпусу Дохтурова.

Между тем Дохтуров с Ермоловым, не подозревая выступления Наполеона из Москвы, следовали на Аристово и Фоминское. Продолжительный осенний дождь совершенно испортил дорогу; большое количество батарейной артиллерии, следовавшей с корпусом, замедляло его движение. Ермолов предложил Дохтурову оставить здесь эту артиллерию не

доходя верст пятнадцать до Аристово; отсюда, находясь в близком расстоянии от Тарутина и Малоярославца, она могла быстро поспеть к пункту, где в ее действии могла встретиться надобность, а между тем успела бы отдохнуть. Дохтуров не замедлил изъявить свое на то согласие, и корпус его к вечеру прибыл в Аристово; сам Дохтуров расположился на ночлег в деревне, а Ермолов с прочими генералами остался на биваках.

Уже наступила полночь, и чрез несколько часов весь отряд, исполняя предписание Кутузова, должен был выступить к Фоминскому. Вдруг послышался конский топот и раздались слова Сеславина: «Где Алексей Петрович?» Явившись к Ермолову, Сеславин, в сопровождении своего пленника, рассказал все им виденное; пленный подтвердил, что Наполеон, выступив со всею армией из Москвы, должен находиться в довольно близком расстоянии от нашего отряда. Это известие было столь важно, что Ермолов, приказав тотчас отряду подыматься и становиться в ружье, лично отправился на квартиру Дохтурова. Этот бесстрашный, но далеко не решительный гене-

рал, известись обо всем этом, пришел в крайнее замешательство. Он не решался продолжать движение к Фоминскому из опасения наткнуться на всю неприятельскую армию и вместе с тем боялся отступлением из Аристова навлечь на себя гнев Кутузова за неисполнение его предписания.

В этот решительный момент Ермолов, как и во многих других важных случаях, является ангелом-хранителем русских войск. Орлиный взгляд его превосходно оценил все обстоятельства, и он, именем главнокомандующего и в качестве начальника главного штаба армии, приказал Дохтурову спешить к Малоярославцу. Приняв на себя всю ответственность за неисполнение предписания Кутузова, он послал к нему дежурного штаб-офицера корпуса Волховского[61], которому было поручено лично объяснить фельдмаршалу причины, побудившие изменить направление войск, и убедительно просить его поспешить прибытием с армией к Малоярославцу.

Ермолов советовал Дохтурову захватить с собою во время движения своего на Малоярославец всю оставленную батарейную артил-

лерию; сам Ермолов с 1-м кавалерийским корпусом барона Меллера-Закомельского и с конною ротой полковника Никитина, желая лично удостовериться в справедливости показаний Сеславина, двинулся по направлению к селу Катову, где был расположен отряд генерала Дорохова. Услыхав перестрелку, которую Дорохов завязал с неприятельскими пикетами, Ермолов послал ему сказать, чтоб он тотчас ее прекратил. На что Дорохов отвечал: «Если б Алексей Петрович находился сам здесь, он бы поступил точно так же, как и я».

Опрокинув неприятельские пикеты, Дорохов наткнулся на сильные резервы; Ермолов, увидав это и боясь быть разбитым сильным неприятелем, придвинул конную роту Никитина. Подтвердив свое приказание Дорохову, он, следуя чрез небольшой лес, достиг обширной поляны, которая простирается от Боровска до самого Малоярославца. Здесь он увидел обширный лагерь итальянской армии и узнал от пленных, что Наполеон должен был обедать в тот день в Боровске. Решившись быстро спешить к Малоярославцу, Ермолов приказал одному отважному офицеру Сысое-

ва казачьего полка, следуя по прямому пути к Малоярославцу, хотя бы в самом близком соседстве с неприятелем, достигнуть города и собрать все возможные сведения как о нем, так и о неприятеле; ему было приказано, по исполнении поручения, отыскать начальника главного штаба по направлению к Малоярославцу. Этот смелый офицер донес вскоре Ермолову, что перед городом находились уже три батальона итальянцев, которые были задерживаемы жителями, успевшими разобрать мост; власти городские выехали весьма недавно из города, куда приезжал атаман Платов, который, по отъезде своем оттуда, оставил там казаков.

Ермолов прибыл на рассвете к Малоярославцу, пред которым уже находилась вся армия вице-короля; Дохтуров, расположившись лагерем позади города, поручил защиту его Ермолову, которого подкрепил своею пехотой. Войска наши были два раза выбиты из города, хотя рота храброго полковника Никитина, действиями которой руководил сидевший на колокольне адъютант Ермолова Поздеев, жестоко поражала неприятеля.

Между тем фельдмаршал, придя с армией в село Спасское, не в далеком расстоянии от Малоярославца, приказал войскам отдохнуть. Ермолов отправил в Спасское генерал-адъютанта графа Орлова-Денисова с убедительнейшею просьбой спешить к городу; не получив никакого ответа, он отправил туда одного германского принца, находившегося в то время при наших войсках, с настоятельнейшею просьбой о скорейшем прибытии армии. Фельдмаршал, недовольный этою настойчивостью, плюнул. Тогда корпус Раевского выступил к Малоярославцу, и за ним тронулась вся армия. Сам Раевский, в качестве зрителя, уже давно находился близ Малоярославца, где наблюдал за ходом сражения. Выбитый в последний раз из города превосходным неприятелем, Ермолов расположил против главных его ворот 40 батарейных орудий; он намеревался, за неимением войска, встретив неприятеля жестокою канонадой, начать отступление, но прибытие армии изменило весь ход дела.

Неустршимый Коновницын выбил неприятеля из города. Князь Кутузов, приоб-

ретший большую опытность в войне с турками, прибегнул к весьма странному средству для удержания неприятеля, если б он решился продолжать наступление. Он приказал приступить к возведению нескольких редутов в расстоянии выстрела от города; но после нескольких выстрелов неприятеля из города 1500 человек рабочих, бросив здесь весь свой инструмент, рассеялись. Город был однако оставлен нашими и занят неприятельскими войсками. После битвы князь Кутузов имел весьма любопытный разговор с Ермоловым, который я здесь лишь вкратце могу передать. Князь: «Голубчик, ведь надо идти?» Ермолов: «Конечно, но только на Медынь». Князь: «Как можно двигаться в виду неприятельской армии?» Ермолов: «Опасности нет никакой: атаман Платов захватил на той стороне речки несколько орудий, не встретив большого сопротивления. После этой битвы, доказавшей, что мы готовы отразить все покушения неприятеля, нам его нечего бояться».

Когда князь объявил о намерении своем отступить к Полотняным заводам, Ермолов

убеждал его остаться у Малоюрославца по крайней мере на несколько часов, в продолжении которых должны были обнаружиться намерения неприятеля[62]. Но князь остался непреклонным и отступил.

...Если бы Наполеон, дойдя до Боровска, поспешил направить всю армию к Малоюрославцу, он неминуемо и весьма легко овладел бы этим городом; предупредив здесь нашу армию, он, без сомнения, не встречая больших затруднений, дошел бы до Юхнова, откуда безостановочно продолжал бы свое обратное шествие по краю изобильному и не разоренному. Ермолову выпал завидный жребий оказать своему отечеству величайшую услугу. К несчастью, этот высокий подвиг, искаженный историками, почти вовсе неизвестен.

...В это самое время партизан, князь Кудашев, находившийся между Лопаснею и Вороновым, стал преследовать неприятельский авангард, заслонявший движение главной его армии и двинувшийся уже от берегов Мочи для присоединения к его хвосту.

Всякий военный человек, знающий свое дело, ясно увидит, что неприятельская армия,

окруженная, так сказать, отрядами Дорохова, Сеславина, Фигнера и князя Кудашева, не могла сделать шагу скрытным образом, хотя бы спасение ее и зависело от быстрого и никем не замеченного движения мимо левого фланга нашей армии и внезапного появления ее в Малоярославце. Через это Наполеон, выпутавшись из сетей, расставленных ему фельдмаршалом при Тарутине, открыл бы себе беспрепятственный путь к Днепру, в богатый и не истощенный еще край; он мог бы, соединясь с Виктором Жюно и Эверсом, возобновить наступательное действие без малейшей опасности, имея свои фланги и тыл обезличенными. Если перейдем от следствия к причине, то удостоверимся, что извещением Сеславина решилась участь России, но для сего нужен был проницательный и энергический Ермолов, принявший на себя ответственность за своевольное изменение в направлении корпуса Дохтурова, прозорливый главнокомандующий, оценивший представление начальника штаба 1-й армии и прибывший с войсками к Малоярославцу».

Вот другой рассказ Давыдова о сражении под Малоярославцем:

«Кутузов не знал и не мог знать о выступлении всей неприятельской армии из Москвы 7-го числа октября, т. е. на другой день по разбитии им Мюрата на речке Чернишне, а следовательно, и о направлении этой армии на Фоминское. Генерал Дорохов, занимавший легким отрядом село Катово на новой Калужской дороге, открыл в Фоминском передовые войска неприятеля (кавалерию Орнано и пехотную дивизию Брусье, принадлежавшие корпусу Евгения); не подозревая, что за ними следует вся неприятельская армия, он уведомил о том Кутузова с изложением мнения своего насчет цели их прибытия. Он полагал, что они явились на этом пункте или для связи неприятельского авангарда с большою Смоленской дорогою, или это доказывает, что вся наполеоновская армия движется к Калуге.

Кутузов немедленно послал по направлению к Катову, где находился Дорохов, сильный отряд под начальством Дохтурова, составленный из одного пехотного корпуса и

гвардейской легкой кавалерийской дивизии; при этом отряде находился начальник главного штаба 1-й армии Ермолов. Ермолов, перед самым выступлением из Тарутинского лагеря, послал партизана Сеславина к Фоминскому для вернейшего осмотра прибывших туда неприятельских войск; корпус же двинулся к Катову и остановился на половине дороги в деревне Аристов; Сеслаvinу удалось захватить унтер-офицера старой гвардии Наполеона и доставить его Ермолову. Завеса спала. Узнали, что в Фоминском не одни войска Орнано и Брусье, а вся неприятельская армия и что сам Наполеон находился в Боровске.

Ермолов и начальник отряда дали о том знать в главную квартиру; но столь же строгий исполнитель приказаний начальства, сколь храбрый генерал, Дохтуров не мог решиться принять на свою ответственность изменение в направлении, тем более что было строго приказано главнокомандующим идти против войск Орнано и Брусье к Катову. Ермолов, пользуясь правом начальника главного штаба, приняв на себя всю ответственность за самовольное изменение в направле-

нии войск, именем Кутузова предписал Дохтурову следовать с пехотой к Малоярославцу; желая лично удостовериться в истинном направлении неприятельской армии, он с кавалерией направился к Боровску; открыв здесь многочисленного неприятеля, он так же быстро обратился к Малоярославцу. Таким образом таинственное выступление Наполеона из Москвы было обнаружено.

Вскоре горизонт по направлению к Боровску зачернел неприятельскими войсками. Ермолов с главными войсками бросился в город Малоярославец, где вступил в ожесточенный бой с дивизией Дельзона, но он был два раза выбит из него армией вице-короля. Хотя князь Кутузов прибыл с армией в село Спаское (находящееся в весьма близком расстоянии от Малоярославца), но, приказав войскам отдыхать, он не трогался с места. Ермолов, сражаясь с многочисленным неприятелем, не переставал посылать записки за записками фельдмаршалу, с убедительнейшею просьбой спешить на защиту города.

Наконец, после довольно продолжительного колебания, Кутузов подкрепил сражаю-

щихся корпусами Раевского и Бороzdина; хотя город остался за неприятелем, но путь на Юхнов и Калугу был прегражден неприятелю. Если бы Наполеон по выступлении из Москвы быстро направился на Малоярославец, он овладел бы им весьма скоро и без всякой потери. Не встретив здесь нашей армии, он бы направился на Юхнов, а оттуда далее к Польше, двигаясь по хлебородным и богатым губерниям нашим. Я распространился в описании малоизвестных подробностей этого важнейшего из всех событий, потому что это есть зародыш всех злополучий Наполеона и переворота в судьбе государств и народов. Будь Славин менее предприимчив и решителен, будь Ермолов одарен не столь замечательною прозорливостью и высокою решительностью и Кутузов меньшею проницательностью, указавшею ему на Тарутино как на точку спасения для отечества; замедли он несколькими часами в прибытии к Малоярославцу, — весь плод превосходного движения из Москвы по Рязанской дороге, переход на Калужскую для занятия Тарутина и все выгоды вследствие бокового направления нашего до Березины,

которые сами по себе были лишь следствием или, лучше сказать, продолжением направления от Тарутинского лагеря к Малоярославцу, все рушилось бы, все исчезло бы безвозвратно!»

Теперь предлагаем собственное описание Ермолова.

«9-го числа октября генерал-майор Дорохов донес, что неприятель занимает село Фоминское, деревню Катово и небольшая часть сил его расположена около города Боровска, что повсюду его не более 8 тысяч человек, просил к отряду, им командуемому, дать два полка пехоты и что тогда он непременно разобьет неприятеля. Фельдмаршал рассудил отправить 6-й корпус генерала Дохтурова, 1-й кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Меллера-Закомельского и пять казачьих полков. Благоразумное сие распоряжение давало вернейшие средства к успеху. Кутузов, осыпав меня тысячью приветствий, приказал отправиться с генералом Дохтуровым, уверяя меня, что он надеется на меня и будет спокоен. Надобно знать Кутузова, чтобы не давать

тому никакой цены. Партизаны Фигнер и Славин вверх по левому берегу Нары отправились с партиями узнать, не имеет ли неприятель, кроме войск в селе Фоминском, других близко расположенных, которые бы могли прийти в помощь, также нет ли каких движений между Фоминским и Москвою. К 11 часу обещали они мне дать непременно обстоятельное известие.

Генерал Дохтуров 10-го числа остановился в 5 верстах от деревни Катово, с тем чтобы, пройдя сие расстояние ночью, напасть на расвете на неприятеля. Генерал-майор Дорохов, являсь к нему в команду, донес, что неприятель в 2 тысячи пехоты преследует от Боровска подполковника Власова с тремя казачьими полками. Около деревни Катово расположено не более 4 тысяч человек. Близ села Фоминского лагерь скрыт в лесу, и сил потому определить невозможно, ночью примечены большие по лесам огни, и у моста чрез реку Нару стоит батарея. Я предложил всю тяжелую артиллерию обратить за 6 верст назад, где весьма тесное дефиле с трудом мы проходили. Была уже полночь, приближалось вре-

мя идти вперед, и от Фигнера или Сеславина никаких не было известий; дано уже было приказание о приготовлении к движению.

Ночью на поле сталкиваюсь я с Сеславинским, который меня отыскивал. Он, скрыв в лесу свою партию, в 4 верстах от села Фоминского, осмотрел идущие неприятельские войска, которые состояли из всей пешей и конной гвардии Наполеона и всего корпуса маршала Нея. Взятые им несколько человек показали, что сам Наполеон при войсках, которые пятый уже день выступили из Москвы, где не более оставлено 4 тысяч человек для подорвания стен кремлевских. Тягости и артиллерия тяжелая прежде отправлены на Можайск и вместе с ними вся кавалерия, потерявшая лошадей, и для прикрытия всего 5-й корпус польских войск. В войсках большой недостаток в продовольствии, который задолго до выступления весьма был чувствуем. По слухам, Наполеон идет чрез Малоярославец в Калугу. Фельдмаршал не имел известия о Москве, и стоящий близ оной генерал-адъютант барон Винценгероде не успел дать о том уведомления.

Оказанная Сеславиным услуга спасла от поражения корпус генерала Дохтурова, и то могло зависеть от нескольких часов разницы. На рассвете генерал Дохтуров отступил и, присоединив отосланную артиллерию, переправился при селе Спасском чрез реку Протву и пошел на Малоярославец. Вся кавалерия пошла к стороне Боровска примечать за движением неприятеля, и я остался при ней, дабы извещать Дохтурова.

Поутру в некотором расстоянии прошли мы мимо Боровска, видели, что неприятель проходил оный. Пополудни заметили его идущего в больших силах к Малоярославцу, и нас разделяла с ним одна река Протва. Бежавший от неприятеля слуга одного генерала уведомил, что Наполеон в 10 часов утра прибыл в Боровск, где гвардия его имеет ночлег, что на завтра, 12-го числа октября, идет далее. Спускаясь по левому берегу Протвы, часа за два до вечера переправились мы за реку, сбили форпосты, наблюдавшие нас, преследовали конницу, которая их подкрепляла, и, проскакав небольшой лес, увидели близ почтовой дороги обширный лагерь корпусов вице-короля

итальянского маршала Даву.

Мы отошли к переправе, но не перешли за реку, дабы сохранить кратчайшую дорогу к Малоярославцу. Неприятель за поздним временем нас не преследовал. Разъезд, отправленный к Малоярославцу, дал знать, что у самого города также стоит неприятельский лагерь.

В городе есть несколько казаков, присланных от атамана Платова, жителями разобраны мосты, и они не допускают в город неприятеля. В ночи присоединились мы к генералу Дохтурову, который за час до начала дня прибыл к Малоярославцу. Впереди корпуса прислан был 33-й егерский полк, который хотя и занял город, но не мог выгнать неприятеля, удерживающего один квартал, к реке прилегающий. Во власти его были мосты, и два орудия артиллерии переправлены в город.

Наставший день открыл на противоположном берегу реки Лужи силы неприятельские весьма превосходные, 33-й егерский полк был утесняем, исправлялись мосты, и колонны неприятеля двинулись в город. Удерживать город надобно было во что бы то

ни стало, ибо армия следовала уже из Тарутина и дорогу Калужскую уступить было невозможно. Генерал Дохтуров подкрепил 33-й полк 6-м и 19-м егерскими полками и команду над ними поручил полковнику Вуичу.

Все войска наши расположились в версте от города на Калужской дороге, на правой стороне 1-й кавалерийский корпус и отряд генерал-майора Дорохова. В городе загорелся ружейный огонь очень сильный и атаки неприятеля сделались гораздо упорнее. На левом нашем фланге устроилась батарея гвардейской конной артиллерии, которая препятствовала исправлению мостов и останавливала идущие в город подкрепления. Храбрый полковник Никитин был со своими орудиями в середине города, и неприятель уважал его присутствие. Егерские полки наши принуждены были к отступлению, с трудом могли мы вывезти из города артиллерию, и стрелки неприятельские, пройдя стремительно город, появились на правом крыле нашем. Генерал Дохтуров возложил на меня защиту города, и к полкам, прежде в оном бывшим, прибыли в распоряжение мое 11-й егерский полк и пе-

хотные – Софийский, Либавский и Вильман-страндский с достаточным количеством артиллерии. Невзирая на то, четыре раза выгнан я был из города и не раз терял совсем надежду возвратиться в оный.

Храбрая атака в штыки Либавского полка под начальством генерал-майора Талызина и Софийского под командою полковника Халяпина, которые, не сделав выстрела, вошли в город и все противостоявшее им истребили, удержали во власти нашей город. Артиллерии полковника Никитина, офицера неустрашимого, много обязан я успехом; храбрые адъютанты мои, гвардии поручик Фонвизин и артиллерии поручик Поздеев, чрезвычайно не способствовали. Всюду, куда посылал я их, не менее верил я им, как самому себе.

На прочие войска генерала Дохтурова неприятель сделал одну из города сильную вылазку, но действием батарей был отражен с большим весьма уроном. На короткое весьма время приезжал из армии дежурный генерал Коновницын; сие появление было для одной реляции. С нетерпением ожидали мы прибытия армии, но Кутузов поздно высту-

пил из Тарутина, шел чрезмерно тихо и без нужды медлил у переправы чрез Протву в селе Спасском. Первый прибывший корпус был генерал-лейтенанта Раевского и в 3 часа пополудни частью войск своих занял город вместе с моими полками; я, как старшему, сдал командование правым флангом, но вскоре прибыла вся наша армия и мы превзошли неприятеля силами; приехал и фельдмаршал. Ночью пошли полки в город на смену некоторых утомленных, но неприятель вытеснил их [63], и город за ним остался, невзирая на все со стороны нашей усилия возвратить его. Не знаю, почему фельдмаршал тотчас по прибытии армии не приказал оставить город, ибо с того времени потеря людей была бесполезна, и даже желать можно было, чтобы неприятель осмелился выйти на поле, где, без сомнения, нашел бы он гибель.

На другой день, 13 октября, армия осталась в позиции в 2 верстах от города. Неприятель вывел несколько войск из города, протянул правое крыло свое по дороге на Медынь на расстояние почти 3 верст и действовал из орудий против цепи казаков и кавалерии, со-

ставлявшей резерв их, более же во весь день ничего не предпринял. Атаман Платов, с большими силами донских войск занимавший конечность левого крыла, перешедши за реку Лужу, ударил на неприятельскую конницу, взял много пленных и 13 пушек. В лагере неприятеля замечено было великое беспокойство, и тотчас большие отряды войск на него обратились. При сем случае много потерпел уланский полк польской гвардии Наполеона.

Атаман Платов возвратился, оставив часть казаков, дабы беспокоить тыл неприятеля. Фельдмаршал, призвав меня, сказал, что армию привести надобно в движение. Я отвечал, что надобно взять направление на Медынь, представляя к убеждению, что мы в силах превосходных, неприятель свои главные удерживает за рекою и против нас только авангард его; особливо известны будучи об отправлении части войск и артиллерии на Можайск, видим, что невозможно ему решиться на генеральное сражение, которому и самое местоположение противится, ибо надобно переправиться чрез реку самую неудобную, спуск к оной и въезд в город толь-

ко один и имеет не менее 10 саженой отвесной высоты, что при малейшей неудаче могло быть причиною важнейшей потери.

Кутузов сказал мне, что он любит говорить со мною, ибо никогда обстоятельства не представляются мне в худом виде. Однако ж, сколько ни старался уговорить я его остаться одни сутки и даже менее, не мог никак согласиться на то, и он в ночи на 14-е число отошел к селению Дичин 20 верст ближе к Калуге. В арьергарде генерала Милорадовича оставлены 4-й корпус, 2-й корпус генерал-лейтенанта князя Долгорукого, бывшего министром в Неаполе, кавалерийский корпус генерал-адъютанта барона Корфа и пять донских полков с генерал-майором Карповым. Я остался у генерала Милорадовича.

14-го числа в 10 часов утра началась канонада и, два часа продолжаясь, не имела никаких следствий, войска с обеих сторон были неподвижны, и тем кончился день. Тот же день лично донес я обо всем фельдмаршалу и просил позволения возвратиться в авангард, но мне сие не позволено. По обстоятельствам нужно было послать отряд в Медынь; я про-

сил, чтобы меня отправить с оным, он никак не согласился, говоря, что удерживает меня на важнейшее употребление.

В ночи на 15-е число неприятель отступил от Малоярославца и остановился в 5 верстах за рекою. Атаман Платов со всеми казаками с левого фланга, генерал-адъютант барон Корф, командующий передовыми постами, весьма долго того не приметили. Генерал Милорадович приказал генерал-майору Карпову переправиться с казаками и преследовать неприятеля; регулярной коннице и конной артиллерии идти поспешно вслед, как скоро мосты готовы будут. Фельдмаршал приказал мне тотчас отправиться в авангард, и как генерал Милорадович донес, что он оба корпуса пехоты оставил по сей стороне реки, поручил мне, по изведанию обстоятельств, сделать им назначение и ему тотчас донести, говоря при этом, что даст он согласно оному всей армии направление.

Я застал генерала Милорадовича и даже генерал-адъютанта барона Корфа в Малоярославце. Неприятель стоял в 5 верстах на дороге от Боровска на Медынь, для того, вероятно,

чтоб отделенным от него войскам дать время отойти и собою закрыть их движение. Жители окрестностей дали знать, что между Медынью и Верею находятся войска неприятельские и что туда сходятся все силы. Известие сие было, однако же, неосновательно и ввело меня в некоторую погрешность в рассуждении данного мною корпусам направления. Не доходя Медыни по полученному сведению, что неприятель самым поспешнейшим образом отступает на Верею, атаман Платов идет вслед за ним и что взял уже фланг его, генерал Милорадович ускоренным маршем чрез село Кременское, Егорьевское и, перейдя в селе Никольском идущую от Гжатска на Юхнов дорогу, прибыл в окрестность Гжатска, тогда как атаман Платов занимал самый город и с того времени были они между собою в непрерывном сношении.

Из села Егорьевского доносил я фельдмаршалу, что армии полезно, сколько возможно, сократить путь и прямо идти на Вязьму, что ход ее совершенно закрывает авангард своим движением. Сие удобно было сделать потому, что неприятелю почтовою дорогой было идти

гораздо далее. Фельдмаршал взял предложенное мною направление, но шел чрезмерно тихо, ничего не отвечал и оставил в неведении насчет движения своего, ибо до того знали мы только, что армия чрез Полотняные заводы пошла на Медынь. Авангард сблизился с селением Царево Займище, где генерал Барклай де Толли, отступая от Смоленска, намерен был дать сражение. Местоположение было мне весьма знакомо, а я, объяснив генералу Милорадовичу выгоды оною, легко согласил его упредить неприятеля и занять трудное дефиле, у самого селения лежащее. Опасно было по слабости авангарда отрезать путь всем силам неприятеля, ибо гвардия Наполеона была в хорошем состоянии и многочисленная, но из показания пленных и известий от атамана Платова знали мы достоверно, что Наполеон с гвардией идет целыми сутками впереди и все прочие войска по частям и в беспорядке.

Четыре марша сделал авангард с тем, чтобы воспользоваться выгодами дефиле и труды марша вознаградить верным успехом. Сделано было распоряжение, чтобы сближающиеся к Цареву Займищу корпуса, на последнем

ночлеге своем, скрыли свое присутствие и запрещено было иметь огни в лагере. Генерал-адъютанту барону Корфу приказано было иметь кавалерию в готовности, но даже не выставлять постов. Генералу Милорадовичу надлежало быть в сем случае самому с первыми войсками, но он долго оставался назади обедать, войска мимо его проходили с музыкою, по обыкновению много было рассказов, и он опоздал.

Войска между тем прибыли на ночлег. Командир 4-й дивизии генерал-майор принц Евгений Виртембергский, увлеченный храбростью своею, не вняв благоразумному начальства распоряжению, обнаружил прибытие свое и так близко подошел к дороге, по которой беспечно проходил неприятель, что он начал собираться в силах и выслал стрелков закрыть движение свое, тогда как уже располагался он на ночлег. Прочие войска авангарда, видя принца

Евгения далеко впереди и опасаясь, чтобы неприятель не атаковал его, должны были идти ему в подкрепление.

Неприятель, от самого Малоярославца пре-

следуем будучи одними казаками с самой малою частью регулярной конницы, вдруг увидя несколько тысяч пехоты на фланге и на выстрел от дороги, где проходил, ускорил движение свое и, не останавливаясь на ночь, со всеми силами прошел известное дефиле. Поспешность и беспорядок в движении так велики были, что, не будучи ни тесним войсками авангарда, ни преследуем казаками, неприятель оставил немало орудий тяжелой артиллерии и бросил множество обоза, так что на другой день надобно было расчищать дорогу для войск наших. Из сего можно заключить, что бы последовало, если бы, по предположению, выход из дефиле занят был войсками авангарда и 50 орудиями артиллерии, при нем состоявшими. Принц Евгений сделал грубую ошибку и молодому человеку непростительную...

21-го числа октября генерал Милорадович получил приказание 26-ю дивизию с генерал-майором Паскевичем отрядить к атаману Платову, у которого не было ни человека пехоты, с нею пошли также и три полка кавалерии. Не успев в намерении напасть на непри-

ятеля при Царевом Займище, не оставалось ничего другого, как атаковать у города Вязьмы.

В другой раз писал я рапорт к фельдмаршалу: если армия придет к Вязьме, то можно отбросить неприятеля от большой дороги по направлению на Духовщину, где по причине трудных осенью дорог должен он будет оставить тяжелую артиллерию и обозы, и, сверх того, приобретем мы ту выгоду, что кратчайшею на Смоленск дорогою повсюду предупредим его. Фельдмаршал чрез полковника Толя отвечал мне, что он прибудет с армией 21-го числа в окрестности Вязьмы. Я представил ему, что можно прибыть одним днем позднее, то есть 22-го числа, но вместо окрестностей нужно прийти к самому городу Вязьме. Я думаю, что после первого его предложения было уже сие сделать не трудно.

21-го числа отправился я к войскам атамана Платова, действующим по большой дороге. Того же дня присоединилась к нему 26-я дивизия и три кавалерийских полка с генерал-майором Паскевичем. Неприятель во весь день отступал поспешно, слабо защи-

щался.

Атаман Платов имел ночлег в 27 верстах от Вязьмы. Увидясь с ним, генерал Милорадович сделал условие на будущий день действовать совместно. Авангард должен был проселочною дорогой ускорить движение и, обойдя неприятеля, атаковать в тыл у селения Федоровского, 10 верст не доходя Вязьмы. Атаман Платов начал тот день преследование гораздо позже обыкновенного, дабы дать время генералу Милорадовичу успеть в своем предположении. По расчету времени, авангард не прежде одиннадцатого часа мог вступить в дело.

В 7 часов утра войска атамана Платова вышли с ночлега, неприятель показал аррьергард весьма слабый. В начале девятого часа услышали мы на левом нашем фланге канонаду, думая, что она происходит против отрядов генерал-майоров Иловайского 5-го и Кутейникова, находившихся в той стороне. Наконец получили известие, что авангард наш вступил в дело, и неприятель в больших против него силах, и, вместо того чтоб атаковать неприятеля у села Федоровского, сам он, верст

семь не доходя оного, им атакован. Я сей день начальствовал над 26-ю дивизией, полками кавалерии и несколькими казачьими. Пехота была еще далеко, и потому атаман Платов приказал триста егерей 5-го полка подвезти на казачьих лошадях. Вместе приспела казачья конная артиллерия, полковник князь Вадбольский с полками кавалерии и несколько донских полков. Неприятель обратил на нас значащую часть сил, и генерал Милорадович мог подвинуться, правый фланг его сомкнулся с войсками, мною управляемыми.

Канонада на всех пунктах началась жестокая, неприятель с упорностью защищал одну весьма выгодную высоту и не только оттеснил меня, но едва не взял было батареи. Решительная атака Курляндского драгунского полка приближавшуюся часть пехоты истребила, невзирая на картечный огонь. Прибывшие в сие время полки 26-й дивизии восстановили порядок, и усилившегося неприятеля отразили. Полки донские с частью артиллерии отправлены с правого фланга обходить неприятельскую небольшую кавалерию. Пришла 11-я дивизия генерал-майора Чоглокова

и способствовала сбить неприятеля с сильной его позиции. Каргопольский драгунский полк храбро ударил на пехоту. Неприятель отступил на всех пунктах, к чему немало побудило его движение отрядов Фигнера и Сеславина, переправившихся на правом его крыле, которое неприятель, почитая непреодолимым по причине болота, оставил весьма слабым. Занятые неприятелем, в некотором расстоянии, возвышения составляли позицию лучше прежней.

Казалось всем нам по времени, к вечеру клонящемуся, по силам неприятеля, что, вспоможествуемый твердым положением места, удержится он до ночи и защитит город, чтоб иметь свободное отступление. Совершенно удивлены мы были, увидев, что при вашем приближении неприятель ее оставил. Быстро вошла войска наши на возвышения и умножая на каждом шагу замешательство в полках неприятельских, вместе с ним ворвались в город. Из числа мне подчиненных войск первый вошел генерал-майор Паскевич, встретил неприятеля в улице, проложил штыками путь по телам его и, ни на мгнове-

ние не остановленный в течении своем, перешел реку и на внешней черте города остановился. Со стороны генерала Милорадовича первые вошли в город полки Перновский и Кексгольмский, а с нами генерал-майор Челокон; встретившая их неприятельская колонна гренадер истреблена.

Адъютант мой, поручик Граббе, находившийся при генерале Милорадовиче, с двумя орудиями конной артиллерии и со стрелками, вошел впереди сих полков. Партизаны Фигнер и Сеславин в то же время ворвались в город с другой стороны. Войска наши расположились в городе и кругом, атаман Платов перешел за реку, дабы назавтра преследовать ранее. В сей день взято в плен: один генерал, много офицеров и более 2 тысяч нижних чинов, два знамя и несколько пушек. Неприятель имел три корпуса: вице-короля итальянского, маршалов Даву и Нея, всего, по словам пленных, 40 тысяч человек... Гвардия Наполеона была за один марш от Вязьмы в селе Семлеве. Сам Наполеон был еще в городе, но при начале действия поехал к гвардии... Фельдмаршал, обещавший прибыть 21-го чис-

ла в окрестности Вязьмы, пришел сутками позже и так рано, что мог бы участвовать в деле, но остановился за 8 верст по дороге, на Юхнов идущей. В сем распоряжении можно понять то, что дежурному генералу Коновницыну и полковнику Толю больно было, что мною сделано предложение прийти армии к Вязьме. Вся армия двинулась на Ельню.

В Вязьме в последний раз видели мы войска неприятельские, в последний встретили сопротивление, какое дать могли от войск, победами вселивших ужас повсюду. На другой день не было войск... исчезло повиновение солдат... каждый из них более или менее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды.

В Дорогобуже я, по приказанию фельдмаршала, отправился в главную квартиру».

Приводим здесь следующие письма.

Письмо Давыдова к А.П. Ермолову

«Почтеннейший брат, Алексей Петрович! Ради бога употребите старание ваше к умножению партий в окрестностях Вязьмы и Дорогобужа или к усилению моего отряда. Орда казаков, прибывшая к армии, более затрудняет ее, нежели приносит ей пользу. Дабы не изнурить наших регулярных, так сказать, легких войск, довольно будет оставить несколько казачьих полков на аванпостах, прочие же должно употребить на большую Смоленскую дорогу к Вязьме и Дорогобужу.

Я не о себе хлопочу, теперь о себе хлопотать не время, но, ей-ей, я ходатайствую о том, имея лишь в виду общую пользу. Если не находят меня способным к исполнению всего мною предлагаемого, то пусть пришлют партизана с лучшими способностями и с сильнейшим отрядом, и я с удовольствием пойду к нему под начальство, хотя бы он был моложе меня по службе.

Денис Давыдов».

Письмо А.П. Ермолова к Давыдову

«Любезнейший брат!
Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею... Мы ожидаем неприятеля; войска будут драться с ожесточением и будут уметь мстить за взятие Москвы. Озлобление ужасное! Если неприятель будет маневрировать, то мы его непременно атакуем, так по крайней мере говорят старшие! Партизаны наши открыли партию пленных наших, следующую по Смоленской дороге, в числе 1500 человек. Их прикрывают два орудия и 200 человек несчастных вестфальцев; надеемся, что ты ее не пропустишь. Дерзни, любезный брат: в этом случае пленные помогут тебе! Партизаны распространили ужас по Смоленской дороге, неприятель дрожит за свои сообщения. Прощай!

Твой верный брат *Алексей Ермолов*».

Письмо Платова к Ермолову

«**М**илостивый государь мой, Алексей Петрович!

Представление ваше и оригинальное г-на генерал-майора Паскевича к вам я получил. Отдавая оным и с моей стороны должную справедливость, еще и более, и какое сделаю представление к его светлости, вы увидите, и вас, сколь возможно, к достоинству вашему, в оном побраню.

По дружбе вашей, извещаю вас: вчерашнего числа Бог даровал нам победу над вице-королем Италийским Евгением. На дороге, идущей от Дорогобужа на Духовщину, при деревне Марковой, побито и в плен взято довольно, в сию пору еще не сделано, в рассуждении дурной погоды и рассеянности оных, верного счета. Орудий артиллерии взято точно более десяти с ящиками, но полагаю гораздо более; ибо как сие было в разных местах, то верного и определительного числа неизвестно по сие время. Сам вице-король чуть-чуть два раза не попался, как пленные офицеры показывают, которых взяли близ самого его.

Пребываю к вам с истинным моим почтением и преданностию навсегда и непременно.

Вашего превосходительства покорнейший слуга,

Матвей Платов.

27 октября 1812 года. Д. Манторово».

Давыдов сообщает здесь опять много любопытных подробностей:

«Ермолов, следуя после Малоярославского сражения с войсками Милорадовича, отдавал именем Кутузова приказы по отряду; отправляя его, Кутузов сказал ему: «Голубчик, не все можно писать в рапортах, извещай меня о важнейшем записками». Милорадович, имея под своим начальством 2 пехотных и 2 кавалерийских корпуса, мог легко отрезать арьергард или другую часть французской армии. Ермолов приказал потому, именем Кутузова, соблюдать головным войскам возможную тишину и порядок, дабы не встревожить неприятеля, который мог бы расположиться вблизи на ночлег. Однажды главные силы французов оставались для ночлега близ корпуса принца

Евгения Виртембергского, у самой дороги, по обеим сторонам которой тянулись насыпи. Эта узкая и длинная дорога, значительно испортившаяся вследствие продолжительных дождей, представляла как бы дефиле, чрез которое неприятелю и нам надлежало следовать. Войска бесстрашного принца Виртембергского, всегда находившегося при головных своих полках, открыли сильный огонь против неприятеля, который, снявшись с позиции, двинулся поспешно далее в ужаснейшем беспорядке; это лишило нас возможности, атаковав его на рассвете, отрезать какую-либо колонну.

Французы, побросав на дороге много орудий, значительно задержали тем наши войска, которые были вынуждены заняться на другой день в продолжении нескольких часов расчищением пути, по коему им надлежало продолжать свое дальнейшее движение. Милорадович ограничился лишь весьма легким замечанием принцу, но Ермолов объявил ему именем Кутузова весьма строгий выговор.

Ермолов просил не раз Кутузова спешить

с главною армией к Вязьме и вступить в этот город не позже 22 ноября; я видел у него записку, писанную рукою Толя, следующего содержания: «Мы бы давно явились в Вязьму, если бы получали от вас более частые уведомления и с казаками более исправными; мы будем 21-го близ Вязьмы».

Князь, рассчитывавший, что он может довершить гибель французов, не подвергая поражению собственных войск, продвигался весьма медленно; хотя он 21-го находился близ Вязьмы, но, остановившись за 8 верст до города, он не решился приблизиться к нему... он выслал к этому городу гвардейскую кавалерию с генерал-адъютантом Уваровым, который, чтобы не подвергать батарею Козена напрасной потере, отвел ее назад, ограничившись ничтожною канонадой по городу через речку.

Федор Петрович Уваров, отличавшийся рыцарским благородством и мужеством, пользовался всегда полным благоволением государя, которому он не раз говаривал: «Выслушайте, ваше величество, со вниманием все то, что я вам скажу; это принадлежит не

мне, а людям, несравненно меня умнейшим». Ермолов, потеряв весьма много по службе в последние годы царствования императора Павла, был даже несколько старше в чине Уварова и князя Багратиона во время штурма Праги в 1794 году; они были потому в близких между собою сношениях, и во время Отечественной войны Уваров не раз говаривал Ермолову: «Мне скучно, ты меня сегодня еще не приласкал».

Прибыв из отряда Милорадовича в главную квартиру, находившуюся в Елене, Ермолов застал Кутузова и Беннигсена за завтраком; он долго и тщетно убеждал князя преследовать неприятеля с большею настойчивостью. При известии о том, что, по донесениям партизанов, Наполеон с гвардией уже близ Красного, лицо Кутузова просияло от удовольствия, и он сказал ему: «Голубчик, не хочешь ли позавтракать?» Во время завтрака Ермолов просил Беннигсена, на коленях которого он не раз в детстве сиживал, поддержать его, но этот генерал упорно молчал. Когда князь вышел из комнаты, Беннигсен сказал ему: «Любезный Ермолов, если б я тебя не знал с

детства, я бы имел полное право думать, что ты не желаешь наступления; мои отношения к фельдмаршалу таковы, что мне достаточно одобрить твой совет, чтобы князь никогда ему не последовал».

Обратимся снова к рассказу Ермолова.

«Фельдмаршал Кутузов представил государю сражение при Красном генеральною батальей, продолжавшеюся несколько дней, уничтожившею силы неприятеля... Он не отвергал возможности (при Березине) взять и самого Наполеона. Баталия при Красном состоит из частных сражений нескольких корпусов, разделенных силами действовавших сражений, не в одно время происшедших, и тогда как весьма многие части армии не имели ни малейшего в деле участия.

Д. Хассель. Паническое бегство Наполеона после битвы под Красным

...7-го числа фельдмаршал, к отряду генерал-майора барона Розина присоединив несколько батальонов пехоты, поручил мне его в команду и приказал из местечка Ляды

идти вперед, но отнюдь не далее Днепра; если же бы атаман Платов (близ Дубровны и Ерши) имел надобность в пехоте, то отправить ему часть оной. Не выходя из комнаты фельдмаршала, решился я, выискав пристойный предлог, перейти Днепр.

Армия для удобства продовольствия пошла из Красного на Копыс. Отряд генерал-адъютанта графа Ожаровского отправлен в Могилев. Подполковник Давыдов с партией следовал к Днепру по направлению на Александрю. Отряды генерал-майора Бороздина

и капитана Сеславина шли впереди меня к Орте. Я прибыл в Дубровну и с досадою увидел, что, пробывши там сутки, генерал-майор Бороздин не помыслил исправить сожженный неприятелем мост, но собирался гнаться до Ерши за несколькими усталыми и полузамерзшими людьми слабого неприятельского арьергарда.

Я пришел в Дубровну в самое то время, когда на другом берегу Днепра, в виду моем, атаман Платов преследовал маршала Нея. Он требовал от меня одного батальона пехоты, но не было ни одной лодки, чтобы его переправить, а между тем пришли из Ерши в подкрепление войска и маршал Ней соединился с армией. Полторы сутки непрерывно строил я мост, быстрое Днепра течение и сильный лед мешали его сделать порядочно, и я с величайшим затруднением переправил войска, наконец разорвало его льдом и все обозы мои и часть патронных ящиков должен я был оставить. В первый раз в жизни моей случилась мне столько чудесная переправа, и, конечно, одни русские войска могут делать подобные!

За Днепром в 15 верстах имел я ночлег в селении Погост, где распечатал депеши[64], посланные от генерала графа Витгенштейна к фельдмаршалу. Он доносил, что маршал Виктор стоит в прежней позиции при Черее и что, превосходя его числом кавалерии, много препятствует наблюдать за ним. Я осмелился написать фельдмаршалу, что маршал Виктор в сей позиции легко может выиграть один или два марша у графа Витгенштейна и соединиться с Наполеоном.

При армии составиля авангард под начальством генерала Милорадовича, и ему велено перейти за Днепр при Копысе, мне же предписано, пока еще не перешел я местечко Толочин, дождаться в нем прибытия авангарда и с ним соединиться. Я имел в предмете догнать неприятеля, имел хорошие в отряде полки и одно всем общее желание драться! Неприятно повеление остановиться...

...Я решился не повиноваться. Удержав сутки присланного с повелением, между тем перешел местечко Толочин и рапортовал, что остановиться потому не могу, что атаману Платову нельзя без пехоты преследовать

неприятеля, которому места лесистые много способствуют. Дежурный генерал Коновницын и полковник Толь, желая лишить меня случая сделать что-либо полезное, именем фельдмаршала прислали мне вторичное предписание остановиться. Вторично дерзнул я послушаться и намерен был продолжать поступать таким образом, ибо уверен был, что рапорты мои не доходят до фельдмаршала и что в случае оправдания моего он вникнет в истину.

Неприятель отступал с необычайною поспешностью, атаман Платов теснил его на каждом шагу и малейшего не давал отдохновения. Дорога покрыта была тысячами замерзших и умирающих людей...

Между тем отряд генерал-адъютанта графа Ожаровского занял Могилев и взял там пленных и госпитали. Партизан подполковник Давыдов, переправясь вплавь через Днепр, схватил кирасирское депо, приготовляемое для гвардии. Капитан Сеславин шел по правую сторону атамана Платова, иногда по обстоятельствам переходя на другую сторону. Генерал-майор Бороздин с отрядом наблюдал до-

роги, из Могилева идущие. Но так неосторожно выдавался он вперед, так мало он разведывал о неприятеле, что едва около местечка Бобр не был атакован в тыл 4 тысячами свежих польских войск, проходящих из Могилева, что в тогдашнем положении войск моих не могло быть выгодным, и сие потому только не случилось, что я остановился для исправления сожженного моста и отряд неприятельский успел пройти между тем.

Ф. Вендармини. Портрет А.И. Чернышева

Таким образом, борясь с затруднениями, недостатком продовольствия и ощутимым от скорости марша изнурением, умножаемым жестокостью холода, достиг я реки Березины, пункта по обстоятельствам чрезвычайно важного, где, по предположению фельдмаршала, должен был Наполеон погибнуть, в чем уверить если не успел государя, то утвердил в сей мысли столицу и народ.

Во время пребывания армии в селении Красная Пахра, по окончании флангового на Калужскую дорогу марша... из Санкт-Петербурга флигель-адъютант Чернышев привез

план кампании, по которому армия адмирала Чичагова, оставив некоторую часть войск в стороне Бреста-Литовска, должна была идти к реке Березине и открыть сообщение с корпусом генерала графа Витгенштейна, который! к тому времени должен был овладеть Полоц-

ком и оттеснить неприятеля к Березине... Таким образом 3-я западная армия вместе с корпусом графа Витгенштейна составила бы сильную армию в тылу неприятеля, прежде чем мог он помыслить об отступлении из Москвы. План сей принадлежит собственно императору соображению и беспрекословно с большим познанием составленный!

Адмирал Чичагов пришел к Березине, имея под ружьем только 22 тысячи человек. Он, будучи совершенно один и ни с которыми из войск наших не имея сношения, встречается с польским генералом Домбровским, который из Могилева привел с собою войска, во всю кампанию нигде не употребленные и свежие, и занял против Борисова укрепления, на правом берегу Березины нами прежде устроенные.

Командующий авангардом адмирала Чичагова генерал-адъютант граф Ламберт атаковал укрепления, пред Борисовом лежащие, и столько решительно, что, несмотря на упорную оборону неприятеля, в короткое время, с большим его уроном, взяты они штурмом и притом шесть пушек и до 2 тысяч пленных. К

сожалению, сам граф Ламберт ранен при сем случае. Генерал Домбровский переправился на левый берег и в Борисове не остановился. Генерал-майор граф Пален (Павел), заступивший место графа Ламберта, послан вслед за неприятелем.

Генерал Домбровский, отошедши 15 верст от Борисова, получил подкрепление в то самое время, как авангард генерал-майора графа Палена начинал появляться пред его передовыми постами. Он атаковал графа Палена, который, не в состоянии будучи удержаться, привел с собою неприятеля к Борисову. Адмирал Чичагов, обо всем предупрежденный, не рассудил за благо усилить графа Палена, что необходимо было для того, чтобы самому иметь время отойти в порядке. Неприятель был уже в виду Борисова, но адмирал готовился покойно обедать в своей квартире. Между войсками в городе большое сделалось замешательство, все стеснилось на мосту, едва успели вывезти артиллерию. Обозы чиновников главной квартиры, некоторые казенные, несколько артиллерийских ящиков и множество лошадей достались неприятелю.

Войска, перебежав мост, зажгли его за собою. Неприятель занял город, и адмирал с левым берегом потерял всякое сношение.

Атаман Платов с донскими войсками и я с моим отрядом, имея случаи[65] (узнать) о приобретенных прежде генерал-адъютантом графом Ламбертом успехах и ничего не зная о последнем происшествии, поспешили к Борису, прогоняя пред собою неприятеля. На последней почтовой станции не доходя Борисова, атаман Платов получил от генерала графа Витгенштейна извещение, что неприятель ниже Борисова переправляется у селения Ухолод и что корпус, им командуемый, находится не в большом уже от почтовой дороги расстоянии, имея против себя корпуса маршалов Гувион-Сен-Сира и Виктора. Он предлагал атаману идти к означенной им переправе. Я, вынужденный идти в подкрепление атаману, представил ему, что уведомление о направлении неприятеля подвержено сомнению, и успел убедить его идти на Борисов, куда и отправился он тот же день. Я дал отдохновение пехоте у селения Лошницы, с тем чтобы за несколько часов до света выступить туда же

и атаковать неприятеля при переправе.

15-го числа ноября в ночи атаман Платов пришел с донским войском к Борису, город остался за нами. Ночью атаман Платов дал знать адмиралу о своем прибытии и моего отряда.

Показавшаяся в 28 верстах ниже Борисова часть неприятельской кавалерии и полученные известия, что там учреждается переправа, отвлекли адмирала Чичагова к тому пункту. Настоящая переправа предназначена была неприятелем у селения Бытча. Маршалы Гувион-Сен-Сир и Виктор соединились с Наполеоном 14-го числа. Арьергард их удерживал генерала графа Витгенштейна в далеком еще от реки расстоянии. Граф Витгенштейн думал, что он гонит все их силы пред собою. Он не знал, что от самой позиции у Черей неприятель выиграл у него два марша и прибыл очень покойно к переправе. Я смею предполагать, что граф Витгенштейн с намерением не теснил неприятеля, дабы дать время Наполеону пройти с войсками и дело иметь с одним арьергардом маршала Виктора[66].

Адмирал Чичагов, приметя сделанную им

важную ошибку отдалением войск своих от селения Бытча, возвратился поспешно в прежнюю позицию, но уже нашел неприятеля в таких силах, которые достаточны были обеспечить его переправу и которые сверх того овладели и Зембинским мостом и дефиле.

16-го числа вместе с рассветом началась горячая перестрелка. Отряд мой в 9 часов утра был уже в Борисове, но, сделав 18 верст марша и имея еще 12 верст до места сражения, делал небольшой привал. Четыре адъютанта адмирала Чичагова присланы были, чтобы я шел сколько можно поспешнее, и я пришел на занимаемую им позицию прежде прибытия многих его войск.

В Борисове нашел я генерала графа Витгенштейна со всею его главною квартирою. Нигде не видел я столько пустого и ни на что не надобного народа, таких дерзких и глупых вралей! Редкий из них не был причиной выигранной баталии.

16-го числа в 10 часов утра передовые войска генерала графа Витгенштейна показали пред позицией, удерживаемою неприятелем на левом берегу реки; прибывший авангард

его начал канонаду, мало весьма вредную для неприятеля, весь же его корпус не прежде собрался, как к первому часу пополудни.

Между тем со стороны адмирала Чичагова сражение продолжалось с жестокостью. Неимоверная храбрость войск наших могла удержать место, но переправа была закрыта, и не только препятствовать ей, видеть ее было невозможно.

По собственному пленных признанию, потеря неприятеля простирается до 20 тысяч человек убитыми, утонувшими и отдавшимися в плен.

Убедительнейшим доказательством того, что генерал граф Витгенштейн мало участвовал в сражении при Березине, служат самые пленные, взятые адмиралом Чичаговым на правом берегу Березины.

Князь Кутузов старался обратить вину на адмирала, что армия Наполеона не истреблена при Березине; обвиняла его и вся армия, потом перешло в столицу, где в преступление поставлено и то, что Наполеон не попался.

Фельдмаршал князь Кутузов с армией принял направление между Борисовом и Мин-

ском, но был еще в далеком весьма расстоянии.

В местечке Сморгони утомленному отряду моему дал я один день отдохновения. Передовые войска адмирала Чичагова перешли Ошмяны, главная его квартира была один марш впереди от меня. Фельдмаршал, желая войти в Вильну с первыми войсками, оставил армию и приехал на ночлег в Сморгонь. Мне приказал выступить на завтра и следовать поспешнее в Вильну.

Имеv с фельдмаршалом продолжительный разговор о сражении при Березине, успел я объяснить ему обо всех происшествиях, притом бывших, и что адмирал Чичагов не столь виноват, как многие его представить желают. Не извинил я сделанных им ошибок, не скрыл, однако же, и графу Витгенштейну принадлежащих.

...29 ноября дня прибыл командуемый мною отряд и занял караулы в городе.

Фельдмаршал князь Кутузов был в Вильне, покоился на приобретенных им лаврах и достигших той степени славы, которой он, ко-

нечно, не ожидал, и потому, предавшись бездействию, готов он был продолжать его, но получил известие, что скоро прибудет император.

Между тем собрались генералы наши в главную квартиру, и после трудов каждый искал отдохновения и наслаждений, в которых обстоятельства отказывали долгое время. Все вдруг покорено праздности, забыто, что есть неприятель, хотя не опасный на то время, но могущий восстать. О войне напоминал нам господствующий самовластно беспорядок. Напоминали сотнями ежедневно умирающие пленные, телами которых завалены были целые дома и покрыты самые улицы.

Продолжая звание начальника главного штаба, некоторые из подобных деяний не укрылись от моего сведения, хотя приближенные к Кутузову и управляющие им, сколько можно, старались отдалить меня.

А. Альбрехт. Итальянский корпус Евгения Богарне переправляется через Неман. 30 июня 1812 г.

Между тем вышли для армии награждения за некоторые дела. Между прочими и мне за сражение при Заболотье 7 августа объявлен чин генерал-лейтенанта, и хотя прежде многих произведен я в оный, но всем вообще предоставлено надо мною старшинство. Бывший главнокомандующий, генерал Барклай де Толли за сражение при Бородине представил меня к ордену Св. Георгия 2-го класса. Я был уверен, что оно не получу по многим причинам, и не трудно мне признаться, что подобное награждение принадлежит боль-

шим заслугам, нежели каковую оказать мне случилось, но, все-конечно, не Анненскую ленту должен я был ожидать, которую дали мне наравне со многими, весьма мало имевшими заслуг или никаких совершенно.

Тотчас по прибытии государя к войскам решено переходить за Неман.

Должность начальника главного штаба при 1-й армии найдена ненужною, и я наименован был начальником артиллерии всех действующих армий. Вместе с звучным сим именем получил я часть обширную, расстроенную и запутанную, тем более что в каждой из армий были особенные начальники артиллерии и не было общего. Я видел, что устроить ее было трудно, что продолжительною кампанией средства все истощены и способы исправления сопряжены с неизбежною медленностью. После видного места, которое я занимал, и в такое время, когда, по несчастным обстоятельствам дел наших, никому другому не хотели предложить его, и которое, благодаря предместникам моим, не занимал я хуже их, в новом звании моем предстояли мне бес-

плодные и невидные труды, бесконечные хлопоты и неминуемые неприятности и неудовольствия. Я просил фельдмаршала и с согласия его объяснился с государем, чтоб избавиться сего назначения, признавая себя недовольно знающим внутреннее управление артиллерии. Государь в облегчение мне приказал в случаях затруднительных относиться к графу Аракчееву, и мне оставалась обязанность повиновения.

Итак, был я в звании начальника главного штаба 1-й западной армии со вступления оной в лагерь при Дриссе и до возвращения в Литву и на границы наши, то есть в продолжение всей Отечественной войны. Со времени отъезда из армии генерала Барклая де Толли занимался я должностью повременно и находил выгоду не быть в главной квартире.

Последние войска наши перешли на реку Неман 1-го числа января 1813 года, и государь отправился.

...Прекращаю я описание. Приятно мне будет впоследствии времени привести на память, от каких опасностей, с какою славой восстало любезное отечество. Не буду я равно-

душен в воспоминаниях о тех людях, коих пользовался я просвещенною опытностью или с которыми разделял труды и опасности того времени. Не забуду о неприятелях моих не по злобе или желанию мщениа, которых чужда душа моя. Вечно буду помнить о людях, благотворивших мне или желавших добра, и сладостно сообщить чувство уважения к ним, тем, кому прочту я замечания мои. Не знаю, в чем винить себя более: в той ли колкости, с каковою иногда описывал незначащих людей, или в той редкой истине, которую говорил насчет многих, почитаемых отличными? Людям превосходных дарований, необычайных способностей, нельзя отказать в почтении, их познавать легко, с ними сравниться невозможно. И таковым завидовать я не умею».

1813–1815. Окончание войны. Битва при Кульме и покорение Парижа

Начало этой статьи состоит из рассказов Д.В. Давыдова, с дополнением из моих отметок, и нескольких подлинных писем; продолжение, относящееся к Кавказу, составляют подлинные письма, приказы, донесения, рескрипты, расположенные в хронологическом порядке, с дополнением из разных замечаний и рассказов.

Д.В. Давыдов начинает описание действий Ермолова в кампанию 1813 года со сражения при Люцене.

«Граф Витгенштейн, не отличающийся большими способностями, потерпел здесь поражение; он приписал, как известно, свою неудачу недостатку зарядов в артиллерии. Это несправедливое обвинение, повторенное позднее нашими военными историками, опровергается следующим: во-первых, положительно известно из достоверных источни-

ков, кои некоторые наши военные историки не хотели принять во внимание, что Ермоловым, бывшим начальником артиллерии всех армий, было приготовлено зарядов несравненно более, чем было их выпущено в Бородинском сражении; а во-вторых, парки, наполненные зарядами, оставаясь нетронутыми в течение боя, находились во все время лишь в 6 верстах от поля сражения[67].

Ермолов, лишившийся вследствие этого вполне недобросовестного обвинения места, был заменен мужественным, деятельным и остроумным князем Яшвилем (бывшим начальником артиллерии Полоцкого корпуса, к которому особенно благоволил Витгенштейн), который, будучи старше его в чине, находился, однако, под его начальством в этом сражении. Ермолову было, кроме того, приказано главнокомандующим доложить нашему государю и королю Прусскому о неблагоприятном походе этого сражения; таким образом Витгенштейн, желая еще более повредить ему в глазах его величества, избрал его вестником неудачи. Этот поступок Витгенштейна, столь благородного и великодушного в других слу-

чаях, может быть объяснен тем, что он и прочие лица его партии глубоко ненавидели Ермолова за его язвительные насмешки: не будучи в состоянии возражать ему с успехом, они старались вредить ему по возможности по службе. Они при этом случае достигли своей цели, что подтвердил обер-гофмаршал граф Н.А. Толстой, сказавший о Ермолове: «Ему деревня Гершен (в которой ночевали их величества и куда прибыл Ермолов с донесением) много повредила в глазах Государя».

После сражения при Бауцене Ермолов, находясь в арьергарде, блистательно выдержал главные натиски французов, коими близ Рейхенбаха предводительствовал сам Наполеон. Дойдя до знаменитой позиции, некогда занятой великим Фридрихом после Гохкирхенского сражения, Ермолов отразил здесь все натиски неприятеля. Граф Витгенштейн, отдавая ему здесь полную справедливость, доложил по этому случаю Государю: «Я оставил на поле сражения на полтора часа Ермолова, но он, удерживаясь на нем с свойственным ему упрямством гораздо долее, сохранил тем вашему величеству около 50 орудий»[68].

Знаменитая Кульмская победа, в первый день этого великого по своим последствиям боя, принадлежа преимущественно Ермолову, служит одним из украшений военного поприща сего генерала. Здесь, как под Витебском в 1812 году, где лишь вследствие настойчивых и резких его представлений Барклай не принял сражения сперва пред городом, а потом позади него, как и при Малоярославце, суждено было Ермолову, ниспровергнув замыслы врагов наших, спасти наши армии от поражений, последствия которых могли бы быть неисчислимы.

Хотя не подлежит ни малейшему сомнению, что победой при Кульме Европа в особенности обязана Ермолову, но многочисленные и сильные враги его силились и силятся доказать противное; по мнению некоторых, главным героем дела был граф Остерман, по мнению других принц Евгений Виртембергский, по мнению Барклая, весьма не благоволившего к Ермолову, квартирмейстерский офицер Диест, мужеству и советам которого наша гвардия была будто бы обязана своею блестящею победой. Таковое разноречие во

мнениях относительно одного из важнейших событий войны 1813 года проистекает, во-первых, из весьма естественного желания иностранных писателей выставить принца Виртембергского главным героем подвига, в коем этот мужественный и достойный генерал принимал деятельное участие, а во-вторых, из недоброжелательства многих наших соотечественников к Ермолову, блестящие достоинства которого возбуждали в них лишь чувство зависти.

Ценя высоко заслуги графа Остермана и принца Виртембергского во всю эпоху Наполеоновских войн и в Кульмском сражении в особенности, я, основываясь на свидетельстве всех беспристрастных очевидцев и участников этого боя и не опасаясь возражений, положительно признаю Ермолова главным виновником победы, стяжавшей русской гвардии столь справедливую признательность и удивление Европы. Не входя в подробное описание этого сражения, я упомяну лишь о некоторых малоизвестных подробностях, из которых читатели мои ясно усмотрят, кому принадлежит главная честь одержанной победы.

Во время следования из Богемии в Саксонию русской гвардии, коею временно командовал Ермолов, вместо заболевшего Лаврова, 2-я дивизия была впереди, а 1-я, при которой находился сам Алексей Петрович, остановилась в Доне; граф Остерман, имевший пребывание в Пирне, получил из главной квартиры с офицером Новосильцовым предписание, на основании которого ему надлежало со 2-м корпусом и русскою гвардией двинуться на Максен. Мужественный и хладнокровный граф Остерман никогда не отличался большими умственными способностями; совет, поданный им в 1812 году в Филях о необходимости оставить Москву без боя, был причиною того, что он несколько раз сходил с ума; ему казалось, что армия почитает его после того первейшим трусом. Но, к счастью, здесь душою всех действий вновь является Ермолов, соединяющий в себе редкую проницательность и энергию с необыкновенным присутствием духа в самых трудных обстоятельствах.

Получив вышесказанное предписание, Остерман поспешил известить о том Ермоло-

ва чрез того же Новосильцова, бывшего в приятельских сношениях с благородным П.Н. Ермоловым, состоявшим в то время в должности адъютанта при двоюродном брате своем Алексее Петровиче. Хотя в предписании не было положительно упомянуто об отступлении союзников от Дрездена в Богемию, но оным извещали Остермана, что они отходят от этой столицы с намерением расположиться на окрестных высотах; в случае атаки Наполеона на их правый фланг (чего они напрасно ожидали от столь прозорливого полководца) они, как было сказано, не замедлят, перейдя тотчас в наступление, опрокинуть его в Эльбу.

Новосильцов объявил конфиденциально П.Н. Ермолову, что ему положительно известно, что вся союзная армия в полном отступлении на Богемию. Съехавшись с Остерманом среди дороги между Доной и Пирной и объявив ему о истинном движении союзников, поспешно отступающих в Богемию, Ермолов настоятельно требовал немедленного движения всего отряда на Петерсвальде. Как бы предчувствуя, что гвардии придется отсту-

пать в Богемию, Ермолов послал заблаговременно адъютанта своего Фонвизина и состоявшего при нем лейб-гусара Мамонова для осмотра дорог; эти офицеры донесли ему, что дорога от Кричвица на Кенигштейн крайне неудобна, во-первых, по причине пересеченной местности, а во-вторых, потому, что близкое соседство с неприступною Кенигштейнской крепостью могло быть для нас весьма опасно.

Ермолов, основательно изучивший классические страны: Саксонию и Богемию – и имевший при себе всегда карту Бакенбергера, объяснил по ней Остерману всю необходимость движения на Петерсвальде.

«Прибыв лишь накануне из Гигсгюбеля, где я обедал у Цесаревича, я еще короче ознакомился с этою местностью, которую уже хорошо знаю из походов великого Фридриха. Если вы направитесь на Максен, – продолжал он, – то весь отряд наш будет неминуемо окружен неприятелем и не избегнет совершенного поражения; в доказательство того я предлагаю отправить по этому пути обоз с инструментами, который нас так много за-

трудняет, и я вам ручаюсь, что вы его более не увидите»[69].

В самом деле этот обоз и денежный ящик лейб-гвардии Финляндского полка, двинувшиеся на Максен, сделались добычею французов; во время этого совещания, на котором не присутствовал принц Виртембергский, решено было следовать на Петерсвадьде. Храбрые войска наши, предводимые Ермоловым и принцем Виртембергским, опрокинули неприятеля у Кричвица, Котты и Кольберга; бесстрашные лейб-егери, коими командовал достойный Карл Иванович Бистром, выбили по приказанию Ермолова французов с высот близ Цегиста. Кавалерия наша, предводимая принцем Леопольдом Саксен-Кобургским, ныне королем бельгийцев, Кноррингом и другими неустрашимыми генералами, совершила блестящие атаки на французскую пехоту, которая была ею опрокинута и вогнана в лес.

Принц Леопольд, командовавший Кирасирским ее величества полком и называвший одного Ермолова *mon commandant*, получил за этот подвиг, по ходатайству Алексея Петровича, знаки Св. Георгия 3-го класса; после это-

го ряда славных дел отряд двинулся к Гигсгюбелю. Когда храбрый Кнорринг, особенно отличившийся впоследствии, прибыл к Остерману с донесением об одержанных успехах, Ермолов, приказав ему в присутствии графа тотчас возвратиться к своим войскам, сказал: «Вы сперва доделайте, а потом уже приезжайте досказывать».

Так как петерсвальдский путь был в двух местах перерезан французами у Гигсгюбеля и Геллендорфа, то Остерман, видя, что весь отряд, имевший при себе до 30 легких орудий, значительно растянулся по извилистой дороге, начинал уже раскаиваться в том, что последовал совету Ермолова. Приказав войскам идти тише и запретив им заряжать ружья, Ермолов сказал графу: «Je vous reponds, Mr. le comte, que nous passerons facilement par là» («Я беру на себя пред его величеством всю ответственность за все то, что может приключиться с гвардией»).

Широкоплечие и усастые ветераны Преображенские выбили французов из гигсгюбельской позиции, а неустрашимые семеновцы штыками проложили себе дорогу у Геллен-

дорфа; сюда почти перпендикулярно к Петерсвальдской дороге сходится другая, идущая через селение Макербах на Кенигштейн по ущелью, образуемому речкою Бар; по этой дороге могла даже удобно следовать неприятельская тяжелая артиллерия.

Оценив всю важность этого пункта, занятие которого французами могло иметь для нас самые губительные последствия, Ермолов, со свойственными ему решительностью и проникательностью, остановив следовавшую к Петерсвальде гвардейскую артиллерийскую роту Ладыгина и лично расположив пушки этой роты на важнейших пунктах, приказал тотчас открыть из них огонь. Неприятель, двигавшийся по ущелью с тяжелою артиллерией, приведенный в замешательство этим неожиданным огнем, остановился. Французы, введенные в заблуждение фальшивыми донесениями лазутчиков насчет численности наших войск, еще более убедились после того, что мы их значительно превосходим в пехоте и артиллерии.

Так как надлежало, спустившись с гор, занять позицию у выхода их, то Ермолов прика-

зал оберквартирмейстеру 2-го корпуса Гейеру расположить стрелков и пехоту в садах и виноградниках, находившихся на ноллендорфских высотах, и удерживать их по возможности долее, дабы дать остальным войскам время и возможность избрать позицию и удобно расположиться на ней. Но так как это приказание не было приведено в исполнение, а, напротив, французы, овладев высотами и расположив на ней свою артиллерию, открыли сильный огонь по отступавшим войскам, то Ермолов сказал Гейеру в присутствии Остермана: «Благодарите Бога, что я несколько меньше графа, а то бы я вас расстрелял здесь на месте»[70].

Остерман, будучи ранен в десятом часу утра 17 августа, сдал начальство над всеми войсками Ермолову, принявшему под свой щит все удары превосходного в числе неприятеля. Когда прибыл с кавалерией князь Дмитрий Владимирович Голицын, Ермолов поспешил явиться к нему, но этот отлично благородный человек сказал ему: «Победа за вами, довершайте ее; если вам нужна будет кавалерия, я охотно и немедленно вышлю ее, по

первому вашему требованию».

К вечеру прибыл корпус Раевского; Ермолов, которому удалось уже отстоять поле сражения, просил его не высылать к нему на помощь никаких войск. Таким образом, слава этого блистательного подвига, имевшего столь огромное влияние на войну, есть исключительно достояние гвардии и ее предводителя. Император Александр, узнав об этом, сказал: «Ермолов укрепил за собою гвардию» [71].

Реляция об этом сражении была написана самим Ермоловым; относя весь успех дела непоколебимому мужеству войск и распоряжениям графа Остермана, он почти умолчал о себе. Остерман, прочитав ее, невзирая на жестокие страдания, написал весьма неразборчиво следующую записку, которая хранится у генерала Ермолова: «Довольно возблагодарить не могу ваше превосходительство, находя лишь только, что вы мало упомянули о генерале Ермолове, которому я всю истинную справедливость отдавать привычен; впрочем, с должным имею честь быть...» [72]

Когда флигель-адъютант князь Голицын

привез графу Остерману знаки Св. Георгия 2-го класса, этот мужественный генерал сказал ему: «Этот орден должен бы принадлежать не мне, а Ермолову, который принимал важное участие в битве и окончил ее с такою славой» [73].

Прибыв в седьмом часу пополудни к Кульму в первый день знаменитой битвы, главнокомандующий Барклай приказал собрать военную думу для награждения отличившихся. Имея в особенности в виду дать Георгиевский крест покровительствуемому им офицеру квартирмейстерской части Диесту, называемому Ермоловым деистом, он дал предписание, в коем этот офицер был выставлен как руководитель и наставник графа Остермана во время боя. Один из старших членов думы Ермолов вошел по этому случаю к ближайшему своему начальнику Милорадовичу с рапортом, в коем, заступившись за честь графа Остермана, он опроверг в резких выражениях показания Барклая; вместе с тем он представил ему мнения членов думы, весьма неблагоприятные для Диеста.

Милорадович, имея в виду сделать удо-

вольствие Барклаю, затерял с намерением этот рапорт; увидав Ермолова и объявив ему эту утрату, он приказал войти с новым рапортом, прося изменить содержание и смягчить выражения. Ермолов представил ему новый рапорт, который был лишь копией первого. Узнав о том, Барклай сделал строгое замечание Милорадовичу за допущение Ермолова входить с подобными рапортами; он при этом повторил свое требование относительно Диеста, подтвердил еще раз, что подвиги этого офицера с самого начала битвы и отличные советы, данные им графу Остерману, будто бы значительно содействовали к отражению неприятеля.

Ермолов нашелся вынужденным войти к Милорадовичу с новым рапортом, в коем, между прочим, было сказано следующее: «Мне известно, что на основании законов ни одному главнокомандующему не предоставлено права наклонять по своему желанию решение военной думы; это тем более удивительно, что главнокомандующий, описывая подробно подвиги, совершенные будто бы Диестом с самого начала битвы, прибыл сам на

поле сражения лишь в седьмом часу пополудни.

Мне, как главному начальнику сражавшихся войск, и прочим подкомандуемым генералам совершенно неизвестны подвиги, оказанные Диестом, который, честь имею донести, никогда не подавал никакого совета графу Остерману, запечатлевшему кровью своею славную свою победу под Кульмом».

Вследствие этого рапорта Диест не получил за это сражение знаков Св. Георгия 4-го класса, которые были ему позднее пожалованы государем по ходатайству Барклая. После Кульмского сражения великий князь Константин Павлович, услышав, что повозка Ермолова пропала, и зная его скудное состояние, предложил ему свой новый, шитый золотом генеральский мундир: «Я тебя хорошо знаю, – сказал ему его высочество, – ты не станешь просить вспомоществования, хотя ты на то имеешь полное право, тем более что многие лица, ничего не потерявшие, выхлопотали себе денежное вознаграждение; я теперь без денег и не могу предложить тебе их, но возьми в знак дружбы мой мундир».

Ермолов, поблагодарив великого князя за его внимание, не принял предлагаемого мундира.

Реляция генерала Ермолова о Кульмской битве помещена в записках графа Толя.

«Подробности о Кульмском сражении были мне переданы графом Остерманом, Милорадовичем, К.И. Бистромом, флигель-адъютантом князем Голицыным, Ладыгиным и подполковником Бистромом. Этот последний, будучи сильно ранен, едва не истек кровью; слабость его была причиною того, что он, после рюмки вина, которую ему дали для подкрепления сил, совершенно опьянел. Император Александр, подъехав к нему, заметил это; к счастью, Ермолов, находившийся вблизи, оправдал Бистрома в глазах государя.

Ермолов пользовался во все время особым расположением князя Шварценберга, рекомендовавшего его императору и императрице Австрийским. Следуя в 1814 году в городе Мо по мосту через Сену, Ермолов не хотел пропустить впереди гвардии обоза генералиссимуса, сопровождаемого одним из его адъютантов. Так как сей последний стал надмен-

но и дерзко настаивать в своем намерении, Ермолов, в присутствии почтенного и отлично способного И.В. Сабанеева, объявил ему, что он его не пропустит; он грозил даже сбросить его в воду. Эта решительность Ермолова заставила адъютанта уступить. Шварценберг, узнав вскоре после того об этом обстоятельстве и увидав Ермолова, сказал ему: «J'ai appris, general, les impertinences faites par un de mes aides-de-camp en votre presence, aus-sije viens de le renvoyer de «chez moi a Farmee»[74].

Проходя с гвардией мимо памятника великого Тюренья, находящегося близ Засбаха в Баденском герцогстве, Ермолов, невзирая на то что мы в то время были в войне с французами, решился отдать честь памяти этого полководца; напомнив в приказе, что права великих людей на уважение народов везде равны, он приказал войскам следовать мимо памятника в полной парадной форме и с музыкой.

Прибыв в 1814 году к городу Бар-Сюр-Об, в котором проживал Удино у престарелого отца своего, Ермолов, знавший, сколь много этот маршал обласкал пленного его адъютанта

Фонвизина, решил оказать ему с своей стороны внимание; к его квартире был приставлен почетный караул, что весьма тронуло Удино, отклонившего, однако, от себя эту честь.

Во время сражения под Парижем Ермолов, увидав, что солдаты дивизии генерала Пышницкого, коему он был некогда, в войну 1794 года, поручен, нагибаются после каждого пушечного выстрела, воодушевил их следующими словами: «Стыдно, ребята, вам кланяться, ведь вы ядра реже видите, чем сухари». Хотя все пруссаки, поздравляя Ермолова с успехом, говорили ему, что «сегодня ваш Красный Орел почернеет»; но прусский король, оставшись недовольным потерей, понесенною прусскою гвардией, которую Ермолов, по его собственному выражению, вывел в расход, не пожаловал ему этого ордена.

Ф. Вендармини. Портрет великого князя Константина Павловича

Манифест о занятии Парижа писал Ермолов, за отсутствием Шишкова, уехавшего в Прагу.

Барклаев приказ к армии, очень неловкий, с порицаниями французов, не понравился государю. Константин Павлович указал на Ермолова. Ермолов заимствовал кое-что из Тита

Ливия и в проекте приказа в первый раз употребил слово «товарищи!». Была также фраза: «Я знаю каждого из вас; по крайней мере место, ознаменованное его подвигами». Ермолов прочел государю, потом в другой раз, и тот подписал.

В Париже государь был недоволен смотром и велел посадить трех полковников под арест. Ермолов заступился и настаивал на своем. «Позвольте напомнить вашему величеству, что караул у вас иностранный». Государь не убедился, но Ермолов не исполнил приказа и спокойно отправился в театр. Там нашел его поздно вечером полковник Чебышев, посланный князем Волховским отыскать Ермолова, где бы он ни был. Надо было повиноваться. На другой день Ермолов имел горячий разговор об арестованных полковниках с великим князем Николаем Павловичем.

«После взятия Парижа в 1814 году, – продолжает Давыдов, – командир прусской гвардейской пехотной бригады генерал Альвенслебен, бывший свидетелем мужества и искусства одного русского артиллерийского офицера, принадлежавшего к гренадерскому

корпусу генерала Раевского, близ деревни Rautin, ходатайствовал чрез Ермолова о его награждении. Этот благородный пруссак оканчивает письмо свое, писанное по этому поводу Ермолову, следующими словами: «Es ist mir leid seinen Namen nicht angeben zu können; Euer Excellenz bekannte gutige Fursorge – das verborgene Verdienst zu heben, wird aber diesen Offizier bald erkennen lassen» («Мне жаль, что я не могу сказать имени этого офицера, но известная заботливость вашего превосходительства возвышать скрытые заслуги ручается за то, что имя этого офицера будет скоро известно»). Этот офицер, имя которого я забыл, было отыскан и награжден».

Во время Венского конгресса Ермолову поручена обсервационная армия на австрийской границе.

В Париже государь говорил Алексею Петровичу, что в скором времени пошлет его в Прагу, но до времени приказал молчать о том. Наконец, накануне своего отъезда в Англию, в ночь, он призвал его к себе и дал формальное, словесное приказание. Оно было весьма поспешное, потому что дела были та-

кого рода. За дальнейшими соображениями государь велел ему явиться к графу Аракчееву. На другой день Алексей Петрович является к графу. Инструкция получена. Алексей Петрович спросил насчет прогонных денег. Но граф Аракчеев не получал от государя никаких распоряжений насчет дорожных расходов. Таково было положение Алексея Петровича. Скорый и поспешный отъезд, невозможность видеть государя, потому что он был уже в дороге, – вот были тогдашние его обстоятельства; он был предоставлен собственным средствам, одному своему жалованью. Между тем как другие подобные лица, отправляемые с различными поручениями, сверх прогонных, получали еще огромные суммы на непредвиденные расходы, Алексей Петрович (тогда генерал-лейтенант) не имел и необходимого. Но граф Аракчеев нашел средство помочь горю. Он послал своего адъютанта, Клейнмихеля, к банкиру, у которого открыт был счет нашим государем расходам во время пребывания в Париже, и занял на имя государя необходимую сумму. (С.)

«Командуя в 1815 году, – говорит Давы-

дов, — авангардным корпусом в Кракове, Ермолов получил две диспозиции Баркляя и князя Шварценберга для движения войск к пределам Франции, куда Наполеон возвратился с острова Эльбы. Так как маршрут Баркляя во многом различествовал от маршрута князя Шварценберга, Ермолов отправил в Вену адъютанта своего Граббе, который явился к нашему государю. На вопрос его величества, как поступит в этом случае Алексей Петрович, Граббе отвечал: «Он мне приказал доложить вашему величеству, что это его несколько не затруднит, но он будет лишь сообразоваться с обстоятельствами».

Австрийцы, желавшие задержать наши войска по возможности долее, требовали, чтобы во время марша они располагались не в городах, но в приготовленных лагерях, куда заблаговременно должен был быть свезен весь фураж и провиант. Ермолов грозно объявил австрийскому комиссару, фельдмаршал-лейтенанту Роткирху, что он с 40 тысячами человек везде найдет себе провиант и квартиры; он до того устрошил сего последнего, что комиссар, согласившись на все, снаб-

дил его большим против положения количеством подвод. Таким образом наш авангард прибыл к берегам Рейна гораздо ранее прочих войск[75].

Д. Доу. Портрет М.А. Воронцова

Войска графа Ланжерона и Раевского, находившегося в то время в отпуску, расположенные близ Галиции, остались далеко позади по той лишь причине, что граф подчинился требованиям австрийцев. Ермолов, следуя через Германию к Рейну, поручил адъютанту своему Штрандману благодарить от своего имени жителей городов, кои оказывали нашим войскам радушный прием. В этом году фельдмаршал Барклай, находившийся с Ермоловым в весьма холодных отношениях, инспектировал близ Гейдельберга заведываемый им 6-й корпус; во время осмотра Мариупольского гусарского полка, в коем числился раненный в 1812 году ротмистр Горич, не получивший, невзирая на оказанные им отличия, никакой награды, Ермолов, не предупредив Барклая, вызвал его из фронта и сказал ему: «Благодарите фельдмаршала за жалуемый вам следующий чин». Барклай, не уваживший бы, быть может, в другое время ходатайства Ермолова, нашелся вынужденным подтвердить это в приказе[76].

Граф Аракчеев, бившийся с Ермоловым в 1815 году об заклад о том, что он будет воен-

ным министром, сказал в том же году в Варшаве государю следующие замечательные слова[77]: «Армия наша, изнуренная продолжительными войнами, нуждается в хорошем военном министре; я могу указать вашему величеству на двух генералов, кои могли бы в особенности занять это место с большою пользою: графа Воронцова и Ермолова. Назначению первого, имеющего большие связи и богатства, всегда любезного и приятного в обществе и не лишенного деятельности и тонкого ума, возрадовались бы все; но ваше величество вскоре усмотрели бы в нем недостаток энергии и бережливости, какие нам в настоящее время необходимы. Назначение Ермолова было бы для многих весьма неприятно, потому что он начнет с того, что перегрызется со всеми; но его деятельность, ум, твердость характера, бескорыстие и бережливость его бы вполне впоследствии оправдали».

Когда Ермолов возвратился в Петербург, государь объявил ему назначение в Грузию.

«Я никак не думал бы, что такое назначение было для тебя приятно, – сказал он, – но таким свидетелям, как граф Алексей Андре-

евич и князь Петр Михайлович, я должен поверить». Надо было повинаться. Вероятно, графу Аракчееву не хотелось, чтобы при государе оставался человек, к которому он стал сильно привыкать.

1815. Дневник А.П. Ермолова. Назначение в Грузию и посольство в Персию[78]

«4 апреля 1815 г. Покинул Краков вместе с графом Воронцовым. Краков для него бесценен воспоминаниями и для некоторых других, адъютанта Граббе, генерал-майора Полторацкого.

5. Перешел границу. Австрийцы дурно доставляли провиант и проч. Многие войска должны были останавливаться. Ермолов настаивал на противоположном и у австрийцев, и у своего государя, и, несмотря на 30 тысяч войск, бывших у него, он следовал ускоренным маршем. (С.)

20. Трудный переход чрез гору Шенгенгет.

26. Прага. Начальник города фельдмаршал Коловрат; приехали фельдмаршал Барклай де Толли и генерал-адъютант Закревский.

5 мая. Австрийский генерал барон Роткирх с восхищением расстался с Ермоловым, потому что Ермолов простосердечно рассуждал об Гофкригсрате[79]. (С.)

Ермолов австрийским комиссарам давал похвальные листы, и они были в восторге. (С.)

Нюрнберг. Ничего в Германии не видал еще я скучнее Нюрнберга. Редко два или три человека встречаешь в бесконечных его улицах; город кажется опустошенным моровою язвой. Любопытно было наблюдать забавы жителей. В собраниях их не менее важности, как в заседаниях инквизиции; многих лица не веселее приговоренных к смерти. Я думал отдохнуть за городом, но окрестности несносные, пески как в степях Ливийских.

Услужливый садовник моего ласкового хозяина сделал полезное употребление: из задней двери сада являлись красавицы за цветами, которых, конечно, никогда не продавал он выгоднее.

У Ермолова новый начальник граф Ланжерон. (С.)

Князю Мадатову поют стихи, как победите-

лю, хотя еще мы не сделали выстрела и даже не знаем, как далеко неприятель по ту сторону Рейна.

7 июня. В Некер-Гемюнде. Ермолов виделся с Государем, который осыпал его ласками. (С.)

8 июня. Первый переход войск Ермолова через Рейн, в Мангейме. (С.)

Гейдельберг. Возвратился генерал-лейтенант Толь из армии фельдмаршала Блюхера с известием, что Наполеон атаковал его, не собравшегося в полных силах, приобрел большие над ним успехи и, разбив два его корпуса, их преследует. Пруссаки потеряли более 30 орудий.

Известие сие произвело сильное действие на австрийцев, которые уже не спешили переходить Рейн, вероятно выжидая последствий сражения. Прискакал баварский фельдмаршал князь Вреде, прося подкрепить войска его, расположенные за Рейном. И меня даже осыпал он приветствиями, как первого из русских, переходящего за Рейн. Каких не вы-

слушал я похвал!

9 июня. Приехал курьер с известием о победе Веллингтона и Блюхера и совершенном разбитии Наполеона. (С.)

15. Франкфурт. Проходила гвардия короля Прусского, которую он осматривал. Я командовал ею при взятии в прошедшем году Парижа. Офицеры и солдаты увидели меня с удовольствием. Каждый взвод, прошедши короля, так громко меня приветствовал, что я должен был отойти далее, чтобы король не слышал того. Я не замечал в нем ко мне благоволения.

26. Получено известие о занятии Парижа Веллингтоном и Блюхером. Государь поспешно туда отправился. Радость от преодоления гордого неприятеля не менее сожаления, что русские не были участниками победы.

4 июля. Нанси. Я приехал осмотреть присоединяющуюся к корпусу 2-ю гренадерскую дивизию под начальством генерал-лейтенан-

та Паскевича.

Торжество о возвращении Людовика XVIII в Париж. Не приметно ни малейшей радости в народе.

8 июля. Получено известие, что Наполеон предал себя английскому правительству. Ермолов усмирил коменданта крепости Года, не признававшего Людовика XVIII. (С.)

20. Приехал по почте в Париж. Остановился у Закревского. Квартира мне назначена в St.-Honore.

Представлялся Государю. Приказано носить фрак, и в нем неловкость моя была замечена.

28. Назначен парад, и дивизия проходила город. Состояние войск превосходно! Три взвода сбились с ноги от неправильности музыки, государь приказал арестовать 3 полковых командиров, и они посажены под иностранный караул. Я просил о прощении отличных офицеров, мне ответствовали со гневом. Я вспомнил об иностранном карауле.

Подтверждено о исполнении повеления.

11 августа. Государь хвалил Ермолову английские войска. Ермолов возражал. Государь рассердился. (С.)

16. После ученья английской кавалерии был обед. (С.)

За обедом Государь, превознося ученье, обратился ко мне. Я представил, что превосходство конницы не определяется кампанией, продолжавшеюся две недели, одним сражением и переходом от границ Бельгии. Я указал на один из наших драгунских полков, в котором много еще было людей и даже лошадей, которые провожали в Китай посла графа Головнина. В прошлом году из армии генерала барона Беннигсена полк сей, возвратясь в отечество, имел квартиры в Малороссии, где, не более пробывши четырех месяцев, пришел сюда и теперь находится близ Парижа, нима-ло не уступая в исправности английской кавалерии. Я сослался на генерал-адъютанта Винценгероде, у коего он состоял в команде. Он не возразил против моего рассуждения,

хотя в понятии его не было ничего совершеннее конницы австрийской, но он сомневался, чтобы могла она вытерпеть подобное испытание.

На одном из обедов, на коих был Ермолов, многие из офицеров, находившихся в сражении при Ватерлоо, отбросив всякое хвастовство, даже не скрывая собственных ошибок, рассуждали о сем сражении, и видно было, что Веллингтон был в затруднительном положении. (С.)

Я осматривал все любопытное в Париже, посещал театры, почти неразлучно был с Вельяминовым, начальником штаба моего корпуса, офицером редких достоинств, которого называю я тезкою. Подражая ему, я обходил по вечерам Итальянский бульвар, но не избегал искушений в Варьете. Встретилась красавица в тесноте. Забыты осторожности, и ты, любезный тезка, долго будешь ждать меня из улицы Св. Амвросия! Может быть, завтра новый случай Пикулину оказать искусство врачевания. Не так я жил в прошлом году...

Было странное ученье нашего гренадерского полка имени короля Прусского вместе с прусским полком имени императора. Команда на разных языках производила довольно несвязное действие. Веллингтон был свидетелем, и желание сделать угодное государю вложило в уста его непростительную лесть. Он даже старался казаться удивленным!

20. Дивизия гренадер выступила. Я остался по приказанию государя, дабы осмотреть устройство английской артиллерии. Герцог Веллингтон дал повеление показать мне две батареи, и мой офицер допущен был снять чертеж лафета и описать укладку зарядов.

25. Государь догнал всю русскую армию на возвратном пути в Россию. (С.)

26. Был маневр или приготовление к настоящему маневру. Государь был весьма доволен. Корпусные командиры приглашены к обеду.

28. Прибыли император Австрийский, ко-

роль Прусский, их сыновья, фельдмаршал князь Шварценберг, герцог Веллингтон, князь Вреде и множество иностранных генералов и других особ.

29. Настоящий маневр в присутствии государей. Армия около 150 тысяч человек предстала в удивительном блеске, в одежде по большей части новой, лошади были в наилучшем состоянии. Не только иноземцев, но и самих нас удивлял величественный и красивый вид войск! Не для каждого был он приятным зрелищем; многие, конечно, вспомнили о соседстве! Такие превосходные войска и столько страшные силы заслуживают внимания, соединенные вместе, тогда как союзники, слабейшие числом, рассеяны по большому пространству. Какого не успеешь подписать трактата при таком числе негоциаторов и какой министр не покажется красноречивым!

7 сентября. Мец. Переодевшись во фрак, я ездил в Мец, куда приглашен был полковником Marion, бывшим в плену в России. Как

ближний, я принят молодою и любезною его женою и семейством. Вход в крепость запрещен иностранцам, для того чтобы не впускать пруссаков.

23 сентября. Франкфурт. Корпус мой проходил бригадами, из которых каждую смотрела великая княгиня (Екатерина Павловна), и меня почти каждый день приглашали обедать с генералами. Она оказывала самое милостивое внимание. Я не видывал женщины более очаровательной!

9 октября. Веймар. Я был у великой княгини Марии Павловны. Никто не отходит от нее без особенного чувства почтения и привязанности. Нельзя не удивляться бесподобной сей женщине, образцу добронравия, кротости и скромности.

21. Lieberose. Один саксонец справедливо сказал мне, что от Парижа до Тоба, конечно, нет такой гнусной стороны.

21 ноября. Познань. Здесь командование

корпусом сдал я генерал-лейтенанту Паскевичу и отправился в Россию.

Декабрь. Вильно. Под глазами брата своего провел я часть молодости моей, начал первую против неприятеля службу. Здесь проводил я несколько приятнейших лет моей жизни, и случились происшествия, которых я никогда не забуду.

14. Смоленск. Я въехал со стороны города, наиболее потерпевшей от неприятеля. Так свежи опустошения, как будто неприятель только что оставил город. На прекраснейшей некогда площади поправлены только два дома. Сердце сжалось от горести, увидя ужасы разорения. Повсеместная бедность отъемлет надежду, чтобы город когда-нибудь возвратится в первобытное состояние. Судьба в сих развалинах назначала мне пребывание. Здесь квартира гренадерского корпуса.

20. По несносной дороге, испытывая ужасные морозы, доехал я до Орла к моим родителям.

Здесь, по долговременном отсутствии, после войны продолжительной и трудной, предался я совершенному бездействию, которое у военных людей нередко заменяет спокойствие. Я имел нужду в отдохновении и уже начинал скучать службою, которая не представляла впереди никаких приятных занятий, особенно в гренадерском корпусе.

Государь неоднократно звал Ермолова *заяхать* в Санкт-Петербург. (С.)

1816. 22 апреля. В Смоленске прочел в газетах назначение мое в Грузию.

24. Петербург. Я представлен Государю, который, объявив мне о назначении в Грузию, прибавил: «Я бы не поверил, что ты можешь желать сего назначения, если бы не представили свидетели граф Аракчеев и князь Волконский, ручавшиеся, что оно согласно с твоим намерением». Государь был чрезвычайно милостив, предузнал, что я пожелаю иметь начальником корпусного штаба служившего со мною полковника Вельяминова (тезку), и потому не приказал до того занимать этого места.

Июнь. Сообщено мне назначение чрезвычайным и полномочным послом в Персию, и на достоинство сие принял я присягу в Иностранной коллегии. Станным я казался самому себе, и всего более страшился я репрезентации, которая необходима между азиатскими народами, особенно же у двора, который славился пышностью.

Составляется многочисленный для посольства штат, я представляю о совершенной перемене оною, которая высочайше утверждена. Я отказался от положенного жалованья послу, и потому ежемесячно положена сумма на содержание посольства, которою буду я пользоваться, равно как и каждый из чиновников. Я не искал особенных выгод.

По части гражданского управления в Грузии я представил о необходимости распространения власти. Рассуждаемо о том в комитете министров. Мне деланы возражения, я делал их со своей стороны, и наконец в пользу мою, кроме двух, все голоса и даже могущественного графа Аракчеева. Государю представлено дело в превратном виде и как будто

о намерении разрушить существующий порядок. Комитет получает замечание, мне предписано входить с представлениями, когда обстоятельства потребуют каких-либо изменений. Легко заметил я досаду графа Аракчеева, что оспаривали его мнение и даже могли иметь успехи против него.

Я познакомился с персидским послом Мирзою Абдул-Гассан-ханом, человеком довольно хитрым, который, долго живши с англичанами и бывши в Лондоне, к чрезвычайной гибкости персидской присоединил вежливость европейскую. Он отправляется прежде меня с полною уверенностью, что мне приказано стараться сделать шаху всевозможные угождения. В понятии его угождение не что иное, как уступка провинций.

Откланиваюсь императорской фамилии; Государь приказал ожидать в Москве его прибытия. Милости его обращают на меня внимание всего двора, и я делаюсь известным людям, которые едва подозревали о моем бытии. Ни один не смеет сказать, чтобы не знал меня давно и не с лучшей стороны. Но вместе с успехами моими приобретаю я и сильных

неприятелей.

Москва, 15 августа. Приезжает Государь в первый раз после Отечественной войны. Народ встречает его с восторгом, изъявляет привязанность к нему в высочайшей степени. Он не делал шагу, не будучи окружен толпами. Мысль о нем казалась единственным занятием каждого. Забыто разрушение Москвы, забыты бедствия! Государь оказывает всем благоволение, каждому доступ к нему свободный. И моя незнакомая фигура является посреди окружающих его и между прочими обращает на себя внимание.

16. Большой обед у государя. Казалось, посадили за оный всю галерею древностей. Государь рассуждал о происшествиях войны. Вдруг встает со стула и пьет здоровье мое, как главного виновника победы при Кульме, объясняет, как важны были следствия сего сражения. Все, угождая ему, пьют мое здоровье, и весьма многие не знают, кто я. Я смешался, не знал, что сказать, и готов бы был лучше выдержать порядочную перестрелку. Это был

день первого сражения при Кульме.

26. День Бородинского сражения. Парад войск. Я получаю позволение отправиться к своему месту.

17 сентября. Новочеркасск. По калмыцкому порядку в Донском войске я во многих местах ухожу пешком от почтовых лошадей. Узнаю, что для войскового атамана графа Платова выставлены от дворянства лошади, я отправляюсь сам в степь верхом на почтовой лошади, отгоняю табун и в добычу достаю прекрасных лошадей[80]. Казаки, бывшие при табуне, поражены были удивлением, видя хищника, украшенного разными знаками. Я поехал спокойно до самого Черкаска.

20. Приезжаю на границу Кавказской губернии. Ступил на землю, вверенную моему управлению. Не радуюсь встреченному на первом шагу порядку. Нахожу выставленные для меня конвои линейных казаков, составленные по большей части из малолетних, к службе неспособных, ибо предместник мой

отпустил шесть донских полков, служивших на линии, и их заменили старыми и малыми.

22. Георгиевск. Крепость для нас смешная, для неприятелей наших страшная! Я избегал обыкновенной встречи, и отослал (?) ожидавших меня и приехал на перекладной перевозке, никем не будучи узнан.

Первое сделанное мною распоряжение состояло в том, чтобы остановить шесть донских полков, отправленных на Дон, и приказать им вступить на посты, которые занимали они прежде. Линейные казаки обращены в свои дома.

Все было в состоянии совершенного разрушения!

5 октября. Дарьял. Место ужасной наружности.

Кашаур. Переезжая Крестовую гору, мы пили здоровье императора в воспоминании вступления в Лейпциг после поражения французской армии.

На Кавказе. Другая казалась земля, другое небо!

10. Тифлис. Переправившись у селения Мехеш (чрез) Арагву, я поехал левым берегом Куры, приказав дорожным товарищам моим следовать по обыкновенной дороге. Я прибыл пред самым вечером, и как ожидали меня с другой стороны, то и избежал встречи. Проводником моим был мой адъютант князь Бобутов, уроженец тифлисский. Никто не узнал меня, принимая меня за посланного вперед чиновника. Я тотчас явился у генерала от инфантерии Ртищева. Добрый старик сей давно ожидал меня с нетерпением, ибо желал возвратиться в Россию после шестилетнего пребывания его на линии и в Грузии.

Тут нашел я возвращающегося посла персидского, который нарочно отложил отъезд свой, чтоб видеться со мною.

18. Генерал Ртищев отправился в Россию, и я вступил в командование корпусом и Грузией. По-видимому, долговременное назначено мне здесь пребывание!

Получил курьера об открывшейся чуме на Кавказской линии и что проходившие пять

донских полков заразились. Полки остановлены в 27 верстах от Тифлиса. Конвой от сих полков сопровождал меня в пути чрез горы, и люди из оного имели свободное обращение в городе, следовательно, предосторожности были уже невозможны. С робостью ожидал я последствий, но мне покровительствовало счастье.

Приготовляясь к отъезду в Персию, зная желание и домогательство шаха Персидского, чтобы возвращена была ему часть Карабахского ханства, я должен был осмотреть ту часть границ, дабы удостовериться, можно ли без нарушения прочности оных сделать какую-либо уступку, если не найду я других средств сделать шаху угождение в пользу дружественных связей, недавно утвержденных, которых сохранение поставлено мне было главнейшею целью и обязанностью.

4 декабря. Зардоб, селение Ширванского ханства. Генерал-лейтенант Мустафа, хан Ширванский, дожидался моего приезда. Я увидел человека полудикого, знал недоверчивые его свойства. Он тотчас пришел ко мне, и

я посетил его. На другой день угощал меня бесконечным обедом.

Со мною были три генерал-майора, два адъютанта и двадцать казаков конвою. Мустафа-хан заметил мне, сколько неосторожно иметь так малый конвой. Он говорил: «Ко мне пришли вы шесть человек, я, конечно, не предприиму ничего против вас, но могу ли я быть уверен, чтобы между окружающими меня не было людей дерзких. Точно так же предостерегал я покойного князя Цицианова, когда он проходил с войсками к крепости Баку. Мне известны были вероломные свойства бакового хана. Здесь не должно быть доверчивым». Я поблагодарил за приятный совет, и мы продолжали обедать весьма покойно. Ему странною казалась наша беспечность.

7. Миншчаур. Здесь встретил меня г.-н. Измаил, хан Шекинский. Множество поступило уже жалоб на жестокие и бесчеловечные его поступки с подданными, на корыстолюбие необузданное и тягостные налоги разного рода. Толпы народа окружили меня, любопытствуя видеть, как я приму хана, и не менее,

вероятно, – как приму приготовленные подарки. Я отверг сии последние, хану сказал я, что я внимательно буду наблюдать за его поведением, что, переменяв прежнее, он может надеяться на приятное расположение начальства. Поручил иметь попечение о благосостоянии народа.

12. Тифлис. Между прочими занятиями по службе делаются приготовления к отъезду в Персию.

1817. Январь. Вл. С. Мазарович отправлен в Персию с письмами к Аббас-Мирзе в Тавриз и в Тегеран к шаху. Умный и ловкий сей чиновник способен собрать все нужные сведения к моему приезду.

Отправлен курьер в Константинополь к посланнику нашему барону Строганову, дабы узнать, в каких Порта к нам отношениях.

Февраль. Донесение государю о примеченных движениях, о заготовлениях в большом количестве продовольствия в соседних областях Анатолии. Я изложил мнение, что, в слу-

чае неприязненных намерений Порты, отсутствие мое в Персии может быть вредным. Думать надобно, что замечания мои были не без основания, ибо я получил из Петербурга бланкет кредитива к шаху Персидскому, и государю угодно было предоставить мне усмотрение, отправиться ли мне самому или по избранию моему назначить послом одного из подчиненных мне генералов.

Март. От принца Аббас-Мирзы прислан чиновник узнать, когда я намереваюсь выехать и что по первому извещению моему сделаны будут все приготовления.

Получив из Анатолии известия, которые не давали причины к большим беспокойствам, удостоверясь из сообщения посланника барона Строганова, что Порта принимает меры к усмирению одного из возмутившихся пашей, я решился отправиться в Персию.

Неизвестный художник. Портрет Аббас-Мирзы

Я послал к Аббас-Мирзе курьера с известием о моем выезде. К сардару Эриванскому от-

правил я квартирмейстерской части поручика Боборыкина, дабы сообщить ему о всех необходимых приготовлениях для удобнейшего следования посольства»[81].

О посольстве в Персии Алексей Петрович вел особый дневник, известный по многим

спискам. Мы выбираем здесь из этого дневника черты наиболее характеристические. Варианты приложены по списку, напечатанному в «Чтениях».

«...Заклученный с Персией мир в исходе 1813 года положил конец продолжительной войне, которая хотя и не была для России опасною, могла, однако же, во время вторжения неприятеля в Отечество наше и занятия Москвы иметь худые следствия; паче сопровождается будучи внутренними в Грузии беспокорствами. Счастливым оборот дел наших, изгнание неприятеля из пределов России, ужасное понесенное им поражение и войска наши, путем побед прошедшие до сердца Германии, вразумили персиян, что для спокойствия их надлежало искать мира с Россией, отложив тщетную надежду приобрести его оружием. Персия отеклась от прав своих на покоренные оружием нашим и присоединенные по трактатам провинции; но, отправив чрезвычайного посла в Петербург, вознамерилась просьбами и убеждениями склонить великодушные государя императора на возвра-

щение сих провинций.

Посол прибыл в отсутствие государя, который, начальствуя армиями, находился вне пределов России, озабоченный успокоением Европы, которую воззвал от замешательств к устройству, освободил от ига Наполеона и возвратил к первобытным властям и порядку. По прибытии императора в Санкт-Петербург посол персидский представил просьбу шаха и получил в ответ, что во взаимство дружбы[82] отправлюсь я послом к его величеству шаху, имея поручение сообщить по сему предмету мысли императора, и сколько приятно ему во всем соответствовать желанию шаха. Посол выехал из Санкт-Петербурга, а вскоре после него и я отправился. В Грузии пробыл я некоторое время, объехал некоторые места границы на случай тот, если бы персияне настоятельно требовали изменения оной; дабы знать, возможно ли без вреда допустить оное, а по сей причине принужден был умедлить отъездом моим в Персию.

17 апреля 1816 года. Сделав заблаговременно все нужные к отъезду моему в Персию рас-

поряжения, отправился я из Тифлиса.

1 мая. Эчмиадзин, престольный армянский монастырь. За 5 верст встречен я был пятью епископами верхом, кои, сойдя с лошадей, поздравляли с приездом. Более нежели за версту выехал сам патриарх. Я сошел с лошади, и он также, сколько я его ни удерживал. У ворот монастыря нашел я духовенство с крестами и образами в великолепнейшей одежде, и с колокольным звоном и пением препровожден я был до назначенного в монастыре дома. Я хотел идти прямо в церковь, но с намерением не сделал того, дабы не привести с собою толпы встречавших меня персиян, кои в храмах наших обыкновенно не оказывают никакого уважения святыне. Тут же я узнал, что множество приставлено шпионов, дабы наблюдать за патриархом и нашим поведением с ним. Это первый опыт недоверчивости к нам, которой персияне скрыть не умели.

2. Эчмиадзин. Чиновники персидские настаивали, чтобы, не делая роздыха, ехал я

прямо в Эривань, но я остался по причине праздника Вознесения. Отслушал обедню и молебен. Патриарх говорил прекрасную речь, в которой призывал благословение Божие на исполнение возложенных на меня государем императором поручений, и всеми нами замечено, что, когда патриарх упоминал об императоре, всегда тотчас за ним должен был громко прокричать имя шаха, дабы могли слышать персияне. Иначе он подвергался взысканию, за избавление от коего персияне берут всегда хорошие деньги¹. С прискорбием видел я, что чиновники персидские во время богослужения требовали стулья и сидели, невзирая на то что я не только не сел на предложенные мне кресла, ниже не стал на ковер, нарочно для меня разостланный. Заметить должно, что сии самые чиновники не смеют сидеть при сардаре Эриванском, если он им не позволит[83], что весьма бывает редко и принимается за великую милость.

4. Эривань. Мне показана квартира в доме командира батальона регулярной пехоты. Пунш и ликер начали и утвердили знаком-

ство, веселый мой хозяин пьян каждый день по нескольку раз.

5. Эривань. Сардар по требованию моему сделал мне посещение первый. Вскоре потом был я у него со всею свитой. Нас угостили обедом и сластями, забавляли пением, которому один несноснейший крик уподоблен быть может, и ужасным коверканием и кривлянием, которое персияне (называют) пляскою. Они с восторгом на то смотрят.

6. Я со свитою приглашен был в сад сардара. Такой же дан был нам обед. Так же мучили нас певцы и плясуны. С нами была музыка посольства, которая всем очень понравилась. Мы угощали сардара нашими конфетами и мороженым. Крепкие ликеры и пуншевое мороженое были в общем вкусе. Из благопристойности мы то и другое назвали лекарственным составом для желудка. Наименование лекарства наморщило персидские рожи [84]; но приятный вкус, а паче очаровательная сила оживили их весельем, и в честь закону твоему, великий пророк, не вырвался ни

один вздох раскаяния[85].

До прибытия моего в Эривань разнесся слух, что я в свите своей веду войска, и ужас был общий. Глупому персидскому легковерию казалось возможным, что везу с собою ящички, в которых скрыты солдаты, долженствующие овладеть крепостию. Невидимые мои легионы составляли 24 человека пехоты и столько же казаков, а регулярная моя конница заключалась в одном драгунском унтер-офицере, который присматривал за единственною моею лошадью. Вот все силы, приводившие в трепет сардара, твердую подпору [86]персидской монархии. Гордость персидская и искусство притворствоваться не могут скрыть страха, который нагнали Россияне.

11 и 12. Город Нахичевань. Хан, управляющий небольшою сей областью, человек весьма веселый и отлично вежливый, лишился глаз во время обладания Персией злодея Али [87]-Мехмет-хана, одного из родоначальников ныне царствующей фамилии. Его тронуло особенное уважение, оказанное мною к несчастному его состоянию. Вырвалась горь-

кая жалоба на жестокость тирана. Состояние рабства не удаляет от человека чувствования оскорбления, и если судьбы определения строги иногда, то благодетельная природа улаживает горечь оскорбления надеждою отмщения. Но сей несчастный уже в летах клонящихся к старости, лишенный зрения, двадцати лет[88] отлученный от приверженных к нему подданных[89] не может и сего иметь утешения. Осторожное правительство удерживает сына залогом верности. Какие новые чувствования испытывает при подобной встрече человек, живущий под кротким правлением и наслаждающийся свободою! Здесь, между врагами свободы надобно учиться боготворить ее. Здесь с ужасом видим власть царей, преступающую пределы[90] отношении к подданным, с сожалением смотрим на подданных, не уважающих самих себя, не чувствующих достоинств человека. Благословляю стократ участь любезного моего Отечества, и ничто не изгладит в сердце моем того презрения, которое почувствовал я к правительству Персии.

13. В обеих областях, Нахичеванской и Эриванской, не сделали мы шагу без сопровождения войск, и весьма приметно было, что старались сколько возможно показать их более и, сколько умели, в большем виде. В городах не осталось ремесленника, на которого бы не навязали ружья. Хватали проезжающих из окрестностей на торг поселян и вооружали, дабы вразумить нас, какими страшными силами ограждаемы пограничные Персии области. (Строгое соблюдение благопристойности не скрыло во мне чувства презрения, я смеялся, но не столько то было смешно персиянам.)

[91]

19. В Тавризе чрез пристава нашего посредством обыкновенного разговора сообщено мне было весьма нежным образом об обычаях и церемониях, употребляемых при персидском дворе: что в комнату к наследнику нельзя войти в сапогах, но должно надеть красные чулки, что один я могу быть в комнате с советниками посольства, а прочие чиновники должны стоять на дворе под окошками, и прочие некоторые другие глупые предупре-

ждения. Во время Наполеона, когда искал он сделать возможный вред России, присланный от него в Персию генерал Гардан, дабы вкратость в доверенность персиян, делал все им угождение, и ему после красного колпака вольности не трудно было надевать красные чулки лести. Посланники английские и все теперь в Персии живущие чиновники их, быть может, не с теми видами, как французы, но, всеконечно, с намерением тесною связью приобрести выгоды торговли, также не делают затруднений в предложениях персиян насчет этикета. Посланники к шаху и наследнику ходят в красных чулках, а офицеры и к Мирзе-Безюргу[92] не смеют войти иначе. Но как я не приехал ни с подлыми чувствами французского шпиона[93], ни с корыстолюбивыми желаниями приказчика торговой нации, то и не согласился на красные чулки и прочие условия. Итак, Аббас-Мирза по долгом рассуждении мудрого его совета решился принять нас не в комнате, но на дворе, не сидя на коврах своих, которых не дерзал попирать ни один сапог или башмак, но стоя и просто на каменном помосте внутреннего

двора у самых окошек дворца, под портретом родителя своего.

На другой день я хотел ехать за город, но Аббас-Мирза предложил мне ехать после обеда с ним вместе и что он покажет мне свою конницу.

...Мы проехали мимо[94], и он говорил мне, что завести артиллерию научили его русские. (Я хвалил намерение и что он выбрал хороший образец для подражания, ибо английская (?) артиллерия известна своим устройством и искусством, а что если русские причиною, что он завел оную, то он вразумил других, сколько она необходима. Ибо)[95] народ самый не просвещенный, тухменцы, чувствуя их пользу, просили у них завести оную. Приметно было, что он с большим любопытством слушал разговор сей и даже спросил, к кому отнеслись со своею просьбою. Я отвечал, что мне о том объявили желание в бытность мою в Грузии, но что, не имея времени тем заниматься, передал я заступившему мое место начальнику[96]. Все бывшие со мною, будучи от меня о том предупреждены, смотрели, что произведет в нем сие известие,

и все вообще заметили, что он не мог скрыть, сколько равнодушно о том слышит, даже переменялось лицо его, и он еще задал некоторые вопросы. (Трухменский народ имеет вечную вражду с Персией.)

...Аббас-Мирза пригласил нас в свой сад, который он разводит с недавнего времени. Мы прошли в беседку, где намерен он был угощать нас чаем; но когда предложил он мне, чтобы все бывшие чиновники вышли в другую комнату, где для них приготовлено угощение, и когда я отвечал, что и сам с ними выйду, то он удержал нас при себе (но вместо чаю дал нам немного шербету, и то потому, что ему самому пить хотелось).

Из саду мы поехали обратно в город. Верховые лошади были за стеною сада. Одна только лошадь Аббас-Мирзы была ему подведена. Один из наших офицеров дал знать ординарцу, и тотчас подле лошади Аббас-Мирзы явилась и моя лошадь, что персиянам показалось странным, но мы не менее выехали из сада вместе. Нет случая, нет обстоятельства, в котором бы персияне не почитали за нужное оказать гордость свою, и я воображаю удивле-

ние их, когда в возврат получают они гордость гораздо большую и сверх того и самое презрение. Таким образом продолжал я поступать с ними.

Возвратясь в город[97], расстались мы у ворот дворца, и я поехал домой. Поутру приехал ко мне визирь, сын каймакама, после него меньшей сын, женившийся недавно на дочери шаха. Все главнейшие особы посещали меня каждый с чиновниками, ему подчиненными. Не приезжали только военные регулярных войск, ибо не с кем было прислать их, кроме начальствующих ими англичан, которые, как я полагаю, посовестились представлять мне тех, которых они в глазах офицеров моих многих во фрунте били кулаками в зубы. Сею полезною операцией англичане персиянам истолковывают правила чести, что сих последних хотя и оскорбляет, но они в свою очередь передают подчиненным и весьма тем довольны; одни нижние чины остаются без удовлетворения. Но судьба справедлива, можете и им представить благоприятный случай, и при первой перемене в правительстве могут английские военные ростовщики

[98] расплатиться за кулачные удары...

За день было до отъезда моего Аббас-Мирза прислал пригласить меня ехать с ним за город. Я отозвался, что как я завтра выезжаю, то нынешний день берегу глаза мои, в которых чувствую боль, и потому не могу иметь удовольствия сего видеть, а прошу позволения прислать одного из чиновников моих, который имеет поручение от меня принести наследнику благодарность за благосклонный и милостивый прием его и все вежливости и внимание, которое он всем нам оказывал.

Прибавил я к тому, что я, конечно, дождался бы облегчения моей болезни, чтоб иметь у него прощальную аудиенцию; но как я не был принят им приличным образом, и встретился с ним на дворе, и за аудиенцию то не почитаю, то и не полагаю себя в обязанности ему откланяться[99]; впрочем, как с человеком любезным и милым, с которым мне приятно было сделать знакомство, желал бы я еще где-нибудь встретиться, если бы болезнь мне не препятствовала. Сей неожиданный ответ на предложение тронул каймакама, и за ним последовало продолжительное объясне-

ние, в котором старался он уверить, что прием был на дворе самым величайшим доказательством уважения, которое до того времени никому оказываемо не было; но что все прежние послы надевали красные чулки, если хотели быть приняты в комнатах.

Я приказал сказать ему, что в сравнение с прочими идти не могу, ибо я не приехал за собственными выгодами, и что они должны разуместь[100], что я посол державы сильнейшей в мире и им соседственной, которой дружественное расположение слишком ощутимые доставляет Персии выгоды. Если же чулки красные и прочие подобные этикетки должны непременно служить основанием дружбы между обеими державами и что в пользу утверждения связи нельзя отступить от красных чулок, то я прошу каймакама предупредить шаха, что я чулок не надену; а чтобы не делать бесполезно излишнего пути, – я на дороге буду ожидать известия, что могу возвратиться в Россию. Сие известие ужаснуло каймакама и, без сомнения, не было в расчете[101].

Я устыдился, что Тифлис в 15 лет правле-

ния российского представляет еще беспорядочную кучу неопрятных камней; но ожидаю с нетерпением видеть Испагань, а тогда решено будет, должны да персияне почитать Тифлис за восьмое чудо в свете[102]. (Дом мой в Тифлисе... можно назвать памятником, воздвигнутым в ознаменование того, что как архитектура, так и поэзия не благоприветствовали Сергею Алексеевичу Тучкову. Сей есть строитель нестройных стихов и нелепого дома.)[103]

28. Уджане. Младший сын каймакама прислан отцом, чтобы присутствием своим вселить веселость и удовольствие в скучное наше обиталище. Юноша сей, не имеющий 17 лет и другой уже год женатый на шахской дочери, приехал с довольно большою свитой, в которой из первейших лиц был мулла, обучающий его читать и писать. Мне кажется, что его прислали сюда для того, чтоб отдалить от молодой жены, которою он, конечно, более занимается, нежели азбукой в его лета. Жена не всегда лучший путеводитель к мудрости, здесь мулла заставит его вытвердить некото-

рые поучения из Ал-Корана, которым нередко оканчивается воспитание молодого человека, и он чрез неделю отсутствия возвратится к супруге своей гораздо совершеннейшим[104].

Правила в жизни светской, надобно думать, дает ему отец его, ибо юноша сей весьма горд и надменен (едва пошевеливался с места и с видом покровительства принимает он приходящих к нему знатных особ)[105]. Ходит[106] к нему и пристав наш, любезный старик, Оскирь-хан[107], он давно служит при дворе, кто же[108] даст младшим придворным урок подлости? Надлежало бы, чтобы люди придворные[109] во всем мире составляли одну нацию особенную; ибо тогда как народы между собою не только больших сходств во нравах, ниже легчайшего подобия в свойствах не имеют, они всегда одинаковы; разность ощутима только в степени[110] утончения подлости, которая уже определяется просвещением.

19 (июня?). Селение Верзаган. Здесь приехал из Тегерана коллежский советник Мазарович, после отсутствия его более 4 месяцев

из Тифлиса. Радость, с каковою встретился он с нами, истолковала нам те удовольствия, каких лишился он, оставив столицу обладателя Персии.

5 июля. Лагерь при урочище Самонархия, 25У₂ вер. Здесь нашел я ожидающего меня министра и любимца шахова, Мирза-Абдул-Вахаба, (хотя) г. Мазарович поехал[111] вперед условиться, что для меня не нужно никакой встречи, ни церемонии... Мирза-Абдул-Вахаб сделал мне посещение, которое я ему на другой день отдал. Встреча сопровождается была обыкновенными персидскими приветствиями и лестью, от которых давно уже болит у меня голова, и (от которых в отчаянии[112]) наговорил я ему более еще вежливостей и в их бесстыдном и наглom[113] роде. После двух сих свиданий я сделался немного нездоров, и прошло несколько дней, что мы не видали один другого. Я предупрежден уже был, что шах поручил ему вступить со мной в переговоры, дабы до прибытия своего разведать, чего от меня ожидать можно. Я очень хорошо знал, что мне, не имевши у шаха аудиенции

и не представляя ему грамоты, не приличествует ни с кем иметь переговоров, а по той причине и не сказал[114]я иметь ежедневные свидания и поставить себя на короткую ногу.

9. Мирза-Абдул-Вахаб прислал мне чрез г. Мазаровича грамоту шаха, которою доверяет он ему вступить со мною в переговоры, потом вскоре пришел сам, и я объяснил ему, что, не имевши аудиенции у шаха, не могу я ни с кем иметь переговоров, но что, зная его за человека отличного ума и способностей, вменяю за особенную честь искать его дружбы и потому не хочу отнять у себя удовольствия рассуждать с ним как с приятелем о том, чего в качестве посла нельзя мне открыть ему, как государственному человеку.

Разговор продолжался не менее 4 часов с подтверждениями самыми утомительными, и я решительно объявил, что не приехал приобрести дружбу шаха к моему государю пожертвованием областей, которых жители прибегли под покровительство России, что есть много других выгод, которые Персия может извлечь из благорасположения россий-

ского императора, что можно почестъ убедительным доказательством великодушия его и залогом приязни, что, невзирая на непрочность границ России с Персией, не намерен он улучшить их на счет своих соседей и что, все имея средства исполнить то, что пожелать может, не хочет[115] он поступать вопреки выгод державы, которой уважает он доброе согласие и дружбу; я приглашал взглянуть на карту и убедиться, что без нарушения существенных выгод России и не давая повода к неизбежным раздорам впоследствии, невозможно уступить шаху земли.

Переговор сего дня продолжался с соблюдением с обеих сторон возможной умеренности и хладнокровия, мы расстались, и вслед за ним отослал я нераспечатанную грамоту шаха. После сего виделись мы не менее 10 или 12 раз, и все повторяемы им были те же вопросы и настояния, как будто не довольно вразумительны были мои возражения и отказы. С такую наглостью выхвалял он мне свое правительство[116] и что не только требуемых ими земель жители, но и самая Грузия, конечно, пожелает быть уступленною Пер-

сии. С каким[117] бесстыдством исчислял свои силы и сколько участь их военных людей завиднее нашей.

Некоторые из свиданий наших были весьма шумные. Мирза-Абдул-Вахаб говорил, что без возвращения областей он сомневается, чтоб удержал я дружественные связи, и что шах оскорблен будет отказом в том, чего так давно ожидает и на что имеет надежды в самом ответе к нему государя и в тех словах, которые сказал он, отпуская персидского посла из Петербурга, что он не возьмет на себя объявить шаху войны, опасаясь его гнева. Я отвечал, что государь император по уважению к шаху будет крайне сожалеть о разрыве, ибо он намеревался постоянно сохранять дружбу; но что между тем знает он, что ничего не должно щадить на защиту верных ему народов, которые все счастье свое полагают в его покровительстве, что я также со стороны своей знаю мои обязанности соблюдать достоинство моего государя и России и что, если в приеме шаха увижу холодность, а в переговорах с тем, кому поручено будет рассуждать со мною о делах, замечу намерение нарушить

мир, я не допущу до того и сам объявлю войну и потребую по Араксу. Притом истолковал я, какой должно употребить способ для завладения по Араксу, который заключался в том, что надобно взять Тавриз и потом, из великодушия уступив Адербиджанскую провинцию, удержать области по Араксу и что вы должны будете признать за умеренность.

Жаль мне, сказал я ему, что вы почтете это за хвастовство, которое между нами не должно иметь места, а я бы назначил вам день, когда русские войска возьмут Тавриз. Я желал бы только, чтобы вы дали мне слово дожидаться меня там для свидания. Я присоединил также, что для Персии война несчастливая должна иметь пагубные следствия; ибо, конечно, есть люди, способные воспользоваться междуусобьем, которое произведут неудачи, и даже могут желать престола (к которому проложил дорогу нынешний шах, соблазнительную для каждого предприимчивого человека[118]) и что многочисленное семейство шаха тем менее в состоянии будет удержать за собою престол, ибо истребление оногo есть средство единственное избежать отмщения.

Итак, первая несчастливая война должна разрушить нынешнюю династию. Вот что ожидает Персию, и неужели соседи, из коих некоторые теперь уже беспокойны, останутся равнодушными зрителями мятежей и раздоров. В сей день мы оба не сохранили прежнего нашего хладнокровия, хотя изредка делали друг другу величайшие приветствия; но кажется, что мои доказательства были убедительнее; ибо у него вырвалось слово: неужели и Талышинское ханство отдать невозможно, когда главнейшая и лучшая онога часть уже во владении Персии и когда остальная столь ничтожна. Я отвечал, что он очень хорошо знает Талышинское ханство (и что оно очень таково[119]); но потому его отдать невозможно, что оно есть звено, связывающее наши границы, и что оно в руках персиян будет вечным яблоком раздора с Россией. Вы можете судить о невозможности удовлетворить желанию шаха возвращением земель; ибо и самого Талышинского ханства предложить я не намерен, хоть эта потеря сама по себе не так значима для России.

20. До прибытия шаха я с любопытством рассматривал внутренность дворца и нашел его столько малообширным, что на каждую из жен недостает даже по одной комнате, а некоторых из них стогнали по несколько в одну комнату. Меня поразила повсюду отвратительная неопрятность. Редкие из комнат были окончены, по большей части встречаются деревянные грубые решетки, совершенно подобные тем, что делают над яслями для закладывания сена. Есть между прочими строениями одна восьмиугольная башня, где жены живут несколько пристойнейшим образом. Но в ней помещается их только четыре с таким же числом прислужниц. В другой башне находится уединенный кабинет шаха, посвященный сладострастию, господствующей его склонности. Здесь проводит он большую часть времени, забывая, что он уничтожает себя как государь, как человек. Несколько сотен жен, из коих каждая не может быть часто достаиваема свидания с шахом, в ожидании оною, как единственного счастья, изощрает себя на все роды обольщения, расточает отраву лести, и царь женоподобный в сем жили-

ще срама и бесчестия мечтает быть превыше всех во вселенной. Прежде, нежели иметь у шаха аудиенцию, я посетил верховного визиря, так называемого Садр-Азама. Остановливаясь, чтобы сделать краткое описание сего вельможи. Ему 80 лет; более сорока отправляет он сию должность, служивши при трех государях.

Шах еще при жизни Садр-Азама захватил часть его имения и объявлен полным наследником по смерти. Он назначил дочь его в жены одному из своих сыновей. Ей теперь не более 10 лет, но уже другой год, как лишилась своего жениха. Шах однако же, не теряя времени, заменил его другим, и сей несчастной нет спасения; ибо у шаха 70 сыновей и в таком количестве выбор не затруднителен. Хитрый сей вельможа сделал мне приветливый прием, осыпал обыкновенными вежливостями. Из учтивости должен я был платить тем же, и, чтобы расположить его более к себе, я стал показывать удивление к высоким его качествам и добродетелям. Старик принял лесть за настоящую правду, и я снискал доверие к моему простосердечию; свел с ним зна-

комство, просил его наставления, как умного, опытного и мудрого человека, и уверял, что, руководимый им, я не могу не сделать полезного. В знак большей к нему приверженности я назвал его отцом и, как покорный сын, обещал ему откровенно говорить обо всем. Когда мне невыгодно было трактовать с ним, как с верховным визирем, я обращался к нему, как к отцу; а когда надобно было возражать ему или даже постращать, то, храня почтение как сын, я облакался во образ посла. Сею эгидою покрывал я себя в одних крайних случаях и всегда выходил торжествующий. Я, однако же, частым употреблением сего средства не хотел истощевать его действия. Великий визирь сделал мне также посещение.

31 июля. Шах дал мне приемную аудиенцию. Для сего назначена была близ дворца поставленная палатка. Церемониал сделан был для меня отличный, против всех бывших прежде иностранных послов. На всех послов надевались красные чулки и вводили их без туфель, я же вошел просто в сапогах, и принято было за особое угождение с моей стороны,

что один из лакеев моих, за 100 шагов не доходя палатки, стер пыль с моих сапог. Прочим послам поставляли кресла на каменном помосте под наружным наметом палатки; мне же против трона и на том же ковре, на котором стоял трон; около меня стояли два советника посольства. Смешны мне были сии мелочи, но в звании моем не мог я не наблюдать их и не желать отличного от предместников приема. В назначенный час для аудиенции прислан был пригласить меня на оную второй генерал-адъютант шаха. От ставки моей и до дворца, по обеим сторонам дороги, поставлена была регулярная пехота.

Гордость персидская изобрела обыкновение, что входящий в комнату не сразу на себя обращает внимание хозяина и тех, кои вместе с ним, как пройдя половину комнаты, и тогда только присутствующие встают с места. Таким образом принял меня Садр-Азам. Точно так же принял и я его. Здесь, в палатке телохранителей, я ожидал испытать ту же встречу, и потому, войдя в оную, я ни малейшего не обратил внимания на тех, кои там в ожидании меня находились и которые точно си-

дели, со стульев не вставая. Я избрал ближайший стул, на другом преспокойным образом расположил свою шляпу и перчатки и начал заниматься размещением моих чиновников. Генерал-адъютант[120] шаха подбежал ко мне и начал упрашивать, чтобы сел я на первое место в палатке. Я не встал со стула, несколько минут заставил его постоять перед собою, наконец согласился сесть на предлагаемое место. Подали кофе, чай и кальяны и вскоре потребовали меня к шаху.

Шах приветствовал всех самым благоклонным и приятным образом, но в разговорах с некоторыми из офицеров не умел скрыть чрезвычайной гордости, которая мне показалась добрым предвещанием для дел моих, в чем я весьма обманулся. Аудиенция продолжалась не более часа, и я отправился домой...

3 августа. Я призван был к нему во дворец; а прочие офицеры, которых не мог я всех представить в первый раз, ожидали в палатке, где расставлены были подарки. Шах, недолго удержав меня у себя, попросил меня

показать ему подарки и сказал, что, совершив обыкновенную свою молитву, он не замедлит явиться и долго ждать меня не заставит. Менее нежели чрез час он пришел, восхищен был подарками, удивляясь многим вещам, а паче зеркалам изумительным по величине, и говорил, что легче иметь миллионы и что он им предпочел бы сии подарки; был чрезвычайно весел, шутил весьма приятным образом и, взявши рюмку, сказал, что кристалл так превосходно выработан, что может дать охоту употреблять вино. Словом, не упускал ни одного пристойного случая сказать насчет внимания государя императора самые лестные приветствия. По выходе из палатки, спустя некоторое время, просил, чтобы я представил офицеров, и, не соблюдая никакой пышной наружности, обошелся с ними самым простым образом. Сим кончилась вторая аудиенция, и шах говорил после всем, что он чрезвычайно доволен мною и что пред государем нельзя быть более почтительным, чем я.

Отдав подарки шаху первому, отослал я также присланные от императора некоторым

из сыновей его и другим вельможам. Потом, боясь потерять напрасно время, объяснился я с Садр-Азамом словесно, что нужно приступить к делу, и условился, чтобы сообщать один другому на бумаге. Ибо много раз испытано предвестниками моими, что персияне не считают за стыд или бесчестие утверждать противное тому, с чем уже совершенно согласились, или божиться, что не сказали того, о чем даже публично говорили. Не хотелось мне первому начать бумагою, но, приметив, что они с намерением медлят, того выжидая, я, взяв за предлог разговор с Садр-Азамом, вызвался первоначально сам, совершенно пустою бумагою, дабы завязать переписку. Все нужные по делам бумаги писаны собственною моею рукою, и сию предосторожность взял я потому, что обстоятельства были немного затруднительны; то, чтобы ответственность на одном мне возлежала, а чтобы несправедливо не были сделаны упреки другому в неосмотрительности, непредвидении и даже самом незнании.

Будучи сам[121] военным человеком, никогда не имел я в предмете подобных поруче-

ний и потому никогда не приутоговлял себя к таким должностям, следовательно, и погрешности в них не могут для меня быть постыдными, ибо происходят от новости предмета, отнюдь не от недостатка усердия или нехотения добра; (сим новым занятием, по счастью моему временным, знаю я, что не сделаю себе имени; и потому не входит в расчет мой скрывать мои ошибки)[122]. Я говорю о них и охотно над собою смеяться буду[123].

Главнейший предмет дел моих был тот, чтоб удержать за нами области, которых возвращения столько усиленно домогалась Персия; отказ сам по себе уже неприятен, а нам еще надобно было не только сохранить, но утвердить связь дружества. Итак, избрал я пути лести и похвалы шаху и на словах и на письме, и сей способ, впрочем в отношении к царям весьма обыкновенный, вреда никакого не делающий, принес немалую мне пользу.

Начались наконец переговоры о делах, и Садр-Азам обещал мне несколько конференций; первая, которую я имел и где предложил я объясниться решительно, заставила его потерять охоту к прочим и окончилась одной.

Я в последний раз сказал им, что я, как главнокомандующий в Грузии, сделал обозрение границ, и донес императору, что ни малейшей уступки сделать невозможно, что государь, дав мне власть говорить его именем, непременно то же скажет в подтверждение; а чтобы более уверились они, что я не переменяю мнения моего, то сказал я им, что если во сне увижу, что им отдают земли, то, конечно, не проснусь во века. Я заметил, что объяснение было несколько вразумительно[124], ибо после сего слабо были повторяемы требования.

На сей конференции не знаю, каким образом наклонился[125] разговор насчет каймака Мирза-Безюрга, второго министра в государстве, которому шах вверил управление Азербиджаном и прочими смежными с нами провинциями, кои поручены Аббас-Мирзе, любимому сыну, наименованному наследником престола. Сей министр, явно нам недоброжелательствующий, худо расположил меня к себе в проезд мой чрез Тавриз, и я имел к нему не меньшую ненависть.

Я объявил Садр-Азаму и Мирза-Абдул-Ваха-

бу, что злоба каймакама против русских может иметь печальные следствия для Персии, что сей подлый мошенник[126] будет причиною разрыва дружбы и многих слез ваших; но будет жалеть, и поздно, что он не только не способствует утверждению доброго согласия, напротив, вымышляя самые гнуснейшие нелепости, возбуждает против нас народы пограничных Персии областей.

Оба министра на сей панегирик не осмеливались возражать ни слова; ибо я брал на себя доказать подлые его поступки; невозможно им было защищать его, ибо каждый из них если не в сем случае, то, всеконечно, в других делах (?) и знал, что подобные мерзости и ругательства против каймакама были общий всем приговор[127]. Вот новый способ трактовать о делах государственных и тот, который помог мне удалить сего подлого мошенника от участия в конференциях.

16 августа получил я от Мирзы-Шефи бумагу, которою объявлено было, что шах приязнь государя императора предпочитает пользе, которую мог бы получить от приобретения земель.

2 августа шах, поехавши один раз на охоту, приказал в отсутствие свое показать мне свои сокровища. Я был приглашен и со мною все офицеры. Мы видели алмаз такой величины, которому, может быть, нет подобного в свете; видели несколько других, каковых мало кто имеет из царей, цветных камней множество и чрезвычайной величины. Чиновник, показывающий их, уверял, что большая часть сих сокровищ обыкновенно остается в Тегеране, но что шах берет с собою весьма немногие. Нельзя усомниться, чтобы не было их более того, что нам показывали; известно однако же, что он имеет с собою драгоценнейшие, не вверяя их никому другому, кроме одного евнуха, который всегда с ним неразлучен и который в дороге имеет их на себе.

В Персии не один был пример, что кто обладает сокровищами, в руках того может быть престол персидский, и потому ныне царствующий шах, услышавши о смерти своего дяди Али[128]-Магмедхана, весьма хорошо знал, что надобно поспешнее захватить сокровища, бывшие в Тегеране. Хранивший со-

кровища был человек ему преданный, шах имел хороших лошадей и потому прибыл в пять дней из Шираза в Тегеран. Здесь не всегда нужны права более основательные. В государстве, какое есть Персия, где столько людей незаконными путями всходили на трон, где столько соблазнительных примеров для предприимчивого человека, жаждущего владычествования, где нет законов, правил чести, где и самая вера не сильным служит обуздателем и часто искусными толкователями получает направление, льстящее страстям, – там нет беспечия для царствующего и до следующего дня не простираются надежды [129].

На другой день я был приглашен к шаху, и он мне упомянул о том разговоре. Никто не мог ожидать, чтобы шах в виде шутки стал бы мне выговаривать самым любезным образом о том, что обманулся он в своих ожиданиях и что не исполнились надежды, которые питал он в продолжение столького времени. Обратясь к зятю своему, он сказал: «Взгляни на посла! Как ему совестно, что не исполнил моего желания, но да я, с моей стороны, готов

сделать все угодное его государю. Он не говорит ни слова и не имеет что сказать против этого. Но я в дружбе всем жертвую охотно».

Многое другое говорил он в этом тоне и спросил меня, перескажу ли я государю; я отвечал, что обо всем донесу непременно и прибавлю к тому, что его величество шах говорил мне о том самым благосклонным образом, что в глазах его не было не только ни малейшего негодования, но, напротив, прочел я в них намерение шаха всегда быть истинным другом русских. Он восхищен был ответом [130].

Вскоре после сего имел я отпускную аудиенцию со всеми вместе офицерами. Церемониал оной был тот же, как и первой аудиенции. Шах был чрезвычайно ко всем благосклонен и непременно каждому сказал самые приятнейшие приветствия, так что все остались весьма чувствительными к его лестному вниманию. Мне собственноручно отдал ответ на письмо императора, сказав, что он столько ко мне расположен, что язык его не хочет произнести, что он со мной прощается. (Я истине расстался с ним с сожалением.) За

день до прощания мне и всем чиновникам посольства присланы были ордена Льва и Солнца и подарки и я представился шаху в его ордене, что принято им было с особенным удовольствием.

Незадолго перед сим, по просьбе Мирзы-Шефи и Мирзы-Абдул-Вахаба, согласился я прекратить неудовольствие мое на каймакама. Мирза-Шефи пригласил меня к себе, и там нашел я каймакама, уже предупрежденного, что я готов все забыть и быть приятелем. Мы согласились без объяснения и уверяли один другого в дружбе, которой между нами никогда быть не может. От обеих сторон были одинаковы чувства и степень доверия к обещаниям, но всему даны были самые благовидные наружности. Шах весьма был тем доволен, ибо он досадовал, что каймакам мог дать мне причину к неудовольствию, и жалел, что я трактовал его как каналью. Каймакам тотчас сделал мне посещение, и я у него был также, и виделись всякий день как приятели.

Когда я приглашался обедать, всегда выпрашиваемы были мои приборы и стаканы [131]; и тогда как персияне всегда едят на ков-

рах, по земле посланных[132], нам делались широкие столы, на коих ставилось бесчисленное множество блюд, ибо для каждого особенное есть кушанье и никогда одно из них не служит для двух человек. Посреди стола оставляется прохожая дорога, на которой является прислуга, предупреждающая желания ваши: понравилось ли вам кушанье? Тут готова уже услужливая рука и, отрывая часть мяса, кладет пред вами на тарелку. Хотите ли вы жирного пилава, которого белизна, подобная снегу, восхищает вкус ваш? Уже касается его рука, и цвет кирпичный, которым она выкрашена, и красные ногти, редко обрезаемые, сочетаются с белизною пшена, и служащий вам гордится мыслию, что удвоит наслаждение ваше. Вдруг вы видите ту же самую руку, богатую[133] остатками пилава, вырывающую внутренность арбуза к вашим услугам. По счастью нашему, руки сии не всегда мешаются в распоряжение жидкостей, ибо изобретательный ум персиян создал для того деревянные ложки.

Я забыл сказать, как прислуга является посреди стола[134]. Она входит после того, как

уже каждый занял за столом свое место, и плечо ваше служит ей опорой. Если не уклонили вы головы, через нее переступают без затруднения, и длинные полы безобразной персидской одежды скрывают вас от глаз товарищей. Едва проглянули вы, как уже другой подобный покров вас затмевает. За таким столом можно обедать, что никто подозревать не будет, что вы приглашены были[135]. Не знаю я, принадлежит ли сие к роскоши восточной, о которой столько слышим мы баснословных рассказов.

Не вспомнил у места сказать об одном странном случившемся со мною происшествии. Зван будучи на обед[136] к министру Низаму-Довла[137], был я принят с чрезвычайною вежливостью, отличающею сего вельможу во всех его поступках[138]. Он взял меня по-приятельски за руку, чтобы провести в другую палату, где приуготовлен был обед, и стал престранным образом перебирать пальцы на левой руке моей. Я позволил ему сию забаву, думая, что в восточных обычаях значит то изъявление приязни; но вдруг почувствовал я на одном пальце ужасной вели-

чины перстень. Я оторвал руку и объяснил ему, что подобных подарков и таким образом предложенных я не принимаю и что завтра ему могу удобнее сказать тому причину. Хозяин принял сие за величайшую обиду, и, конечно, если бы мог он за обедом сидеть со мною рядом, то он пустился бы на другое какое предприятие. Но меня спас высокий мой чин, ибо по приличию должен он был место возле меня предложить людям знатнейшим.

В продолжение, однако же, обеда он не переставал пересылаться чрез переводчика, что если я не могу иметь перстня, то он предложит мне неоправленный камень, и я расстался с ним, никак не будучи в состоянии истолковать, что можно отказаться от приобретения драгоценного подарка. На другой день показывал он переводчику моему необыкновенной величины синий яхонт, с которым он намерен сделать на меня наступление, но я избавился, угрожая прерванием дружбы. Точно таким образом верховный визирь[139] Мирза-Шефи одному из английских послов подарил перстень, и англичанин не устыдил его отказом.

Конечно, обстоятельно рассмотревши достоинство камня, приятно мне по крайней мере думать, что персияне поступок мой не приняли в виде корыстолюбия, чего об английском после они не говорили, ибо бесстыдно[140] развязывали, что он весьма богатую сумму вывез с собою подарков. Верховный визирь Мирза-Шефи[141] на другой день также прислал мне в подарок жемчуги, но я равномерно и от них отказался. Сей вельможа не вынуждал на принятие их моего согласия, напротив воспользовался именем моим, чтобы достать от других дорогих лошадей, известных красотою в Персии, будто мне в подарок. А вместо их прислал мне не тех[142] лошадей, а их удержал у себя. Он, кажется, отмщевал за похищение у него шахом подарков, от Государя императора ему присланных, которые у него взял он, даже не выждавши выезда моего из Султанин.

Такими способами собираются в Персии сокровища государственные. За них в замену обыкновенно ничего не предлагается, кроме всемилостивейшего подтверждения о скромности, чтоб о том ни слова произносимо не

было никогда. Шах, отечески (снисходя) нередко испытует в сей добродетели. Вельможи в свою очередь низкого состояния людей приучают к презрению богатств, и так до самого простого народа, которому, если и остается кусок железа, и тот безрадостная судьба изковывает в цепи рабства и редко в острый меч на отмщение угнетения.

30 августа праздновали мы в городе Зенгане день именин государя. Здесь все казалось нам в новом виде, — два месяца жаркого и неприятного времени проведя в палатках. Здесь отвели нам весьма хороший дом. Отсутствие управляющего[143] Шах-Зады и с ним всех властей дало свободу жителям, и в первый раз видели мы множество женщин, которые смели не закрываться. Я вступил в управление полицией и запретил стогнать их с крышек, что здесь обыкновенно делается весьма простым и легким образом, т. е. камень в голову или в лицо.

Я думаю, что я был первый столько явный защитник прекрасного пола в земле мусульманской. Удел женщин есть сердце чувстви-

тельное, и я видел сожаление их, что не могут доказать своей благодарности. Сему препятствовали, сколько приметить можно было [144], и, как кажется, от некоторой благоразумной осторожности, дабы незнание языка не заставило изобрести другое средство к объяснению. (Но что может удержать стремление сердца и добродетели, каковою, без сомнения, должна быть почтена благодарность, и я бы мог сказать один пример... Но я говорю о Зенгане.)

Музыка наша привлекала тьму слушателей, которые находили ее весьма приятною. Слух их никогда не поражали звуки стройные, и нежная музыка в Персии такова, что наша волынка (и реле) могли бы занимать важное между инструментами место. Предпочтение[145]дается трубе и бубнам. Мне не случилось слушать ни одного даже голоса хотя несколько сносного: щегольство в пении и высокое искусство состоит в ужасном во все горло крике, самыми дикими оборотами голоса. Такова музыка самого шаха, которой все удивляются, и меня спрашивали, есть ли у нас такое искусство и столько чувствами об-

ладающая музыка[146], для персиян крик ослов ничего не имеет противного; жаль, что непонятен язык ослов, можно бы наведаться и о мелодии.

3 сентября. Растах. Англичане, бывшие в Султанин, приехали, дабы предупредить нас, в Тавриз; они представили письмо мне от Садр-Азама, исполненное отчаяния после разлуки со мною, в котором уверяет, что он чувствует приближение свое ко гробу с тех пор, как лишился надежды увидеться со мною. Я должен был отвечать такими же нелепостями и чувствовал, что мы не так легко сие делать умеем. Между европейцами иногда и нередко непонятное относится к выпрrenнему (*sublime*), и несколько у места точек, как будто вмещающих сокровенный смысл, выводят из затруднения. Но с персиянами того делать невозможно, они сих тонкостей не понимают и требуют, чтобы все непременно дописано было.

Итак, должно было отвечать в восточном вкусе, что «со дня разлуки солнце печально освещает природу, увяли розы и припахива-

ют полынью, (что) померк свет в глазах моих и (что) как я обратился спиною к тем местам, которые украшает он присутствием своим, то глаза мои, единым зрением оных насыщаясь, желают переселиться в затылок».

Я не оспаривал в нем чувства приближения к гробу, ибо казалось мне несколько неловким хвалить цветущую молодость в человеке около 90 лет. Не правда ли, что по обыкновению нашему можно было некоторую часть письма заменить точками, и в том немного было бы потери, персияне долго еще лишены будут сих выгод.

9. Город Тавриз... Лишь только приехал я в дом каймакама, отведенный мне, первое, что услышал, был наглый поступок одного, служащего в войске Аббас-Мирзы, французского офицера г. Мерше, называющегося полковником Наполеоновой гвардии и кавалером Почетного легиона. Он музыкантам свиты моей не только не позволил занять назначенную им на одном дворе с ним квартиру, но выгнал их вон и осмелился дать одному два удара саблею.

Я послал сказать Аббас-Мирзе, что я прошу удовлетворения, а что я не могу снести подобной наглости. Он тотчас прислал чиновника уверить меня, что он наказан будет, но когда я потребовал, чтобы со стороны моей был тому свидетель, то заметил, что намерены были меня обмануть. Я послал тотчас своего адъютанта[147] и шесть человек гренадер взять француза под караул; а как его не застали дома, то велел его дожидаться (и тем из музыкантов, которых он дерзнул обидеть, наказать его плетьюми)[148].

Г. Мерше пришел в квартиру, и, когда спросили его, как он смел сделать такой поступок, он хотел продолжать дерзости, но [149] его сбили с ног ловким ударом в щеку и, разложив, висекли плетьюми. А саблю взяв, отослал я к наследнику и объяснил притом, что мне приятно надеяться, что подобный подлец в службе его терпим не будет. Ответ дан мне был, что он выгнан будет из города, саблю, однако же, не приняли, ибо, предупрежден будучи, Аббас-Мирза спасся в своем гареме, чтобы не допустить моего посланного.

На другой день дана была мне аудиенция,

(и я увидел действие шахского фирмана, ибо не смели никаких предложить условий о церемониале), я и чиновники посольства введены были в комнату, поставлены мне были кресла; для поднесения подарков Государя императора имел я другое свидание, и приветствие и вежливости взаимно расточаемы были без пощады. Вскоре после сего приглашен я к Аббас-Мирзе.

После обеда разговор был продолжительный о разных предметах, и коснулось до того, что как я требую возвращения пленных и беглых, то не должен досадовать, если многие из них не объявят согласия возвратиться, что ему, говорил он, гораздо прискорбнее должно быть, что целые области, Персии принадлежащие, в руках наших и он на то не жалуется [150]. Я весьма учтиво отвечал ему, что когда его величество, шах, рассудил за благо не требовать их из уважения к доброй дружбе и благорасположению Государя императора, то уже не приличествует нам обоим никакое суждение о том; в рассуждении же принадлежности Персии тех областей я присоединил, что это легко тем доказывается, что они

всегда признавали себя независимыми и что, не будучи покорены российским оружием, добровольно прибегли под покровительство императора. Если бы покровительствовали они Персии[151], то могли ли они по произволу своему располагать собою.

Если ваше высочество почитаете их потому принадлежащими, что шах Надир вносил в них оружие, то не всегда те земли, которые в продолжение войны временно занимаются войсками, навсегда остаются покоренными, и сему тот же шах Надир может служить примером; ибо когда оставил он часть войск своих в Дагестане и с главными силами удалился, то жители тех стран, не желая покорствоваться власти его, напали на оставленные войска и их истребили.

Обратимся еще к ближайшим временам, сказал я ему: Ага-Махмед-хан, родственник [152] ваш, каким образом осаждал Шуму, собственную крепость? ибо вы считаете ханство Карабахское вам принадлежащим; (какой же подвластный хан защищался против своего государя?) Он отвечал мне, что имеющиеся в ханствах грамоты шахов и персидская монета

могут служить доказательством, что Персия простирала владычество свое на сии земли. Я возразил, что грамоты не могут быть доказательством, особливо в то время данные, когда боязнь и страх выпрашивали оные у власти (насильственной и) незаконной, что монету [153] бьют и теперь такие земли, которые Персии не принадлежат.

Аббас-Мирза сказал мне, что он, конечно, лучше знает историю своей земли, нежели я. Я отвечал, что не смею спорить в том, что [154] я не хуже знаю историю тех стран, которых Персия в себе не заключала, как, например, Азербиджанской области и самого Тавриза, в котором вы теперь имеете пребывание; шах Аббас Великий взял его от турок, присоединил и умел удержать во власти Персии, но в то же время трудно согласить меня, что афганцы и Индия должны принадлежать Персии потому, что шах Надир был там с войсками, точно как был он в Карабахе и Дагестане [155]. И того и другого завоевания Персия по причине внутренних беспокойств сохранить была не в состоянии, а потому народы, уразумевшие возможность возвратить поте-

рянную независимость, воспользовались обстоятельствами и восстали против насилия и угнетения. Россия впоследствии приняла эти независимые области под свое покровительство. Они клялись в верности государю, который подданных своих без защиты не оставляет.

Аббас-Мирзе неприятен был сей разговор, и он старался доказать мне, что я несправедливо о том рассуждаю, и возражения свои начал сопровождать некоторою горячностью. Я заметил ему, что можно оставить этот разговор, но что я справедливую сторону привык защищать смело и что ежели здесь не в обыкновении рассуждать свободно, то я еще не успел сделать к тому привычки. Он говорил мне, что не полагает, чтоб обязанность посла состояла в том, чтоб упрекать его в присвоении власти и оспаривать его коренные права. Я отвечал, что должность моя и в том заключаться не может, чтобы то, что по всем правам принадлежит нам, согласиться принять от них в виде снисхождения.

На другой день пристав при посольстве [156] предупредил меня, что Аббас-Мирза же-

лает меня звать обедать. Я знал этикет персидский, что, как шах, и сыновья его никогда не обедают как одни, а все прочие угащаются особенно. Поблагодарив за приглашение, я объяснился, что мне, как послу, неприлично быть призвану для накормления, тогда как невозможно быть вместе за столом с Аббас-Мирзою. Меня хотели убедить, что все до меня то делали, но я не согласился.

Аббас-Мирза, угождая мне, избрал новое средство. В обеденное время позван я был в загородный его дом, с моею свитой, где мы нашли его занимающегося устройством сада. Погуляв с нами некоторое время, он пригласил меня и обоих советников в беседку, будто имея нечто говорить со мною, а одному из знатнейших чиновников поручил заниматься с остальными лицами моей свиты. Разговор со мною начался извинениями в том, что говорил накануне с некоторою горячностью и делал, может быть, неприятные мне возражения. Я отвечал ему, что сам прошу извинения, если неуместно был чистосердечен и не умел в рассуждениях своих забыть того, что я посол российского императора.

Он признался мне, что его тронуло сделанное мною замечание, что и самый Тавриз не есть древняя принадлежность Персии, но полученное от турок приобретение. После того он сказал: если посол сильного Государя рассуждает таким образом, то я и в столице своей не должен почитать себя в безопасности. «Мне легко отвечать на сие вашему высочеству и совершенно оправдаться. Если можно винить государство в сделанных завоеваниях, то ни одно не заслуживает столько упреков за то, как Россия. Покорение Персией Адербиджанской области не иначе относиться может как к славе ее».

В продолжение разговора мы оба сидели в креслах; после сего пред ним и предо мною поставили столы и закуски. Это был первый пример, что сын шаха, а что еще более, наследник престола обедал в одной комнате и в одно время с кем-либо, а паче с иностранцем. Я принял сие знаком особенного уважения, но еще более удивлен был, когда, встав из-за стола, говорил он слишком час без соблюдения всяких церемоний: в знак, что между нами не должно быть никакого неудовольствия,

он подал мне руку и мы приятельски пожали один другому руку. Чиновники мои также были приятельски угаживаемы особенно, в саду. Сей род вежливости со стороны Аббас-Мирзы был свыше всякого ожидания.

Аббас-Мирза постигает необходимость в ученых офицерах, и потому несколько молодых людей знатнейшего рода обучаются в Англии на его иждивении. Чем оправдаются [157] многие из европейских держав, если со временем в Персии образование военных людей будет тщательнейшее. Соседи не должны взирать с равнодушием на сии предприятия, изведав в народе отличную способность к подражанию. Знатные люди из опасения, чтобы преимущества и награды, доселе переходившие от отца к сыну, не сделались наградой достойнейшего, будут стараться затруднять, по возможности, успехи просвещения. У всех знатных сего мира обнаруживается та же боязнь. Еще не мало препятствовать будут обстоятельства, отдавшие образование персиян в руки англичан, которых сухой и холодный характер из пламенного свойства персиян неудобен извлекать всех возможных

средств. Грубое обращение их мертвит добрую волю персиян; малое снисхождение к недостаткам их порождает злобу. Если бы французы были в Персии столько времени, как англичане, с их искусством возжигать честолюбие, давать наклонностям согласное с намерением направление, Персия недавно уже была бы на себя не похожа. (Каким быстрым ходом приблизили бы они военные звания (?), простейшими правилами, из обширной опытности извлеченными. Персиян надобно увлекать обольщениями, лаская страсти их, льстя самолюбию, и тогда можно давать волю им.)[158]

Французы были короткое время в Персии и оставили о себе приятнейшие воспоминания. Англичане большими деньгами перекупили себе расположение персидских министров и самого шаха, но в памяти народа не изгладили французов и в мнении о достоинствах далеко остались позади их и никогда не сравнятся.

Дела, о которых я должен был рассуждать с каймакамом, шли своим порядком. Мы условились о времени для начертания гра-

ниц между обеими державами, и все между нами происходило самым приятельским образом; но когда коснулись до возвращения пленных и тех из беглых наших солдат, которые сами того поддают, каймакам, слывающий праведником, начал употреблять все мошенничества и уловки. (Я объяснил ему, что сколько ни почитается он за мудрого, но в деле столь ясном один он думает, что может обмануть)[159], прибегая к божбе и клятве Ал-Кораном.

Рассказывайте то ребятам, говорил я ему: неужели я не вижу, что столь же трудно вам произнести клятвы, сколько для меня понюхать табаку. Неужели возможным почитаете скрыть злодейства и подлые поступки с русскими пленными? Не удерживаете ли вы теперь насильственно тех, которые желают возвратиться? Разве не заключаете вы их в темницу, боясь, чтобы не объявили они мне о своем желании. Не дерзайте говорить более, ибо сегодня один из сих несчастных, обманув стражу, бросился с крыши к стоящему у обоза русскому караулу. Он в моих руках, и я, сняв с него показание под присягою, опубликую бес-

честное и гнусное ваше поведение. Если в первый раз жизни вашей вы слышите человека, говорящего вам и о вас самих правду, и она вам неприятна, дерзните заставить меня молчать. Нас здесь 200 человек. Вы в столице наследника престола и среди войск ваших, прибавьте еще к ним 100 батальонов, и я не лучше буду уважать вас. Предупредите вашего наследника, что, если во дворце его я увижу в числе его телохранителей русского солдата, невзирая на его присутствие, возьму за грудь его и вырву от вас...

Каймакам был в величайшем смятении, тем более что несколько свидетелей видели, как обращаются с вельможею, которого все трепещут. Он упрекал меня, что я поступаю насильственно и не хочу выслушать оправдания. Я решился слушать, но как он по обыкновению своему начал от сотворения мира, то я посоветовал ему оставить пустые рассказы и говорить дело, буде может, или по крайней мере отвечать на вопросы. (Опять была ужасная схватка, и я его уничтожил совершенно.)

[160]

Я спросил его, что столько привязывает его

к нашим беглым? Он отвечал мне, что Аббас-Мирза имеет к ним большую доверенность, составил из них внутреннюю свою стражу и вверил им особу свою. Следовательно, сказал я ему, недостает только того, чтоб отличная сия гвардия проложила ему путь к престолу персидскому, чего я, как добрый союзник, весьма желаю. Я надеюсь, господин каймакам, что вы согласитесь с тем, что о подобных происшествиях необходимо знать главнокомандующему в Грузии, как ближайшему соседу. Прекратив таким образом разговор, я с ним расстался.

Еще было одно, в таком же роде, дружеское свидание. Имел я прощальную аудиенцию у Аббас-Мирзы и вместе со мною были многие из чиновников. Он принял нас с возможною вежливостью, говорил мне, что он уверен, что я остаюсь всем доволен и, конечно, не увожу с собою ни малейшей неприятности, что[161] каймакамом донесено ему о согласии моем оставить чиновника, для отобрания показания от пленных и беглых, желающих возвратиться. Уверения в искренности были взаимные, и, кажется, сей трактат

доброе согласие и дружбы обязались мы сохранить и в будущей жизни. С персиянами к подобным условиям надобно приступать без затруднения, страшиться будущей жизни не должно, ибо редкий из персиян в настоящей жизни не изменит своим обязанностям[162].

(Всегда бестрепетно призывал я в свидетели великого пророка Магомета и снискивал доверенность к обещанием моим, ибо[163]) я уверил, что предки мои были татары, что весьма еще недавно ближайшие родные мои переменили закон. Им приятно было думать, что во мне кровь мусульманская. Я выдал себя за потомка Чингисхана[164] и нередко, рассуждая с ними о превратностях судьбы, удивлялся их замечаниями моими, что я нахожусь послом в той самой земле, где владычествовали мои предки, где все покорствовало страшному их оружию, и утверждаю мир, будучи послом народа, нас победившего. О сем доведено было и до шаха, и он с уважением[165] смотрел на потомка столь ужасного завоевателя.

Доказательством происхождения моего служил бывший в числе чиновников посоль-

ства, двоюродный брат мой, полковник Ермолов, которому, по счастью для меня, природа создала черные подслеповатые глаза и, выдвинув вперед скуластые щеки, расширила лицо наподобие калмыцкого. Шаху донесено было о сих явных признаках моей природы, и он приказал его показать себе. Один из вельможей спросил меня, есть ли у меня родословная? Решительный ответ, что она сохраняется у старшего в нашей фамилии, утвердил навсегда принадлежность мою к Чингисхану.

Однажды я даже намекнул, что могу отыскивать права на персидский престол, но заметил, что персияне подобными шутками не любят забавляться. В народе же столько легковерном и частыми переменами привыкшем к непостоянству шутка сия может иметь важные следствия. В случае войны потомок Чингисхана, начальствуя сам над непобедимыми российскими войсками, может иметь на народ великое влияние.

Простясь с Аббас-Мирзою и приготовив все к отъезду будущего дня, оставалось мне в последний раз видеться с каймакамом. Поутру

был я у него, и, когда требовал он, чтобы по условию оставил я чиновника для изведения от пленных и беглых о желании их возвратиться, я отказал; ибо в ту самую ночь, боясь, чтобы русские солдаты, узнав о выезде моем, не явились ко мне, не только посадили их под караул, но некоторым надели колодки на ноги.

Я представил всю гнусность поступка и, разругав каймакама, как человека бесчестного, хотел только отправиться в путь, как Аббас – Мирза прислал пригласить меня к себе, вероятно узнавши о том, что у меня с каймаком происходило. Я извинился, что, будучи одет по дорожному, не смею к нему представиться, что с самого утра отправлены мои экипажи и я не имею с собою другой одежды. Каймакам старался меня уверить, что все будет сделано в мое угодение, что я не буду иметь причины роптать и что они, для оправдания своего, просят, чтоб я оставил чиновника. Я отвечал, что обманут быть не хочу, а жалею, что прежде позволял столь нагло себя обманывать, – и уехал.

День выезда из Тавриза был один из при-

ятнейших в моей жизни. Я ждал его с нетерпением, ибо смертельно наскучило мне беспрерывное притворство, одни и те же уверения в дружбе тех, которые очевидно желают вам зла и скрыть не могут к нам своей ненависти. Бесконечные повторения самых мучительных приветствий, которые по всему государству как будто отданы при пароле, утомили меня до крайности. Вырвался я наконец из сего ненавистного места, которое я не иначе соглашусь увидеть, как с оружием в руках, для разорения гнезда всех враждующих нам. Здесь в образе каймакама предсидит коварство в сонме всех злодеяний и нечестия, и уста его изрекают закон, развязующий все преступления. Аббас – Мирза (образовавшему юность его) отдал полную власть и в простоте своей служит орудием злодейств его. Природа не дала ему персидских наклонностей, но с ребячества, будучи свидетелем всякого рода неистовств, согласовал он с ними свои правила и готов на все бесчестные деяния.

Город Нахичевань. Здесь с удовольствием увидел я слепого хана, ибо он один во всей силе чувствует гнусность правления, которому

крайность одна заставляет повиноваться. «Последние дни жизни моей, – говорил он, – успокою я под сильною защитой оружия вашего. Некоторое предчувствие меня в том уверяет, ибо, зная персиян, не полагаюсь я на прочность дружбы, которую вы столько утвердить старались; я не сомневаюсь, что или они нарушат оную своим вероломством, или вас заставят нарушить ее, вынуждая мстить за вероломство».

2 октября. Урочище Баш-Апаран. Граница российская в стороне Персии. Далеко не доезжая, встречен я был командою донских казаков, высланных для конвоя. Вскоре после сего, на возвышении усмотрели мы развевающие знамена храбрых войск наших. Удовольствие мое было свыше всякого выражения, и теперь не вспоминаю я о том равнодушно. Далеки были от меня горделивые помышления, что я начальствую в странах сих, что мне повинуются страшные сии войска. Я стал бы в рядах сих храбрых воинов, и товарищем их в равном с ними состоянии я нашел бы удовлетворение моей гордости. Нико-

гда неразлучно со мною чувство, что я россиянин.

Тебе, Персия, не дерзающая расторгнуть оковы поноснейшего рабства, которые налагает ненасытимая власть, никаких пределов не признающая; где подлые народа свойства уничтожают достоинство человека и отъемлют познание прав его; где вера научает злодеянием, дела добрые не получают возмездия; где нет законов, преграждающих своевольство и насилие; где обязанности каждого истолковываются раболепным угождением властителю; тебе, тебе посвящаю я ненависть мою и, отягчая проклятием, прорицаю падение твое.

10 октября. Город Тифлис. В то самое время возвратился я из Персии, в которое прошлого года приехал из Петербурга. С каких противоположных сторон! В какое непродолжительное время! Здесь нашел я бездну дел, и нет времени помышлять о сем журнале. Оканчиваю мои записки, которые писал я для того, чтобы прочесть как шутку друзьям моим или впоследствии привести на память происше-

ствия, которые странностью своею всегда казаться будут новыми.

Письмо А.П. Ермолова к графу А.А. Закревскому

«**Л**юбезный и почтеннейший
Арсений Андреевич!

С чудесною скоростью окончив дела мои в Персии и сходно с волею государя императора, возвращаюсь к половине будущего ноября в Тифлис.

Сначала приняли было меня ловко персияне, но кончилось тем, что я их застрадал так, что они отказались от конференций со мною и оставили все свои претензии по возвращение им земель завоеванных. Я вершка не уступил, хотя предоставлено мне было найти возможность сделать шаху угодное. Приходилось так, что я объявил министрам персидским, что если малейшую увижу я холодность или намерение прервать дружбу, то я, для достоинства России, не потерплю, чтоб они первые объявили войну, а тотчас потребую по Араксу и назначу день, когда приду в Тавриз.

Надо заметить, что это столичный город любимого сына, назначенного наследником. Угрюмая рожа моя всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить зубами за горло. К несчастью их, я заметил, что они того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, я действовал зверскою рожей, огромною своею фигурой, которая производила ужасное действие, и широким горлом, так что они убеждались, что не может же человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило до шаха известие, что я человек-зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отравлял его лестью, так что уже не смели ему говорить против меня, и он готов был обвинять того, кто мне угодить не может.

Не говори, брат Арсений, не раз случалось, что я, выхваляя редкие и высокие души его качества и уверяя, сколько я ему предан и тронут его совершенствами, призывал слезу на мои глаза и так и таял от умиления. На

другой день только и говорено было обо мне, что не было такого человека под солнцем. После чего не смел никто говорить против меня, и я с министрами поступал самовластным образом. Чего они не смели докладывать, я сам объявлял и до того довел шаха, что он, шутя и смеясь, расспрашивал, почему я ему никакой власти не отдаю. Сему поверить невозможно, чтоб о том предмете, которого исполнения ожидал он с таким нетерпением и так долго, мог он рассуждать равнодушно и даже с шуткой. Министры удивлялись сему происшествию и говорили, что я ворожея: вот могу оказать по справедливости, надул важно, но сие потому извинительно, что тут ничего не возможно сделать порядочным образом.

Теперь несколько спешу отправлением курьера, но из Тифлиса буду писать обстоятельнее, или если успею кончить собственный мой журнал, то лучше пришлю его, чтобы ты, когда свободно, прочитывал. При нем будут и все мои бумаги, которые все без исключения писал я собственною рукою, дабы никто не мог взять чего-либо на свой счет. Меня отправили, как невинного юношу, и дали мне на-

ставников, а я их оставил в покое и сам марал, как Бог положит по сердцу. Избави Бог, если б я последовал обыкновенному порядку, то мне бы сели персияне па плечи, а теперь я задаю такого страху, что думают, что довольно мне задумать о гибели Персии, то я сделаю, что и Государь не проведает, а его имя.

Здесь подлые англичане, живущие на жалованье персиян, в угождение им делали самые гнусные насчет нас внушения. Расскажи государю пресмешную, случившуюся со мною историю. Я приезжаю в Тавриз; один беглый француз, находившийся при лице Наполеона и в персидской службе полковником, осмелился двух моих музыкантов, поставленных на квартиру в доме, где он жил, ударить саблею и выгнать вон. Я послал требовать от наследника, чтобы француз был наказан за дерзость, мне обещали удовлетворение, но ничего не сделали. Я среди столицы, занятой большими персидскими силами, поставил свой караул, велел взять полковника наполеониста под стражу и обиженным музыкантам отместить за обиду. Он был наказан пощечиной и высечен розгами, а саблю его я отослал к

наследнику, и француз был тотчас исключен из службы и выгнан вон. Вот каким образом в бестолковой сей земле поступать надлежит, или иначе ни до чего не добьешься. Это не дипломатический поступок, по вполне удачный и решительный. Прощай, поклонись брату Василью и Кикину, буде они в Москве; из Тифлиса буду ко всем писать».

12 окт. 1817»[166].

Два письма великого князя Константина Павловича к А.П. Ермолову

I

«Варшава, 25 июня 1816.

Почтеннейший, любезнейший и храбрейший сотоварищ, Алексей Петрович!

Имел я удовольствие читать начертание ваше к единственному нашему Куруте[167], за которое благодарю весьма вас, патер Ермолов, видя в нем старое ваше ко мне расположение. Будьте уверены всегда в моих к вам чувствах дружбы и уважения. Поздравляю вас с новым вашим назначением и с доверен-

ностью, которую в сем случае оказал всеми-
лостивейший Государь император к заслугам
вашим. Признаюсь, что эта доверенность
штука не из последних, и во времена оной
сам бы Панероль и товарищи задумались, но
тут как он не опасен, то думаю, что великие
нынешнего века Кистепрене с большим удо-
вольствием узнают о сем. Ибо по словам ста-
рой пословицы: «Que tout chemin conduit a
Rome»[168]. Позже не сворачивали прогулять-
ся в месте расположения всегда богатых ар-
мий сухим путем. О посольстве вашем совсем
не удивляюсь. Я вам сказывал всегда и повто-
рял вам слова, что единственный Ермолов ге-
нерал на все, но, избави боже, отрыжка et
connu, toutes les extremities se touchent[169],
чтобы, по поводу путешествия вашего, не сде-
лалось с нашей стороны всеобщей прогулки
по частям чуждым. Шпанские мухи много пе-
ревели народу во Франции. Избави бог, чтобы
Персия тоже бы не перевела много православ-
ных, может бы, не утопила нам наших. Впро-
чем, все зависит от миссионерства наследни-
ка общества Грубера[170]. У нас все смирно и,
слава богу, хорошо дело идет вперед, но хло-

пот и работы много. Задних дверей у нас нет, и хотя вы и уверены, что я наследник Грубера, но в оправдание скажу вам, что для этого я слишком горяч, строг и откровенен. В доказательство чего прошу вас быть уверенным во всегдашнем моем к вам уважении и во всегдашней дружбе».

II

«Алексей Петрович!

На записку вашу, что Ермолов два года просит о переводе известного Граббе в гвардию, с тем чтоб он остался в команде начальника своего Дмитрия Дмитриевича, его высочество изволил обещать сделать. Дмитрий Дмитриевич обещал исполнить; великий князь и не такие делал милости; скажу вам, что я охотно бы исполнил ваше желание, но препятствие к тому состоит в том, что если его представить перевести в старую гвардию, то Государь изволит потребовать: был ли он в походе и сражении, какие оказал отличия? Ибо без этого ныне не переводят, а он, как известно, не был; в молодую же гвардию его перевести никакой нет для него выгоды, потому что Дворянского полка офицеры наравне с

оной пользуются одним чином против армии! Вот вам причины, в чем состоит остановка; но делать вам приятное есть для меня всегда большое удовольствие, и прошу вас верить в искреннем и совершенном моем к вам уважении и дружбе.

25 июня 1816 года»[171].

От А.П. Ермолова к хану Шекинскому

«Г-н генерал-майор хан Шекинский!
Едва я приехал сюда, как уже закидан просьбами на вас. Не хочу я верить им без исследования, ибо в каждой из них описаны действия, одному злонравному и жестокому человеку приличные. Я поручил удостовериться о всем том чиновнику, заслуживающему веры. Если точно откроет он те жестокости, которые совершены по воле вашей, что могут доказать оторванные щипцами носы и уши, то я приказал всех таковых несчастных поместить в доме вашем до тех пор, пока вы их не удовлетворите. Чиновника вашего, который бил одного жителя палками до того, что он умер, и тело его было брошено в ров, я приказал взять и, по учинении над

ним суда, будет лишен жизни. Советую вам, г-н генерал-майор хан Шекинский, быть осмотрительней в выборе чиновников, назначаемых для приведения в исполнение вашей воли; паче советую вам, чтобы воля ваша не была противна милосердию и великодушию государя, который управление ханством вверил вам совсем не в том намерении, чтобы народ, его населяющий, страдал в дни славного его царствования, и ручаюсь вам, что, если найду жалобы основательными, я научу вас лучше исполнять намерения всемилостивейшего вашего государя. Знайте, что я ни шутить, ни повторять своих приказаний не люблю».

Дневник А.П. Ермолова (1818–1826). Продолжение командования в Грузии до кончины императора Александра (в извлечении г- на С.)

1818, 5 апреля. Казбек. В октябре месяце об-
«рушился с гор Кавказских снеговой обвал,
какого не помнят старики. Сначала высота
его была в 50 саж. Почти на сутки остано-
влено было течение реки Терека.

8 мая. Темнолесская крепость. Осматривал
единственный казенный лес, истребленный
попечением обер-форстмейстеров.

18. Червленая станица. Сделаны пригото-
вления к движению. Составлен отряд из 2
батальонов 8-го егерского полка (по большей
части из рекрут), 2 батальонов 16-го егерского
полка, 1 батальона Троицкого и 1 батальона
Кабардинского пехотного полков, из 6 бата-

рей 8 легких и 6 конных орудий и 400 линейных и донских казаков. Число войск, по-здешнему, непреодолимое! Лагерь на Сушке. Заложена крепость, которая названа Грозною. Беспрестанные стычки с чеченцами.

Октябрь. Получен рапорт генерал-майора Пестеля о занятии города Башлы в Каракайтакской области. Глупое соображение! Слабый отряд среди многолюдного города, жителей неблагонамеренных, в местоположении самом невыгодном.

6. Прохладная, селение. Собраны владельцы и уздени кабардинские, которым сделал я строгое замечание за гнусные и подлые их поступки и разбои. Они дали мне обещание быть лучшими, и я знал, сколько верить должно подобным обещанием. Доселе все данные ими присяги нарушены.

Генерал-лейтенант шамхал Тарковский был все время донельзя верен данной присяге. От 13 октября он извещал, что владения его возмутились и соединились с горцами, что сам он в опасности и должен был уда-

литься и что большие силы обратились против генерал-майора Пестеля».

Ермолов поспешно выступил в Дагестан; с ним было всего войска под ружьем до 3 тысяч человек. В Андреев Ермолов слышал, что будто в Дагестане было сильное сражение и войска наши разбиты.

«3. Переправлялись через Койсу. Для пехоты сделан мост из арб.

3 ноября. Терки, город. Здесь подтвердились слухи о сражении в Дагестане. В окрестные селения привезены раненые во множестве. Неприятель, по известиям, был в числе не менее 20 тысяч. Ими предводительствовал изменник генерал-майор Султан-Ахмед-хан Аварский и брат его Гассан-хан-бек Джангутайский. (Были проливные дожди.)

11. Я выступил. В Тарках оставлены больные и Вагенбург. Возвратился татарин, посланный к генерал-майору Пестелю. Он доносит, что сражение было сильное и продолжа-

лось два дня; жители Башлы изменили, впустили неприятеля в город и с ним соединились. Со стороны нашей был большой урон, но пушки не потеряны, как о том были слухи. Войска выступили из Башлы.

(В этом деле лагерь был у подошвы горы Талсино (?), вершина которой занята была укрепившимся неприятелем.)

Ночью большой Кабардинский полк обошел укрепление, занял часть вершины хребта, разбил неприятельский отряд, который расположен был на оной. В бегстве неприятель оставил много добычи.

12. Весь отряд взошел по сей дороге, артиллерия поднята с величайшим трудом. Неприятель, боясь быть отрезан, бежал.

14. Неприятель, пользуясь выгодными высотами, сделал нападение на наши окопы и завалы. Лишь только началась перестрелка, чрезвычайно густой туман покрыл землю, и невозможно было осмотреть местоположение. Сие способствовало неприятелю и противиться упорно, и отойти безопасно. Один из

окопов взят был штыками, ротою Кабардинского полка.

15. Выпал глубокий снег, и сделался сильный мороз. Селение Джангутай разорено. Небольшой отряд послан сжечь селение Малый Джангутай. Аварский хан и акушинцы [172], не подав помощи жителям, бежали поспешно в горы. Пришли в покорность многие из окрестных селений; владения Шамкала приведены в повиновение.

19. Главные, зачинщики мятежа наказаны смертью.

(Этим окончилась экспедиция, и Ермолов возвратился в Тифлис.)

1819. (Январь, февраль, март. Между тем Дагестан продолжал неприязненные намерения. Сурхай-хан возмущал горские народы и старался соединить их вместе.) Акушинский народ, сильнейший всех прочих, воинственный, удерживал у себя неблагонамеренных людей, вредных правительству, и способствовал им составлять партии. Возмущение раз-

лилось до самых земель кумыкских, где даже андреевцы обязались между собою присягою противиться русским и не исполнять их требований. Чеченцы продолжали быть непокорными. Надобно было до прибытия войск из империи, сколько возможно, воспрепятствовать всеобщему соединению. Сделаны все нужные распоряжения. Генерал-майор Вельяминов должен был по прибытии к Андрею сделать предварительные распоряжения, требовать от жителей нужные, для построения крепости, материалы и ожидать моего приезда. (Ермолов отправился на линию.)

Июнь. (Ермолов торопил прибытие войск из империи.)

2 июля. Андрей. (Ермолов соединился с отрядом генерал-майора Вельяминова. Войска было 6 тысяч и 22 орудия. Все окрестные народы в возмущении. Лесистое место, занимаемое лагерем, дает возможность беспокоить его ночными перестрелками. Для Андрея учрежден сильный пост.)

Август. (Началось построение крепости Внезапной. Жители Андрея разбежались – и город остался пустой. Дагестанцы собрались в больших силах и приближались.) Усилены были работы крепости и производились непрерывно, даже в ночное время, при разложенных огнях. Шамхал Тарковский приносил жалобы, что акушинцы возмутили его владения и грозят изгнать его из Терки.

(Между тем дагестанцы пришли до 16 верст от Андрея. С ними соединились солдаты. Ермолов выступал к ним навстречу. Не доходя 2 верст, неприятель ударил на авангард и привел его в расстройство, но присевший батальон Кабардинского полка опрокинул неприятеля штыками и преследовал его до его укреплений в ущелье.

Деревня Боуртугай была занята. Неприятель стеснен в ущелье, отрезано сообщение с плоскостью, откуда он получал продовольствие. Ожидая раздора между собравшихся горцев, Ермолов не хотел атаки, избегая потери людей. И действительно, через 4 дня неприятель бежал с величайшею поспешностью.)

Сентябрь. Следовал марш чрезвычайно трудный и опасный. Находящиеся при войсках 2 орудия надлежало разбирать в некоторых местах.

(Неприятельские селения разорены и сожжены.)

15. Отряд войск под командою войска Донского генерал-майора Сысоева взял штурмом качалыковское селение Дадан-Юрт. Жители защищались отчаянно до последнего. В плен взяты одни женщины и ребята, и многие из них ранены. Женщины бросались с кинжалами в толпы солдат. Потеря наша, судя по здешним делам, была весьма значащая. Надобно было почти каждый дом брать штыками; многие из них окружены были каменными стенами. Нельзя было употребить всех войск, ибо могла прийти помощь из других селений.

(В Андрее чеченцы отогнали 400 наших лошадей. Аксаевские князья, мирные с нами, знали об этом намерении, а потому Ермолов велел взять у них 400 лошадей на выбор, а

сам выступил для наказания качалыков, способствовавших набегу.)

Октябрь. Батальон Апшеронского полка взял одно селение на штыках. Другие два селения атакованы вдруг. Неприятель защищался слабо. В домах не было ни женщин, ни имущества, а без них чеченцы дерутся слабо. Дадан-Юрт был ужасным примером. (Между тем один уцмий с частью войск бежал в горы. Акушинцы опять поднялись. Шамхал Тарковский просил против них помощи. Ермолов выступил из Андрея.)

1 декабря. Терки. Выпал снег, необычайно глубокий. Каждый день артиллерия и обозы были откапываемы. (От акушинцев Ермолов требовал покорности, они дали совершенный отказ. Прибыл отряд генерал-майора князя Мадатова. 2 тысячи жителей расчищали дорогу.)

2. Вся артиллерия, парк и провиантские транспорты поднимались на гору Калантау в продолжение трех суток. Неприятель усмот-

рен в больших силах.

16. (Соединился весь отряд.)

17. Я сам осматривал расположение неприятеля и своих укреплений. Неприятель старался препятствовать перестрелкою. К нему присоединились многие народы.

Шамхал Тарковский находился при мне. Акушинцы были с ним в сношении и требовали, чтобы войска русские вышли из гор и что тогда войдут они со мною в переговоры. Представлены мне 5 старшин акушинских; на требования мои они ответствовали дерзко и неуважительно. Я отпустил их в полночь и приказал войскам быть в готовности.

19. Войска пришли ночью на ближайшее расстояние от неприятеля и до рассвета устроились в боевой порядок. Отряд князя Мадатова, местами скрытыми, спустился к реке и быстро обошел правое крыло неприятеля. Немедленно поставлена была батарея на продолжении линии неприятельских окопов. Не более двух часов продолжалось сражение, и неприятель, невзирая на чрезвычайно твердое местоположение и обширные окопы, не

дождавшись к сим последним приближения, обратился в стремительнейшее бегство. Едва верить возможно, с какой ужасной крутизны спускались бегущие, дабы укрыться от действия артиллерии.

С правого нашего фланга, под действием артиллерии, Вельяминов послал казаков и татарскую конницу преследовать неприятеля. Она нанесла ему урон, но в местах неприступных, в земле незнакомой, не могла она идти далеко. Потеря с нашей стороны была неизменно ничтожная. Из собственного признания неприятеля, сидни его простирались до 21 тысячи. Мы имели под ружьем до 6 тысяч человек и сильную артиллерию.

20. (Конница догнала неприятельские обозы. Вместе с ними взяла еще несколько пленных.)

(По весьма трудным проходам Ермолов приблизился к городу Акуше и готовился взять его. Но скоро наша конница заняла город, который не защищался.)

21. Все окрестные горы наполнены были

спасавшимися семействами и вывезенным имуществом. Я запретил преследовать их и не приказал брать добычи. Нельзя представить себе распространенного повсюду ужаса, ибо акушинцы легко могли иметь под ружьем 15 тысяч человек и сверх того, вспомоществуемые соседями, в состоянии были защищать тесные проходы, ведущие к городу, и самый город, лежащий среди стесненных, почти неприступных гор. Я мог потерять много времени, могла перемениться благоприятствовавшая погода, судя по позднему времени, в которое бывают нередко глубокие снега, и войска начинали иметь недостаток в продовольствии.

Город оставлен с такою поспешностью, что найдено немало жизненных припасов. Вскоре собрались все главные старшины и прибыл кади, управляющий народом. За ними стали возвращаться жители города. Неизъяснима благодарность их за сохранение домов. Главная мечеть здесь чрезвычайно обширная, и все прочие мечети были оберегаемы караулом. Дана жителями присяга в подданстве императору, взяты аманаты лучших фа-

милый, наложена дань в знак покорности, и взята контрибуция провиантом и скотом на продовольствие войск. Я переменял прежнего кади и назначил ему жалованье от казны.

1 января 1820. В первый раз в сей стране войска наши расположены были на продолжительное пребывание. Жителям истолковано, что сим наказываются они за непрерывные мятежи. Продовольствие войск назначено из дербентских и кизлярских магазинов. Жители возят его без платы от казны за наказание.

17. Назначена комиссия судить мятежников, получавших деньги из Персии от Аббас-Мирзы. Возвратился Муравьев из посольства в Хиву. В Дербенте предположено расширить улицы и открыть площади, дабы уменьшить болезни. Составляется проект.

Взглянул я мимоездом на остатки батареи, которою командовал я в 1796 г. будучи капитаном артиллерии.

12 февраля. Кизляр. Собрал нужные сведе-

ния о необходимости пособия городу, знаменитому промышленностью.

29. Моздок. (Получены известия о признаках восстания в Имеретин. Это заставило Ермалова отложить отъезд в Петербург. Духовенство возбуждало неудовольствие в народе, дабы, затруднив правительство, отклонить приведение в известность церковных имуществ, коими управляло оно безотчетно.)

18 марта. Продолжая путь в Тифлис, я встретился с царевною и двумя митрополитами, вывезенными из Имеретин за возбуждение народа к бунту.

19. Дорога в земли чеченцев окончена, и с этих пор вход туда не затруднителен.

23. Я возвратился в Тифлис.

Апрель. В Имеретин распространился мятеж и охватил уже почти всю область. Экзарх Грузии Феофилакт возвратился, или, справедливее сказать, бежал оттуда, не успев сделать

описания церковных имуществ. Он при сем случае показал большую робость. В мятеже участвовали многие из лучших княжеских и дворянских фамилий.

Получено известие о злодейском убийстве полковника Пузыревского, отличного офицера, начальствовавшего войсками в Имеретин. Один князь, дядя родной владетельного князя Гурийского, пригласив его на свидание, подослал одного из своих прислужников убить его, когда беспечно проезжал он чрез лес.

Вот мои слова при первом о сем известии: «Не при мне умирать достойному офицеру без отмщения!»

20. В то же время послан отряд для изгнания Сурхай-хана, который, известен будучи многими изменами и неблагонамеренностью, не переставал возбуждать против нас горские народы. Один из доверенных ему людей, будучи схвачен, открыл все гнусные его действия.

Август. (Имеретинский мятеж Вельяминовым подавлен совершенно, мятежники схва-

чены и расстреляны.) Замок Шамекмети, принадлежавший убийцу Пузыревского, князю Кайхосро Гуриелу, взят штыками и разрушен до основания. Убийца, не смея нигде показаться, бежал в турецкие границы. Прислужник, сделавший из ружья выстрел, коим убит Пузыревский, наказан смертью на самом месте преступления. Сделано описание церковных имуществ, и введен новый порядок управления оными.

26. Тифлис. Генерал-лейтенант Мустафа-хан Ширванский, тесными узами родства соединенный с изменником Сурхай-ханом и подобный ему в неблагонамеренности, узнавши, что сего последнего приверженец будучи схвачен, и боясь, чтобы не открыл его самого мошенничества, бежал с семейством и людьми, ему преданными, в Персию. Ханство Ширванское, большое и прекрасное, взято в казенное управление. Бегство было столь поспешно, что он оставил одну из малолетних дочерей своих, которую я, снабдивши нужною прислугой и всеми на дорогу необходимыми вещами, приказал отправить к отцу в

Персию. Сам хан едва не был схвачен при переправе через Куру подвластными ему беками, преданными правительству.

По водворении повсюду порядка и спокойствия я отправился в Петербург, получа известие, что государь к новому году ожидаем из Тропавского конгресса. Впоследствии конгресс перенесен в Лайбах.

11 февраля 1821. Санкт-Петербург. Я представлен императорской фамилии и принят милостиво. Ожидают приезда государя.

Получено известие о восстании греков и о действиях князя Ипсиланти в Молдавии.

Март. В Пиемонте возникла революция. Предполагалось, что она будет сигналом всеобщего восстания в Италии.

Государь отложил отъезд свой из Лайбаха на неопределенное время. Я был в затруднительном положении. Столько же неловко было и его дожидаться долго, и долго быть в отсутствии из Грузии.

19. Получаю высочайший рескрипт, дабы

я прибыл в Лайбах. Начальник главного штаба князь Волконский сообщает мне, чтоб я приехал поспешнее. Дежурного генерала Закревского уведомляет он, чтобы на некоторое время скрыл я назначение мое главнокомандующим армией, идущею в Италию в помощь австрийцам. Сколько удивленных и, кажется, не менее завидующих!

Невозможно было мне утаить моего назначения, ибо о том получено известие от цесаревича из Варшавы и уже напечатано о том в гамбургских газетах. Приключившаяся болезнь удержала меня до 2 апреля.

3 апреля. Встретил генерал-адъютанта гр. Ожаровского, который был свидетелем, когда государь объявил императору Австрийскому о моем назначении. Он вез распоряжения о составе армии и повеление войскам о выступлении. Корпус Литовский уже собирался на границе. Я был еще слаб после болезни.

24. (В Вене Ермолов удостоверился об отмене движения армии нашей в Италию и о скором отъезде государя из Лайбаха.)

26. Лайбах. Немедленно представился государю. Неаполь уже был взят австрийцами. Начальствовавший ими генерал Фримон робким действием своим сделал честь неаполитанцам. Но они не долго его обманывали, перепугались, бросили сооруженные ими укрепления в местах самых крепких и бежали подлейшим образом, едва появился неприятель. Они не изменили прежней своей военной славе!!!

В Пьемонте едва вспыхнуло возмущение и угасло! Слишком малое число войск приняло в нем участие, и австрийцы в первые минуты и без затруднения преодолели.

Государь удивлен был, когда сказал я ему, что без сожаления услышал я об отмене движения армии, которой назначен я был главнокомандующим. «Суворов, – говорил я ему, – начальствовал австрийцами и не избежал зависти их. Трудно было ему преодолевать препятствия, которые ему делали. Я бы желал видеть, – продолжал я, – того, кто без робости явится на сцене, которую сей необыкновенный человек, и незадолго пред ним Наполе-

он, ознаменовали великими военными делами». Рассуждения мои, вероятно, казались основательными. Я представлен императору и императрице и приглашен был к ним на обед. Обращение обоих было самое благосклонное.

У государя бывал я по два и по три часа и не в состоянии выразить его милостей. Приближался день его отъезда, и я выпросил позволение пробыть несколько времени в Вене и проехать через Варшаву.

20 мая. Варшава. Великий князь принял меня благосклонно. Почти ежедневно бывал я у развода; видел парады, ученья всякого рода войск, смотры и маневры.

Я отказался от квартиры во дворце государя и остановился в гостинице.

По приказанию цесаревича все польские генералы и прочие чиновники на другой день по приезде моем сделали мне посещение. Я просил об отмене его приказания, но не успел. Я не принял их, не желая делать им беспокойства, зная притом, что из них знакомые охотно увидятся со мною и без объявлен-

ного приказа. Цесаревич был в большом негодовании на меня и начальнику штаба генералу Куруте поручил объясниться со мною самым неприятным образом.

Я хотел отправиться в Петербург, но цесаревич объявил мне, что государю угодно, чтобы я дожидался вступления в лагерь польской армии. Я должен был повиноваться! Приказано показать мне: главный штаб, принадлежащую оному литографию, арсенал, конгревовы ракеты; наводили мост из цилиндрических понтонов. Я видел военный госпиталь, казармы и конюшни. Словом, все в удивительном устройстве, и возможная похвала есть только должная справедливость.

13 июня. Вильно. Приехал с братом (Каховским) взглянуть на город, в коем проведенные несколько лет лучшей молодости оставили приятнейшие воспоминания.

20. Царское Село. Мне уже назначены были во дворце комнаты, и приказание жить в нем объявлено начальником главного штаба е. и. в. Как все дико для человека, никогда не быв-

шего близким ко двору, и, конечно, всех забавлял я моею неловкостью. Но никто не говорил о ней, ибо у двора, кроме похвал, ничего не говорят о том, кого весьма ласкает государь!

Июль. Инсurreкция греков была в самой силе. Порта принимала меры к наказанию, т. е. к истреблению возмущившихся. Война с Турцией казалась неизбежною. Переписка с иностранными кабинетами была непрерывная. Приказано показывать мне оную, и я видел усилия не допустить России до войны. Государь часто говаривал со мной о греках, я утверждал о необходимости войны в защиту их, в спасение! Безуспешно! Государь старался доказать мне противное.

Август. Из примечательных происшествий, случившихся со мною, было то, что император в 30-й день августа пожаловал мне аренду. Не допустив подписать о том указа, я имел случай объясниться по сему предмету, и государь не только выслушал меня благосклонно, но с похвалою отозвался насчет мо-

ей деликатности и, когда отпустил меня, еще вторично говорил мне об одной. Редко, думаю, скучают государям подобными объяснениями!

Сентябрь. Продолжение пребывания моего в Петербурге заставляло многих думать, что я не возвращусь в Грузию, но получу другое назначение, и я имел причины то же предполагать.

(В Москве, возвращаясь в Грузию, Ермолов провел очень весело время у генерал-адъютанта Закревского.)

28 октября. (В Екатеринодаре на Кавказе Ермолов осматривал войсковую канцелярию, все заведения войска.) Какое во всех частях расхищение!

(Во Владикавказе Ермолов был остановлен непрерывными метелями. Сообщение с Грузией прервано уже две недели, и остановлены почты.)

1822. Январь, Тифлис. Отсутствие мое продолжалось целый год. В продолжение одного я

сделал более 10 тысяч верст.

(В Грузии и Имеретин совершенное было спокойствие. Но Абхазия была в мятеже.)

(Окончена крепость Бурная.)

(Подавлен мятеж мехтулинцев, возбужденный изменником Султан-Ахмедом, бывшим ханом Аварским.)

Кабардинцы, переселившись с позволения ближе к горам, умножали разбои и хищничества. С военных постов наших нельзя было сделать нападения, о коем бы не были они предупреждены, и всегда имели время скрыться в местах неприступных с семействами и имуществом, удалить стада и табуны, составляющие главное их богатство. Подполковник Коцарев, посланный с небольшим отрядом, в продолжение зимы нанес кабардинцам чувствительное наказание разорением многих аулов и не допуская в долины стада их. Повсюду появлялся он внезапно и с чрезвычайною скоростью, но не мог проникнуть в сокровенные их убежища, в которых пребывали они безбоязненно.

Со стороны закубанцев продолжались раз-

бои, и, в октябре месяце прошедши горы в числе более тысячи человек отборной конницы, сделали они нападение на земли войска Черноморского. Войска Донского генерал-майор Власов 3-й, офицер столько же храбрый (как) и бдительный, приспел с казаками, но в меньших силах. Ночное время скрыло их недостаток, повсюду на постах произведенная тревога, зажженные маяки и пушечные сигнальные выстрелы привели кубанцев в замешательство, которые до того гнали небольшую партию казаков, производивших с ними безвредную перестрелку. Видя себя открытыми, они пустились в обратный путь, но встречены были генерал-майором Власовым, который скрывался в камышах. Картечные выстрелы довершили их замешательство, и они, видя себя отрезанными от переправы чрез Кубань, бросились на обширный залив, поросший камышом, где, быстро преследуемые казаками, теснимые страхом, погибли до тысячи человек, и в числе их многие из знаменитейших наездников. Из собственного признания пленных известно, что они никогда подобного поражения не

испытали. Сим предприятием закубанцы дали повод к действиям с нашей стороны.

Март. Пользуясь совершенным спокойствием в Грузии и провинциях закавказских, я предположил заняться перенесением части линии в земли кабардинцев и тем положить конец их непрерывным возмущениям и столько же раз нарушенным клятвам на верноподданничество. Надобно было в понятии их уничтожить ложную мысль о нашем бессилиии и чрезвычайном уважении их храбрости, что наиболее поощряло их к возобновлению беспокойств.

Дабы отвратить закубанцев, которые могли подать им помощь, я приказал генерал-майору Власову, командующему войском Черноморским, производить наступательные действия против них. До сего воспрещено было переходить за Кубань по боязни заразной болезни, и сие закубанцам придавало большую дерзость, ибо они знали, что, возвратясь в свои земли, они уже не подвергались опасности преследования.

9 апреля. (Выехал из Тифлиса.)

Май, июнь. (Трудные переходы и переправы, разъезды, рассматривание местностей, частые, но незначительные стычки и перестрелки. Так, например, полковник Коцарев ходил с отрядом в горы за реку Баксан, где захватил до 4 тысяч баранов.) В местах сих в первый раз появились русские войска. Перейденные крутизны столько были ужасны, что срывавшиеся с оных казачьи лошади разбивались совершенно.

В этой экспедиции из отряда генерал-майора Сталя 400 человек пехоты, скрыв за хребтом движение свое, спустились к Баксану в некотором расстоянии выше Мишустова аула, дабы зайти в тыл сидевшему в завалах неприятелю, но он до того уже бежал от действия артиллерии и оставил все места, где без всяких усилий мог он остановить нас долгое время и где мы не могли иметь с собою пушек. Посланные 400 человек должны были спускаться поодиночке в тесную щель, наклонно проходящую. Первые люди спустились по веревке, прикрепленной у отверстия, наконец все прочие скатывались как по же-

лобу, обхватив ружье обеими руками. Начальствовавший командою Кабардинского пехотного полка майор Якубович, человек довольно толстый, нашел щель тесною, а его протаскивая за ноги, изодрали на нем сюртук и почти не осталось пуговиц. Место сие осталось под названием дыры Якубовича.

Выгнав неприятеля из завалов, войска двинулись вперед, проходя по одному человеку, ибо во многих местах тропинка не шире аршина извивалась по скалам, нависшим над Баксаном на большом возвышении. Я некоторое расстояние переправился не иначе, как ползком, ибо кружилась голова от вида волн Баксана, кипящих под ногами. Так шли на протяжении 3 верст.

(Однажды горные орудия протаскивались на желобах, окованных железом; заряды были на людях.)

(Выгнанный из завалов неприятель бежал.) По высотам в отдалении видны были спасающиеся семейства кабардинцев, угоняемые стада. Майор Якубович преследовал одну часть бегущих и должен был проходить близко высоты, с вершины которой опускали на

него ужасные камни, но оные, ударяясь о нависшую скалу, безвредно пролетали поверх головы, и не потеряно ни одного человека.

Далее нет уже пути и стоят громады гор, покрытых вечным снегом, – (и войска вернулись).

На первом возвратном ночлеге отряд генерал-майора Сталя расположен на противном берегу на одной высоте. Расстояние между нами часто бывало не более 30 и даже 20 сажень. Ужасный шум волн не допускал однако же звука голоса, и потому сношения производились письменно и бумаги с привязанным камнем перебрасываемы были чрез реку.

28. Великий ужас распространила между кабардинцами сия экспедиция, ибо они не верили, чтобы таковая могла быть предпринята.

9 июля. (Прогнаны абазинцы за Кубань за то, что они были сообщниками закубанцев, и за то, что вносили к вам моровую язву.)

Гора Эльбрус представляет величественный и вместе ужасный вид. Высотою своею

он далеко превосходит прилегающий хребет Кавказа, вечно покрытый льдом, на который опираясь горделиво кажется презиравшим его ничтожность. Ниспадающие с него источники питают окрестные поля, которые славятся тучною и роскошною травю.

24. В Константиногорске осматривал в подробности все источники минеральных вод. Назначил место для казенных зданий, которых чертежи, высочайше утвержденные, испрошены мною в бытность мою в Петербурге.

Август. Войска неожиданно счастливо перешли оба Терека (в землю кабардинцев). Несколько человек увлечены ужасною быстротою реки, но все спасены. Пехота проходила по несколько человек рядом, держась между собою. В глубоких местах поставленные казаки верхом составляли улицу. Протянуты канаты от одного орудия к другому, и там, где было наиболее быстроты, люди переходили, держась за оные. Кабардинцы не верили, чтобы могла перейти пехота и даже с обозами, но при переправе столько опасной утрачено

только 5 ружей и до 20 овец из порционного скота. Я ускорял переправую, ибо войска не имели провианта.

22. Екатериноград. Сделаны дальнейшие о Кабарде распоряжения. Даны правила на учреждение временного суда; назначены членами оного благонадежнейшие из князей и узденей, расписаны войска, которые должны занимать новую по Кабарде линию. Определено число тех, которые в случае беспокойств должны быть в действии в продолжение зимы. Укрепления снабжены крепостною артиллерией. Приказано учредить особые рабочие команды для приготовления в большом количестве строевого леса, как для жилищ солдат, равно и для мостов через реки Терек и Урух. Поручено произвести съемку прямой дороги на Урух, которая со временем обратится в военную дорогу в Грузию. Она будет несравненно выгоднее прежней и менее подвержена опасности от набегов. Останется в стороне Моздок, чрезвычайно нездоровый своим местоположением. Я назначил место для карантина, который перенесется из Моз-

дока.

Из Екатеринограда отправлен в Санкт-Петербург проект о преобразовании управления Кавказской губернии, пополненный некоторыми статьями, заимствованными из постановления о Сибири, с которым приказано было сколько возможно сообразоваться.

6 сентября. Опрокинуты дрожки, и я ушибся довольно больно.

7. Тифлис. Повсюду было совершенное спокойствие. В одной Абхазии продолжался мятеж и народ не повиновался своему владельческому князю.

Октябрь. В Карабахе между семейством хана не прекращались ужасные раздоры и беспрерывные ко мне жалобы.

16. В первый раз я посетил богатую и роскошную Кахетию.

Ноябрь. Тифлис. После побега в Персию ка-

рабахского хана предположил я взглянуть на Карабахскую провинцию и после осмотреть Ширванскую и Шекинскую, чего доселе не имел я времени сделать по множеству занятий.

21 декабря. Встретили меня знатнейшие беки всех трех ханств.

23. Во время пребывания моего в г. Шуше жители города приведены к присяге на верноподданство императору и то же приказано сделать во всей провинции. Открыт провинциальный суд, членами коего назначены отличнейшие из беков и люди других состояний под председательством коменданта, начальствующего в провинции. Жители в память присоединения области и прекратившегося беспорядка ханского управления поднесли мне саблю с надписью.

1823 г. 9 января. Старая Шемаха. Жители по причине разорения города живут еще в шалашах и развалинах. По неверности в съемке я сделал перемену в направлении

улиц и частью в самом плане города, который со временем известен будет своею торговлею... Для привлечения торгующих я дал наставление, дабы во многих отношениях допущена была свобода, которую изгоняют правительства, омраченные исламизмом. Я имел в предмете и то, чтобы в самом городе поклонник Магомета находил все роскоши прославляемого Ширази!

В Ширванской провинции сделал я некоторые перемены в хозяйственном управлении и, уничтожив часть обширных казенных посевов, отягощающих жителей, приказал заменить оные разведением шелковичных деревьев в весьма значительном количестве.

24. Нуха. Я нашел жителей блаженствующих после злодейского правления последнего хана, которого жестокость и алчность равно были беспредельны.

1 февраля. (Была ночь.) Пехотный конвой мой остался в 2 часах позади. Со мною было 50 нухинских беков.

Три или четыре года назад хотел бы я ви-

деть, чтобы главный в сем краю начальник, известный строгостью, мог в ночное время проехать с теми самыми людьми, которых, смиряя своеволие и грабежи, против себя вооружает, проехать в самом близком расстоянии от лезгин непокорных. На него могло быть обращено, со всем правдоподобием, всякое преступное предприятие! Я хорошо познакомился с народами!

(Тут следовали различные поселения – солдат, немцев и казенных крестьян.)

9 июля. Я видел солдатских жен, недавно прибывших из России, которые хорошо стреляли в цель.

19 августа. Тифлис. Получено донесение, что послан с частью войск полковник Верховский, привести в повиновение некоторые из деревень шамхалских, которые, возмущаясь, отказались давать рабочих и подводы для крепости Бурной. На возвратном пути полковник был убит родственником шамхала, который, служа при нем три года, пользовался благодеяниями его, как близкий. Убийца

бежал в горы.

После сего происшествия обнаружил я мятеж во владениях шамхала; к мятежникам присоединились мехтулинцы, которые убили находившегося при них приставом хорунжего Батырева.

Генерал-майор Краббе поспешил с войсками в Дагестан, и уже с мятежниками были два сражения. Предписав ему расположиться в мехтулинских владениях до моего прибытия, я должен был отправиться, дабы присутствием моим удержать в повиновении акушинцев, которые, если бы приняли участие в возмущении, могли бы вооружить весь Дагестан.

22 сентября. (В Табасаране обнаруживаются беспокойства.)

Со мною было до 4 тысяч человек.

1824 г. Январь. В первый день года ездил я в Эрпели видеться с шамхалом, которому поручено требовать аманатов от некоторых горских народов.

Приезжали ко мне изменники кабардин-

ские, укрывающиеся за Кубанью, изъявляя желание возвратиться в свою землю. Отказано в безмерных их требованиях, позволено заслужить равные выгоды, предоставленные соотечественникам их, которые не переставали быть верными подданными. Они вразумились, что несправедливо было бы дать им преимущество над ними.

В то же время приехал известный разбойник чеченец Бейбулат просить прощения в прежних злодеяниях. За доверенность к начальству принят благосклонно.

Прощен молодой джангутайский владелец Ахмад-хан, сын мехтулинского Гассан-хана, который бунтовал против нас. Он бежал от родственников своих из Авара, с доверенностью явился ко мне, и я, возвратив ему большую часть владений отца его, взял присягу на верноподданство императору.

Явились многие прислужники бывшего дербентского Ших-Алихана, умершего в бегах; они просили позволения возвратиться в отечество. Оно отказано только тем, коих известны были непростительные преступления, но они отпущены даже без упрека, как

люди предавшие себя моей власти. Одному из чиновников позволено отправиться в Персию к наследнику Аббас-Мирзе, просить об уплате долгов за жену Ших-Али-хана, которую не выпускали заимодавцы. Я даже не отказал ему в письме, в котором просил о том Аббас-Мирзу. Он никогда не отказывал ему в деньгах, чтобы возбуждать против нас народы Дагестана.

Наказаны смертию главнейшие из виновников мятежа и убийцы пристава Батырева, в страх прочим изменникам. Народ принял с признательностию наказание только трех человек, когда сам указывал гораздо большее число.

Взяты от народа койсубойлинского первые аманаты, в надежде, что вместе с тем прекратятся беспокойства, которых они по большей части бывали причиною.

Главный кади и старшины акушинские нередко бывали у меня. Они также склонили некоторые общества представить аманатов. Их польза была в том, что войска, для наказания непокорных, не проходили чрез их владения.

Февраль. Во все сие время не подверглись они ни малейшему упреку в поведении, напротив, достойны были по справедливости особенного уважения. Я угощал их праздником, дал многим подарки. Утвердил их в верности императору, обещанием сложить со временем платяную ими дань. Это составляло единственное их желание!

Я отправился в Дербент.

19. Я был у преданного нам Аслан-хана. По случаю приезда моего собрал он много родственников и знатнейших старшин, которым казалось непонятным, что между ними находился я без русского караула и без всякого конвоя. Со мною были три казака, присматривающие за лошадьми.

22. Куба. Собрав главнейших из священ-ных особ, сделал я постановление, дабы воспрепятствовать чрезмерному размножению мулл или священников. Нашлись многие не умеющие читать и писать, каковых не позволил я допускать в сие звание. Назначил число мечетей по числу дворов или семейств, дабы

муллы могли иметь приличное содержание и не подвергались презрению по их бедности. Оказалось, что надобно было уменьшить и мулл, и мечети. Приказал сделать разбор бекских фамилий, дабы отличить древние роды, которые называют они коренными, от новейших, ибо между последними многие пользовались несправедливо преимуществами своего состояния. Некоторые возвышены в сие достоинство мятежниками и даже беглыми ханами.

Преобразована кубинская конница. И столько желающих поступить в оную, что я должен был ограничить количество. Бывшая со мною сотня служила усердно и приметно старалась подражать нашему порядку.

В 12 верстах от города есть место, во всех отношениях превосходное. Со временем и самый город Куба должен быть туда перенесен.

14 марта. Шемаха. От Кубы до Шемахи проехал я с конвоем кубинской конницы из 25 человек и не могу желать лучшей стражи. Без сомнения, ни один из начальников здешнего края не был подобным образом охраняем. В

Шемахе занялся я экономической частью и в особенности обращено внимание на шелководство. Город, строящийся по новому плану, делается прекрасным.

29. Тифлис. Не предвижу возможности кончить дело желаемым образом! (Распределение границ с Персией.) Персияне делают самые подлейшие затруднения! Я имею сношения с Аббас-Мирзою.

25 июня 1825. Отправил я фельдъегеря с письмом к императору, в котором объяснил подозрения мои насчет войны с персиянами. Просил подкрепления корпуса одною дивизией пехоты.

Поверенный в делах при персидском дворе, г. Мазарович, отправлен к шаху с предложениями, дабы отдалить войну.

2 июля. Получил известие, что в ночи с 7 на 8 июня возмутившиеся чеченцы, возбужденные лжепророком, напав на укрепленный пост Амир-Аджи-Юрт, сожгли оный. Неосторожный начальник почти был атакован вне-

запно, хотя неоднократно предупреждаем был о намерении. Гарнизон (1-я рота), потеряв чувствительный урон, переплыл через Терек. Генерал-лейтенант Лисаневич и генерал-майор Греков нанесли им поражение и рассеяли их совершенно. За сим должно было последовать совершенное укрощение мятежа, но в то же время один из аксаевских жителей, которого генерал-лейтенант Лисаневич приказал взять под стражу, как изменника, бросился на него с кинжалом, нанес ему тяжелую рану и заколол генерал-майора Грекова... Я хотел тотчас ехать на линию, но сильная болезнь меня удерживала.

24. Болезнь моя в дороге очень усилилась от чрезвычайного жару.

Генерал-лейтенант Лисаневич умер.

28. Возобновилась болезнь с жестокостью, и лекаря отчаялись в жизни.

Слышно было, что чеченцы собираются в силах и лжепророк имеет большое в народе влияние. Партии их переходят на правый берег реки Сунжи. Уничтожил 4 наших редута

по невыгодности местоположения.

10 августа. К удивлению, чеченцы оставили меня в совершенном покое.

22. По прибытии войск смятение в городе (Андрее) прекратилось. Еще несколько дней, и жители впустили бы чеченцев в город. Была сильная партия, которая того требовала. Главнейшие возмутители бежали соединиться с ними.

4 сентября. Жители Аксая участвовали с чеченцами в нападении на укрепление, и большая часть оных с ними соединилась. Я предположил перенести город Аксай, дабы отдалить его от гор и прекратить связи с чеченцами. Я приказал истребить часть города, прилежащую к лесистому ущелью, в котором появлялись изменники. Князьям неприятна сия перемена, ибо в новом положении города лишались они продолжать дружественные связи с мошенниками и уклоняться от повиновения начальству. Простой народ весьма был доволен, ибо вблизи от назначенного ме-

ста находится их хлебопашество и обширные пастбища для скотоводства.

(Чеченцы в силах появились в виду Андрея, думая взбунтовать город, но удалились без действий.)

18. Получено известие о возгоревшемся в Кабарде мятеже. Некоторые из владельцев укрылись в горы, дабы пройти за Кубань. Изменники, которым помогала пришедшая на помощь партия закубанцев, напав на селение Солдатское, большую часть оногo разорили. Предупрежденный штаб-офицер не взял надлежащих мер отвратить нападение. И, наконец догнав хищников, увлекающих пленных, не смел ударить на них. Я понудил сего труса оставить службу.

27 октября. Крепость Внезапная. Приехал для того, чтобы рассеять слухи об отъезде моем от войск и успокоить ветреных и склонных к беспорядкам жителей города, между которыми чеченцы имели соумышленников.

(Построено новое укрепление. Была драка с чеченцами, для них с уроном.)

7 ноября. Получил отказ в награде полковника князя Бековича-Черкасского, который, под командою начальника корпусного штаба, за Кубанью с одними казаками без артиллерии прошел в горы и, внезапно напав на укрывающихся кабардинских изменников, истребил большое число оных, где погибли многие из князей и узденей. Предприятие отлично смелое и самым удачным образом исполненное.

Чрез семь дней дана та же награда, но за другое сражение: за дела против абадзехов.

20. Выехав из Червленной станицы в чрезвычайно туманную погоду, не был я замечен чеченскою партией до 600 человек, нарочно выехавшею, чтобы схватить меня. Она скрывалась у самого Терека и ударила на большую дорогу полчаса после того, как я проехал. Конвой, провожавший меня, состоял из 120 линейных казаков, следовательно, трудно было бы противостоять числу столько превосходному. В ясную погоду я был бы усмотрен в далеком расстоянии и надлежало бы драться за

свободу!

22. Первый слух о кончине государя с подробностями, которые не оставляли места сомнению.

Декабрь. Официальное известие о смерти императора и указ сената о присяге императору Константину Павловичу.

24. Прибыл фельдъегерь с известием об отречении от престола Константина Павловича, привез манифест о вступлении на престол императора Николая Павловича.

Перечень некоторых происшествий на Кавказе и в Грузии в дополнение к дневнику А.П. Ермолова

14 мая 1817. Архиепископ Феофилакт назначен экзархом Грузии.

1 октября. Открытие Тифлисской духовной семинарии.

1818. Заложение крепости Грозной. 28 декабря. Учреждение епархий в Грузии, Имеретин, Мингрелии и Гурии.

1819. Заложение крепости Внезапной.

Поражение многочисленного скопища лезгин при селении Бодтухай.

Поселение 500 виртембергских семейств в Грузии.

17 апреля 1820. Черноморское войско причислено к составу войск отдельного Грузинского корпуса.

Аир. Переселение 25 тысяч малороссий-

ских казаков на земли Черноморского войска.

11 октября. Переименование отдельного Грузинского корпуса в отдельный Кавказский.

Усмирение генерал-майором Вельяминовым 3-го бунта в Имеретин и Гурии.

1821. Заложение крепости Бурной.

Поход Вельяминова против изменника Алар-хана.

Установление 5-процентной таможенной пошлины с привозимых из-за границы товаров в Грузию.

Генерал-майор Горчаков усмиряет мятеж в Абхазии.

Атаман генерал-майор Власов наносит неоднократно сильные поражения закубанцам, вторгнувшимся в Черноморию.

14 (19?) июля. Кончина митрополита Феофилакта в монастыре Св. Нины.

1 окт. Митрополит Иона назначен экзархом Грузии.

10 августа 1822. Кавказская губерния переименована в область. Ставрополь назначен областным городом.

26 июня 1823. Открыты в Грузии дворянские опеки.

С октября 1823 по февраль 1824 поход Ермолова для усмирения Дагестана.

2 октября 1824. Переведены областные присутственные места из Георгиевска в Ставрополь.

Выписки из биографии князя Мадатова

Вновь вышедшая биография князя Мадатова, одного из главных помощников Ермолова на Кавказе, дает возможность полнее обозреть деятельность Алексея Петровича в первые годы его управления.

В 1818 году генерал Ермолов предпринял решительные меры для усмирения чеченцев, самого воинственного народа между кавказскими племенами, народа, который быстрыми своими набегами и непрерывными разбоями наводил повсюду ужас до того, что по Военно-Грузинской дороге невозможно было следовать иначе, как с сильным прикрытием, при коем всегда должны были находиться и орудия.

Меры сии состояли в том, что все низменное пространство земли, лежащее между реками Терек и Сунжею и служившее чеченцам для посева хлеба, а огромные и прибыльные луга для прокормления лошадей, рогатого и прочего скота, было отнято у них посредством перенесения линии с Терека на Сунжу.

На Сунже было построено достаточное количество редутов и крепостей, которые совершенно лишили бы чеченцев возможности пользоваться этим пространством земли. Наздничество их делалось с тех пор весьма затруднительным и часто влекло за собою совершенное уничтожение целых партий.

Вскоре обнаружились между ними пагубные последствия общего недостатка в хлебе и скоте. Вынужденные стискивать себе скудную пищу в гористых и необитаемых местах и потеряв уже значительную часть своего скотоводства, они подверглись болезням, опустошавшим целые селения. Благомыслящая часть народа явилась с покорностью и получила прощение, с условием покинуть горы и со всем своим имуществом перейти на жительство в низменные места между Тереком и Сунжею, под охранением наших крепостей. Вот первоначальное основание так называемых мирных чеченцев...

Нельзя было и сомневаться, чтобы выбор сего единственного способа к скорому и прочному покорению горских народов вообще мог ускользнуть от прозорливого гения Ермолова.

При первом появлении войск наших на реке Сунже чеченцы, видя свое бессилие и невозможность воспрепятствовать новой линии, которая должна была лишить их главнейших способов к пропитанию, а вместе с тем и возможности делать набеги на станицы, находящиеся на старой линии по берегу реки Терека, всеми мерами старались выставить оскорбление, им нанесенное, как обиду, общую для всех вольных кавказских народов. Они предсказывали в будущем такую же участь и всем другим племенам, если они заблаговременно и соединенными силами не отвратят угрожающей гибели. Некоторые народы, жившие в соседстве чеченцев, как то: койсубуйлинцы и другие, действительно присылали к ним толпы вооруженных, с которыми чеченцы отчаянно нападали на наши лагеря и транспорты, стараясь наносить нам как можно более вреда и препятствовать учреждению новой линии. Все усилия их в этой стране оставались тщетными, но им удалось склонить на свою сторону сильнейшие народы Северного Дагестана, как то: акушинцев, казикумыков, каракайдагов и других, кото-

рые, пользуясь малочисленностью в то время русских войск за Кавказом, производили по большим дорогам грабежи и возмущали народы, с давнего времени подвластные России.

Для наказания одного из главнейших между ними, находящегося поблизости г. Дербента, именно башлинцев, послан был в 1818 году отряд войск. Башлинцы пригласили на помощь к себе все соседственные народы; более же других помогали им акушинцы, сильнейшие в целом Дагестане и до сих пор еще славящиеся поражением самого Надир-шаха при Иран-Харабе в 20 верстах от Дербента.

Отряд наш вошел в город Башлы, окруженный лесами и крутыми возвышениями, господствующими над ним, расположился в его тесных улицах. Внезапное нападение горцев, не дерзающих в поле сражаться с нами, было следствием неосторожного расположения отряда, а отчаяние нападающих и выгоды, которые доставлял свойственный им бой враспынную, принудили русских отступить в беспорядке с значительною потерей. Эта неудача послужила поводом к общему торжеству для всех народов Северного Дагестана, в

числе коих находились и владения Уцмия, селения терекеменские и другие, давно уже покорствовавшие российскому правительству, но с того времени явно оказавшие непослушание. Тот же дух непокорности распространился наконец и во владениях шамхала Тарковского, человека лично преданного российскому престолу, но слабо управлявшего народами, ему подвластными.

Старшины обществ делали воззвания к народам, приглашая их к всеобщему вооружению для истребления врагов, не верующих в Магомета, и положили всеми силами помогать чеченцам, а для главного управления злоумышленных намерений своих избрали хана Казыкумыкского и акушинцев.

В таком положении находились дела в Дагестане в 1819 году, когда генерал Ермолов вознамерился приступить к постройке крепости в Андреевской деревне. Эта мера должна была положить предел всем набегам и грабежам чеченцев. Окончательного построения сей крепости нельзя было предположить прежде глубокой осени, но до того времени невозможно было оставить без наблюдения

возмутившиеся народы в Дагестане, которые уже собрали значительные силы для подкрепления чеченцев. Притом затруднительное положение шамхала Тарковского, с большим трудом удерживавшего народ свой от явного участия во всеобщем возмущении, требовало скорых мер к отвращению самых пагубных последствий. Посему генерал Ермолов положил немедленно собрать войска в Дагестане и нанести решительный удар акушинцам, как самому главному и храбрейшему в том крае народу, вмешивавшемуся во все чужие распри. Последствием поражения акушинцев неминуемо долженствовало быть усмирение и всех других племен, хотя не столь сильных, но также непокорных.

Между тем экспедиция эта не могла быть предпринята прежде глубокой осени, а до того времени дагестанцы, имея способы посылать значительные подкрепления к чеченцам, могли бы препятствовать окончанию крепости. Для отвращения сего надлежало иметь в Дагестане отряд войск, который беспрерывно угрожал бы тамошним народам и не позволял вооруженным жителям соби-

раться в значительном числе. Крайняя малочисленность войск, которыми можно было располагать на этот предмет в Дагестане, совершенная неизвестность местоположения гористого и покрытого лесами края, чрезвычайная трудность дорог для следования войск и перевоза орудий были не единственными затруднениями к исполнению сего предприятия. Надлежало еще отыскать, для командования отрядом, генерала опытного, предприимчивого, решительного и особенно быстрого в движениях. Командиром отряда назначен был генерал-майор князь Мадатов.

В начале августа в селении Исталяре соединился небольшой отряд войск, из двух батальонов пехоты, роты артиллерии, 500 казаков и 650 человек конницы, составленной из карабахцев, ширванцев и шекинцев, которых генерал-майор князь Мадатов, как областной начальник, склонил к предпринятию похода против их единоверцев. Первый и неслыханный дотоле пример... К сему отряду присоединился с 500 всадниками Аслан-хан Куринский, совершенно преданный российскому правительству.

С рассветом отряд находился на вершине высокой горы, покрытой облаками; крутой и лесистый спуск вел к подошве ее, где видно было множество гаснущих огней. Это был неприятельский бивуак, окружавший селение Хошни...

Пальба и дикие крики раздавались со всех сторон. Изумленные неожиданным нападением горцы не могли долго обороняться и бросились искать спасения по единственному оставшемуся направлению в ущелья. В этом деле убитых и раненых с обеих сторон было весьма немного. В числе раненых находился и сам возмутитель Абдул-бек Герсинский, зять беглого Ших-Али-хана Дербентского, бывшего долгое время в Персии и дружественно принятого Аббас – Мирзою... На другой день явились с покорностью в лагерь все старшины шести табасаранских магалов. Князь Мадатов именем государя объявил прощение всем им, исключая Абдул-бека... поручил народ в управление зятю шамхала Тарковского, Абдул-Разах-беку.

Так покорен весь Табасаран.

Генерал Ермолов, получив об этом донесе-

ние от 22 августа 1819 года, писал князю Мадатову между прочим: «Вы все то сделали, чего только мог я ожидать и что, как знаю, не так легко было исполнить. Разбитие Абдул-бека должно необходимо иметь хорошее влияние на все наши дела, ибо увидят неприятели, что, не употребляя войск наших в действие, под благоразумным начальством вашим, и самые жители сражаются храбро. Зная хорошо отличную всегда службу вашу, возлагая на вас поручения, я знал уже и самые следствия».

Табасаран на карте

Во всеподданнейшем донесении о сем государю императору генерал Ермолов, между прочим, говорит: «Излишними считаю похвалы храбрости офицера, имеющего счастье быть известным вашему величеству, но должен отдать справедливость, что разбитие неприятеля, тем более когда горские народы дали присягу соединиться против нас, имеет большое влияние на наши дела и что приобретенный генерал-майором князем Мадатовым успех принадлежит верному его соображению и быстрому исполнению предприятия. Смею надеяться, что ваше императорское величество с благоволением примите, что генерал-майор князь Мадатов разбил неприятеля одними татарскими войсками и нет ни одного русского ни убитого, ни раненого».

Отряд расположился лагерем при редуте Дарбахе, по большой дороге к Терки. Многие мятежные беки терекемских селений, ближайших к лагерю, собравшись с войсками в подвластных Эмир-Гамзе селениях: Улу-Тарекема, Джимикент и в местечке Берекей, при-

надлежащем Ибах-беку, старались возмущать Каракайдаг. Владетель сей многолюдной и воинственной провинции – Уцмий...

Вскоре в терекемских селениях собрались все беки с войском... Князь Мадатов мгновенно напал на деревню Улу-Тарекема, вступил в дело с лезгинами, разбил их на всех пунктах.

Между тем Уцмий не только сам изменил, но склонил к побегу и сына своего, который за несколько дней пред тем, в Дербенте, присягнул на верноподданство.

Жители терекемские не потерпели ни малейшей обиды. Они просили назначить им из среды их управляющего всеми табасаранскими (каракайдагскими?) селениями; князь Мадатов возложил сию обязанность на Эмир-Гамза-бека, ближайшего родственника Уцмия.

...Узнав, что в Башлах собрались неприятели, в том числе 3 тысячи человек со стороны Уцмия, под командою Абдул-бека Герсинского, и что башлынды намерены сопротивляться русским, князь Мадатов отправился туда 4 октября.

На другой день башлынды, храбро оборонявшиеся, обратились в бегство. Горцы скрылись в леса и ущелья гор. Победа стоила русским час времени, 3 убитых и 20 раненых. Через час явились старшины, присягнули на верноподданство императору.

20 октября первые лучи солнца озарили отряд уже в быстром движении по дороге к городу Энгикенту, последнему убежищу Уцмия.

Князь Мадатов атаковал его 22-го числа. Войска наши заняли и Энгикент. Неприятель, оставив после упорного сражения около 100 убитых, рассеялся, спасаясь стремительным бегством. В сем деле потеря наша состояла в 4 убитых и 7 раненых. Народ выгнал Уцмия из последнего его убежища. После сего отряд предпринял обратный путь к лагерю при руде Дарбахе.

Итак, в три месяца, с горстью отважных, в местах вовсе неизвестных и большею частью неприступных, князь Мадатов покорил весь Табасаран и весь Каракайдаг, навсегда уничтожил владычество Уцмия и тем заставил трепетать самые отдаленные племена даге-

станских народов.

Генерал Ермолов, свидетельствуя пред лицом государя императора об успехах князя Мадатова, писал: «Не могу, государь, довольно похвалить отличное служение генерал-майора князя Мадатова, коего каждое действие служит доказательством верности, деятельности и храбрости неограниченных; должен и то вашему императорскому величеству всеподданнейше донести, что, хорошо зная здешние народы[173], он употребляем здесь с особенною пользой, имея способность внушить мусульманам усердие к службе вашего императорского величества».

По достижении первой и главнейшей цели, для которой составлен был отряд князя Мадатова, он остался в лагере близ Дербента ждать дальнейших повелений генерала Ермолова, который, окончив в сие время построение в Андреевской станице крепости Внезапной, намеревался уже без отлагательства приступить к покорению акушинцев, чему отряд князя Мадатова должен был содействовать.

Вследствие предписания генерала Ермоло-

ва князь Мадатов 18 ноября выступил с своим отрядом... Генерал Ермолов прибыл со значительными силами в город Терки, куда для совещания о дальнейших предприятиях военных действий приглашен был и князь Мадатов... В селении Шора отряд князя Мадатова соединился с частью войск генерала Ермолова. Князю Мадатову вверено было командование авангардом.

По мере приближения авангарда к селению Урума (первому акушинскому, у подошвы высот Калантау) по ту сторону села, в расстоянии почти 10 верст, виден был высокий хребет гор, представляющий амфитеатром три высоты, постепенно понижающиеся к стороне селения. Горы сии были усеяны толпами народа, скопившегося в бесчисленном множестве около небольших укреплений, в которых развевались сотнями разноцветные знамена. Это была первая укрепленная позиция двадцатитысячного акушинского ополчения. 12 декабря авангард занял селение Урума без выстрела.

16-го числа прибыл генерал Ермолов с главными силами. Вскоре явились уполномо-

ченные старшины акушинского народа. Генерал Ермолов принял их ласково. Неожиданный прием произвел на них действие совершенно противное тому, которое произвел бы он на представителей народов образованных: вежливость генерала была приписана страху и желанию кончить все распри миролюбиво.

Надобно сознаться, что трудности местоположения, по которому войска должны были проходить в сие позднее время года, и несравненно важнейшие затруднения, которые еще предстояли, как при самом овладении крепчайшею позицией, защищаемою многочисленным войском, так и дальнейшее после того следование, к самому городу Акуше, лежащему в 80 верстах от оной, и притом по местам чрезвычайно гористым, весьма населенным и вовсе нам неизвестным, подали старшинам повод усомниться в успехе предприятия. Ежели присовокупить к сему славу непобедимости, которая искони приписывалась этому народу в Дагестане, особенно же со времени разбития войск страшнейшего во всей Азии завоевателя Надир-шаха, то самонадеянность уполномоченных старшин народа аку-

шинского объяснится весьма естественным образом.

Самые умеренные предложения генерала Ермолова к восстановлению согласия и предупреждению пролития крови были отвергнуты с высокомерием.

Упорство старшин акушинских, обнаружившее мнение всего народа, огорчило генерала Ермолова. Как вовсе неудобно было действовать с успехом артиллерией, в коей состоит главное преимущество оружия нашего против горцев, то генерал Ермолов весьма основательно страшился потерять, может быть, несколько тысяч человек и приступил к неприятным действиям с особенною осторожностью и осмотрительностью.

В продолжение двух дней предпринимаемы были форсированные рекогносцировки по всему фронту неприятельской позиции, пролежавшей по трем хребтам гор, параллельно один над другим возвышающимся; все протяжение оной составляло около 10 верст, примыкая обоими флангами к неприступным утесам. У подошвы хребта правого фланга позиции пенилась речка Манас и пролежала до-

рога в Акуту; продолжение же сего высокого и скалистого хребта, отвесисто как бы расщепленного речкою, не было занято неприятелем, вероятно, потому, что он чрезвычайно гористые места, лежащие по ту сторону реки, почитал совершенно неприступными. Это обстоятельство обратило на себя особенное внимание генерала Ермолова, посему он лично предпринял усиленную рекогносцировку. Неприятель почел ее за намерение начать решительный приступ и, нисколько не препятствуя движению генерала, с большим криком ожидал его в своих укреплениях.

Не было ни малейшего сомнения в том, что неприятельскою позицией можно овладеть без большой потери, если только откроется хотя малая тропинка, ведущая к возвышениям по ту сторону реки, тропинка, по которой бы возможно было втащить артиллерию. Но ближайшее подробное разыскание местности не могло быть предпринято днем; ибо все эти места были открыты взорам неприятеля, для коего намерение сие должно было оставаться тайною, дабы он не занял крутых возвышений, лежащих по ту сто-

рону реки, и тем не уничтожил последней надежды к отысканию средств обойти позицию. Для отвращения подозрений и чтобы не дать повода неприятелю думать, что обзревающие обращают какое-либо внимание на означенные высоты, войска возвращались в лагерь вдоль подошвы хребта, занятого неприятелем, и останавливались при каждом выходящем из одного ущелий, как бы отыскивая удобных мест для приступа. Едва только смерклось, как несколько татар и линейных казаков были посланы для отыскания дорожки к упомянутым высотам. Около полуночи они возвратились и привезли радостное известие, что есть тропинка, хотя весьма трудная, по которой с помощью людей можно будет артиллерию втащить на высоты. В два часа приказано было всем войскам выступить (19 декабря).

Огни неприятельские уже угасали, когда весь отряд находился не далее, как на пушечный выстрел от укреплений; передовые посты, по-видимому, заснули, ибо они ничем не возвестили о приближении русских. Это благоприятное обстоятельство не только дало ге-

нералу Ермолову время расположить главные силы отряда в надлежащий боевой порядок, но и доставило возможность князю Мадатову, долженствовавшему ночью обойти правое крыло неприятельской позиции, преодолеть невероятные препятствия, которые природа представляла следованию войск с артиллерией по тропинке, едва проходимой для одних пеших. Когда совершенно рассвело, неприятель с удивлением увидел пред собою главные силы генерала Ермолова, а с правого фланга позицию, обойденную отрядом князя Мадатова.

Генерал Ермолов первый открыл огонь из орудий. Невозможно было действовать пехотою, по причине неприступности неприятельской позиции, которая, сверх всего, еще была укреплена тремя линиями редутов. К счастью, отряд князя Мадатова успел уже занять главные высоты без выстрела. Бесчисленные толпы неприятельские, видя опасность с правого фланга, в больших силах спешили перейти за речку и с ужасным криком и ругательствами бросились на его отряд, который встретил их картечью, а вся пехота,

разделенная на три колонны, бросилась в штыки. Неприятель нигде не выдерживал атаки и бежал с одной позиции на другую на пространстве 5 верст. Тогда отряд князя Мадатова по местоположению не только уже находился во фланге неприятельской позиции, но даже, к счастью, и высоты, им занимаемые, господствовали над оною в самом близком расстоянии, хотя отделялись от оной непроходимым оврагом, орошаемым речкою Манас. Невзирая на урон, наносимый горцам действием артиллерии генерала Ермолова, они не колебались в своей позиции, а старались только прятаться за укреплениями, пока артиллерия князя Мадатова с правого фланга открыла жестокую пальбу вдоль всей их линии; тогда, не выдержав перекрестного огня, они обратились в бегство так стремительно, что многие убились, падая с отвесных скал, и спасшиеся в короткое время скрылись в бесчисленных ущельях гор.

По собственному признанию неприятелей, силы их простирались за 15 тысяч человек; между ними были изменники: Ших-Али-хан Дербентский, Уцмий Каракайдагский, Сурхай,

сын хана Казикумухского, и другие не столь значащие владельцы. Кроме акушинских войск, были тут и соседственные им народы Дагестана. После сего славного дела весь отряд имел ночлег у селения Леваша, по коему наименовано и сражение сие, стоившее нам только 28 человек убитыми и ранеными.

От селения Леваша до города Акуши отряд совершил три перехода в два дня, несмотря на трудности и встречаемые на каждом шагу препятствия, представляемые природою, в особенности в столь позднее время года. По приказанию генерала Ермолова князь Мадатов, по прибытии в Акуту, в большой мечети сего города привел кадиев оного и старшин всех акушинских селений к присяге, которую они соблюдали столь свято, что шесть лет спустя, когда персияне вторглись в Грузию, акушинцы не только не участвовали в мятежах, но присылали к главнокомандующему генералу Ермолову все письма персиян, коими их уговаривали к восстанию против русских, обещая им богатые подарки и большие суммы денег.

Победа, одержанная под Леваша, имела

еще то важное последствие, что Сурхай-хан Казикумухский, с сильным ополчением в этот самый день ворвавшийся уже у Чирака в Курахскую провинцию, в коей у нас, как и в Кубинской, оставалось весьма немного войск, услышав о поражении акушинцев, поспешно возвратился в Казикумух, и край спасся от неисчислимых бедствий, всегда сопровождающих удачный набег полудиких кавказцев.

В 1820 году возобновлен был поход в Северный Дагестан, и начальство над войском, назначенным в эту экспедицию, вверено было князю Мадатову. Поводом к походу было возмущение Сурхай-хана Казикумухского, который, нарушив присягу, принял сторону чеченцев.

Ван-Гаден (находившийся в чине майора в отряде князя Мадатова) в своих записках рассказывает, с каким благоразумием и осторожностью обходился князь Мадатов с ханами, от коих, по предписанию генерала Ермолова, должен был требовать вспомогательных войск для усиления татарскою конницею русского отряда.

Аслан-хан Кюринский назначен команду-

ющим всю татарскую конницу.

В селении Хозрек готовилось отчаянное сопротивление, неприятель бежал. Русские преследовали. Хорошее обращение русских с жителями Хозрека убедило жителей Казикумуха, что война была ведена не с ними, а с вероломным притеснителем их (Сурхай-ханом, которого они и не впустили более в город). Аслан-хан был объявлен владельцем ханства Казикумухского и вступил в управление. Старшины присягали на верноподданство императору.

Дорогою (от Казикумуха) князь принимал от старшин разных мест присягу на верность императору Всероссийскому. В числе их был и акушинский кадий, чрез которого сургинские жители, уstraшенные покорением Казикумуха, просили помилования.

Таким образом окончена в две недели война в Казикумухе, тогда как предполагали, что она продолжится несколько месяцев.

Главнокомандующий, генерал Ермолов, отдал следующий приказ:

«Еще наказывая противных, надлежало,

храбрые воины, возвести знамена наши на вершины Кавказа и войти с победою в ханство казикумухов. Сильный мужеством вашим, дал я вам это приказание, и вы, неприятеля в числе превосходного, в местах и окопах твердых упорно защищавшегося, ужасным поражением наказали. Бежит коварный Сурхай-хан, и владения его вступили в подданство великому нашему государю. Нет противящихся нам народов в Дагестане.

О делах ваших, храбрые воины, донесу императору: знает он и труды воинов и опасности разделять с ними».

Князь Мадатов, возвратясь из этих походов, которых последствием было совершенное покорение Северного Дагестана, занялся благоустройством ханств, порученных его управлению. Они, в особенности в это время, требовали необходимого наблюдения по причине побега ханов в Персию, Ширванского в 1820 году и Карабахского в 1822 году. Оставленные ими ханства, многолюднейшие и богатейшие из всех закавказских областей, поступили в заведование российского правительства. Надлежало приучить к повинове-

нию людей, чуждых гражданскому благоустройству.

Во все время (управления русского) ханства эти процветали и наслаждались полным спокойствием и внутреннею безопасностью, отчего вошла в употребление пословица, что «женщина в Карабахе может ходить безопасно с блюдом золота на голове».

...В 1825 году одними жителями, без всяких издержек со стороны правительства, была совершенно устроена дорога от Аскерана в край Шушу и оттуда почти до Ах-Оглана. С того времени купечество избавилось от затруднения, стеснявшего торговлю.

...Размножены и улучшены шелковичные сады, которые в Ширванской и Шекинской провинциях приносят правительству значительный доход.

Князь Мадатов старался поощрять жителей к распространению и улучшению разных отраслей земледельческой промышленности. С этою целью он производил в собственном своем имении, в Карабахе, первые удачные опыты посевов семян хлопчатой бумаги, выписанных с острова Бурбона, заботился об

улучшении конских заводов, из которых карабахские славились в особенности во всем Закавказском краю и даже в Персии. В 1823 году приступлено было к точному определению границ между Россией и Персией, на основании трактата Гюлистанского. Между назначенными на этот конец с обеих сторон уполномоченными комиссарами произошли несогласия, для прекращения которых генерал Ермолов позволил князю Мадатову иметь личное свидание с Аббас-Мирзою.

Документы и письма А.П. Ермолова приложение к дневнику

Два приказа Алексея Петровича Ермолова по Грузинскому отдельному корпусу

1

«Господину генерал-майору, командующему войсками на Кавказской линии и кавалеру, Делпоццо.

Из поступающих ко мне о происшестввиях на Кавказской линии донесений вижу я, сколь слаба и неисправна кордонная наша стража, сколь незначительны и худо исправ-

ляют должность свою командующие постами офицеры. Я предлагаю вашему превосходительству употребить свою строгость и внушить им точные их обязанности. Я препровождаю у сего копию с рапорта о происшествии, случившемся с 9-го на 10-е число, в ночи, у Прохладной, из коего усмотрите, сколь строгого наказания достойны оплошные посты, в таком близком расстоянии находившиеся и нимало не оказавшие поддержки. Извольте, ваше превосходительство, истребовать гражданского чиновника за депутата, приказать произвести подробнейшее исследование над начальниками поста и конвойной при порте команды и виновных предать суду, который непременно кончить в восемь дней и ко мне представить на заключение. Я требую от вашего превосходительства возможной в сем случае строгости, ибо оскорбительно для меня слышать справедливые насчет неисправности воинской стражи укоризны, и в правилах моих нет снисхождения к нерадивым. Я полагаю, что в описанном мною происшествии легко можно открыть, где прошли хищники на возвратном их пути,

ибо стража скоро о том извещена была; то, удостоверясь точно от мирных аулов, где именно они проходили, потребовать непременно удовлетворения, ибо известно уже, что они дают свободный пропуск разбойникам, а иногда и у себя их укрывают.

Извольте, ваше превосходительство, от всех, мирными называющихся, мошенников, взять аманатов и, соблюдая от меры предосторожности, выдержав в карантине, содержать их под присмотром в Георгиевске, требуя от них лучших и богатейших семейств в случае разбоя; и когда точно доказано будет, что чрез землю мирных приходили хищники, а паче если доказано будет, что они укрываемы были, извольте объявить мирным мошенникам, что есть мое повеление наказывать смертью аманатов.

Извольте до получения сего объявить всем аулам, вблизи от кордона нашего живущим, что если они не будут воспрещать прохода хищникам или не давать известия, то я накажу их оружием, изгоню в горы, где истребят их или неприятели, или моровая язва. Внушите им, что если они способствовать будут

хищникам, то нам не нужны мирные мошенники и что я столько же мало уважаю их приязнь, сколько боюсь иметь их неприятелями. Не знаю, что поводом было к размножению между кордонной стражи казаками мнения, что хищников вооруженных воспрещено бить, а непременно приказано брать живыми, когда они защищаются оружием. Я прошу поведением вашим удалить сию, здравому рассудку противящуюся мысль и внушить, что сколько строго накажу я всякого из наших, кто учинит нападение, столько же не упущу взыскать и с того, кто не будет употреблять всех средств к наказанию за сделанное нападение. Против оружия средство — оружие, внушите строго нападающим на нас. С истинными приятелями нашими употребляйте великодушие и кротость, вам свойственные и которые в особе вашего превосходительства я столько почитать и уважать умею.

Генерал-лейтенант Ермолов

28 октября 1816 года. № 388».

«Посланный от меня капитан гвардии

Жемчужников, для осмотра оставленных в большом количестве людей от рот Белевского пехотного и 15-го егерского полков, выступивших в Карталинию, представил мне об них списки, за подписанием гг. полковых командиров. Большое число больных меня не удивило, ибо если причиною тому нездоровый край, то не менее мною замечен и недостаток попечения гг. командиров.

Лазарет 15-го егерского полка содержится лучше Белевского, но весьма далек от того устройства, в котором мог быть при должной о нем заботливости. Лазарет Белевского полка явно свидетельствует нерадение о нем бывшего командира, г. генерал-майора Мерлина. Долгое время командуя полком довольно уже давно на одном месте, можно бы иметь его в лучшем порядке. Нет удобного для помещения больных строения, тогда как в близости есть много леса. Больные лежат тесно, мало лазаретных вещей, и то худые.

Д. Доу. Портрет А.С. Жемчужникова

Я предупреждаю гг. начальников, что не только не буду, подобно им, равнодушным к

состоянию больных солдат, напротив того, обращу их строгими мерами к их обязанностям. Г-ну генерал-майору Мерлину, уважая в нем чин его, даю способ загладить вину нерадения его предложением на лазарет собственного его дома, в построении коего участвова-

ли солдаты, которые в то время с большею пользою могли обращены быть, по крайней мере, на построение прежде лазарета, о чем ожидаю от него донесения. В списках означены оставленные по приказанию бригадного командира, для употребления на службу, 55 человек Белевского и 65 человек 15-го егерского полков. Если люди те мастеровые, то по числу выступивших рот их слишком много; если же оставлены по прихотям полковых командиров, то не выполнена цель, для которой роты выведены.

В списках показано, что Белевского пехотного полка 1 унтер-офицер и 26 рядовых находятся при генерал-майоре Мерлине. Если то для охранения его особы, то она в Кутаисе безопасна; если же для почести, для того есть установленный узаконениями караул. В крепости Св. Николая лазарет Гурийского гарнизонного полка в жалком положении. Я не взыскиваю за недостаточное больных содержание; ибо по всегдашнему числу больных полк собственных на то средств не может иметь достаточных, но, по крайней мере, при-смотр за больными никаких не требовал от

полка издержек.

Лазарет в верхнем укреплении довольно хорош и занят малым числом больных; другой, несравненно худший, так наполнен, что одного стеснения довольно, чтобы между людьми размножить и усилить болезни. Лекарь часто пьян и редко бывает в лазарете; его, держа под караулом, вытрезвить и расположить жить в лазарете, всегдашним занятием отнять праздность – причину пьянства. Больных становится больше от беспорядочного употребления людей на службу, от несоблюдения очереди между ними; чрез одну смену ходят они в караул. Прекращение многих беспорядков зависит от лучшего надзора начальствующего войсками, г. генерал-майора Хатунцова, которому о том дается замечание.

Генерал-лейтенант Ермолов».

Отношение Ермолова к дежурному генералу Закревскому

«**П**ри отношении от 2 ноября, за № 9603, Ваше превосходительство препроводить мне изволили копию с отзыва господина министра духовных дел и народного просвещения

щения о том, что полевым обер-священник, во
ожидании достоверных сведений о исправно-
сти тифлисского военного госпиталя протоие-
рея Джевахова, отказывает просимую ему на-
граду.

Господин обер-священник, в премудрой
осторожности своей против свидетельствова-
ния моего об усердии протоиерея, конечно, не
простит мне суетного суждения, что в звании
командира корпуса и удостаиваемый важной
доверенности чиновник мог бы не подпасть
подозрению в пристрастии в подобном слу-
чае. Но как ожидаемые им достоверные све-
дения, конечно, не сообщаются ему открове-
нием свыше и, подобно мне, должен он рас-
сматривать предметы, дает он, обер-священ-
ник, повод, довольно правдоподобный, к за-
ключению, что, в расстоянии 3 тысячах верст,
лучше не может он видеть их, как и я сам, ко-
гда оные у меня под глазами. Не чуждо было
бы, по крайней мере, приличия, если бы гос-
подин обер-священник благоволил изыскать
лучшую причину к опровержению представ-
ления моего к награждению протоиерея».

Письмо великого князя Константина

Павловича

«Любезный и почтеннейший Алексей Петрович!

Зная то особенное искреннее участие, которое вы принимаете в любезнейшем друге и товарище, генерал-лейтенанте князе Яшвиле, и хотя мы теперь с вами далеко друг от друга находимся, но я, помня ваше душевное дружеское к нему расположение, хотя и знаю, что вам будет весьма неприятно слышать неудачу с его стороны, но что же делать, не могу вам об оной не рассказывать. Посланы были офицеры выбирать из артиллерии, в его команде состоящей, в гвардейскую артиллерию людей; он не допустил, отослав назад офицеров, отозвавшись, что люди прежде уже были взяты. Но ныне, по моему представлению, государь император приказать изволил сделать выбор, которого князю Яшвилю не хотелось; это, кажется, значит не солоно схлебнул; а как все это дело происходило, вы можете увидеть подробно из прилагаемых при сем копий с моего представления и с ответа князя Волхонского.

Мне весьма прискорбно, что я вам делаю

большую неприятность, писавши о неудаче любезнейшего вашего единственного друга и товарища, но, по искренности моей к вам, я не мог пред вами об этом умолчать. И затем примите, ваше превосходительство, уверение моего к вам всегдашнего уважения».

Рескрипт

«15 Н оября 1816 года, Варшава.
Командиру Отдельного Кавказского корпуса господину генерал-лейтенанту Ермолову

Прежде прибытия вашего к месту назначения составлена смета о потребной на 1817 год сумме на продовольствие отдельного кавказского корпуса, по коей цены начислены выше прошлогодних: на четверти муки 2 руб. 9¹/₂ коп., на четверти овса 3 руб. 52¹/₄ коп. и на пуде сена 3²/₃ коп.

Рассмотрев предварительно начисления всего военного департамента, заметил я, что по первой армии, напротив, исчислены цены с понижением против 1816 года: на четверти муки 62 коп., круп 2 руб. 64²/₃ коп., овса 1 руб. 96¹/₅ коп. и на пуде сена 5 коп.

Соображая состояние Государственного

казначейства и принимая в уважение, что когда в первой армии сделано понижение в ценах, то, без сомнения, должно оно быть и в других местах, приказал я военному министру, в соразмерность цен 1-й армии, требовать и для вверенного вам корпуса сумму на будущий год, решительно считая четверть муки 12 руб. $77\frac{1}{5}$ коп., четверть круп 15 руб. $2\frac{5}{12}$ коп., четверть овса 4 руб. $85\frac{3}{10}$ коп. и пуд сена 10 коп.

Извещая вас о сем, я уверен, что при усердии вашем и познанной попечительности о пользе казенной вы не упустите ничего к выгодному отдельного Грузинского корпуса продовольствию и к дешевлейшей транспортировке оного как морем, так и в линейные магазины, дабы в течение будущего года обойтись тою суммою, какая по назначенным мною ценам исчислена будет.

Александр.

С.-Петербург. 28 ноября 1816 года».

**Письмо королевы Виртембергской,
великой княгини Екатерины Павловны**

«**С**тутгард, 4 января (23 декабря) 1817 г.
Алексей Петрович! С отменным удо-

вольствием я получила вчера письмо ваше и прекраснейшую шаль, вами мне присланную. Не только сей драгоценный дар, но более еще воспоминание ваше очень меня обрадовали. Вы давно знаете, сколь высоко я почитаю ваши воинские качества и услуги, которые вы столь часто любезному нашему отечеству оказывали. Я крайне тронута, что и в отсутствие вы обо мне вспомнили, и буду всегда сию отменную шаль с удовольствием носить. О ваших дипломатических успехах для меня было любопытно в ведомостях читать, и я не сомневаюсь, что вы и на сем новом поприще будете России полезным. Желая вам во всех случаях жизни счастья, с отменным уважением пребываю вам доброжелательная

Екатерина».

Письмо великого князя Константина Павловича

«Алексей Петрович!
Я имел удовольствие получить письмо ваше от 9 января и читал то, что вы пишете любезнейшему нашему Дмитрию Дмитриевичу. От всего сердца благодарю вас за те же ваши чувства ко мне, которыми я имел удо-

вольствие прежде пользоваться. С моей же стороны, ежели бы вы были на краю света, а не только в Грузии, то я всегда был и буду одинаков с моею к вам искренностью, и оттого между нами та разница, что я всегда к вам был, как в душе, так и на словах. А вы, любезнейший и почтеннейший друг и товарищ, иногда с обманцем бывали. Впрочем, скажу вам, что у нас здесь хотя мы и не в Персии и не на носу у вас Индия, но, однако, все, благодаря Бога, хорошо и своим порядком, как водится, идет.

В заключение сего повторяю, вам истинное уверение, что никакая отдаленность не переменит особенного и всегдашнего к вам искреннего уважения.

11 февраля 1817 года».

Два письма графа Аракчеева

I.

«**М**илостивый государь мой,
Алексей Петрович!

Я получил письмо вашего превосходительства из Тифлиса, от 9 января сего года, и ценю доверенность, которая побудила вас обратиться ко мне. Но, вместе с тем, я предостав-

ляю беспристрастию вашему разрешить, могут ли я участвовать в отклонении неудобств, встречающихся в продовольствии вверенных вам войск, когда дело сие остается для меня совершенно сторонним? Напротив того, важность предмета требовала бы, по мнению моему, чтобы вы, милостивый государь мой, настоятельное сделали об оном представление военному министру, который, имея в заведывании своем все то, что относится до продовольствия войск, в обязанности находится дать полное на требование ваше разрешение. Сочтя за нужное упомянуть о сем вашему превосходительству и зная, впрочем, благоразумие, которое отличало всегда действия ваши, я спешу повторить вам здесь уверение отличного почтения, с коим имею честь быть
вашего превосходительства покорный слуга,

граф Аракчеев.

11 февраля 1817 года».

II.

(Собственноручно.)

«Милостивый государь,
Алексей Петрович!

Я радуюсь, что вашею помощью окончилось дело князя Христова, и я спешу доставить к вашему превосходительству копию с указа, на имя ваше последовавшего, прося принять истинное мое уверение в почтении, которое я всегда сохраняю к вашему превосходительству, и пребуду навсегда покорный слуга

Граф Аракчеев».

Приказ Ермолова по Грузинскому отдельному корпусу

«**П**ри обозрении мною границ, высочайше порученных управлению моему, областей, владетели ханств: Ширванского, Шекинского и Карабахского, по обычаю здешних стран, предложили мне в дар верховых лошадей, золотые уборы, оружие, шали и прочие вещи.

Не хотел я обидеть их, отказав принять подарки. Неприличным почитал и воспользовался ими, и потому, вместо дорогих вещей, согласился принять овец (от разных ханств 7000). Сих дарю я полкам; хочу, чтобы солдаты, товарищи мои по службе, видели, сколько приятно мне стараться о пользе их. Обещаю

им и всегда о том заботиться (здесь следует порядок, сколько на какой полк и откуда получить).

Овцы сии принадлежат артелям, как собственность, в распоряжения коей никто не имеет права мешаться. Стада должны пастись вместе всего полка, не допуская мельчайших разделений, дабы караулами не отяготить людей и солдаты не сделались бы пастухами. Команды при табунах должны быть при офицерах и в строгом военном порядке. За сохранение табуна не менее ответственен офицер, как за военный пост. Полку вообще не сделает чести, если офицер его не будет уметь сберечь собственности солдатской. Овец в первый год в пищу не употреблять; во сколько можно стараться разводить их. Для выбора способных к заводу будут от меня отправлены знающие люди; для перегнания стад ханы дадут опытных отправщиков. Впоследствии будет и мясо, и полушубки, которые сэберегут дорогое здоровье солдата, а полушубки, сверх того, сохранят и амуницию. Для выделки шкур я помогу полкам деньгами; каждые полгода полки должны представ-

лять мне ведомости об успехе разведения овец, по которому буду заключать о заботливости гг. командиров. Солдатам позволяется, если найдут выгоднее иметь рогатый скот, продать или променять овец. К отправлению приемщиков и команд должно полкам приступить немедленно. Приказ сей прочесть в ротах.

Генерал-лейтенант Ермолов.

Февраль 1817 г. Тифлис».

Рапорт Алексея Петровича Ермолова государю императору

«**В**никая в способы введения в здешнем краю устройства, хотя вижу я большие затруднения, надеюсь, однако ж, со временем и терпением в свойствах грузин ослабить закоренелую склонность к беспорядкам; но области, ханами управляемые, долго противостанут всякому устройству, ибо данные им трактаты предоставляют им прежнюю власть без малейшего оной ограничения казны, на которую они права не имеют. Управление ханствами даровано им наследственно.

Благодетельные российские законы не иначе могут распространиться на богатые и

изобильные области сии, как в случае прекращения наследственной линии или измены ханов. Покойный генерал князь Цициянов при недостатке средств со стороны нашей и сих внешних и внутри земли сильных неприятелей присоединил ханства к России. Необходимость вырвала у него в пользу ханов трактаты снисходительные. Впоследствии ощутительно было, сколько они противны пользам нашим, отяготительны для народов и сколько потому с намерениями вашего императорского величества не согласуются.

Никто, однако ж, не воспользовался возможностью переменить их. Измена хана Шекинского вручила нам богатые его владения, главный город взят был нашими войсками, хан бежал в Персию, и введено было российское управление. Генерал-фельдмаршал граф Гудович без всякой нужды вызвал на ханство одного из бежавших ханов из Персии, и ныне сын его, генерал-майор Измаил-хан, им управляет. Таким же образом изменил и хан Карабахский, но был убит.

После него остались дети верные и приверженные, и фельдмаршал граф Гудович

должен был ввести сына на ханство, которым доселе владеет, но он бездетен и здоровья весьма слабого; по нем наследник, племянник его, полковник. Джафар-Кули-Ага, который в 1812 году изменил нам, бежал в Персию, вводил персидские войска в свое отечество неоднократно, с ними вместе на один батальон наш, слабый числом, напал и истребил его. Предместник мой, генерал Ртищев, призвал его из Персии высочайшим манифестом 1814 года, простил его преступления, признал его прежним полковником и ввел в прежние права наследника ханства. Оба сии ханства, положением своим важные, произведениями богатейшие, должны непременно быть управляемы российскими законами на том основании, как Елисаветопольский округ, некогда бывший ханство Ганжинское.

Доводя о сем до сведения вашего императорского величества, всеподданнейше прошу полковника Джафар-Кули-Агу не утверждать наследником ханства Карабахского; и хотя генерал Ртищев, именем вашего величества, признал его в сем достоинстве, я найду благовидные причины не допустить его управлять

ханством.

Хана Шекинского, озлобившего управлением народ, его ненавидящий, жестокого свойствами и преступающего дарованные ему трактатом права, я начал уже усмирять весьма строгими мерами. И даю направление общему мнению, что он ханом быть не достоин.

Я не испрашиваю вашего императорского величества на сей предмет повеления; обязанности мои истолкуют мне попечение вашего величества о благе народов, покорствующих высокой державе вашей; правила мои не призывать власти государя моего там, где она благодворить не может; необходимость же наказания предоставляю я законам. По возвращении из Персии, согласуясь с обстоятельствами, приступлю я к некоторым необходимым преобразованием.

Февраль, 1817 года. Тифлис».

Дж. Велхвацци. Панорама Тифлиса конца XIX века

**Рескрипт. Командиру Отдельного
Грузинского корпуса, господину**

генералу от инфантерии Ермолову

«Предположения ваши о наделении землями казаков, по Кавказской линии поселенных, были рассмотрены в комитете министров и потом представлены мне.

Обратив внимание на сии предположения, нахожу оные совершенно основательными и пропорцию земли, казакам предназначаемую, достаточною. А потому повелеваю вам учредить особую, под руководством вашим, комиссию из членов одной военной стороны, министерства финансов и одного землемера, вменив ей в обязанность заняться наделением собственно казаков землями, коих пропорцию отмежевать по вашему предположению,

а именно: для полков, расположенных по правому флангу линии, в уездах Александровском, Ставропольском и Георгиевском, где земля удобная к хлебопашеству, на каждую наличную душу служащих и не служащих казаков по 30 десятин, чиновникам же их штаб-офицерам по 300, а прочим старшинам по 60 десятин.

Что же касается до тех, которые живут на левом фланге по реке Тереку, как то: полков Моздокского, Гребенского, Терского, Семейного и прочих, то, по уважению, что земля у них большею частью песчаная и для хлебопашества весьма невыгодная, назначить каждому казаку, служащему и неслужащему, по 50 десятин, штаб-офицерам их по 400, а прочим старшинам по 100 десятин. Сверх сего количества, для каждого селения тех и других полков, отвести особо по 30 десятин для разведения лесу и особо для церквей, где оные имеются, узаконенную пропорцию.

При таком разделении земель комиссия должна:

1) Иметь в виду всевозможное сохранение выгод казенных поселян и азиатских наро-

дов, ведущих оседлую и кочевую жизнь, и чтобы те и другие не почувствовали притом никакого стеснения.

2) Изыскать способы, куда по местным удобствам лучше обратить отданные от казны Волжскому полку пять оброчных статей и каких полков казакам ближе и справедливее предоставить право пользоваться рыбными ловлями, в оных статьях находящимися.

3) Определить, нужно ли будет ныне Моздокского полка казакам отвести из пустопорожных земель, к дачам их прилегающих, 5709 десятин, взамен такого же количества земли, на коей произрастает трава желтинник и которую предположено взять из владения того полка в казенное ведомство.

Вы не оставите, по ближайшей вам известности всех обстоятельств, до сего относящихся, снабдить комиссию нужным наставлением и наблюсти за точным исполнением возлагаемого на нее поручения; по исполнении же донести мне, что под руководством вашим учинено будет.

Александр.

С.-Петербург, 6 марта 1817 года».

Рапорт Ермолова государю

«В представлениях моих о вознаграждении чинovníков никогда не обращал я внимания начальства на недостойных, и не особенным усердием и трудами или похвальным бескорыстием оного не заслуживших. Здесь, по недавнему моему пребыванию, наиболее строг я в выборе. Но, государь, бесполезно одобряю трудящихся. Не внимает начальство моим представлением, не достигают они правосудного вашего императорского величества воззрения. И я по воле вашего величества, занимая место, с которым неразлучно должно быть доверие правительства, в первый раз, в продолжение службы моей, не смею ручаться подчиненным за справедливое воздаяние трудов их, а потому и доверие к правительству внушить им не могу.

Управляющему Министерством полиции представлял я о исходатайствовании награждения чинovníкам за труды в прекращении заразы. Я был свидетелем, каковых стоит трудов и самой опасности тщательное исполнение сих должностей; но мне отвечают, что высочайше повелено остановиться представ-

лениями до назначения времени и форм докладов по сему предмету. В то же время по Министерству полиции и по другим частям беспрестанно награждаемые чиновники утверждают меня во мнении, что нет форм правосудию и милосердию.

Государь! Здесь надежды на справедливое воздаяние за верность и усердие должны вознаграждать лишение всех прочих выгод. Род жизни служащих здесь отречение всех удовольствий и отдаленность достойны особенного внимания. Никто не служит здесь, кому сильные связи и могущественные покровительства представляют выгоднейшее служение в другом месте. Я требую трудов, и здесь все надобно доставать трудами.

К милостям, вашим императорским величеством изливаемым, присовокупите, государь, и то, чтобы мог я достойным обещать достойное воздаяние.

12 марта 1817 года».

Рескрипт Ермолову

«**А**лексей Петрович! Я весьма доволен трудами и усердием, подъемлемыми вами на пользу края и войск, вам вверенных. Каж-

дое донесение ваше принимаю я доказательством неусыпного вашего рвения к водворению устройства в Грузии и к исполнению моих ожиданий. Желая доказать вам, сколь мне приятно содействовать вашему попечению, я, при соблюдении всех правил строжайшей умеренности в государственных расходах, дал мое повеление министру финансов отпускать ежегодно в распоряжение ваше по 159 744 руб. ассигнац. для довольствия войск Грузинского корпуса мясною и винною порцией, по вашему назначению, будучи уверен, что коль скоро устройство земли и войска, сходно предположением, дозволит прекратить издержку сию из сумм государственного казначейства, вы ускорите сообразным сему распоряжением. Пребываю вам навсегда благоклонным.

Александр.

С.-Петербург, 24 мая 1817 года».

**Два письма великого князя
Константина Павловича**

1

«**А**лексей Петрович!
При почтенном письме ко мне ваше-

го превосходительства, имев честь получить описание, сделанное полковником Ермоловым персидских регулярных войск, и азиатскую саблю работы художника Геурка, я приятным долгом обязываюсь обратиться к вам за оное и за память старинной дружбы с истинною моею благодарностью, и скажу вам, храбрый и любезнейший товарищ, что я на первый раз, прочитав помянутое описание, нахожу, что оное кто сделал, видно был с глазами: написано прекраснейше, и я только что взглянул, увидел, что устройство и порядок английских войск, но, чтобы лучше о сем знать, я буду оное чаще читать. Прошу вас за сие поблагодарить от меня полковника Ермолова, равно и за саблю Геурка, которая, как оружие, никогда так не принимается, а посылается за сие 10 коп. серебром. Вам не знаю, что послать отсюда нового; если наши уставы, то вам оные известны; разве надобно бы было отыскать и послать по дружбе к любезнейшему патеру Груберу старинные езуитские установления.

Впрочем, прошу, любезнейший и почтеннейший товарищ, содержать меня по-преж-

нему в вашей памяти и принять уверение моего к вам всегдашнего с дружбой почтения и уважения.

27 июня 1817 г.».

II

«Милостивый государь,
Алексей Петрович!

Для меня весьма приятно было получить письмо вашего превосходительства от 9 июня; полковник Джонсон и капитан Солтер проехали чрез Варшаву в отсутствие мое; крайне сожалею, что сей случай лишил меня удовольствия исполнить ваше желание касательно их приема, ибо хотя мы находимся друг от друга в весьма большой отдаленности, но прошу вас быть уверенну, что я как прежде был, так и всегда останусь, с искренним и особенным к вам уважением и дружбой.

8 сентября 1817 года».

**Письмо Ермолова к барону Петру
Ивановичу Меллеру-Закомельскому
[174]**

«Моздок. 15 декабря 1818 года.
Достойный и всеми почитаемый на-

чальник!

Мне кажется, все внимание ваше обращено было на Ахен, и вы страну Кавказа не устаиваете минутою воспоминания. Теперь отдохнули вы, ибо судить, по-видимому, возможно, что судьба позволила царям наслаждаться миром; даже самые немецкие редакторы, все обыкновенно предузнающие, не грозят нам бурю несогласия и вражды.

Спокойно стакан пива наливается мирным гражданином, к роскошному дыму квестера не примешивается дым пороха, и картофель растет не для реквизиций. Один я, отчужденный миролюбивой системы, наполняю Кавказ звуком оружия.

С чеченцами употреблял я кротость ангельскую шесть месяцев, пленял их простотой и невинностью лагерной жизни, но никак не мог внушить равнодушия к охранению их жилищ, когда приходил превращать их в бивуак, столь удобно уравнивающий все состояния. Только успел приучить их к некоторой умеренности, отняв лучшую половину хлебородной земли, которую они уже не будут иметь труда возделывать. Они даже не

достигают самого удобопонятного права – права сильного! Они противятся.

С ними определил я систему медления и, как римский император Август, могу сказать: «Я медленно спешу». Здесь мало истребил я пороку, почтеннейший начальник; но один из верноподданнейших слуг нашего государя вырвал меня из этого бездействия; он мучился совестью, что без всяких заслуг возведен был в достоинство хана, получил чин генерал-майора и 5000 руб. в год жалованья. Собрав войска, он напал на один из наших отрядов, успеха не имел, был отражен, но отряд наш не был довольно силен, чтоб его наказать. Я выступил, и, когда нельзя было ожидать, чтоб я в глубокую осень появился в горы, я прошел довольно далеко[175], прямо к владениям изменника, разбил, рассеял лезгин и землю важно обработал. Вот что значит отложиться. Сделал честно, и роптать на меня нельзя; ведь я не шел на задор, и даже князь П.М. Волконский придраться не может: неужели нельзя потерпеть дерзость лезгин?

Однако поговорите с ним, почему я слышу не совсем покойным человеком; по справед-

ливости, надлежало бы спросить предместников моих, почему они, со всею их патриаршей кротостью, не умели внушить горцам благочестия и миролюбия? Меня, по крайней мере, упрекнуть нельзя, чтоб я метал бисер пред свиньями; я уже не берусь действовать на них силою Евангелия, да и самой Библии жаль для сих омраченных невежеством.

Итак, 30 ноября я возвратился на линию и собираюсь теперь в Грузию, может быть пешком, как в апреле переходил горы. Проклятая гора Казбек не уважает проконсула Кавказа. Вот, батюшка Петр Иванович, какую здесь должно жизнь вести; тому, кто хочет служить усердно, не много случится сидеть на месте; зато в Тифлис возвращусь, как в роскошную столицу; а чтобы таковою показалась она, стоит прожить семь месяцев, не выдавши крышки. Но должно ли спросить, чего добиваюсь я такими мучениями? Станешь в пень с ответом. Я думаю, что лучшая причина тому та, что я терпеть не могу беспорядков, а паче не люблю, что и самые каналы, каковы здешние горские народы, смеют противиться власти государя. Здесь нет такого общества раз-

бойников, которое не думало бы быть союзниками России. Я того и смотрю, что отправят делегации в Петербург с мирными трактатами! Никто не поверит, что многие подобные тому депутаты бывали принимаемы.

Напишите, почтеннейший начальник, как вы живете? Занимает ли вас приятнейшее увеселение – театр, и столица, воспринявшая блеск от возвращения государя, представляет ли вам развлечение, или камин принимает верные ваши размышления?

Продолжайте милостивое расположение вашему покорному слуге,

Ермолову».

Предписания Ермолова

I

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Мадатову

Рапорт вашего сиятельства о выступлении с отрядом за реку Самур получил. Когда сбегутся пехота и артиллерия, долженствующие в отряд ваш поступить в скором времени, вы, остановись в Кюрагском округе и наблюдая дорогу в Табасаран, соберите сведения о движении Ших-Али-хана, который, как известно

мне достовернейшим образом, настоятельно требовал от акушинцев идти на Кубинскую провинцию, обещая им, что приверженные ему люди облегчат успех предприятия. Происшедшая тогда между акушинцами ссора и убийство остановили исполнение намерения, но как многие весьма были согласны с оным, то легко ожидать возможно, что, узнав о прибытии вашем с войском, а паче неподалеку от Табасарана, где живет мошенник Абдул-бек Герсинский, зять Ших-Али-хана, сей последний соберет шайку разбойников. В таком случае ваше сиятельство стараться будете выманить их на чистые места и истребить превосходством вашей конницы.

Если же акушинцы возьмут участие в предприятиях Ших-Али-хана, то могут они иметь большие силы, и тогда, по достоверным известиям, каковые можно иметь чрез Аслан-хана Кюринского, вам надобно с большею осмотрительностью расположить ваши действия, всегда согласуя оные с главнейшею целью, которая в том состоит, чтобы до общего движения, осенью, охранить спокойствие Кубинской провинции и не допустить непри-

ятеля ворваться в оную.

Если бы случилось, что акушинцы пришлют к вам письмо или людей для переговоров, принимая ласково, вы скажите им, что от начальства воспрещено вам входить в их земли и делать им зло; но если они, сопровождая Ших-Али-хана или других, желающих делать вред русским, вступят на земли наши, вы должны разуметь их неприятелями. Письменно не давайте им никаких обещаний, отзываясь, что испросите моего на то разрешения. От генерал-майора барона Вреде узнаете людей, нам верных в Табасаране, которым, в случае действий, давать защиту и войска ваши воздерживать от утеснения их. Вообще прошу ваше сиятельство иметь в виду, что единодушное действие с начальствующим в провинции даст вам лишние средства к исполнению поручения. В рассуждении Эмир-Гамзы и брата его вы снесетесь с генерал-майором бароном Вреде, который имеет на сей предмет наставление.

Уцмий Карадакайдагский не упустит вступить с вами в сношение, ибо он всеми пользуется случаями оказать нам преданность, ко-

гда то не стоит ему ни труда, ни малейших жертвований и когда надеется он, ничего более в пользу нашу не делая, сохранить к себе доверенность неприятелей наших. Ему вы, как человек посторонний, откровенно будете говорить, что не таким, как его, поведением доказывается верность государю и что того не довольно, чтоб явно не участвовать в намерениях неприятелей, но должно верноподданному быть явно против оных.

О важных происшествиях давайте мне знать, от меня будете получать нужные, по обстоятельствам, предписания.

Генерал Ермолов».

II

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Мадатову

Не находя нужным делать повторения прежних моих предписаний, зная, сколько ваше сиятельство верно исполните оные, скажу только вам о здешних происшествиях.

Мошенник, аварский хан, возмущает окрестные горские народы, обещая сим легковерным, едва, по глупости своей, уподобляющимся людям, что он истребить нас может.

Чеченцы пришли уже, в небольших силах, и, в ожидании прибытия других, укрываются в лесах, неподалеку; лезгины не все еще в собрании. Мошенник рассеивает слухи, что многие народы идут с ним для освобождения веры, но, вместо того, и то не весьма большое число, которое успел он обмануть, идет не с большою охотой.

Не думаю, однако же, чтобы мошенник снискал столько доверенности, чтобы под начальством его стали они драться с нами, или если некоторые и могут столько быть глупы, то, по обыкновенному порядку, бежит он прежде всех. Большая часть людей, коих он ведет, не видывали еще русских и не знают силы их оружия. Одну можем мы испытать неприятность, что мошенники сии, струсив, лишат нас возможности наказать их и леса повсюду в окрестности скроют подлое их бегство.

Большая часть селений, принадлежащих андреевским владельцам, в заговоре с лезгинцами и дали мошеннику Султан-Ахмет-хану присягу, что будут исполнять его волю.

Послезавтра один из полков, идущих из

России, будет сюда в лагерь.

Генерал Ермолов.

15 августа 1819 г. Андрей».

III

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Мадатову

Получив рапорт вашего сиятельства, поздравляю вас с успехом. Вы все то сделали, чего только мог я желать и что, знаю я, не так легко было исполнить. Разбитие Абдул-бека должно необходимо иметь хорошее влияние на все наши дела, ибо увидят неприятели, что, употребляя войск наших в действие, под благоразумным начальством вашим и самые жители сей страны сражаются храбро. Зная отличную хорошо всегда службу вашу, возлагая на вас поручение, я знал уже и самые следствия, и мне остается только предложить вам в совет, чтобы вы имели в виду, сколько коварны окружающие вас неприятели.

По окончании столь счастливой экспедиции и покорении столько быстром всего Табасарана вам нужно будет приблизиться к Дербенту, ибо по трудности пути неудобно вам иметь продовольствие в отдалении от оногo.

Поручив верным людям управление Табасараном, нельзя не надеяться, чтобы, для собственной пользы, не употребляли они всех средств для защиты оного. Впрочем, еще некоторое время, и ваше сиятельство должны находиться поблизости, и одна боязнь присутствия вашего положит границы дерзости Абдул-бека: разве Ших-Али-хан сыщет помощь акушинцев, но в таком случае вы вправе послать им сказать, чтоб они не в принадлежащие им дела не мешались, ибо войска российские не идут на их владения, и потому не должны они брать участия в делах их неприятелей.

Государю императору донесу я обстоятельно о действиях ваших. 22 августа 1819 г. Андрей».

Письмо Ермолова к князю Мадатову

«Целую тебя, любезный мой Мадатов, и поздравляю с успехом. Ты предпринял дело смелое и кончил славно!

Весьма хорошо, что сие произошло в самое то время, когда дагестанская каналья делает против нас заговор и присягу. Теперь не время помышлять им об истреблении неверных,

надобно думать о собственной защите.

Некоторое время должен я, любезный князь Валериан Григорьевич, стеснить твою деятельность, но сего требуют обстоятельства. Потерпи немного, не далеки случаи, где службе царя нашего полезна будет храбрость твоя и усердие.

Если бы мог я столько положиться на каждого из моих товарищей, то не так было бы мне трудно, ибо ты не менее каждого делаешь по должности и не мало еще сделаешь по дружбе ко мне и давней свычке.

Ты не воображаешь, сколько я восхищен, что под твоим начальством служат татары храбро. Я все то опишу в рапорте государю и уверен, что он будет весьма доволен.

По причине неверности в сообщениях буду я впредь писать тебе так, чтобы бумаги, доставшись в руки неприятеля, ничего не могли открыть ему.

«Ne provoquez point les Akouschi, je voudrais qu'ils fussent tranquilles jusqu'à mon arrivée en Daguestan. S'ils veulent prendre la défense d'Abdulla Beck, vous prendrez alors une position

pour defendre Kouba d'une invasion. Quoique votre detachement n'ait pas des forces considerables, ils ne descendront pas dans la plaine pour vous attaquer, et vous pourrez, en cas qu'ils hasardent quelques parties, tomber sur eux avec votre cavalerie, car ils ne peuvent en avoir ni d'aussi bonne que la votre, ni meme de plus forte. Je ne pretends pas que vous restiez toujours dans la position, je veux seulement, que s'ils allaient passer le Samour, vous soyez a portee de le leur defendre, ou les battre au passage; car si vous passiez d'abord – vous ne pourriez le faire a terns. Vous savez que la province de Kouba reste sans troupes et Schih-Ali-Khan y a beaucoup de partisans.

Je crois que la defaite d'Abdulla-Beck, produit une terreur dans les montagnes et n'influera pas peu sur la conduite du scelerat Sou-rhai-Khan, dont vous devez strictement observer toutes les demarches; aussi bien que du traître Mustapha, sans toutefois les aigrir tous les deux, jusqu'a un certain terns.

Je desirerais que les sujets d'Outzmey lui fussent obeissants, mais soupconneux et fourbe comme il est, il ne les emploie pas contre nous.

Tachez de lui insinuer que sans la protection du gouvernement il ne peut que perdre, et que jamais il n'y aura de repos dans ses possessions.

Adieu cher Madatow; je n'ai qu'une chose a vous recommander, c'est de prendre garde aux Akouschis, et qu'ils ne vous arrivent avec de trop grandes forces. Le moindre mouvement retrograde de votre part pourra les encourager et faire du tort a nos affaires. Tachez de tenir la plaine ou vous serez invincible, mais quittez au plutot le pays montagneux de Tabassaran, d'oii il ne vous sera pas facile de sortir en leur presence [176].

У меня несколько дней жил наш Франк, бывший при Воронцове. Он был у вод и вчера только поехал отсюда. Не можно представить, какие забавные рассказывает он вещи.

Верный *Ермолов*.

22 августа 1819 г.

Андрей».

Предписания Ермолова

I

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Мадатову Государю императору

донес я о действии вашем в Табасаране, отдавая должное уважение благоразумным распоряжением вашего сиятельства и быстрому исполнению оных.

Я не упустил поставить на вид доверенность, снисканную вами у подчиненных вам мусульман, которые столько храбро сражаются под вашею командой.

Мне не менее приятно будет донести и о последних успехах, приобретенных вами над Эмир-Гамзою и прочими собравшимися с ними нашими неприятелями. Из последних действий ваших сужу я, что должен быть большой страх между врагами нашими, ибо и добыча досталась войскам богатая, и, что всего более, что захвачены были жены и дети. Здесь редки весьма подобные случаи и потому должны производить полезное впечатление и послужат к убеждению их уклоняться от беспокойств и искать покровительства нашего. Потеря имущества нелегко и нескоро вознаграждается.

Одобрю весьма, что возвратили захваченных женщин; не говорю ничего и против освобождения пленных, ибо полезно вразум-

мить, что русские великодушно даруют и самую жизнь, когда не делают упрямой и безрассудной защиты. Весьма хорошо изволили сделать, что нукеров отправили в крепостную работу в Дербент. Они не прежде должны получить свободу, как господа их окажут нам опыты несомненной верности.

В рассуждении пленных предлагаю вашему сиятельству, к соблюдению впредь, следующие замечания: внушить войскам, чтобы не защищающегося или паче бросающего оружие щадить непременно; при малейшей защите истреблять необходимо и, тем пользуясь, не обременять себя излишним и тягостным числом пленных; отдавшихся, по усмотрению, освобождать, но всегда удерживать беков и всяких приближенных людей и служителей, принадлежащих изменникам, против нас действующим; и тех и других отправлять в крепостные работы, как то весьма основательно сделали ваше сиятельство с нукерами Ибах-бека.

11 сентября 1819 г. Андрей».

(Писано на французском.)

«Господин генерал-майор князь Мадатов!

Гнусная измена Уцмия в то время, когда вы заботились единственно о благе его семейства и о средствах возвратить ему милости правительства, поставила вас в необходимость прибегнуть к оружию, и я вполне доволен как мерами, благоразумно вами принятыми, так и исполнением оных, доказывающим деятельность и мужество, вас отличающие. Многочисленные народы, против коих вы должны действовать, не могут быть иначе предупреждаемы в своих предприятиях, как быстротою, вами так успешно приводимую в действие; возвращаясь всегда в ваш укрепленный лагерь, вы лишаете их способов нападать на вас и оставляете их в неизвестности о ваших намерениях.

Они не будут в возможности долго переносить сего тягостного для них положения; действуя таким образом с малочисленным вашим отрядом, вы избрали самый лучший путь к достижению желаемого успеха. Я вас прошу, генерал, не иметь более никаких сношений с Уцмием, разве только если сей последний согласится послать старшего своего

сына в виде аманата в Дербент, и побудить своих подданных присягнуть в верности государю императору. Вы не должны с ним иметь свиданий, ни переписываться, и я должен еще вам заметить, господин генерал, что вы поступили не совсем благоразумно, приняв приглашение Уцмия видетсья с ним в Иран-Харабе, ибо сей злодей готов решиться на всякое преступление».

Письмо Ермолова к Д.В. Давыдову

«**Л**юбезный брат Денис! Как житель Азии, неловкий и одичавший, из мрачного Дагестана нашел время писать к тебе, пирующему между друзьями, среди шумных веселостей контрактов; но, любя тебя, забыл неприличие времени.

Благодарю за письма, хотя, к сожалению, чрезвычайно редкие; скажу коротко и о себе, ибо Александр Раевский, сопутствующий мне из любопытства видеть здешний край или, лучше сказать, бежавший от лекаря, истреблявшего горькие плоды сладостнейших воспоминаний, и долгое время шатавшийся со мною в горах, подробно тебе обо всем перескажет. Мне остается прибавить, что я прият-

ное лицо мое омрачил густыми усами; ибо, не пленяя именем, бесполезно страшить наружностью. Здесь всякое безобразие у места... Я многих, по необходимости, придержался азиатских обычаев и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием. И я ношу кинжал, без которого ни шагу. Тебе истолкует Раевский слово канлы, значащее взаимную нежность. Они здесь освящены законом, утверждены временем и приняты чистейшею нравственностью. Мы в подобных случаях не столько великодушны и взаимные нежности покрываем тайною.

Я думаю ехать нынешнюю зиму в Петербург и приготавлиюсь на оные. Не обвините меня, если я появлюсь в панцире. Тут плохо будет со мною разделяться. Скажи, брат любезный, прося меня достать тебе бурку, не подозревал ли ты чего о щеголеватом одеянии? Я бы жалел о тебе, ибо ты многими уже приятностями в жизни должен быть привязан к спокойствию.

Еще скажу тебе, что я половину каждого года, иногда и более проживаю в лагере, ша-

таюсь по горам, неприятели повсюду, измены рождаются новые на каждом шагу, спокойствия нет, трудов много и славы никакой! Недавно кончил я в здешнем роде знаменитую экспедицию: Раевский тебе о ней скажет. Счастье, лаская меня, кажется, себя нежит, мне все достается дешевым образом, хотя друзья мои в столицах ежегодно меня и моих товарищей по несколько раз убивают. Боюсь, чтобы не явилось виною Язонов, смотря на мое счастье. Здесь золота уже ни золотника давно не находят.

Прощай, поклонись сестре и поцелуй ручку. Досадно мне, что письмо, посланное чрез канцелярию Арсения Андреевича, могло не дойти до тебя. Я поздравляю тебя с женитьбой, писал вместе и к сестре любезной, новой родной моей.

Верный *Ермолов*.

6 января 1820 г. С. Парауль, в Дагестане.

П. П. Посылаю тебе приказ мой в войска. По сему предмету хвастать нечем, в старину все выболтано, но хочу, чтобы видел ты, что не многие смели называть солдат товарища-

ми, и еще менее печатать то, когда прочитываемо оно бывает. Приказ возьми у Раевского, свидетеля жизни нашей и действий легионов римских».

«Приказ в войска, находящиеся при покорении Акушинской области

1 января 1820 г., № 1. В Дагестане
Труды ваши, храбрые товарищи, усердие к службе проложили нам путь в средину владений акушинских, народа воинственного, сильнейшего в Дагестане. Страшными явились вы пред лицом неприятеля, и многие тысячи не противостали вам, рассеялись и бегством снискали спасение. Область покорена, и новые подданные великого нашего государя благодарны за великодушную пощаду. Вижу, храбрые товарищи, что не вам могут предложить горы неприступные, пути непроходимые. Скажу волю императора – и препятствия исчезают пред вами, заслуги ваши смело свидетельствуют пред государем императором, и кто достойный из вас не одарен его милостью?

Командир Отдельного Грузинского корпуса *генерал Ермолов*».

Касательно последнего приказа очевидец Д.Н. Бегичев (Московит. 1851. № «Воспоминания о службе на Кавказе») говорит:

«Главкомандующий, желая доставить отдых войскам, подвизавшимся с таким рвением, храбростью и неустрашимостью при покорении Акушинской области, расположил их на некоторое время по селениям шахмала Тарковского и отдал по корпусу приказ, который привел всех нас в восторг. Мы беспрестанно читали, повторяли этот приказ и вскоре знали его наизусть».

Тот же очевидец рассказывает следующее по этому случаю: «После совершенного поражения на реке Макасе и взятия нами, с величайшими усилиями, один за другим, семи укреплений, устроенных в ущельях и утесах, все сопротивлявшиеся нам акушинцы разбежались, а мы, продолжая уже беспрепятственно следование наше к городу Акуши, узнали, что навстречу к нам высланы все старшины в числе 150 человек; между ними был и кадий (из селения Мокагу).

Я был личным свидетелем тому, что этот кадий вышел вперед всех и, остановившись в

недальнем расстоянии от корпусного командира, начал в самых дерзких выражениях говорить, что одержанная нами победа ничтожна и что, хотя потеря с их стороны довольно значительна, но для целого народа, известного храбростью и воинственным духом своим, полученная нами временная поверхность ничего не значит, что у них осталось еще много войска и они могут не только прогнать русских, но и истребить всех до последнего.

– Взгляни, – продолжал он, указывая на узкие тропинки по горам, – вспомни, что это те самые места, на которых была рассеяна, разбита и совсем уничтожена предками нашими в десять раз могущественнее русского государя многочисленная армия Надир-шаха, который сам избавился от смерти поспешным бегством: так может ли после того горсть русских покорить и предписать нам закон?

Глаза его блистали от ярости. Я был в это время ближе всех к генералу и, опасаясь, чтобы фанатик, в вступлении своем от ярости, не бросился на него с кинжалом, приготовился встретить его при первом малейшем движении и не спускал с него глаз, держа в руке пи-

столет с взведенным курком; многие из окружавших генерала обнажили было свои сабли, но он удержал нас и с величественною, грозною осанкою своею, опершись на саблю, выслушал его хладнокровно, смотревши прямо ему в глаза; когда же он умолкнул, то, обращаясь к прочим старшинам, приказал им обезоружить его и взять под стражу, что и было ими тотчас беспрекословно исполнено; потом генерал объяснил им в самых сильных выражениях всю важность преступления безумца, позволившего себе оскорблять священное имя императора обширного, могущественного государства, при верноподданных его и в присутствии главного начальника над здешнею странюю; потом он настоятельно потребовал, чтобы этот дерзкий мятежник был тотчас ими же самими осужден и наказан.

Суд старшин не долго продолжался; они сами объявили генералу, что он более всех причиною бедствий, претерпленных соотечественниками их, что он возбуждал злонамеренными внушениями своими к сопротивлению и непокорности; после того они схватили его, разложили на землю и так жестоко

отодрали бывшими в руках их нагайками, что он не мог сам встать; его подняли, кое-как усадили на лошадь и отправили домой. Очень вероятно, что смерть его была последствием претерпленного им жестокого наказания...

После блистательной победы на берегах реки Макаса, последствием коей было покорение самого сильнейшего во всем Дагестане и воинственного народа акушинского, был я командирован, по должности моей офицера Генерального штаба, для съемки дороги от главного города всей области Акуши до большого и многолюдного селения Мокагу и оттуда далее до селения Губдена, принадлежащего шахмалу Тарковскому, где мне и предложили присоединиться к отряду, находившемуся под личным начальством Ермолова, на возвратном пути отряда из Акуши на Кавказскую линию.

Конвой мой состоял из одного бывшего при мне казака, переводчика и проводника. Проехать не совсем было безопасно с конвоем из трех человек; но нечего было долго рассуждать. Алексей Петрович приказал, Алексей

Петрович послал, и безотлагательное исполнение было всегдашним последствием его приказаний...

...Фамилия Ермолова между горскими народами была очень известна, и одно имя его приводило в страх каждого из них».

Рескрипты

I

«Господину генералу от инфантерии Ермолову Согласно с представлением вашим, я утверждаю полковника Аслан-хана Кюринского ханом Казыкумыкским. О дальнейших же распоряжениях по сему предмету, какие могут быть нужны, повелеваю вам снестись с управляющим Министерством иностранных дел.

Александр».

С.-Петербург. 22 июня 1820.

II

«Господину генералу от инфантерии Ермолову

Признавая основательными представленными вами причины, по коим находите вы справедливым и полезным, дабы генерал-майор князь Мадатов воспользовался

имением, предлагаемым ему от хана Карабахского взамен другого, принадлежавшего предкам его в сем ханстве, я предоставляю вам допустить князя Мадатова принять оное имение в вечное потомственное владение. Нимало не сомневаюсь, что владелец, благоразумными распоряжениями своими и лучшим образом обхождения с поселянами, покажет пример превосходства управления благоустроенного пред своенравным господствованием азиатским и чрез то более расположит сердца жителей к державе, всегда готовой споспешествовать благу своих подданных.

Александр.

Царское Село. 23 августа 1821 г.».

Письмо великого князя Николая Павловича к Ермолову

«**М**илостивый государь мой,
Алексей Петрович!

Я имел удовольствие вручить жене моей шаль, которую вы поручили мне ей доставить; сим изъявляю вам чувствительную благодарность мою за знак вашего воспоминания обо мне и прошу вас быть уверенну, что с удовольствием помышляю о времени, кото-

рое с вами некогда проводил. Мне весьма приятно было слышать об успехах вашего по-
сольства, столь же затруднительного, сколь
любопытного и важного для нашего отече-
ства; тем более вам чести и удовольствия, что
исполнили оное, как надлежит государеву из-
бранному.

Прилагаю при сем письмо жены моей; вы
простите, если не собственноручно к вам пи-
шет; она душой уже русская, но не довольно
знает язык наш, чтобы могла сама на нем пи-
сать.

Прошу вас быть уверенну в искреннем мо-
ем благорасположении и дружбе, с коими
пребываю вам доброжелательным

Николай.

27 января 1818 г.».

Письмо Аракчеева

(Собственноручное.)

«Милостивый государь,
Алексей Петрович!

Если я немного замедлил благодарить ва-
ше превосходительство за подарок вашего
прекрасного персидского ковра, то причиною
оному мое об нем размышление, что с ним

приличнее мне делать должно было; сперва я хотел препроводить его почтенному вашему родителю, которому приличнее он принадлежит, нежели мне, как память о ваших отечественных заслугах; но совестился опять оное делать, дабы вы, милостивый государь, не сочли оное моею грубостью и пренебрежением к дружбе вашей, после чего и решился я оный препроводить в соборную церковь села моего Грузина, от имени вашего яко присланный, и прося духовное начальство внести оный в опись церковную под именем вклада военного губернатора и бывшего посланника в Персии Алексея Петровича Ермолова, что и останется на грядущие времена памятником вашей ко мне дружбы.

Примите мое повторение благодарности, которою я обязан вашему превосходительству за незабытие меня в вашей памяти, и тому истинному почтению, с коим я пребуду навсегда

Вашего превосходительства покорный слуга.

Граф Аракчеев.

Москва. 14 февраля 1818 г.».

Письмо великого князя Константина Павловича

«**П**очтеннейший, любезнейший, храбрейший, старинный друг и товарищ, Алексей Петрович!

Достойному достойное! Истинно от всего сердца и весьма обрадован повышением вашим, и от всей искренности спешу ваше высокопревосходительство поздравить с оным. Всяк, кто не пристрастен и не терзаем завистью, зная ваши дарования, верно будет для пользы отечества доволен сим, и, кажется, теперь истинный ваш друг князь Лев Михайлович остался назади. Остается мне желать, любя и уважая вас, успехов во всех ваших предприятиях, и прошу быть удостоверенным в чувствах особенного моего к вам всегдашнего уважения и дружбы.

5 марта 1818 года».

Письмо графа Аракчеева

(**С**обственноручно.)

«Милостивый государь,
Алексей Петрович!

Во-первых, поздравляю ваше высокопревосходительство с получением монаршей ми-

лости; вот всегда исполняется пословица старинная: «За Богом молитва, а за Царем служба не пропадает». Желаю весьма вам, милостивый государь, дай вам Бог теперь здоровья, а там даст Бог, будете и фельдмаршалом, и тогда не откажитесь меня принять в начальники главного штаба вашего.

Теперь адресуюсь к вашему высокопревосходительству с моею покорнейшею просьбой; у вас находится артиллерийский подпоручик Ильин, сын моего приятеля, которого я рекомендую вам, не откажите ему в вашем покровительстве. Я приму с большою благодарностью сделанное мне вами одолжение.

С истинным почтением имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга

граф Аракчеев.

2 августа 1818 г. Москва».

Письмо великого князя Константина Павловича

«**Л**юбезнейший, почтеннейший и храбрейший патер,
Алексей Петрович!
Я с большим удовольствием читал письмо

ваше к любезнейшему нашему товарищу, Дмитрию Дмитриевичу, и для меня особенно было приятно знать, что вы здоровы. На желание ваше иметь у себя Оренбургского уланского полка полковника Столыпина, скажу вам, что он произведен уже 17-го по Петербургу в генерал-майоры, но по какому случаю, как и куда его употребят, я ничего не знаю и в это дело не мешаюсь. Вы, вспоминая древние римские времена, теперь проконсулом Грузии, а я здесь префектом или начальствующим легионами на границе Европы, или, лучше сказать, в середине оной; вы это лучше разберете, и я нахожусь в отдаленности от всех петербургских дел.

Душевно желаю вам блестящих успехов в ваших предприятиях. Я искреннее принимаю участие во всем том, что касается до любезнейшего и храбрейшего сослуживца; прошу вас при теперешнем случае принять уверение в моей к вам всегдашней дружбе и особенном уважении.

3 августа 1818 года».

Письмо Ермолова к Д.В. Давыдову

«Любезный брат Денис!

Письмо твое от 3 ноября, из Херсона, получил и благодарю тебя за него душевно. Не ленись писать, возьми несколько минут у твоих упражнений, если должность не даст тебе времени свободного. Письма твои всегда одинаково приятны, и, если даже ты не хочешь говорить о деле, никогда, однако же, не скажешь пустого. Я прочитываю их с приятелями, которые понимать их могут, и сохраняю.

Теперь отвечаю тебе для верности чрез За-кревского; ибо обтекающие вселенную приказы возвестили мне, что ты, боясь разнежиться на полудни, нерываешь знакомства твоего со снегами севера.

Вижу ропот твой против конгресса и боязнь, чтоб отдохновение Европы не навело ржавчины на острую саблю гусара-партизана. Примирись со спокойствием: оно в нынешние времена не бывает слишком продолжительным, но, всеконечно, весьма нужным. Цари съезжались два раза и расстались дружелюбно, в третий, кажется, из предусмотрительности предположено спускать мини-

стров. Посмотрим, что будет? Мы, люди обыкновенные, нередко из театра не умеем разъехаться без шума.

Я один живу в такой стороне, где, хотя не делаю ничего порядочного, по крайней мере пушки прочищаю порохом. Недавно я ходил в Дагестан – землю гористую и, по мнению здешнему, населенную воинственными народами, которые в больших силах дерзнули напасть на один из отрядов наших. Я прошел трудными дорогами до самых неприступных утесов Кавказа, и далее уже не было пути. Появление войск наших в тех местах, где никогда еще они не бывали, преодоленные препятствия самого положения земли рассеяли величайший ужас. Возмутившиеся наказаны, и вознаграждены сохранившие нам верность. Одному из сих последних дал я в управление 16 тысяч душ с обширною и прекраснейшею странюю. Так награждает проконсул Кавказа. Ты не удивишься, когда скажу тебе об употребленных средствах. В местах, где я был, в первый раз слышан был звук пушек. Такое убедительное доказательство прав наших не могло не оставить выгод на моей стороне.

Весьма любопытно видеть первое действие сего невинного средства над сердцем человека, и я уразумел, сколько полезно владеть первым, если не вдруг можно приобрести последнее.

Присылай прочесть обещанный опыт о партизанах: в сем роде не случилось мне ничего прочесть порядочного. Можно было думать, что немцы некогда отличались в том преимущественно перед прочими, но, сблизясь с ними по обстоятельствам прошедшей войны, я перестал тому верить, и мне кажется, ни сами они на то не созданы, и даже всякая благоустроенная земля наименее к тому способна. Первого видали мы из немцев партизана Дибича, служившего с нами в Пруссии в 1806 году. Я ничего не заметил в нем чрезвычайного, а ты и лучше меня гораздо судить о том можешь.

Любопытен я очень видеть записки твои о войне в Пруссии в 1806 и 1807 годах. Нельзя лучшего иметь источника, как сам Беннигсен, из записок коего, как сам ты говорил, взял ты многие сведения. Мне остается ко всему тому один присоединить вопрос: говорил

ли ты с ним подробно о сей войне? Ибо есть некоторые обстоятельства, которые он, конечно, не описал и некогда говорил мне о них.

Хорошо, любезный брат, что и Музы, столько всегда тебе благосклонные, не перестают улыбаться тебе. Заставь и нас, жителей края отдаленного, усмехнуться на твои остроумию и замысловатостью оригинальные произведения, а меня, хотя бы на минуту, спаси от убийственной судебной прозы, которая в переводе с грузинского языка, говорят, будто еще мучительнее, нежели язык самый. Здесь нечего читать между врагами книгопечатания, и у меня вместо книг в шкафу разрешено оружие.

Прощай, помни и люби верного брата

А. Ермолова.

10 января 1919 г., Тифлис».

Рескрипты

I

«Господину генералу от инфантерии Ермолову Обратя должное внимание на донесения ваши, в разные времена мною полученные, усматриваю из оных, что вы находите

необходимым усиление корпуса, вам вверенного, тремя полками пехоты, двумя ротами артиллерии и причисление к оному же 8-го егерского полка, находящегося временно под начальством вашим. Не ограничиваясь сим, вы полагаете для обороны крепостей нужным прибавления в три года еще 14 000 человек, а именно:

Для Куле – 3000

Гумри – 3000

Карабаха – 2400

Баки – 1000

Дербента – 1600

Старой Шемахи – 2000

Гарцискала – 1000

Итого: 14 000

Все же требуемое вами прибавление к Грузинскому корпусу, полагая пехотный полк в 3000, составит более 26 000 человек.

Правда, что при составлении сей непрременной обороны для крепостей вы предполагаете убавить по одному батальону в каждом полку, оставя единственно оных основания. Но в то же время вы желаете, чтобы крепост-

ные войска не назывались гарнизонными, чтобы заплачены они были и производство в оных основано было наравне с армейскими полками и даже чтобы часть оных была подвижна.

Вслед за донесениями вашими, в коих сии предположения начертаны, хотя и получил я от вас письмо 12 февраля, в коем между прочим употребляете вы следующие выражения: «Я просил дополнения Отдельного Грузинского корпуса тремя пехотными полками и смею утвердить, что сколько без оных обойтись невозможно, столько большее число было бы излишним».

Но, не умея согласить сего уверения с прежними вашими требованиями, единственно заключаю из оногo, что дошли до вас побочным и неудовлетворительным образом некоторые известия о назначенных войсках в Грузию, а как вероятно, тот, кто писал, не знал сам настоящих предположений, посему не мог и вас надлежащим образом известить.

Сообразив внимательно все ваши донесения и требования, сообщаю по оным вам следующую мою решимость.

Переменить состав корпуса вашего я не имею возможности, ибо, прибавя к оному число полков, расстрою я устройство прочих армий, коих число и состав определены по зрелым размышлениям. Но надеюсь, однако же, достигнуть до желаемой вами цели следующим образом: я могу временно выслать под начальство ваше десять полков пехоты, с тем предположением, чтобы ими укомплектовать единожды надежным образом Грузинский корпус, чего присылкою рекрут никогда не достигалось, ибо от столь дальнего перехода и непривычки переносить трудности потеря в оных была всякий раз весьма чувствительна.

Укомплектование сие я нахожу нужным произвести на следующем основании: число полков, составляющих Грузинский корпус, останется прежнее, т. е. 8 пехотных, 4 егерских, 2 гренадерских и 1 карабинерный, итого 15 полков. Каждый из сих полков предписываю привести в 3900 человек, разумея 300 унтер-офицеров и 3600 рядовых; каждый же батальон будет из 100 унтер-офицеров и 1200 рядовых.

Если по сему числу людей вы найдете нужным прибавить и число офицеров, то дозволяется нам на каждую роту прибавить по одному, что составит на полк прибавки 12 офицеров: положенное число по 7 на полк нахожу я достаточным.

Таким образом, корпус, вам вверенный, конечно может иметь всегда под ружьем здоровых более 50 000 человек.

Сим же средством равномерно может быть выполнено предположение ваше о назначении непрременной обороны для крепостей. Я назначаю для сего вторые батальоны всех пехотных полков Грузинского корпуса, кроме гренадерской бригады. По новому образованию полков их число составит в сложности 15 600 человек, превышающее даже вами требуемое.

За сим отчислением крепостной обороны, вы будете иметь в готовности для движений, в действующих батальонах двух дивизий и в 9 батальонах гренадерской бригады, более 40 000 под ружьем, число, конечно, совершенно достаточное. В 10 полках, к вам назначенных, и в 8-м егерском наличное число людей со-

ставляет до 26 000 человек, то есть почти то же, которое вы требуете.

Я предпочитаю сие знатное число войск отправить в ваш корпус образованными полками, со всем нужным числом штаб-, обер- и унтер-офицеров, нежели составными временно командами, единственно для провода до нового места их назначения.

Прибывшие полки к вам в корпус принесут с собою ружья нового образца, чем исполнится равномерно желание ваше о перемене старых ружей, находящихся в полках в Грузии. На перевозку же оных обыкновенным образом требовалось 115 000 руб.

Назначенные мною полки в Грузию собираются, пять из оных у границ земли войска Донского, а именно: Апшеронский, Тенгинский, Навагинский, 41-й, 42-й егерские; пять же в Крыму, а именно: Ширванский, Куринский, Мингрельский, 43-й, 45-й егерские.

Вам предоставляю определить дальнейшее их движение и время, в которое каждый из сих полков должен выступить, что все вы сообразите с удобностью продовольствия в крае, вам вверенном. С сим фельдъегерем по-

лучите вы от начальника главного штаба моего, на имя командиров 10 вышеупомянутых полков, повеления, дабы, по мере доставления от вас оных, сии полки уже состояли в вашей команде.

Постепенному укомплектованию полков, долженствующих оставаться в Грузии и на линии, дабы избежать второй путь тем же войскам, предписываю вам призвать назад ряды следующих полков: Севастопольского, Троицкого, Суздальского, Вологодского, Казанского, Белевского, 8-го, 9-го, 15-го, 16-го и 17-го егерских. Из оных предоставляю вам перевести в корпус, вам вверенный, всех тех штаб- и обер-офицеров, коих служба и опытность признана будет вами полезна в Грузии и на линии. Вы пришлете им списки, с обозначением, в которые полки они будут вами переведены. Сим же самым образом вы укомплектуете по лишнему офицеру в роту.

Мингрельский полк назначается быть слит с Белевским. Если дорога через Кутаис удобна, то полезнее оный сим путем направить, нежели перевозить водою по Черному морю. В противном случае известите меня,

дабы суда приготовить от Черноморского флота. Кадр Белевского полку вернется тем же путем, коим прибудет Мингрельский полк. Полка: Апшеронский, Ширванский, Куринский, Тифлисский, 41-й и 42-й егерские должны составлять 20-ю дивизию.

Полки же Кабардинский, Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, 43-й и 45-й егерские 19-ю.

Две легкие артиллерийские роты равномерно, по требованию вашему, назначены в Грузинский корпус, а именно № 15 и № 52.

Сими распоряжениями вы будете иметь средство единожды навсегда устроить превосходным образом Грузинский корпус в надлежащую силу. Но в то же время состав прочих армий не потерпит расстройств. Кадры возвратившихся полков расписаны будут по разным дивизиям, и все меры к приведению их в надлежащее опять устройство уже приспособлены.

Александр.

С.-Петербург. 19 апреля 1819 г.».

«Командиру Отдельного Кавказского кор-

пуса, господину генералу от инфантерии Ермолову

Предположения ваши о прочной обороне Грузии я признаю весьма основательными и желаю, чтобы в постепенном исполнении оных мог я видеть плоды того благоразумия, с коим вы начертали план сей, делающий честь вашему соревнованию на пользу отечества.

Сообразно сим начертаниям составлен уже особый инженерный округ Грузинский вместо Астраханского, и в числе штатных крепостей по Грузии остались только три: Тифлис, Баку и Дербент, о чем известно вам из положения, мною опробованного 1 января сего года; затем все прочие крепости в Грузии, причисляясь к укрепленным постам первого и второго разряда, остаются в вашем ведении и распоряжении.

Касательно устройства новых крепостей: в Старой Шамахе, у Александровского брода, в Елизаветполе, в Гумри, Редут-Кале, Гарцискале, Кутаиси, – я нахожу необходимым, чтоб и самые проекты на возведение сих крепостей были составлены на месте, по вашему сообра-

жению и под вашим наблюдением; для чего предлагаю командира Грузинского инженерного округа назначить и начальником инженеров вверенного вам корпуса с исправлением обеих должностей.

Округ сей, согласно вашему предположению, подчиняется вам как начальнику Отдельного Грузинского корпуса во всем, кроме части искусственной, управляемой департаментом инженерным, для чего и самые проекты, по мере их составления, должны поступать на рассмотрение сего департамента.

Что же касается до усиления войск вверенного вам корпуса, то и насчет сего предположения вы удовлетворительно разрешены указом моим от 19 минувшего апреля.

Александр.

С.-Петербург. 2 мая 1819 г.».

«Алексей Петрович! Прочитав письмо ваше от 8 апреля, о генерал-майоре Вельяминове, я должен вам сказать со всею откровенностью, что из уважения моего к вашим представлениям я никого из рекомендованных не оставил без награды, но меру оной всегда

оставлял и ныне оставляю по порядку в собственном моем усмотрении; что же касается до генерал-майора Вельяминова, то, не ослабляя к нему признательности как к чиновнику достойному и способному, я почитаю награду, ему сделанную, достаточною, потому что он в недавнем времени получил настоящий чин. Пребываю вам благосклонный,

Александр.

Царское Село. 24 мая 1819 года».

IV

«Алексей Петрович!

Прочитав рапорт ваш к начальнику главного штаба моего от 28 апреля, № 1-й, считаю не излишним содержание указа моего,

19 минувшего апреля вам данного, противопоставить мнению вашему о малом попечении правительства насчет обстоятельств вверенного вам края, тогда как Грузинский корпус свыше, чем когда-либо, усиливается. Пребываю к вам благосклонным,

Александр.

Царское Село.

20 июня 1819 г.».

Письмо великого князя Николая

Павловича

«Милостивый государь мой,
Алексей Петрович!

Я получил письмо вашего высокопревосходительства, в котором изъясняете мне положение отставленного от службы, по высочайшему приказу, за дурное поведение инженер-подполковника Герасимова. Так как вы полагаете, что офицер этот страждет несправедливо, то и считаю нужным изъяснить вашему высокопревосходительству, что, приняв начальство над инженерным корпусом, старался я, сколько возможно, избавить хороших офицеров оного от недостойных товарищей, дабы тем возбудить ревнование в первых; в сем не мог я руководствоваться иначе, как аттестацией частных начальников, коим хорошие и дурные качества подчиненных должны быть известны.

Подполковник Герасимов аттестован был начальником инженеров 2-й армии, генерал-майором Ферстером, весьма непохвальным образом и, вследствие предпринятого намерения, представлен к исключению из службы. Ваше высокопревосходительство со-

гласитесь со мною, что теперь, хотя генерал-майор барон Вреде и хорошо относится о подполковнике Герасимове, но как он не был его начальником, то и неизвестно ему прежде его поведение и служба, а потому и засвидетельствование его не может перевесить аттестации генерал-майора Ферстера.

Невозможность, в коей нахожусь, по сим причинам, помочь подполковнику Герасимову принятием его опять на службу заставляет меня тем более чувствовать несчастное положение семейства его, которому, желая помочь, сколько от меня зависит, прошу покорнейше ваше высокопревосходительство доставить мне к тому случай.

Прошу вас быть уверенным в истинном моем к вам уважении, с коим остаюсь Вам доброжелательный

Николай.

26 июня 1819 г.

Лагерь близ Красного Села».

Письма Ермолова к Н. Н

(Собственноручно.)

I

«Милостивый государь мой,

С. С.

Письмо ваше, от 27 марта, из Сальян, получил; при нем была записка о злоупотреблениях по Астрахани, никем не подписанная.

Свиданием с вами в Кизляре в первый раз в жизни и по свойствам нашим, смею думать, весьма различным, не мог я приобрести доверенности вашей и потому не решился верить, чтобы подобная записка могла быть вами ко мне доставлена; напротив, по нелепому сплетению оной, паче по гнусной клевете на астраханского губернатора, известного правительству примерным усердием и строгими правилами чести, должен я был думать, что она составлена каким-либо злобным доносчиком и, в поругание вам, подослана при письме от имени вашего; но знающие почерк ваш утверждают, что записка вся вашей руки.

Еще из уважения к летам вашим и носимому званию благородного человека колебался я дать вероятие. Прочел я в конце пасквиль, описание грабителей астраханской таможни, описание равнодушия неблагодарного правительства к подвигам вашим, неподражаемому бескорыстию и добродетели вашей, и не

осталось ни малейшего сомнения, что составленный пасквиль принадлежит вам. Боюсь быть нескромным, описывая чувство, которое произвел во мне благородный и великодушный ваш поступок. Предоставляю вам определить меру почтения, коим я вам обязан.

Милостивый государь мой, ваш покорнейший слуга

А. Ермолов.

№ 1446. 19 мая 1820 года. Тифлис».

II

«Милостивый государь мой,

С. С.

Письмом из Сальян, от 27 июня, вы уведомляете меня, что, по истечении срока прежнего контракта, заключили вы с г. генерал-лейтенантом Мустафою-ханом Ширванским новое условие на отдельное содержание сальянских и других рыбных промыслов еще на десятилетнее время.

Ширванский хан уведомляет меня, умалчивая о условиях, им сделанных, и позволил себе не представить их на мое рассмотрение и утверждение. У обоих вас в предмете: незаконное приобретение денег! И мусульман-

ский невежда, и откупщик корыстолюбивый возмечтали без наказания уклониться от установленного порядка, который, впрочем, известен обоим: ибо при заключении в 1814 году контракта утверждение предвестника моего найдено было необходимым.

По сей причине и другим, не менее важным, уничтожил я сей новый тайный контракт, в отвращение нестерпимого зла, какое влекут подобные своевольства, повсюду дав знать, чтоб оный признаваемо был не имеющим законной силы.

Вы, милостивый государь мой, лишены той выгоды, чтобы завести ябеду о том, что вы потерпели разорение от сделанных вами приготовлений и издержек, ибо не было времени сделать оных по недавно заключенному контракту и по тому, что действие оногo за четыре года впереди.

Имею честь быть и проч.

Ермолов.

№ 1837. 3 июня 1820 г. Тифлис».

«Милостивый государь мой

С. С.

На прошение ваше прошедшего 1819 г. 8 октября, заключающее в себе жалобу на со-держателя кизлярских лодок, г. Углева, по со-брании нужных сведений, ответствую. Сoder-жатель, Таврило Углев, лов рыбы производит собственно в водах Талышинского ханства, отнюдь не захватывая вод генерал-лейтенан-та Мустафы, хану Ширванскому принадлежа-щих. Напротив, сим последним отданы вам в откупное содержание острова: Штриты, Гор-дорела, Улаз, Калобукам, которые, по всем правдоподобным показаниям, прежде и весь-ма недавно составляли собственность Талы-шинского ханства. Есть даже на некоторых островах остатки жилищ талышинцев, и от-цом нынешнего хана Талыша отдаваемы бы-ли сии острова в откуп. Самые контракты и условия, заключаемые с вами генерал-лейте-нантом Мустафою-ханом, всего наиболее до-казывают, что вышеозначенные острова ему не принадлежали; сведения сии собраны при предвестнике моем, генерале графе Тормасо-ве.

Не имея права нарушать контракта, паче же охраняя важность утверждения оногo

бывшим здесь главнокомандующим, г. Ртищевым, уклонился я всякого разбирательства о присвоении, ширванским ханом сделанном. Жалоба, вами, милостивый государь мой, принесенная, заставила меня сделать таковое. И я побуждаюсь предварить вас, чтобы впредь воздержались беспокоить начальство затейливыми вашими просьбами, отвлекая чрез то его внимание от дел гораздо нужнейших, и сделали бы вашим приказчикам наставление не размножать ябед.

Думая утвердить основательность вашего иска, вы упоминаете о предписании г. Ртищева, данном генерал-лейтенанту Родгофу; но вы, конечно, забыли, милостивый государь мой, что содержание предписания сего взято из записки, поданной вами г. Ртищеву, которую, не хочу обманывать себя, не вы сочинили, но описали у какого-то ябедника, худо знающего обстоятельства здешнего края, описали рукою вашего писаря, и, по неосмотрительности вашей, оставленная здесь, хранится при делах. Итак, ссылаясь на защиту предвестника моего, вы только обнаруживаете чрезмерную его к вам снисходительность, ко-

торой я не имею и не желаю оказывать вам, вопреки моим обязанностям.

Ответствуя собственною рукою, хочу доказать вам, милостивый государь мой, что каждое дело, относящееся до вас, рассматриваю я сам. Впрочем же, при мне и нет правителя канцелярии, мошенника Чуксина, который во зло, но в пользу вашу, употребил доверенность моего предвестника, наклонив к признанию контракта, заключенного в противность установлений, запрещающих делать забои в реках судоходных.

Предупреждая вас, милостивый государь мой, что от меня даны будут приказания разрушить забои по фарватеру реки Куры и сделать их на такое расстояние, чтобы суда беспрепятственно проходить могли, и что впредь от поверенных ваших, ясно делающих по наставлению вашему ябеды, не будут принимаемы жалобы, которые не должны иметь места после точных предписаний, полагающих и границы водам ханств Ширванского и Тальшинского.

Имею честь быть и проч.

А. Ермолов.

№ 2125. 27 июля 1820 г. Тифлис».

IV

«Милостивый государь мой С. С.

На письмо ваше, от 27 августа, отвечаю. Напрасно вы изыскиваете причины, по коим не хотел я вас принять у себя: вы без ошибки найдете их в собственных ваших поступках, которые дают все права не иметь к вам, по крайней мере, ни малейшего уважения.

Первый контракт, заключенный вами с Мустафой Ширванским на десятилетнее содержание сальянских рыбных ловлей, не мог иметь силы без моего утверждения, и потому приказал я признавать его недействительным. В нем, сверх того, внесены были урочища, Мустафе не принадлежащие, которые потому только предоставлены вам были в откупное содержание, что вы нагло обманули моего предвестника, утвердившего контракт с чрезмерною для вас снисходительностью. Итак, за контракт, не имевший законного утверждения, весьма сомнительно, чтобы в роде задатка могли вы дать более нежели на 100 тысяч рублей вещами и деньгами, а если и дали что-нибудь, то, без сомнения, по преж-

ним расчетам, до которых мне нет ни малейшей нужды. Я рассматриваю одни квитанции, которые должны вы иметь от бывшего хана, в получении им от вас откупной суммы.

Второго контракта вы не должны были заключать с бывшим ханом, ибо когда, 2 августа, прибыли к нему в Солут, то явна уже была его измена. Беспреестанно производились совещания, отправлялось имущество за Куру, и намерение бежать не прикрывалось никакою тайной.

Приставу, капитану князю Макаеву, подробно были известны злодейства изменника Мустафы и его замыслы: им понесено было о том начальству. В сие самое время вы заключили вторительный контракт и утвердили меня в прежних о вас мнениях, что корыстолобивому откупщику нет приличий и для него деньги свыше всего прочего.

Вы готовы утверждать, что о поведении Мустафы ничего не знали, ибо бессовестно объясняете в письме вашем, что не могли отказать от принятия контракта, по силе вновь последовавшего от меня Мустафе предписания; но что вы скажете против показа-

ния князя Макаева, что вы обнадеживали изменника Мустафу поправить дела его и чему, сверх того, имею я доказательство.

Подлинное к вам письмо изменника, в ко- ем видно условие употреблять пять тысяч червонных, которые вы на счет его обязались дать из ваших денег. Привезший письмо сие изменника Мустафы чиновник показывает, что сии деньги должны были обращены быть на подарки. Мустафа злодеяниями своими и, наконец, бегством своим доказал, что ходатайствовать за него, по крайней мере, бесчестно, а ходатайство сие вы приняли на себя, стараясь деяниям его придать другой вид, единственно из побуждения корыстолюбия, которому честь ваша и в должностях прежде вами занимаемых не была обузданием.

Ограждены будучи чином, дающим право на дворянство, вы отъемлете у меня право дать вам приличнейшее наименование и, конечно, неблагородного человека.

В заключение скажу вам об откупах, что, если желаете иметь в содержании сальянские рыбные ловли, от вас зависеть будет явиться к торгам и удержать их за собою,

предложив казне выгоднейшие цены.

Засим, надеюсь, вы сделаете мне честь прекращением вашей со мною переписки.

Вашего благородия покорный слуга

А. Ермолов.

№ 2988. 6 сентября 1820 года. Тифлис».

Коменданту астраханскому Делпоццо

«**Л**юбезный старик Иван Петрович!

Имея весьма справедливые причины думать, что г. Н. Н., по возвращении своем в Астрахань, или вовсе скроет от публики невыгодную его из Сальян со мною переписку, или же, по обыкновенным его правилам, постарается исказить оную и выказать не в том виде, в каком действительно она есть, счел нужным, во избежание, чтобы вы, любезный старик, не подверглись ложным слухам, препроводить к вам при сем со всей переписки точную копию, повторяя, с тем вместе, уверение в том почтении, с коим пребывает к вам покорнейший слуга

Ермолов.

6 сентября 1820 г., Тифлис».

Рескрипты

«Алексей Петрович! Принятые вами меры к усмирению народов буйных уничтожили возмущения в Гурии, Мингрелии и Имеретин. Дагестан покорен России твердостью и благоразумными во всех случаях распоряжениями вашими. Я считаю справедливым долгом изъявить вам полную Мою признательность за успешные действия ваши, будучи притом уверен, что вы усугубите старания к водворению тишины и благоустройства в областях, управлению вашему вверенных. Пребываю навсегда вам доброжелательный,
Александр.

В Варшаве. 18 августа 1820 г.».

«Алексей Петрович! Обстоятельства, соделавшие необходимым присутствие мое за границую, продолжаясь ныне в последствиях своих, не дозволят мне с достоверностью определить времени к возвращению моему в С.-Петербург, а потому, желая, чтобы ожиданием вашим в сей столице служба лишилась той пользы, которую вы трудами своими всегда ей приносили, признаю за лучшее, чтобы вы для свидания со мною отправились немед-

ленно в место настоящего моего пребывания.

Ожидая скорого приезда вашего, пребываю к вам благосклонным,

Александр.

В г. Лайбахе. 3 марта 1821 г.».

Письмо Ермолова к Д.В. Давыдову

«**Л**юбезный брат Денис!

Слухи о движении войск, молва, и, может быть, неосновательная, о войне возмутили спокойствие твое, и ты порываешься на поле ратное. Но за что пылаешь ты гневом на турок? Чье соседство может быть менее опасное?

Доселе с большим правдоподобием можно верить, что острить мечи не о пески молдавские! Слышно о движении войск в пределы Австрии; недаром в прокламации австрийцев сказано, что государь дает им помощь войсками, и, хотя взят уже Неаполь, позволительно думать, что дурное состояние Северной Италии не заставит пренебречь помощью.

Итак, желаниям твоим могут представиться другие виды.

Если австрийцы должны будут укрощать оружием порывы к свободе своих владений в

Италии, их ожидает в будущем война народная; если верно, что пиемонтцы обратились на занятие Милана, будет война единодушной, и не австрийцам удобно преодолеть мнение. Если будем содействовать им, по количеству движущихся войск, надобно ожидать отдельного действия, следовательно, и авангарда, числом значительного.

Партизаном в войне народной быть неудобно, в твоём чине надобно иметь большую команду; войско вспомогательное не может иметь такой конницы, от которой можно бы было отделять большую часть. Если решишься просить государя о назначении тебя на службу, моё мнение не стеснять выбором его непосредственной воли. Представятся впоследствии удобные, а теперь непредвидимые случаи: и кто же начальник, могущий заменить тебя в толпе генералов? По крайней мере, между главными из наших полководцев нельзя найти столько мало прозорливых.

Дня через два еду я в Лайбах; желание сократить бесполезное моё здесь пребывание и удаление от моих легионов понудило меня искать позволения туда отправиться. Про-

щай!

Верный брат

А. Ермолов».

30 марта 1821. С.-Петербург.

Рескрипты

I

Алексей Петрович! При утверждении мною, в прошлом 1820 году, известного вам положения о переселении на земли Черноморского войска 25 000 малороссийских казаков обращено было внимание на открывшееся из донесений генерал-майора Киселева обстоятельство, что некоторые из чиновников войска Черноморского учредили из земель оного частные владения и поселили на оных крестьян.

Предусматривая, что из сего произойти могут стеснения казаков в землях их и другие злоупотребления, предположено: сие несообразное с существованием войска Черноморского и по единому послаблению допущенное установление уничтожить; крестьян же, на землях войсковых поселенных, коих чиновники, ими владеющие, не пожелают перевести на земли или в имения, в других губерни-

ях им принадлежащие, обратить в казаки, сделав им надлежащее за них удовлетворение.

Но дабы меру сию привести можно было в пополнение с лучшею удобностью, то я признал нужным поручить вам, вникнув со всею подробностью во все обстоятельства, до положения Войска относящиеся, представить мне заключение ваше:

во 1-х, какие распоряжения к приведению упомянутой меры в действие учинены быть могут так, чтобы при соблюдении главнейших польз Войска чиновники, крестьян на землях войсковых водворившие, наименее понесли убытков, и,

во 2-х, какое денежное вознаграждение за крестьян, коих они не переселят, сделано им быть может?

По получении от вас подробных по сему предмету соображений, когда обстоятельства позволят вам их представить, сделано будет окончательное постановление.

Пребываю к вам благосклонным,
Александр.

Царское Село. 7 июля 1821 г.».

«Господину главнокомандующему Грузией, генералу от инфантерии Ермолову

Усмотрев из представленных от вас сведений, что состояние промышленности и торговли в Грузии, по недостатку капиталов и торговых заведений, не имеет еще надлежащего пространства и движения, и находя, что части сии, к благосостоянию края толико нужные, не могут с успехом быть устроены на общих правилах и требуют особенных поощрений, настоящему состоянию сего края свойственных, признали мы нужным постановить следующие в пользу их распоряжения:

1. Права гильдейские. Всем торгующим российским подданным и иностранным, кои в течение десяти лет, считая с 1 июля 1822 г., учредят в сем крае торговые дома и будут производить оптовую торговлю, присвоятся права первой гильдии, без всякого платежа в течение означенного времени податей, по сей гильдии положенных; но по истечении сего срока, как те, кои пожелают продолжать торговлю, так и те, кои вновь в оную вступят, обязаны будут производить оную на общем

положении, неся все повинности, с гильдейскими правами сопряженные. Само собою разумеется, что те, кои прежде истечения означенного срока прекратят торговые дела, лишатся тем самым и гильдейского права, им по сей торговле принадлежащего.

2. Льгота от личных податей и службы. В течение того же срока торгующие, как российские подданные, так и иностранные, освобождаются в тех местах от личной службы и личных податей, а дома их и магазины от военного постоя и налогов, исключая, однако ж, местных городских расходов, в коих они, как владельцы домов, обязаны участвовать.

3. Приобретение недвижимой собственности. Всем торгующим, как российским подданным, так и иностранным, дозволяется в том крае приобретать недвижимую собственность и продавать ее с платежом узаконенных пошлин, хотя бы торгующие иностранцы и не вступили в подданство. Но с прекращением торговли и с оставлением сего края они обязаны внести подати, в городском положении на сей случай определенные.

4. Приобретения земель. Торгующим рос-

сийским подданным и иностранным будут уступлены от правительства участки земель для заведений их, в том крае нужных, за обыкновенную цену, по коей земли там продаются. Как цена сия, так и условия сей продажи имеют быть определены с точностью по сведениям, кои от вас представлены будут.

5. Льгота в таможенных пошлинах. Все товары, привезенные в Грузию из иностранных земель, не будут подлежать другому платежу, как по пяти со ста по цене объявленной, сообразно тому, как по силе Гюлистанского трактата взимается пошлина с товаров из Грузии в Россию, платят они установленную пошлину по тарифам азиатскому и европейскому, сообразно происхождению товаров. Для сего, по сношению вашему с министром финансов, учреждены будут в приличных местах заставы и таможни, с одной стороны на путях, ведущих в Грузию из иностранных земель, а с другой на путях из Грузии в Россию.

6. Правила карантинного очищения. Распоряжения, в указе 1819 года означенные, по коим товары, из портов Средиземного моря приходящие в тюках и ящиках с двойною обо-

лочкою и запломбированные в российские черноморские порты, не подвергаясь карантинному очищению, распространяются и на порты мингрельские, если все условия, в том указе означенные, будут с точностью пополнены.

7. Охранение транспортов на торговых путях. Для безопасности торговых транспортов, как по реке Фазу, так и на сухом пути, с одной стороны от Баку, а с другой от Редут-Кале и Мараня до Тифлиса и обратно, снабжать оные транспорты надлежащим военным прикрытием.

8. Устройство караван-сараяев. На пути, лежащем между Баку и Черным морем, каждый из торгующих может устроить караван-сарай по азиатскому обычаю, по усмотрению собственных его выгод. Местное начальство будет содействовать к заведению их назначением и отводом нужного к сему леса и других материалов.

9. Устройство пристаней на Черном море. На первый раз назначается к сему пристань на берегу Черного моря, при Редут-Кале состоящая: впоследствии же местное начальство

сего края не оставит употребить все способы к открытию и устройству других пристаней, безопасных и удобных.

10. Пространство и пределы сих правил. Сила всех вышеозначенных правил распространяется на всех вообще торгующих, как российских подданных, так и иностранных, кои пожелают в том крае учредить заведения промышленности и торговли, но она ограничивается единственно и исключительно Грузией и Имеретией и областями, к ним принадлежащими, и никак не относится к российским губерниям, по сю сторону Кавказа лежащим.

11. Впрочем, при допущении иностранцев, на особенное попечение ваше возлагается наблюдать, дабы, под предлогом торговли, не вкрались туда люди подозрительных правил и худого поведения.

Посему все иностранцы, в Грузию приезжающие, должны иметь паспорта от российских миссий, кои на сей конец снабжены будут особенными от Министерства иностранных дел предписаниями.

Александр.

Царское Село. 8 октября 1821 года».

III

«Господину главнокомандующему Грузией генералу от инфантерии Ермолову

Вследствие общих распоряжений, для поощрения промышленности и торговли в Грузии принятых и подробно означенных в

указе, на имя ваше вместе с сим данным: 1) Иностранцу Гамбе, предъявившему желание устроить торговые в том краю заведения, дозволить учредить оные на основании правил, в вышеозначенном указе изображенных, и с присвоением сим торговым заведениям тех прав и выгод, какие в том указе означены. 2)

В уважение того, что иностранец Гамбе первый изъявил желание и приступил к мерам устройства в том крае торговых заведений, отвести ему в собственность до шестнадцати тысяч десятин земли в местах, кои, по избранию его и по усмотрению вашему, найдены будут свободными и к заведениям сего рода способными, со взысканием с него по одному рублю за десятину, рассрочив платеж денег на пять лет по равным частям.

Александр.

Царское Село. 8 октября 1821 г.».

«О способах Ермолова упрочить за Россией
Кабарду

Генерал Ермолов, желая навсегда упрочить за Россией Кабарду и чтоб прекратить постоянные сношения кабардинцев с другими враждебными нам народами, принудил кабардинцев выселиться из гор и поселиться на плоскости, а чтоб заградить обратный им путь, построил крепости перед ущельями Терекским, Чегемским, Урванским, Нальчикским и Баксанским, которые названы по именам тех ущелий. Кроме того, он перенес Военно-Грузинскую дорогу с правого берега Терека на левый и прикрыл ее укреплениями Пришибским, Урухским, Минаретским и Ардонским. Все эти укрепления, начатые в 1820 году, окончены в 1822 году. Это так взволновало кабардинцев, что более виновные тайно уходили за Кубань. Поэтому посылаемы были войска в Кабарду, чтоб воспрепятствовать переселению кабардинцев за Кубань и для наказания более виновных, это поручено было артиллерии-подполковнику Коцареву».

«Кабардинскому народу

Беспрестанные набеги внутри наших границ, разорение жителей и самые убийства, явно производимые кабардинским народом, вынудили меня употребить силу оружия войск и наказать их.

Сколько времени без пользы терпел и жалел я их и сколько я отвратил от них бедствий – это знает кабардинский народ. В 1818 году эфендии и владельцы лично дали мне обещание; но это обещание, как и прежние, много раз данные мне клятвы, не исполнены и, вместо исполнения обязанности подданных, разбои и убийства умножились. Я приказал войскам вступать в Кабарду и объявляю народу:

Владельцы, чувствуящие себя невинными, могут с доверенностью обратиться ко мне; они сохранят свои права, сохранят власть над подвластными их и они признаны будут владельцами.

Владельцы же, которые не явятся к начальникам русских войск, быв прежде замечены в злодеяниях, изгонятся из Кабарды.

Подвластным их объявляется свобода и независимость от них, после чего нет над ними власти, кроме власти милостивого государя императора, и награду их в самой Кабарде землями и выгодами. Убеждаю вас, народ кабардинский, не верить обольщениям владельцев ваших; они обманывают вас и в крайности первые же вас оставят. Не спасут их твердыни, где они думают укрепиться, и нет места, куда не проникли бы войска наши. Не защитят вас мошенники, не знающие ничего, кроме подлого воровства и разбоев. Я не мщу простому народу и наконец еще таки обещаю вам покой, счастье и свободу; после поздно будет просить о пощаде.

Генерал от инфантерии Ермолов.

Январь 1822 г., Тифлис».

Письмо Ермолова к графу Гурьеву

«**М**илостивый государь,
граф Дмитрий Александрович!

Желая избегать случаев, в которых объявления официальные не могут быть приятными, я имею согласие вашего сиятельства на переписку партикулярную и, сим пользуясь, прошу покорнейше взглянуть на сообщение,

писанное ко мне от 3 марта. Ваше сиятельство изволите увидеть, что можно было избавить меня от заключающегося в конце вопроса. Вы, конечно, не сделали бы такового, если бы хотя минуту остановили внимание ваше на том, что провинцию Шекинскую присоединил я к управлению нашему, приняв на себя исполнение в пользу нашу дарованного хану трактата, ясно предоставляющего наследственное оным владение, тогда как провинция сия приносит более полумиллиона доходу, а сделанные мною издержки не составляют и десятой доли оногo. Сверх того, они употреблены на предметы, делающие честь и достоинство правительству, ибо уплачены долги законные, да на содержание фамилии умершего владельца.

Я не имел на сие высочайшего разрешения, что вам не может быть неизвестно, и мне, когда нужно было действовать, затруднительно ожидать оногo, единственно для того, чтобы соблюсти установленный порядок, который, впрочем, на провинцию, вновь ко управлению присоединенную, до прочного основания в ней устройства распространить-

ся не может. Передав уже раз сбор доходов в ведение Министерства финансов, я не входил ни в какое распоряжение оными; но за прежнее до того время и по законам, и по собственным правилам чести я ничем не обязан, кроме ясной отчетности, и таковая отдана правительству. Может быть, незнаком я вашему сиятельству со стороны бережливости, но в течение довольно продолжительной, а иногда и видной службы хорошо будучи замеченным, оскорбительны подобные вопросы, а если сделаны с намерением, то и нестерпимы. Вам, милостивый государь, в поступке моем, когда я ищу только приличия, угодно видеть присвоение излишней власти. Уверьтесь, ваше сиятельство, что я не кичусь воспользоваться ничтожностью.

С совершенным почтением имею честь быть вашего сиятельства покорный слуга

А. Ермолов.

17 июня 1822 г.

Лагерь в Кабарде».

Рескрипт

«Господину главноуправляющему в Грузии
Указами моими, в разное время дан-

ными, даровано прощение и возвращены имения князьям и дворянам грузинским, участвовавшим в бунте кахетинском.

Но как доньше не воспользовались еще таковым снисхождением дворяне Телавского уезда: Завор Тариенов и Элиоз Гулбатов, то, согласно представлению о том вашему, я повелеваю: распространяя и на них все милостивейшее прощение, возвратить их имения.

Александр.

Петергоф. 22 июля 1822 года».

«Предписание Ермолова

Председателю Кавказской уголовной палаты Чекалову

Давно доходит до меня ропот несчастных, коих дела поступают на суждение уголовной палаты, и слух насчет вас не делает вам чести. Готов я верить, что, безопасны будучи от явных изобличений, вы слухов сих не устрашитесь; но глас общий, известные многим некоторые дела, поступки ваши окажутся правдоподобными, и могут быть следствия для вас невыгодны.

По обязанности звания моего и собственно для ограждения себя от справедливого упре-

ка, что виновным снисхождением даю повод распространяться злоупотреблением, я убеждаю вас, милостивый государь, оставить занимаемое вами место, и оставить его без замедления; бесполезны в сем случае объяснения, и я письмо сие препровождая к вам чрез г. областного начальника, поручил ему дать мне знать, если по получении оногo к первой почте не изволите представить просьбы об увольнении вас от должности; не скрою от вас, милостивый государь, что буду я просить государя императора об удалении вас и должен буду, с обыкновенным упованием моим на правосудие его, объявить побуждающие меня к тому причины.

23 апреля 1823 г.».

Рескрипты

Командиру Отдельного Кавказского корпуса господину генералу от инфантерии Ермолову

1

«Видя из донесения вашего от 30 минувшего июля, что вы благоразумными своими распоряжениями и сбережением остатков от прошлых годов сокращаете весьма значи-

тельную сумму из сметы на будущий 1824 год, по продовольствию войск вверенного вам корпуса, я принимаю сие новым доказательством отличного вашего усердия к службе и попечения о пользе государственной, за что изъявляю вам мою признательность, поручая объявить равномерно мое удовольствие и подчиненным вашим, кои трудятся и усердствуют по сбережениям в продовольствии.

Впрочем, пребываю к вам всегда благо-склонным,

Александр.

В Черновицах. 26 сентября 1823 года».

«Алексей Петрович! С истинным удовольствием читал я донесение ваше из Дагестана от 25 января. Мне весьма приятно было видеть из оногo счастливое во всех отношениях окончание предприятия вашего к восстановлению спокойствия, нарушенного в том краю мятежествующими горскими народами; но особенную мою благодарность заслуживают благоразумные меры кротости, принятые вами для достижения сей цели. Они совершен-

но соответствують намерениям моим; почитая жителей Дагестана вместе и обитателями части Российской империи, я всегда с крайним сожалением принимал известия об употреблении силы оружия к обузданию их своеволия; тем более остаюсь довольным настоящим укрощением их, без всякого кровопролития в действие приведенным, за что, повторяя вам благодарность мою, пребываю навсегда к вам благосклонным,

Александр.

С.-Петербург. 15 февраля 1824 г.».

III

«С особенным удовольствием читал я донесение ваше от 22 июля. Сохранение по вверенному вам корпусу от нынешнего года к будущему продовольственной суммы до двух миллионов рублей ассигнациями, относя единственно к неутомимым трудам и благоразумным распоряжениям вашим к пользе государственной и оставаясь в полной уверенности, что вы всегда будете соединять оное с отличною вашею службою, пребываю навсегда к вам благосклонным,

Александр.

В Перми. 2 октября 1824 г.».

IV

«Алексей Петрович! По причинам весьма уважительным, о коих вы доносите мне в рапорте своем от 6 минувшего сентября, я разрешаю вам, согласно с представлением вашим, перевести ныне же из Георгиевска все областные присутственные места в Ставрополь и, помещая оные там в наемных домах, пока будут построены для них новые здания, употреблять на сей предмет исчисленную вами сумму, до десяти тысяч рублей в год, на счет экстраординарных сумм. Впрочем, пребываю к вам благосклонным,

Александр.

В Перми. 2 октября 1824».

Письмо Ермолова к полковнику Б-ву

[177]

«**М**илостивый государь!
Мне надобно было пройти чрез всю Кабарду, чтоб удостовериться, до какой степени простиралось неблагоприятное поведение ваше. Здесь же я узнал, до какой степени простиралась и подлая трусость ваша, когда, догнав шайку разбойников, уже утомленную

бесчинствами и обремененную добычей, вы не смели напасть на нее. Слышны были голоса наших, просящих о помощи, но вас заглушила подлая трусость; рвались подчиненные ваши освободить своих соотечественников, но вы удержали их. Из мыслей их нельзя изгнать, что вы были или подлый трус, или изменник. И с тем и с другим титулом нельзя оставаться между людьми, имеющими право гнушаться вами и с трудом удерживающимися от изъявления достойного к вам презрения, а потому я прошу вас успокоить их поспешным отъездом в Россию. Я принял меры, чтобы, проезжая село Солдатское, вы не были осрамлены оставшимися жителями; конечно, я это сделал не для спасения труса, но сохраняя некоторое уважение к носимому вами чину.

Примите уверение в том почтении, которое только вы заслуживать можете.

Ермолов».

Два рапорта императору Александру Павловичу[178]

«По высочайшей конфирмации вашего Императорского величества служившие в бывшем составе лейб-гвардии Семеновского полка и лишенные чинов и орденов, из полковников Ермолаев, из майоров князь Щерба-тов, тотчас по доставлении ко мне определены на службу 41-го егерского полка в батальон, действовавший против возмущившихся чеченцев.

Менее нежели через два часа по доставлении их с малою частью войск делать должен я был обзорение, и уже видел я их под ружьем. После сего, во все продолжение экспедиции против чеченцев, в каждом действии они были впереди, не уступая ни одному из солдат ни в трудах, ни в опасностях.

Не вырывается у них ни одна жалоба на их состояние, и я всякий раз вижу с уважением похвальное повиновение их к власти, надежду твердую на великодушные милосердию государя.

Ничего не дерзаю я испрашивать для них, но столько же, как и я, знают они, что не бесконечен гнев великого государя».

«Об отличной службе и усердии рядового Латинского свидетельствуют все начальники, и я сам, в продолжении 10 месяцев, престарелого сего человека видел в трудах наравне с солдатами, в сражении во всех случаях впереди с храбрейшими. Для заглаждения вины я позволил ему быть с другими войсками, когда рота, коей он принадлежит, оставалась без действия.

Дерзаю думать, что государь в великодушии своем простит прежнее преступление его. Служить далее по дряхлости не способен. Не смею испрашивать ему при увольнении прежнего 8-го класса, но столь же не смею полагать предела милосердию императора. С. Червлянское.

30 (?) мая 1826 г.».

Рескрипты

I

«Алексей Петрович! С прискорбием получил я донесение ваше от 30 прошлого июля о случавшихся в Чечне при Амир-Аджи-Юрте и в Аксае неприятных происшествиях. Разделяя мнение ваше, что причиною несчастья в первом месте была оплошность коман-

довавшего капитана Осипова и что смерть генерал-лейтенанта Лисаневича последовала от собственной его неосмотрительности, допустив на подобный переговор людей несовершенно обезоруженных, не могу, однако ж, согласиться, чтобы сей генерал был совершенно неспособен к командованию, ибо, доказав в продолжении долговременной службы многократные опыты своего усердия, он и в настоящем случае первоначально успел удачным действием рассеять превосходные силы неприятеля и тем освободил укрепление Гарзели-аул.

Как по последнему строевому рапорту считается войск в краю, вам вверенном, более 60 тысяч, – число, какового там в прежние времена никогда не бывало, то я полагаю и надеюсь, что сих способов, при вашем благоразумии, искусстве и испытанной деятельности, весьма достаточно будет, чтобы потушить возникающий мятеж и восстановить прежнее спокойствие и порядок.

На место покойного генерал-лейтенанта Лисаневича, сходно представлению вашему, я соглашаюсь назначить командира 3-й брига-

ды 22-й пехотной дивизии, генерал-майора князя Горчакова командующим оною 22-й пехотною дивизией и исправляющим должность кавказского областного начальника, бывши уверен сколько по известным его достоинствам, а наипаче по отличному вашему об нем свидетельству, что, под распоряжением вашим, он оправдает сей выбор принятием благоразумных мер противу мятежников и кротким обращением с мирными народами, устраняя строгим образом всякие случаи, могущие оскорбить тех, кои не избличены во вражде.

На место же убитого генерал-майора Грекова предоставляю вам избрать командующим бригадою одного из отличнейших полковых командиров вверенного вам корпуса, по собственному усмотрению вашему способности и благонадежности.

Пребываю вам всегда благосклонным,
Александр.

В Царском Селе. 18 августа 1825 г.»

«Алексей Петрович! Содержание письма вашего ко мне от 12 июля и отношений ва-

ших того же числа к графу Нессельроду, которые он докладывал мне, поставило меня в необходимость войти в некоторые рассуждения по предмету, в них заключающемуся.

Препоручение, данное вами г. Мазаровичу, я совершенно одобряю. Оно согласно с миролюбивыми моими видами и общим ходом нашей политики. Личные объяснения с шахом о предполагаемом разграничении, вследствие данных вами наставлений, будут персидскому правительству новым доказательством, сколь искренно мы желаем утвердить дружеские с ним связи и отклонить все возможные поводы к взаимным неудовольствиям.

Отдавая полную справедливость усердию вашему к пользам отечества и уважая мнения ваши о делах службы, я не могу, однако ж, разделить опасений ваших насчет военных замыслов персиян против России. Быть может, что еще встретится много затруднений в переговорах с министрами шаха и Аббас-Мирзы, быть может, что они пребудут неуклончивы и долго еще не согласятся уступить то, чего мы, по уверениям их, не имеем права требовать, на основании точных слова

Гюлистанского трактата. Но из сего трудно заключить, чтоб они решительно заготовились к нападению и хотели силою овладеть уступленными и присоединенными к Грузии областями. До сих пор мы не видали в персидском правительстве признаков подобного ослепления, ни в шахе воинственного духа, напротив того, дошедшие известия и донесения нашего поверенного в делах свидетельствуют о его склонности к миру. В таковых мыслях утверждает меня и последнее письмо мирзы Абдул-Гассан-хана, с коего список доставит вам граф Нессельрод, равно как и с его ответа, мною одобренного.

По сим причинам я не могу предполагать в шахе намерения действовать наступательно против России и ожидаю от Персии если не искренней дружбы, то, по крайней мере, соблюдения мира.

С другой стороны, происшествия на Кубани, и в особенности случившиеся в Чечне, неприятные последствия общего в той стране возмущения, о коих вы донесли мне от 30 июля, делают всякое наступательное движение против Персии весьма неуместным. Нам

нужно прежде восстановить в собственных наших владениях спокойствие и порядок; нужно стараться истребить возмущение решительным действием, для наказания тех из возмутителей, кои покажут себя упорнейшими, а увлеченных, но готовых к покорности привести к повиновению мерами кротости. На каковой конец войска будут с пользою употреблены в своих границах.

Итак, с вашей стороны нужно принять непременно правило охранение существующего с Персией мира. Все действия ваши должны быть устремлены к сей главной и полезной цели, и я желаю, чтобы вверенные надзору вашему сношения с Персией были соответственно тому учреждены.

Пребываю, впрочем, вам благосклонным,
Александр.

В С.-Петербурге. 31 августа 1825 года».

**Письмо Ермолова к правящему
должность астраханского губернатора**

(Собственноручно.)

«Милостивый государь,
Владимир Савич!

По уведомлению вашему и подтверждаю-

щимся отовсюду слухам, нет сомнения, что император изволит посетить Астрахань.

Официально писал я к вам о всем, что касается до службы; теперь скажу мнение мое о том, что не мешало бы сделать, дабы мог государь найти некоторое удовольствие во время отдохновения от трудов.

Не удивим балом государя, мы, живущие в стороне азиатской, и по малочисленности общества и по невозможности достать того, что может сделать праздник блистательным, а потому прилично было бы изобрести такой праздник или собрание, чтобы в нем участвовали все лучшие или известные лица разных народов, во множестве обитающих в Астрахани.

Весьма жаль, что у многих из них не в обыкновении показывать жен своих, и в таком случае надобно, чтобы были женщины наши и те, которые бывают в обществе из иностранных. Думаю, что в числе сих последних будут одни армянки.

Государю приятно будет видеть купечество всех наций, а с ними можно соединить и главные лица священнослужителей инозем-

ных народов.

Конечно, не пробудет государь там долго, чтобы нельзя занять было всего времени, и потому пишу я к господину Сапожникову, чтобы сделан был завтрак, где бы было все наше купечество и иноземное.

Разумеется, что при том должны быть знатнейшие из чиновников.

Впрочем, я уверен, что вы, милостивый государь, сделать изволите все то, что может быть приятным императору, и лучше то знаете, нежели я, простой солдат, чуждый всех праздников.

Имею честь быть с совершенным почтением милостивого государя покорнейший слуга
Алексей Ермолов.

21 сентября 1825 г., в лагере на Тереке».

Рескрипт

«**А**лексей Петрович! Получив донесения ваши от 20 мая, от 9 и 23 июня о сделанных поисках во владениях закубанцев и об истреблении генерал-майором Власовым нескольких аулов, а полковником князем Беквичем-Черкасским одного селения, в коем было до 300 домов, я не могу переменить объ-

явленное вам прежде убеждение мое, что подобные поиски и истребление селений, коих жители не избличены в действительном участии при нападении на подданных или союзников наших, не усмиряют их, но по духу сего народа, склонного и обычаями, и законами ко мщению за обиды, ведут только к большему его противу нас ожесточению.

Посему, повторяю вам желание мое, чтобы поиски в землях соседственных нам народов были деланы только в самых необходимых случаях, как то: для избавления пленных подданных наших, или союзников, если бы таковые увлечены были по какой-либо оплошности, или недостаточной осмотрительности по военной нашей линии, или же в таком разе, когда верные известия о сборе и намерении разбойничьих шаек напасть на границы наши представят полезным делом предупредить и разогнать их сборища. Но и в сих случаях, кои могут быть редки, я желаю, чтобы вы внушили войскам и в особенности начальникам, под строжайшею их ответственностью, чтобы все действия были соображаемы более с видами существенной пользы и

моими на то повелениями и что истинная военная храбрость уважается и отличается только тогда, когда она употреблена противу вооруженного неприятеля и соединена с тою необходимою воинскою дисциплиной, которая в минуту победы в состоянии пощадить побежденного и остановить всякое мщение над безоружными, над женами и детьми, столь нетерпимое в победоносных российских войсках и помрачающее всякую славу победителей. Сие самое останавливает меня и в испрашиваемом вами награждении полковника князя Бековича Черкасского орденом Св. Георгия; ибо если распоряжение его к первоначальному нападению на неприятельское селение и овладению оным без потери заслуживает одобрения, то, с другой стороны, он теряет право на награду тем, что благоразумно начатое было окончено совершенным истреблением более 300 семейств. Из них, конечно, большая часть была женщин и детей, невинных и верно не участвовавших в защите, если бы даже некоторые жители, при должном обещании пощады, и могли быть увлечены упорнейшими к обороне. Умение

удержать подчиненных в должном повиновении при победе, равно как и в несчастий, есть одно из первых достоинств военачальника, и я не намерен награждать тех, кои не действуют в сем важном случае во всей точности моих повелений.

Пребываю к вам благосклонным,
Александр.

В Таганроге. 29 сентября. 1825 г.».

Предписание Ермолова

«Господину правящему должность астраханского гражданского губернатора

В разрешение рапорта вашего высочордия, от 29 сентября № 4577, сим поспешаю вас уведомить, что в рассуждении встречи государя императора, при посещении его величеством города Астрахани, всеконечно должны вы соображаться с высочайшею волею, которая о сем вам объявлена будет.

Если же вы по сему предмету не получите никакого предварительного повеления, то встретить его величество должны вы будете на границе губернии.

Генерал Ермолов.

1 октября 1825 г. № 25.

Амир-Аджи-Юрт».

Письмо Ермолова к правящему должность астраханского губернатора

«**М**илостивый государь,
Владимир Савич!

Из письма вашего, от 27 сентября, крайне приятно для меня было видеть верноподданническое усердие, с коим все сословия жителей города Астрахани готовятся встретить достойным образом государя императора, в случае если его величеству благоугодно будет удостоить город сей своим посещением.

Жаль будет, если по краткости времени пребывания императора, как то и предполагать должно, невозможно будет привести к исполнению всех празднеств, которые предназначаются. Впрочем, конечно, вы не оставите распорядиться таким образом, дабы и в сие короткое время все состояния городских жителей были участниками в изъявлении общей радости, ощущаемой ими при лицезрении всеми обожаемого монарха.

Благодаря вас, с своей стороны, за попечения ваши по всем тем предметам, которые, в случае прибытия его величества в Астрахань,

должны обратить его внимание, прошу принять уверение в совершенном почтении и преданности, с коими имею честь быть ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

Октября 1825 г. Амир-Аджи-Юрт».

Предписания Ермолова

I

«**Г**осподину правящему должность астраханского губернатора

Из донесений вашего высокородия, от 24 и 30 ноября, № 5589 и 5652, приятно мне было видеть деятельные меры, вами принятые к прекращению беспокойств, возникших было в Яндыковском улусе, и благоразумные распоряжения, учиненные вами к предупреждению оных на будущее время.

В обязанность себе поставляя изъявить вам за сие истинную мою благодарность, я остаюсь в полной уверенности, что попечительностию вашею, при содействии ныне прибывшего г. главного пристава калмыцкого народа, будут водворены, как в сем улусе, так и во всех прочих, прочный порядок и устройство.

Генерал Ермолов.

№ 184. 8 декабря 1825 г. Екатериноград».

«Господину правящему должность астраханского гражданского губернатора

Признавая весьма основательными все распоряжения вашего высочородия, изъясняемые в рапорте от 7 сентября № 4111, относительно приведения в порядок Яндыковского улуса, в рассуждении тех предметов, по коим вы требуете моего разрешения, сим вас уведомляю: 1) подвластный владелец Надмит-Зайсанг-Батырь-Амур должен быть непременно обращен в совладение, ибо иначе дан бы был повод к своевольным откочевкам и другим зайсангам, и 2) зайсанга сего, равно Габжу-Гелена, по моему мнению, весьма бы полезно было, пока Яндыковский улус успокоится совершенно, в предупреждение могущих произойти от внушения их новых раздоров, удержать в Астрахани.

Генерал Ермолов.

№ 185. 8 декабря 1825 г. Екатериноград».

**Замечания Д.В. Давыдова,
относящиеся к периоду управления**

Грузией Алексея Петровича Ермолова

«Невзирая на то что Ермолов прибыл в Тегеран после обещания, данного государем персидским послам, возвратить некоторые присоединенные к нам области, он выказал при этом случае так много искусства и энергии, что шах отказался от своих требований. В случае несогласия шаха Ермолов, не могший поддержать своих представлений войском, которого в то время не было под рукой, что было не безызвестно персиянам, нашелся бы вынужденным уступить. Невзирая на то что всемогущий в то время Аббас-Мирза нисколько не скрывал своих к нам неприязненных чувств, Ермолов успел склонить шаха к уступкам. Ермолов, всегда выказывавший большое уважение к обычаям народов, с коими ему приходилось действовать, внушил персиянам высокое к русским уважение, каким они даже не пользовались впоследствии, после наших успехов над ними. Мне говорил один значительный персидский сановник, что своевременная присылка войск в Грузию предупредила бы войну с персиянами, коих самонадеянность постоянно возрастала

вследствие убеждения, что мы к ней не готовы и что мы можем противопоставить их полчищам лишь ничтожные силы.

Известно, что к Мазаровичу явился однажды армянин, некогда захваченный персиянами в плен; хотя этот евнух был помощником Манучар-хана, хранителя сокровищ и любимца шаха, но он обратился к Мазаровичу с просьбой исходатайствовать ему позволение возвратиться к нам в Грузию. Так как это могло дать повод к различным обвинениям, потому что в случае пропажи чего-либо наше посольство и армянин были бы подозреваемы в похищении шахских сокровищ, то Ермолов советовал Мазаровичу убедить армянина отказаться от своего намерения; таким образом удалось предупредить большие неприятности.

Возвратившись из Персии, Ермолов занялся устройством края; его попечениями была улучшена, при всевозможном соблюдении казенного интереса, Военно-Грузинская дорога, созданы Имеретинская и Кахетинская линии и положено основание Сунженской. Придвинув правый фланг к предгорьям Кавказа,

он воздвиг укрепления у подошвы гор и переселил сюда казаков, которые жили до того времени между Георгиевским и Черноморьем. До 1820 года в Черномории, зависевшей от герцога Ришелье и преемника его графа Ланжерона, устроены были конные заводы, для которых покупались богатые английские заводские лошади, существовал огромный штат конюхов и возведены были племянником Ришелье флигель-адъютантом Roche-Chouare несколько малых крепостей в болотах.

Ермолов, уничтожив бесполезные и крайне дорогие конные заводы и упразднив все ненужное, распустил конюхов; им были возведены укрепления: Грозная, Внезапная, Бурная, и создана столица Тифлис там, где были лишь кучи саклей и два караван-сарая. Шелководство и виноделие были также предметами его особенной заботливости; не согласившись на просьбу иностранца Кастелла, требовавшего большую сумму для выписывания из Франции женщин, привыкших разматывать шелк, он приказал заняться этим солдатским женам, под наблюдением корпусного дежур-

ного штаб-офицера; он был обязан, приложив печать к моткам, пересылать их в место нахождения Ермолова. Когда впоследствии выданы были Кастеллу, по приказанию графа Паскевича, 8000 рублей бумажками, он бежал за границу – желая также приучить туземцев к подражанию немецкому хозяйству, он водворил немецкие колонии.

Ермолов был человек такой, какой был необходим для Кавказа. Смирная железною рукою диких хищников, он мудрою справедливостью привлекал различные народы к признанию над собою власти нашего государя. Его продолжительному и славному управлению обязан был Кавказ своим устройством, спокойствием и безопасностью; невзирая на большие расходы, не проходило года, чтобы Ермолов не представлял один или два миллиона экономии.

Тифлисский госпиталь и комиссариатские здания были им построены на счет сумм, оставшихся после его посольства в Персию и которые он имел право оставить у себя. (Все мною сказанное основано на официальных документах; я могу даже присовокупить,

что бережливость Ермолова в отношении к казенным деньгам была часто весьма тягостна для его подчиненных.) Грозный для врагов и слушников своих велений, Алексей Петрович, будучи постоянно весьма приветлив относительно своих подчиненных, позволял себе во время похода короткое с ними обращение; но кажущаяся фамильярность этого энергического человека не была в состоянии поколебать дисциплины, столь необходимой в военном сословии.

Он этим путем ознакомился со всеми почти офицерами своего корпуса, и, когда до его сведения доходило, что полезный офицер намеревался оставить службу, он не почитал для себя унижением или слабостью письменно просить его отказаться от того. Мы большею частью видим, что начальники, щедро рассыпающие вокруг себя награды, более любимы своими подчиненными. Алексей Петрович приобрел всеобщую любовь совершенно иным путем: он награждал офицеров лишь после нескольких отличий, а потому всякая награда, полученная по его ходатайству, ценилась весьма высоко. Жестокое, по-видимо-

му, обращение его с туземцами было лишь следствием необходимости и глубокого понимания духа и характера народа, с которым ему приходилось иметь дело.

(Хотя плодами его грозной и энергической военной системы было обуздание горцев, но ему не удалось, однако, вполне возбранить одиноким наездникам вторгаться в наши пределы. При всем том хищнические набеги, кои имели всегда место даже при знамени- том князе Цицианове, сумасбродном графе Гудовиче, благородном и изящно одетом Торма- сове и слабом Ртищеве, значительно умень- шились. Никто, даже пастырские увещания К. Г., не были в силах обратить к мирной жизни отважных всадников, алчущих лишь добычи и у коих разбои возведены на степень добро- детели. — М. П.)

Приведя однажды в трепет непокорных горцев, он мог впоследствии лишь изредка прибегать к мерам строгости. (Весьма замеча- тельно то, что Алексей Петрович Ермолов, во- преси уверениям многочисленных его недоб- рожелателей, весьма редко наказывал винов- ных в последние годы своего командования;

эта система прямо противоположна образу действий многих филантропов, кои, начиная баловством, находятся вскоре вынужденными слишком часто обращаться к мерам строгости, которые уже не могут оказывать желаемого действия. — М. П.) Он знал, что одна строгость бессильна, если ее не сопровождают неуклонное правосудие и бескорыстие. Эти качества, идя рука об руку, обильны по своим последствиям; вот истинная причина того благоговения и необычайной преданности, питаемых к нему жителями края. Народы Азии, еще не знакомые с филантропическим воззрением европейцев, уважают лишь начальника, умеющего сочетать строгость с справедливостью; отсутствие строгости почитается ими лишь признаком слабости.

Весьма часто, когда Ермолову не хотелось карать незначительных преступников, он заблаговременно предупреждал о том своего неразлучного и верного начальника штаба, Алексея Александровича Вельяминова[179], чтоб он о них ходатайствовал; уступая, по-видимому, его убеждениям, Алексей Петрович смягчал приговоры свои и даже нередко со-

вершенно прощал виновных. Вот почему слава о его справедливости и бескорыстии распространилась далеко за пределы Грузии. Правитель дел Аббас-Мирзы, некто Мирза-Сале, известный по своему уму, образованию и знанию многих языков, заказывавший некогда для Персии орудие в Англии и Франции и потому значительно разбогатевший, навлек на себя гнев принца, который, желая овладеть всем его имуществом, вознамерился его умертвить. Мирза-Сале, предупрежденный об этом заблаговременно, бежал в Грузию, где прибегнул под покровительство Ермолова; он с полною доверенностью передал ему на сохранение все свои сокровища, в числе коих находились богатые подарки от короля английского и Людовика XVIII. Вследствие требования Аббас-Мирзы выдать бежавшего сановника Ермолов советовал ему удалиться сперва в Астрахань, а потом далее. Впоследствии он, возвратившись в свое отечество, сопровождал Хозрев-Мирзу в Петербург.

Ермолов, желая ознаменовать чем-нибудь свое вступление в командование Грузинским корпусом, исходатайствовал у государя про-

щение 40 грузинским князьям, сосланным в Сибирь, вследствие несправедливых наветов генерал-лейтенанта князя Орбелиани. Еще до назначения Ермолова командиром корпуса открыта была по всей России подписка для собрания суммы, необходимой для выкупа взятого близ Кизляра в плен храброго впоследствии командира Куринского полка, полковника Швецова. Ермолов предписал командовавшему войсками на линии генералу Дельпоццо посадить в кизлярскую крепость всех окрестных туземных князьков, чрез земли которых следовали хищники, коим они явно содействовали в пленении этого офицера, и содержать их дотоле, пока не будет собрана необходимая сумма. Захваченные князья поспешно собрали 7000 рублей, вместо требуемых сперва 15 000 рублей. Швецов был вскоре освобожден, а потому приказано было выпустить из-под ареста и князей.

До 1820 года назначалась из Военного министерства сумма для выкупа пленных в Черномории, где до времен Ермолова было строго воспрещено нашим войскам переходить через Кубань. Захватив однажды большое ко-

личество пленных чеченцев, Ермолов выдал лучших пленниц замуж за имеретин, а прочих продал в горы по рублю серебром. Это навело такой ужас на чеченцев и прочих горцев, что они от этого времени лишь изредка захватывали наших в плен, и то не иначе как поодиночке; пользуясь тем, Ермолов предложил обратить вышесказанную сумму на другое употребление. В 1820 году было прислано из Ахена на имя Ермолова высочайшее повеление об уступлении Турции областей, лежащих близ Черного моря: он был вместе с тем извещен, что послу нашему в Константинополе, барону Строганову, было приказано обещать султану скорое возвращение этих земель, жители которых уже обратились в христианскую веру. Ермолов, написав государю всеподданнейшее письмо, в коем были изложены губительные последствия столь несвоевременной уступки, окончил его следующими словами: «Если воля В. В. неотвратима, то прошу прислать мне преемника, для приведения ее в исполнение». Государь, милостиво оценив представление Ермолова, тотчас повелел барону Строганову не давать вышеска-

занного обещания; если оно было уже сделано, то присовокупить, что это будет приведено в исполнение лишь в том случае, когда дружественные сношения между Россией и Турцией не изменятся в течение 15 лет.

Ермолов, находившийся в Санкт-Петербурге в 1821 году, после возвращения своего из Лайбаха, куда он был вызван для начальствования армией в Италии, отказался от высочайше пожалованной ему аренды в 40 000 рублей бумажками на 12 лет в пользу бедных служащих, обремененных семействами. Государь, узнав о том, сказал ему: «Хотя я знаю, что у тебя ничего нет, но я благодарю тебя за твой вполне деликатный и бескорыстный поступок».

Посетив однажды Шуму и увидав близ великолепного дворца безнравственного Мехти-Кули-хана Карабахского маленькую и некрасивую мечеть, приходившую в упадок, Ермолов грозно сказал ему: «Я требую, чтобы к моему будущему приезду на место этой развалившейся мечети была выстроена другая, которая бы соответствовала великолепию вашего дворца». Эти слова, сказанные на татар-

ском языке, произвели чрезвычайно благоприятное впечатление на туземное население, которое еще более усилилось вследствие построения самим Ермоловым мечетей в некоторых аулах.

Во время пребывания барона Дибича в Тифлисе лезгины взяли в плен молодого офицера, барона Фиркса; узнав о том, Ермолов потребовал немедленной его выдачи, грозя в противном случае страшно наказать виновных. Лезгины поспешили доставить не только пленного, но и все принадлежавшие ему вещи, как то: лошадь и часы.

Ермолов, не желая потворствовать беззаконным действиям многих ханов и продолжать выдачу получаемых ими больших содержаний, изгнал их и заменил ханские управления народными судами. Известившись в 1818 году о набеге в наши пределы генерал-майора Ахмет-хана Аварского, получавшего 5000 рублей содержания, он издал прокламацию, в силу которой этот хан был объявлен изменником, с лишением чина и содержания; он возбудил против него, хотя не способного, но принадлежавшего к ханскому

дому Сурхая. Жена Ахмет-хана, жестокосердая Гейлиге-Бике, злодейски умертвившая жениха своего, прислала к Ермолову муллу, с предложением отравить мужа за известную сумму; но он отвечал, что жизнь такого презренного негодяя не стоит ничего.

Теща преданного нам шамхала Тарковского, значительно содействовавшая к восстанию акушинцев, коих она просила доставить ей возможность выпить стакан крови своего зятя, была сослана сперва в Черный Яр, а потом в Красный Яр, где и умерла; владетельный князь аула Брагуны, умертвивший самым изменническим образом своего отца и брата, был сослан в Сибирь. Так как Уцмий Кайтахский был духовная особа, которая могла быть нам опасна, то звание его было уничтожено.

Ермоловым были также изгнаны под разными предлогами: хан Тальшинский, умный, но коварный генерал-лейтенант Мустафа-хан Ширванский, которого ваш знаменитый атаман Платов тщетно старался захватить еще в 1796 году, и безнравственный Мехти-Кули-хан Карабахский. Учреждены были народ-

ные суды, на коих собирались представители беков и других сословий, под председательством комендантов и их адъютантов, причем татарский подлинник сопровождался русским переводом. Ермолов написал, по совету майора Якуба Шардарова, устав для кабардинцев, коим они руководствуются доселе, у них в судах председательствует эфенди; Ермолов, вполне убежденный, что мир между Россией и соседними восточными государствами не мог быть продолжителен, в особенности с Персией, где старший сын шаха, умный и расположенный к нам Мамад-Али-Мирза, родившийся от христианки, был лишен престола в пользу постоянно враждебного нам Аббас-Мирзы, коего мать принадлежала к фамилии Каджар, старался приобрести себе там союзников на случай войны. Он потому сблизился с Мамад-Али-Мирзой, который не хотел добровольно уступить престола брату своему, не признанному еще Россией наследником его.

Ермолов, невзирая на уверения многочисленных его врагов, утверждавших, что он давно искал повода к войне и возбудил ее лишь

из честолюбивых видов, избегал ее, однако, сколько было возможно. Он, напротив, советовал нетерпеливому Мамад-Али-Мирзе выждать благоприятного времени для явного восстания против брата. Тем более что в силу статьи Гюлистанского договора мы были обязаны помогать шаху в случае междоусобной войны в Персии; этот принц, приносивший даже жалобу в Петербург на Ермолова, который, по его мнению, слишком медлил объявлением Персии войны, был, к сожалению, скоро отравлен.

Ермолов, узнав, что турецкий султан, под предлогом смены гарнизона в Трапезуите, посылает войско для наказания умного и самостоятельного паши Тутчи-Оглу, решился предупредить его о том и тем приобрести верного союзника, на случай войны России с Турцией. Он отправил к нему письмо, наполненное лишь приветствиями в восточном вкусе, с доверенным армянином, бывшим некогда дядькой знаменитого князя Багратиона; ему было приказано изустно известить об угрожавшей опасности пашу, который принял все необходимые меры. Две турецкие армии, по-

теряв все свои орудия, были им наголову разбиты.

Тутчи-Оглу прислал, в свою очередь, после того в Тифлис доверенное лицо, которое, передав Ермолову письмо с приветствиями, сказало ему: «Паша обязан жизнью своему отцу, но тебе гораздо более, а потому разумей его как самого преданного к тебе человека». Он был, к несчастью, вскоре изменнически задушен.

Ермолов приобрел также большое влияние в окрестностях Багдада и Бассоры; двое сыновей пожилой крепостной женщины князя Лаурсаба, сделавшись багдадским и бассорским пашами, просили Ермолова препроводить к ним их мать. Ермолов, убедив князя Лаурсаба отпустить на волю эту старуху, приказал одеть ее в богатые парчовые платья и передать с почетом посланным, которые вручили значительную сумму ее прежнему владельцу. Эти оба паши просили впоследствии позволения перейти в Россию с сохранением своих прав.

Отправленный Ермоловым в Хиву Муравьев (ныне член Государственного совета, ге-

нерал-адъютант) был сперва посажен под арест ханом, намеревавшимся предать его жестокой казни, но вследствие распространённого астраханскими армянами слуха, будто бы Ермолов хочет мстить хивинцам за истребление отряда Бековича ещё во время Петра Великого, его отпустили с подарками в Тифлис; он прибыл туда в сопровождении двух знатных хивинцев, которые оставались там довольно долгое время.

Ермолов приобрел также влияние в земле туркменцев; владетель острова Черекеме, Кият-хан Туркменский, прислал даже сына своего, который поступил к нам на службу в Эриванский полк.

Все эти случаи, которыми я здесь ограничиваюсь, вполне обрисовывают характер Алексея Петровича и свидетельствуют о степени нравственного влияния его на подчиненных; но главная его заслуга состояла в неутомимой деятельности и умении возвышать дух своих подчиненных. Заботы Ермолова о войске, нужды которого он хорошо знал, были примерны; неуклонно наблюдая за хорошим содержанием войск, он строго за-

претил изнурять их фронтовыми ученьями и дозволил им носить вместо касок папахи, а вместо ранцев холщовые мешки с сухарями. Это, к сожалению, подало многим повод обвинить в либеральном образе мыслей Ермолова, явно, по их мнению, баловавшего войска, в коих чрез то будто бы обнаружился упадок дисциплины, и осмелившегося постоянно нарушать установленные формы и правила службы.

Лучшим опровержением тому служат слова барона Дибича генералу Сабанееву, по возвращении своем из Грузии: «Я нашел там войска, одушевленные духом екатерининским и суворовским», и наши успехи в войнах с персиянами и турками. Прослужив в течение 25 лет и участвовав во многих кампаниях, я, положа руку на сердце, могу поистине сказать, что я не видал в ваших войсках такого рвения и мужества, какими были одушевлены кавказские солдаты. Слова «Ребята! В поход!» возбуждали в каждом какую-то ребяческую радость. Никогда наша конница не могла догнать пехоты, делавшей по 50 верст в сутки, в особенности когда ею предводитель-

ствовал сам Ермолов: ни заоблачные выси, ни дикие ущелья, ничто не могло остановить ее гигантских шагов. Ермолов, убежденный в неизбежности близкой войны с персиянами и желая упрочить спокойствие и порядок между невежественными и фанатическими жителями Дагестана, прибыл сюда в 1823 году.

Он провел в ауле Казанищи всю зиму с 1823 на 1824 год, где имел при посредничестве умного и вполне преданного нам шахмала Тарковского ночные свидания с Саидом-эфенди, ученым наставником значительнейших туземных мулл, пользовавшимся в горах огромным влиянием. Во время этих свиданий, о коих не знали многие из самых приближенных к Ермолову лиц, ему удалось склонить Саида-эфенди употреблять в нашу пользу свое влияние в горах и принять на себя наблюдение за своими единоверцами: этому ученому мужу была обещана значительная сумма денег, которая выплачивалась до 1827 года.

Известившись в 1824 году о явном ослушании одного из дагестанских мулл, Ермолов

приказал Аслан-хану Кюринскому захватить виновного и переслать его в Тифлис. Невзирая на то что этот хан привык, подобно прочим туземным властителям, к беспрекословному повиновению воле Ермолова, но он, неизвестно по каким побуждениям, пытался на сей раз его обмануть и медлил с приведением в исполнение его приказа. Вскоре Ермолов, не знавший об этом обстоятельстве, подтвердил свое повеление хану, который, опасаясь раздражить его, захватил виновного и принял уже все меры к немедленному отправлению его в Тифлис.

Крестовая гора, самая возвышенная точка высот, по коим едешь от Коби до Тифлиса, есть истинный пункт перевала чрез Кавказ. Вокруг нее находятся горы гораздо выше ее. Она получила сие название от креста, который был водружен на ней первыми русскими, перешедшими за Кавказ в Грузию во времена Екатерины, но так как крест деревянный сгнил, то Ермолов заменил его огромным крестом, высеченным из гранита, с таким же подножием».

В бумагах Д.В. Давыдова найдена еще следующая заметка:

«Не принадлежа к числу тех, кто безусловно восторгаются всем, что делалось на Кавказе во времена Ермолова, я почитаю, однако, нужным сказать, что, невзирая на известную любовь к общественному благу и способности этого генерала, система гражданского управления, коей он следовал, не будучи лишена больших недостатков, требовала немало улучшений и преобразований; причину этого надо искать в личных свойствах Ермолова, — который, будучи исключительно отличным военным человеком, не был никогда приготовлен к административной деятельности.

Не имея ни опытности, ни специальных по этой части сведений, Ермолов, невзирая на замечательную заботливость о благоденствии вверенного края, не мог, однако, быть ему полезен в той мере, как бы он того желал. Алексей Петрович, вполне сознававший в себе недостаток сведений и опытности и почитавший себя всегда невеждой в административном отношении, скромно относил все сделанное в гражданском отношении во время

своего правления краем лишь советам и деятельности некоторых отличных чиновников, коими он успел себя окружить.

Ермолов, умевший ценить заслуги своих подчиненных по их достоинству и никогда не перестававший свидетельствовать о них, внушил им тем к себе безграничную любовь и преданность. Получив однажды повеление изложить свое мнение насчет управления калмыками, Ермолов нашелся вынужденным, вследствие нескольких подтвердительных о том приказаний, не дождавшись отзыва астраханского губернатора Бухарина, коему нужды этого народа были ближе известны, послать в Санкт-Петербург свое о том заключение.

Прочитав вскоре после того замечания на этот счет почтенного и отлично-умного Н.Я. Бухарина, коему он исходатайствовал впоследствии аренду, и отправив их также в Санкт-Петербург, он не преминул донести, что почитает мнение сего последнего несравненно основательнее и полезнее своего. Хотя беспокойства в Дагестане, Чечне и других областях отрывали часто Ермолова от граждан-

ских занятий, но нельзя, без явного нарушения справедливости, не сказать, что его девятилетняя административная деятельность, при всех ее несовершенствах и больших недостатках, была благотворна для Кавказского края; это могут подтвердить все беспристрастные очевидцы и самые туземцы».

Покорение Чечни дневник А.П. Ермолова (1826–1827)

«1826, Я^{нварь}. Крепость Грозная (Было несколько горячих перестрелок с чеченцами.) Со мною случилось смешное происшествие: квартира моя была на самом конце селения, и, когда начали пули достигать оной, повар мой отказался готовить обед, говоря, что он не создан быть на пулях чеченских. Кажется, он желал заставить думать, что он менее гнушается пули народа просвещеннейшего!

28. В Малой Атаге на правом берегу Аргуни замечены большие огни, слышны были выстрелы и крик в ознаменование радости о прибытии на помощь соседей, и тогда же стало известно от лазутчиков, что пришли чеченцы, по р. Мячику живущие, и несколько лезгин.

Послан отряд истребить селение Чахкири, где собирался неприятель и имел покойное пристанище.

Пред рассветом приблизились войска к селению, но были примечены караулами, и потому, не теряя времени, после нескольких выстрелов из пушек, один батальон бросился в селение, из коего испуганный неприятель спасся бегством. Превратив в пепел селение, батальон выступил беспрепятственно, но, когда на обратном пути войска были за версту от селения, разостлался по земле чрезвычайно густой туман, с коим соединился дым горящего селения, до того затмили свет, что ничего не возможно было различить в самом близком расстоянии.

В сие время приспел стоявший за Аргуном неприятель. Он не мог видеть число войск наших, равно как и его прибытие познано было по одному ужасному его крику. Конница его, проскакав стрелков, столкнулась с казаками, которые, ударив в шашки, ее опрокинули. Вскоре большие толпы атаковали нашу пехоту. Артиллерия действовала картечью не далее как в 50 шагах, так что были отрываемы оною члены, тела были раздираемы. Третье нападение было сильнейшее, ибо всеми силами стремительно ударил неприятель. Встре-

ченный картечью и ружейным огнем пехоты и спешившихся казаков, он обратился в бегство с ужаснейшим уроном, и с сего времени не было уже ни одного выстрела, вероятно, потому, что поднявшийся туман обнаружил число войск наших. Неприятеля было до 3 тыс. чел., и, когда удалились наши войска, видно было, что он, собрав тела отличнейших из убитых, рассеялся в разные стороны. Отряд с весьма малою потерею возвратился в лагерь.

Февраль. Жгли в Чечне селения, некоторые сдавались, присылали аманатов. В феврале настали жестокие морозы, в здешней стране необыкновенные, ибо сряду несколько дней было не менее 20 градусов, и я должен был пережидать их, боясь потерять людей. (Драки в Гихинских лесах, в завалах.) Я имел случай заметить, как линейные казаки могут стоять под пулями... Я приказал сжечь сие гнездо (селение Гики) величайших мошенников, которые отовсюду принимают к себе злодеев.

18 февраля. Войска на рассвете пришли к

Гихинскому лесу. Неприятель не успел собраться, ожидая меня на другой дороге. Я мог потерпеть немалый урон, ибо дорога тесная извивается в частом лесу и за большими деревьями удобно было и укрываться, и остановить движение сделанными засевами. Я почел немалою удачей переход сего леса без сопротивления. (Брали селения приступом.)

19. Селение Казах-Кечу выслало старшин с хлебом и солью, которые, раскаиваясь в сделанных ими преступлениях, в деятельном участии в мятеже, вверили себя великодушную войскам. Не приличествовало наказывать таковых и им прощено!

22. Крепость Грозная. По недостатку продовольствия оставлено при войсках от казаков, прочие отпущены по домам. При артиллерии оставлено по одному ящичку, и обозы весьма уменьшены.

Погода продолжается ненастная; прочистить леса невозможно; войска распущены на линию.

Март. Приехал генерал-майор князь Меншиков, отправленный в Персию с объявлением о вступлении на престол императора. Главную целью были переговоры о границе, дабы положить конец давно продолжающимся спорам и неудовольствиям. Правительство, вероятно побуждаемое особенными причинами, готово было, невзирая на сделанные мною весьма выгодные предложения персидскому шаху и даже значительные уступки, сделать еще вновь некоторые для удержания мира. Хорошо, если персияне по невежеству своему не почтут сего за боязнь войны!

Я весьма буду доволен, что наконец увидят, сколько нечистосердечно поведение персидского правительства и наглы его требования.

В продолжение всего почти марта местная погода была самая гнусная, и дороги в самом худом состоянии, почему и невозможно было выступить в поход.

Апрель. (Началось прочищение лесов; во многих селениях вырубались сады в наказание жителей. Бралась селения.)

Май. (Следствием этих порубок, движений и сшибок было то, что) по всему пространству Чечни сделаны удобные дороги и войска даже в малом количестве могут обращаться безопасно. Расчищенные далее выстрела от дороги леса лишают неприятеля возможности делать нечаянные нападения, которые одни доселе были опасными. Взяты от большого числа селений аманаты.

Июнь. Новая дорога от Екатеринограда, судя по недавнему ее учреждению, по количеству произведенных работ, при малых средствах, может по справедливости называться удивительною. Она несравненно безопаснее и удобнее прежней, которая проходила гористыми и безводными местами. Теперь, проходя, я весьма улучшил ее, много расчистивши леса.

Июль. Тифлис. Отсутствие мое продолжалось 11 месяцев и 10 дней.

Я нашел те же продолжавшиеся с Персией споры о границах, но ожидал, что оные при-

ведены будут к концу князем Меншиковым, который, для большого успеха в переговорах и желая сделать угождение Аббас-Мирзе, потребовал от генерал-лейтенанта Вельяминова 1-го, командовавшего в отсутствие мое, дабы прекращено было построение временного укрепления при урочище Мирак на границе Эриванского ханства. Известно уже было, что князь Меншиков весьма хорошо принят в Тавризе и отправляется к шаху в Султанию.

Я получил известие, что сардар Эриванский в больших силах атаковал пост миракский и войска наши, вышедшие из оногo, преследовали до укрепления Гумры, что сообщение между оным и Каракимшою совершенно прервано. В то же время на речке Гамзачиман отогнан казенный табун Тифлисского пехотного полка, и около Каракимши и селения Аманды появились персидские войска.

Итак, при всех постоянных усилиях отдалить войну с Персией, при готовности для достижения того на некоторые даже пожертвования, возгорелась она совершенно неожиданным образом, тогда особенно, как князь Меншиков находился в Персии единственно

по сему предмету.

Август. Прибыл генерал-адъютант Паскевич, назначенный командовать войсками под главным моим начальством. Он сообщал мне, что государь представлял себе дела наши в столь худом положении, что при отпращивании его сказал, что: «Быть может, он встретится со мною уже на Кавказской линии». Не знаю, что могло дать повод к такому заключению?

Аббас-Мирза со всеми регулярными войсками и конницей, всего вообще до 25 тыс. человек, перешедши Араке, вступил в Карабахскую провинцию.

Полковник Рвут, оставив квартиры свои в селении Чанахчи, укрылся в крепости Шуше. Три роты его полка с двумя орудиями находились при селении Герюсы, и хотя г. Реут имел предписание присоединить к полку отряд сей, но он командуящему оным подполковнику Назимке позволил остаться несколько дней, и он атакован был персиянами, с которыми соединившись изменники карабахские его окружили. Некоторые из приверженных

нам беков предлагали ему отступить горами к Туше, чему неприятель не мог воспрепятствовать; но он не решился бросить орудий, должен был драться в невыгодном местоположении, потерял много людей и с остальными взят в плен.

Аббас-Мирза окружил крепость Шушу. Один из его братьев с частью войск вступил в Ширванскую провинцию, с ним вместе прибыл прежний Мустафа-хан, и провинция возмутилась. Также прислан из Персии бывший бакинский хан. Он, обложив крепость Баку, склонил к бунту жителей провинции.

В Кубинской провинции обнаружались признаки мятежа, и войска наши, занимавшие Старую Шамаху, должны были ее оставить, дабы сохранить Кубу, где находились все средства продовольствия и куда из Ширвани последовал брат Аббас-Мирзы. Надлежало воспрепятствовать ему в успехах.

Дагестан оставался спокойным, невзирая на все старания Аббас-Мирзы возмутить оный, и сильнейший в оном акушинский народ непоколебимою своею верностью удержал многих других.

Верный генерал-майор Аслан-хан Кюринский и Казикумухский отразил прежнего владельца Сурхай-хана, который, изгнан будучи прежде, жил в Тавризе весьма уважаемый Аббас-Мирзою и был главнейшим его советником. Он прислал его для возбуждения Дагестана; но он вскоре умер, всеми презираемый и никого не склонив к возмущению.

Я приказал выступить двум ротам, находившимся в Елисаветпольском округе, которых положение сделалось опасным после того, как жители Шамшадильской дистанции передались персиянам. При выступлении из Елисаветполя роты выдержали нападение жителей города.

Также должно было оставить Нухинскую провинцию, где находившаяся одна только рота выступила тогда уже, как прежний владелец, бывший в бегах в Персии, вступил в пределы провинции. Чарские лезгины совокупно с жителями взбунтовавшихся владений елисскульского султана не успели отрезать отступления роты.

Сомнительно было поведение жителей Барчалинской и Казахской дистанций. По-

следние явно уклонились от содействия роте Тифлисского полка, которая послана была подкрепить Балыкчайский пост. Дабы удержать их от возмущения, я расположил отряд войск в землях их, и они повиновались.

Нельзя было отвечать за спокойствие Грузии и особенно в Кахетии. Чарцы ожидали прибытия Александра-царевича, который имел приверженцев в Кахетии и между ними довольно легкомысленных, которые верили его обольщениям. В самом Тифлисе многие предавались отчаянию, что и понудило меня не оставлять города, который успокаивало мое присутствие.

Я пригласил грузинское дворянство составить ополчение по примеру прежнего времени. Оно совершенно было бесполезно; но я имел в виду занять молодых людей, которые, будучи праздными, могли быть вредными не только кривыми толками, умножая страх по легкомысленности, но иногда и самую неблагонамеренностью. Ополчение составилось с невероятною скоростью и с большим усердием.

Сардар Эриванский не умел воспользо-

ваться превосходством своих средств и нашею малочисленностью, не успел воспрепятствовать соединению разбросанных частей войск. Отряд из укрепления Гумры, рота с Балыкчайского поста пришли без затруднения в Каракалиссу. Я приказал тогда оставить оную и войскам, перейдя за гору Безобдал, расположиться на Каменной речке, где устроено укрепление для прикрытия продовольствия и запасов, которые должны заготовляться для наступательных действий.

Сентябрь. Между тем Аббас-Мирза одного из сыновей своих прислал в Елисаветполь с частью регулярной пехоты, 4 орудиями и конницею, всего до 8 тыс. человек. В наставники ему дан был Амир-хан, сардар, родной дядя Аббас-Мирзы. Войска сии, заняв небольшою частью оставленную по неудобству крепость Елисаветпольскую, подвинулись к селению Шамхор.

Генерал-майор князь Мадатов, находившийся с отрядом в Казахской дистанции для удержания в повиновении неблагонадежных жителей и для наблюдения Дилижанского

ущелья, по которому сардар Эриванский мог пройти весьма удобно, имея связи с жителями дистанции, пошел к Шамхору, сбил передовые посты персиян и, стремительно преследуя их, атаковал самую их позицию. Неприятель встретил войска наши сильным огнем, но, видя, что не мог остановить их, пустился в бегство. Конница ушла первая, но пехота регулярная, на расстоянии 30 верст до Елисаветполя, утомленная сильным жаром, истреблена в числе до 2 тыс. человек, взято 1 орудие, 11 фальконетов (замбураки) и до 150 пленных. Сын Аббас-Мирзы, при первых подвигах своих, уподобился уже родителю, ибо начал их бегством. Сим отличался родитель в прежнюю войну против русских и, конечно, не меньшею также расторопностью. К общему всех удивлению, известный трусостью Амирхан сардар остался в числе мертвых на поле сражения. Елисаветполь занят нашими войсками. Персияне оставили лагерь и все тягости.

Прекрасная виртембергская колония близ Елисаветполя совершенно разорена персиянами. Жители, однако же, не увлечены.

8 сентября. Дабы усилить генерал-майора князя Мадатова, я отправил войска и генерал-адъютанта Паскевича, под начальство которого он должен был поступить. Как не знающему образа войны персиян, ни связи обстоятельств, присоединил я начальника корпусного штаба, генерал-майора Вельяминова 3-го, офицера отменных дарований, большой опытности.

Войска, соединясь в Елисаветполе, состояли из 7 батальонов пехоты, каждый более 1000 человек; 600 человек Нижегородского драгунского полка, 2 казачьих полков войска Донского, 300 человек грузинского конного ополчения, 16 батарейных и 8 легких орудий артиллерии. Сие самое число войск, если бы не был прислан генерал-адъютант Паскевич, должно было состоять в распоряжении генерал-майора князя Мадатова и также назначено быть с ним начальнику корпусного штаба.

Генерал-адъютанту Паскевичу приказал я следовать в Карабах по направлению на Агуглан, т. е. на сообщения Аббас-Мирзы, что должно было принудить его оставить блока-

ду крепости Шуши, где по свойству местоположения атаковать его было невыгодно. Далее должен он был действия свои согласовать с обстоятельствами и искать случая дать ему сражение.

Со стороны Эривани сильные толпы конницы появились по направлению от Гумри и старались пройти на дорогу, лежащую чрез Казбек, дабы прервать сообщения наши. Пехота наша из укрепления на Каменной речке, с частью казаков, отразила оные и преследовала чрез урочище Карагач. Если б оставил я войска по ту сторону горы Безобдал, не переведя их в сие укрепление, неприятель, без сомнения, занял бы дорогу, идущую из Тифлиса, и трудно было бы выгнать его из твердых мест Казбека, откуда мог он делать набеги внутрь Борчалинской дистанции.

Одна сильная партия конницы, пройдя чрез дефиле Думание и селение Квеша, напала на расположенную недалеко от оногo виртембергскую колонию, разорила оную и увлекла в плен не менее 100 человек жителей обоего пола и всякого возраста. В партии сей находились многие из турецких подданных,

жителей Карского пашалыка; проводниками служили ей беглые наши татары.

Возвратился из Персии генерал-майор князь Меншиков. Он испытал возможные неприятности, должен был покупать некоторое снисхождение подарками и деньгами. В Эривани содержали его в лагере под таким строгим присмотром, что не прежде как через три недели мог он найти случай дать мне о себе известие. Один армянин, в темную ночь, ползком прокрался сквозь цепь караула и доставил мне записочку.

Прибывшего по высочайшему повелению генерал-майора Давыдова (Дениса, известного поэта и партизана. – М. П.) назначил я командовать войсками против сардара Эриванского. (Отряд его был незначителен. – М. П.)

Я получил известие, что сардар Эриванский частью войск занял хребет гор Чардахды в Шамшадильской дистанции и что конница его появилась на плоскости. Она прерывала сообщение с Елисаветполем и беспрепятственно могла действовать в тылу войск генерал-адъютанта Паскевича, к которому на встречу шел Аббас-Мирза из

Карабаха. Поспешно выступил я в Казахскую дистанцию, откуда мог я действовать на войска сардара Эриванского, если бы покусились они идти на Елисаветполь; не допускал соединиться с ним чарских лезгин, от коих для условий с ним посланы были избранные старшины. Если бы генерал-майор Давыдов не в состоянии был противиться превосходному неприятелю, я мог удобно подкрепить его и в два форсированных марша совершенно закрыть Тифлис.

В Тифлисе оставался один самый необходимый караул не более батальона и до 100 линейных казаков.

Тотчас по прибытии моем на Гассан-Су войска эриванского сардара оставили Шамшадильскую дистанцию и вскоре за тем хребет Чардахлы. Жители начали собираться в свои жилища, и возмутившиеся их старшины пришли просить помилования и получили оное. Ни одного из них не подверг я наказанию. Жители Казахской дистанции утвердились в покорности, и многие из них даже служили верно.

13. Генерал-адъютант Паскевич одержал победу над Аббас-Мирзою близ Елисаветполя.

Аббас-Мирза, узнав о поражении сына его при Шамхоре, оставил малую часть войск для наблюдения за крепостью Шуша и со всеми силами в числе более 20 тыс. человек и до 15 орудий, со множеством фальконетов, пошел на Елисаветполь в намерении атаковать наши войска, но встретил их идущие к нему навстречу.

Надеясь на чрезвычайное превосходство своих сил и видя весьма малое количество конницы с нашей стороны, он приказал большим толпам своей конницы обойти правое наше крыло, подкрепив их небольшим числом пехоты. Они исполнили сие беспрепятственно, отбросив казаков наших и грузинское ополчение. Некоторые партии понеслись по направлению на Елисаветполь. В то самое время поставленная в центре его артиллерия производила довольно сильный огонь и регулярная пехота, выслав вперед большое число стрелков, под огнем их смело двинулась против левого нашего фланга, стараясь обойти его.

В центре наши 12 батарейных орудий вскоре заставили молчать слабого калибра персидскую артиллерию, и замечено, что при первых выстрелах орудия их начали отъезжать назад. Картечные выстрелы произвели тотчас ужасное замешательство в пехоте. Часть оной, выдавшуюся вперед, удачно атаковал один дивизион Нижегородского драгунского полка, и достаточно было одному батальону Грузинского гренадерского и одному Ширванского пехотного полков ударить в штыки, чтобы все силы неприятеля обратить в стремительнейшее бегство. Конница персидская, по обыкновению, побежала первая, за нею вся пехота. Но не столько удобно было уходить той части пехоты, которая подкрепляла конницу, далеко уже обошедшую правое наше крыло. Ей отрезано уже было отступление 6 ротами карабинерного полка, и она бросилась в прилежащие горы, где, вскоре окруженная, отдалась в плен в числе 1100 человек с тремя знаменами. Это были одни пленные, взятые в сем сражении, и одни знамена. В преследовании найдено одно орудие, брошенное персиянами.

Люди, отягченные ношею, не могли быстро преследовать, и авангард послан был спустя некоторое время. Впрочем, трудно было бы догнать персиян, ибо они никакого движения не производят с таким искусством, как бегство, и в шестой день были уже они на той стороне Аракса.

В оставленном лагере найдена большая добыча, в большом количестве брошены военные запасы. Одна известная трусость Аббас-Мирзы совершить столь быстрое бегство! Крепость Шуша осталась свободною, и в Карабахской провинции не было ни одного неприятеля!

Я не приказал генерал-адъютанту Паскевичу переходить за Араке, ибо потеря Аббас-Мирзы была незначительна, он все силы имел вместе, ибо для переправы чрез Араке должны они были собраться непременно. В Карадаге находился шах с войсками, которые, подкрепив его, имели бы против нас большие выгоды, действуя в земле гористой, куда не могли мы провезть артиллерию. Неприятель имел продовольствие из Тавриза, мы не могли находить оное в земле скудной, которой

средства недостаточны были для пропитания собственных жителей и присутствием войск еще более истощены. Подвозить оное было бы затруднительно, или бы надлежало сопровождать транспорты большими конвоями, ослабляя тем войска. Неприятель, имея многочисленную конницу, излишнюю по гористому местоположению Карабахского ханства, мог употребить ее в тылу наших войск и обратить ее на истребление наших запасов. По сим причинам войска остановлены в Карабахской провинции, наблюдая переправы чрез Араке. Аббас-Мирза расположился неподалеку, на той стороне оного.

Генерал-майор Давыдов дал знать, что он атаковал стоявшие против него персидские войска под командою Гассан-хана, брата сардара Эриванского. Неприятель хотя в превосходных был силах, но сопротивлялся непродолжительное время и был опрокинут, рассеян и преследован в персидских пределах два перехода. Генерал-майор Давыдов был уже недалеко от армянского Эчмиадзинского монастыря. Потеря неприятеля, по быстроте бегства, не была чувствительною, но со стороны

нашей большие успехи не произвели бы большого ужаса, ибо сардар Эриванский заперся в Эривани и даже ворота крепости приказал засыпать землею. Неприятель избегал употреблять свою пехоту, ибо, без всякого сомнения, сделалась бы она жертвою.

Октябрь. (Невозможность переправы чрез Куру заставила Ермолова воротиться в Тифлис. — М. П.)

4. Я пошел в мусульманские провинции, дабы, прекратив возмущения их, восстановить прежний порядок, тем более необходимый, что в оных учреждались запасы продовольствия для наступательных против персиян действий. Счастливый оборот дел наших водворил спокойствие в Грузии, и я мог беспрепятственно отлучиться из оной.

16. Переправа чрез Алазань. Пехота переходила вброд; патронные сумы на головах. В первый раз испытала сие гвардия, и удачно!

(Шекинский хан бежал ночью; он успел сделать множество мерзостей и разорений. —

М. П.)

(Персияне оставили Кубу. – *М. П.)*

(Поведение чарцев было подозрительно. –
М. П.)

24. Перехвачены некоторые шекинцы, посыпанные к Аббас-Мирзе. Ответы его хану наполнены пышных обещаний!

(Мустафа-хан бежал из Ширвани. – *М. П.)*

31. Флигель-адъютант полковник князь Долгорукий отправлен в Карабах для объяснений по разным предметам с генерал-адъютантом Паскевичем, который думал, что я не позволял ему идти за Араке, дабы отнять у него славу.

5 ноября. Старая Шамаха. Множество опустошений произведено персиянами, которых до 1000 человек находилось при Мустафа-хане.

(Баку покинут осаждавшим ханом. – *М. П.)*

(В Кубинской провинции восстановлен порядок и всюду спокойно. – *М. П.)*

В сопровождении 200 донских казаков от-

правился я в Баку.

15. Там от генерал-майора Краббе узнал я в подробности обо всех обстоятельствах мятежа в здешней стране и, к удовольствию, удостоверился, что правительство имеет людей, непоколебимых в приверженности к нему, и таковых немало даже между беками... Сделал распоряжение, дабы продовольствие и военные снаряды, доставляемые из Астрахани, были отправляемы поспешно.

1 декабря. Я узнал в подробности об экспедиции генерал-адъютанта Паскевича за Араке, где он никого не видал, ничего не сделал и прошел весьма небольшое расстояние. (Прибыла из России 20-я пехотная дивизия. Чарцы покорились; в наказание за возмущения у них были поселены войска этой дивизии. – М. П.)

26. Тифлис. Я нашел возвратившегося из Карабаха генерала Паскевича. При первом свидании с ним нетрудно мне было заметить его неудовольствия на меня, которые тем бо-

лее умножались, что он почитал себя вправе требовать, чтоб я сообщал ему о моих намерениях, о моих предприятиях, на что отвечал я ему, что не имею нужды в его советах; что знаю один случай, в котором требуется рассуждение подчиненных, и тогда мнение не только офицера в его высоком чине, но даже в несравненно меньшем приемлется с уважением; но таковые случаи редки, и я еще не нахожусь в подобном.

Все получаемые мною повеления препровождались ему в копии из Петербурга, и он всегда желал знать мои отзывы на оные. Я не имел нужды сообщать ему о том, и полезно было некоторые хранить в тайне. Он в одно время предложил мне, чтоб объяснил я ему план предполагаемой мною кампании, уверяя, что государю императору приятно будет знать мнение о том каждого из нас. Я отвечал, что представлю мое предположение и что он может сделать то же со своей стороны, из чего государь не менее усмотрит понятие наше о деле. Возражения сии умножали его злобу на меня, и я разумел, сколько она может быть мне вредною при особенной дове-

ренности, при отличном благоволении к нему государя. К тому же знал я, сколь часты были донесения его в собственные руки.

Я занимался приготовлениями, дабы сколько возможно ранее весною начать кампанию. Бесперывные дела и заботы не оставляли мне достаточного времени на отдохновение, и вся деятельность моя вполне была напряженная. Предположения мои насчет военных действий, хотя они опровергали план, начертанный в Петербурге, были, однако же, утверждены. Не оставлены без внимания замечания мои в рассуждении новых границ при заключении мира, невзирая, что они не согласовались с предположениями, составленными в Петербурге.

Прибыл генерал-адъютант Бенкендорф 2-й, назначенный по высочайшему повелению командовать при войсках всею кавалерией.

20 февраля 1827. Приехал начальник главного штаба его императорского величества генерал-адъютант барон Дибич. От меня требовались все сведения о приготовлениях к войне. Нередко в виде рассуждений поставля-

лись мне на вид такие вещи, о которых я по крайней мере разбирался не хуже самого наставника. Нередко я должен был заключать, что во мне не предполагалось даже посредственных сведений о военном ремесле.

Март. Не раз подтверждено мне, что государь чрезвычайно недоволен моей медленностью.

Во время пребывания барона Дибича началось движение войск к сборным пунктам. Составился в Карабаге отряд левого фланга под начальством генерал-лейтенанта князя Мадатова. Выступили уже войска, составляющие авангард под командою генерал-адъютанта Бенкендорфа 2-го, который должен был вступить в Эриванское ханство.

Генерал барон Дибич осматривал войска авангарда на урочище Джалал-Оглу и нашел их в хорошем состоянии. Он видел на горе Казбек брошенные их обозы, ибо по причине распутицы дороги были непроходимы, по местам лежал еще снег, в долинах не было еще подножного корма. Господин начальник главного штаба по крайней мере в сем случае

не мог винить мою медленность. Он объявил мне волю государя: если невозможно двинуть все войска, то чтобы часть оных была в движении и войска выступили. Если б я имел волю, они не были бы в сем состоянии при самом начале кампании.

28. Начальник главного штаба его императорского величества получил высочайшее повеление объявить мне, чтобы командование войсками и управление краем сдал я генерал-адъютанту Паскевичу, а сам отправился в Россию.

Таким образом заключилось служение мое в Грузии в продолжение более 10 лет.

Я не отставлен от службы, не уволен в отпуск, не сказано, чтобы состоял по армии.

Более месяца жил я в Тифлисе частным человеком и наконец оставил страну сию.

Со времен удаления моего от должности я не видался с генералом Паскевичем, который, отзываясь болезнью, принимал дела или чрез начальника корпусного штаба, или сношениями со мною письменно.

Новое начальство не имело ко мне и того внимания, чтобы дать мне конвой, в котором не отказывают никому из отъезжающих. В Тифлисе я его выпросил сам, а на военных постах по дороге давали мне его постовые начальники по привычке повиноваться мне.

3 мая. Проезжая Дигамское поле, видел я осадную артиллерию, идущую в Тифлис. Она по распоряжению моему, невзирая на затруднительную в зимнее время дорогу, перевезена чрез горы.

12. Укрепление на Урухе. Одним часом прежде нашего (Ермолова и Давыдова. – М. П.) проезда чеченская партия отогнала табун у Татарханова аула, где и сам Татархан, храбрый из осетин и нам приверженный, к сожалению, убит.

Встретился действительный статский советник Обресков, который, по дипломатической части, должен быть употреблен при заключении с персиянами мира. Для безопасности в пути я отдал ему большую часть моего конвоя.

(Ермолов пробыл несколько дней в селе-нии г. Реброва. – М. П.) Какая тишина после шумной жизни! Какое уединение после все-гдашнего множества людей!

4 июня. Московская станица. Проезжая Ставрополь, я остановился на один час. Начальник Кавказской линии генерал-лейтенант Эммануэль посетил меня. Много говорил мне о свойствах горских народов, о готовности их покорствоваться, о желании их мирной жизни! Кажется, хотел он дать мне разуметь, что в 10 лет моего командования я не умел составить об них надлежащего понятия и что он должен поправлять ошибки моих распоряжений. Надобно знать, что г. Эммануэль менее полугода на линии и еще не выезжал никуда из Ставрополя. Он говорил мне, что находит в одежде горцев большое сходство с венгерскою одеждою и даже в языке их заметил многие похожие слова. Я ожидаю от него весьма ученых открытий! Я просил покойного императора (Александра Павловича. – М. П.) об определении генерала Эммануэля начальником Кавказской линии, и не бы-

ло на то его соизволения. Не знаю, с чьей стороны в сем случае большая ошибка. В продолжение получаса беседы я хорошо с ним познакомился.

8. Таганрог. Никогда не бывал я (здесь. – М. П.) прежде и поехал единственно для того, чтобы видеть место кончины императора Александра, вместе с которым похоронено и мое счастье.

15. Приехал в деревню отца моего, с. Лукьянчиково, близ Орла».

С кончиной императора Александра Ермолов действительно похоронил свое счастье, как выразился в конце дневника. Сколько в том было его вины, нельзя еще теперь решить окончательно. Показания современников разноречивы. Но вот в чем они все почти сходятся, хоть и безотчетно: Ермолов в описанных обстоятельствах перехитрил. И это кажется очень вероятным. Сколько мне случалось говорить со знакомыми Алексея Петровича, сколько удалось наблюсти самому,

эта черта преобладала в его характере, при всех его достоинствах и гениальных способностях. Ясный, решительный, твердый на сцене, на поприще действий, за кулисами он делался, кажется, другим человеком. И в самых маловажных обстоятельствах, без всякой нужды, он не мог действовать прямо, всегда были у него как будто задние мысли, и искренности, простоты, или, как ныне говорят, непосредственности, задушевности от него никогда ждать было нельзя. Вот почему, может быть, люди характеров противоположных не могли с ним сойтись.

Положение его на Кавказе было необыкновенное, и все содействовало к увеличению затруднений. Внезапность кончины императора Александра, извещение о присяге великому князю Константину, отречение великого князя Константина и присяга новому государю Николаю Павловичу, происшествие 14 декабря, следовавшие одно за другим так быстро, не давали, так сказать, образумиться Ермолову. Может быть, он промедлил присягой несколько дней в ожидании подтверждающих известий, по закону благоразумия, даже

в государственном смысле (известно, например, что он посылал нарочного к Воронцову узнать вернее о происшествиях. – М. П.), – а это промедление враги сильные могли истолковать в дурную сторону.

Для будущих соображений о числах и местах прилагаю два документа, полученные мною по благосклонности бывшего в то время астраханского губернатора Владимира Савича Смирнова.

I

«Господину исправляющему должность астраханского гражданского губернатора

Получив донесение вашего высочородия, от 10 декабря за № 6889, с нарочным чиновником присланное, относительно приведения к присяге на верноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Константину Павловичу гражданских чиновников и жителей губернии Астраханской, кои таковую присягу выполнить должныствовали, я совершенно одобряю все учиненные вами по сему предмету распоряжения и отдаю полную справедливость деятельности, в этом важном случае вами оказанной.

Генерал Ермолов.

14 декабря 1826 г. Екатериноград».

«Господину исправляющему должность астраханского гражданского губернатора

Получив донесение вашего высочородия, от 27 декабря № 6114, об учиненном вами распоряжении касательно приведения к присяге на верноподданство Его Императорскому Величеству Государю Императору Николаю Павловичу и наследнику Его Величества Его Императорскому Высочеству Великому князю Александру Николаевичу гражданских чиновников и тех из жителей Астраханской губернии, кои таковую присягу выполнить должныствовали, я одобряю совершенно деятельность и поспешность в сем случае, вами оказанные.

Генерал Ермолов.

30 декабря 1825 г. Станица Червленая».

В.С. Смирнов оставил вскоре Астрахань и получил следующий отзыв от Ермолова как главного начальника.

«Милостивый государь, Владимир Савич! Я

получил письмо ваше, в котором уведомляете меня о сдаче вами должности. По обязанности и особенным почитая удовольствием, скажу я, милостивый государь, что во все время управления вами губернией деятельность ваша и успешный по всем частям ход дел приобрели вам совершенное уважение. Лучшее мнения моего общий отзыв, и он совершенно в пользу вашу!

Свидетельствуя пред начальством о трудах ваших, я уверяю вас, что, если бы служба могла более нас сблизить, я не иначе почту вас, как весьма полезным сотрудником, и, следуя всегдашнему правилу моему, отдам принадлежащее достойному.

Имею честь быть с отличным почтением и преданностию.

Милостивого государя покорнейший слуга
Алексей Ермолов.

22 марта 1826. Ст. Червленая».

Персидское вторжение представляло новые соображения и ему, и его врагам. Дела и мысли запутывались, хуже и хуже, – и Ермолов должен был сойти со столь блистательно-

го поприща, где он принес отечеству столько пользы и снискал себе столько славы. Согласно с своею целью собрать материалы для его биографии, представляю касающиеся описанных происшествий документы.

Действия князя Мадатова в начале Персидской войны, по предписаниям А.П. Ермолова

По Гюлистанскому договору часть Чаундурского и Капанского магалов, со всеми землями по левую сторону Капан-Чая и Чаундур-Чая, отошли к России и поступили в состав Карабахской области; пространство между Мигри-Чаем, Капан-Чаем и Араксом осталось еще спорным и неразмежеванным. Сии-то земли послужили предлогом к войне... Персия, захватив их вопреки договору, вынудила закавказское начальство двинуть наблюдательный отряд к горам, окружающим озеро Тохча, в северной части Эриванской провинции...

Летом 1826 года Аббас-Мирза принял главное начальство над войсками и внезапно

вторгся в наши пределы. Один отряд под его личным предводительством бросился в Карабах, а другой, под командою эриванского сардара Гусейн-хана, в Бамбахскую дистанцию и провинцию Шурагель. Аббас-Мирза, разбив батальон 42-го егерского полка в селении Гирюсы... и тесно обложив крепость Шуму, послал передовой отряд для занятия Елисаветполя.

10 августа Мадатов получил в Тифлисе предписание принять в свою команду 9 рот пехоты, с 6 орудиями, которые были уже на марше, следовать в Казахскую дистанцию, на реку Акстафу, и там принять в свое начальство отряд подполковника графа Симонича, состоявший из одного батальона Грузинского гренадерского и одного батальона Ширванского пехотного полков.

Главная цель назначения этого отряда состояла в том, чтоб удержать жителей Казахской дистанции от возмущения, к которому склоняли их персияне разными низкими средствами, и прекратить разбои уже возмущившихся жителей Елисаветпольского округа

и Шамшадильской дистанции. Движение этого отряда генерал Ермолов почитал нужным и потому, чтоб успокоить жителей Грузии, испытавших в минувшие времена ужасные бедствия от вторжения персиян и, при настоящем нашествии, приходивших в чрезвычайное уныние. Но до прибытия ожидаемых войск с Кавказской линии главнокомандующий не желал начинать никакого действия, разве бы сам неприятель подал к тому повод и представился случай верного успеха; по сему и приказал он князю Мадатову, если неприятель придет из Карабаха в несоразмерных силах и поставит отряд его в затруднительное положение, иметь в то же время дело со всеми войсками сардара Эриванского, — отступить в Борчалинскую дистанцию, оставя перед собою Красный мост на реке Храме. Ежели же неприятель не будет наступать на него с большими силами, тогда велено было ему остаться наблюдать Дилижанское ущелье и не иначе делать движение, как только частью войск, которая бы могла беспрепятственно соединяться, когда надобность того потребует.

«Призовите к себе благонамереннейших из агаларов, – говорит генерал Ермолов в инструкции, данной князю Мадатову, – внушите им их обязанности быть верными подданными своему государю. Я имею известие, несколько уже подтвержденное, что они ведут переговоры с сардаром Эриванским и допустили неприятеля в Дилижанское ущелье, чего без измены произойти не могло, ибо неприятель нашел бы там свою гибель. Если вашему сиятельству представится случай иметь сообщение с Нухою, то объявите жителям ее в прокламации, чтоб они немедленно изгнали людей коварного Селим-хана, или кровью своей заплатят за гнусную измену, и что одним изгнанием бродяг сих они могут снискать себе прощение. Весьма правдоподобно, что они сего исполнить не пожелают, но легко быть может, что боязнь наказания за неисполнение произведет несогласие и пришлец будет опасаться оного.

Старайтесь, ваше сиятельство, достать в дистанции провиант для войск, в команде вашей состоящих; когда жители казахские спу-

стятся с гор в свои жилища, к чему сколько возможно побудить их необходимо, то учредить из них почты для препровождения бумаг. При всей надежде на бдительность вашего сиятельства я не могу не подтвердить вам, что осторожность необходима, что, сколько робким ни замечен неприятель, презирать его не должно, что гораздо полезнее противопоставить неприятелю соединенные силы для большей верности в успехе, нежели подвергнуться опасности действовать силами недостаточными, из одного тщеславия противоборствовать сильнейшему».

21 августа неприятельский отряд (грузинского царевича Александра, состоявший из 2 тысяч персидских войск и приставших к нему татар, на Шамхорских горах, близ речки Загам) был рассеян, и войска его, преследуемые русскими, бежали к Елисаветполю...

«Благодарю вас, любезный князь Валериан Григорьевич, – писал после этого генерал Ермолов (27 августа), – за прогнание мерзавцев и ожидаю от того хороших последствий. Хо-

рош сардар, если точно справедливо, что он отошел от Соухбудака. Вам предлежит прогнать еще одного сардара из Елисаветполя. Воображаю, что хан не располагает своего царствования на долгое время, и надобно изгнать мошенника. Прикажите, любезнейший князь, артиллерийским офицерам сберегать снаряды и не приучать неприятеля к пустой пальбе. Пороху и свинцу трудно к вам доставлять, для грузинской милиции можете взять патроны из батальонов, но вдруг по многу не выдавать. Остерегайтесь, чтобы грузины не бросились на грабеж в Елисаветполе, особенно...ва когорта, ибо голы совершенно и преужасные. Особенно храните от них армян, ибо они никого не разбирают.

Не умедлю отправить и остальные войска, назначенные на дальнейшие предприятия. Теперь спешу приуготовлением парка, ибо артиллерия должна играть важную роль. Будет довольно патронов; умножу и артиллерию. Предупредите моих товарищей, что требую от них подвигов, достойных Кавказского храброго корпуса. Прощай, любезный. Дай Бог, князь, тебе счастья».

Между тем положение Закавказского края становилось час от часу затруднительнее. Крепость Шума, в которую полковник Реут едва успел войти с 6 ротами 42-го егерского полка, имевшего штаб-квартиру в селении Чанахчи, была тесно обложена войсками Аббас – Мирзы. Весь Елисаветпольский округ занят был персиянами; все сообщения между Грузией и мусульманскими провинциями прерваны, ближайшие немецкие колонии разорены неприятелем, жители увлечены в плен.

С другой стороны сардар Эриванский, с 5 батальонами пехоты и 8 тысячами конницы, ожидал только возможности соединиться с Аббас-Мирзою, чтобы совместно открыть наступательные действия; оба они всеми способами старались возмущать жителей против России. Угрозы, награды, обещания, фанатизм – ничто не было забыто, и самые грузины, вспоминая несчастную эпоху 1795 года и зверство персидского шаха Ага-Магмедхана, который сжег Тифлис и увел до 70 тысяч семейств в плен, верили нелепым слухам, рас-

пространяемым неприятельскими агентами, и некоторые даже зарывали свои имущества в землю.

При таком положении дел, угрожавшем гибельными последствиями, в стране, населенной единоверцами неприятелей, необходимы были решительные и скорые меры. Генерал Ермолов, извещенный о движении неприятеля, разрешил князю Мадатову, по заготовлении десятидневного продовольствия, следовать, с частью своего отряда, к Елисаветполю и открыть наступательные действия.

«Не переменяй ничего в моем распоряжении, – пишет генерал Ермолов (28 августа), – и ступай с Богом! Будь осторожен в Елисаветполе, и если точно придет Аббас-Каджар, то имей средства узнать заблаговременно и во всегдашней будь готовности двинуться. Противу сил несоразмерных не вдавайся в дело. Нам надобен верный успех, и таковой приобретешь ты со всеми твоими войсками, без сомнения; а я даю еще батальон и артиллерию, тогда не дожидаться Каджаров, но и самих их отыскивать возможно! *Суворов* не употреблял

слова *ретирада*, а называл оную *прогулкою*. И вы, любезнейший князь, прогуляйтесь вовремя, когда будет не под силу; стыда нимало в том нет. Если, любезный князь, рассеяние неприятельской конницы в Таузе произвело впечатление, то я ожидаю, что изгнание персиян и пришлеца хана из Елисаветполя делает большое и для нас полезное действие.

Ожидаю известий о Реуте, но их нет, и я боюсь ужасно, чтоб он не дал себя обмануть. Неужели никто не пройдет из стольких людей посланных и мы ничего не узнаем? Прощайте, любезный князь; дай Бог вам счастья, и я надеюсь!»

...персияне, переправившись чрез реку Шамхор, построились в боевой порядок на правом ее берегу под предводительством Махмед-Мирзы, старшего сына Аббас-Мирзы, и Амир-хана сардара, зятя шаха и главнокомандующего его армией.

Мадатов велел кареям быстро подаваться вперед и сам повел их в дело, Махмед-Мирза первый обратился в бегство. На месте сраже-

ния пал сам главнокомандующий... Амирхан – сардар.

(Князь Мадатов вступил в Елисаветполь, оставленный неприятелем.)

Князь Мадатов, представляя генералу Ермолову, от 10 сентября, подробности Шамхорского дела, заключает донесение свое: «Так храбрые воины императора нашего исполнили приказание вашего высокопревосходительства: идти с малыми силами и победить неприятеля, в *пять раз* числом превосходившего».

Самое важное последствие (шамхорской победы) было снятие осады Шуми, которую осаждал сам Аббас-Мирза с главной армией.

...11 сентября генерал-адъютант Паскевич прибыл к Елисаветполю и принял начальство над всеми войсками.

Генерал-адъютант Паскевич преследовал неприятеля 12 верст по большой дороге до речки Куракчая, обнял Мадатова, благодарил...

...17 сентября разбитая армия Аббас-Мирзы переправилась за Араке; 18-го уже ни одного неприятеля не оставалось в Карабахе. Аббас-Мирза с небольшим числом прискакал в Тавриз...

В первых числах декабря князь Мадатов, по требованию генерала Ермолова, приехавшего в то время в Нухинскую провинцию, вызван был для личного совещания и получил секретное предписание сделать экспедицию за Араке.

9 января (1827 года) князь предпринял обратный путь к пределам России.

Эта экспедиция принесла нам следующую пользу: сильный страх был наведен на персидское правительство и на вероломные соседние племена; огромные запасы провианта и фуража, приготовленные персиянами для предстоящей в следующем году кампании, были истреблены; русские подданные были освобождены и могли возвратиться в пределы России; отбитые 2 тысячи верблюдов у шахсеванцев, главных пограничных грабите-

лей, были употреблены для перевозки провианта в кампанию 1827 года, и, наконец, собраны были не только подробные сведения о сем крае, но вообще о внутреннем состоянии Персии, которые и были сообщены князем Мадатовым графу Дибичу, находившемуся тогда в Тифлисе.

В 1827 году, 17 марта, генерал Ермолов (за 10 дней до своей отставки) поручил князю Мадатову командование отдельным отрядом, с которым ему назначено было действовать на левом фланге в предстоящем весеннем походе. Князь Мадатов, первый, открыл наступательные действия. В первый же день очищен был от неприятеля левый берег Аракса, а на другой день и правый. Персидский пяти-тысячный отряд удалился... 22 апреля получено от Паскевича повеление о сдаче отряда князя Мадатова генерал-майору Панкратьеву. Потом Мадатов получил позволение отправиться в Петербург...

Документы и письма А.П. Ермолова приложение к дневнику

Рескрипты императора Николая Павловича

I

«Алексей Петрович! Военный министр докладывал мне отношения ваши к начальнику главного штаба моего, от 26 и 29 ноября, коими уведомляете, что распространившийся между чеченцами и прочими горскими народами мятеж проник в Кабарду и что подтверждается дошедшее к вам известие о намерении закубанцев вторгнуться в пределы наши большими силами. По таковому положению дел на Кавказской линии я заключаю, что весьма легко может встретиться надобность в усилении пехотного правого фланга войск Кавказского корпуса.

Дабы заблаговременно предупредить сию необходимость и преподать вам надежные способы к успешному действию противу мятежников, я предназначил на сей конец 20-ю пехотную дивизию, в Крыму расположенную. Посему предоставляю вам, единственно в

крайней только нужде, непосредственно обратиться к главнокомандующему 2-ю армией, об откомандировании на время сие нужнейшего числа войск из оной дивизии. Ожидаю, впрочем, что с прибытием к вверенному вам корпусу седьмых взводов из 1-й армии изменится необходимость употребления таковой меры и что, по известной мне предусмотрительности и деятельности вашей, не должно опасаться неприятных последствий от предприятий хищников. В сих мыслях, ожидая от вас лучших известий о положении дел наших в отношении к горцам, за удовольствие поставляю пребыть к вам всегда благосклонным.

Николай.

С.-Петербург. 16 декабря 1825 года».

«Алексей Петрович! По вступлении моем на престол, предприняв обозрение сношений наших с иноземными державами, я обратил особенное внимание на дела персидские. Вследствие моего приказания управляющий иностранным министерством граф Нессельрод представил мне все принадлежащие к

оним бумаги, между прочими последнее отношение к нему ваше под лит. «А» и высочайший рескрипт покойного государя императора, последовавший на ваше имя 31 минувшего августа.

Вникая в предлежащие обстоятельства, я не мог не признать необходимости удерживать заключенный с Персией мир, на основании Гюлистанского договора, доколе сия держава сама не нарушит оногo. Верность данному слову и существенные выгоды России того от меня требуют. Ныне, когда почти все горские народы в явном против нас возмущении; когда дела в Европе, а особливо дела с Турцией, по важности своей заслуживают внимательнейшее наблюдение, неблагоприятно было бы помышлять о разрыве с персиянами или умножать взаимные неудовольствия. Напротив того, мы должны всемерно стараться прекратить дружелюбно возникшие распри и уверить их в искренности желания нашего утвердить мирные с ними связи.

Такое поручение дано и генерал-майору князю Меншикову, отправляемому к шаху и

к Аббас-Мирзе с извещением о горестной кончине любезнейшего моего брата и о вступлении моем на престол всероссийский. Между тем, соглашаясь в полной мере с правилами, начертанными в помянутом рескрипте, от вашей прозорливости и усердия к пользам отечества ожидаю ревностного содействия для достижения желаемой цели.

Николай.

31 января 1826 года. С.-Петербург».

III

«Алексей Петрович!

Я с удовольствием получил донесение ваше от 10 января. Неутомимая деятельность ваша, неразлучная с свойственными вам твердостью и благоразумием, послужит мне надежнейшим ручательством, что все предпринятые вами меры к водворению тишины и порядка на Кавказской линии увенчаются желаемым успехом.

Но дабы удовлетворить настоятельному желанию вашему об усилении Кавказского корпуса, я поручил начальнику главного штаба моего привести оное без потери времени в исполнение. От него вы получите подробней-

шее по сему предмету уведомление.

Мне приятно уверить вас при сем во всегдашнем дружеском моем к вам расположении и быть взаимно уверенну, что по многолетнему опыту могу ожидать от вас в полной мере те же чувства преданности ко мне и усердия к пользе отечества, кои постоянно отличали служение ваше покойному императору, общему нашему благодетелю.

Пребываю навсегда вам благосклонным,
Николай.

В С.-Петербурге. 16 февраля 1826 г.».

IV

«Алексей Петрович!

Из донесения генерал-адъютанта Стрекалова, окончившего порученное ему исследование о поступках командовавшего Черноморским войском генерал-майора Власова [180], с крайним неудовольствием усмотрел я противозаконные действия его противу черкес натухайского народа, превышающие еще степень первоначальных обвинений, дошедших до меня.

Ясно видно, что не только одно лишь презрительное желание приобрести для себя и

подчиненных знаки военных отличий легкими трудами, при разорении жилищ несчастных жертв, но непростительное тщеславие и постыднейшие виды корысти служили им основанием. Вследствие чего я повелел предать генерал-майора Власова военному суду при войске Донском, а на место его в звании командующего Черноморским войском утвердил генерал-майора Сысоева.

Несоблюдение мер кротости в действиях противу горских народов, России приятных, тем более увеличивает вину генерал-майора Власова, что неоднократно подтверждено было блаженной памяти императором Александром Павловичем, руководствоваться в сношениях с мирными горцами правилами умеренности и снисхождения, как средством, могущим вселить в них большую к нам доверенность и утвердить их в чувствах покорности. Правила сии подтверждены мною в полной мере, и я желаю, чтобы вы взяли строжайшие меры, дабы оные исполняемы были всеми частными начальниками непременно, во всей точности, под личную их ответственность за малейшее отступле-

ние.

Мне приятно думать, что вы, по испытанной вашей деятельности, твердости и усердию на пользу государства, положите надлежащую преграду действиям, подобным тем, кои позволил себе генерал-майор Власов при нападении на натухайских черкес, и что сведения о таковых случаях впредь до меня доходить не будут. Пребываю вам всегда благо-склонным,

Николай.

В Москве. 29 июля 1826 г.».

V

«С прискорбием читал я донесение ваше, Алексей Петрович! Стало, не всегда добрые намерения венчаются успехом, и за скромность и миролюбие наше платят нам коварством.

Сколь ни избегал я войны, сколь ни избегаю я оной до последней крайности, но не дозволю никогда, чтобы достоинство России терпеть могло от наглости соседей, безумных и неблагодарных.

Хотя надеюсь и полагаю, что происшедшие военные действия суть собственное нахаль-

ство сардара Эриванского, но в государствах, столь благоустроенных, каково Персидское, можно, требуя удовлетворения, и самим оное себе доставлять; а потому и предписав вам немедленно выступить против эриванского сардара, ожидаю скорого извещения вашего, что, с помощью Божиего, нет сардара и Эривань с его областью заняты вами; вы и 15 тысяч русских достаточный мне залог успехов. Прочее увидите в предписании.

Одно здесь прибавлю: вы христианин, вождь русский, докажите персиянам, что мы ужасны на поле битвы, но что мирный житель может найти верный покров и всегдашнее покровительство среди стана нашего. На вашу ответственность возлагаю исполнение сей моей непрременной воли. Засим Бог с вами!

Был бы Н. П. прежний человек, может быть, явился к вам, у кого в команде в первый раз извлек из ножен шпагу; теперь остается мне ждать и радоваться известиям о ваших подвигах и награждать тех, которые привыкли под начальством вашим пожинать лавры. Еще раз Бог с вами! Буду ожидать частных до-

несений ваших, о которых прошу доставления по возможности.

Вам искренно доброжелательный
Николай».

VI

«Алексей Петрович! Из доставленной вами к начальнику главного штаба моего сметы расходам на продовольствие Отдельного Кавказского корпуса в будущем 1827 году с особым удовольствием усмотрел я, что сумма для сего предмета уменьшена противу настоящего года более двухсот тысяч рублей. Относя такое сокращение расходов к постоянно-му усердию и неусыпному попечению вашего к пользе государственной, я не могу не изъявить вам за сие совершенной моей признательности.

12 мая 1811. Курск».

Владикавказ, XIX в.

Оставшиеся от прошлых годов в сбережении 1 м. 500 т. рублей ассигнациями, согласно с предположением вашим, предоставляю вам обратить в расход на продовольствие тех войск, кои прибавляются во вверенный вам

корпус на случай, если военные действия противу персиян должны продлиться. Я в полной мере уверен, что в употреблении сей суммы будете вы руководствоваться теми самыми правилами бережливости, коими многократно уже ознаменованы действия ваши по хозяйственному управлению вверенным вам корпусом.

Пребываю вам всегда благосклонным,
Николай.

В Москве. 5 августа 1826 г.».

VII

«Москва, 10 августа 1826 г.

С душевным прискорбием и, не скрою, с изумлением получил я ваше донесение от 28

июля.

Русских превосходством сил одолевали, истребляли, но в плен не брали. Сколько из бумаг понять я мог, везде в частном исполнении видна оплошность неимоверная; предвиделись военные обстоятельства, должно было к ним приготовиться.

Я надеюсь, что вы нашли способ выручить полковника Реута, и тут замечу, что мне непонятно, чтобы в Шуше, в сборном пограничном месте, не было достаточных запасов, чтобы держаться столько, чтобы ближние войска могли подоспеть на помощь.

Первое письмо и посланные приказания вам достаточно объяснят намерения мои; я не вижу еще причины изменять их, ибо все считаю вас довольно сильными, чтобы хотя на время перейти в наступательные действия – они тем ныне необходимее, что после несчастного начала надо ободрить войска блестящим успехом. Сколько отсюда судить мне можно, предстоит вам возможность разбить персиян по частям, начав с отряда, показавшегося против Шуши; если сие движение вам удастся, в чем с помощью Божиего я и со-

мневаться не хочу, другой отряд, идущий вдоль морского берега, не может далеко проникнуть, и если б и осмелился на то, вы его без наказания назад не пропустите.

Ваше опасение к стороне Турции не имею я до сих пор причины разделять; переговоры с Турками в Аккермане продолжаются мирно, и на Дунае нет приготовлений; впрочем, мы там готовы их принять: вам же решительно я не имею на первый случай что прислать, кроме 20-й дивизии, которой уже велено переправляться; с прибытием ее на линию вся 22-я дивизия будет у вас свободна, и вы ею себя подкрепите; к тому же времени прибудет и одна уланская дивизия. Сухум-Кале без нужды не велите оставлять; но если б и тут турки принуждали к отступлению, я надеюсь, что вы возьмете меры, чтобы все собралось заблаговременно, и назначьте ныне же место, где и куда войскам собраться. Между тем велю я адмиралу Грейгу с флотом обеспечить берега Мингрелии.

Я посылаю вам двух вам известных генералов, генерал-адъютанта Паскевича и генерал-майора Дениса Давыдова. Первый, быв-

ший мой начальник, пользуется всею моею доверенностью; он лично может вам объяснить все, что по краткости времени и по безызвестности не могу я вам письменно приказать. Назначив его командующим под вами войсками, дал я вам отличнейшего сотрудника, который выполнит всегда все ему делаемые поручения с должным усердием и понятливостью. Я желаю, чтоб он, с вашего разрешения, сообщал мне все, что от вас поручено ему будет мне давать знать, что я прошу делать как наичаще.

Засим прощайте, Бог с вами! Ожидаю с нетерпением дальнейших известий и, с помощью Божией, успехов.

Николай».

VIII

«Алексей Петрович! С истинным прискорбием получил я донесения ваши о вторжении персиян в наши границы и о тех неблагоприятных частных распоряжениях, по коим частицы российских войск подвергались неудачам и потерям от неприятеля, доселе ими всегда презренного.

Вы увидели из прежних моих приказаний,

объявленных вам начальником главного штаба моего, что твердое мое есть намерение наказать персиян в собственной их земле за наглое нарушение мира и что я, будучи уверен, что находящееся под начальством вашим многочисленное и храброе войско достаточно к достижению сего, не менее того приказал и 20-й пехотной дивизии идти на усиление оных.

Усматривая же из последнего донесения вашего намерение ограничиться оборонительными действиями до прибытия сих подкреплений, я на сие согласиться не могу и повелеваю вам действовать, по собрании возможного числа войск, непременно наступательно, сообразно обстоятельствам, по усмотренью вашему, против отдельных сил неприятельских. Уверен, что вы истребите их по частям и заставите их почитать славу российского войска и святость границ наших.

Для подробнейшего изъяснения вам намерений моих посылаю к вам генерал-адъютанта моего, Паскевича, коему, сообщив оные во всей подробности, уверен, что вы употребите с удовольствием сего храброго генерала, лич-

но вам известного, для приведения оных в действие, препоручая ему командование войск под главным начальством вашим.

Николай.

В Москве. 11 августа 1826 г.

Верно: *генерал-адъютант Паскевич*».

IX

«Алексей Петрович!

На основании учреждения о большой действующей армии, в случае болезни, или отсутствия главнокомандующего, или командира отдельного корпуса, именем их управляют армиями, или корпусами, начальники их штабов. Искренно желая, чтобы случай не мог представиться в отношении к вам, я нужным, однако же, считаю, в предосторожность, для предупреждения всякого недоразумения, разрешить вам, в случае нездоровья вашего или какого другого непредвидимого препятствия, вверить начальство над корпусом генерал-адъютанту Паскевичу, как старшему после вас.

Николай.

В Москве. 11 августа 1826 г.».

X

«Москва, 16 сентября 1826 г.

Известие о первых успехах войск наших дошло до меня сего утра; вслед за тем получил я и донесение князя Меншикова, служащее развязкой тому, что для благородных душ и для добрых соседей было доселе непонятно.

Вникнув во все, я наиболее убеждаюсь, что прежние мои к вам предписания совершенно согласны с обстоятельствами, с правотою нашего дела, с честью нашего государства. Мне остается одобрить последние, принятые вами, меры и ожидать справедливых последствий, т. е. успехов.

Обещанные подкрепления к вам следуют, резервные 6 батальонов 20-й дивизии не могут скоро последовать прочим, ибо их должно укомплектовать, что без рекрутского набора нельзя выполнить; а сию меру я скоро принять не могу по другим, гораздо важнейшим обстоятельствам. Предписано от меня выслать к вам минеров на почтовых; от вас зависеть будет их взять в Грузию или оставить на линии до формирования остальных двух рот 8-го батальона. Уланская дивизия с кон-

ною артиллерией сего дня пошла в поход.

Стало, что можно, следует на усиление вашего корпуса. Видев отчет расхода людей, присланный вами, я заметил роты женатых; сколь ни благоразумна мера сия, но я не считаю полезным сих людей оставлять в военное время в домах своих, равно и показанные роты в штабах. Я желаю, если возможно, чтобы вы велели полкам выступить в полном числе людей, оставляя, для спокойствия земли, особый полк или часть войск, чем дробить полки в их составе.

Прошу вас также настоятельно, при первом случае, выменять наших пленных и вообще не упускать случая к избавлению сих несчастных. Вступая в бунтовавшие провинции, я желаю, чтобы, в мерах необходимой строгости, вы ограничили всякое мщение частных начальников, за что вы отвечаете; лучше прощать, чем мщением походить на подлых наших противников.

Бог с вами! Продолжайте, как начали, и тогда будьте уверены в искреннем моем уважении.

Вам доброжелательный

Николай».

XI

«Алексей Петрович! Я получил донесение ваше от 30 сентября. Оставаясь столь долгое время без всякого от вас уведомления, тогда как вы имели в виду повеление мое, объявленное вам начальником главного штаба моего, доносить мне непременно чрез каждые четыре дня, я начал опасаться, нет ли на то каких-либо неблагоприятных причин или не затруднено ли сообщение с вами чрез горы обвалами и разлитием Терека. Сие последнее обстоятельство побудило меня приказать начальнику главного штаба моего принять некоторые меры осторожности насчет следования 20-й пехотной и 2-й уланской дивизий, о которых вы должны уже быть известны из его к вам отношений.

Я очень рад, что опасения мои оказались неосновательными, но тем более должен изъяснить вам мое неудовольствие за неточное исполнение воли моей и потому подтвердительно повелеваю вам доносить мне если не чрез каждые четыре дня, то непременно чрез всякие семь дней с нарочными, хотя бы в сей

промежуток времени и ничего не произошло достопримечательного.

С успешным прогнанием Аббас-Мирзы за Араке я вас поздравляю и благодарю, и поручаю вам изъяснить мое особенное за то благоволение генерал-адъютанту Паскевичу. Я совершенно разделяю с вами мнение ваше касательно дальнейших военных предприятий противу персиян. Я весьма согласен, что, прежде нежели перейти Араке, лучше очистить наши провинции совершенно от неприятеля, упрочить спокойствие оных и, обеспечив продовольствие войск на дальнейшее действие, внести тогда уже войну в пределы Персии и действовать решительно. Не должно, однако ж, упускать случая, если бы таковой представился, к овладению Эриваном, силою ли оружия, посредством денег или тайных сношений с эриванским сардаром. Я все сие поручаю вашему усмотрению. Начальник главного штаба моего сообщит вам подробности моих предположений.

Рассматривая распоряжения ваши насчет образования отрядов, я заметил, что ни в одном из них не соединены полки целыми их

составами, но что каждый отряд составлен из частей разных полков. Меру сию я не одобряю, ибо ничто не может так расстроить военный порядок в полку, как раздробление оного на отдельные команды. Потому я настоятельно требую, дабы вы, в сие время бездействия, озаботились о соединении таковых по всей возможности и избегали всегда и впредь раздробления оных без крайней необходимости, стараясь, дабы каждый полк, сколь возможно, поступал в отряд в целом своем составе и под командою собственных своих командиров, и наблюдая сие еще более во вновь прибывающих 20-й пехотной и 2-й уланской дивизиях.

Со взятым в плен Угурлу-ханом предоставляю вам поступить по ближайшему вашему убеждению. Если предложения его чистосердечны и сведения, им сообщенные, достоверны, то можно принять его с благосклонностью. Он, конечно, по связям своим с Персией может быть нам полезен.

При сем случае я повторяю вам то, о чем неоднократно к вам писал. Всегда лучше подобных ему смирять великодушием, чем на-

казывать за давно прошедшие проступки.

Впрочем, пребываю к вам всегда благо-
склонным,

Николай.

В С.-Петербурге. 24 октября 1826 г.».

XII

«Алексей Петрович! По важности военных обстоятельств в Грузии и Персии и дабы иметь, с одной стороны, самые подробные и вернейшие сведения о положении дел и всех приуготовительных мерах, а с другой усилить и ускорить оные кратчайшим личным сношением с вами, отправляю я в Грузию начальника главного моего штаба, объяснив ему подробно о предположениях моих, и уполномочиваю его на все меры, дабы привести в точное и безотлагательное исполнение данные ему от меня личные наставления.

Николай.

С.-Петербург. 3 февраля 1827 г.».

Предписание Ермолова князю Мадатову во время Персидской войны

(На французском языке.)

«Господину генерал-майору князю
Мадатову

Я получил сегодня рапорт вашего сиятельства, отправленный ко мне с переводчиком Макаровым.

Если и справедливо, что Амир-хан-сардар с сыном Аббас-Мирзы вступает в Шамшадильскую дистанцию, то у него, судя по полученным нами известиям, не может быть больших сил или, по крайней мере, войска его весьма дурны. Вы должны действовать по обстоятельствам, но во всяком случае, имея достаточно войска и сильную артиллерию, можете заставить этих мошенников раскатыться в дерзости. Я собрал грузинскую милицию и посылаю к вам ту, которая из Кизиха, и часть Телавской, – что составляет около 500 человек конницы. За ними последуют горцы, под начальством подполковника Кананова, в числе 200 человек конницы и столько же пеших, – хороших стрелков, могущих быть вам полезными.

Хотел отправить к вам и превосходную милицию из Гори, но предпочел оставить ее для наблюдения за борчалинцами, в верности которых имею полное основание сомневаться.

Третьего дня персияне напали на немецкую колонию возле Квеша, разорили ее и беспощадно перерезали несчастных жителей. Борчалинские татары действовали вместе с неприятелем и служили ему проводниками.

Со стороны князя Севарземидзева все спокойно. Он, по приказанию моему, оставил Караклис и занимается постройкою укрепления на Желад-Оглу. Сардар в совершенном бездействии, старается только взбунтовать казахских и борчалинских татар.

Завтра придут гвардейский полк и 2-й батальон Ширванского. В непродолжительном времени я оставлю Тифлис и расположусь лагерем поблизости.

Постараюсь отправить к вам еще один батальон и два орудия; вы же, любезный князь, употребите все силы, чтобы не допустить этой сволочи подаваться вперед. Каджарам никогда еще не приходилось иметь дело со столь значительными соединенными силами. Ваше мужество и многолетние заслуги ручательством в том, что вы успеете внушить неприятелю тот ужас, какой должны вселять в него храбрые русские войска под началь-

СТВОМ опытного генерала.

Генерал Ермолов.

№ 278.

16 августа 1826 г.

Тифлис».

**Два письма Ермолова к князю
Мадатову
(По-французски.)**

I

«**Л**юбезный князь!
Провианту отправлено к вам сегодня
не менее как на 16 дней.

Прикажите испечь хлеб поскорей, выступайте с Богом. Полковнику Попову поручил я передать вам мои приказания по этому предмету.

Сегодня я получил от князя Меншикова письмо, которое ему удалось переслать ко мне тайно. С 2 августа он находится в Эривани, где содержится по приказанию шаха, как бы в ожидании ответа на сделанное им предложение насчет границ. До Эривани он доехал без всякого сопровождения, но там учрежден за ним караул, никого не допускающий к нему. Все офицеры его свиты при нем.

Князь уведомляет, что шах переходит из Ардебилля и Агар в Уджин; но человек, доставивший письмо, утверждает, что шах все еще в Ардебиле и при нем все войско, которое он мог набрать. Эриванская крепость снабжена огромным количеством провианта.

У эриванского сардара 4 батальона регулярных, 2000 человек пехоты из милиции и 5000 конницы.

Шах-Заде, в Карабаге, располагает 9 батальонами регулярных войск, а всего 15 000 человек всех орудий. Податель письма уверяет, что у шаха много регулярных войск, но это не совсем правдоподобно, потому что прежде у него не было более пяти батальонов.

По словам того же человека, сардар ничего не предпримет до тех пор, пока Аббас-Мирза не перейдет за Елисаветполь атаковать нас. Тогда нападет со своей стороны и сардар.

Он же уверяет, что царевич, с 300 человек конницы, намерен вступить в Кахетию, чрез Дилижанское ущелье, где ныне находится. Нет сомнения, что изменники казахцы пропустят его. Постарайтесь узнать, кто из агаларов окажет ему помощь, чтобы в последствии

наказать виновных.

Преданный вам *Ермолов*.

22 августа 1826 г.

Тифлис».

II

«Любезный князь!

Меграли-Ага объяснил мне сию минуту, что сам сардар и брат его Гассан-хан перешли с войсками на Майдан в Шамшадильскую дистанцию и что уже, вероятно, спустились с гор на Елисаветпольскую дорогу.

Если это правда, то должно полагать, что они намерены соединиться с войсками, находящимися в Таузе и Елисаветполе, и атаковать вас. Не мешало бы вам иметь об этом обстоятельные сведения, хотя я и не верю полученному известию.

Во всяком случае, неприятель не мог прибыть с большими силами и, по трудности дороги, не мог взять с собой артиллерии. Тем не менее осторожность необходима. Получив высланные мною провиант и подкрепление, атакуйте эту негодную сволочь. Вы разобьете ее в пух, если она не разбежится. Следует, однако, полагать, что, состоя преимуще-

ственно из кавалерии, неприятель не вступит в серьезное дело, а станет, по удалении вашем к Елисаветполю, тревожить тех, кои останутся на Акстафе, или же отправится вслед за вами. Это обстоятельство требует особенного внимания. Может также быть, что неприятель намерен прикрыть движение царевича в Кахетию чрез Шамшадильскую дистанцию.

Преданный вам *Ермолов*.

23 августа».

Предписания

I

(На французском языке.)

«Господину генерал-майору князю Мадатову

Татарин, присланный ко мне подполковником Трековым, объяснил моему переводчику, что принц Аббас-Мирза находится на Тертере, что Мехти-хан занимает крепость, которая взята или сдалась: он не знает, что в Елисаветполе неприятель имел 4000 регулярного войска. Татарин, о котором я говорю, брат Мегарли-Али; на него, как мне кажется, положиться нельзя.

Старайтесь, князь, проверить сведения, доставленные этим человеком, ибо, если они подтвердятся, вам придется совершенно переменить план действий и, не отправляясь к Елисаветполю, ожидать прибытия к вам войск, оставшихся позади.

Я совершенно не верю рассказам татарина именно потому, что, по его словам, неприятельские аванпосты находятся в Таузе, через который вы перешли два дня уже тому назад.

Генерал Ермолов.

4 сентября 1826 г.

Тифлис».

II

«Господину генерал-майору и кавалеру князю Мадатову

С величайшим удовольствием получил я рапорт вашего сиятельства об успехе, приобретенном войсками под начальством вашим. Обстоятельство сие, чрезвычайно полезное для общей связи дел, должно произвести ужасное впечатление на неприятеля, которое следующим впредь войскам много облегчит успехи.

Я со вниманием расспросил присланного

вами офицера, и приятно было мне усмотреть, что совершенное рассеяние значительных сил, нанесенный неприятелю чрезвычайный урон произведены не только не всеми войсками вашими, но почти без действия пехоты, которая составляла главную вашу силу. Я должен отнести сие к познанию вами неприятеля и что искусно воспользовались вы благоприятною минутою. Сие дает мне меру того, что можно произвести, употребив пехоту нашу, и каким неприятеля силам противостать можно с совершенною на успех надеждою.

Согласен с мнением вашего сиятельства, что едва ли разбитый неприятель остановится в Елисаветполе, ибо когда в сражении были и сын Аббас-Мирзы и Амир-хан сардар, то вероятно, что их сопровождали все в распоряжении их состоящие войска и ныне нет резерва в Елисаветполе.

Ожидать можно, что Аббас-Мирза, приняв к сердцу нанесенное поражение, вышлет в подкрепление конницу, не имея нужды в оной при блокаде Шуши; напротив того, ваше сиятельство примите нужные предосторож-

ности до прибытия прочих наших войск.

Принесши вашему сиятельству благодарность за начало, поистине столько блистательное, я с равною признательностью вижу усердие храбрых товарищей моих, бывших под вашим начальством, которых, уверен я, не раз еще будете вы провожать к победе.

7 сентября 1826 г.

Тифлис».

Два письма Ермолова к князю Мадатову

I

Любезный князь Валериан Григорьевич! Сейчас получил известие о занятии Елисаветполя. Рад чрезвычайно, что дела ваши идут блистательно, и не сомневаюсь, что государь будет доволен, ибо неимоверно показалось положение наше опасным. Вы узнаете от тески Вельяминова, что от того последовало.

Истинно почитающий *Ермолов.*

7 сентября 1826 г.

Тифлис».

II

«Любезный князь Валериан Григорьевич!

Вижу из последнего письма вашего причины, по коим полагаете вы нужным ускорить движение в Карабах. Я с вами согласен, но в одном сомневаюсь, что бы могло быть персидских войск 50 000 человек. Это арифметика здешних народов. Такое число людей, при персидском порядке, уморили бы с голоду, и потому я не слишком сему верю.

Вы, конечно, успеете, при появлении в Карабах, многих из жителей отвлечь от хана и, может быть, даже обратить на персиян, – что сим последним было бы весьма невыгодно, ибо малые их отряды, фуражиры, транспорты и тому подобное подверглись бы опасности, и поставило бы их в большое затруднение. Старайтесь, любезный князь, наносить всякий вред злодеям. Вы знаете всех, и к вам жители имеют доверенность. Лучше вас никто успеть не в состоянии. Пошлите от себя бумаги в Карабах, доставьте Реуту сведение об успехах ваших. Теперь найдутся желающие оказать услуги.

Не оскорбитесь, ваше сиятельство, что вы лишаетесь случая быть начальником отряда, тогда как предлежит ему назначение блиста-

тельное[181]. Конечно, это не сделает вам удовольствия, но случай сей не последний, и вы, без сомнения, успеете показать, сколько давнее пребывание ваше здесь, столько знание неприятеля и здешних народов может принести пользы службе государя. Употребите теперь деятельность вашу и помогайте всеми силами новому начальнику, который, по незнанию свойств здешних народов, будет иметь нужду в вашей опытности.

Обстоятельства таковы, что мы все должны действовать единодушно.

Давайте мне сведения о Карабахе, и кто усердствует, и кто изменил нам.

Прошу вас, любезный князь Валериан Григорьевич, трудиться всеми силами. Надобно выгнать из Карабаха злейшего из врагов наших, Аббас-Мирзу. Способствуйте сему всеми зависящими от вас средствами.

Прощайте.

Душевно почитающий *Ермолов*.

9 сентября 1826 г.

Тифлис».

Письмо Ермолова к императору Николаю Павловичу, коим просил он о

своём увольнении

«Ваше Императорское Величество! Не имея счастья заслужить доверенность Вашего Императорского Величества, должен я чувствовать, сколько может беспокоить Ваше Величество мысль, что при теперешних обстоятельствах дела здешнего края поручены человеку, не имеющему ни довольно способностей, ни деятельности, ни доброй воли. Сей недостаток доверенности Вашего Императорского Величества поставляет и меня в положение чрезвычайно затруднительное. Не могу я иметь нужной в военных делах решительности, хотя природа и не совсем отказала мне в оной. Деятельность моя охлаждается мыслию, что не буду я уметь исполнить волю Вашу, Всемиловитивейший Государь.

В сем положении, не видя возможности быть полезным для службы, не смею, однако же, просить об увольнении меня от командования Кавказским корпусом, ибо в теперешних обстоятельствах может это быть приписано желанию уклониться от трудностей войны, которых я совсем не почитаю непреодо-

лимыми. Но, устраняя все виды личных выгод, всеподданнейше осмеливаюсь представить Вашему Императорскому Величеству меру сию, как согласную с пользою общею, которая всегда была главною целью всех моих действий.

Вашего Императорского Величества верно-подданный

Ермолов».

Письмо Ермолова к г. Устрялову, по поводу выражений, употребленных им в его истории царствования императора Николая

«**М**илостивый государь, Николай Герасимович!

Увлекаясь общим любопытством прочесть историю достославного царствования нашего государя императора, долго не мог я приобрести сочинения вашего, всеми отыскиваемого с большим желанием, и потому недавно ознакомился с его содержанием.

Не рассуждая об историческом изложении труда вашего, я почитаю себя вправе говорить, что, в нем упомянувши обо мне, вы изволили изобразить меня в чертах совершен-

но не свойственных ни личному моему характеру, ни поприщу, пройденному мною на службе, и что, прежде нежели приступить к тому, не было бы излишним принять в руководство сведения более основательные или по крайней мере правдоподобные, хотя, впрочем, должен я, не желая подозревать другую причину, предположить, что в изложении вы искали соблюсти добросовестность. Не в защиту свою, в которой не имею надобности, решился я обнаружить ошибку вашу, но малейшее искажение истины оскорбляет достоинство истории и потрясает доверие к целому труду.

По произволу вашему приписав мне недостаток способностей, вы отрицаете прозорливость покойного императора, которого продолжительная борьба с величайшим своего времени полководцем и низложение его поставили на такую высокую степень славы, каковой судьба немногим достигнуть представляет. После сего нельзя без дерзости предположить, чтобы в лицах им избираемых недостатки способностей могли легко укрываться от его проницательности и легко быть

заменяемы другими. Все назначения мои по службе определяемы были непосредственною его волей. Так, в 1812 году, эпоху Отечественной войны, был я начальником главного штаба 1-й армии; в 1814 году поручено мне было более 80 тысяч войск, расположенных на границе с Австрией; наконец, за шесть лет пред удалением моим из Грузии я был назначаем начальствовать армией в Италии, более нежели из ста тысяч человек составленною, и для того вызван в Лайбах, где отзыв обо мне покойного императора императору Австрийскому мог быть честнейшею наградой для каждого.

Прежняя война с Персией была современною войне Отечественной и, невзирая на ограниченность средств командовавшего тогда на Кавказе генерала Ртищева, кончена со славою для оружия нашего и с приобретениями. Во время пребывания моего в Грузии отличные войска Кавказского корпуса значительно умножены и сверх того ныне благополучно царствующим государем императором усилены были двумя дивизиями. Персиянами предводительствовал сын шаха Аббас-Мирза,

столько же известный отсутствием воинственных дарований, сколько знаменитый поражениями русских войск. Вам, милостивый государь, многое неизвестно; но я, зная хорошо обстоятельства, войну с персиянами не мог встретить без основательной надежды на успех и чувствовать в себе недостаток способностей, когда во многих из подчиненных мне находил их достаточными для персиян.

Не оскорбленное самолюбие, но признательность к доверию, которого удостоен я был покойным императором до конца его царствования, и уважение к памяти обо мне прежних моих сослуживцев вызвали меня заметить вам, милостивый государь, эту невозможительную ошибку.

С должным уважением имею честь быть милостивого государя покорнейший слуга
Ермолов».

Представив подлинные документы об этом важнейшем и несчастнейшем для Ермолова событии в его жизни, прилагаем отзывы и суждения князя И.Б. Голицына и Д.Б. Давыдо-

ва.

К биографии Алексея Петровича Ермолова

(Из записки князя Николая Борисовича Голицына, доставленной М.П. Погодину.)

«Находясь при нем, когда он уволен был от командования Кавказским Отдельным корпусом, я могу передать несколько из тех событий, которые постепенно готовили и ускорили его падение.

Он первый вступил в бой с черкесскими племенами горных обитателей, населяющих цепь гор, простирающуюся от Черного до Каспийского моря; в Грузии, Имеретин и прочих закавказских провинциях предстояло ввести гражданское и военное управление. Задача огромная и трудная, требующая неограниченной власти. Армию он образовал по своему разумению, создал непобедимых воинов, для которых он был род кумира – так велика была любовь, которую он умел внушить всем своим подчиненным.

Ермолов действовал как начальник обширного края, соображаясь с обстоятельства-

ми, иногда самыми непредвидимыми. По делу о неопределении точных границ между нашими и персидскими владениями, после Гюлистанского мира в 1813 году, Ермолов отправился еще в 1817 году в качестве посла в Тегеран. Там он убедился, что Персия, по настроению Англии, ожидала только удобного случая, чтобы вторгнуться в наши пределы и объявить нам войну, застав нас врасплох.

С военными средствами, которыми располагал Ермолов, ему было невозможно привести в исполнение все необходимые меры для обороны против неожиданного вторжения. Надобно было усилить армию, укрепить Ленкорань и другие пункты, изготовить запасы продовольствия и всего, что нужно для действующего войска. Но как вопрос этот, по существу своему, был чисто политический, то Ермолов рассудил списаться предварительно с министром иностранных дел, чтобы сообщить ему свои убеждения относительно персидского двора. Но тут он нашел совершенное сопротивление его понятию о положении дела. Переписка продолжалась довольно долго и без успеха.

Между тем узнали, что персидский шах оскорбился неприличным обхождением русского посла, который будто ни шубы, ни теплых сапог ни скидывал в присутствии азиатского монарха. Не знаю, насколько это справедливо, но знаю, что Алексей Петрович, при прощании с шахом, сказал ему, что он желал бы иметь *глаза на затылке*, чтобы созерцать лицо его, когда поедет обратно. Понравился ли этот азиатский комплимент шаху, не знаю; но свидание не склонило к миролюбивым чувствам никого с обеих сторон. Граф

Нессельрод между тем не переставал твердить, что ему хорошо известна политика Англии и что она во всех отношениях удовлетворительна.

При таком положении дела Ермолову не было повода относиться к военному министру об усилении армии и прочего. С того времени и начали распространяться разные нелепые толки о Ермолове[182].

Вдруг получено было известие, что Аббас-Мирза вторгся в наши закавказские владения с огромным числом войска. Такое событие было приписано оплошности Ермолова. К

счастью, что Аббас-Мирза, ожидавший сильного сопротивления, оставался три месяца в бездействии при осаде ничтожной крепости Шуми: он мог бы идти на Тифлис и овладеть этим городом без боя...

Тогда был отправлен в Грузию генерал-адъютант Паскевич, чтобы сообща с Ермоловым принять все нужные меры в таких обстоятельствах. Война с Персией была объявлена.

В это время я проживал в деревне, являясь подполковником по армии. Сейчас подал я прошение о назначении меня в Кавказский Отдельный корпус, и я назначен состоять при главнокомандующем, генерале Ермолове. Проезжая через Ставрополь, в феврале 1827 года, я виделся с бывшим начальником моим генералом Эммануелем, командовавшим тогда всеми войсками, на Кавказской линии расположенными. От него узнал я, что происходит в Тифлисе...

Время проходило очень приятным образом, большею частью у Ермолова. В Тифлисе нашел я корнета лейб-гвардии Конного полка, князя Суворова, ныне санкт-петербург-

ского военного генерал-губернатора, флигель-адъютанта князя Николая Андреевича Долгорукова, и несколько других петербургских знакомых.

Раз как-то я пошел в тифлисскую почтовую контору, и почтмейстер спрашивает меня, ожидают ли сюда начальника штаба барона Дибича, что на имя его получен конверт с экстра-почтой. Эту весть передал я за обедом генералу Ермолову, но он заметил, что это ошибка; прибыть должен в Тифлис брат его, полковник Дибич, который назначен недавно на службу в Кавказский корпус. Но едва успели встать из-за стола, как приносят конверт, по эстафете посланный из Георгиевска: тут извещается, что барон Дибич будет к двум часам пополудни на следующий день и чтоб ему выслали на последнюю станцию дрожки.

Был я свидетелем, как явился к Ермолову во всей форме Дибич. Свидание было непродолжительно, и он отправился на площадь, где его ожидал Паскевич для представления всех наличных генералов, штаб- и обер-офицеров. Что после того происходило между этим триумвиратом высших сановников, ни-

кому не известно, только в конце марта того же 1827 года объявлен в Тифлисе высочайший приказ в тот самый день, как он напечатан в Петербурге: Ермолов увольняется от занимаемой должности, а на место его назначен Паскевич.

Впоследствии оказалось, что приезд Дибича в Тифлис имел главной целью узнать мнение каждого из начальников, как они полагают покончить начатую войну против Персии. Этот вопрос имел свою важность, потому что предвиделась война с турками; следовательно, нужно было как можно скорее кончить начатую войну. Здесь Ермолов в ответе своем сделал огромную ошибку, которая была единственной причиной его удаления.

Он изложил, что он, Ермолов, не предвидит, когда можно будет положить конец этой неожиданной войне. Паскевич отвечал, что он кончит войну в том же году и что мир будет немедленно заключен. По получении этих двух мнений состоялся вышеупомянутый приказ, и Дибич остался на несколько времени, чтобы все приготовить к предстоящей кампании, которая и положила конец

войне».

Отзыв и известия Д.В. Давыдова

«Два раза Алексей Петрович Ермолов представлял покойному императору о назначении меня областным начальником линии и два раза получил отказ; мне предпочли Лисаневича и князя Горчакова.

Хотя генерал Ермолов во время командования своего в сем крае, перенесением с левого крыла линии на реку Сунжу и построением крепости Грозной на ее берегу, обуздал чеченцев, но, невзирая на то, одинокие наездники изредка пробираются сквозь войска наши и являются небольшими толпами на дороге между Екатериноградом и Владикавказом.

(При представлении государю во время коронации) Дибич спросил (генерала Петра) Ермолова: «Давно ли вы получали письма от Алексея Петровича?» Ермолов отвечал ему: «Давно уже», и Дибич отошел прочь. Услыхав это, я сказал Ермолову: «Видно, брат, в Кавказском корпусе что-то нездорово!» Я полагал, что черкесы, сделав какой-нибудь набег, разграбили какое-нибудь селение и увели в плен жителей, как иногда случалось. Много-

численные и сильные недоброжелатели Ермолова, известные своими посредственными способностями и весьма сомнительным бескорыстием, силились, вероятно, придать этому обстоятельству наибольшее значение.

Ермолов, доносивший покойному государю, тотчас по возвращении своем из Тегерана, о враждебных противу нас намерениях персиян, извещал ежегодно по несколько раз его величество о приготовлениях к войне Аббас-Мирзы, находившегося под влиянием окружавших его англичан. Присылка новых войск и заготовления провианта в Астрахани и Баку, о чем Ермолов не раз тщетно ходатайствовал, становились вполне необходимыми. Выехавший из Санкт-Петербурга в середине декабря 1825 года английский полковник Шиль, встретивший в проезд свой чрез Грузию лишь слабые отряды наши, убедил принца, полным доверием которого он пользовался, не откладывать более своего наступления; по мнению Шилия, невозможно было открыть неприязненные действия при более благоприятных обстоятельствах.

Князь Меншиков, отправленный послом

В Тегеран, встретил уже близ самой границы наступавшие полчища Аббас-Мирзы, вероломно нарушившего мир. Полковник Назимок, находившийся на границе и коему надлежало поспешно отступить для присоединения к главным силам, не оправдал полученного им в прежней войне с персиянами Георгиевского креста; неприятель, воспользовавшись огромным превосходством своим в силах, истребил две роты и овладел двумя пушками. (Рассказав об этом с очевидным неудовольствием, государь отпустил Давыдова, передал некоторые приказания Алексею Петровичу. – *М. П.*)

(Накануне отъезда Давыдов узнал от прибывшего из Грузии адъютанта Алексея Петровича Ермолова, Талызина. – *М. П.*), что Аббас-Мирза... вступил со 100 тысячами войска в Карабах, обложил крепость Шушу, в коей заперся полковник Реут с частью своего полка, ибо несколько рот, стоявшие на границе, погибли уже при их вторжении; персияне идут усиленными маршами к Тифлису, от которого, по последнему известию, они лишь в 150 верстах.

Со стороны Эриванской крепости сардар Эриванский с братом своим Гассан-ханом, овладев Бамбакскою и Шурагельскою провинциями, простерли наезды свои до Квеша за 50 верст от Тифлиса, где, разграбив немецкую колонию, увели жителей в Персию. С нашей стороны Алексей Петрович, располагающий самыми ничтожными средствами, собирает войска и даже послал повеления некоторым батальонам, находящимся на линии, спешить в Тифлис. Там при всем том ему нельзя собрать более 8 тысяч человек, не обнажив других пунктов, занятием которых обеспечивается спокойствие в горах и повиновение диких и воинственных народов, обитающих на единственном сообщении его с Россией.

(В Ставрополе) сообщил мне Горчаков... что гвардейский сводный полк, под командою полковника Шипова, и батальон Ширванского полка находились на походе к Тифлису, куда им велено было идти усиленными переходами.

Во Владикавказе... полковник путей сообщения Гозиус, недавно приехавший из Ти-

флиса для исправления дороги и мостов, испорченных в Дарьяльском ущелье, вследствие завалов Казбека ночью с 15-го на 16-е число августа... сказал мне, что Ермолов собирает войска в Тифлисе и еще лично там; что Аббас-Мирза с стотысячною его армией в Елисаветполе, авангард его в Шамхоре; что Шуша блокирована (и пр.)... что против Аббас-Мирзы князь Мадатов с 3 тысячами, а против сардара полковник князь Севардземидзев с Тифлисским пехотным полком на Каменной речке в урочище Джелад-Оглу близ Лори. В Тифлисе все покойно и нимало не опасаются неприятеля, полагаясь во всем на Ермолова, обнаруживающего невозмутимое хладнокровие.

Паскевича Ермолов принял ласково.

...Даровитый писатель (Грибоедов) должен был бы довольствоваться славой, столь справедливо заслуженною им в литературном мире. Он довольно долго служил при Алексее Петровиче Ермолове и числился одно время советником при нашем посланнике в Тегеране Мазаровиче, человеке весьма полезном и способном. По представлению Ермолова, оце-

нившего редкие способности Мазаровича, который был медиком, он был назначен первым постоянным посланником при персидском дворе. Грибоедову, не знакомому ни с какими формами, приходилось иногда, за отсутствием Мазаровича, писать бумаги в Тифлис, где они возбуждали в канцелярии Ермолова лишь смех. Ермолов, разумевший Грибоедова человеком, одаренным блестящими способностями, вполне приятным и любезным собеседником, почитал его, однако, совершенно бесполезным для службы. Алексей Петрович, неохотно увольнявший в отпуск людей полезных и усердных, позволял Грибоедову отлучаться часто и на продолжительное время.

Он, однако, очень любил Грибоедова и был в полном смысле слова его благодетелем; не говоря уже о всевозможном его внимании к знаменитому автору «Горя от ума», он оказал ему такую услугу, какую Грибоедов был вправе ожидать лишь от родного отца. Он спас его от последствий одного весьма важного дела, которые могли бы быть для Грибоедова крайне неприятны[183]. Увлечшись честолюбивы-

ми побуждениями, Грибоедов, подобно многим лицам, некогда благодетельствованным Ермоловым... отплатил ему также за все прошлое неблагодарностью. Вытребованный в Санкт-Петербург, он был вскоре награжден чином надворного советника, получил довольно значительную сумму денег и вновь прислан на Кавказ, где его поведение не могло не возбудить во всех благомыслящих людях истинного удивления и сожаления.

Будучи отправлен во второй раз в Санкт-Петербург для поднесения государю Туркманчайского договора, он сказал приятелю своему С.Н. Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолова»[184]. Он говорил около того же времени не одному следующему: «Я на сей раз не иначе возвращусь в Грузию, как в качестве посланника при тегеранском дворе». Он был произведен в статские советники и, благодаря покровительству графа Паскевича, получил желаемое назначение в Тегеран, где сделался жертвою своей ошибки.

Ермолов, не имевший ни малейшего повода опасаться военных дарований Аббас-Мирзы, с которым он весьма коротко по-

знакомился еще в 1817 году, и его беспорядочного, хотя и многочисленного войска, в коем было лишь несколько 6-фунтовых пушек и много пушечек, навьюченных на верблюдах, которых огонь не мог быть опасным, отправил против персиян генерала Паскевича; он снабдил его всеми нужными наставлениями: сам начертил диспозицию войск на случай встречи с главными неприятельскими силами и советовал ему, за неимением значительного количества пехоты, строить ее в двухротные каре, причем сам нарисовал таковые на своем предписании, которое, вероятно, и ныне хранится в Кавказском штабе.

Избрав в Карабахе опорным пунктом Шуму, куда были заблаговременно свезены довольно большие запасы всякого рода, Ермолов усилил гарнизон этой крепости, которая, будучи сильна своим положением, могла оказать персидским толпам довольно продолжительное сопротивление. Невзирая на то что солдаты гарнизона, не будучи еще тревожимы неприятелем, безопасно спускались с горы, на коей возвышалась крепостца, в лоцину, где они спокойно мололи себе муку, а во-

оружившиеся жители армяне готовы были мужественно встретить неприятеля, комендант послал к Ермолову майора Клюки, с донесением, в котором было между прочим сказано: «Мы люди добрые, за что вы нас покинули? Мы не в состоянии долго сопротивляться неприятелю».

Майор Клюки, захваченный персиянами, был привезен в лагерь Аббас-Мирзы, который, прочитав с удовольствием это донесение, отпустил посланного в Тифлис. Так как в персидском войске были англичане и французы, Ермолов написал тушинскому коменданту сильный выговор, который был переведен на польский язык; он послал его с нарочным Аджихановым, взятым в плен персиянами и убитым ими после Елисаветпольского сражения. Между тем Паскевич, прибыв к войскам после блестящего Шамхорского дела, где был убит Амин-сардар и в котором князь Мадатов рассеял сильный неприятельский авангард, донес Ермолову, что все пространство от Шамхора до Елисаветполя было устланно неприятельскими трупами.

Неприятельская пехота, будучи довольно

хорошо обучена иностранцами, выслав своих стрелков, открыла по нас сильный огонь; смелое наступление нашей пехоты, в особенности неустрашимого Ширванского батальона, заставило однако неприятеля обратиться в поспешное бегство. Персидский сарканг, или полковник, со своими сарбазами, или регулярною пехотой, некогда стоявший в карауле у Ермолова во время пребывания сего последнего в Султанин, где он часто у него обедал, и вообразивший, что сам Ермолов предводительствовал нашими войсками, сдался лишь потому в плен Мадатову.

Известно уже, что особенные обстоятельства, в коих был в то время поставлен Ермолов, требовали новых, блестящих с его стороны подвигов; он вполне сознавал это, но благоденствие края, коим он так долго и славно управлял, и в особенности глубокое убеждение в том, что отъезд его из Тифлиса, где оставались лишь 400 человек гарнизона и где жители, опасавшиеся скорого появления Аббас-Мирзы, спешили зарывать в землю свои сокровища, неминуемо повлечет за собою всеобщее против нас восстание, — все это по-

будило его не выступать лично против неприятеля, но предоставить Паскевичу случай украситься свежими лаврами. Эта высокая жертва Ермолова, сделанная в ущерб всем своим личным выгодам и вполне доказавшая всю возвышенность его души, почитается людьми, незнакомыми с тогдашним положением дел в Грузии, и преимущественно теми, кои руководствуются лишь мелочными и эгоистическими целями, величайшею с его стороны ошибкою...

Но Ермолов, столь высоко стоящий в общественном мнении, не мог и не должен был поступить иначе. Оставя Кавказ вскоре после изгнания персиян из наших пределов, он мог утешаться мыслию, что ему была Россия обязана сохранением края, стоившего ей уже много крови и усилий.

Никогда гражданская доблесть Ермолова не проявилась в столь высокой степени, как во время вторжения персиян в наши закавказские владения; Алексей Петрович находился в это время в обстоятельствах, которые более, чем когда-нибудь, требовали с его стороны особых подвигов, чтоб удержаться на

той высоте, на которой он был поставлен. Все говорили, что ему надо было лично нанести решительный удар персиянам; но он, зная сомнительное состояние умов в закавказских провинциях, встревоженных приближением многочисленных полчищ Аббас-Мирзы, и сознавая чрезмерную слабость наших военных сил на Кавказе, пожертвовал своими личными выгодами; он послал на верную победу Паскевича, вверив ему начальство над небольшим количеством превосходных войск, коими мог лишь в то время располагать Ермолов, дав ему своих лучших сподвижников: Вельяминова и князя Мадатова, коим Паскевич был вполне обязан своею первою победой над персиянами, остался лично в Тифлисе с самыми ничтожными силами, которые могли быть сильны лишь его именем. Потому что одно присутствие его в этом городе и приобретенное им необычайное нравственное влияние в крае могли не допустить всеобщего противу нас взрыва. Это беспримерное самоотвержение, переносящее нас в лучшие времена великого Рима, было оценено лишь самым ограниченным числом

людей, а большинство ставит этот великий подвиг в важнейшую ошибку в жизни этого человека, подвиг, который, несмотря на многие другие, совершенные им в течение жизни, составляет едва ли не самый блестящий алмаз в его славном венце».

В отставке (1827–1861)

Читатели помнят, может быть, о тетради, в которой я набросал очерк жизни Алексея Петровича по его рассказам и которую отдал ему для дополнений в пробелах. Ермолов начал вписывать в этой тетради и кое-что показывал мне, но куда она делась, по его кончине, я до сих пор не мог получить сведения.

Недавно я нашел у себя черновые заметки, из которых последние, относящиеся к московской его жизни, оказались столько ясными, что я могу передать их в этой статье сполна: читатели не должны терять из виду, с какой целью набросан был первоначально мой очерк. За ними прилагаются известия других свидетелей, из разных лагерей.

...Не успела еще, судя по времени, дойти до Петербурга просьба Ермолова, как фельдъегерь привез ему увольнение, которое и вручил Дибич, можно вообразить, в каком смущении.

Горько было Ермолову удаляться с Кавказа, с поприща своих подвигов и побед, где он, в продолжение десяти лет, имея под началь-

ством малое количество войска, смирил диких горцев, навел на них ужас, так что матери стращали его именем своих младенцев. Покорил целые области, утвердил русское владычество, построил крепости на всех важных пунктах, открытых его орлиным взором, образовал и приготовил Суворовское войско, готовое идти хоть в преисподнюю по гласу любимого начальника, и бросал русско-петровские взоры на Турцию, Персию, Бухару, Хиву, Индию... Горько было Ермолову. Но, верный подданный, он оставил жезл начальства без прекословия, в надежде, что сердце царево в руце Божией, подвигнется когда-нибудь с гнева на милость.

Что сказать о гражданских его заслугах в Грузии? Он утвердил безопасность жителей, водворил порядок, привлек поселенцев, возбудил промышленность, открыл новые источники доходов для правительства.

Деятельность его была неимоверная: в одно время он и сражался, и строил, и распоряжался, награждал и наказывал, заводил, поверял, свидетельствовал. Спал он по четыре и пять часов в день, на простом войлоке, где

случалось. Так провел он десять лет, всегда преданный службе, не зная семейных наслаждений, не пользуясь обществом, никакими удобствами, с единою мыслию об общей пользе, о славе и могуществе России.

После увольнения (1827 г.) месяц прожил он еще в Тифлисе, приводя в порядок свои дела. Дибич, который высоко ценил Ермолова и отдавал полную справедливость его первоклассным способностям и вообще его управлению, советовал Алексею Петровичу оставить скорее Тифлис, ставя на вид, что Паскевич может сделать ему неприятности.

Ермолов выехал из Тифлиса в простой кибитке, в которой и приехал туда за десять лет, с тройным жалованьем в кармане, с глубокою ранюю в сердце.

Жить он расположился близ Орла, в родовой деревушке, у престарелого отца. Отец чрез год переселился в монастырь, где вскоре и скончался.

Жалованье Ермолова было обращено в пенсию – по 14 тыс. руб. ассигнациями. Вот все, что он имел. Никаких денежных наград он не принимал никогда. Однажды импера-

тор Александр предложил ему богатую аренду. Ермолов отказался, сказав, что на малые его нужды достанет ему жалованья.

Графиня А.А. Орлова, услышав о таком скудном содержании заслуженного генерала, сказала у себя за столом, что она почла бы себя счастливою, если б Алексею Петровичу угодно было взять в свое распоряжение ее подмосковное имение – Остров (за которое она получила после больше миллиона). Тогда государь велел обратить столовые деньги также в пенсию Ермолову, и он начал получать по 30 тыс. руб. ассигнациями ежегодно, которые и сделались, сберегаемые, основанием состояния, оставленного им детям.

В деревне обратился он к обыкновенным своим занятиям – читал книги о военном искусстве, и в особенности о любимом своем полководце Наполеоне. Утомительно долго тянулось для него время в тишине, в бездействии, среди полей и огородов, лесов и пустынь. А между тем Паскевич пошел вперед, взял Эривань, Тавриз, Ахалцых, проникнул далеко в Персию. А между тем Дибич вскоре перешел Балканы, занял Адрианополь. Что

происходило в то время на душе Ермолова, то знает только он, то знал Суворов, в Кобрине читая итальянские газеты о победах молодого Бонапарте, то знал, разумеется, больше всех, этот новый Прометей, прикованный к скале Св. Елены. Но они испили, по крайней мере, свои чаши почти до дна, а Ермолов только что налил свою и поднес было к устам.

И вот Польская война, вот русские вытеснены, разбиты, почти прогнаны к границам. Шесть месяцев продолжаются неудачи. Поляки ободряются, мечтают, неистовствуют. Они вспомнили об Ермолове и, не зная русской души, почитая его оскорбленным, расположенным к мести, вздумали от его имени провозгласить мятежную прокламацию к русскому войску. Первые экземпляры ее попались, по странному случаю, Денису Давыдову, командовавшему авангардом.

Сочтено было за нужное довести о ней до сведения Ермолова. Давыдов по поручению, позабыл чьему, написал к нему официальное письмо.

Ермолов отвечал с чувством оскорбленного достоинства, упрекал, как можно было удо-

стоить внимания такую нелепую клевету. «Вы узнали о моих походах, – писал он в ответ Давыдову, – этого мало: вы верно услышите скоро о моих победах, в которых жестокая судьба так долго отказывает генералу Дибичу!»

Переписка продолжалась несколько времени – для Ермолова написать подобное письмо значило дать сражение... Не имея возможности действовать оружием, он разил врагов своих по крайней мере насмешками.

Поляки между тем продолжают брать верх. Во враждебной Европе проносится от края до края гул радования, поднимается говор в безмолвном отечестве; взоры всех устремлены на Ермолова. Нет – вызван Паскевич из Грузии. Он пришел в Польшу, двинулся к Варшаве и, счастливец, взял ее приступом. А Ермолов все живет в деревне, читает реляции, переплетает книги.

Здесь посетил его Пушкин, по дороге на Кавказ, и описал свое посещение в начале статьи, известной под заглавием: «Путешествие в Арзерум». Это начало до сих пор не было напечатано и только недавно сообщено

П.И. Бартевым в его «Русском архиве».

«Из Москвы поехал я в Калугу, Белев и Орел и сделал таким образом двести верст лишних; зато увидел Ермолова. Он живет в Орле, близ коего находится его деревня. Я пришел к нему в 8 часов утра и не застал его дома. Извозчик мой сказал мне, что Ермолов ни у кого не бывает, кроме как у отца своего, простого, набожного старика, что он не принимает одних только городских чиновников, а что всякому другому доступ свободен.

Через час я снова к нему приехал. Ермолов принял меня с обыкновенною своею любезностью. С первого взгляда я не нашел в нем ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные, серые глаза, седые волосы дыбом, голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же задумывается и хмурится, то он становится прекрасен, и разительно напоминает поэтический портрет, писанный Довом.

Он был в зеленом черкесском чекмене. На стенах его кабинета висели шашки и кинжалы, памятники его владычества на Кавказе.

Он, по-видимому, нетерпеливо сносит свое бездействие. Несколько раз принимался он говорить о Паскевиче, и всегда язвительно: говоря о легкости его побед, он сравнивал его с Навином, пред которым стены падали от трубного звука, и называл графа Эриванского графом Ерихонским.

«Пускай нападет он, – говорил Ермолов, – на пашу не умного, не искусного, но только упрямого, например, на пашу, начальствовавшего в Шумле, и Паскевич пропал». Я передал Ермолову слова графа Толстого, что Паскевич так хорошо действовал в Персидскую кампанию, что умному человеку осталось бы только действовать похуже, чтоб отличиться от него. «Можно бы было сберечь людей и издержки», – сказал он.

Думаю, что он пишет или думает писать свои записки. Он не доволен историей Карамзина; он желал бы, чтобы пламенное перо изобразило переход русского народа от ничтожества к славе и могуществу. О записках князя Курбского говорит он *con amore*. Немцам досталось: «Лет через пятьдесят, – сказал он, – подумают, что в нынешнем подходе бы-

да вспомогательная прусская или австрийская армия, предводительствуемая такими-то немецкими генералами».

Я пробыл у него часа два; ему было досадно, что не помнил моего полного имени. Разговор несколько раз касался литературы. О стихах Грибоедова говорит он, что от чтения скулы болят. О правительстве и политике не было ни слова.

«Когда он служил при мне (Грибоедов), – говаривал Ермолов, – то мог отлучаться на 3 и на 4 месяца: я не чувствовал его отсутствия. Он, как Державин, не был способен ни на какое важное дело». Не слышится ли здесь мнение противной партии? Ко времени пребывания А.П. Ермолова в деревне относятся следующие его письма, которые мы и помещаем, чтобы познакомить читателя с его приемами и письменным слогом:

К Василию Назаровичу Каразину

↓

«Милостивый государь, Василий Назарович!

Благодарю вас покорнейше за несколько журналов. Вы и самого меня, как кажется, не

менее удивлены были смелостию упомянувшего об имени роковом. Довольно дерзко! Или уже слух не оскорбляется произнесением одного? Невероятно! Жалею чрезвычайно, что не имею никаких манускриптов на восточных языках; я последовал бы мнению вашему, дабы воспользоваться ученостию столь обязательно предлагающего труды свои, и приятно было бы извлечь из оных пользу общественную.

Нет у меня ничего редкого в сем роде! О предводительстве и до меня дошел слух странный и едва не сказал было – непонятный для меня, но перестал удивляться, ибо выбор меня не первый был бы ошибочный. Не выгодно было бы для меня подвергнуть испытанию неспособность. Я, по правилам моим, не потаился бы в незнании, а признание не исправило бы невежества. На что такие люди надобны?

Смешон сон, описанный вами. Огражденные почтенным состоянием граждан, не подвергнемся мы опасности от неприятеля. Станут за нас храбрые наши соотечественники, и кто против них? Вы еще и сына имеете среди

непобедимых! Грустя о разлуке с ним, вы видите сны бранные. Он наводит на вас турок. Но воображаю восторг отца, когда возвестит сын о падении Византии. Тогда, по справедливости, гордиться вы станете... Жалею о болезни хозяина вашего (кажется – генерала Базилевича, в доме которого, близ Арбата, жил тогда В.Н. Каразин. – М. Я.), некогда сослуживца моего. Как много продолжительное нездоровье переменяло сего благороднейшего и почтенных правил человека.

Прошу принять уверение и пр., покорнейший слуга

А. Ермолов.

3 февраля 1829 г. Орел».

II

«Милостивый государь, Василий Назарович!

Благодарю вас за письмо, и я тем с большим удовольствием получил его, что вы извещаете меня о производстве сына вашего. Чувствуя, что вы утешены тем столько же, как уверены в успехе служения его, ибо, образовав его как отец попечительный, вы, конечно, утвердили его в тех свойствах, которые

должны обратить на него внимание начальства. Дарования необходимо должны открыть путь. Познакомившись с Вельяминовым, вы, конечно, не безвыгодно заключили о том, кому в продолжение 14 лет хотел он быть товарищем по службе. Это одно хвастовство, которое почитаю я себе позволительным. Так же поступил бы со мною и ваш хозяин, если бы болезнь его нас не разлучила.

Какую великолепную цитату выписали вы мне из Тредьяковского. Но не более ли себя подвергли вы казни эрмитажной, нежели меня, ибо не легче, конечно, было переписать. Как благосклонны вы в уподоблениях. Но едва ли бы выгодна была справедливость ваша уподобляемому? Теперь может сие относиться к другому, лицу гораздо примечательнейшему.

Roma quam quam semel, sed capta fuit;
Petropolis nunquam!

Благодарю за обещание прислать следующий №, но я терпеливо буду ожидать его, когда возвращаться вы будете чрез страну нашу. Прежних четыре препровождаю. Кто сей проповедающий в пустыне? Видно, истощив-

шийся издатель журнала искал средства на-
полнить свои книжки.

Что вы не указали мне на страницу 86-ю
номера 7-го? Достояна примечания, и сочи-
тель искусно поклепал французов или избе-
гал строгости цензуры. Любопытно было бы
знать, что сделала бы она, если б упомянуто
было о немцах?

Весьма благосклонно вспомнили вы о мо-
их ребятишках, а я научу их быть благодар-
ными.

Имею честь быть и пр., покорнейший слу-
га

Алексей Ермолов.

16 февраля 1829 г. Орел».

К издателю «Московского вестника».

«Милостивый государь,

Михаил Петрович!

Сопровождая письмом самым обязатель-
ным, вам угодно было прислать мне сочине-
ния ваши, переводы и журнал, вами издавае-
мый. Благодаря вас, милостивый государь, за
внимание ко мне, приятно мне воспользо-
ваться случаем изъявить то уважение, кото-

рое давно имел я к полезным трудам вашим, обогащающим словесность, расширяющим сведения об отечественной истории.

Имею честь быть и пр.,
покорнейший слуга

Алексей Ермолов.

23 апреля 1828 года.

Москва».

В 1831 году Ермолову случилось быть в Москве, в то время как приехал туда государь. Ермолов написал письмо (у меня не отмечено, по какому поводу). Государь назначил ему аудиенцию. Ермолов приезжает во дворец, но Государь еще не возвращался. Он дожидается час, другой. Начинают накрывать стол. Ермолов, не желая оставаться пред собирающимися лицами к обеду, поручил камердинеру донести, что был в назначенный час. Тот отвечал: «Вы приглашены и к столу». Ермолов остался. Государь вскоре приехал и увел его с собою в кабинет, где они оставались очень долго. Между тем собрались приглашенные гости. Государь вышел к нам из кабинета, ведя за руку Ермолова.

За столом был очень милостив.

На другой день было представление императрице, которой Ермолов до сих пор не видал, далекий от двора. Записавшись после московских дам, он спокойно дожидался вызова, как вдруг прежде всех был приглашен в кабинет. Несколько минут не подходил он к руке, опасаясь исполинской наружностью испугать вдруг императрицу, и уже после, как она привыкла к его виду, он приблизился к ней смелее.

Императрица была очень благосклонна. Вскоре пришел и государь. Вместе трое вышли они из кабинета, перед взорами удивленной московской знати. Начались толки. На каком-то следующем бале государь император остановил Ермолова в дверях между залом и буфетом и разговаривал с ним более часа, прервав сообщение в комнатах и привлекая общее внимание.

Все глаза устремились на Ермолова. Все чаяли его скорое возвышение, и придворные паразиты посыпали к нему с визитами. Ермолов на своих антресолях принимал всяких грандов.

Он назначен был членом Государственного совета и должен был отправиться в Петербург.

Ермолов был назначен заседать в комитете о преобразованиях карантинного учреждения, еще в каком-то подобном, а в комитеты по военной части: о военных дорогах России и о преобразовании конных полков – он не был назначен, хотя председатели, первого – Толь, и второго – Пален, не имея нужных для них сведений, обращались к нему частным образом с вопросами.

В совет он не ездил, под разными предложениями.

В Петербурге все говорили, что он смеется над советом, а Канкрин объяснял иначе. Все это было неприятно государю.

Военный министр Чернышев спросил его, согласен ли он принять на себя звание председателя в главном аудиториате.

«Единственным утешением была для меня всегда привязанность ко мне войска, – отвечал Ермолов, – и я не хочу потерять ее. Готов принять всякую должность, какую государю угодно возложить на меня, но только не могу

быть наказателем».

Наконец Ермолов, потеряв терпение, написал просительное письмо к государю об увольнении и получил позволение уехать в Москву. Враги его торжествовали. Графиня Н. Н., приехав однажды к своей знакомой, воскликнула: «Кончено, сынтриговали!»

Так записано у меня, но вот как рассказывает об этом периоде из жизни Ермолова приверженец его Д.В. Давыдов.

«В бытность государя в Москве осенью 1831 года Ермолов был приглашен во дворец, куда он поехал в отставном мундире; государь, принявши его необыкновенно радушно, вышел из кабинета в сопровождении Ермолова, что было принято многими за знак особенного к нему благоволения.

Императрица, увидя его, не скрыла своего смущения; она сказала ему: «Je vous aurais reconnu a Pinstant meme, general; tous vos portraits vous ressemblent»[185]. Будучи позван к императорскому столу, он едва не навлек гнева государя принятием участия в некоторых польских генералах... Государя, начинав-

шего возвышать голос, Ермолов успокоил лишь словами: «Никто их, конечно, не убедит, что милосердие государя никогда не обратится на них».

Государь, ожидавший, что Ермолов, обласканный им, вступит вновь в службу, был крайне недоволен тем, что он даже не намекнул ему о подобном желании. Граф Бенкендорф, посетив Ермолова, сказал ему, по поручению государя, следующее: «Его величеству весьма неприятно то, что вы, будучи столь милостиво приняты им, не изъявили до сего времени желания поступить на службу».

Граф А.Ф. Орлов, посетив Ермолова в то время, как он собирался в подмосковную, объявил ему о воле государя, дабы он вступил вновь в ряды войска. Написав в этом смысле письмо к государю, Ермолов сам отправился к Хрущову, куда прибыл генерал Адлерберг с объявлением, что приказ о принятии его в службу состоялся. Таким образом Ермолов вновь надел мундир; это было с его стороны (по мнению многих) ошибкою, сильно потрясшею его огромную популярность [186].

Государь был, однако, первое время чрез-

вычайно милостив и внимателен к Ермолову, которому удалось, по кончине доблестного Н.Н. Раевского, выхлопотать вдове его следующие милости: ей было прощено 300 тысяч руб., ассигнациями казенного долга, а взнос должных покойным мужем еще 500 тысяч руб. был разложен на весьма продолжительные сроки.

По предложению Ермолова, указавшего государю на невыгоду бессрочных вещей, как, например, штыков, которые, не будучи отточены, делаются весьма часто на Кавказе добычей горцев; последовала отмена прежде бывших распоряжений по этому предмету.

Заседая в Государственном совете, Ермолов, никогда не почитавший себя (!) администратором, не принимал почти никакого участия в прениях. Он, однако, предложил отменить звание первоприсутствующих в департаментах сената: для наблюдения за правильным ходом дел было, по его мнению, достаточно обер-прокурора.

Ермолова назначили членом комитета о преобразовании Оренбургского края, председателем которого был П.К. Эссен, и членом о

преобразовании карантинного устава, где он не мог оказать никакой пользы. Он отдал здесь полную справедливость отличным способностям графа Павла Сухтелена, столь рано умершего для Оренбургского края.

«Хотя Ермолова не назначали присутствовать в комитетах о военных дорогах и о преобразовании конных полков, но многие обращались к нему за советами.

Невзирая на то что государь сказал ему: «Я хочу вас всех, стариков, собрать около себя и беречь, как старые знамена», он не был употребляем. Ермолов, видя себя бесполезным, сказал однажды государю: «Ваше величество, вероятно, потеряли из виду, что я лишь военный человек; все мои назначения доселе убеждают меня в том, что я совершенно бесполезен и что все возлагаемые на меня поручения не соответствуют моим сведениям и, могу сказать, моей опытности». На это государь отвечал: «Верно, ты слишком любишь отечество, чтобы желать войн? Нам нужен мир для преобразований и улучшений, но в случае войны я употреблю тебя».

Ермолову предложили место председателя

в генерал-аудиториате; граф Чернышев, предложивший ему это место от имени государя, сказал ему, что не он сам, а лишь его канцелярия будет подчинена военному министру. Ермолов отказался, под следующим предлогом: «Единственным для меня утешением была привязанность войска; я не приму этой должности, которая бы воздавала на меня обязанности наказывать». Государь сказал на это: «Ермолов не так это понимает».

Графиня Бенкендорф, посетив вскоре после того графиню N. N., сообщила ей о том, что государь поверил гнусным наветам на Ермолова своих окружающих, и сказала: «Ермолова сынтриговали».

Между тем Ермолов, возвратившись в Петербург, просил графа Бенкендорфа объяснить его величеству желание его быть уволенным от заседания в Государственном совете по той причине, что, быв лишь военным человеком и не успев приготовить себя к занятиям гражданским, он почитает себя неспособным исполнять обязанность высокой важности, к какой он призван милостью государя.

Граф Бенкендорф не решался будто бы доложить о том его величеству в течение двух недель; а между тем уверял, что он избирает лишь благоприятную минуту, тем более что он знает, сколь будет неприятно его величеству уклонение от занимаемой должности Ермолова, который непременно навлечет тем на себя гнев государя. Его обезоружит чистосердечное «мое признание», говорил Ермолов, не перестававший настаивать на своей просьбе. Однажды граф Бенкендорф, не застав Ермолова дома, оставил нижеследующую записку: «Mon tres honore general, sa Majeste m'a charge de vous dire, qu'elle desire que vous lui ecriviez ce que je lui ai dit sur les raisons, qui vous engagent a quitter le Conseil»[187].

Ермолов написал следующее письмо.

«Его Императорскому Величеству[188], генерал-адъютант граф Бенкендорф объявил мне высочайшую волю вашу, всемилостивейший государь, дабы я письменно изложил причины, заставляющие меня просить увольнения от заседания в Государственном совете. Исполняю волю сию с откровенностью солда-

та, гордящегося честью сорокалетнего служения государям и отечеству.

Я вполне постигаю, государь, сколь высоко звание члена Государственного совета, где могут обрести самую лестную награду лица, оказавшие важные услуги отечеству. Исполнен я удивлением к неизреченному великодушию монарха, вверяющих малому числу избранных рассмотрение важнейших административных дел, изменение в законах, предложение новых, не прежде освящая их державною властью своей, как по выслушании их мнения.

Но, государь, всю жизнь свою провел я на военном поприще, на котором не успел ознакомиться с занятиями, к которым я ныне призван. Они мне чужды и усиливают во мне лишь убеждение и горестную мысль, что я бесполезен и потому не могу оправдать ожиданий моего государя.

Как русский и как солдат, я не избегал трудов и не робел перед опасностями на службе государя; не останавливаясь ни минуты вступить вновь на службу, когда мне было объявлено повеление о том Вашего Величества, я

устыжусь однако самого себя, если позволю себе желать остаться в настоящем положении, с коим неразлучно убеждение, что лета, опытность, усердие недостаточны, а необходимы сведения, коих у меня нет.

Простите, государь, смелость, с которою я всеподданнейше повергаю просьбу мою о увольнении меня от присутствия в Государственном совете».

10 марта 1830 г.».

Через несколько дней Ермолов получил от военного министра графа Чернышева следующие две бумаги:

«Милостивый государь, Алексей Петрович!

Государь император, прочитав всеподданнейшее письмо вашего высокопревосходительства, от 10-го числа сего месяца, поручил мне уведомить вас, милостивый государь, что его величество весьма сожалеет, что вы, несмотря на долголетнее управление вами Закавказским краем и по гражданской части, не предполагаете ныне в себе способностей, к которым вы призваны высочайшею доверен-

ностью, и что вследствие того, удовлетворяя желанию вашему, его величество увольняет вас в отпуск до излечения болезни.

Сообщив высочайшую сию волю председателю Государственного совета, честь имею и вас об оной, милостивый государь, уведомить.

14 марта 1839».

«Милостивый государь, Алексей Петрович!

Я доводил до высочайшего сведения о желании вашего высокопревосходительства воспользоваться зимним путем для выезда из С.-Петербурга и о просимом вами дозволении откланяться государю императору. Его величество поручить мне изволил уведомить вас, милостивый государь, что чрезвычайно увеличившиеся занятия препятствуют принять вас в скором времени, а потому, не желая вас задерживать, его величество разрешает ваш отъезд.

16 марта 1839 г.».

Так рассказывает приверженец и родственник.

Выслушаем теперь другую сторону.
Audiatur et altera pars.

«В совете никто никогда не слышал его голоса и даже большую часть времени он проводил в полудремоте или, по крайней мере, с закрытыми глазами, не обращая, по-видимому, ни малейшего внимания на все, что докладывалось; когда же, при встречавшихся разногласиях, секретари подходили спрашивать о его мнении, обыкновенный ответ его был: «С тою стороною, на которой окажется больше голосов».

По одному делу (кажется, Строгановых со Всеволоджскими), очень сложному и запутанному, он просто сказал, что не может произнести никакого мнения, потому что «не понимает этого дела». Когда же тогдашний председатель, граф Новосильцов, возразил, что не считает себя вправе принять такой отзыв, как неуместный со стороны члена Государственного совета, то, после довольно продолжительного уклонения, возвратился к стереотипному своему ответу: «С большинством голосов».

Наскучила ли ему наконец эта, по всей вероятности, преднамеренная роль, или были на то другие причины, только в первых числах июня 1838 года Ермолов вдруг объявил, что на днях опять уезжает в свою подмосковную и нарочно избегает прощания с государем, чтобы не подпасть под затруднительный вопрос, когда он думает снова воротиться в Петербург. «Мне нечего скрывать, – продолжал он, – что я здесь совсем лишний человек: ко двору не гожусь, а в совете совершенно бесполезен, и говорю это, право, не для того, чтобы вымолить какой-нибудь комплимент: я в самом деле чувствую, что уже отжил свой век!»

К 1839 году принадлежит следующее письмо Ермолова к Паскевичу, собственноручное, найденное мною в бумагах, доставленных Я.М. Кириловым.

«Милостивый государь, князь Иван Федорович!

Я имел честь получить почтеннейшее письмо, которым ваша светлость уведомить

меня изволили о последовавшем по докладу вашему, милостивый государь, его императорского величества высочайшем позволении мне приехать в Варшаву и осмотреть царства Польского крепости.

Опасаясь, чтобы сближающееся осеннее время не воспрепятствовало осмотреть со вниманием, которого требуют знаменитые сооружения, под распоряжением вашей светлости возводимые, я, для удобнейшего исполнения сего, отложил поездку мою до будущей весны.

С отличным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашей светлости, милостивый государь, покорнейший слуга,

Алексей Ермолов.

18 сентября 1839 г. Москва».

Странно, что это письмо осталось собственноручное. Разве Ермолов вследствие одной помарки вздумал переписать его и не уничтожил.

Кстати, расскажу здесь, что Паскевич при-

глашал его к себе в Варшаву, по дороге в чужие края. «Зарезал он меня», – сказал Ермолов, рассказывая о том Б.

В 1841 году Ермолов, говорят противники, снова явился в Петербург к бракосочетанию наследника цесаревича и, в качестве военного генерала, тотчас по приезде просил военного министра доложить государю о его приезде и желании представиться. Но день проходил за днем, и наконец наступил и канун свадьбы, а ответа все еще не было; без представления же невозможно было присутствовать и при церемонии. Вследствие того Ермолов решился вторично написать Чернышеву, и государь хотя напоследок и принял его, уже в самый день свадьбы, но без особой аудиенции, а просто перед разводом, в толпе других являвшихся, откланивавшихся и пр. В совете, как считавшийся в бессрочном отпуске, он в этот приезд не присутствовал.

Ермолов опять заключился в деревню, из коей не выезжал ни летом, ни зимой, утешался подчас слухами общей преданности, до него доходившими, доказательствами преданности его старых сослуживцев, которые,

одни за другими, приезжали навещать его в уединении, и, наконец, звуками русской лиры, возвышавшей всегда свой благородный голос в пользу униженного достоинства.

Приведем здесь кстати некоторые стихотворения в честь Ермолова, из разных периодов:

Жуковский

*Хвала сподвижникам – вождям!
Ермолов, витязь юный,
Ты ратным брат, ты жизнь полкам,
И страх твои перуны...*

Пушкин

*Но се – Восток подымлет вой!..
Поникни снежною главой,
Смирись, Кавказ: идет Ермолов!
И смолкнул ярый крик войны:
Все русскому мечу подвластно.*

Лермонтов

*Колыхаясь и сверкая,
Двигутся полки;
Веют белые султаны,*

*Как степной ковыль,
Мчатся пестрые уланы,
Подымая пыль;
Боевые батальоны
Тесно в ряд идут,
Впереди несут знамены,
В барабаны бьют;
Батареи медным строем
Скачут и гремят,
И, дымясь, как перед боем,
Фитили горят.
И, испытанный трудами
Бури боевой,
Их ведет, грозя очами,
Генерал седой.*

Страсти утихали, вспыхивая только изредка в острых словах или в удерживаемых движениях, волосы побелели, орлиный взор начал угасать. В 1840 (?) Ермолов купил себе деревянный дом в Москве тысяч в 15 ассигнациями, и с этого времени, как Мухаммед с бегства из Мекки в Медину, считает он свою мудрость.

Жизнь свою проводит он следующим образом: встает в 6 часов, читает, пишет, с 10 часов начинаются посещения, преимущественно

но навещения, кушает один раз в день, но плотно, после обеда переплетает, читает и принимает гостей, которых любит удерживать до поздней ночи. В табельные дни является он в собрании, на балах, ездит в театр. Приверженные к нему русские люди, старые и молодые, оборачиваются всегда в ту сторону, где стоит Ермолов, опершись на верную свою саблю, и смотрят в задумчивости на его белые волосы, на эту львиную голову, стоящую еще твердо на исполинском туловище, и ищут в потускневших глазах его глубоко запавшие мысли. Государь во время посещений своих Москвы осыпает его ласками.

В день открытия Кульмского памятника Ермолов получил Андреевский орден, которого не имел до тех пор.

В 184... году Ермолов получил приглашение на Вознесенский смотр. Из Вознесенского вся свита приехала в Одессу. Государь отправился оттуда в Грузию. Предусмотрительность врагов Ермолова, опасавшихся, чтобы государь не взял его в Грузию, где дела были тогда в очень дурном положении, была так велика, что они накануне отъезда не посты-

дились обмануть его, сказав, что государь поедет без парада. Ермолов пришел на берег и смешался с толпою; как вдруг явился государь с многочисленной свитой, провожавшей его в военных мундирах...

На открытие Бородинского памятника Ермолов был также приглашен и рассказывал государю о подробностях сражения. Преследуя графа Витте, вместе с государем, Ермолов не утерпел сказать: «Граф Витте бежит в самом деле, как от неприятеля».

В последнее время государь начал говорить с ним даже о Грузии.

В 1845 году Ермолов получил приглашение на свадьбу великой княжны Ольги Николаевны. Государь осыпал его новыми ласками. За обедом провозглашен был тост: за здоровье оставшихся в живых героев Бородинского сражения. Государь подошел к Алексею Петровичу. «Пью за твое здоровье», – сказал он ему. Ермолов благодарил за такую честь и заметил, что здесь находился еще старший представитель, именно князь Горчаков, бывший в сражении корпусным начальником.

Однажды государь взял Ермолова вместе с Паскевичем в Кронштадт.

Их встретил адмирал Беллинсгаузен, уже старик. До тех пор Ермолов не был с ним знаком.

– Пред вами стоит обладатель острова на Тихом океане, – сказал ему Алексей Петрович вместо приветствия.

Остров этот был открыт Беллинсгаузенем и назван им островом Ермолова.

– Вы-то меня не знали, – отвечал ему адмирал, – а я-то вас давно уже знал.

Беллинсгаузен, несмотря на свою немецкую фамилию, ни слова не знал по-немецки и очень сошелся с Ермоловым.

В 1843 году имел я честь представиться Алексею Петровичу и описал первое свое посещение в «Московских ведомостях» прошлого года[189].

Пользуясь его расположением, я начал посещать его и наконец осмелился часто предлагать ему вопросы об его жизни и услышал подробности, послужившие основанием предложенного очерка.

В 1847 году, в июне, ободренный его ласками, я поехал к нему в деревню.

Алексей Петрович был очень огорчен одним местом в истории царствования Николая Павловича, которое касается до увольнения его из Грузии. Он написал письмо к автору и прочел мне уже переписанное набело. Я сказал несколько слов за Устрялова; Ермолов начал по обыкновению отклоняться: «Это правда, я напрасно сердился на него, он не виноват» и проч. Тогда же он сообщил мне в собственноручной копии, хранящейся у меня до сих пор, свое письмо к государю, которым просил об увольнении от должности главнокомандующего в Грузии в 1827 году.

В 1848 году Алексей Петрович собирался ехать за границу, избрав себе спутниками И.В. и Г.В. Лихачевых, которых всегда любил, но не получил, кажется, разрешения. Тогда сжег он множество своих бумаг, как я слышал от его управляющего, находившегося при нем неотлучно сорок лет.

В 1849 году царское семейство прожило несколько времени в Москве. Я написал ста-

тью «Черты из пребывания царского семейства в Москве», которая не была напечатана.

Вот отрывок из нее, относящийся к А.П.:

«9 апреля освящен был камень или доска в Георгиевской зале, в воспоминание об учреждении Преображенского полка. По окончании торжественного обряда главнокомандующий гвардейским и гренадерским корпусами, великий князь Михаил Павлович, и начальник всей гвардейской пехоты цесаревич великий князь Александр Николаевич, в сопровождении командира Преображенского полка генерал-адъютанта Катенина, всех батальонных начальников и наличных офицеров гвардии, удостоили своим посещением знаменитого ветерана русской армии, одного из первых сподвижников войны 1812, 1813 и 1814 годов, под начальством которого императорская гвардия покрылась первыми лаврами и Преображенский полк получил Георгиевские знамена, – Алексея Петровича Ермолова.

Как приятно, сладко было видеть торжественный поезд сына царева, государя наследника, брата царева, со всеми представи-

телями русской гвардии, к деревянному семи оконному домику на арбатском бульваре, где живет убеленный сединами герой Бородина, Кульма, Кавказа, – где над низменной крышей ярко горит луч русской славы».

С этого времени начинаются у меня опять заметки о посещениях и разговорах с Алексеем Петровичем, иные даже с обозначением чисел. Других можно приблизительно определить время, судя по содержанию. Я передаю их здесь. Между ними вставляю беседы Ермолова с другими лицами, означенные также числами.

О Венгерской кампании Ермолов отзывался с величайшим неуважением:

«Гергей вышел из Коморна с обозами, думая, что их тотчас отобьют. Не тут-то было, все в целости. Он дожидался только случая, чтобы Паскевич собрал столько сил, дабы не стыдно было положить пред ним оружие. Гергей видел с первого раза, как и все, что венгерцам бороться нельзя, а мы выставили столько силы, чтобы хоть Наполеона встретить».

«Гайнау просил Паскевича прикрывать крепость, и Паскевич отрядил было Граббе, а потом ему показалось недостойным послушаться австрийского генерала, и он послал контр-ордер к Граббе, который получил его уже в третий день, сделав два дня перехода».

«Гергей молодой человек без опытности, но не без достоинств».

«Теперь на Кавказе, – говорил Алексей Петрович, – 20 генералов, а при мне был один Вельяминов, которого я вызвал к брату. Теперь в каждом из пяти отделений такой штаб, как был у меня во всем корпусе. Теперь войска под ружьем 250 тысяч, а у меня было 70. Теперь получает наместник на свое содержание 150 тысяч руб. сер., а я получал 40 ассигнациями и жил полгода в лагере, чтобы скопить денег на бал или обед».

О Воронцове Ермолов говорил: «Напрасно употребляет он столько деятельности. Если главнокомандующий будет поверять всякого

генерала и полковника, ему не останется времени для собственных дел. Надо предоставлять участие подчиненным, тем более что они возведены уже на такую степень. Напрасно ходит он на такие дела, в успехе которых не уверен. На Востоке это имеет нехорошее действие. Воротись он теперь в Тифлис, на лицах увидит он свою неудачу. В таких случаях посылай своего генерала, а сам хоть чрез два года являйся уже так, чтобы порешить. Главнокомандующий должен вдруг по их мнению победить. Я, бывало, заметив, что не по зубам, никогда не выходил».

«Экспедицию Воронцов кончит блистательно, разумеется, хоть может быть и без большой пользы.

Просить увольнения я теперь не советовал бы, надо нарезать колеи поглубже, начертить план, по которому бы пошли преемники, а не на удачу. Я писал к нему об этом слухе, пришедшем из Петербурга, который мы здесь украсили, распространили и раздаем».

«На продовольствии войска я сберег в пер-

вый год около двух миллионов. Провиантские книги оставались часто белыми: у меня, бывало, из Дербента в Бурную привезет один урядник с накладной, и сами татары хлопочут, чтобы воза шли не близко один за другим и чтобы не просыпалась мука. Баранину, ячмень, сено, ставили они везде в благодарность, что я берег их».

«Аманаты стоили прежде ужасно дорого; иной получал 3 руб. сер. в день. Я начал брать ребятишек, которые играли у меня в бабки, а родители приезжали наведываться. Я кормил их пряниками, и те были предовольны, расчищали просеки».

«Грузинский корпус, прежде так называвшийся, государь назвал Кавказскою армией в знак благоволения к моей службе».

«26 декабря (1854 г.), – рассказывает г. Бартенев в «Русском архиве», – я сидел у Г., с которым жил на одном дворе. Часов около четырех после обеда меня неожиданно вызвали. Алексей Петрович Ермолов прислал чело-

века звать меня к себе. Хотя тотчас я догадался, что верно есть письмо или посылка от Б., но этот зов взволновал меня, тем более что вчера за холодом и усталостью я не съездил поздравить Ермолова, предоставляя себе исполнить эту обязанность в Новый год.

Было ровно 5 часов, когда я шел по темной лестнице и пустынным комнатам Пречистенского дома, где *никнет главою лавровой* славный наш полководец. Направо из большого коридора ввели меня в кабинет его. Он недавно отобедал, сидел насупившись за широким столом своим, с увеличительным стеклом в руках, и разбирал какое-то письмо.

«Здравствуйте, милостивый государь! Прошу покорно садиться. Я не решился бы вас беспокоить, если бы графиня N. N. не приказала мне», – проговорил он мне с обыкновенною своею учтивостью. Я отвечал, что мне много чести в том и что я очень благодарен графине, доставившей мне случай видеть его высокопревосходительство. «Она прислала с моим сыном письмо к вам и надписала, чтобы передать из рук в руки».

Тут он мне подал письмо, придвинул свеч-

ки и сказал, чтоб я читал и, что можно, прочел бы вслух. Несколько смущенный, я старался читать скорее; но он сам по-прежнему взялся за увеличительное стекло. Пробежав письмо, на вопрос его, нет ли чего нового, я прочел вслух то, что сообщала N. N. о твердом намерении государя отстаивать Россию, хоть бы пришлось на Москве и на Урале, и о рвении молодых великих князей.

Не помню, как-то, после минутного молчания (которое меня бесило, ибо я боялся, что придется мне раскланиваться и окончить эту дорогую беседу), зашла речь о вчерашнем дне. Он сказал, что видел мое имя на расписном листе, но чтоб я извинил его, что он в большие праздники никого, даже и родственников, не принимает, зная, как тяжелы минутные визиты, что доброго знакомого приятнее ему видеть запросто и пр. Я не знал, что подумать: искусный ли это упрек, или, может быть, он ошибся и принял за мое имя кого-нибудь другого.

Говоря о вчерашнем дне, я упомянул о плавном гуле большого Ивановского колокола, и его заметкой о том, что Наполеон нароч-

но заставлял в Москве звонить в колокола, наслаждаясь их звуками, завязался разговор. Алексей Петрович стал вспоминать сдачу Москвы. Он проехал из Дорогомиловской во Владимирскую заставу позднее всех, потому что, когда проходила армия, он оставался на Дорогомиловском мосту, дожидаясь Милорадовича, командовавшего арьергардом, дабы передать ему некоторые приказания Кутузова (при котором он был начальником штаба).

Он видел в Москве отъезжающие экипажи, в церквях еще попадались люди. Кутузова он нагнал уже за Владимирскою заставой.

Там, вечером, они услышали взрыв, раздавшийся в Москве. Тут Ермолов вспомнил слова, сказанные Ростопчиным поутру того дня, на совещании в Филях. Граф Федор Васильевич говорил генералам: «Напрасно заботятся о Москве: из нее все вывезено. Неприятель найдет в ней французские вина, богатую мебель, и ничего для армии. Все драгоценное спасено. Да притом же, *она скоро запылает*». Ростопчин сопровождал главную квартиру несколько времени. В лагере под Тарутином Ермолов заслушивался его умных речей.

Тут мы вспомнили о Жуковском, и Ермолов заметил о том, что он помогал Скобелеву писать бюллетени и по своей скромности дозволил ему пользоваться незаслуженною славой. Андрея Кайсарова, который заведовал походною типографией фельдмаршала, он не помнит, а называл брата его Паисия, который был любимцем Кутузова. Последний, по словам Ермолова, ценил Жуковского за его сочинения.

Я заметил, что великие наши полководцы отличались образованием. «Да, – отвечал он, – нынче все говорят про университеты; они не были в них, а исполнены были «обширных познаний». Особенно хвалил он князя Репнина, при котором служил в Риге, и Михаила Федотовича Каменского. Он помнит, как раз, поехавши к нему в Сабурово (42 версты от Орла, они были соседи) с отцом своим, он застал его за пюпитром: фельдмаршал читал новое математическое сочинение и поверял алгебраические его выкладки. При этом Каменский отличался необыкновенною скромностью. Никогда не скажет: я знаю; но его кажется было евангельскою истиной.

Разумеется, разговор зашел и о Суворове. Алексей Петрович, начавший службу при Репнине, поступил к Суворову в 1794 году и за взятие Праги получил Георгиевский крест. Он еще прежде рассказывал мне, как в Варшаве Суворов принимал новопоступивших офицеров в великолепных покоях примаса, в которых велел выставить окна. Был страшный мороз, и Суворов говорил, что он вымораживает из них *немогузнайство*. Суворов сделал для них обед: поставлены были какие-то глубокие чашки с отвратительными щами; потом подали ветчину в конопляном масле. Никто не смел отказываться, и все ели, потому что фельдмаршал сам беспрестанно похваливал.

По взятии Праги Ермолов поехал в отпуск и был на прощании у Суворова. Когда Ермолов упомянул, что поедет на Гродно (где была главная квартира Репнина), Суворов не утерпел, чтобы не затронуть Репнина: «Ты не застанешь его в городе, он разъезжает перед фронтом». Это была язвительная насмешка: в то время как взята Прага, Репнин только чванился своим саном и показывал себя солдатам. Суворов был непримиримым врагом

Репнина. По словам Ермолова, Репнин по великодушию прощал его, но Суворов не был к тому способен.

Как-то заговорили о зяте Суворова, Зубове, и Ермолов отозвался о его ничтожестве, заметив, что Суворов прочил дочь любимому своему полковнику Золотареву, погибшему на штурме Измаила. Отдавая дочь свою за Зубова, Суворов не искал протекции: она уже была не нужна ему.

Ермолов с увлечением говорил о великом нашем герое. «Написать его историю никто не может; его характер ускользает от описания. Фукс приставлен был к нему в соглядатаи и чрез несколько дней, побежденный его величием, предался ему навсегда».

Ермолов очень часто виделся с Фуксом. По его словам, очень многих анекдотов Фукс не решился обнародовать. У Ермолова лежат 4 фолианта копий с перепиской Суворова с разными лицами, данные ему для прочтения.

Упомянув о том, что во время своего пребывания в Санкт-Петербурге после взятия Праги Суворов отлично принимал в Таврическом дворце Державина, я завязал разговор

про наших поэтов и мало-помалу довел до Пушкина. Я весь был внимание, когда наконец зашла о нем речь. «Конечно, беседа его была занимательна?» – «Очень, очень, очень!» – отвечал с одушевлением Алексей Петрович. Он виделся с ним в Орле, вскоре после своей отставки. Пушкин сам отыскал его. «Я принимал его со всем должным ему уважением». О предмете своих разговоров с ним Ермолов не говорил. Он утверждает, что это было в июле 1827 года; но я не знаю, зачем Пушкину быть тогда в Орле. Не в 1829-м ли, проездом на Кавказ? Больше они не видались.

Как хорош был сребровласый герой Кавказа, когда он говорил, что поэты суть гордость нации. С каким сожалением он выразился о ранней смерти Лермонтова! «Уж я бы не спустил этому N. N. Если б я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да вынувши часы считать, через сколько времени посланного не будет в живых. И было бы законным порядком. Уж у меня бы он не отделался. Можно позволить убить всякого другого человека, будь он вель-

можа и знатный: таких завтра будет много, а этих людей не скоро дождешься!»

И все это седой генерал говорил, по-своему слегка притопывая ногою. На мои глаза он был истинно прекрасен. Это слоновое могущество, эта неповоротливая шея с шалашом седых волос и этот ум, это одушевление на 78-м году возраста! Передо мною сидел человек, бравший с Суворовым Прагу, с Зубовым ходивший к Дербенту, с Каменским осаждавший турецкие крепости, один из главных бойцов Бородина и Кульма, гроза Кавказа. И после этого говорите против Екатерининского века! Он его чадо.

Алексей Петрович как будто сам был доволен разговором. При прощании он сказал мне несколько любезных приветствий.

К этому времени принадлежат, кажется, следующий отзыв Алексея Петровича по поводу обвинения его генералом Иловайским.

«Получив отзыв оной комиссии, от 24 мая за № 24, с приложением в копии дополнительного сведения генерал-лейтенанта Иловайского, я имею честь объяснить, что в бума-

те сей называет меня и генерал-майора Базилевича (приятеля его, к которому имел он большую доверенность) единомышленниками барона Розена. Говорит он, что, вероятно по старости нашей, забыв звание свое, мы решились находиться при совершении брака, а может быть, и вспомоществование сему. Давая наставление, как бы мы должныствовали поступить, замечает, что, забыв долг свой и помогая барону Розену, мы не щадили себя и подвергались суждению по законам.

Хотя все сии оскорбительные предположения не мог иначе допустить генерал-лейтенант Иловайский, как будучи в состоянии чрезмерного разгорячения, то есть против барона Розена, не менее, однако же, дал право, не со строгою разборчивостью в выражениях, опровергать его вымыслы, но я, напротив, по обязанности уважения к высокому его званию, потребности которого он, по-видимому, не понимает, ограничиваюсь только показаниями, единственно к объяснению обстоятельств дела служащими.

Генерал-лейтенант Иловайский относительно брака дал мне честное слово, и, когда с

настойчивостью убеждал я его в необходимости ускорить оный, ибо приближался Великий пост и вскоре оканчивался срок данного барону Розену отпуска, он всегда подтверждал данное им слово, рассуждал о необходимых для свадьбы издержках, возводя оные до весьма значительной суммы, согласуясь, как говорил, с обычаями на Дону, и в особенности с рождением его. В то время не было у него денег, не хотел он заимствовать их у родственников, и как, по словам его, доходы с его имения поступают весною, то отлагал он и свадьбу до того времени. Я находил его снисходительным к возражениям моим, ибо не казался я сладостного мечтания о знатности его породы.

Ф. Вендармини. Портрет А.В. Розена

Таким образом, насчет брака не было повода к сомнению, и только место одно не было решительно назначено, ибо намеревался то на Дону, ближе к родным, то в Харькове, ближе к имению.

Насчет данного нам слова приведу в подтверждение то, что при мне в присутствии ге-

нерал-майора Базилевича напоминала ему о том дочь его. Равномерно и то, что, по отъезде барона Розена в Петербург, он говорил генералу Базилевичу, что непременно выдаст за него дочь и на первый случай положит им тридцать тысяч рублей в год содержания.

Недавно узнал я, где совершался брак, но только не присутствовал при нем. В сем легко удостовериться от свидетелей, которых, вероятно, имел барон Розен. Что же касается до вспомоществования моего ему, то я не понимаю, для чего могло оно быть ему нужным, когда на брак было добровольное согласие дочери генерала Иловайского и она, вышедши сама из дому, не могла быть похищена из него.

Не полагаю, чтобы генерал Иловайский мог и в сем случае сказать, что, по старости моей, я не помню и подробностей происшествия.

В заключение скажу, отнюдь не осмеливаясь применить рассуждения моего к лицу его превосходительства, но собственно о себе, что, если бы решился подать бумагу, подобную им представленной, я боялся бы поставить в затруднение начальство – избрать ли меры скорейшего ограждения законами или способы скорейшего врачевания.

А. Ермолов».

В продолжение Севастопольской осады Ер-

моллов постоянно относился с великими похвалами о князе Меншикове.

«Пока Меншиков там, я спокоен, – твердил он часто. – А после него – не знаю, не ручаюсь. Меншиков обманет французов; несмотря на недостаток средств, он защищается успешно. Войска в Крым он требовал настоятельно и получал всегда отказы. Места

Волынского и Селенгинского редутов он нашел и хотел принять меры, как их совершенно обезопасить от нападения, но ужасная болезнь лишила его всех сил. Останься он под Инкерманом ночевать в корпусе Данненберга, тогда дело пошло бы иначе. Все действия французов он мне предсказывал.

Это человек скрытный, и никто не узнает его намерений. Мне позволяет он иногда догадываться более других о своих мыслях. Однажды приехал я к нему, провел у него целый вечер и не узнал ничего. Когда он провожал меня, я сказал ему, чтоб он впредь был осторожнее, потому что не всем можно оказывать такую доверенность. Недавно еще я напомнил ему это, и он засмеялся...

...Блюхер был рубака, Гнейзенау, началь-

ник штаба, умный, пылкий, проворный, деятельный, а Мюфлинг педант и регистратор. Порознь они не значили ничего, не годились никуда, а вместе составляли силу. Есть ли такая тройца в штабе князя Горчакова?»

Видно, как Ермолову горько было сидеть дома. «Меня обносят, – жаловался он, – как устарелого и немощного».

«Теперь нет ни у кого генералов, – говорил Алексей Петрович, – пруссаки 40 лет не нюхали пороха. У них один старик, Врангель. У австрийцев хороша артиллерия, умны офицеры».

Давыдов заметил, что их войско усовершенствовано теперь.

«Чем же? – сказал Ермолов. – Кажется, только выбрали цвет сукна для панталон, не так марок».

В 1855 году, при образовании ополчения, выразилось в Москве общее желание избрать начальником его А.П. Ермолова. Вот письмо, написанное им к генерал-губернатору:

«Почтеннейший граф Арсений Андреевич.

Благодарю вас покорнейше за сообщение мнения вашего по предмету предстоящих выборов и со всею откровенностью отвечаю вам.

Не знаю, можно ли избирать меня по носимому мною званию; но, если буду я удостоен избрания московским дворянством, я не должен уклоняться от службы, наравне с каждым дворянином, не имея пред лицом закона никаких особенных прав и не давая места суждению, еще менее негодованию, если бы даже не утвержден был в звании начальника губернского ополчения, в каковое, вероятно, я могу быть избираем. Легче всего, могут найтись люди способнейшие и не в праздности дождавшиеся престарелых моих лет.

Двадцать четыре года, как, вышедши из службы, я не был употреблен на службу деятельную, и нимало не удивлюсь и не приму к сердцу, если не признан буду за годного. Впрочем, благодаря Богу, я доволен совершенно моим положением, ничего не желаю и, конечно, искать не стану.

Вот моя исповедь почтеннейшему графу, и

никому другому не скажу я иначе.

Душевно преданный *Ермолов*.

8 февраля 1855 г.».

Избрание состоялось торжественное. Нельзя изобразить восторга, объявшего всех присутствовавших в огромной зале Благородного собрания, когда известно стало количество голосов. Рукоплескания, крики, восклицания долго не прерывались. Выражено было тотчас желание объявить Алексею Петровичу чрез избранных депутатов о состоявшемся избрании. Я написал к нему приветствие, которое мгновенно полетело по рукам, переписывалось и производило восторг. Вот оно:

«Алексей Петрович!

Московское дворянство, призываемое священным голосом царя, ополчается на защиту православной веры, на помощь угнетенным братьям, на охранение пределов отечества. Оно просит вас принять главное начальство над его верными дружинами и смеет надеяться, что вы уважите его торжественное избрание. Сам Бог сберегал вас, кажется, для этой

тягостной години общего испытания.

Идите ж, Алексей Петрович, с силами Москвы, в которой издревле отечество искало и всегда находило себе спасение, идите принять участие в подвигах действующих армий. Пусть развернется пред ними наше старое, наше славное знамя 1812 года.

Все русские воины будут рады увидеть вашу бедую голову и услышать ваше любимое имя, неразлучное в их памяти с именем Суворова, от которого вы получили первый Георгиевский крест, и именем Кутузова, которому служили правою рукой на незабвенном Бородинском сражении.

Неприятели вспомнят Кульм, Лейпциг и Париж, а для их магометанских союзников довольно и Кавказа, где до сих пор еще не умолкнул в ущельях отголосок ваших побед. Да благословит вас Бог и поможет вам, вместе с достойными сподвижниками, доказать скорее ослепленной Европе, что святая Русь остается неизменно святою Русью и что русские, несмотря ни на какие опасности и ни на чьи угрозы, не позволят никогда никому прикасаться без наказания к их заветным святы-

ням: церкви, престолу и отечеству».

Извещение, однако же, не состоялось под каким-то предлогом, кажется, в ожидании утверждения. Возвращаясь домой, я заехал к Алексею Петровичу и прочел ему частным образом речь, для него приготовленную.

Вся Москва ликовала, вспоминая избрание Кутузова начальником петербургского ополчения. Купцы в рядах, извозчики с своими седоками толковали об Ермолове и радовались, как будто победа перешла на нашу сторону и враги изгнаны из пределов отечества. Старик был рад, и было чему радоваться. Чуть ли это было не последнее его утешение.

Графиня Растопчина написала к нему стихотворение:

*Народный голос – голос Бога!
Он ныне громко вопиет:
Вставай, Ермолов, Русь зовет,
Тебе знакома ведь дорога.
С единодушным увлеченьем
Тебя назначила молва,
И над московским ополченьем*

Вождем поставила Москва.
Возьми рукой неослабелой
Свой старый меч, французов
страт,
Наш вождь, в покое поседельи,
Помолодеешь ты в боях.
Вставай, честь русского народа
Ее врагам припомяни,
И пусть двенадцатого года
Великие воскреснут дни.
Вставай! Когда по всей России
Известен будет выбор наш,
Шатры восплещут боевые,
Хвалою откликнется шалаш.

Аноним отвечал от имени Алексея Петровича:

Не неизвестного поэта
Читал я добрые слова:
По звукам лестного привета
Вас прямо назовет молва.
Вы помянули год восстанья,
Для нашей славы дивный век,
Когда, услыша глас призывья,
Явился русский человек.
Вы правы! Пусть меня забыли;
Но наш не позабыл народ,
Когда Москву мы хоронили,

*Двенадцатый свершался год.
И ныне чтут мои седины,
В воспоминанье старины
И этой памятной години,
Ее достойные сыны.
Но горделивыми мечтами,
Поверьте, я не увлечен,
Давно я, удручен годами,
От дела битвы удален.
Давно заржавел меч мой бран-
ный,
Ослабла дряхлая рука,
И пир кровавый, пир желанный,
Едва ль по силам старика.*

Скончался император Николай Павлович 1 февраля 1855 года. Ермолов ездил в Петербург присутствовать при его погребении.

Н. Н. рассказывает о беспрестанных, наперекор его старому и тучному телу коленопреклонениях и земных поклонах, во время панихид, о глубоких вздохах и частых слезах, и о нескончаемых хвалебных гимнах в честь покойному, когда, отстояв очередь, он уходил отдыхать в комендантские покои.

За обедом из него так и лился целый поток интереснейших воспоминаний, прямо про-

сившихся в историю, умных наблюдений, анекдотов, острых слов. Духовно он был еще исполнен жизни и огня.

26 сентября 1855 г. (Из записок С.)

«Алексей Петрович дал мне прочесть статью князя Вяземского в «Московских ведомостях» 18 августа 1855 года, и по прочтении начал хвалить князя Вяземского, служившего тогда товарищем министра народного просвещения. С малых лет, вопреки нашим аристократам, он полюбил науку, много учился и сделался одним из лучших литераторов».

Тут мой разговор коснулся и А.С. Норова, министра народного просвещения, его путешествий, его учености. А.П. знал его еще на военном поприще в 1812 году. Норов был тяжело ранен и потому был оставлен в Москве пред самым занятием ее неприятелем; лежал он в Екатерининской больнице, и сам Наполеон принимал участие в его трудном положении.

Другой наш путешественник, весьма ученый, знающий множество языков, живет теперь в совершенной неизвестности, в своем

поместье, и занимается сельским хозяйством – не своим делом. Это Чихачев. Он пешком прошел по Америке, был и в других частях света. Познакомившись с Гумбольдтом, сблизился, был им представлен прусскому королю и несколько раз обедал при тамошнем дворе. Когда снаряжалась известная экспедиция Перовского в Хиву, Чихачев просил позволения участвовать в ней, но ему было отказано. Так он лишен был своей деятельности!

Мать этого Чихачева, женщина преумная и пребойкая, неоднократно говорила Алексею Петровичу: «Разорвала бы тебя в клочки, если бы ты не любил моего Платова».

18 марта 1856 г. (Из записок С.)

«Кабинетное окно завешено темно-синевой материей. На глазах у Алексея Петровича шелковый зонтик. Я спросил его о здоровье. «Плохо, брат, – отвечал он, – вот с 14-го числа страдаю глазами». Он сказал мне, что в глазах его предметы как-то странно дwoятся. «Например, я смотрю на тебя, а вижу двух Саш, у которых вместо головы обои и картины. Вот табакерка, я хочу взять ее, так я непременно

ищу ее здесь. – И он показал пальцем вершка на три от табакерки. – Точно так же и карты, все лезут одна на другую. Да, – прибавил он, – это уже *le commencement de fin*[190]». – При этом он улыбнулся. Я заметил ему это. Он отвечал, что с твердостью и шутливостью встретит свой конец. Мы продолжали разговор на ту же тему. Он все шутил. Говорил, что еще молод (79 лет), что предчувствует, что долго еще проживет на свете. Жалел только, что зрение начинает изменять ему. «Нужно бы покончить кое-что». Я сказал ему, что он может поручить окончание своих дел сыну. Он отвечал, что духовная его лет двадцать как уж сделана, но что есть еще другие дела.

Накануне с ним случилось маленькое происшествие. В продолжение получаса он не мог говорить с желаемым смыслом. «Мысль является, порядок изложения составлен – стану говорить – выходит совсем другое. Не мог никак заставить повиноваться язык».

Он говорил, что память его еще свежа, хотя прежде была еще лучше.

«Я помню, как я еще жил у отца с матерью, у нас была печка оштукатуренная, и на ней

была нарисована Церера с рогом изобилия я. Только штукатурка-то треснула, трещину и замазали глиной. Я помню эту фигуру и направление трещины; а мне было всего только 4½ года». Теперь уж не то. Иногда забывает, что ему прочтешь. Если начнет рассказывать что-нибудь, то забывает название местностей, но минуты чрез три вспомнит».

15 ноября. (Из моих отметок.)

«Свеж и бодр. Рассказывал, как друзья хлопотали не допустить его до государя и заставили дожидаться в толпе, хотя на четыре дня обещано было предупредить о высочайшем прибытии.

Из церкви за золотою решеткой он вышел отдохнуть. Орлов за ним последовал и отыскал ему стул. «Вы делаете меня замечательным человеком, – сказал ему Ермолов, – все станут спрашивать, кто этот старик, перед которым стоит граф Орлов».

Он попенял ему, что не прислал кого-нибудь уведомить его о прибытии государя... «А нас, кажется, под Бородином перевязывали вместе в одной избе».

26 октября 1858 г. (Из моих отметок.)

«Старик еще совершенно свеж, память очень жива. Ноги только отказываются ему служить. Когда Шамиля спросили в Москве, что он желает видеть, он отвечал: «Прежде всего Ермолова».

Шамиль, на верху своего могущества, показывал всегда особенное уважение к имени Ермолова: он велел пощадить аул, где жили его родные, с женской стороны. У князя Барятинского в альбоме есть рисунок, представляющий посещение Ермолова Шамилем.

В 1860 году я собрался осмотреть Кавказ, заехал к Алексею Петровичу. В передней сказали, что он отдыхает. Через час я получил от него следующее собственноручное письмо:

«Отъезжая на Кавказ, почтенный Михаил Петрович сделал одолжение, посетив старожилы страны. Борящийся с болезнью, я отдыхал в это время и не мог принять вас, но, желая чрезвычайно видеть вас, я готов побеседовать с вами о стране, оставившей во мне одни приятные воспоминания. Вы изберите удобное для вас время сегодня или завтра

в продолжение дня. Если возможно по летам моим дожидаться вашего возвращения, из замечаний ваших увижу, исполнятся ли надежды мои процветания великолепного края, при началах вводимого отличного благоразумного управления.

Особенно уважающий
Алексей Ермолов».

Воротившись, я явился тотчас к Алексею Петровичу. Он занимался переписыванием, в большую тетрадь, с большой же тетради собственноручной и во многих местах перечеркнутой. Я побоялся, не исправляет ли и не изменяет ли он прежних своих записок по нынешним обстоятельствам. В этом отношении хорошо поступает Гр. З., что не дает ему записок его, прежде полученных. Кстати, о записках. Я слышал от него давно, что были умышленные вставки врагов, с намерением повредить ему во мнении государя.

В заключение соберу теперь в кучу все остальные разновременные свои отметки, с отзывами о примечательных лицах прошедшего и нынешнего столетия.

Разговор зашел об императрице Екатерине II. Ермолов говорил мне: «Теперь известны две части записок императрицы Екатерины, но была третья. Я читал их в молодости и помню некоторые вещи, которых не нахожу в ныне известных двух частях. Верно они были в третьей»[191]. Подлинные записки Екатерины хранятся в Министерстве иностранных дел. Государь давал их читать некоторым особам, например графу Румянцеву.

Я рассказал Алексею Петровичу кое-что из записок Державина. «Державину нельзя верить, – сказал он, – он был фантазер и не способен к делам».

Не слышится ли здесь отголосок суждений графа Самойлова?

(Императору) Александру Павловичу Ермолов был очень предан, чувствовал себя ему обязанным и говорил при всяком случае о нем с благодарностью. «Александр Павлович любил и баловал меня», – повторял часто со вздохом Алексей Петрович.

«Константин Павлович вытацил меня прежде всех из толпы», – говорил Ермолов и вспоминал о нем с благодарностью. «У вас

много врагов», – сказал он однажды Ермолову. «Я считал их, – отвечал тот, – когда их было много, но теперь их набралось без счету, и я перестал об них думать».

Константин Павлович говаривал Ермолову: «Я вас люблю искренно, и вы меня любите, но с обманцем».

«Зачем являться в белых панталонах, приезжай в таких обедать», – сказал ему Михаил Павлович.

Суворов, по словам Ермолова, не терпел при себе людей способных. Сделаться его адъютантом значило погубить себя в общем мнении. При нем был Б., которого он держал как известного пьяницу и хвастуна, зная, что ему не припишут ничего. «У меня и Розенберг пьет», – говаривал Суворов.

Женщин Суворов любил, и, рассказывая о ретираде Моро, он обыкновенно делал раздражительное движение пальцами и прикасался к грудям слушательницы, потом отскакивал, дул на палец, как бы обжегшись.

Все привычки Суворова сообщаемы были всем, кто садился за его стол. Однажды Каховский стал кусать ногти. Тотчас явился слуга с

рукомойником, полотенцем и лоханкой. Каховский, однако ж, отшутился.

В Италии он вспомнил о Каховском и писал к Растопчину, прося его передать государю его желание. (?) Тот в добрый час прочел письмо. Павел ушел в свой кабинет, справлялся и, воротясь, сказал ему: «Рано». Тем и кончилось.

У Суворова была сестра, очень дурная лицом. Он называл ее красавицей. «Только кожа у нее не так нежна, как моя», – говорил он, а его растресканная кожа была жестче подошвы.

Где-то в Подольской губернии он, прощаясь с солдатами, когда получил увольнение, сказал, что им обязан он всеми почестями и наградами, кои имеет.

Граф Михаил Федорович Каменский был отлично образован, говорил Алексей Петрович. «Мне случилось, бывши полковником, приехать к нему в деревню поздравить его с днем рождения вместе с отцом моим, его товарищем. Мы застали его поверяющим математические выкладки в курсе вышедшем тогда... Ему было уже под 80 лет».

Говоря о войне 1806 года, Каменский сказал:

– Меня заставляли принять начальство над армией, совершенно расстроенною, накануне нападения неприятельского. С 40-летней репутацией, приобретенною такими трудами, расстаться нелегко. Я спрашивал Буксгевдена, может ли он соединить отряды, разбросанные им на ужасное пространство. Я решился лучше принять на себя сумасшествие».

– Действительно, – прибавил Алексей Петрович, – армия была в совершенном расстройстве. Буксгевден привел ее в неудовлетворительное положение. На дивизию Палена, например, французы напали на походе к месту сбора. Каменский с утра расставил из своего конвоя пикеты, где предполагал нападение, если неприятель, сказал он, сумеет воспользоваться своим положением. Так и случилось. Беннигсен сразился, не зная, что Каменский уехал. Сражение под Пултуском было выиграно[192], но нельзя было воспользоваться обстоятельствами. Надо было соединиться. Мы бросили артиллерию, которую, впрочем, и

французы не могли взять, и уже после вырубили ее из льду.

Молодой барон Розен спросил Алексея Петровича о Зубовых.

– Валериан, – отвечал Ермолов, – был гуляка, по тогдашнему обычаю, но молодец. Платон имел отличные способности, очень хорошо образован и до случая своего слыл нелюдимым, говорил прекрасно и знал Россию как нельзя лучше, знал, когда и чем можно действовать на русского человека. В заточении своем он беспрестанно занимался, и я, встретясь с ним в восемнадцатом году, любил пользоваться его беседою.

Приводим еще несколько отзывов и замечток Ермолова:

«Ферзен молодец.

Дерфельден был отличный и храбрый генерал.

Он любил Ермолова, который вступил в службу, кажется, под его начальством в Польскую кампанию. После, когда в 1810 году Ермолов стоял в Киеве, начальствуя четвертым

отделением резервной артиллерии (?), Дерфельден, приезжая на киевские контракты, всегда на прощание крестил его по-русски. Он имел одну дочь, которая была выдана замуж за г. Юзефовича. Павел посылал его в Италию как дядьку при великом князе Константине Павловиче.

Беннигсен был очень стар, но бодр и свежо до последнего времени. Его вместе с князем Цициановым заметила еще Екатерина.

Под Москвою случилось Фигнеру взять в плен ганноверского полковника, старика, которому он взялся показывать дорогу и которого подвел к русским войскам: это был товарищ Беннигсена.

Беннигсен оставил описание всех войн, разумеется без лести Кутузову – это должно быть самое достоверное сочинение.

Во время варшавской резни не случилось ни одного талантливого генерала на нужных местах. Все были в разъездах. Цицианов стоял в Гродно. Он тотчас вывел полк на поле и не потерял ни одного человека. Взял с жителей контрибуцию, которую сохранил в целости. Грабовский двинулся к Минску. Цицианов по-

спешил ему навстречу и остановил его.

Наполеон хоть и называл Кутузова старою лисицей, но не встревожился его назначением. А в 1806 году при назначении Каменского он издал приказ быть осторожнее. Беннигсен мог также причинить ему беспокойство.

Чичагов был человек умный, но язвительный».

Беседы Ермолова, записанные господином С. без обозначения времени

Один таможенный чиновник на Кавказе, подвергнувшийся нападкам со стороны начальства, был обревизован. При ревизии находился депутат со стороны Ермолова как главнокомандующего. Обвинений нашли довольно, но неосновательных, по проискам; определили, что чиновника нужно исключить из должности. Решение министра финансов чрез начальника отделения было проведено на рассмотрение Ермолову, который, рассмотревши, сам отправился к начальнику отделения (тайный советник). Тот пото-

ропился узнать его мнение. «Кроме великодушия, – начал Ермолов, – я ничего здесь не вижу, ибо не упомянуто о важнейшем, по моему мнению, преступлении: о том, что означенный чиновник ест по середам мясо». И чиновник остался на своем месте.

Путешественница англичанка, родная племянница герцога Веллингтона, была отлично принята на Кавказе Ермоловым. Она объявила свое намерение навестить приятельницу, которая уже девять лет живет в Абиссинии. Мазарович снабдил ее рекомендательными письмами в Персию. Когда в 1821 году Алексей Петрович был в Петербурге, жена тогдашнего английского посланника, красавица собой, искала с ним личного знакомства, чтоб благодарить его за ласковый прием на Кавказе путешественницы, ее родственницы.

Мазарович, родом далмат, бывший в Константинополе, сблизился и сдружился с графом Каподистрией, Алексей Петрович тоже познакомился с графом и считал за честь это знакомство. Впоследствии, когда Каподистрия сделался президентом Греции, а Ермолов жил уже на Кавказе, Каподистрия спра-

шивал у Мазаровича: «А что делает теперь наш Алексей Петрович?» Каподистрия писал ему письма, и писал не *cher general*, а каким-то особенным дружеским словом, подчеркнутым, которое, к сожалению, я не слышал у Алексея Петровича.

Когда Ермолов был послом в Персии, он принужден был ездить по песчаным пустыням и с немалою радостью отдыхал по нескольку дней в оазисах. Приехавши в Тавриз, с большою своею свитой, прекрасными молодыми людьми, он встретился там с английскою миссией. Тавризской английской миссии Алексей Петрович дал роскошный обед и в заключение «порядочно накатил» своих гостей. Разумеется, многие из них были под столом. Адъютанту Муравьеву, как отлично знавшему английский язык, поручено было угощать до тех пор, пока не останется ни одного гостя. Наконец Муравьев проводил за ворота последнего англичанина, столь твердого на ногах, что он боялся отойти от стены; при прощании они пожали друг другу руку, и при словах, которых нельзя было разобрать, но которые, вероятно, были: «good bye», с ан-

гличанином сделалось дурно.

Через день англичане ответили подобным же угощением. Алексея Петровича тут не было. Те же сцены, с прибавлением концерта из русских и английских песен, повторились и здесь. При расставании, это было ночью, англичане снабдили наших провожатыми фонарями. Как-то незаметно для самих себя, в лабиринте узких улиц, наша свита разделась на две части. Никто и не подозревал этого. Обе партии кружились, кружились, наконец, к общему удовольствию, встретились.

Алексей Петрович первый испросил у шаха позволение завести постоянную русскую миссию в Персии. До него были только консулы в прибрежном каспийском городе.

Сергей Николаевич Вельяминов, главнокомандующий на Кавказе, отличался роскошью жизни, доходившей до чрезвычайных размеров. Разные покупки, огромный погреб, большое жалованье (60 т.).

Мелкое племя, жившее в горах, принуждено было изъявить свою покорность России. К Алексею Петровичу явился старшина этого племени, человек с проседью и пожилых лет,

и просил извинения, что явился он, а не *отец* его. «А сколько вам лет?» – спросил Алексей Петрович. «Восемьдесят четыре».

Некто Джафар-бек, 106 лет от роду, делал каждую неделю 160 верст верхом. Здоровье его было прекрасное, и верховая езда была его любимым занятием.

Джамал-бек, знатный горец, жил в ауле (впоследствии крепость Евгениевская). Когда нужно было нашему отряду проходить чрез этот аул, тогда неприятельский, Алексей Петрович вызвал Джамал-бека. «Смотри, Джамал, – сказал он, – я знаю, ты богат, имеешь большие связи в ауле, всеми уважаем, так ты угощай почаще своих соотечественников, имей большое влияние на них, и когда мы будем подходить к аулу, то чтобы не было ни одного выстрела, в противном случае не останется и следа этого аула». Не нужно прибавлять, что все было в точности исполнено. Вот каково было влияние этого главнокомандующего! Впоследствии, при Головине, этот аул был взят штурмом, разорен, сожжен, огромнейшие сады его истреблены, и жители его сосланы в Сибирь. В числе их был и Джа-

мал-бек. Алексей Петрович часто выражал неудовольствие на такой поступок. Джамал-бек был возвращен, но, лишенный всего имущества, которое было конфисковано, принужден был скитаться по родным и знакомым; аул был еще осаждаем до Алексея Петровича, и русские потеряли тут одну пушку.

В поход Наполеона I на Россию французской армии были розданы ручные словари для разговора с нашим простым народом. Они зашили их в обшлагах шинелей, вероятно, чтобы не лезть в карман за словом. Естественно, большая часть досталась русским, вместе с их владельцами. И какого же смеху наделали они тогда у нас: например, солдату нужно есть, он говорит: «Господин мужик, я *алкаю* (*gosrodine mousik, ja alkaju*); когда же нужно пить, он говорит сначала так же «господин мужик», а потом – «я жажду». Разумеется, наш мужик, вытаращив глаза и ничего не понимая, стоял пред непрошеным гостем. Тогда француз прибегал к более действительным мерам: кричал, грозил и показывал на свой рот; это уже было гораздо понятнее всяких объяснений.

Если французу показалось, что, благодаря его вооружению, господин мужик оказывает ему всевозможное гостеприимство, он думал, что тот признает над собою власть чужеземца, и заставлял его повторять за собою, конечно руководствуясь знаменитым словарем: «Виват император, российский, французский, наполеонский» («Vive Napoleon, empereur russe, frangais»).

В свою очередь и наши солдаты, пришедши во Францию, руководствовались подобными словарями, только на русском языке. Например: «Мадам, дю вен!» Та подает ему кружку, он выпивает. «Анкор дю вен», – говорит он, подавая снова кружку; кружка наполняется и опоражняется. «Боку дю вен», – повторяет он, требуя третьей порции. Точно так же и с едою. «Мадам, дю пен!»; ему подают, он ест. «Анкор дю пен!», он съест и это. «Боку дю пен», и третья порция съедается. Если он сыт, благодарит, если же не сыт, то опять возобновляет свои требования по порядку.

Один французский офицер, попавшийся в плен, человек ученый и образованный, вздумал от нечего делать изучать русский язык.

Он попросил одного нашего офицера перевести ему французские стихи; на беду, офицер был проказник в высшей степени. Он перевел ему стихи не по смыслу, а по звукам. *Ma race* значило «матрос», *lajoie embrassa la felicite* – «в жар бросал вафли с сытой»; *je revee* – «жид ревел» и т. п. и уверил француза, что это буквальный перевод. Француз был в восторге, чуть не расцеловал переводчика за то, что тот открыл ему, как французский и русский языки близки между собою и по смыслу, и по произношению.

Подобным образом учили в старину и в кадетских корпусах, разумеется в младшем классе. Например, *Le soldat romaun* переводили «румяный солдат», *avgutieprotegeait* — «август протянул».

Ф. Вендармини. Портрет Г.А. Потемкина

При Очакове, Бородино и Ленкоране такая страшная была резня, что некоторые полки выводились из сражения уже капитанами: полковые и батальонные командиры были все перебиты.

Как несправедливо потомство заклеяло

славное имя Потемкина эпитетом фаворита Екатерины! Это был один из гениальных людей, как на военном, так и на гражданском поприще. И такому человеку только один памятник, и то в глуши и воздвигнутый добровольным приношением жителей облагоде-

тельствовавшего им края, без содействия казны!

Во время Турецкой войны, видя нужду во флоте на Черном море, он пригласил к себе двух адмиралов, русского и английского. Каждый из них предлагал свои планы, свои мнения; между ними, несмотря на присутствие Потемкина, завязался жаркий спор. Фельдмаршал, раскладывая по обыкновению на столе драгоценные камни и выкладывая из них различные фигуры и планы, как бы небрежно слушал их доводы и только старался их более разжечь. Увлеченные спором и важным соперничеством пред глазами Потемкина, они искали решительной победы друг над другом и потому высказывали самые сокровенные мысли. Этих-то мыслей фельдмаршал и добивался.

Через несколько времени Потемкин, не имея специальных познаний в морском деле, собственноручно написал положение о будущем флоте. И по этому положению в короткое время родился наш Черноморский флот, бывший вскоре карою Турецкого при Чесме.

Король Виртембергский, брат императри-

цы Марии Феодоровны, отличался великоле-
пием и рассудительностью в управлении.
Алексей Петрович знал его в Отечественную
войну. Когда Наполеон стоял на Рейне, а рус-
ские были во Франкфурте, то туда съехались
все германские короли, герцоги, принцы, ни
на один двор не был пышнее и изящнее двора
виртембергского. Наш был хорош, а все-таки
уступал ему. Король тщательно занимался го-
сударственными делами и в то же время сво-
ими собственными поместьями. Ежедневно
ему подавались отчеты в доходах и расходах
по имениям, и он знал, сколько у него отвози-
лось каждый день на рынок яиц и молока.
Наполеон I сказал однажды про него и его го-
сударство: «Есть король, но нет королевства»;
а про баварского: «Есть королевство, но нет
короля»: тогдашний король был недалекого
ума. При всех прекрасных свойствах король
Виртембергский был до безобразия толст; ко-
гда он сидел, то его живот лежал на коленях,
и в его столе сделана была полукруглая выем-
ка. Если король сидел в кабинете и был занят,
то всякое малейшее нарушение тишины, да-
же самый кашель в соседней комнате, был

поводом к заключению в крепость нарушителя; а уже тут не обращалось внимания на лицо: все равно, будет ли то камердинер или генерал-адъютант.

Однажды, при разговоре о славе, об аристократии, Алексей Петрович сказал: «Аристократами можно назвать только потомков удельных князей, а все прочие аристократы не аристократы. И я благодарю Бога, что я не граф, не князь, а просто Алексей Петрович и под этим именем известен всей России».

В 1821 году Ермолов в первый раз был в Петербурге в именины государя Александра Павловича. Ему было тогда 44 года. При поздравлении все почетные лица находились вместе в одной зале, как обыкновенно. К ним выходил государь, разумеется на короткое время. После того гости разъезжались. В кабинет же призывались в подобные дни только двое: министр полиции (отмененная после должность) для доклада о важнейших событиях в империи и главнокомандующий столицы (нынешний генерал-губернатор: в 1821 году эту должность занимал Милорадович) для доклада о благосостоянии столицы. Кро-

ме этих двух лиц, никто более не призывался в кабинет. Когда гости поздравили государя с торжественным днем (30 августа) и когда государь возвращался в кабинет, позваны были туда министр и губернатор столицы. Через несколько времени камергер подходит к Алексею Петровичу и говорит, что государь желает его видеть. Там государь сказал ему: «Знаю, Алексей Петрович, ты в мои именины в первый раз в Петербурге». Этим дело и кончилось.

На другой день министр двора передал Ермолову намерение государя дать ему аренду. Алексей Петрович отказался представлять, что это была бы незаслуженная награда, так как был еще не преклонных лет, не был нездоров или ранен, не был обременен ни семейством, ни особыми обстоятельствами. Он говорит, что может довольствоваться и одним жалованьем, что не желает от государя ничего более как только справедливости и относительно этого безмерно благодарен ему за прошедшее. Такой бескорыстный ответ привел в удивление министра двора. Министр представил ему, что если уже утверждён госу-

дарем проект аренды, то неловко будет просить государя об уничтожении подписи. Тогда Ермолов высказал свои желанья в форменном письме министру двора и просил довести его до сведения государя. Спустя четыре дня снова собрались во дворце почетные особы для поздравления государыни. Это был день ее ангела. Церемония та же самая. Государь позвал к себе Ермолова: «Ты не хочешь принять аренды?» Алексей Петрович повторил то, что писал министру двора. Государь выразил свое удивление. Рассказывая об этом, Алексей Петрович прибавил: «Я поступил бы так и в последующие царствования». Ермолов говорил государю обо всем, нисколько не стесняясь, но помня при этом, что подданный говорит с государем. Подобных доверенных особ было только двое: он да граф Толстой. Про графа Толстого государь сказал однажды Алексею Петровичу: «Знаешь, как он со мной говорит? „Ваше величество, извольте слушать, что я буду говорить!“»

За то же самое был он любим и уважаем великими князьями Константином Павловичем и Михаилом Павловичем. Великий князь

Константин Павлович писал ему письма; письма эти разобрать не было возможности. Алексей Петрович напоминал ему иногда об этом. Раз они увиделись месяца четыре спустя после его последнего письма к Ермолову. «Ну что, ты разобрал мои письма?» – спросил великий князь. Алексей Петрович отвечал, что в иных местах попытка удалась, а в других нужно было совершенно отказаться от нее. «Так принеси их, я прочту тебе». И не мог разобрать сам. Константин Павлович особенно любил Ермолова за то, что он, несмотря на близость, всегда помнил великое расстояние между собою и великим князем и не забывал этого даже в дружеских беседах. Это было тем резче, что некоторые особы, обласканные великим князем, забывались и уважение переменили на фамильярность.

Ибрагим-паша, сын Мегмета-Али, известный египетский бунтовщик, оказал в свое время важную услугу христианству. Занявши Сирию, он обратил внимание на Иерусалим. До него Иерусалимский храм был в весьма плачевном состоянии: посреди храма была устроена турецкая кофейня; здесь жарили, ва-

рили, и дым и копоть постоянно закрывали великолепные украшения; в верхнем этаже, где находятся приделы всех христианских наций, окна были заложены, и таким образом служба постоянно происходила только при свете лампад. Кругом же храма, тесным рядом были расположены городские отхожие места: едкое зловоние распространялось как вне, так и внутри храма храмов. Ибрагим-паша, несмотря на свое мусульманство, при первом же посещении храма велел разом уничтожить все эти мерзости.

Нечто об Алексее Петровиче Ермолове[193]

Ермолов поступил в службу при Екатерине II, находился в Персидской кампании, под предводительством Валериана Александровича Зубова, в отряде Сергея Алексеевича Булгакова – капитаном артиллерии.

При Екатерине малолетние дворяне записывались в гвардию, из гвардии переводились, или, по тогдашнему сказать, выпускались в армию капитанами, а потому легко было молодому дворянину получить капи-

танский чин.

Когда Бакунина командировали с батальоном в горы, Алексей Петрович просился в этот батальон; Булгаков ему отвечал: «Погоди, Алексей Петрович, тебе еще будет время».

Действительно, слова Сергея Алексеевича сбылись. Провидение сохранило Алексея Петровича. Батальон Бакунина весь был в горах окружен и вырезан лезгинами.

Вступление на престол императора Павла не было благоприятно Алексею Петровичу: он был арестован и содержался в Петропавловской крепости. С воцарением Александра I все заключенные были освобождены, в том числе и Алексей Петрович. При выходе из каземата он написал над дверями: «Сей дом от постоя освобожден». Доложили государю. Император Александр велел надписать: «Навсегда».

Когда Кутузов ретировался от Наполеона и под Кремсом, при переправе через Дунай, разбил отдельный корпус французов, то в этом деле в первый раз отличился Алексей Петрович, командуя артиллерийскою ротой; затем последовало Аустерлицкое сражение, в реля-

ции о котором не упоминается имя Алексея Петровича. Известно только, что впоследствии, когда граф Аракчеев осматривал его роту и делал выговор Алексею Петровичу, что лошади у него худы, на замечание Аракчеева Ермолов отвечал: «По службе наша участь, ваше сиятельство, часто зависит от скотов».

После такового ответа немудрено, что некоторое время граф не благоволил к Алексею Петровичу, но потом, вероятно уже после войны двенадцатого года, когда они встретились во дворце, у лестницы, уставленной лавровыми деревьями, граф сказал: «Ступайте вперед, вам, а не мне, следует восходить между лаврами на высоту».

В одно время, когда преследовали французов, фельдмаршал, окруженный своим штабом, смотрел на войска; в это время мимо его пронесся Алексей Петрович на своем боевом коне. Тогда Кутузов, обратясь к окружающим его и указывая на Ермолова, сказал: «Еще этому орлу я полету не даю».

Когда русские и прусские войска под Бауценом были разбиты, тогда Ермолов, присутствием своим, хотя не был главнокомандую-

щим армией, умел остановить преследующих и чрез то дал возможность отступающим корпусам устроиться в надлежащий порядок.

В Париже, когда русские, вместе с торжествующими союзниками, принялись веселиться и проматывать выданное им в то время жалованье, Алексей Петрович умел воспользоваться случаем для приобретения всего для себя нужного; посещал библиотеки, архивы, музеи – одним словом, для себя и своего отечества умел употребить и отдых в пользу.

Говоря об умственных трудах Алексея Петровича в Париже, кстати упомяну об изданной им книге под названием «Размышляющий человек», которая даже находилась в моей библиотеке, но теперь у меня не под руками. Хотя она и без имени автора, но все в то время утверждали, что ее написал Алексей Петрович. Второе его произведение, известное мне, есть его описание путешествия в Персию, куда он был послан. Вероятно, есть и другие произведения его пера, в которых скромный автор не хотел означить своего имени. Знаю также, что в последние годы Алексей Петрович деятельно занимался опи-

санием своей жизни или чего-то другого.

Война с французами кончилась. Алексей Петрович был назначен главнокомандующим в Грузию, наместо Ртищева. О военных его подвигах говорить нечего: об них знает вся Россия; но нельзя не упомянуть о Казн-Мулле, распространителе, в горах во всей Чечне, ложного учения, вывезенного им из Бухарин, произведшем ужаснейший фанатизм во всем Дагестане и отличавшемся особенно ненавистью к русским и вообще к христианам. Алексей Петрович был так счастлив, что Казн-Мулла был убит в одном из его набегов и с тем вместе распространение учения его было приостановлено. Имя Ермолова прогремело по всем горам, так что и в нынешнее время лезгинки и чеченки страшат своих детей именем Ермолова.

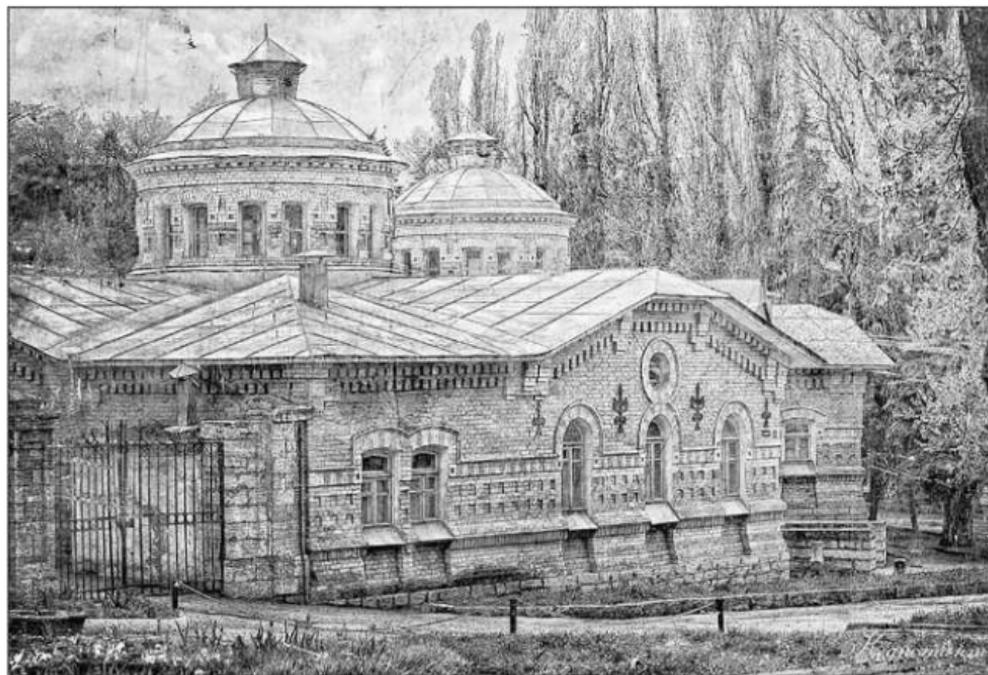
Двадцать лет спустя после того, когда Шамилю хотели показать Москву и опросили, что он прежде всего хочет видеть, — он отвечал: «Покажите мне Ермолова».

При вступлении Алексея Петровича в управление Кавказским краем очень немного было войск в Грузии и на Кавказской линии.

Французская война привлекла к себе все силы России. Войска, возвращавшиеся после войны, для отдыха располагались в Польше. Казна была также истощена. По представлению Алексея Петровича жители Кавказской области были обращены в казаки и избавлены от рекрутской и подушной повинности; чрез это умножилось войско. Административными средствами прибавились доходы Грузии, руками солдат построены два укрепления: Грозное и Бурное, которые впоследствии послужили основанием Суджинской линии; руками же солдат выстроен Пятигорск, у самых минеральных вод. В 2 верстах от оных была обветшалая Константигорская крепость. Приезжающие на горячие воды должны были квартировать в крепости и каждый день два раза ездить на воды, а за продовольствием посылать в Георгиевск, за 30 верст. Кто же, за неимением лошадей, ездить на воды не мог, а все-таки хотел пользоваться водами, тот должен был привозить с собой палатку или строить сарай подле вод и помещаться в оном. Выход на гору к колодцам был очень затруднителен.

Алексей Петрович жителей Константигорской крепости переселил к самым водам, что и послужило основанием Пятигорска. Георгиевск, тогдашний губернский город, также был на невыгодном месте, его даже прозвали кладбищем коллежских асессоров. Тогда для получения без экзамена чина коллежского асессора многие отправлялись на службу в Георгиевск. По представлению Алексея Петровича Ставрополь сделан губернским городом, а Георгиевск уездным. Это переименование было причиной, что большая часть торгового класса переселилась в Пятигорск, находя существенную выгоду в распродаже своих товаров, во время курса, посетителям. Для поддержания возникающего города из Сарепты вызваны колонисты и расселены в недалеком расстоянии от города. Существовавшая же тогда шотландская колония миссионеров, назначавшаяся для проповеди христианства и распространения между горцами Библии, но которая во все время своего существования обратила только одного горца, а занималась более передачею известий в Англию, или, правильнее сказать, шпионством, была при-

ведена в такое положение, что шотландцы сами пожелали возвратиться в Англию.

Ермоловские ванны

Шотландская колония сохранила это название, но только в ней поселились уже немцы.

Тысячи посетителей в продолжение всего этого времени были на водах и видели Пятигорск, следовательно, мне его описывать нечего. Упомяну только, что сделал Алексей

Петрович. Он отрубил половину горы, планировал место, на котором выстроил Елизаветинские ванны, перед ними разбил цветники, над ними построил Ермоловские ванны, а за цветниками протянул бульвар, подобный Невскому проспекту тогдашнего времени.

Взорвал скалы порохом и провел дорогу, а за Пятигорском насадил сад, с персиками, абрикосами, сливами и прочими деревьями тамошнего климата.

Для посещения царской фамилии выстроил прекрасной архитектуры дом, обращенный ныне в гостиницу. Устройство всего этого было препоручено генералу Павлову, и все построенное было произведено одною арестантскою ротой с малыми издержками для казны и без всякого отягощения жителей. Слава и честь бескорыстию генерала Павлова!

Для пользы города и для развлечения посетителей в то время, когда начинается курс, учреждена ярмарка, на ярмарке часто продавались табуны лошадей, взятые за баранту или отбитые у черкес. Таким образом уничтожился завод Трама и другие заводы, которых

названия теперь не припомню. Алексей Петрович имел, по его словам, в виду довести черкес до того, чтобы каждый казак на своей лошади мог свободно нагонять кабардинца. Если бы теперь кто захотел иметь породистых горских лошадей, тот должен искать их на Дону, а в горах их нет.

В царствование Александра I устраивались военные поселения, на которые очень роптали. Алексей Петрович хотел показать примером, что можно устраивать поселения так, чтобы государству они были полезны, а поселенцы были бы своей судьбой довольны. Он из своего корпуса отобрал всех женатых солдат, составил из них батальон и поселил в Кисловодске; батальон был нужен для охраны минеральных вод. Женатому солдату переходить с места на место было весьма невыгодно. Поселенцы были рады составить гарнизон и оставаться на месте; притом они были наделены землей, завели огороды, все свои произрастания продавали дорогою ценой посетителям, а посетители, нуждаясь в продовольствии, были очень довольны, что хотя дорогонько, но могут купить все, что им

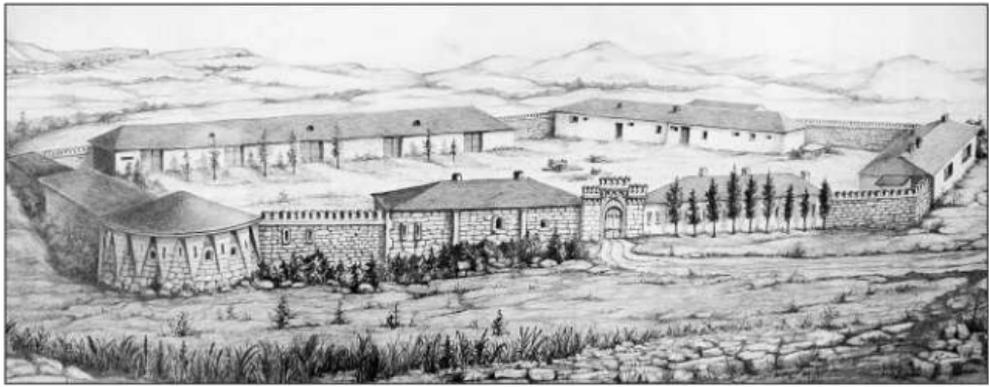
нужно.

Управление поселением зависело от коменданта; под его руководством солдаты развели табуны лошадей; рогатого скота также было довольно. Масло, молоко – все это потреблялось посетителями; а главное, успокаивало их то, что они могли нанимать у солдат квартиры, платя от 80 до 120 рублей ассигнациями. Солдату за свою избу или пристройку получить такую плату весьма было выгодно, а потому в короткое время они начали богатеть, жены их и дочери принарядились, и мальчики поступили в школу.

Надобно было видеть, чем был Кисловодск до Алексея Петровича. В 1808 и 1809 годах весь Кисловодск состоял из земляной развалившейся крепости, с четырьмя заржавленными чугунными пушками, с домиком в четыре комнаты для коменданта и казармой для солдат.

Кисловодская крепость, XIX в.

Больные, приезжавшие пользоваться нарзаном, занимали долину подле источника, оплетенного полусгнившим плетнем, а купа-

лись в выкопанной яме; жили же кто в своих экипажах, кто в сделанных наскоро шалашах. Первым делом Алексея Петровича было выписать калмыцкие кибитки для помещения больных, а на другой год уже привезены были, как говорят, из Астрахани домики. Через отдачу их внаймы посетителям на весь курс, в два или три года, постройка домиков окупилась, и они стали приносить доход управлению минеральных вод. Выстроилась деревянная гостиница, в ней был открыт общий стол, за умеренную цену; в ее зале давались балы и посетители танцевали при звуках музыки, игравшей на хорах.

Гостиница выстроена на горе, под нею прекрасный грот, она окружена садом для прогулки больных; сад простирается на версту,

по берегу быстрой речки, падающей в некоторых местах водопадами. В начале сада, у колодезя, были уже построены небольшие ванны.

Так действовал Алексей Петрович по сторону Кавказа. Перейдем в Закавказье. Единственная дорога, которая соединяла Грузию с Россией, проходила через Владикавказ; снежные завалы и крутизны гор так затрудняли сообщение, что даже и на телеге, или арбе, не всегда можно было проехать; притом рота и пушка, а иногда и две роты должны были конвоировать транспорты и почты. При Алексее Петровиче дорога была расширена, сделаны объезды неудобных спусков и подъемов на горы. Окрестные горцы усмирены, а некоторые переселены. Владикавказ преобразился в порядочный городок; переселенцы из разных мест умножили его народонаселение. Тифлис, столица Грузии и всего Закавказья, находился в очень невыгодном положении, боязнь от набегов неприятелей вынудила жителей стеснить свои жилища под выстрелами крепости. Беспорядочная постройка домов, кривые и узкие улицы; вонь и духота от жар-

кого климата и от нечистот, гниющих на улицах, превращавшихся в пыль во время жаров и в грязь от дождей, – все это для европейца делало Тифлис отвратительным. Алексей Петрович решил положить основание новому городу, постройку его на горе

начал с казенных строений, главный штаб, арсенал были скоро построены, потом раздавались места под дома полковым командирам, с позволением употребить в работу солдат командуемых ими полков. Глядя на новые дома, и прочие жители, в старом городе, расположенном под горою, нашли удобным, для избежания стеснения и гнилого воздуха, выселяться на гору. Таким образом выстроилась прекрасная улица, под названием Ермоловского проспекта, которая теперь переименована в Головинский проспект.

Мастеровых было очень мало в Тифлисе; распоряжением начальства этот недостаток был отвращен таким образом: по случаю голода в Виртембергском королевстве император Александр I согласился на переселение сектаторов, очень беспокойных, волновавших Виртембергское королевство. Сектаторы

эти полагали, что пришествие Иисуса Христа на землю уже приближается и что они должны идти встречать Спасителя чрез Грузию; таково их было намерение, когда они прибыли в Тифлис. Алексей Петрович, не разуверая их, сделал предложение, чтоб они, выбрав из себя доверенных людей, отправили их в Персию и Турцию для удостоверения, началось ли пришествие Спасителя. Избранники отправились и, претерпевая различные мучения и бедствия, воротились с известием, что о пришествии Спасителя они там ничего не слышали, что даже имя Христово с неуважением произносится и христиане в гонении и презрении.

Тогда виртемберцам было предложено, что так как они люди мастеровые, а не земледельцы, то им лучше поселиться в Тифлисе и на месте ожидать пришествие Спасителя. Таким образом поселилась колония подле Тифлиса. Немцы побожились мало-помалу, оставили свои заблуждения и вот уже несколько лет тому назад как присоединились к реформатскому вероисповеданию.

Сальянские рыбные промыслы на Буре от-

давались за очень умеренную цену. Алексей Петрович возвысил откупную сумму; самую Куру, омывающую Тифлис, старался также сделать судоходною. Обращал также внимание на шелководство; под управлением Каствелы учредилась компания и много других предприятий, которые, по удалении Алексея Петровича, остановились в своем зародыше, а компания со смертью Каствелы совершенно рушилась.

Причина удаления Алексея Петровича, как говорили, произошла оттого, что он желал дипломатическими переговорами принудить Персию уступить России Тальшинское ханство. Вследствие такого требования произошло охлаждение между тегеранским и русским дворами, а потом началась война. Между тем последовала кончина

Александра I; взгляд правительства на начинающуюся войну переменился.

В помощь Алексею Петровичу, вместо требуемых им войск, был прислан Паскевич. Нелегко показалось Ермолову, в его лета и в его звании, руководствоваться указаниями Паскевича. Он писал к министру, что два мед-

ведя в одной берлоге не уживутся. Но дабы отклонить от себя всю ответственность, он поручал армию Паскевичу, а сам остался в Тифлисе. Паскевич разбил персиян, и это значительно возвысило его в глазах подчиненных.

Многие, желая подслужиться Паскевичу, распустили слух, что Алексей Петрович из трусости оставался в Тифлисе. Таким образом явилось две партии; одна защищала, другая обвиняла Алексея Петровича. Для примирения их был прислан Дибич. Дело кончилось тем, что Ермолов подал просьбу об отставке «по вольности дворянства». Замечательно, что с тех пор просьбы об отставке «по вольности дворянства» уже не подаются. Отставка была принята.

К этому же времени принадлежит поговорка Алексея Петровича: «На Иванах далеко не уедешь». Некоторые подразумевали под именем Иванов Паскевича и Дибича, которые оба именовались Иванами.

Продав свое имение в казну, Алексей Петрович стал жить в Москве, выстроил два каменных дома, которые потом продал; бывал в

Благородном собрании, одевшись в черный фрак без всяких украшений. Присутствие его невольным образом обратило внимание публики, стали расспрашивать: «Как это такой генерал в черном фраке?» Все собрание, оставя танцы, ходило вокруг него и не могло на него налюбоваться: молодец был Алексей Петрович!

Быть может, эта молва или что другое было причиною, что, когда в проезд государя через Москву Ермолов должен был явиться к монарху, он явился к нему без эполет. «Ваше величество! Отставным эполеты не положены, а я в отставке». Государь, одни говорят, – снял с себя, другие – спросил эполеты и надел на него.

Вступив вновь на службу, или, лучше сказать, числясь на службе, Алексей Петрович не имел особенно важных препоручений, а может быть, даже уклонялся от них.

Рассказывают, что, осматривая однажды военные поселения, стоя на балконе вместе с государем и смотря на местоположение, Ермолов на вопрос, как все это ему нравится, отвечал: «Все хорошо, только *вид* не хорош».

Граф *Витте*, начальник поселений, стоял тут же.

Следовало бы поговорить о характере Алексея Петровича и его кончине, но я не так был близок к нему, чтобы мог сообщить полное об оном известие, а потому предоставляю будущему биографу дополнить мною недосказанное. Заключу тем, что остроты и образ выражения Алексея Петровича много повредили ему как на службе, так и в обществе.

Кому не известны насмешки его над немцами, а немцы не терпят эпиграмм.

Скажу несколько слов о друзьях и врагах Ермолова.

Все служившие под его начальством, от солдата до генерала, были преданы ему неограниченно и безусловно.

Из числа людей, отдававших ему полную справедливость, назовем: Каподистрию, Любецкого, Канкринна, Дибича, Беннигсена, Багратиона.

Врагами были: Барклай, Витгенштейн, а после Чернышев, Бенкендорф, Паскевич, Несельрод, Васильчиков.

Ермолов всегда был в глазах публики не

столько обыкновенным смертным, сколько популяризированной идеей. Когда в верхних слоях уже давно разочаровались на его счет или, по крайней мере, старались всех уверить в этом разочаровании, масса все еще продолжала видеть в нем великого человека и поклоняться под его именем какому-то полумифическому, самую его созданному идеалу. Не проходило ни одного случая, где общественное мнение не выражалось бы в этом смысле чрезвычайно явственно. Так, например, осенью 1844 года при возвращении из-за границы через Петербург тогдашнего новороссийского генерал-губернатора графа Воронцова, тоже пользовавшегося расположением публики, в Английском клубе задумали дать ему обед; но когда все приготовления были сделаны и сам граф уже принял приглашение, вдруг вспомнили, что у него есть в Петербурге собственный дом, а законы клуба запрещают приглашать *гостями* местных домовладельцев. Итак, чтобы поправить ошибку, положили поднести Воронцову билет на звание почетного члена; но при этом все стали говорить: «Нельзя же выбрать почетным членом

Воронцова, не сделав, по крайней мере, того же самого для Ермолова».

И вот Ермолов, давно сошедший с политической сцены, далекий от всякого влияния и связей, уединенно доживающий свой век в Москве, вдруг единогласно выбирается в почетные члены петербургского Английского клуба, как какое-нибудь яркое современное светило!

«Я уже очень давно знаком с Алексеем Петровичем, – рассказывал великий князь Михаил Павлович однажды вечером зимой в 1844 году, – и люблю его, как доброго приятеля и необыкновенно умного человека, но не слеп к его недостаткам. Между ними я в первом ряду ставлю его склонность к интриге и еще другую слабость – его прежнее панибратство с молодыми офицерами, посредством которых он старался приобрести и действительно приобрел себе такую огромную популярность. Судьбы его теперь, разумеется, навсегда окончены; но я уверен, что назначение его снова на Кавказ принесло бы, и в настоящую даже минуту, все еще большую пользу, по крайней мере по моральному своему влиянию. Ермо-

лов так умел заставить и бояться, и любить себя, что слава его, несмотря на прошедшие с тех пор восемнадцать лет, продолжает жить с прежнею силой между горским населением. У меня в артиллерийском училище были три его сына, и из них один, по выпуске в офицеры, был нынче за Кавказом. Представьте, только что проведали, что едет сын Ермолова, народ стал отовсюду сбегаться на почтовую дорогу и встречать его на станциях торжественными приветствиями».

Кто-то заметил, что Ермолов все еще продолжает пользоваться большою популярностью и внутри России. «Думаю, – возразил великий князь, – что теперь гораздо менее, чем прежде. Он сам уронил себя в общем мнении, а в мнении высшего круга – поведением своим в Государственном совете и особенно известным неосторожным письмом своим, в котором уже слишком перехитрил. Когда его сменили Паскевичем, тогда голос публики был решительно в его пользу. После такого торжества, говорю, Ермолову оставалось жить и умереть на лаврах, уже не доискиваясь ничего нового».

Впрочем, и в звании рядового члена совета он мог, при своем уме и своей опытности, поставить себя на виду и поддержать свою прежнюю репутацию, хоть бы, пожалуй, особыми мнениями, *sans etre pour cela un frondeur*[194]. Вместо того он стал в совете не только молчать, но и просто спать, уверяя, что ничего не понимает в наших делах, что не может давать голоса по таким вопросам, которых не разумеет и пр., все с какими-то *arriere-pensees*[195], а наконец проделки свои заключил этим худо обдуманном письмом. Я очень помню, как на другой день после того он приехал мне рассказать все это, и я, именно на том самом месте, на котором вы теперь сидите, вымыл ему голову за его пересоленный поступок; но уже было поздно. Нынче, не находясь ни в действительной службе, потому что, с званием члена совета, числится в бессрочном отпуску, ни в прямой отставке, потому что принужден носить эполеты, он принялся, но тоже уже поздно, разыгрывать роль Цинцинната. Изредка только показываясь в Москве и сажая постоянно капусту в своей подмосковной, где и я у него был, он

устроил себе там кабинет между оранжереей и библиотекой, меблировал его, с обыкновенною своею оригинальностью, самую лубочную мебелью; и знаете ли, чем весь день занимается? Переплетением своих книг! Он, говорят, сделался в этом деле таким искусником, что никакой цеховой переплетчик его не перещеголяет...

Если Ермолов имел в свое время немало почитателей и поклонников и если вообще немногие на нашем веку пользовались такою популярностью, то было у него, однако же, и множество врагов, и враги сильные, которых неприязнь началась гораздо прежде, чем он впал в немилость. В главе их стоял человек, никогда не соразмерявший свои чувства с придворным термометром, известный всем своим благородным прямодушием, всегдашний рыцарь правды и чести князь Иларион Васильевич Васильчиков. Он едва ли ненавидел кого-либо в такой степени, как Ермолова. Имелись ли к тому какие-нибудь особенные причины, может быть еще за время, когда они служили вместе в рядах войск, неизвестно; но при одном имени Ермолова добрей-

ший человек совершенно выходил из своего незлобивого характера.

Вот отзывы и анекдоты, которые случилось в разное время слышать от графа Васильчикова, назначенного председателем Государственного совета после смерти графа Новосильцева, в апреле 1838 года.

«Популярностью своей Ермолов обязан наиболее короткому, фамильярному обращению с молодыми офицерами, которые, польщенные его дружественным тоном, первые сделались творцами его репутации и славы. Впрочем, эта популярность уже давно тлеет под пеплом, и потому, чтоб снова ее раздуть, хитрый честолюбец, видя, что в нынешнее царствование (то есть императора Николая) замыслы его на власть и влияние худо удаются, старается хоть заставить как-нибудь о себе говорить.

В разгаре Персидской кампании, когда стратегические его операции шли очень плохо и ни в чем не было успеха, он прислал просьбу об отставке, с тайною надеждой, что некем будет его заменить и что тут-то убедятся в его необходимости. Между тем, крайне

для него неожиданно, просьба его была тотчас исполнена, что дало повод к известному его слову: а посмотрим-ка, как Россия выедет на Ваньках (Дибич и Паскевич были оба Иванны). Дело, однако, обошлось и с Ваньками, и Ермолов был пристыжен. После этой неудачной попытки он переменял паруса и, прожив несколько лет вдалеке от дел и от двора, вздумал снова проситься на службу. Государь предложил ему звание члена Государственного совета, и он принял это как *pis-aller*[196], на первый раз, в чаянии будущих благ. Но милость царская к нему уже более не поворачивалась, а ветреная публика или забыла его, или разочаровалась на его счет; среди дел ему новых и малоизвестных Ермолов не только не мог играть никакой роли, но представлял собой одного из самых ничтожных членов совета; словом, он скоро увидел, что честолюбивые его планы чуть ли не безвозвратно рушились».

В другой раз Васильчиков рассказывал, что, когда при отступлении в 1812 году армии Барклая и Багратиона соединились в Смоленске и первому, хотя младшему в чине, велено

было принять главное начальство над обеими, Ермолов – тогда начальник Барклаева штаба – всячески убеждал Багратиона восстать против этой меры, не становиться под команду к младшему, да еще и немцу, и, для пользы общей, просто самому принять начальство над армией.

«Можно представить себе, – прибавлял Васильчиков, – каких плодов он ожидал от этих гнусных подстрекательств самолюбия в такую минуту, когда вся судьба России висела на волоске и когда неприязнь или местничество начальников так легко могли порвать этот волосок. На Багратион, который сам мне обо всем этом рассказывал, был не такого поля ягодка: он выгнал от себя Ермолова, запретив казаться к нему впредь на глаза»[197].

Ермолов был человек государственный в обширном значении этого слова, скажем мы в заключение. Не было ни одного высшего политического вопроса, о котором бы он не думал и не имел положительного мнения, может быть иногда ошибочного, но всегда разумного и часто своеобразного. Отношения

России к иностранным государствам, положение их, выгоды и невыгоды он знал хорошо, подробно и основательно.

Нашу прошедшую европейскую политику он осуждал и повторял часто, что нам предлежит Азия, и когда я напомнил ему однажды, что эта политика очень древняя, что Добрыня, дядя Владимира Святого, советовал ему искать лапотников, а сапожники неохотно будут платить дань, тогда он расхохотался и восклицал: «Так, так, именно так. В Европе не дадут нам ни шагу без боя, а в Азии целые царства к нашим услугам».

Ермолов был очень образован, следил неусыпно за политикою и много читал до самой смерти. За три дня до нее только, когда он начал уже впадать в беспамятство, прекратилось его ежедневное чтение газет. Военная история, и преимущественно история Наполеона, была ему знакома как нельзя более. Наполеон был его любимый герой. Другой – Петр Великий.

Он много писал и любил писать письма: у князя Воронцова должно быть большое собрание его писем. С князем Воронцовым он

особенно был дружен во все царствование императора Александра. Они называли друг друга не иначе, как брат Михаил, брат Алексей; брат Михаил хотел устроить дачу и выстроить дом для брата Алексея на южном берегу Крыма. Но с восшествием на престол императора Николая их отношения изменились, и о даче не было уже помину. Впрочем, он писал к нему часто, после того как Воронцов был назначен наместником Кавказа.

Большое собрание писем Ермолова, с подробным описанием действий кавказских, должно находиться у графа Закревского, который находился тогда дежурным генералом при императоре Александре и пользовался его доверенностью.

Слог Ермолова тяжеловат, напоминает екатерининское время, но отличается остроумием, своеобразными оборотами мыслей, колкостью.

После Ермолова должны остаться записки. При жизни его в публике слышно было только о записках 1812 года и ходило по рукам описание посольства в Персию. О первых записках он жаловался, что враги его сделали в

них умышленные вставки, с намерением повредить ему во мнении государя. Но какие это были вставки, неизвестно. Едва ли это правда, а может быть, он сам раскаивался в некоторых местах, которые и приписал своим врагам.

Я часто заводил с Алексеем Петровичем разговор об его записках; он всегда говорил, что они будут в верных руках и с ними не случится, что было с бумагами графа Толстого и других значительных лиц. Он принял свои меры.

Года за три пред его кончиной я застал его однажды поутру за переписыванием из одной толстой тетради, его же рукою написанной и во многих местах перечеркнутой, в другую. Я испугался про себя, подумав, что старик верно исправляет старую исповедь, по новым своим видам и соображениям, и что история потеряет несколько важных данных. Графиня Б. рассказывала мне также, что его очень раздражили доставленные ему записки Пфуля и он собирался их опровергать, говоря: «Надо отделать немца. Пфуль приписывает себе успехи русской армии, а она бы погибла, если бы

принят был его совет в лагере при Дриссе».

В ответ на вопрос графини о записках Ермолов отвечал: «Предмет такой важный, надо исправить его как можно вернее». Разумеется, это была простая отговорка. В записках важны именно горячие следы первого впечатления, и в сравнении с ними ничего не значат ошибки, легкоисправимые. Нам нужно знать, что делал, видел, думал и как судил сам Ермолов, а о прочем узнаем и от других.

После моего объявления в газетах я получил, к великому своему удивлению, тетрадь записок Ермолова от вступления на престол Александра до 1812 года, о которых я и не слыхивал прежде и из которых отрывки сообщены в первой статье.

Из бумаг г. С. я увидел, что у Алексея Петровича был дневник из походов 1813 и 1814 годов, также дневник управления на Кавказе. Желательно, чтоб все это нашлось и явилось на свет божий.

К числу сочинений Ермолова принадлежат его приказы, которые писал он сам своею рукою. Я собрал их несколько, а в последнее время получил от царскосельского протоие-

рея целую их кипу.

Библиотека его была отборная, особенно что касается до военного дела, до политики и вообще новой истории. Он выписывал и получал тотчас все примечательное, преимущественно на французском языке. Значительная часть книг испещрена его примечаниями на полях. Приобретение ее могло бы обогатить военную академию или какой-нибудь кадетский корпус. Библиотеку купил Московский университет, по ходатайству попечителя, г. Назимова.

Беседа его была очаровательна. Воспоминания, анекдоты, замечания, остроты лились потоками. И любопытно, и весело, и поучительно. Ермолов старался всякому сказать приятное и лестное. В этом отношении надо заметить, что лито было иногда через край, что, впрочем, замечалось только впоследствии.

С низшими вообще Ермолов был любезен донельзя, с высшими высокомерен, неудержим на язык, что и доставляло ему много врагов.

С прислугою жил по-отечески. Ласка, забо-

та о довольстве, о семействах, желание доставить удовольствие обнаруживались при всяком случае. Любимцем его и главным управителем был старый сослуживец, Кирилл Максимов, которого называл он Мемекою. Определился к нему в 1820-х годах и жил 45 лет, управляя домом и хозяйством; часто с ним спорил. «Ну вот, он думает, что умнее всех, ничего уступить не хочет», – ворчит, бывало, Ермолов про себя, отпустив с досадой упрямого управителя.

Я пересмотрел кучу записок Алексея Петровича к его любимому управителю. От первой до последней – везде один и тот же тон, ласковый, дружеский, благодушный. Сыну его он дал хорошее воспитание и поместил его в аудиторы. Вот одна записка, которую он писал к нему.

«Великолепный господин, Яков Кириллович.

Не знаю, случилось ли тебе видеть у меня в переводе персидские бумаги, подписанные чиновниками, и один из них под названием: «Счастливым журналист блаженной канцеля-

рии». Очень хотелось мне дать тебе титул, несколько этому подобный, но боялся возгордиться тебя. Итак, отлагаю до времени и между тем прошу доставить конверт Ивану Давидовичу в собственные руки, никому другому его не передавая, и, если удобно, просить от меня Николая Андреевича Вистицкого о нем напомнить впоследствии. Благодарю за подарок перьев. Не переживу огромного запаса, останется и для тебя даже до высокого чина.

Прощай, будь, как и прежде, трудолюбив и не празден. Молись Богу; истреби зародыши маркизского чванства. Ты мог насмотреться здесь, как не только аудиторы, но даже писаря мечтают, что они особенно сотворенные существа. Прощай.

Москва, 24 октября 1855 г.

Ермолов».

Перед смертью Алексея Петровича Якову Кирилловичу надо было ехать в Петербург. «Сколько тебе истратить нужно?» – «Рублей пятьдесят». Ермолов отворил ящик, где у него разложены были деньги на похороны и на расходы. «Денег-то здесь мало, ну как прожи-

ву дольше?» Однако же дал 50 рублей.

Дочь Кирилла Максимовича Ермолов выдал замуж и снабдил приданым.

Образ жизни Ермолова был следующий.

Он вставал в шесть часов и тотчас одевался, не зная никогда ни шлафрока, ни туфель, ни спальных сапогов; надевал свой казинетовый сюртук и садился за стол в кабинет. Туда подавался ему чай.

Он занимался, читал письма, принимал посетителей.

Обедал в три часа: щи, пирог, жаркое – вот и все. Любил вообще соленое. Если случалось ему иногда обедать где в гостях, в первые годы, и там нравилось какое-нибудь кушанье, он заказывал его у себя своему Мемеке. После, увидев по счету, что оно обошлось дорого, говорил: «Нет, брат, это не наше, больше не делать».

Вечером пил чай, две чашки, с хлебом, и любил сидеть долго, за полночь смотреть на игру в карты, оставляя гостей, пока Мемека, как Суворову Протка, не напомнит ему, что пора спать.

Был очень бережлив, расчетлив, но не

скуп; денег не любил иметь при себе. Издерживал в год не более 3 тысяч рублей серебром. Из своих сбережений сохранил он порядочное наследство четверым своим сыновьям.

Он никогда почти не бывал болен, до старости.

Заметим еще одно примечательное его свойство: «Я от рождения, – рассказывал он, – был лишен чувства обоняния, по крайней мере до очень сильной степени. Запахи известны мне были только по самым крепчайшим экстрактам: так, например, я, конечно, мог различить розовое масло от *extrait de reseda*, но не знал запаха ни розы, ни резеды в естественном их виде; тухлую говядину, от вони которой все бежали из комнаты, я мог есть за свежую; отхожее место или раздушенный будуар были для меня почти одно и то же. Передпрошлою зимою, в 1830 году, я в Москве стал лечиться гомеопатически от лишаев, и вдруг у меня родилось совсем новое чувство, чувство самого тонкого обоняния, так что теперь я слышу, если в другой комнате стоит горшок с цветами».

Ходить и гулять Ермолов никогда не любил, даже в деревне; любил переплетать книги, в чем и успел отлично. Он занемог в марте месяце. Врачи отчаялись в его жизни. Но ему стало лучше, и 1 апреля, почувствовав себя очень хорошо, он сказал: «Славно же я обманул докторов, выздоровел!»

Кстати, сообщу здесь еще одну его остроуту относительно доктора. Он занемог и послал за доктором Высоцким. Тот не успел приехать в назначенное время. На другой день Алексей Петрович выздоровел и принимал вечером гостей. Докладывают о приезде Высоцкого. «Попросите извинить меня, – отвечал Алексей Петрович, – я не могу принять его, потому что болен».

Услышав о намерении продать железную Петербургскую дорогу французскому обществу, он, уже умирающий, продиктовал письмо к господину Чевкину, где убеждал его не отдавать Россию во власть иностранцев, и незадолго также он писал к графине Блудовой, прося ее передать князю Горчакову какое-то политическое замечание.

Скончался он 12 апреля 1861 года, сидя в

своём кресле, имея одну руку на столе, другую на колене; за несколько минут он ещё прихлопывал ногою.

Мне не случилось, к сожалению, быть на ту пору в Москве, и я не мог отдать ему последнего долга, присутствовать при его погребении.

Положить себя он велел подле отца, в Орле, в Троицкой кладбищенской церкви.

Священник М. писал мне недавно оттуда о совершаемых поминовениях и подал мысль о собрании пожертвований на сооружение памятника.

Я старался собрать все, что было можно. Благодарю за все сообщенные известия. Но недостает еще многих. Много есть противоречий и неясностей. Пусть они исправляются и дополняются знающими.

Приложения

Посольство А.П. Ермолова в Персию Ад. П. Берже

Посвящаю Михаилу Ивановичу Семевскому

Представляя настоящую статью читателям «Русской старины», я далек от того убеждения, что сообщаемый мною исторический факт не был известен им из других источников. Мне хотелось только рассказать его в большей последовательности. Взгляд этот обуславливается самою важностью события. Начать с того, что из всех посольств, когда-либо отправленных из России в Персию, посольство генерала Ермолова было, бесспорно, самым блестящим как по своему личному составу, так и по денежным на него затратам. Но помимо этой, так сказать, внешней обстановки оно имело особенное значение и по самой цели своей, направленной, главным образом, к удержанию за Россиею земель, ото-

шедших к ней по Гюлистанскому трактату, и ослаблению влияния англичан в Персии, путем установления с этой державою постоянных дипломатических сношений. Наконец, только пребыванием Ермолова между персиянами и личным с ними знакомством могут объясняться те отношения к персидскому правительству, которым он неизменно следовал в течение своего с лишком десятилетнего командования на Кавказе.

При составлении статьи у меня находились следующие материалы: два описания посольства: автором одного из них сам Алексей Петрович (записка о посольстве в Персию, помещенная во второй части его «Записок», – М., 1868), а другого, весьма, впрочем, слабого, – член посольства В. Бороздна (Краткое описание путешествия Российско-Императорского посольства в Персию, в 1817 г. СПб., 1821), и вторая часть VI тома названных мною «Актов Археографической комиссии». Кроме того, я пользовался рукописным дневником штабс-капитана Коцебу и некоторыми из собственных заметок.

Биографические сведения о некоторых

персидских сановниках заимствованы из истории Персии, составленной Риза-Кули-ханом.

Глава 1

Отношения России и Персии. Гюлистанский договор. Посольство Мирзы-Абуль-Хасан-хана. Назначение Ермолова чрезвычайным послом в Персию. Высочайшая инструкция. Прибытие Ермолова в Тифлис. Отъезд в Карабах. Возвращение. Тревожные слухи о неприязненных замыслах Персии и Турции против России. Штат посольства. Императорские дары. Денежные средства

Поход, предпринятый Петром I в 1722 году, и действия наших войск по полуденную сторону Кавказского хребта в течение прошлого столетия (XVIII век. – *Ред.*) не могли не внушить Персии весьма справедливых опасений насчет прочности ее влияния на закавказские ханства, где, хозяйничая как у себя дома, она всегда находила богатую для себя наживу. С утверждением же нашим в Грузии и с распространением нашего владычества вне

пределов этой страны опасения персидского правительства обратились в открытую против нас вражду. Начиная с 1806 года не проходило почти ни одного года без переговоров о мире или перемирии, причем главным предложением с нашей стороны всегда было постановление границы по рекам Куре, Араксу и Арпачаю. Переговоры эти, оканчиваясь, по обыкновению, новыми неприятельскими действиями, употреблялись нередко Персией для того только, чтобы собраться с новыми силами, а иногда и просто с намерением осуществить какие-либо вредные для нас замыслы. Погром персидской армии при Асландузе и взятие вслед затем штурмом Ленкоранской крепости (1812) как бы отрезвили Персию, вынудив ее возобновить искательство о мире. После долгой переписки о том, чтобы предложенные вновь переговоры велись не через Аббас-Мирзу, которого окружали люди, недоброжелательствующие России и из личных выгод желавшие продолжения войны, а непосредственно с тегеранским кабинетом, тогдашний главнокомандующий на Кавказе генерал от инфантерии Ртищев (1812–1816) за-

ключил 1 октября 1813 года перемирие на 50 дней, а 12-го того же месяца подписал мирный договор в Гюлистане. Прямым и важнейшим последствием его была уступка навсегда России ханств: Карабахского, Шекинского, Ганджинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Талышинского. Но такая уступка, вынужденная превосходством нашего оружия, не могла не быть слишком чувствительной для персидского правительства, которое, еще до заключения договора, постановило особый сепаратный акт, в котором выговорило себе право просить государя императора о возвращении ей некоторых из уступленных земель. С этим именно поручением был отправлен в Петербург Мирза-Абуль-Хасан-хан, подписавший вместе с Ртищевым Гюлистанский договор. Он прибыл в столицу в то самое время, когда император Александр находился за границей, озабоченный успокоением Европы и освобождением ее от ига Наполеона. По возвращении государя посол представил просьбу шаха, но вместо удовлетворения получил в ответ, что в доказательство искренней приязни его величе-

ства отправляется к шаху чрезвычайным послом вновь назначенный на Кавказе корпусным командиром А.П. Ермолов, которому высочайше повелено во всем, сколько возможно, споспешествовать желанию шаха и сохранить его дружбу. С тем посол и выехал из Петербурга. Вскоре за ним отправился и Алексей Петрович Ермолов.

По смыслу высочайшей инструкции, данной Ермолову, на обязанность его возлагалось:

1. Увериться, нельзя ли в Талышинском и Карабахском ханствах найти средство к удовлетворению домогательств Персии в возвращении ей некоторых земель, отошедших к России по Гюлистанскому договору, чрез проведение новой черты границ и получение, во взаимство того, других выгод.

2. Открыть торговые конторы в Энзели, а особенно в Астрабаде.

3. В вопросе о признании Аббас-Мирзы наследником престола держаться политики Англии, которая хотя и дает ему титул наследника, но не принимает на себя никакого в том ручательства.

4. Заключить с Персией такое постановление, по которому она, со своей стороны, обязалась бы соблюдать наистрожайший нейтралитет, во взаимство чего Россия обязалась бы оставаться совершенно безучастной во всех войнах, кои Персия будет вести с сопредельными ей или иными государствами.

5. Остановить перевес английского влияния в Персии, ослабить оное неприметным образом и, наконец, вовсе истребить его.

6. Расположить Персию, для ее блага, к миру с Россией.

7. Собрать подробные сведения о правлении сей земли и ее способах, о ее статистике и топографии, а также о состоянии и силе войск ее, и

8. По отъезде из Тегерана учредить там всегдашнюю миссию.

Ермолов прибыл в Тифлис 10 октября 1816 года и уже в ноябре, озабоченный делами своего посольства, задумал личное обозрение вновь приобретенных по Гюлистанскому договору областей. С этой целью он отправился в Карабах, которого обратной уступки в особенности домогался шах, обнадеженный в

успехе самим генералом Ртищевым. Между тем едва только он возвратился из поездки, как до него начали доходить тревожные слухи, что персияне и турки скрывают против нас какие-то враждебные намерения. Обстоятельство это вынудило его тотчас же отправить к государю донесение, в котором он, между прочим, упомянул, что ввиду возникших затруднений отсутствие его в Персию может иметь крайне неприятные последствия. Но еще до получения из Петербурга ответа подозрения рассеялись, и Ермолов, решившись отправиться к шаху, начал готовиться к выезду. Ответною бумагою этою Ермолову разрешалось на случай усложнения политических обстоятельств отправить вместо себя в Персию одного из подчиненных ему генералов.

Штат посольства, высочайше утвержденный, состоял из следующих лиц:

советников посольства, действительных статских советников Негри и Соколова;

секретаря, коллежского советника Худобашева;

маршала, лейб-гвардии Семеновского пол-

ка капитана Ермолова;

кавалеров: лейб-гвардии Семеновского полка штабс-капитана князя Бебутова, лейб-гвардии Преображенского полка прапорщика графа Самойлова и свиты его императорского величества, по квартирмейстерской части, поручика Бобарыкина;

чиновников Посольской канцелярии: коллежского секретаря Бороздна, 12-го класса Рикорда, магистра Ярцова и подпоручика Мададова;

докторов: коллежского советника Мазаровича и 7-го класса Миллера;

аптекаря Ауфмордта;

живописцев: академика Машкова и барона Корфа;

грузинского корпуса обер-квартирмейстера полковника Иванова; офицеров Гвардейского генерального штаба: штабс-капитана Муравьева, поручика Ранненкампа и подпоручика Щербинина;

офицеров Гвардейского генерального штаба: штабс-капитана Коцебу, прапорщика Воейкова и колонновожатого Лачинова;

адъютантов А.П. Ермолова: лейб-гвардии

Казачьего полка штаб-ротмистра князя Бековича-Черкасского и лейб-гвардии артиллерийской бригады поручика Попова;

священнослужителя протоиерея Авраамова; капельмейстера коллежского регистратора Парижского; фельдъегерей: Матвеева и поручика Стабуша; толмачей: капитана Назарова, прапорщиков Беглярова и Алиханова и хорунжего Мещерякова;

полицмейстера, подпоручика Федорова; при подарках: губернского секретаря Лепошинского; черкесов: князя Джембулата Джанхотова и при нем четырех узденей;

конвоя: 12 донских и 12 линейных полков; воинской команды: 24 гренадер и 24 музыкантов.

Всего же, с прислугою, более 200 человек.

Между прочими обязанностями Ермолову было поручено представить шаху и разным высшим сановникам Персии подарки от имени государя императора и обеих императриц Елизаветы Алексеевны и Марии Федоровны. Дары эти, отличаясь богатством и изяществом отделки, были распределены следующим образом:

Фетх-Али-шаху: перо бриллиантовое с сапфирами, кинжал в золотой оправе, осыпанный бриллиантами и сапфирами и с двумя жемчужными кистями на золотых шнурах; кальян хрустальный, оправленный богато золотом, часы бронзовые, изображающие слона, осыпанные по местам камнями и жемчугами; парчи разных дессейнов 6 кусков, бархата разных цветов 3 куска, мехов собольих 2, горностаевых 4, соболей 80; фарфоровый десертный и столовый сервиз, чайный прибор. Стеклянных вещей: 2 зеркала в рамах, набранных стеклом, столовый и десертный сервиз и ящик (красного дерева), в коем сабля, ружье и пара пистолетов с принадлежащим прибором;

старшей супруге шаха. От высочайшего имени государя императора: парчи разных дессейнов 4 куска, бархата разных цветов 2 куска, мехов собольих 2, горностаевых 2, соболей 80; фарфоровых вещей: 2 цветника с живописью на плитках черных, умывальник с блюдом, чайный и кофейный прибор. От имени ее величества Елизаветы Алексеевны: пряжка, украшенная алмазами и сапфирами,

пирамида, из разных дерев сделанная, с прибором дамских упражнений, туалетное большое зеркало в раме красного дерева, с бронзовым украшением, и при нем 2 богатых бронзовых канделябра, 2 вазы фарфоровые, высокие, с живописными видами. От ее величества Марии Федоровны: перо бриллиантовое с рубинами, стеклянных вещей: плато бронзовое, со шлифованными зеркальными стеклами, и к нему принадлежащий сервиз;

старшему сыну шаха Мамед-Али-Мирзе. Золотая зрительная трубка, украшенная бриллиантами, алмазами и рубинами; ружье с принадлежащим прибором, в ящике; парчи разных дессейнов 2 куска, бархата разных цветов 2 куска, мех соболий, 40 соболей якутских, ваза или цветник, чайный прибор и кальян;

младшему сыну шаха Аббас-Мирзе. Кинжал в золотой оправе, осыпанный бриллиантами, алмазами и изумрудами, золотая зрительная трубка, украшенная алмазами и гранатами, парчи разных дессейнов 2 куска, бархата разных кусков 2 куска, мех соболий, 40 соболей якутских; фарфоровые вещи: боль-

шой голубой цветник, 2 цветника розовые с живописью, кальян и разные стеклянные вещи;

верховному визирю Мирзе-Шефи. Перо бриллиантовое с изумрудом, табакерка золотая, украшенная бриллиантами и с рубином, парчи разных дессейнов 2 куска, мех соболий, 40 соболей;

второму визирю Хаджи-Мамед-Хусейн-хану. Перстень с солитером, парчи разных дессейнов 2 куска, мех соболий, 40 соболей; цветник зеленый, 2 цветника с живописью и с плитками; прибор чайный; кальян голубой и с золотом;

каймакаму Мирза-Безюргу. Перстень с солитером, парчи разных дессейнов 2 куска, мех соболий, 40 соболей; фарфоровые вещи: цветник, умывальник с прибором, прибор чайный розовый и кальян;

управляющему казной Абдулла-хану. Часы с цепочкой, осыпанные жемчугами и мелкими бриллиантами, парчи разных дессейнов 2 куска, бархата 20 аршин, мех соболий, 20 соболей;

министру Мирза-Абдул-Вехабу. Перстень

бриллиантовый с изумрудом, часы золотые с репетицией и с цепочкой, мех соболий, 20 соболей;

генерал-адъютанту Фетх-Али-шаха и его зятю Аллах-Яр-хану. Кинжал в золотых ножнах, украшенный алмазами и с двумя жемчужными кистями на золотых шнурах, золотая зрительная трубка, украшенная алмазами и изумрудами;

шахскому мирзе. Перстень бриллиантовый с сапфиром, парчи 24 аршина, бархата 24 аршина, мех соболий, 20 соболей;

Хаджи-Мамед-Хусейн-хану Мервскому, находящемуся всегда при шахе: часы золотые с репетицией и цепочкой;

Насакчи-баши Фарадж-Уллах-хану: перстень бриллиантовый.

Кроме исчисленных предметов, Ермолову было отпущено из кабинета для раздачи, по его усмотрению, разным лицам: мехов, сукна, парчи, бархата, золотых и других вещей – всего на сумму 49 341 рубль 50 копеек.

Доставление в Персию подарков, кроме драгоценностей, было возложено на ведомства стеклянного завода Г.С. Астошинского и

скульптора фарфорового завода Захарова. Они выехали из Петербурга в августе 1816 года и, на наемных лошадях, направились к Астрахани, откуда дальнейшая их отправка зависела от Ермолова.

Что касается денежных расходов на содержание и снаряжение посольства, то они представляют следующие цифры:

«А.П. Ермолову:

на подъем 30 000 рублей ассигнациями;
содержания в месяц 5000 рублей серебром;
на чрезвычайные расходы 20 000 рублей
асе., 25 000 рублей серебром.

Членам посольства:

в единовременную выдачу 23 750 рублей
асе., 5050 рублей серебром;

ежемесячное жалованье и содержание посольства (6825 рублей серебром), примерно за 6 месяцев, 40 950 рублей серебром».

В половине апреля 1817 года посольство находилось в полном сборе и готовности к выступлению. Но прежде чем проследить его путешествие, перенесемся на почву Персии и

познакомимся в беглом очерке как с государственным строем этой державы при Фетх-Али-шахе, так и с теми личностями, которые в приезд Ермолова стояли во главе тогдашнего управления.

Глава 2

Фетх-Али-шах. Положение Персии и внутреннее ее устройство. Полигамия. Нигаристан и шахские потехи. Характер Фетх-Али-шаха и его смерть. Наследник престола Аббас-Мирза. Мирза-Шефи и Мамед-Хусейн-хан. Абдулла-хан. Мирза-Абдул-Вехаб. Зять шаха Аллах-Яр-хан. Мирза-Мамед – Хусейн-хан Мервский. Евнух Манучехр-хан. Мирза-Безюрг и его сыновья: Мирза-Абуль-Касим и Муса-хан. Беглербег Фетх-Али-хан и придворный поэт. Хусейн-хан, сардар Эриванский и его брат Хасан-хан. Келб-Али-хан Нахичеванский

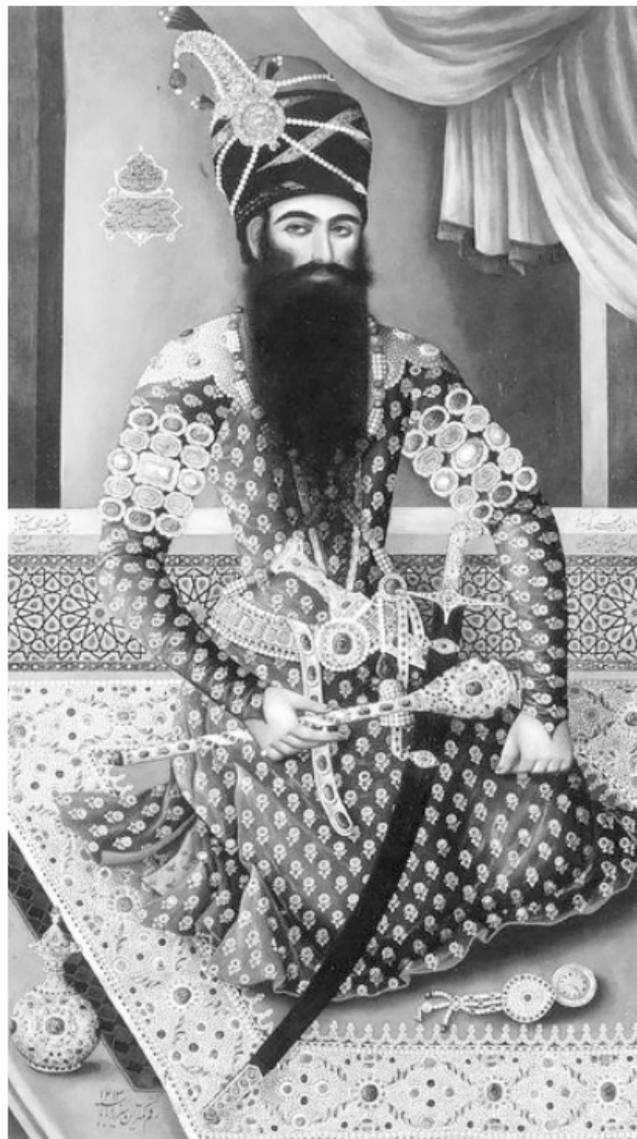
После убиения Ага-Мамед-хана (в 1796 году, в Шуше), родоначальника нынешней династии Каджаров, на престол Персии вступил родной его племянник Фетх-Али-шах, сын Хусейн-Кули-хана. Он родился в 1762 году и, ли-

шившись в раннем возрасте отца, долгое время жил в Астрабаде, при матери, от которой был взят дядей и впоследствии назначен правителем Шираза. Звание это он сохранил до получения известия о смерти Ага-Мамед-хана, что его заставило поспешить в Тегеран, где он в 1797 году и короновался шахом.

Персия в том виде, в каком ее наследовал Фетх-Али-шах, не сохранила и тени своего прежнего величия. Славные времена Сефевидов давно перешли в область воспоминаний, и если Надир-шаху удалось вернуть стране утраченное ею значение, то при его преемниках она снова дошла до состояния едва ли не худшего того, в каком мы находим современную Турцию. Не доискиваясь причин, подготовлявших такое положение Персии, которой еще суждено играть важную роль в будущей истории Востока, обратимся к ее государственному строю при Фетх-Али-шахе, сохранившемуся, без особых изменений, до настоящего времени.

Правление персидское, не опираясь ни на какие законы, основано на полнейшем произволе. В руках шаха власть беспредельная: он

неограниченный! властелин над своими подданными и их имуществом.

Михр-Али. Портрет Фетх-Али-шаха

Высшего, аристократического сословия в Персии никогда не существовало и не существует. Да и может ли быть аристократия там, где первые сановники, разумея под этим словом лиц, временно или совершенно случайно возвысившихся, думают только о том, чтобы всеми средствами грабить казну и народ, дабы, в случае нужды, откупаться от палочных ударов, от которых не освобождают их ни происхождение, ни личные заслуги? При отсутствии аристократии нет и простого дворянского сословия. Если же в персидском языке употребительны слова «неджабет» (дворянство) и «неджиб» (дворянин), то более для обозначения положения, занимаемого известным лицом в обществе. Высший титул есть шах-заде, то есть принц царствующей династии. Отличительным признаком такого происхождения служит слово «Мирза», которое ставится непосредственно за именем собственным, например Аббас-Мирза, Ферхад-Мирза, Тахмасиб-Мирза и нр. Но как потомство Фетх-Али-шаха в продолжение ны-

нешнего столетия (XIX век. – *Ред.*) возросло с лишком до 2 тысяч душ мужского пола, то для отличия детей Аббас-Мирзы от детей прочих сыновей шаха первые считаются ближайшими родственниками царствующего и занимают высшие должности в государстве, тогда как последние, пользуясь самой ничтожной пенсией и будучи бедны, находятся в пренебрежении и не допускаются до занятия важных должностей, из опасения каких-либо притязаний с их стороны на корону.

Потомки прежних династий: Сефевидов, Надир-шаха (ум. 1747) и Керим-хана (ум. 1779) – носят титул мир-заде.

Настоящий же дворянский титул, обозначаемый словом «хан», которое тоже ставится за именем собственным (Ибрагим-хан, Мехти-хан и пр.), дается или шахом, или переходит по наследству, или, наконец, присваивается по произволу людьми, достигшими известного благосостояния. Но титул этот утратил ныне свое прежнее значение. В особенности же уважается так называемый секов – почетный титул, который правительство жалует военным и гражданским чиновникам, ad

personam: столб, подпора, рука, колыбель государства и пр. и пр.

Все вообще подданные шаха разделяются на нукеров и ранетов. К первым относятся все служащие, от первого министра до последнего сарбаза (солдата) и ферраша (служителя). Сам наследник престола считается только первым шахским нукером. Ко второму разряду принадлежат купцы, ремесленники, сельские жители и духовенство. Только муджетехиды и другие высшие духовные особы состоят до некоторой степени в независимости от правительства, которое в известных случаях, не принимая против них энергических мер, предпочитает удалять их, под благовидным предлогом, в Кербелай, Неджев и другие священные места, с воспрещением возврата без особого на то разрешения шаха.

Персия, как ныне, так и в былое время, разделялась на провинции, коих управление вверялось беглербегам или хакимам (губернаторам), с предоставлением им права суда и расправы, взимания доходов, производства расходов на общественные нужды – словом, всего внутреннего управления. Должности гу-

бернаторов предоставлялись преимущественно принцам (шах-заде).

Доходы и расходы по каждой провинции были установлены по особой росписи, равно определены и суммы, которые каждые шесть месяцев должны были представляться в шахскую казну. Согласно такому порядку, Фетх-Али-шах получал ежегодно со всех провинций, за исключением Азербиджанской, до 2 миллионов червонцев, составлявшихся главным образом из налогов и податей с имений и доходов поземельных и таможенных. Доходы же с Азербиджана (около 800 тысяч червонцев) поступали целиком в распоряжение наследника. Таким точно образом доход с Эриванской области (около 90 тысяч червонцев) составлял собственность сердаря Хусейн-хана, ничего не уделявшего из этой суммы шаху, но подносявшего ему ежегодно значительный по ценности подарок.

Кроме обыкновенных налогов, существовали еще налоги чрезвычайные. Они состояли из: 1) садыря – самого тягостного налога для населения, так как размеры его были совершенно произвольны. Он взыскивался при

всех чрезвычайных случаях, как, например, с провинившихся губернаторов, с возмущившихся племен и деревень, при рождении или браке принца и пр., и достигал ежегодной цифры 1 миллион 500 тысяч червонцев и 2) подарков, поступавших к шаху от высших сановников государства в день нового года (нооруза), смотря по состоянию каждого, и составлявших в сложности сумму 1 миллион червонцев. Такого рода приношения ожидалось, хотя и не в срочное время, и от купечества, которое, собственно, было изъято от налогов.

Но все это еще далеко не освобождало население от разного рода платежей, так как губернаторы всегда находили средства намного увеличивать доходы против государственной росписи: из них одни, большинство, грабежом народа, а другие, меньшинство, развитием земледелия. Последние обыкновенно удерживались на своих местах, тогда как первые весьма скоро их лишались, вследствие приносимых жалоб, которые всегда и охотно принимались Фетх-Али-шахом, имевшим в виду сорвать полновесный подарок с являвшихся

во множестве новых кандидатов на губернаторскую должность. Подобная система управления провинциями, имевшая скорее вид откупа, применялась и к булюкам, или округам, которые губернаторами вверялись тем, кто больше платил, а сими последними соблюдались в отношении деревенских старшин и пр.

Из сказанного становится понятным, что население Персии далеко не благоденствовало при Фетх-Али-шахе. И действительно, найти человека, довольного своей судьбой в то время, было не менее редко, как и теперь.

В стране, которой правительство берет, вместо того чтобы занимать, само собой разумеется, нельзя предполагать народного долга (*dette publique*). Персия его не имеет. Что же касается казны Фетх-Али-шаха в деньгах и драгоценностях, то, по мнению Амбур-гера, бывшего консула нашего в Тавризе, ее можно оценить в то время предположительно в 300 куруров (курур равен 500 тысяч червонцев) или в 150 миллионов рублей серебром.

Расходы Фетх-Али-шаха, соответственно его доходам, были вообще очень умеренны. Они не превышали 2 миллионов червонцев и

обращались на удовлетворение 10 батальонов пехоты, артиллеристов, министров, чиновников, его канцелярии и, главным образом, на содержание гарема.

Нигде на Востоке полигамия не развилась с такой силой, как в Персии. В Турции она несравненно слабее. Что касается собственно Фетх-Али-шаха, то можно положительно сказать, что со времени ислама ни один венценосец подобно ему не мог похвалиться таким громадным гаремом, и мы имеем полное право назвать его – и, разумеется, только в этом отношении – Соломоном Новейшего времени. У Фетх-Али-шаха было свыше 300 жен. Среди этой-то ближайшей своей обстановки он любил предаваться самым неожиданным прихотям чувственных наслаждений, которые поглощали, можно сказать, все его мысли, все его существо... Расскажу для примера следующее.

...Это было в Тегеране. В один июльский день, когда полуденный зной значительно ослабел и в воздухе заметно стала разливаться прохлада, я приказал оседлать лошадь и отправился за город. Я ехал на этот раз с це-

лью посетить Нигаристан – один из замечательнейших загородных дворцов, построенный Фетх-Али-шахом.

Подъехав к саду, я через полуразрушенные ворота вступил в главную аллею. Она тянется на довольно большое протяжение и, упираясь на самой середине в прекрасную ротонду, с обширным бассейном, разделяется надвое. За ротондой боковые аллеи опять сходятся в главную, которая оканчивается у самого дворца, стоящего в конце сада.

Дворец со всеми к нему пристройками довольно обширен. Из имеющихся в нем двух зал особенное внимание обращает на себя тронная – своею стенописью. Прямо против входа изображен на стене Фетх-Али-шах с несколькими стоящими по сторонам его сыновьями; на боковых же стенах – знатнейшие вельможи Ирана и несколько европейцев: в числе последних Малкольм, сэр Узлей и Мориер, автор «Хаджи-Бабы».

С правой стороны от главного фасада есть низкий проход под сводом, ведущий на небольшой дворик, сообщающийся с другим – большим, на котором находятся гаремные по-

мещения. На первом дворике, против устроенного посреди бассейна, возвышается искусственная, под сводом, и весьма крутая гора, вершина которой сообщается с гаремом. О гаремных собственно помещениях сказать нечего: это небольшие комнаты, ничем не отличающиеся одна от другой и состоящие из голых стен, без всяких украшений.

Что касается дворцового сада, то он принадлежит к числу лучших, какие мне случилось видеть в окрестностях Тегерана. Роскошные деревья, доставляющие чудную тень, и разлитое в воздухе благоухание от бесчисленных цветов делают его бесподобным приютом среди пустынной местности от палящего зноя иранского солнца.

Во время пребывания Фетх-Али-шаха в Нигаристане описанный мною выше дворик с бассейном обычно устилался богатейшими коврами, и повелитель Персии, сидя перед бассейном и не выпуская из рук кальяна, со всей отличавшей его страстностью, следил за своими женами, которые, скатываясь с горы в бассейн, одна перед другой старались очаровать его сердце. Гора в этих случаях покрыва-

лась бархатом.

Но прошли годы: всесокрушающее время наложило печать на Нигаристан, и только по-техе его соорудителя, живя в устах народа, служат и поныне предметом для рассказов...

Отличительной чертой характера Фетх-Али-шаха была непомерная жадность к деньгам. Страсть эта развилась в нем до громадных размеров. По мнению некоторых, она была следствием той бедности, которая сопровождала его детство. Рассказывают, что мать его зачастую не знала, чем покрыть расход на денную пищу. Ближе же всего склонность Фетх-Али-шаха к деньгам можно объяснить теми расходами, которые поглощались его гаремом.

Государственными делами он занимался мало, чтобы не сказать, что вовсе ими не занимался. Предоставив все управление государством своим сыновьям и назначив их в губернаторы разных провинций, он, не входя в самый образ их действий и мало заботясь об участи своих подданных, изнывавших под бременем безграничного деспотизма, требовал от них только денег. Но в последние годы

царствования Фетх-Али-шаха сыновья его, ожидавшие со дня на день кончины отца, прекратили отправление денег, так что на одном правителе Шираза, Хусейн-Али-мирзе, считалось недоимки в 600 тысяч туманов (1 миллион 800 тысяч рублей серебром), такое поведение последнего навлекло на него гнев отца, который и выступил против непокорного сына. Но поход этот имел для Фетх-Али-шаха весьма грустный исход: он занемог в Испании, где и умер от истощения сил, 13 октября 1834 года, на семьдесят втором году от рождения.

Наследником престола Фетх-Али-шах избрал, помимо двоих старших сыновей, своего любимца Аббас-Мирзу. Воспитанный в неге и роскоши, принц этот был, однако же, врагом всякой пышности и держал себя менее гордо, чем другие. Обращение его отличалось простотой и любезностью. Главным недостатком его было чрезмерное властолюбие. К России и к русским Аббас-Мирза питал непримиримую вражду, которую в нем в особенности поддерживали англичане, смотревшие далеко не равнодушно на возрастающее влияние наше в

этой части Азии.

Резиденцией Аббас-Мирзы был Тавриз, главный город вверенной его управлению Азербиджанской провинции. Он умер годом раньше Фетх-Али-шаха, а именно 10 октября 1833 года, в Мешехе, во время Хорасанского похода.

Первым лицом при шахе был Мирза-Шефи. Сын Мирзы-Ахмед-хана, когда-то служившего в войсках Надир-шаха, он родился в Испагани, откуда еще в молодых летах удалился в Мазандеранскую область, где и поселился в Бендинее. Там он некоторое время состоял при начальнике местечка Хаджи-Джан-хане, от которого перешел к Ага-Мамед-хану, сделавшему его визирем и оказывавшему ему особое расположение и доверие. В день его смерти Мирза-Шефи находился в Тегеране и вместе с губернатором города Мирза-Мухаммед-ханом-Каджаром способствовал восшествию на престол Фетх-Али-шаха. Когда же вслед за тем тогдашний первый министр Мирза-Ибрагим-хан был убит, он занял его место с титулом садри-азама.

Мирза-Шефи отличался непомерною ску-

постью и, как отъявленный взяточник, нажил себе громадное состояние. Он имел несколько сыновей, но они все умерли в молодых годах; на единственной же дочери его женился сын Фетх-Али-шаха, Хумаюн-мирза, к которому и перешло все его состояние.

В приезд Ермолова Мирзе-Шефи было 80 лет. Он скончался 19 рамазана 1234 (1818–1819) года, в городе Казвине, на возвратном пути из Султанин, и погребен в Кербелае.

Преемником его, по должности первого министра, был министр внутренних дел низам-уд-доулэ Мамед-Хусейн-хан. Он начал службу при Ага-Мамед-хане и был в разное время правителем Кашана, Кума и Испагани, где о нем сохранились самые добрые воспоминания. Душою преданный земледелию и нередко личным примером поощряя крестьянина к труду, он наживал большие деньги, которые сполна тратил на бедных и жертвовал на дела благотворительные. Щедрость его дошла до того, что его сравнивали с Хатемом, начальником одного из арабских племен, и с эмиром Омейядов Мени-Зайдэ, а в раздаче милостыни с Кааном, сыном Чингисхана. За-

нимая уже высокое место в государстве, он зачастую переодевался в простое платье и в сумерках, никем не замеченный, бродил по тегеранским улицам и трущобам, отыскивая бедных и нуждающихся. Надеясь их деньгами и вещами, он просил только молиться о нем и не осуждать за то, что не может доставить им полного обеспечения. Придворным чинам он назначил лично от себя ежегодные субсидии. Стол его был открыт для всех и каждого. В Персии рассказывают, что однажды ночью в воде, в которой в доме его отваривался плов, утонуло три человека (?). В Кербелай, Неджеф и другие священные места он отправил в течение своей жизни свыше 100 тысяч червонцев.

Мамед-Хусейн-хан умер в Тегеране в 1238 (1822–1823) году. Его заменил старший сын его Абдулла-хан-эмин-уд-доулэ. Другой сын его, Ибрагим-хан, женился на дочери Фетх-Али-шаха и жил постоянно в Тегеране; наконец, третий, Мирза-Абдул-Хусейн-шах, был одно время правителем Семнана, а потом придворным казначеем. Впоследствии он поселился в Испагани, где заслужил всеобщее

уважение за высокую нравственность и пользовался репутацией отличного медика.

Особенным уважением Фетх-Али-шаха пользовался муэтемид-уд-доулэ (то есть опора государства) Мирза-Абдул-Вехаб. Уроженец Испагани, он, благодаря глубокому знанию языков арабского, персидского и турецкого, а главное – особенному умению сочинять бумаги, успел достигнуть степени государственного секретаря. Состоя более 30 лет при особе шаха, он нередко принимал участие в обсуждении общегосударственных вопросов, подлежавших ведению первого министра.

Мирза-Абдул-Вехаб скончался в 1244 (1828–1829) году от чахотки.

В персидской литературе известен его «Письмовник», служащий образцом высокого и изящного слога и изданный им под псевдонимом Нишат, то есть «радость». Слово это, по смерти автора, дало повод к следующему каламбуру: «С кончиною Мирза-Абдул-Вехаба народ лишился радости».

Из ближайших родных шаха назовем первого его адъютанта Аллах-Яр-хана, сына Мирза-Мамед-хана рукн-уд-доулэ («столб государ-

ства»), одного из первостепенных ханов кад-
жарского племени. Фетх-Али-шах выдал за
него дочь свою Марьям-ханум, а сына Аб-
бас-Мирзу женил на его сестре. От этого бра-
ка у Аббас-Мирзы родились три сына: Ма-
мед-шах, Бехмен-Мирза и Кахраман-Мирза.

Аллах-Яр-хан некоторое время имел зва-
ние министра, а после смерти Фетх-Али-шаха
был правителем Хорасана. В начале 40-х го-
дов, вследствие разных интриг и открыто вы-
раженного им недовольствия против то-
гдашнего министра Хаджи-Мирза-Агаси, ему
было поручено, в виде удаления его из Пер-
сии, сопровождать сестру свою, мать Ма-
мед-шаха, на богомолье в Мекку. На возврат-
ном пути оттуда Аллах-Яр-хан занемог и умер
в Кербелае, не увидав более своей родины.

Весьма видное место в ряду придворных
занимал Мамед-Ху-сейн-хан Мервский, сын
Байрам-Али-хана из каджарского поколения
Изиддинлу. Отец его, унаследовав от предков
управление Мервом, был убит Бейджан-ха-
ном Туркменским. После его смерти Ма-
мед-Хусейн-хан удалился в Испагань, но вскоре
возвратился в Мерв, где был взят в плен

Наср-Эддином-Тюрэ и отвезен в Бухару.

Впоследствии ему удалось бежать в Хорасан к Ага-Мамед-хану и после умерщвления его устроиться при Фетх-Али-шахе, который навсегда сохранил к нему доброе расположение.

Мамед-Хусейн-хан имел титул фехр-уд-доулэ, то есть «гордость государства», и умер в 1233 (1817–1818) году.

Здесь же упомянем о Манучехр-хане, шахском евнухе, знакомом читателям «Русской старины» из статьи моей «Смерть А.С. Грибоедова». Манучехр-хан, из армянской фамилии Ениколоповых, впоследствии правитель Испагани, был взят в плен персиянами во время осады князем Цициановым (1802–1806) крепости Эривани, привезен в Тавриз и там оскотлен. Он имел титул муэтеמיד-уд-доулэ, то есть «опора государства».

Что касается Мирзы-Абуль-Хасан-хана, бывшего посла при петербургском дворе, впоследствии министра иностранных дел и пользовавшегося особенным почетом в Персии, а также Абдулла-мирзы, правителя Зенгана, его визиря Мирзы-Таги, валия Курдиста-

на Аман-Уллах-хана, второго шахского адъютанта Махмуд-хана и посольского михмандаря Аскер-хана Авшара, то мы считаем излишним вдаваться в биографические о них подробности, так как они в сношениях посольства Ермолова с высшими властями имели весьма малое значение.

При наследнике был своего рода садри-азам, в лице каймакама (почетный титул, жалуемый товарищу первого министра) Мирза-Безюрга. Уроженец Ферахана и происхождения сеидского, то есть из потомков пророка, он был, по значению своему, вторым лицом в государстве и пользовался особенным доверием шаха. Ему было поручено воспитание Аббас-Мирзы, над которым он имел неотразимое влияние. Не обладая особенным умом и будучи скорее «иие grande et te pour les petites affaires» («большой шишкой при маленькой должности». – *Ред.*), как о нем выразился Мазарович, наш поверенный (1818–1827) в Тегеране, Мирза-Безюрг отличался хитростью, а главное, непримиримой враждой к России, которой изыскивал все способы наносить вред. Он оставался при Аб-

бас – Мирзе до самой смерти, имея преемником по себе старшего сына визиря Мирзы-Абуль-Касима, к которому перешел и титул каймакама. Превосходя отца столько же хитростью, сколь умом и пользуясь репутацией поэта, Мирза-Абуль-Касим в особенности известен своей безнравственностью, страстью к деньгам и безмерным честолюбием. Персия дрожала при одном его имени и глубоко его ненавидела. Он был убит, по повелению Мамед-шаха, вследствие обнаруженного замысла свергнуть его с престола и самому царствовать именем малолетнего Наср-Эддина, нынешнего шаха Персии.

Другой сын Мирзы-Безюрга, по имени Мусса-хан, был женат на Шемс-баз-хануме, дочери Фетх-Али-шаха, но он в приезд Ермолова имел не более 17 лет и никакой должности не занимал.

Губернатором, или беглербергом, Тавриза был Фетх-Али-хан, сын Хидхет-хана Рештского, убитого по повелению Ага-Мамед-хана. Фетх-Али-хан в душе ненавидел Каджарскую династию и был отъявленный пьяница. Он умер вскоре после последней войны нашей с

Персией.

Однофамилец Фетх-Али-хана был придворным поэтом и умер в 1238 (1822–1823) году в Тегеране.

Одной из пограничных с нашими закавказскими владениями персидскою областью была Эриванская. Она находилась под управлением сардара Хусейн-хана, уроженца Казвина и по происхождению землепашца. Положением же своим он был обязан, равно как и брат его Хасан-хан, личной храбрости, оказанной во время Хорасанского похода, предпринятого Фетх-Али-шахом вскоре по восшествии на престол. Сардар был человек необыкновенных дарований и считался одним из умнейших людей в Персии, хотя ни читать, ни писать не умел. Он управлял областью почти самовластно и, обращая главное внимание на сельское хозяйство, привел ее в то цветущее положение, каким ни одна провинция Персии похвалиться не могла.

Война, предпринятая в 1826 году Аббас-Мирзой против России, вопреки самым убедительным увещаниям сардара, предвидшего печальный ее исход для Персии, по-

служила к гибели и самого Хусейн-хана. Возвратившись после взятия Эривани в Казвин, он был потребован к ответу в Тегеран, где скрылся в шахской конюшне, считающейся одним из заповедных убежищ от преследования, и там через несколько дней кончил жизнь, на семидесятом году от рождения.

Брат же его Хасан-хан, состоявший при нем начальником конницы и пользовавшийся репутацией горького пьяницы, ушел в Кербелай, где и умер, посвятив последние дни посту и молитве.

Наконец мне остается в заключение этой главы упомянуть о Келб-Али, хане Нахичеванском. Он управлял провинцией с конца XVIII века и был столько же замечателен умом и хитростью, как жестокостью и коварством. Когда Ага-Мамед-хан в последние годы царствования, занятый мыслью об упрочении престола за своим племянником Фетх-Али, начал преследовать подозреваемых им в неблагонадежности и опасных по своему влиянию при исполнении лучшей его мечты, он в числе прочих приказал выколоть глаза Келб-Али-хану, отпустив его по-прежнему

управлять ханством.

Зверский поступок этот, само собою разумеется, поставил несчастного хана в числе смертельных врагов владельца Персии. Он затаил чувство мщения и, оказывая Персии наружную преданность, в душе стал искать сближения с Россией. Но заветная мысль его осталась без осуществления. Келб-Али-хан скончался в 1823 году, деятельно управляв ханством 28 лет после своего ослепления.

Мстителем за отца явился родной сын его Эксан-хан. Едва только началась война 1826 года, он передался России, оказав ей громадные услуги против персиян.

Глава 3

Выезд посольства из Тифлиса. Гумры. Тавльнь. Эчмиадзин. Патриарх Ефрем. Эривань. Хасан-хан и Хусейн-хан сардар. Обед в сардарском саду. Давалу. Нахичевань. Лагерь на Араксе. Соглан. Въезд в Тавриз. Таинственный всадник

Выезд посольства из Тифлиса был назначен на 17 апреля 1817 года. В этот день, около 4 часов пополудни, Сионский собор начал на-

полняться народом; к тому же времени собрались туда и все члены посольства. Священнодействовал митрополит Варлаам. По окончании молебствия отъезжающие вышли из-под сводов древнего храма, тут же сели на лошадей и, напутствуемые всевозможными пожеланиями населения, выехали из города. Погода стояла ясная и теплая. Первые два переезда через селение Коды до деревни Эмир-Айваз-ло, куда посольство сопровождали генералы Кутузов и Сталь, совершились благополучно; дальнейшее же путешествие через крепость Лори и селение Караклис на Гумры, нынешний Александрополь, представляло довольно большие затруднения, особенно при переезде через реку Джелал-оглу и гору Безобдал, где еще лежал глубокий снег. Пробыв в Гумрах два дня, Ермолов 28-го числа прибыл в Талынь – первое селение на персидской границе, где его ожидали чиновники эриванского сардара и назначенный к нему от персидского правительства в качестве михмандаря Аскер-хан, некогда состоявший послом при Наполеоне. Михмандарь – чиновник, назначаемый правительством для встречи на границе

посланников и других членов дипломатического корпуса и сопровождения их до Тегерана или другого города Персии. Обязанность его заключается в наблюдении за безопасностью порученных его попечению лиц и доставлении им всевозможных облегчений в пути.

За Тальнюю следовал Эчмиадзин. В недалеком от него расстоянии навстречу посольству выехали архиепископ и три епископа, а несколько далее, на прекрасной лошади в золотой сбруе, сам патриарх Ефрем. Остальное духовенство, в полном облачении и с хоругвями, ожидало его у самых монастырских ворот, откуда проводило, при колокольном звоне и стрельбе из фальконетов, до приготовленных для него покоев. На следующий день Ермолов принимал у себя патриарха и затем присутствовал при богослужении, кончившемся краткой его речью об упрочении мира между Россией и Персией и об успешном исполнении поручения, возложенного государем императором на посольство. Пожелания эти были высказаны с тем большею искренностью, что эчмиадзинское духовенство

всегда находило в заступничестве России вернейшую защиту против всех насилий персидского правительства.

День кончился обедом у Ермолова, на котором патриарх, однако же, не присутствовал, и надо полагать – из опасения каких-либо наветов от множества шпионов, приставленных сардаром для наблюдения за нашим с ним обращением.

3 мая посольство оставило Эчмиадзин и направилось к Эривани. На половине дороги его встретил родной брат сардара Эриванского Хасан-хан, во главе 5 тысяч куртинских всадников, а не доезжая версты полторы до города, и сам сардар Хусейн-хан. Не было ни малейшего сомнения, что вежливость, на которую этот старик был вызван вследствие приказанья свыше, пришлась ему далеко не по сердцу. Проливной же дождь, шедший в это время и пробравший его до костей, довершил его недовольство. Ермолов же отправился на форштадт, где и поместился в доме батальонного командира серхенга (полковника) Мамед-бека.

Между тем дождь не только не стихал, но,

напротив, до того усилился на следующий день, что Ермолов и сардар могли обмениваться визитами не ранее 5-го числа, причем первое посещение последовало со стороны Хусейн-хана. Во время этих свиданий ни с той ни с другой стороны не было и помину о каких бы то ни было делах, но все ограничилось изъявлениями одних лишь чувств взаимного расположения. Как в этот, так и на другой день посольство обедало у сардара: первый раз в его дворце, на берегу реки Занги, а другой в саду, где играл хор нашей музыки и угощали нашим вином и десертом. «Крепкие напитки и пуншевое мороженое, – говорит Ермолов в своей записке о Персии, – были в общем вкусе. Из благопристойности то и другое называли мы целительным для желудка составом. От наименования сего наморщились рожи персиян, но приятный вкус, а паче очаровательная сила оживили их веселием, и в честь закона твоего, великий пророк, не вырвался и один вздох раскаяния. Главный доктор сардара более всех вкусил целительного состава, а им ободренный сардар дал пример прочим собеседникам. Долго на лице одного

из священнослужителей изображался упрек в невоздержании, но розовый ликер смягчил ожесточение мусульманина и усладил горсть его».

Солнце стояло еще высоко, когда Ермолов простился с сардаром. На следующее утро он оставил Эривань и, следуя через селение Давалу, где генерал Котляревский при князе Цицианове с 700 человеками разбил тридцатитысячный корпус персиян, прибыл 11 мая в Нахичевань, радушно принятый Келб-Алиханом. 13-го числа он переправился через Араке, на правом берегу которого был разбит лагерь. Дальнейший путь на Маранд и Софию до самого Соглана не представлял ничего достойного внимания. Около последнего пункта был сделан привал, и начались приготовления посольства к въезду в Тавриз, до которого оставалось около 15 верст. В Соглане Ермолова ожидал племянник каймакама, отправленный Аббас-Мирзой с пышным приветствием, коего смысл заключался в желании его, чтобы знакомство их было бы столько же сладко, как и присланные им фрукты.

Наконец наступило 19 мая – день въезда в

резиденцию наследника. По мере приближения к городу к посольству начали присоединяться разного звания и степени лица, спешившие один перед другим приветствовать и поздравить Алексея Петровича со счастливым прибытием в столицу Азербиджана. В числе других его встретили тавризский бег-лербег (губернатор) Фетх-Али-хан, а за ним окруженный блестящей свитой сын Мирзы-Безюрга, визирь Мирза-Абуль-Касим. Несколько далее от места их встречи было собрано около 16 тысяч войска, выстроенного по обеим сторонам дороги до самого Тавриза; впереди фронта стояли обучавшие их офицеры Индийской компании: одни в английских мундирах, другие в костюмах собственного изобретения. С приближением посольства началась пушечная пальба. Стечение народа при этом было громадное. Между тем в то самое время, как Ермолов, предшествоваемый хором нашей музыки и окруженный свитой, проезжал войска, отдававшие ему воинские почести, позади фронта, сквозь густую толпу любопытных пробирался на прекрасном коне всадник, тщательно закрывавший лицо чер-

ной епанчою. Незнакомец, как было заметно, не сводил глаз с Ермолова и зорко следил за каждым его движением, как бы желая проникнуть в его душу, узнать его мысли и все то, что он чувствовал в данную минуту. Перед самым городом таинственный всадник скрылся, и никто более его уже не видел. То был Аббас-Мирза, наследник персидского престола.

Глава 4

Пребывание в Тавризе. Строгий надзор за посольством. Каймакам Мирза-Безюрг. Английские офицеры. Тезоименитство великого князя Константина Павловича. Придворный этикет в Персии. Аудиенция у Аббас-Мирзы. Высочайшая грамота. Смотр войску. Прогулка в саду наследника. Мирза Абуль-Касим и его брат Муса-хан. Фейерверк. Письма из Тегерана. Ермолов отказывается от прощальной аудиенции. Выезд из Тавриза

Дом, отведенный посольству в Тавризе, составлял собственность Мирзы-Безюрга. Не представляя ни по внутреннему расположе-

нию, ни по внешней архитектуре ничего особенного, он, как и все постройки в Персии, был обращен фасадом вовнутрь и состоял из нескольких небольших дворов с флигелями, соединенными тесными и узкими проходами; вообще был опрятен, но без украшений. С самого приезда посольства к нему был приставлен почетный караул, со строгим приказанием никого не впускать к Ермолову, под предлогом не беспокоить его своим любопытством. Но такое объяснение, сколько неуместное, столько и обидное, было одной лишь хитрой уловкой, так как истинная цель персидского правительства заключалась в том, чтобы, по возможности, скрыть от посольства действительное положение страны и, по выражению Ермолова, «обманчивою наружностью похитить у нас сколько-нибудь уважения».

Между тем персидская стража не только исполняла строгое приказание, но даже превзошла себя в усердии, арестовывая нередко состоявших при посольстве татар и грузин, которых одежда походила на персидскую. В доме же употреблены были туземцы, знав-

шие русский язык и передававшие все, что видели и слышали. Мало того: чиновники наши не могли показываться на улицах, чтобы каждый шаг их тотчас не был известен местным властям; за город же вовсе их не выпускали. Словом, посольство содержалось как бы в крепости. Такой образ действия, само собой разумеется, не мог не вызвать на первых же порах крайнего неудовольствия Ермолова, и он прямо объявил каймакаму, что если местная власть не изменит своего оскорбительного поведения, то он сочтет то за нарушение дружеских обязанностей и примет соответствующие меры. Предупреждение это образумило персиян и заставило их быть осторожнее.

На следующий день после приезда Ермолов обменялся визитом с Мирзой-Безюргом и принимал у себя состоявших в персидской службе, по иррегулярным войскам, английских офицеров: майоров Линдзея и Макинтоша, капитана Гарта, поручика Виллока и доктора при наследнике Кормика.

21 мая было тезоименитство великого князя Константина Павловича. По этому случаю

в присутствии всего посольства был отслу-
жен молебен, по окончании которого начали
собираться на аудиенцию к Аббас-Мирзе.

Всякому, бывавшему в Персии, известны
обычаи и церемонии, существующие у та-
мошнего двора при приеме дипломатических
агентов внешних держав, точное исполнение
их иностранцами всегда строго наблюдалось
правительством, и малейшее отступление
влекло за собой нередко серьезные недоразу-
мения. Из таких обычаев, обусловленных
придворным этикетом, самым стеснитель-
ным, чтобы не сказать – унижительным, было
надевание красных чулок, без которых ко
двору никто не допускался. Тем не менее ев-
ропейцы до прибытия Ермолова беспреко-
словно ему подчинялись: «одни с корыстной
целью вкрасться в доверенность персиян, как
это случилось с присланным от Наполеона ге-
нералом Гарданом; другие с иными видами,
как англичане, искавшие тесною связью при-
обрести исключительные права для торгов-
ли» и уничтожить наше влияние в Персии.
Когда же с подобным требованием обрати-
лись к Ермолову, то он, как «не приехавший

ни с чувствами Наполеонова шпиона, ни с прибыточными расчетами купечествующей нации», наотрез отказался не только от соблюдения унижительного этикета, но не принял и того, чтобы войти в комнату Аббас-Мирзы с одними лишь советниками, причем прочие члены посольства должны были остаться на дворе, и другие не менее странные предупреждения.

На такой ответ не последовало со стороны персиян дальнейших возражений, так как склонить Ермолова в данном случае на любую уступку не предвиделось никакой надежды. Но зато и Аббас-Мирза не желал нарушением установившегося при его дворе этикета сделать угодное русскому послу, а чтобы не довести дела до окончательного разногласия, решился принять его не в комнате, а перед домом и не на коврах, которых не дерзал попирать ни один сапог, а на каменном помосте внутреннего двора, у самого окна, под портретом своего родителя.

Аудиенция была назначена ровно в полдень. От самого дома, занимаемого посольством, вплоть до дворца, по узким и кривым

улицам, были расставлены войска. Ермолов ехал на лошади наследника, которая, по выражению его, «без уважения смотрела на воинов и, непрерывно толкая их, заставляла опасаться, что он приедет во дворец по трупам половины ополчения персидской монархии».

Достигнув дворца, посольство въехало на большой двор, где Алексей Петрович и вся его свита слезли с лошадей. За первым двором вышли в другой, несколько меньший, и затем, темными проходами под сводами, где за решетками, как бы в норах, сидела ближайшая домашняя челядь (*animaux domestiques*), на третий, большой двор, опрятно вымощенный и с несколькими бассейнами. На краю этого-то двора, под палаточным навесом, стоял Аббас-Мирза. Он был одет просто, имея сверх каба, из синей материи, темнокрасного сукна джуббэ, на голове каджарскую шапку и украшенный алмазами кинжал за шалевым поясом. По левую его сторону стояли три мальчика: брат его, меньшей сын и племянник. Последние были в парчовых костюмах, с поясами, нарукавниками и кинжалами, укра-

шенными драгоценными каменьями. Из персидских чиновников на аудиенции присутствовали Мирза-Безюрг, церемониймейстер и Аскер-хан.

Причина, побудившая Аббас-Мирзу принять посла на дворе, не скрылась от Ермолова, и он решился отплатить персиянам не меньшей невежливостью. Остановившись в шести шагах от принца и делая вид, что его не знает, он обратился к провожатым с вопросом: «Где же его высочество?» – и только после полученного ответа снял шляпу, чему последовала и свита. Аббас-Мирза же, сделав шага три вперед, протянул Ермолову руку. После обычного приветствия Алексей Петрович передал принцу высочайшую грамоту следующего содержания: «Вследствие вечномирного договора, заключенного между Нами и его шаховым величеством, а также искреннейшего и твердого намерения нашего, чтобы столь счастливо восстановленная между обоими государствами соседственная дружба и доброе согласие как можно более утвердились, отправлен от Нас к его шахову величеству, нашим чрезвычайным и полномочным

послом наш от артиллерии генерал-лейтенант, командир Отдельного Грузинского корпуса, главноуправляющий гражданскою частью в Грузии и губернатор Астраханский и Кавказский, высокоблагородный и наш любезно-верный Алексей Ермолов, которому мы особенно поручили накрепчайше удостоверить вашу светлость как в таком непрерывном расположении нашем по взаимным государственным сношениям, так и в отличном нашем уважении собственно к вашей светлости и в искреннейшем участии, кое мы всегда принимать будем во всем, лично до вас относящемся. Для нас приятно верить, что, во взаимство сего, ваша светлость не только не оставите принять одного чрезвычайного и полномочного нашего посла в ваше благорасположение, но по известному усердию вашему к пользам государственным не отречетесь споспешествовать ему с вашей стороны во всем, что относиться может к утверждению и умножению с обеих сторон постоянной дружбы для обоих государств и для блага обоюдных подданных. С.-П.-Бург. 5 августа 1816 года».

Аббас-Мирза принял грамоту, поднес ее с почтением к голове и положил на пристенок залы, возле которой стоял. После довольно продолжительного затем разговора с Алексеем Петровичем он весьма любезно отнесся к представленным ему чиновникам и кабардинским князьям и узденям посольской свиты. Вслед за сим Ермолов раскланялся с принцем, повернулся, тут же надел шляпу, что сделали и прочие, и прежним путем отправился домой.

На следующий день после описанной аудиенции у Ермолова обедали английские офицеры, которые, по выражению Мазаровича, играют в Персии ту же роль, какую в древности играли греки у сатрапов Малой Азии в эпоху Павзаниев. Вообще заметим, что посольство наше, поддерживая с англичанами самые дружеские отношения, любило в их обществе коротать время и мало думало о других развлечениях среди далеко не симпатичного ему населения.

После обеда Ермолов отправился, по приглашению наследника, за город, где присутствовал на кавалерийском и артиллерийском

учении. В особенности отличалась конница, заслужившая всеобщее одобрение. Об артиллерии, которой командовал Линдзей, нельзя было сказать того же; напротив, Аббас-Мирза высказал ей полное неудовольствие, так как из 18 орудий, из коих каждое сделало по шести выстрелов, ни одно не попало в цель. Но, несмотря на неприятное впечатление, произведенное этой неудачей, наследник все-таки был высокого мнения об артиллерии и на вопрос, сделанный послу, ожидал, по-видимому, вполне удовлетворительного отзыва. И действительно, Ермолов отнесся к образованию артиллерии и заведению регулярных войск с большой похвалой, но, не желая упустить случая задеть самолюбие Аббас-Мирзы, прибавил, как бы между прочим, что и кочующие племена, каковы туркмены, просили главнокомандующего в Грузии снабдить их несколькими орудиями. Услышав это, Аббас-Мирза не мог скрыть своего смущения, чем явно обнаружилось, сколько ему был неприятен прогресс в военном деле у давнишних и злейших врагов Персии.

По окончании учения наследник пригла-

сил Ермолова в собственный сад, где в беседке, из которой открывался превосходный вид на город и его окрестности, был сервирован чай и шербет. Свита посольская находилась тут же, что крайне было неприятно Аббас-Мирзе, искавшему всегда случай унижить, в глазах своих соотечественников, русских и возвысить в них понятие о собственном величии и могуществе. Но Ермолов слишком хорошо понимал персиян, а потому всякую гордость и надменность с их стороны, в ущерб нашей чести и нашего достоинства, наказывал полнейшим и самым жестоким презрением. Так случилось и на этот раз. Когда все собрались в беседке и Аббас-Мирза выразил желание, чтобы посольская свита поместилась в соседней комнате, то Ермолов объявил, что он не только готов исполнить волю его, но выйдет с прочими и сам, причем отказался от чаю под предлогом, что он у нас в такое время не в употреблении. Затем, когда принц, раскланявшись, непременно хотел выехать из ворот сада первым, наш ординарец, по данному ему знаку, подвел лошадь одновременно и Ермолову, и они выехали через ворота

вместе. Так проследовали они до города, где и разъехались по домам. Все это, разумеется, немало бесило персиян, но они умели скрывать свое неудовольствие, хотя не отставали от старых привычек.

Утром 23 мая Алексей Петрович, после приема Фетх-Али-хана беглер-бега, ездил с визитами к Мирзе-Абуль-Касиму и брату его Муса-хану, сыновьям Мирзы-Безюрга; вечером же отправился посмотреть фейерверк, устроенный в его честь в замке наследника, которого самого при этом не было, потому, как было объявлено, он никого не желает стеснять своим присутствием. Зрелище продолжалось, впрочем, несколько только минут, так как ракеты, вензеля, фонтаны и разные другие вещи от слишком тесного и дурного их расположения вспыхнули все вдруг, причем произвели страшный треск и шум, а главное – заставили всех вдоволь наглотаться дымом. Персияне, однако же, не сознали своей ошибки и происшедшую неудачу оправдывали тем, что не желали испытывать терпение посла.

Между тем время шло, и Ермолов, видимо, стал томиться пребыванием в Тавризе; изве-

стей же о том, где и когда шаху угодно будет его принять, не имелось. Только 24 мая было получено письмо Мирзы-Шефи, коим посольство приглашалось в Тегеран к свадьбе двух принцев или, если по расчету времени оно не успеет к сроку, то в Султанию, летнюю резиденцию шаха. Письмо было написано в самых дружеских выражениях и ясно свидетельствовало о том нетерпении, с коим приезд Ермолова ожидался при дворе и вообще всеми высшими лицами государства. То же самое подтвердилось и другими известиями от Мирзы-Абуль-Хасан-хана, который писал следующее:

«До тех пор, пока золотое знамя солнца будет освещать небесный стан, до тех самых пор да украсится лагерь вашей высокосановности знаменем могущества и да наполнится чаша вашей души вином радости и веселия!

По изъявлении вам множества приветствий и по отправлении о вашем благополучии тысячи молитв я рукою искренности снимаю фату с ланит красавицы. После долгого приковывания ока надежды к дороге ожидания я денно и ночью не переставал мечтать о

радостном с вами свидании, как вдруг пришла благая весть о приближающемся блаженстве вашего присутствия. Восторг мой от этой вести не знает границ, и стремление к нашей встрече, постоянно усиливаясь, заставляет меня снова приковать глаза к дороге и ожидать вашего прибытия.

Благодаря известным похвальным качествам и прославленным добродетелям вашим все наши вельможи горят пламенным желанием увидеться с вами, в особенности же великий садри-азам (Мирза-Шефи. – *Ред.*).

В присутствии шахиншаха неоднократно заводилась речь о ваших достоинствах и доблестях, и это до той степени усилило доверенность высочайшего сердца к вашим добродетелям, что я не нахожу слов его описать. Что же касается желания его величества видеть вас в своем, раю подобном, присутствии, то в этом нет ни малейшего сомнения» и проч.

Но ехать в Тегеран Ермолову не хотелось, а потому, остановившись на Султанин, он, в ответном письме к Мирзе-Шефи, оправдывал выбор свой тем, что ввиду скорого выезда шаха из резиденции, а также усилившейся жа-

ры он решительно не имеет возможности поспеть к бракосочетанию его сыновей. Сам же он решился оставить Тавриз 26 мая. Накануне этого дня Аббас-Мирза приглашал его на загородную прогулку, но он, через каймакама, отозвался, что, выезжая на следующее утро и страдая от боли в глазах, не может исполнить его желания. Кроме того, прибавил Ермолов, «не быв принят наследником приличным образом, а встретившись с ним во дворе, он того за аудиенцию принять не может, а потому и не полагает себя в обязанности откланиваться ему, но что, впрочем, как с человеком милым и любезным, желал бы еще раз где-нибудь с ним встретиться».

Такой неожиданный ответ как громом поразила Мирзу-Безюрга. Он тотчас же поспешил уверить Ермолова, что прием на дворе есть доказательство величайшего к нему уважения и что до него все посланники, будучи принимаемы в комнатах, были обязаны надевать красные чулки. Но Ермолов отвечал, что он в сравнение с другими идти не намерен, а что если без красных чулок обойтись нельзя, то он просил каймакама предупредить шаха,

что он их не наденет, а между тем, чтобы не делать бесполезно излишнего пути, он на дороге будет ожидать ответа: ехать ли ему далее или возвратиться в Россию? Известие это окончательно ужаснуло каймакама, дав ему в то же время понять, что Ермолов имел о нем мнение как о величайшем плуте и мошеннике и что от него не скрылась ненависть его к России.

С такого рода объяснениями Алексей Петрович перед самым выездом отправил к Аббас-Мирзе советника посольства Соколова. В народе сделалась суматоха, но Ермолова, с восходом солнца, уже не было в городе.

Глава 5

Караванная дорога из Тавриза в Тегеран. Замок Шах-Гюли и загородные дворцы в Персии. Приезд Муса-хана. Шингиль-Абад. Посещение англичан. Развлечение посольской свиты. Мазарович. День св. Петра и Павла. Зенган. Принц Абдулла-Мирза. Саман-архи. Приезд Мирза-Абдуй-Вехаба. Прибытие императорских даров в Султанию

Главный караванный путь из Тавриза в Тегеран, направляясь к юго-востоку, идет между Сехендом и хребтом Карадагских гор через высокую Уджанскую плоскость и между селениями Миано и Ахкендом, перевалившись через Кафланкух, отделяющий Азербиджан от Ирака, принимает востоко-юго-восточное направление вплоть до самого Тегерана, оставляя слева Эльбурсский хребет. На всем этом протяжении, в 500 с лишком верст, местность в отношении природных красот ничем почти не замечательна: только Султанийская долина и роскошные сады, в которых утопает Казвин, нарушают утомительное однообразие, составляющее отличительный характер этой части Персии, в противоположность чудной природе по северную сторону Эльбурса, в прикаспийских провинциях.

Выехав описанным трактом из Тавриза, Ермолов направился через Басминдж и Сеид-Абад к Уджану и в 2 верстах от этой деревни остановился в небольшом замке, известном под именем Шах-Гюли, то есть «Царская роза», и построенном Аббас-Мирзой для своего царственного родителя. Подобные замки

встречаются в Персии чуть ли не на каждом шагу. Воздвигаемые вследствие разного рода побуждений, главным же образом с целью оставить о себе память или из простой привязанности к местности, персидские шахи, а за ними и правители провинции затрачивали на их постройку значительные капиталы, тогда как архитектура и живопись Персии истощали на них всю изысканность затейливого своего вкуса. В лучшее время года замки служили местопребыванием виновников своего существования, которые предавались в них всем ухищрениям восточной неги, являвшейся здесь в полном своем объеме. Прогулки, охота, разного рода увеселения, сопровождаемые звуками кеманчэ (род скрипки. – *Ред.*) и даирэ (бубны. – *Ред.*), пением и пляской мутрибов, были непрерывны и почти не умолкали. Но вместе со смертью шаха, принца или губернатора в этих зданиях навсегда угасала и шумная жизнь: оставленные на произвол судьбы, они обращались в развалины и более уже не возникали. Так случилось впоследствии и с замком Шах-Гюли, постройка которого стоила, говорят, около 30 тысяч червон-

цев. Достаточно было только на минуту забыть эту розу, рассыпавшую щедрой рукою благоухание, и она увяла навсегда.

Впрочем, уже в пребывание Ермолова убранство замка было весьма бедно, хотя строитель его и сам шах были еще живы. Кроме самого необходимого здесь все было просто, и только на стенах главной залы висело несколько картин. Одна из них изображала представление наследником шаху регулярных войск и артиллерии, а самого Аббас-Мирзу растянутым на земле у передних ног шахской лошади; другая – победу персиян над русскими. Смотря на нее, Ермолов спросил бывших при этом персиян, не Асландузское ли это сражение. «Наморщились рожи их, и страх, изображавшийся на лицах их от одного об оном воспоминания, заставил его не требовать ответа». Наконец, тут же висели портреты императоров Александра Павловича и Наполеона, но тот и другой до того неудачно выполненные, что вселяли невольное сожаление к таланту писавшего их художника.

Ермолов оставался в Уджане ровно неделю. Из более или менее знатных персиян его

посетил здесь Мирза-Муса-хан, сын Мирзы-Безюрга, юноша лет семнадцати, женатый на дочери шаха. При нем находился мулла, учивший его чтению и письму, что заставило Алексея Петровича предположить, что его прислали для того собственно, чтобы отдалить от молодой супруги, которою он, казалось, более занимался, нежели азбукой.

5 июня посольство продолжало путь в Султанию, делая иногда довольно продолжительные остановки, как, например, в роце близ деревни Шингиль-абад, где оно пробыло ровно 12 дней. В течение этого времени Ермолова посетили, один за другим, возвращавшиеся в Англию, через Россию, после многолетнего пребывания в Индии: начальник штаба английских войск в Бомбее, полковник Джонсон, капитан Салтер и резидент при одном из маратских владетелей Стречай. Рассказы этих путешественников о Крайнем Востоке слушались с большим любопытством; но не менее интересны были наблюдения Джонсона над самой Персией, несмотря на то что он видел ее как бы на лету, в проезд свой из Бендер-Бушира. С отъездом англичан в посольском ла-

гере все пошло по-прежнему: то же однообразие, та же неотвязчивая скука. Но молодежь наша не унывала, развлекаясь то музыкой, то устройством иллюминации, разного рода игр и даже танцами с переодеванием, как это случилось 16 июня, при угощении посольского михмандаря Аскер-хана: граф Самойлов нарядился в костюм одного из кабардинских узденей, а подпоручики Щербинин и Бобарыкин в женские платья, которые они как бы нарочно для подобных случаев захватили с собой из Тифлиса.

Из Шингиль-абада посольство 19 июня направилось к Варзигаму, где к нему присоединился приехавший из Тегерана коллежский советник Мазарович, а оттуда через Туркменчай, Мианэ и Джемал-абад к деревне Янги-джэ, куда оно, по случаю невыносимой жары, могло прибыть только накануне Дня ев. Петра и Павла. По случаю этого праздника в посольской палатке служили всенощную, а 29-го числа литургию, без совершения таинств.

На следующий день посольство имело въезд в Зенган, принятое правителем города юным Абдулла-Мирзой, сыном Фетх-Али-ша-

ха, с той предупредительностью и готовностью на всякие услуги, какое оно еще ни от кого не встречало с самого вступления на почву Персии. Обстоятельство это было тем приятнее Ермолову, что открывало ему удобный случай доказать Аббас-Мирзе, насколько он умеет ценить дружбу: сделав принцу два посещения, он оба раза перед тем, чтобы войти в комнату, приказывал обтирать сапоги, а беседой и любезностью в обращении дал почувствовать, насколько он признателен за сделанный ему прием.

В продолжение всего пребывания в Зенгане хор наш каждый вечер играл на балконе занимаемого посольством дома, составлявшего собственность визиря Мирзы-Мамед-Таги, который был послан Абдулла-Мирзой навстречу Ермолову перед въездом в город.

4 июля Абдулла-Мирза получил известие о выступлении шаха из Тегерана, что его заставило тотчас поспешить к нему навстречу. Вслед за ним выехал и Ермолов, но, не доезжая 10 верст до Султанин, остановился в урочище Саман-Архи, где на обширной равнине, на берегу Зенганчая, было разбито два лагеря:

один для посольства, а другой для Мирзы-Абдул-Вехаба, встретившего здесь Ермолова и имевшего поручение начать переговоры, для узнания, в чем, собственно, будут состоять требования посла. Но Ермолов на все домогательства Мирзы-Абдул-Вехаба отвечал, что он может говорить с ним только как с частным человеком, в официальные же переговоры, до личного свидания с шахом, вдаваться не намерен.

Тем не менее между ними происходило несколько заседаний, сопровождавшихся нередко весьма горячими возражениями: Абдул-Вехаб страдал ужасными ополчениями Персии и войной; Ермолов же говорил, что если заметит малейшую холодность в приеме его шахом и намерение прервать с Россией дружбу, то, охраняя достоинство своей родины, он предупредит объявлением войны и не кончит оной, не имея Араке границей между двумя государствами. Звание главнокомандующего в Грузии давало особенное значение словам его, и то, что, по мнению его, должно было бы ему вредить, принесло величайшую пользу. Но как бы шумны ни были совеща-

ния, они всегда оканчивались со стороны Мирзы-Абдул-Вехаба всевозможными персидскими любезностями, «от которых» у Ермолова «болела голова и от которых, в отчаянии, он еще более высказывал вежливостей в их нелепом роде».

Одновременно с прибытием посольства в Саман-Архи были доставлены в Султанию императорские подарки, не потерпевшие в пути ни малейшего повреждения. Они были помещены в больших палатках среди посольского лагеря и расставлялись под надзором самого Алексея Петровича, ездившего туда несколько раз с этой целью.

Так прошло время до 19 июля – дня прибытия Фетх-Али-шаха в Султанию. Зрелище это обещало много любопытного, а потому посол и некоторые чиновники отправились туда инкогнито.

Глава 6

Въезд Фетх-Али-шаха в Султанию. Прибытие Ермолова. Английский поверенный Виллок и доктор Кемпбель. Ермолов отправляется к шаху

Едва только на востоке занялась заря, как в султанском лагере уже все было на ногах. Наступило ясное, прохладное утро. Часов около девяти на дальнем горизонте показалось шахское шествие, медленно, почти незаметно приближавшееся к Султану. Но вот оно подошло к джамбазам (регулярная пехота), выстроенным от дворца вверх, по обеим сторонам Тегеранской дороги. Впереди шествия вели слона, имевшего на себе балдахин, за ним следовало 500 верблюдов с Фальконетами и знаменами, затем, также на верблюдах, 50 музыкантов с трубами, балалайками, бубнами, литаврами и прочими инструментами, из которых они извлекали какие-то бессвязные звуки, сливавшиеся в один нескончаемый гул, заставлявший непривычных к такой музыке затыкать себе уши. За музыкантами ехали шесть куртинских всадников, в богатых костюмах и на превосходных лошадях, принадлежавших Мамед-Али-Мирзе, который и командовал этим войском. Непосредственно за конницей, далее следовали 40 скороходов, шутовски одетые в чалмах, наподобие небольших корон и с короткими палками в

руках, а за ними, на своей лошади, которой ноги, живот, хвост и грива были выкрашены оранжевой краской, ехал Фетх-Алишах, имея около себя Садри-азама Мирзу-Шефи, а вслед за собой толпу сыновей, чиновников и разного рода персиян; отряд войск замыкал шествие. По временам к шаху подъезжали или принц Мамед-Али-Мирза, или зять его Аллах-Яр-хан. На каждых 3 верстах артиллеристы производили залпы из орудий, причем по необходимости должны были останавливаться и потом рысью, на верблюдах же, обгонять шаха, чтобы по-прежнему занять свои места. В некотором расстоянии от Султанин был заколот верблюд, и голова его брошена под ноги шаха, в знак жертвоприношения.

Толпа любопытных, собравшихся на это зрелище, хранила глубокое молчание и, скрестив руки на поверхности груди, с невыразимым смирением взирала на своего повелителя.

Завидев среди народа наших офицеров, шах привстал на стременах и, обратившись к ним, приветствовал их словами: «Селямун-аляйкум! Хош-амедид!» («Здравствуйте!

Добро пожаловать!»). На английского же поверенного Виллока, бывшего тут же в полной парадной форме, не обратил ни малейшего внимания.

Несколько далее шествие повернуло ко дворцу. Здание это, носящее, бог весть почему, такое громкое название, начато Ага-Мед-ханом и окончено Фетх-Али-шахом. Оно расположено на холме, близ грязного ручья, и имеет вид невзрачного, выстроенного на глине дома и столь тесно, что с трудом могло вместить в себе привезенных из Тегерана 40 шахских жен.

Сошедши с лошади, шах поднялся во дворец и, посидев несколько в открытой комнате, против которой в величайшем благоволении выстроились сыновья его, министры и другие чиновники, удалился в свой гарем.

Спустя шесть дней после прибытия он отправил одного из отрядных начальников, по имени Сафиар-хан, пригласить Ермолова в Султанию, где для него был устроен особый лагерь. Въезд посольства совершился 26 июля, в 4 часа пополудни, со всем приличествующим случаю торжеством, в следующем

порядке:

1. 12 донских казаков, в красных мундирах, по три в ряд, под командой штабс-капитана князя Бековича.

2. Полковник Ермолов с штабс-капитаном князем Бебутовым и поручиком Поповым.

3. Хор музыкантов, в гвардейских мундирах.

4. Гренадеры Тифлисского полка под командой поручика Федорова.

5. Штабс-капитан Муравьев, поручик Ренненкампф, подпоручик Щербинин и поручик Бобарыкин по два в ряд.

6. Князь Джембулат Джанхотов с четырьмя узденями, в костюмах из малинового бархата и в кольчугах.

7. Фельдъегери Стабуш и Лукьяненко.

8. Два курьера Иностранной коллегии.

9. Посол на лошади шаха, под чепраком, шитым золотом и серебром, и с изумрудным убором; по сторонам его ехали Негри и Соколов.

10. Полковник Иванов, Мазарович, Рыхлевский и Худобашев.

11. Чиновники Рикард, Бороздна, Ауф-

мордт, Машков, барон Корф и, наконец, 12 линейных казаков.

12. Штабс-капитан Коцебу, Лачинов и фельдъегерь Матвеев оставались в Саман-Архи и в церемонии не участвовали.

В дороге посольство было встречено валием Курдистана Аман-Уллах-ханом с 1200 всадниками, с которыми оно и проследовало до самого почти лагеря своего. Между тем в тот самый момент, когда Ермолов подъезжал к посольской палатке, устланной коврами и наполненной фруктами и персидскими конфетами, над ней был поднят флаг с российским гербом. Здесь же его приветствовал от имени шаха второй адъютант Махмуд-хан.

На следующее утро Ермолов отправился к Мирзе-Шефи, для вручения ему императорской грамоты, и остался у него не более четверти часа. Возвратившись в лагерь, он принимал Мирза-Абдул-Вехаба и некоторых чиновников Мирзы-Шефи, а также английского поверенного Виллока и доктора Кемпбеля; вечером же, в сопровождении шести донских казаков, обоих советников и секретаря, вторично ездил к Мирзе-Шефи, которого на дру-

гой день принимал у себя вместе с Мирзой-Абуль-Хасан-ханом.

31 же июля состоялась первая аудиенция у Фетх-Али-шаха. По этому случаю все пространство от посольского лагеря до шахской палатки, составлявшее около тысячи шагов, было занято шестью батальонами персидской пехоты, построенной в две линии, фронтом вовнутрь и с развернутыми знаменами. Ровно в 11 часов утра приехал за Ермоловым Махмуд-хан.

В вышеприведенном рассказе нашем мы имели уже случай коснуться тех затруднений, которые придворный этикет в Персии противопоставлял европейцам. Случившееся в Тавризе повторилось и в Султанин, хотя несколько и в другом роде. Несмотря на то что на взаимное соглашение о церемониале представления посольства Фетх-Али-шаху был посвящен целый день 30 июля и что послу, между прочим, было разрешено иметь при себе свиту в 20 человек, персидское министерство, вопреки этому условию, надумало построить чиновников в шахской палатке в одну линию, причем половина их оказалась

бы стоящей вне оной, под открытым небом. Когда такое расположение сделалось известным, Ермолов объявил, что если не последует немедленной отмены диспозиции, то он оставит всех чиновников в лагере и отправится к шаху только с одним переводчиком.

Обстоятельство это вызвало новые переговоры. Наконец, спустя около двух часов, последовало разрешение всем чиновникам быть в палатке, и посольство оставило лагерь.

Шествие открывали музыканты, игравшие разные марши; затем следовали 24 гренадера под командой графа Самойлова, 12 официантов в богатых ливреях с золотыми галунами, 2 конных ездовых Иностранной коллегии; посол на прекрасном жеребце в сопровождении Махмуд-хана и двух советников; за ними Худобашев, Мазарович, адъютанты, свитские офицеры (исключая Воейкова и Лачинова), полковник Ермолов, Машков, князь Джанхотов с узденями и в заключение линейные и донские казаки. В таком порядке посольство достигло до Кишик-ханэ, или палатки телохранителей, в которой его ожидали Ал-

лах-Яр-хан, Аман-Уллух-хан, Мирза-Абуль-Хасан-хан, чиновник Мамед-Али-мирзы и еще какой-то старик. Там же для посла было поставлено особое кресло, но Ермолов воспользовался им только вследствие убедительной просьбы Аллах – Яр-хана, так как сначала, войдя в палатку и ни с кем не раскланявшись, он сел было на один из попавшихся ему стульев, заметив, что «в караульне каждый может сидеть где ему угодно». Затем был сервирован чай и подавались кальяны.

Несколько спустя дали знать, что шах ожидает посольство: все встали и начали готовиться к аудиенции.

Глава 7

Приемная палатка. Фетх-Али-шах. Аллах-Яр-хан. Первая аудиенция. Речь Ермолова. Высочайшая грамота шаху. Представление посольской свиты. Штабс-капитан Коцебу. Перенесение императорских даров из посольского лагеря. Вторая аудиенция. Осмотр подарков

Перед нами обширная, обнесенная парусинною оградой площадь. Прямо против вхо-

да на нее, на противоположном конце, стоит довольно большая, но не богатая палатка. Внутри ее, на устроенном из кирпичей возвышении, устланном шалевыми коврами, поставлен трон, на подножии которого изображен отдыхающий лев. По правую сторону трона, на коврикe, обшитом по каймам жемчугом, лежат около стенки две круглые, обтянутые малиновым бархатом и унизанные крупным жемчугом подушки (мутаки), на четырех же углах коврика поставлены небольшие сосуды, вроде курильниц, а посередине украшенный алмазами и другими камнями кальян.

За несколько минут до начала аудиенции в палатку вошел Фетх-Али-шах и занял место на троне. Он был в кеянидской короне из драгоценных камней, с богатейшим алмазным пером впереди. От плеч до локтей на нем были нарукавники, осыпанные рубинами, сапфирами, яхонтами и алмазами, сливавшими свет свой с ослепительным блеском «Горы света», чтобы затем в тысячи блестках рассыпаться по поверхности «Моря света». Не менее богат был и накладной воротник, пояс и

украшенный алмазами и бриллиантами кинжал.

В глубине палатки, около задней стенки, по правую сторону от трона, стояли 14 шахских сыновей, а в конце их чиновник с блюдом, покрытым золотою парчою, на котором лежала малая шахская корона. По левую же сторону трона, вне палатки, стояли 4 гулям-пишхидмета, державшие шахские регалии: щит, саблю, скипетр и государственную печать.

От входа на площадь до самой палатки по обеим сторонам разместились вельможи и высшие чины государства, а перед палаткой, за бассейном, 4 насакчи-баши, с топориками (теберзин) из железа, с золотой насечкой и осыпанными драгоценными камнями рукоятками.

Но вот показался Ермолов, сопровождаемый Аллах-Яр-ханом и двумя советниками, один из которых нес на золотом блюде императорскую грамоту. Свита же посольская с Махмуд-ханом оставалась в кишик-ханэ. При самом входе на площадь Ермолов остановился и сделал первый поклон, затем, на середи-

не – второй, а перед палаткой – третий. В это время Аллах-Яр-хан громогласно произнес:

– Чрезвычайный и полномочный российско-императорский посол желает иметь счастье представиться средоточию вселенной и убежищу мира.

– Хош-гельди (добро пожаловать), – отвечал шах и жестом руки пригласил посла в палатку.

Ермолов вошел, поклонился и произнес:

– Император Российский, великий государь мой, равно постоянный в правилах своих и чувствах, уважая отличные качества вашего величества и любя славу вашу, желает существующий ныне мир утвердить навсегда с Персиею, царствованием вашим благополучною. Я имею счастье быть удостоен поручения представить пред вашим величеством желание моего государя. В искренности его пред лицом Персии призываю я Бога во свидетели.

Затем Ермолов взял с подноса грамоту и поднес ее шаху. Император Александр писал:

«Вашему шахову величеству нашего императорского величества приятельское поздрав-

ление. По благополучно заключенном между нами и вашим величеством и обоими государствами вечном мире дружба и доброе согласие счастливо восстановлены и оно блаженного мира трактат обоюдно нашего и вашего шахова величества ратификациями торжественно укреплен. Вследствие чего мы, истинное намерение к твердейшему содержанию соседственной доброй дружбы и к точному наблюдению всего того, что к взаимному благу, пользам и выгодам обоих государств и подданных наших споспешествовать может, и равномерно и во взаимство чрезвычайного посольства, от вашего шахова величества к нам отправленного и от нас с подобающею честью обратно отпущенного, отправили к вашему шахову величеству нашим чрезвычайным и полномочным послом нашего от артиллерии генерал-лейтенанта, командира Отдельного Грузинского корпуса, главного управляющего гражданскою частью в Грузии и губерниях Астраханской и Кавказской, орденов российских: Св. Александра Невского, алмазами украшенного, Св. Георгия 2-го кл., Св. Анны 1-й и 4-й ст., имеющего золотую саб-

лю с надписью «За храбрость», иностранных: императорского австрийского Марии-Терезии, королевско-прусских Красного орла 1-й ст. и военного ордена за заслуги и великого герцогства Баденского военного ордена 1-й ст. кавалера, высокоблагородного и нам любезно-верного Алексея Ермолова, которому мы повелели ваше шахово величество именем нашим накрепчайше удостоверить, что с нашей стороны оный восстановленный между обоими государствами блаженный вечный мир всегда свято и ненарушимо содержать будет и ни малейшего повода никогда не подастся к каким-либо противным оному и соседственной дружбе действиям. Пребываем в несомненной надежде, что столько же взаимно и ваше шахово величество в таких же доброжелательных и миролюбивых расположениях к нам всегда пребудете и со стороны вашей и Персидского государства с равномерною истинною склонностью и чистым намерением в ненарушимом содержании сего блаженного вечного мира поступлено будет, каковые с обеих сторон благоутодные деяния послужат вперед к наивысшему

утверждению оного и счастливо восстановленной соседственной дружбы, также и к умножению благоденствия и пользы обоюдных подданных. Того ради ваше шахово величество дружелюбно просим означенного нашего чрезвычайного и полномочного посла генерал-лейтенанта Ермолова благосклонно к себе на аудиенцию, сходно с характером его, допустить и всему тому, что он на той аудиенции и впоследствии потом вашему шахову величеству именем нашим представлять и предлагать честь иметь будет, полную веру подавать и на оное благоприятными ответами и резолюциями с вашей стороны его снабжать, как того настоящая, восстановленная между обоими государствами, совершенная вечная дружба требует. А по исправлении сего торжественного посольства им, нашим генерал-лейтенантом Ермоловым, обратно его со всяким дружелюбным благоволением и принадлежащим характеру его достоинством отпустить. Впрочем, мы вашему шахову величеству желаем всемогущего Бога долголетнего здравия. С.-Петербург, 5 августа 1816 года».

Приняв грамоту, Фетх-Али-шах положил ее

около себя на трон, а Ермолов, отошедши на свое место, по приглашению его сел в приготовленное для него кресло.

Затем шах осведомился о его здоровье.

– Счастливейшим, – отвечал Алексей Петрович, – почитаю для себя день сей, в который предстал перед лицом государя Персии, могущественного и знаменитого, уважаемого российским императором, моим государем.

После того, подзвав снова Ермолова, шах спросил его о здоровье императора и о том, где государь находился, когда он отправился в Персию.

Дав приличный ответ, Алексей Петрович опять возвратился на свое место и, по восточному приглашению, сел; но при всяком обращении к нему шаха беседовал с ним стоя.

Спустя несколько минут шах спросил о месте пребывания государя в данную минуту, причем упомянул, что было бы желательно, чтобы российский император, равно как и государь Персии, могли посещать друг друга, подобно европейским государям, заключил пожеланием, дабы гнев Аллаха разразился над могущими дерзнуть поколебать мир и ти-

шину, в коих пребывают обе державы.

Но вот предстала посольская свита.

Представляя каждого чиновника отдельно, Ермолов упомянул, что они лучшего дворянского происхождения, служат или в гвардии, или при государе и что все одинаково почитают себя счастливыми явиться перед повелителем Ирана, ибо предприняли столь далекое путешествие с целью узреть кроткого монарха, прославившегося отличными свойствами, мудростью и величием.

Выслушав это, Фетх-Али-шах выразил удовольствие, что ему представился случай познакомиться с отличными офицерами русского императора, дорогого своего союзника.

Между чиновниками свиты находился штабс-капитан Коцебу. Называя его, Ермолов заметил, что этот офицер, совершивший кругосветное путешествие, был, подобно другим, порываем желанием видеть Персию и великого Фетх-Али-шаха.

– Теперь, – с видимым удовольствием произнес шах, – он, конечно, все видел, – и тут же выразил желание, чтобы чиновники посольской свиты, по возвращении в Россию, были

произведены в следующие чины.

Вскоре за сим Ермолов оставил палатку и, сделав на площади три поклона, вышел за ограду, где сел на лошадь и, не возвращаясь более в кишик-ханэ, отправился в свой лагерь.

Следующие два дня после аудиенции были исключительно посвящены перенесению императорских даров из посольского лагеря и размещению их в особой, нарочно для того поставленной палатке, рядом с той, в которой происходил прием посла. Для представления же их была испрошена особая аудиенция, которую и назначили на 3 августа, день праздника Байрама, которым заключился пост Рамазан.

Около 10 часов утра Ермолов, в сопровождении Махмуд-хана и небольшой свиты, выехал из лагеря. У самого дворца он сошел с лошади и с советником Негри поднялся на террасу, где был принят Мирзой-Шефи, и под небольшим навесом стал ожидать шахского выхода. Прочие чиновники свиты отправились в палатку с императорскими дарами.

С террасы открывался превосходный вид

на весь султанский лагерь. Прямо против дворца, на площадке, ниже террасы, собрались вельможи и высшие чины государства в полной парадной одежде; за площадкой были выстроены войска, а за ними вся местность покрыта густыми массами любопытных. На другой же площадке, по правую сторону дворца, было расставлено около 500 фаль-конетов и орудий. Наконец, тут же, перед дворцом, находилась целая толпа музыкантов, плясунов и других комедиантов.

После третьего пушечного выстрела показался в диван-ханэ (аудиенц-зале) Фетх-Али-шах. Он был в знакомом нам наряде. С появлением его все приклонили головы. Наступило глубокое безмолвие, среди которого слышался только голос глашатая, выкрикивавшего изо всей горловой мочи хвалу своему повелителю и молившего Аллаха о его долгоденствии и благополучном царствии. Когда он кончил, шах обратился к Мамед-Хусейн-хану Мервскому, знатному вельможе и присяжному пииту, которого обязанность, при подобных торжествах, состояла в воспевании и прославлении шахских доблестей в самых

пышных и льстивых выражениях.

Вслед затем Ермолов был приглашен в диван-ханэ, где поздравил шаха с праздником, а потом – к открытой галерее, чтобы удобнее любоваться зрелищем. Между различными потехами, вроде плясок со всевозможными кривляниями и гимнастических упражнений на канате, особое внимание обратили на себя три слона, с испещренными листовым золотом и серебром хоботами, которые очень искусно всходили по лестнице на террасу и снова по ней спускались.

Любуясь и потешаясь забавами, Фетх-Алишах вместе с тем поддерживал с Ермоловым самый любезный разговор, уверив его, между прочим, что доверенность, какой он пользуется от своего государя, а равно и личные его достоинства дают ему полное право на такую же доверенность шаха.

Кончив беседу, шах удалился в свой гарем, с тем чтобы, спустя час, посетить палатку с царскими дарами, куда, в ожидании его, и отправились Ермолов и Мирза-Шефи. В этот короткий промежуток времени поднялся такой сильный вихрь, что едва не разметал все да-

ры, спасенные только благодаря величайшим усилиям целой сотни феррашей, успевших ухватиться за веревки и удержать палатку. Когда ветер стих, шах послал главного своего евнуха Манучехр-хана узнать, не потерпели ли подарки какого повреждения, а вскоре и сам показался на дворцовой лестнице, сопровождаемый несколькими сыновьями и между ними Мамед-Али-Мирзой. Но едва только он дошел до приемной палатки, как должен был в ней укрыться, за страшной пылью, поднятой новым, несравненно сильнейшим, чем в первый раз, порывом ветра. Но вот пыль улеглась, воздух по-прежнему стал чист и прозрачен, и шах перешел в близстоявшую палатку. Пораженный богатством и изяществом представившихся ему даров, он как-то невольно остановился у самого входа и, только после изъявления Ермолову полного своего удовольствия, стал переходить от одного предмета к другому, рассматривая каждую вещь до мельчайших подробностей. Начав с хрустальных сервизов и взяв рюмку, он нашел, что она до того отчетливо и превосходно отделана, что может возбудить страсть к ви-

ну даже в мусульманине, которому оно столь запрещено пророком. Увидев тут же фарфоровую тарелку с изображением на ней русской девушки, он спросил: «Неужели в России и в самом деле так хороши женщины?» От фарфора он опять обратился к сервизам и, остановившись на подносе, выразил удивление, что такая большая вещь может быть отлита из стекла.

Но ничто, по-видимому, не поразило так сильно Фетх-Али-шаха, как громадных размеров зеркала. Никогда еще в жизни он не видел себя так хорошо, как в этот раз, и ничто, казалось, не могло сравниться с тем глубоким впечатлением, под которым он находился в данную минуту. «Мне было несравненно легче, — произнес он, — приобрести миллионы, чем этот подарок русского венценосца, который не променяю ни на какие сокровища в мире». И долго еще и неподвижно всматривался он в себя и в обливавшие его алмазы и бриллианты, в бесчисленных сияниях отражавшиеся в глубине волшебного трюмо. Все молчали, и никто не нарушал его самосозерцания. Но вот, как бы очнувшись, он думал

было обратиться к другим вещам, но какая-то неведомая сила снова приковала его к месту. Прошло еще несколько минут. Наконец, преодолевая себя, он сделал легкое движение в сторону, еще миг, еще один только взгляд на зеркальную поверхность... и очарование исчезло...

На очереди были парчи и меха. Последние показались шаху ненатурального темного цвета. Но сомнение это тотчас рассеялось, когда Ермолов объяснил, что они выбраны самим государем.

– Значит, – спросил он, – к ним коснулась рука императора? – И, не дождавшись ответа, положил на один из мехов руку, как бы в залог того, сколь ему дорог союз с государем.

Полюбовавшись после того пирамидой с бесчисленными ящичками, наполненными разными предметами женского туалета, а также бронзовыми часами, изображавшими слона с механизмом, который, по его просьбе, три раза был приводим в движение, он обратился в заключение к бриллиантам. Затем, изъявив желание, чтобы перевозка вещей в Тегеран была поручена тому же чиновнику,

который их доставил в Султанию, он простился с послом и удалился во дворец, куда за ним последовал и Мирза-Шефи.

Глава 8

Отсылка подарков к Мирзе-Шефи. Визиты Ермолова. Мамед-Али-Мирза. Переговоры по делам. Конференция 12 августа. Отзыв Ермолова о Мирзе-Безюрге. Аудиенция у шаха. Праздник в честь Ермолова. Прощальный обед в посольстве и связанные с ним затруднения. Осмотр шахских сокровищ. Новая аудиенция у шаха. Обед у пизам-уд-доулэ

Заря уже угасла на западе, когда Ермолов возвратился в свой лагерь. Первой его заботой по приезде было немедленное отправление к Мирзе-Шефи назначенных ему от имени государя подарков. Приятно было такое внимание дряхлому премьеру, и он пожалел только о том, что ночь помешала народу быть свидетелем оказанных ему императором милостей.

Следующие дни были посвящены посещению находившихся в Султанин шахских сы-

новой и высших государственных чинов. Ермолов начал с Мамед-Али-Мирзы. Приняв посла со всею любезностью и предупредительностью, принц долго и с видимою искренностью говорил о том удовольствии, которое он ощущает при более и более утверждающихся добрых сношениях между Россией и Персией, вполне сознавая пользу, какую родина его может извлечь от такого положения дел в будущем. Во время этой беседы Ермолов, желая оказать особенное уважение принцу, несколько раз порывался отвечать ему стоя, но Мамед-Али-Мирза каждый раз предупреждал его просьбой не вставать с кресла. Когда же бывший при этом михмандарь Аскер-хан заявил, что такова обязанность посла и что он напрасно ей противится, то принц строгим взглядом заставил его молчать, заметив, что знает, с кем говорит.

От Мамед-Али-Мирзы Ермолов отправился к другим принцам и, между прочим, к Абдулла-Мирзе, знакомому нам из Зенгана. Но, исполняя долг вежливости, он не забывал главной цели своего посольства. Едва только кончилась вторая аудиенция, он при ближайшем

же свидании с Мирзой-Шефи предложил приступить к переговорам, причем, не доверяя словесным объяснениям и обещаниям персиян, условился вести их на бумаге. Кстати заметить, что возникшая засим переписка велась собственноручно Ермоловым, и это потому, чтобы в случае каких-либо промахов не подвергаться нареканиям или упрекам других, а за все отвечать самому. Характеристическая и редкая черта в начальнике!

Сначала Ермолов думал, что переговоры затянутся и что ему еще не скоро удастся выехать из Султанин, но, по особенному счастью, благодаря энергическим объяснениям, которыми он отнял у персиян всякую охоту на частые совещания, все ограничилось несколькими бумагами и одной конференцией. Она происходила 12 августа. Кроме Мирзы-Шефи и Ермолова, в ней приняли участие Мирза-Абдул-Вехаб и советники Негри и Соколов. Первый и важнейший вопрос, подлежавший объяснению, относился до областей, отошедших России в силу Гюлистанского договора. Во время прений, которые с обеих сторон велись одинаково горячо, Мирза-Шефи и

Мирза-Абдул-Вегаб истощили все свое красноречие и силу своих убеждений, чтобы склонить Ермолова на какую-либо уступку. Видя же его непреклонность, они объявили, что отказ по делу, не допускавшему и малейшего сомнения на благоприятное его разрешение для Персии, последовал для них столь неожиданно, что они страшатся одной мысли заявить о нем шаху. «В таком случае, – заметил Ермолов, – я готов вывести вас из затруднения и лично объяснюсь с его величеством». Услышав такие речи, министры пришли в ужас и, долго не думая, чистосердечно сознались, что все предложения с их стороны были сделаны без предварительной воли шаха, но что если они рассчитывали на такую уступку, то единственно потому, что считали ее вполне справедливой. Но Ермолов не поддавался, ответив, что им уже донесено государю о положительной невозможности отдать Персии и самого ничтожного клочка из уступленных областей и что если он после этого даже во сне увидит, что ей возвращаются земли, то, вероятно, не проснется и вовеки. Слова эти были столь убедительны, что устранили вся-

кие дальнейшие настояния со стороны министров и самый вопрос о землях начал мало-помалу предаваться забвению.

Затем зашла речь о назначении поверенного в делах при шахе и консулов в Гиляне и Астрабаде, а также об учреждении в тех местах торговых обществ и контор. Хотя в разрешении этого ходатайства со стороны министров не встретилось особых затруднений, но оно не могло быть удовлетворено тогда же, так как потребовалось предварительное мнение Аббас-Мирзы, в ближайшее ведение которого поступали пограничные владения.

Наконец, третий предмет обсуждения заключался в испрошении шахского фирмана на возвращение пленных и непрепятствование тем из беглых солдат наших, которые изъявляют желание оставить Персию, возвратиться в Россию. Дело это также было передано на ближайшее рассмотрение Аббас-Мирзы, с тем чтобы он в решении своем руководствовался мирным договором и действовал согласно существующим между обеими державами доброму согласию и дружбе.

Во время совещаний по последнему пунк-

ту Ермолов не упустил случая высказаться насчет Мирзы-Безюрга как о величайшем плуте и мошеннике, которого вражда к русским и подстрекательство против нас населения соседственных с Персией областей могут подать повод к войне, но что тогда всякое раскаяние будет поздно. Министры, как и следовало ожидать, против такого аргумента не посмели возражать, так как и у них, как говорится, «пушок на рыльцах был». Отзывом своим Ермолову удалось, однако же, устранить Мирзу-Безюрга, прибывшего в то время в Султанию, от всякого участия в переговорах.

16 августа Ермолов, в сопровождении Негри, был на аудиенции у шаха и затем присутствовал на селяме (приеме у шаха). Здесь повторилось все то, что происходило 3 августа, с тем лишь добавлением, что принц Мамед-Али-Мирза, через сына, поднес своему родителю довольно значительные подарки, состоявшие из шалей, парчи, денег и множества ковров, и что шаху представлялся посланец из Синда, привезший, кроме подарков, еще письмо от своего владельца, которое тут же удостоилось громогласного прочтения.

При встрече с Ермоловым Фетх-Али-шах лично объявил, что он считает вопрос об областях, отошедших к России по Гюлистанскому договору, оконченным и что земли те впредь в возврате требуются не будут, так как он из-за них дружбы с государем прерывать не намерен.

Вскоре после последнего свидания, а именно 21-го числа, состоялась четвертая аудиенция, а 22-го Ермолов со всей свитой был приглашен шахом на особое, устроенное в честь посольства, празднество. Стечение народа, по обыкновению, было значительное. Недоставало только англичан, которые, во избежание надевания чулок, вообще не показывались там, куда был приглашаем Ермолов. В заключение праздника был сожжен фейерверк, состоявший из множества фонтанов и нескольких тысяч ракет. Он продолжался около 40 минут, сливаясь в один непрерывный оглушительный треск и грохот с производившейся одновременно пальбой из всех артиллерийских орудий, бывших в Султанин, и не менее 300 фальконетов.

Между тем дни уходили за днями, и Ермо-

лов стал собираться в отъезд. Но прежде чем уехать, он задумал устроить прощальный обед, дабы выразить высшим представителям власти признательность за их радушие, а также за те расходы по приему посольства вообще, которые персидское правительство нашло для себя более выгодным обратить на их карманы. Едва только намерение это огласилось, как из задуманного празднества вышло дело государственное. «Вмешался Мирза-Шефи; был внесен доклад на высочайшее воззрение. Большая часть приглашенных была исключена по неравенству с прочими, так что из 50 оставлено всего только 15. Кроме того, было созвано духовенство, чтобы приискать в Коране, каким образом, не оскорбляя закона, разрешить трапезу у неверного». Начались справки, но разрешающей статьи не оказывалось: все пришли в недоумение, не зная, что делать. Наконец после долгого размышления и ввиду сколько шахского позволения, столько боязни оскорбить посла, улемы постановили принять приглашение Ермолова, но с тем, чтобы за столом прислуживала их прислуга и чтобы она же накладывала и резала кушанья.

Условие это было принято, а вечером 25-го числа состоялся и сам обед. Лагерь на этот случай был превосходно иллюминирован, а палатки освещены люстрами и жирандолями. В числе приглашенных находились: Мирза-Шефи, Мирза-Безюрг, Мирза-Абдул-Вегаб, Хаджи-Мамед-Хусейн-хан, Аман-Уллах-хан, Махмуд-хан и визирь зенганский Мирза-Тачи. Гости были, впрочем, весьма воздержаны и, кроме фруктов, почти ни до чего не дотрагивались. Когда же встали из-за стола, то каждый из них, выбрав себе кушанье, которое по внешнему виду казалось ему лучшим, просил о присылке его к нему на дом.

Утром того же дня посольство, пользуясь отсутствием шаха на охоте, отправилось во дворец, где Аллах-Яр-хан показывал ему шахские драгоценности, причем поднес Ермолову два портрета Фетх-Али-шаха, из коих один предназначался собственно ему, а другой государю императору. Оба портрета были написаны крайне безобразно, но обстоятельство это нисколько не помешало принять их с выражением полнейшей признательности и с почетом доставить в наш лагерь.

На следующее утро шах, возвратившийся еще накануне в Султанию, опять принимал Ермолова и на этот раз до того любезно, что при самом его приходе подарил ему из собственных рук 11 огурцов и маковый букет. В происшедшей затем беседе он совершенно неожиданно и в шутку, намекая на отошедшие к России области, стал говорить о том, как обманулся в своих ожиданиях и как не исполнились те надежды, которые он так долго лелеял в душе.

– Взгляни на посла, – сказал он после минутного молчания Аллах-Яр-хану, – как ему совестно, что не исполнил моего желания, когда я, со своей стороны, готов сделать все угодное его государю. Он не имеет, что сказать против этого. Я же в дружбе всем жертвую охотно. – Произнеся это, шах спросил Ермолова: – Скажи по правде, ты передашь разговор наш государю?

Ермолов ответил утвердительно.

Затем шах завел речь о своей власти, которую считал несравненно выше власти всех прочих венценосцев, уподобляя себя тени Аллаха на земле.

– Приятна, – возразил Ермолов, – тень от человека, под скипетром которого благоденствует несколько миллионов народа, считающего дни его благодеяниями. – И после того, как бы мимоходом, спросил: – А какова была тень Ага-Мамед-хана?

Известно, что Ермолов сравнивал последнего с жидом, взявшим в аренду землю персидскую.

Шах принял вопрос без неудовольствия и улыбнулся.

Вечером того же дня посольство обедало у низам-уд-доулэ. Когда собрались приглашенные, хозяин взял Ермолова под руку, чтобы вести его из приемной палатки в столовую, и в это время весьма странным образом стал перебирать пальцы его левой руки. Думая, что таков, вероятно, один из восточных обычаев изъявлять дружбу, Ермолов сначала было не обратил на то никакого внимания, но когда он почувствовал на пальце громадный перстень, то тотчас же отдернул руку, заметив, что таких подарков и таким образом предлагаемых он не принимает. Хозяин было обиделся, но потом, за обедом, вздумал вме-

сто перстня предложить большой величины неоправленный камень, но Ермолов отказался и от камня. На следующий день низам-уд-доулэ повторил свой маневр, предлагая вместо камня свой яхонт, но потерпел и на этот раз такую же неудачу, какую понес Мирза-Шефи, желая поднести послу нитку крупного жемчуга.

Обед у низам-уд-доулэ продолжался около двух часов. Встав из-за стола, Ермолов простился с хозяином и, сопровождаемый Мирзой-Шефи, немедленно направился в свой лагерь.

Глава 9

Подарки шаха и принца Мамед-Али-Мирзы. Прощальная аудиенция. Речь Ермолова. Ответное письмо Фетх-Али-шаха государю императору. Грамоты императриц старшей жене шаха и ответы на них

В промежуток времени между последнею аудиенциею и обедом у низам-уд-доулэ в посольском лагере шли деятельные приготовления к встрече шахских наград и подарков, ко-

торые, однако же, вследствие отмены первоначального распоряжения персидского правительства, были доставлены лишь утром 27 августа. Они состояли в следующем:

Ермолову: орден Льва и Солнца 1-й ст. с бриллиантами, сабля Измаил-шаха с богатейшею портупеею, 10 дорогих шалей и 17 кусков парчи;

советникам: орден Льва и Солнца 2-й ст., по 3 шали и столько же кусков парчи; кроме того, Негри получил украшенный драгоценными камнями кинжал, а Соколов жеребца;

полковнику Ермолову и Коцебу также орден Льва и Солнца 2-й ст., по 2 шали и по 2 же куска парчи;

прочим офицерам и чиновникам посольской свиты разных степеней орден Льва и Солнца, а штаб-офицерам, сверх того, по шали и по 2 куска парчи; наконец – людям посольства 1500 червонцев. Из этих денег унтер-офицеры получили по 20, официанты по 14, солдаты и казаки по 12, а прислуга по 10 червонцев.

По принятии подарков Ермолов пожаловал принесшему их чиновнику соболий мех и

золотые часы, а бывшей с ним прислуге 600 червонцев.

Вслед за уходом чиновника Ермолову были присланы подарки от принца Мамед-Али-Мирзы; они заключались в четырех дорогих шалях, нескольких кусках парчи и двух арабских лошадях (кобыла и жеребец).

Вечером того же дня посольство в полном составе было на прощальной аудиенции, куда отправилось в том же порядке и с тою же церемониею, как и в первый раз. Откланиваясь шаху, Ермолов начал с изъявления признательности за оказанные ему милости и предоставление посольству тех выгод, какими оно пользовалось как в дороге, так и в Султанин, и кончил следующей речью:

— С первым шагом моим на землю персидскую принес я в душе моей почтение к знаменитым делам и славе вашего величества, и сие чувство почерпнул я в истинной дружбе и уважении, которое великий государь мой сохраняет к особе вашей. Ныне, имев счастье познать лично высокие добродетели вашего величества, возвращаюсь я, исполненный удивления. И благополучно утвержденный

мир, и милостивый благосклонный прием, которого удостоились россияне, будут новым поводом дружбы и большей привязанности великого государя их к великому обладателю Персии. Молю Бога, да продолжит доброе согласие для блага обоих народов! Благополучное царствование и слава вашего величества есть желание сердца каждого россиянина.

Выслушав эти немногие слова, шах собственноручно вручил Ермолову ответное письмо государю следующего содержания:

«Связанные сердечною дружбою и приятнью, первое слово наше должно быть посвящено прославлению Всевышнего, утвердившего между нами доброе согласие. Затем, хвала пророкам и имамам, свидетельствующим единство Аллаха и ведущим нас по пути истины и правды.

Великому государю, знаменитому и счастливому монарху, возвышенной ветви сада империи, животворящей воде источника могущества, великолепному и прославленному самодержцу российских областей и бесчисленных земель – да превознесется он похвалами по мере своей славы и силы – посылаем

привет, сияющий как светило его разума, пожелания столь же стремительные, как стрелы его преднамерений, восхваления, в прочности не уступающие основам его престола, и благоговение, усугубляющееся под влиянием звезды его счастья и благополучия.

Сим доводится до благосклонного сведения вашего величества, что истолкователь сердечных чувств ваших, высокоблагородный, пронизательный, верный, преданный, лучший из христианских князей, одаренный превосходнейшими качествами души, генерал-лейтенант Ермолов, прибыв в эту землю, передал нам счастливое письмо своего государя, скрепленное печатью дружбы и имеющее очистить путь ко взаимным сношениям.

Ваше величество сообщаете, что, одушевляемые желанием поддержать и упрочить союз дружбы и единства, плоды последнего трактата, вы обеспечиваете со своей стороны точное соблюдение его постановлений и правила доброго согласия и соседства. Такие уверения требуют взаимности. Но вашему величеству известно, что еще с того времени, как наш поверенный, избранный между ханами

Мирза-Абуль-Хасан-хан подтвердил нам о дружеском расположении вашем, сердце наше было приведено в восхищение и что, поставив себе правилом угождать вашему величеству, мы следовали побуждениям собственного сердца.

Подобно тому, как роза мирного трактата, распутившаяся в цветнике (полистан) на равнине Карабаха, благодатью Всевышнего предохранится от урагана осени на улыбающейся поляне нашего сердца и в вечно цветущем саду души, не помрачится в своей чистоте и вечная постоянно усугубляющаяся дружба.

Итак, последствия доброго согласия выяснены и сердечные пожелания высказаны. А потому, отпуская ныне, с подобающими почестями, упомянутого генерала, заслужившего своим поведением и качествами души наше благоволение, нам остается утешаться расположением вашего величества.

Благодаря Всевышнему связи дружбы и искренности ныне взаимно скреплены и основы согласия упрочены, счастливый же мир вековечится, и благотворные последствия

приязни день ото дня будут усугубляться. Мы с нетерпением ожидаем, в силу установившейся неразрывной дружбы, приятного ответа и осуществления надежд наших.

Да будут дни счастья и могущества вашего величества вечны!»

Обратившись затем лично к Ермолову, шах сказал, что расстается с ним с полным сожалением. «Ты, – произнес он, – до того расположил меня к себе, что язык мой не хочет произнести, что я отпускаю тебя». От посла он в самых милостивых выражениях отнесся к чиновникам посольской свиты, упомянув, что доброе поведение их, давая им полное право на его благоволение, заставляет его в то же время переменить составившееся у него превратное мнение о русских. В дальнейшей, довольно продолжительной беседе он, между прочим, выразил желание послать государю что-либо из местных изделий и произведений Персии, причем, со своей стороны, поручил просить императора о присылке ему хороших люстр и фарфорового сервиза в восточном вкусе. Затем он отпустил Ермолова, пожелав ему благополучного возвращения в

Грузию и полного счастья в будущем.

Вечером у Ермолова обедали англичане. Это было последнее с ними свидание, так как весь день 28 августа был посвящен прощальным визитам, а 29-го посольство оставило Султанию. Накануне отъезда все министры прислали послу подарки, но он от большей части отказался, удержав из всего только девять лошадей. Вместе с тем Ермолову были доставлены письма старшей жены шаха к императрицам Елизавете Алексеевне и Марии Федоровне, в ответ на высочайшие к ней грамоты, переданные Мирзе-Шефи еще 3 августа, в той самой палатке, в которой находились императорские дары, перед посещением ее Фетх-Али-шахом.

Нам неизвестно, которая именно из жен шаха была признана старшей; да и едва ли кто в целой Персии, кроме разве обитательниц гарема, о том что-нибудь знал. Недоумение это могло бы разъясниться из ответных писем, но в приложенных к ним печатях, к сожалению, не было показано имени.

Когда в Тегеран прибыло от английского короля Георга первое посольство, то оно

также имело поручение передать старшей жене шаха письмо и богатейший подарок королевы. Сначала были в недоумении, которую из жен признать старшей, но в собравшемся по этому поводу особенном заседании первенство осталось за Ага-бегюм. Она получила подарок и сама написала ответ королеве. Ага-бегюм была дочь Ибрагим-хана Карабахского и действительно пользовалась преданностью и уважением Фетх-Али-шаха, на что ей главным образом давало право высокое ее происхождение. Из других жен, пользовавшихся хотя меньшим уважением, но зато большей привязанностью шаха, известна дочь одного кебабчи (продавца жареного мяса на базарах), удостоившаяся даже получить титул тадж-и-доулет, то есть «венец государства». Но мы склоняемся к тому предположению, что и на этот раз предпочтение было дано Ага-бегюм.

Грамоты императриц, помеченные одним и тем же числом (5 августа 1816 года), и ответные на них письма заключались в следующем:

Грамота государыни императрицы Елиза-

веты Алексеевны: «Нашего императорского величества дружеское поздравление. Видев из письма вашего высочества, коль усердно желали вы, чтобы восстановленные между обоими государствами мир и согласие как можно больше утвердились, мы с истинным удовольствием уведомляем ваше высочество, что точно с таковым намерением ныне отправляется со стороны Е. И. В., любезнейшего супруга нашего, чрезвычайным и полномочным послом к его шахову величеству превосходительный и благоурожденный генерал-лейтенант Ермолов, которому поручили мы, кроме сей грамоты, доставить вашему высочеству от нас дары, как во взаимство таковых же от вас к нам присланных, так и в доказательство искреннейшей нашей дружбы к вам, с каковою желаем вашему высочеству совершенного благоденствия и многих радостей».

Ответное письмо:

«До тех пор, пока весною сады облекутся в одежду листьев и цветов, а бесчисленные голоса утренних соловьев станут оживлять сидящих за завесою беседы в парке роз, до тех

самых пор, цветник счастья знаменитой госпожи великого государства, Билкалса (одна из жен царя Соломона. – *Ред.*) величия, Марии подобной, колыбели совершенства, очаровательного ожерелья царства, счастливого рудника жемчуга славы и блестящей звезды на высоком небосклоне – да благоухает розами вечности и да пребудет отрадным пиршеством к утолению жажды питьем вождедения!

По изъяснении приязни высокому уму, подобному луне, представляется, что упитанный амброю запах виноградника постоянства и мускусное благоухание сада дружбы, то есть счастливое дружеское письмо, или высокая записка, счастливым прибытием распространила благовоние в беседе сердца и умножила приятным содержанием радость души дружбы. Она была преисполнена от конца до начала постоянною дружбою и от начала до конца отличалась остроумием; цветник ее выражений был украшен розами единодушия и согласия, а с розы содержания снята пыль неприязни. Очаровательные доказательства твердой дружбы отражаются в ней,

как в зеркале, а зеркало сердца неизменных друзей рукой приязни очистилось от всякой вражды; содержимые в ней мысли породили славу, благополучие и веселие, а обнаружение желанного согласия, вытекающее из ее изречений, доставило великую радость. Мы благодарим Аллаха, покровителя дружбы, что Он связал обе державы узами того согласия, которое дает нам возможность развлекаться дружескою перепискою, и соединил оба знаменитые государства тем согласием, которого нить всегда в руках наших. Хотя любимое лицо свидания, по-видимому, и скрыто за занавесью, но она не препятствует проявлению искренности сердец; дальность же расстояния хотя устраняет возможность взаимного соединения, но, стремясь по пути дружбы, мы не знаем препон. Есть надежда, что основание этого соединения прочно и что способы к нашему сближению будут постоянно увеличиваться. Так как высокостепенный, основание князей и избранный между вельможами христианства, могущественный главнокомандующий и чрезвычайный посол той вечной державы (то есть России. – М. П.), храб-

рый генерал-лейтенант Ермолов, по вручении императорской грамоты, возвращался от благополучного двора великого государя, то оказалось нужным начертать это дружеское послание. Правила дружбы требуют, чтобы единодушные вяще украшалось разноцветными розами переписки, а радость приятельного сердца усугублялась приятельскими поручениями.

Впрочем, да текут дни по желанию!»

В печати написано: «О ты, бегюм (госпожа. – М. П.), соделавшаяся целомудрием второю Венерою и звездою шаха, покровителя мира!»

Грамота государыни императрицы Марии Федоровны: «Нашего императорского величества дружеское поздравление. Пользуясь отправлением генерал-лейтенанта Ермолова, назначенного чрезвычайным и полномочным послом со стороны Е. И. В., любезнейшего сына нашего, к его шахову величеству, мы с истинным удовольствием повторяем вашему высочеству уверение в искреннейшей нашей дружбе к вам и в полном доброжелательстве. Мы поручили сему послу также доста-

вить вашему высочеству разные от нас дары, будучи уверены, что вы их примете доказательством, сколь приятны для нас были дары ваши, а также той приязни, с коею мы желаем вашему высочеству постоянного благоденствия и многих радостей».

Ответное письмо:

«Пока цена и свежесть госпож, скрывающихся в разных местах цветника роз усугубляется благоуханием весны и почки роз запахом животворящего ветерка Мессии склоняются к полам Марии, кустарник роз, край завесы веселия и почка кустарника роз счастья благополучной госпожи, уединенной палаты великой державы, финикового дерева величия, плода сада высоты, полной луны совершенства и сияния неба благополучия, счастливой коробки перла государства, благополучного созвездия звезды знания, Марии, колыбели величия, высокосановной сестрицы – да будут предохранены от всякой нечистоты горестей и вреда знойного вихря печалей!

При сплетении пучка роз, да откроется приязненному уму, что дышащий амброю запах виноградника постоянства и мускусное

благоухание сада дружбы, то есть счастливое дружеское послание, означающее соединение, счастливым получением распространило благоухание в беседе сердца и приятным содержанием вяще возрадовало душу. Оно дышало дружбою и от начала до конца было преисполнено остроумия; цветник его выражений был украшен розами единодушия и согласия, а розы содержания очищены от пыли неприязни. Залоги твердой приязни отражаются в нем, как в зеркале, и зеркало сердца постоянных друзей рукою дружбы очистилось от всякой вражды; вложенные в него мысли доставили славу, благополучие и веселие и изречения дружбы, которыми оно дышало, возродили неописанную радость. Мы обязаны благодарить Аллаха, покровителя дружбы, за то, что Он связал обе высокие державы той приязнью, что мы можем развлекаться дружескою перепискою» и т. д. (как в предыдущем письме. – М. П.), а в заключение: «Впрочем, да будут дни искренности вечны!»

Печать, как и в первом письме.

Вечером в посольском лагере все было занято приготовлением к выезду.

Глава 10

Выезд из Султании. Прибытие в Тавриз. Француз Мергие. Аудиенция у Аббас-Мирзы. Переговоры с Мирза-Безюргом. Вражда между Аббас-Мирзой и Мамед-Али-Мирзой за наследство. Отказ Ермолова в официальном признании наследника. Свидания с Аббас-Мирзой. Сардар Эриванский Хусейн-хан. Прощальная аудиенция. Ответное письмо Аббас-Мирзы к государю. Подарки наследника. Последнее свидание с Мирзой-Безюргом и выезд из Тавриза. Встреча посольства на границе и прибытие Ермолова в Тифлис. Заключение

Был ясный и светлый день. Солнце хотя пекло, но менее, чем в предыдущие дни, так что посольство могло выступить из лагеря в самый полдень. Оставляя без сожаления Султанию, Ермолов уносил, однако же, с собой немало приятных воспоминаний, которые почти исключительно сосредоточивались на Фетх-Али-шахе. Найдя в нем человека умного, благонамеренного, кроткого и великодушно-го, он полюбил его, не столько вследствие сде-

ланного ему ласкового приема или особого к себе внимания, сколько за чистосердечное расположение к государю и полную готовность скрепить с ним узы доброго согласия и дружбы. Но не мог он того же сказать об Аббас-Мирзе, к которому теперь направлял путь свой и с которым ему предстояло пережить еще несколько тревожных дней. При одной мысли об этом близком будущем им овладело какое-то неприятное чувство, и он дорого заплатил бы, чтобы миновать Тавриз и не встречаться более ни с наследником, ни, в особенности, с ненавистным ему каймаком. Между тем желание так или иначе кончить дела своей миссии и, ввиду приближавшейся осени, скорее выехать из Персии влекло его вперед, и он спешил, избегая частых и продолжительных остановок в дороге. После отпразднования тезоименитства государя императора в Зенгане посольство имело только две дневки, так что 9 сентября оно уже вступило в резиденцию Аббас-Мирзы.

С прибытием в Тавриз, совершившимся без всякой церемониальной встречи, от которой Ермолов отказался еще накануне, посоль-

ство расположилось по-прежнему в доме Мирзы-Безюрга, и на этот раз не без некоторого скандала. Вот что случилось. Когда музыканты наши собирались занять отведенные им комнаты, то живший на том же дворе француз Мерше, полковник Наполеоновой гвардии, служивший в войсках Аббас-Мирзы, выгнал их вон, причем двум музыкантам нанес сабельные удары. Дерзость эта взорвала Ермолова. Он потребовал немедленного удовлетворения. Когда же местная власть от этого уклонилась, то приказал арестовать и наказать плетьюми француза, саблю же его отправил к Аббас-Мирзе, поручив передать ему, что подобного негодяя, вероятно, уже более на службе терпеть не будут.

Милостивый и ласковый прием, сделанный Фетх-Али-шахом Ермолову, произвел глубокое впечатление на наследника. О прежних требованиях в соблюдении придворного этикета не могло быть речи, и посол каждый раз был принимаем в аудиенц-зале, где для него всегда стояло кресло и куда вместе с ним входила и вся его свита. Но, выиграв на одном, Ермолов потерял на другом.

Мы упомянули выше, что решение некоторых вопросов, предложенных на конференции в Султанин, было возложено на наследника. Переговоры по ним открылись тотчас после свидания с Аббас-Мирзой и предоставления ему императорских даров и велись непосредственно между послом и Мирзой-Безюргом.

Первый пункт, подлежащий обсуждению и касавшийся собственно определения времени для постановления границы между Россией и Персией, кончился благополучно, так как он, в сущности, не представлял особых затруднений. Не менее благоприятно был решен и другой вопрос: о допущении России иметь при тегеранском кабинете своего поверенного в делах. Сначала Мирза-Безюрг думал возражать, но должен был уступить ввиду сделанного Ермоловым заявления, что назначение поверенного зависит единственно от шаха, при особе которого должно состоять аккредитованное государем императором лицо. В отношении же допущения наших консулов и учреждения купеческих контор в Гиляне и Астрабаде последовал отказ, который Мир-

за-Безюрг формулировал очень просто тем, что как Аббас-Мирза, «по скромности своей», управления Гилянской областью на себя не принимал, да и принять не намерен, то и согласия дать не может.

Но вот коснулись самого щекотливого и трудного вопроса: возвращения наших пленных и беглых солдат. Когда Ермолов предъявил свои требования, основанные на VI статье Гюлистанского трактата, Мирза-Безюрг отвечал, что как со времени его заключения прошло почти четыре года, а по смыслу приведенной статьи пленных и беглых должно было возвратить в трехмесячный срок, но хотя за давностью времени правительство и имело бы право считать себя свободным от того, чтобы удерживать на чужой земле «рабов Аллаха и созданий единого Творца», оно готово, по возвращении русского батальона из похода, о чем уже сделано распоряжение, возвратить всех тех, которые изъявят желание оставить Персию, причем просить окончание самого дела поручить особенному поверенному. После такого отзыва, по-видимому, не оставалось бы желать ничего лучшего,

но не так понимал каймакама Ермолов. Зная, что батальон за несколько только часов до его прибытия был выслан из Тавриза под предлогом усмирения возмущившихся будто бы курдов и что вместо него поставлены другие войска, он не мог не видеть явного обмана и мошенничества со стороны Мирзы-Безюрга, а потому на все его клятвы и уверения отвечал в самых строгих выражениях.

– Рассказывайте все то детям, – говорил он, – не мне. Клятвам вашим не верю: они для вас то же, что для меня понюхать табаку. Мне известна вся низость ваших поступков; известны и те меры, которые приняты, чтобы не допустить до меня пленных. Не дерзайте оправдываться: еще сегодня один из таких несчастных бросился с крыши к стоявшему у нашего обоза караулу. Подлое поведение ваше я опубликую во всеобщее сведение. Попробуйте заставить меня молчать. Нас здесь 200 человек среди войск ваших; прибавьте к ним еще 100 батальонов, и я не более вас буду уважать. Наследника же вашего предупредите, что если во дворце, в числе его телохранителей, узнаю русского солдата, то, невзирая на

его присутствие, я вырву его у вас.

Слова эти и грозный тон, в котором они были произнесены, привели каймакама в крайнее замешательство. Он думал было оправдываться, но напрасно: Ермолов разбивал его на каждом шагу и, насквозь ему в заключение еще много горьких истин, прекратил переговоры и удалился.

Следующее заседание имело тот же характер.

Но противодействие, встреченное в освобождении пленных и беглых, не осталось без достойного отмщения.

Известно, что Аббас-Мирза находился в непримиримой вражде за наследство со старшим своим братом Мамед-Али-Мирзой, лишенным этого права потому, что мать его была не кадjarского племени, а христианкой, которая у персиян может быть только невольницей. Столь очевидное возвышение кадjarов, пользовавшихся особенным уважением высшей власти и занимавших лучшие должности в государстве, возбудило к ним ненависть народа, в котором образовались две партии: кадjarская, сосредоточив-

шая все свои надежды на Аббас-Мирзе, и партия недовольных, принявшая сторону обиженного Мамед-Али-Мирзы. К поддержанию и постоянному разжиганию вражды двоих братьев немало способствовала и собственная неосмотрительность шаха, вверившего Аббас-Мирзе управление провинциями, некогда отторгнутыми от Турции, жители которых не успели слиться с персиянами, тогда как Мамед-Али-Мирзе отдал области, в коих жили знатнейшие и коренные фамилии Персии, которых он привязывал щедротой и отращиванием от всего, что было противно древним обычаям народа. Впоследствии, чтобы ослабить старшего сына, он поставил его в некоторую зависимость от Аббас-Мирзы, разрешив последнему образовать у себя регулярные войска и лишив этого преимущества Мамед-Али-Мирзу. С этой же целью, при заключении Гюлистанского трактата, была предложена IV статья, принятая генералом Ртищевым, рассудившим за благо давать Аббас-Мирзе титул наследника. Этого-то последнего признания, порученного по инструкции ближайшему усмотрению Ермолова, самым

настойчивым образом добивался Аббас-Мирза, на что его в особенности побуждали англичане, хорошо знавшие, что влияние их может существовать только в его царствование и что при Мамед-Али-Мирзе им трудно будет удержаться в Персии, так как он питает к ним полнейшую ненависть.

Но усилия Аббас-Мирзы на этот раз не достигли цели, Ермолов оставил Тавриз, не поддавшись на удочку, будучи глубоко убежден, что уступкой наследнику он вместе с тем оказал бы важную услугу англичанам, упрочив их влияние в Персии в ущерб собственных наших интересов.

Рядом с переговорами происходили почти ежедневные свидания с Аббас-Мирзой. Вниманию его и любезностям не было конца. То он приглашал Ермолова на загородную прогулку, то на смотр какой-либо отдельной части войска, а однажды даже на обед – случай небывалый, чтобы христианин ел в одной комнате и в одно время с наследником.

Кроме обычных визитов со стороны вельмож и частых посещений англичан, Ермолова навестил сардар Эриванский, вызванный в

Тавриз по какому-то важному делу.

15 сентября посольство праздновало день коронации государя, а 19-го – имело прощальную аудиенцию у Аббас-Мирзы, вручившего при этом случае Ермолову свое ответное письмо на высочайшую грамоту. Вот его содержание:

«Украшением пера и началом письма служит имя Аллаха миро-держца, единого Творца (да будет священо имя Его!), который, сделав согласие сердец государей спокойствием земель света, смывает пыль несогласия сладкою водою приязни и наставляет племена рабов на путь истины.

Потом блистательные перлы похвалы, в коей находит удовольствие священная беседа и которая сияет в собрании людей, представляются его высокому величеству, великому императору, величественному дяде, в великолепии подобному Александру, государю, коего слава возвышена до степени Сатурна и которого престол – небо, покровителю государств и украшающему справедливость, счастливому и блистающему в короне.

Засим представляется зеркалу ума, укра-

шающего свет, что счастливая грамота высокостепенного, знаменитого посла, кавалера, генерала, начальника артиллерии Алексея Ермолова доставила украшение своим получением и государственный смысл оной умножил душевную дружбу и приязнь. Вышеозначенный высокостепенный посол довольно объяснил склонность блистательного сердца Е. В-ва ко мне, просителю, чем и удостоверился я в благосклонности высокой души, ибо верность сердца меня, просителя, в том убеждает, а от сердца к сердцу дорога одна. Добрые качества Е. И. В-ва стали известны всему свету, равно как и благосклонность его ко всем приятелям ясна подобно солнцу.

Хотя прежде сего произошло несколько неприятностей, но ныне, волею единого Аллаха, основания несогласия совершенно уничтожены и правила согласия устранили узлы раздора; с обеих сторон язык каждого превозносит дружбу, а старания всех принимаются за приязнь, и если бы после сего утвержденного согласия какое-нибудь дело в глазах судящих по наружности было показано в другом виде, исправление того всегда легко при

высокой воле Е. И. В-ва, потому что ежеминутно зефир постоянства в дружбе несет благоухание соединения до обоняния обеих держав; дружелюбие изгладит из сердца несогласие и ежедневно станет являться то, что желательно душе. Воля Аллаха высказалась в окончательном утверждении сей дружбы, и заключение оной совершилось с обоюдного согласия обеих государств. Того ради и дабы сделать угодное высокой императорской воле, сей проситель, как подобало, также спешествовал своими стараниями соглашению и посол Е. В-ва отпущен от двора великого государства довольным и вполне удовлетворенным.

Как вышеозначенный посол, исполнив должности посольства при его величестве государе и при сем просителе надлежащим образом, отправляется ныне обратно, то и искренняя приязнь требовала, чтобы я письменно исполнил долг дружбы.

Время счастья да будет соединено с веселием и радостью!

Друг чистосердечный и верный в приязни, наследник знаменитого государства Аб-

бас-Мирза.

Писано в хранимом городе Тавризе».

В печати написано: «Перл Шахова моря – Аббас».

Особенный лист, приложенный к письму Аббас-Мирзы к государю императору:

«Е. И. В-во извещается, что императорские подарки, которые по совершенной приязни сделали честь послать, доставлены так, как надлежало, чрезвычайным послом знаменитой Российской державы. Всякая вещь из оных, смотря по дружбе, показалась приятнее самых лучших вещей света, и в самом деле они достойны славы Е. И. В-ва и приличны меня, просителя. Посол хорошим обхождением своим также возрадовал мое сердце, исполненное верностью, и обязанности посольства исполнил дружески».

В печати написано: «Надеющийся раб Божий – Аббас».

Вскоре после аудиенции посольству были присланы от наследника подарки: Ермолову шесть дорогих шалей и осыпанная драгоценными камнями сабля, а советникам и прочим чиновникам его свиты шали и парча.

Наконец наступило 20-е число. Еще с раннего утра в посольстве все было готово к отъезду; ожидали только Ермолова, отправившегося к каймакаму для окончательных переговоров по делам. Но Мирза-Безюрг, как оказалось, и на этот раз не оставил своих обычных мошеннических уловок. Объявив, что ему нужно по некоторым делам заручиться согласием наследника, он оставил посла, обещая немедленно возвратиться с ответом. Но едва только он скрылся, как Ермолов, не дождав-шись его и не желая напрасно тратить время, возвратился к своей свите и немедленно выехал из города.

День этот, по собственному его признанию, был одним из приятнейших в его жизни, и он не иначе соглашался снова увидеть Персию, как разве с оружием в руках.

Прибыв поздно ночью в Софьян, посольство было настигнуто в этом селении мирзой наследника, его адъютантом и Аскер-ханом михмандарем, с которым оно простилось еще в Тавризе. Цель их приезда, как обнаружилось на следующий день, состояла в том, чтобы добиться официального признания Аб-

бас-Мирзы наследником и присылки поверенного для спроса наших пленных и беглых. Но Ермолов отклонил оба домогательства и, отпустив присланных, тотчас же отправился и сам в дальнейший путь, боясь встретить новые какие-либо задержки.

22 сентября он получил известие из Тифлиса о скоропостижной смерти генерал-майора Кутузова, что его крайне огорчило, так как он лишился в нем не только доброго друга, но и редкого сотрудника, которого заменить было весьма трудно.

Спустя два дня посольство переехало Араке и, направившись через Нахичевань и Эривань к Баш-Абарани, в некотором расстоянии от этого селения было встречено командой донских казаков, а несколько далее – двумя ротами пехоты с пушкой, из которой, в честь его благополучного прибытия на границу, было произведено семь выстрелов.

Из Баш-Абараны Ермолов двинулся на Амамлы, откуда через Эмир-Айвазло 10 октября достиг Тифлиса. С этого-то собственно времени он вступает в действительное управление краем, открывающее новую, блестящую

эпоху в военной летописи Кавказа...

Так кончилось посольство Ермолова в Персию.

Немалую пользу оказала Ермолову и сама внешность его. «Угрюмая рожа моя, – писал он к графу Арсению Андреевичу Закревскому, – всегда хорошо изображала чувства мои, и когда я говорил о войне, то она принимала на себя выражение чувств человека, готового схватить зубами за горло. К несчастью их, я заметил, что они того не любят, и тогда всякий раз, когда недоставало мне убедительных доказательств, я действовал зверскою рожей, огромною своею фигурою, которая производила ужасное действие, и широким горлом, так что они убеждались, что не может же человек так сильно кричать, не имея справедливых и основательных причин. Когда доходило до шаха известие, что я человек-зверь неприступный, то при первом свидании с ним я отравлял его лестью, так что уже не смели ему говорить против меня, и он готов был обвинять того, кто мне угодить не может».

В сношениях с людьми влиятельными

Алексей Петрович прибегал в крайних случаях к другим, не менее хитрым уловкам. Так, например, упоминая о своих сношениях с Мирзой-Шефи, он говорит: «В знак большей к нему привязанности я дал ему название отца и, как сын покорный, обещал ему откровенность во всех поступках и делах. Итак, о чем невыгодно мне было трактовать с ним, как с верховным визирем, я обращался к нему, как к отцу; когда же надобно было возражать ему или даже постращать, то, храня почтение как сын, я облакаюсь в образ посла. Сею эгидою покрывал я себя в одних крайних случаях и всегда выходил торжествующим».

Что касается общего впечатления, выведенного Ермоловым из Персии, то оно резюмировано в следующих его словах, которыми он заканчивает свою «Записку»: «Тебе, Персия, не дерзающая расторгнуть оковы поноснейшего рабства, которые налагает ненасытная власть, никаких пределов не признающая; где подлые свойства народа уничтожают достоинства человека и отъемлют познание прав его; где обязанности каждого истолковываются раболепным угождением властителю;

где самая вера научает злодеяниям и дела добрые не получают возмездия: тебе посвящаю я ненависть мою и, отягчая проклятием, прорицаю падение твое».

Но думал ли тогда Ермолов, что то именно государство, над которым он произносит суровый приговор свой, прежде чем распасться самому, подготовит его собственную гибель?

И кому же, если не Персии, обязан он своим падением?..

Анекдоты о разных лицах, преимущественно об А.П. Ермолове

Денис Давыдов

В царствование сумасшедшей памяти императора Павла командир одного из артиллерийских полков, генерал-майор Каннабих, читал лекции тактики во дворце; значительнейшие лица в государстве, и в том числе фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин, желая угодить государю, являлись слушать эти лекции. Чтобы вернее изобразить нелепость читателя и читаемого, я здесь приведу несколько слов из них, причем

неправильные ударения и произношения я буду изображать соответствующими им буквами. «Э, когда командуют: повзводно направо, офицер говорит коротко: во; э, когда командуют: повзводно налево, то просто: налево. Офицер, который тут стоял, так эспонтом держал и так маршировал; и только всего, и больше ничего» и т. д. Этот бессмысленный генерал подписывал следующим образом билеты увольняемых в отпуск рядовых: «Всемиловейшего государя моего генерал-майор, Св. Анны I степени и анненской шпаги, табакерки с вензелевым изображением его величества, бриллиантами украшенной, и тысячи душ кавалер».

В царствование этого государя комендантом Шлиссельбургской крепости, куда ссылались важнейшие государственные преступники, был почтенный, добрый и примерно благородный генерал Аникеев. Этот комендант, с трудом выучившийся подписывать свою фамилию, ободрял заключенных, в судьбе которых он принимал истинно отеческое участие. Однажды прислан был к нему француз, которого надлежало предварительно вы-

сечь кнутом, а потом заключить в крепость. Почтенный Аникеев, приказав всем выйти из комнаты, кроме француза, сказал ему: «Пока я буду ударять кнутом об пол, а ты кричи как можно жалостливее». По приведении в исполнение этой процедуры Аникеев призвал подчиненных, до коих доходили крики француза, и сказал им: «Преступник уже наказан, отведите его куда следует».

Павел, узнав однажды, что Дехтерев (впоследствии командир Санкт-Петербургского драгунского полка) намеревается бежать за границу, потребовал его к себе. На грозный вопрос государя: «Справедлив ли этот слух?» – смелый и умный Дехтерев отвечал: «Правда, государь, но, к несчастью, кредиторы меня не пускают». Этот ответ так понравился государю, что он велел выдать ему значительную сумму денег и купить дорожную коляску.

Однажды государь, выходя из своего кабинета и увидав свое семейство, с которым находился почтенный и доблестный Федор Петрович Уваров, скачал им, указывая на свою палку, называемую берлинкой: «Этой берлинкой хочется по чьим-то спицам прогуляться».

Все присутствующие были неприятно поражены этими словами, но государь, подозвав к себе Уварова, передал весьма хладнокровно какое-то приказание.

Император Павел, оставшись недовольным великим Суворовым, отставил его от службы; приказ о том был доставлен великому полководцу близ Кобрина. Приказав всем войскам собраться в полной парадной форме, он сам предстал пред ними во всех своих орденах. Объявив им волю государя, он стал снимать с себя все знаки отличий, причем говорил: «Этот орден дали вы мне, ребята, за такое-то сражение, этот за то» и т. д. Снятые ордена были положены им на барабан. Войска, растроганные до слез, воскликнули: «Не можем мы жить без тебя, батюшка Александр Васильевич, веди нас в Питер». Обратившись к присланному с высочайшим повелением генералу (по мнению некоторых, то был Линднер), Суворов сказал: «Доложите государю о том, что я могу сделать с войсками». Когда же он снял с себя фельдмаршальский мундир и шпагу и заменил его кафтаном на меху, то раздались раздирающие вопли солдат. Один

из приближенных, подойдя к нему, сказал ему что-то на ухо; Суворов, сотворив крестное знамение рукою, сказал: «Что ты говоришь, как можно проливать кровь родную!»

Оставив армию, он прибыл в село Кончанское, Новгородской губернии, где и поселился. Через несколько времени Павел, вследствие просьбы римского императора, писал Суворову замечательное письмо, в коем он просил его принять начальство над австрийскими войсками. Получив письмо, Суворов отвечал: «Оно не ко мне, потому что адресовано на имя фельдмаршала, который не должен никогда покидать своей армии» – и отправился в окрестные монастыри, где говел. Павел приказал между тем приготовить ему Шепелевский дворец; видя, что Суворов медлит с приездом, он отправил к нему племянника его – генерала князя Андрея Ивановича

Горчакова, с просьбой не откладывая более прибытия своего в столицу. На всех станциях ожидали Суворова офицеры, коим было приказано приветствовать фельдмаршала от имени государя и осведомиться о его здоровье. Государь лично осмотрел отведенный

для Суворова дворец, откуда были вынесены часы и зеркала; тюфяки были заменены свежим сеном и соломою.

Суворов, не любивший пышных приемов, прибыл в простой тележке к заставе, где и расписался; ожидавший его здесь генерал-адъютант не успел его приветствовать. По мнению некоторых, Суворов виделся ночью с государем и беседовал с ним довольно долго. На следующий день, когда все стали готовиться к разводу, государь спросил князь Горчакова: «А где дядюшка остановился? Попросите его к разводу». Князь Горчаков отыскал его с трудом на Шестилавочной у какого-то кума, на антресолях; когда он передал ему приглашение государя, Суворов отвечал: «Ты ничего не понимаешь: в чем же я поеду?». Когда Горчаков объявил ему, что за ним будет прислана придворная карета, упрямый старик возразил: «Поезжай к государю и доложи ему, что я не знаю, в чем мне ехать». Когда доведено было о том до сведения Павла, он воскликнул: «Он прав, этот дурак (указывая на Обольянинова) мне не напомнил о том; приказать тотчас написать сенату указ о том, что

отставленный от службы фельдмаршал граф Суворов-Рымникский принимается на службу со всеми его прерогативами». Получив указ, Суворов прибыл во дворец, где, упав к ногам Павла, закричал: «Ах, как здесь скользко».

Государь, объявивший Суворову, что ему надлежало выбрать в свой штаб людей, знакомых с иностранными языками, пожелал видеть их; Суворов, принявший за правило противоречить во всем государю, представил ему тотчас коменданта своей главной квартиры Ставракова (человека весьма ограниченного и занимавшего ту же должность в 1812 году), который на вопрос государя, на каких языках он говорит, отвечал: «На великороссийском и на мало-российском». Когда Павел, обратясь к Суворову, сказал: «Вы бы этого дурака заменили другим», он отвечал: «О, помилуй бог! Это у меня первый человек!»

Впоследствии [Суворову] были присланы от короля сардинского знаки Св. Маврикия и Лазаря для раздачи отличившимся и низшая степень этого ордена – камердинеру его Прошко за сбережение здоровья фельдмаршала. Раздав их лицам, не выказавшим особого

мужества и усердия, Суворов спросил Ставракова, что говорят в армии? На ответ Ставракова, что присланные ордена были им розданы плохим офицерам, Суворов сказал: «Ведь и орден-то плох». Таким же образом поступил он в отношении к ордену Марии-Терезии. Получив однажды знаки Св. Георгия 3-го класса от императрицы Екатерины, приказавшей возложить их на достойного, он наградил им правителя Гражданской канцелярии своей.

В день отъезда Суворова из Петербурга в армию поданы были ему великолепная карета и ряд экипажей для его свиты, состоявшей, по воле государя, из камергеров и разных придворных чиновников. Перепрыгнув три раза чрез открытые дверцы кареты, Суворов сел в фельдъегерскую тележку и прибыл весьма скоро в Вену, где его неожиданный и быстрый приезд немало всех изумил. Сидя с карете с австрийским генералом Кацем, Суворов на все его рассказы о предстоящих действиях, зажмурив глаза, повторял: «Штыки, штыки». Когда Кац объявил ему, что к концу года союзникам надлежит находиться в таком-то пункте, Суворов резко отвечал: «Кам-

пания начнется на том пункте, где, по мнению вашему, союзники должны находиться к концу года, а окончится где бог велит».

К умирающему Суворову прислан был обер-штабмейстер граф Иван Павлович Кутайсов с требованием отчета в его действиях; он отвечал ему: «Я готовлюсь отдать отчет Богу, а о государе я теперь и думать не хочу». Гроб сего великого человека, впавшего в немилость, сопровождали лишь три батальона; государь, не желая, чтобы военные отдали последний долг усопшему герою, назначил во время его похорон развод.

Хотя Суворов находился весьма часто в явной вражде с Потемкиным, но он отдавал ему полную справедливость, говоря: «Ему бы повелевать, а нам бы только исполнять его приказания». Проезжая в тележке через Херсон, он всегда останавливался у собора поклониться праху сего знаменитого мужа. Павел приказал разрушить все здания, мало-мальски напоминавшие Потемкина, коего прах велено было вынести из церкви, где он покоился, и перенести на общее кладбище. Хотя смотритель, коему было приказано привести это

приказание в исполнение, был немец от рождения, но этот высокий человек, имя которого я, к сожалению, не упомяну, не решился этого сделать; он оставил славный прах на месте, заложив лишь склеп камнями.

Граф Ф.В. Ростопчин был человек замечательный во многих отношениях; переписка его со многими лицами может служить драгоценным материалом для историка. Получив однажды письмо Павла, который приказывал ему объявить великих князей Николая и Михаила Павловичей незаконнорожденными, он, между прочим, писал ему: «Вы властны приказывать, но я обязан вам сказать, что, если это будет приведено в исполнение, в России не достанет грязи, чтобы скрыть под нею красноту щек ваших». Государь приписал на этом письме: «*Vous etes terrible, mais pas moins tres juste*» («Вы ужасны, но справедливы». — *Ред.*).

Эти любопытные письма были поднесены Николаю Павловичу, чрез графа Бенкендорфа, бестолковым и ничтожным сыном графа Федора Васильевича, графом Андреем. Павел сказал однажды графу Ростопчину: «Так как

наступают праздники, надобно раздать награды; начнем с Андреевского ордена; кому следует его пожаловать?» Граф обратил внимание Павла на графа Андрея Кирилловича Разумовского, посла нашего в Вене. Государь, с первою супругою коего, великою княгинею Наталиею Алексеевною, Разумовский был в связи, изобразив рога на голове, воскликнул: «Разве ты не знаешь?» Растопчин сделал тот же самый знак рукою и сказал: «Потому-то в особенности и нужно, чтобы об этом не говорили!»

Во время умерщвления Павла князь Владимир Михайлович Яшвиль, человек весьма благородный, и Татаринов задушили его, для чего шарф был с себя снят и подан Яковом Федоровичем Скарятинным. Беннигсен, боявшийся, чтобы Павел не убедил своих убийц, ударил его в голову, сказав: «Nous nous sommes trop avances pour pouvoir reculer; quand on veut faire une omellete, il faut commencer par casser les oeufs» («Мы зашли слишком далеко, чтобы отступить; когда хотят сделать яичницу, нужно разбить яйца». — *Ред.*).

Граф Николай Александрович Зубов изру-

бил саблею высокого драбанта, стоявшего у двери; камердинер Павла был ранен саблею в щеку; он поступил впоследствии к цесаревичу. Фоку, придворному чиновнику, коего брат служил в артиллерии, проезжавшему в это время мимо дворца, кучер сказал: «Ну, барин, там ужасная идет заваруха!» За два дня до того вся молодежь говорила о том во всех гостиных. Марию Федоровну, порывавшуюся играть роль Екатерины II, осадили. Подробности были мне сообщены братом Александром Михайловичем Каховским, которому в свою очередь рассказывали их сами Беннигсен и Фок.

По возвращении своем из Персидского похода, в 1797 году, Алексей Петрович Ермолов служил в 4-м артиллерийском полку, коим командовал горький пьяница Иванов, предместник князя Цицианова (брата знаменитого правителя Грузии). Этот Иванов во время производимых им ученьев имел обыкновение ставить позади себя денщика, снабженного флягою с водкой; по команде Иванова «Зелена» ему подавалась фляга, которую он быстро осушивал. Он после того обращался к

своим подчиненным со следующей командой: «Физики, делать все по-старому, а новое – вздор». Рассердившись однажды на жителей города Пинска, где было нанесено оскорбление подчиненным ему артиллеристам, Иванов приказал бомбардировать город из двадцати четырех орудий, но благодаря расторопности офицера Жеребцова снаряды были поспешно отвязаны, и город ничего не потерял. Пьяный Иванов, не заметивший этого обстоятельства, приказал по истечении некоторого времени прекратить пальбу; вступив торжественно в город и увидав в окне одного дома полицмейстера Лаудона, он велел его выбросить из окна.

Позже Алексей Петрович встретился и долго жил с знаменитым впоследствии Матвеем Ивановичем Платовым, имевшим уже восемь человек детей. Платов, уже украшенный знаками Св. Анны 1-й степени, Владимира 2-й степени, Св. Георгия 3-го класса, был сослан по следующей причине: государь, прогневавшись однажды на генерал-майоров: Трегубова, князя Алексея Ивановича Горчакова и

Платова, приказал посадить их на главную дворцовую гауптвахту, где они оставались в течение трех месяцев. Платов видел во время своего ареста следующий сон, который произвел на него сильное впечатление: «Закинув будто бы невод в Неву, он вытащил тяжелый груз; осмотрев его, он нашел свою саблю, которая от действия сырости покрылась большою ржавчиною». Вскоре после того пришел к нему генерал-адъютант Ратьков (этот самый Ратьков, будучи бедным штаб-офицером, прибыл в Петербург, где узнал случайно один из первых о кончине императрицы; тотчас поскакал с известием о том в Гатчину, но, встретив уже на половине дороги императора Павла, поспешил поздравить его с восшествием на престол. Анненская лента, звание генерал-адъютанта и тысяча душ крестьян были наградами его усердия). Ратьков принес, по высочайшему повелению, Платову его саблю, которую Платов вынул из ножен, обтер об мундир свой и воскликнул: «Она еще не заржавела, теперь она меня оправдает...» Ратьков, видя в этом намерение бунтовать казаков против правительства, воспользовался

первым встретившимся случаем, чтобы донести о том государю, который приказал сослать Платова в Кострому. Между тем Платов, выхлопотавший себе отпуск, отправился чрез Москву на Дон, но посланный по высочайшему повелению курьер, нагнав его за Москвой, повез в Кострому.

Однажды Платов, гуляя вместе с Ермоловым в этом городе, предложил ему, после освобождения своего, жениться на одной из своих дочерей; он, в случае согласия, обещал назначить его командиром Атаманского полка. Платов, изумлявший всех своими практическими сведениями в астрономии, указывая Ермолову на различные звезды небосклона, говорил: «Вот эта звезда находится над поворотом Волги к югу; эта – над Кавказом, куда бы мы с тобой бежали, если бы у меня не было столько детей; вот эта над местом, откуда я еще мальчишкою гонял свиней на ярмарку».

Ермолов, воспользовавшись своим заточением, приобрел большие сведения в военных и исторических науках; он также выучился весьма основательно латинскому языку у соборного протоиерея и ключаря Егора Арсенье-

вича Груздева, которого будил ежедневно рано словами: «Пора, батюшка, вставать: Тит Ливий нас давно уже ждет».

Вскоре Платов был прощен и вызван в Петербург. Так как он был доставлен в Петербург весьма поздно вечером, то его, по приказанию Лопухина, свезли на ночь в крепость, где он был посажен рядом с врагом своим графом Денисовым. Так как государь должен был принимать его на другой день, то он, за неимением собственного мундира, надел мундир Денисова, с которого спорили две звезды. Государь был весьма милостив к Платову, получившему приказание следовать через Оренбург в Индию.

Между тем правитель дел инспектора артиллерии, майор Казадаев, женатый на дочери генерала Резвого, любя Ермолова, советовал ему написать жалобное письмо к свояку своему, графу Ивану Павловичу Кутайсову (женатому на другой дочери Резвого), который ручался в том, что выхлопочет ему полное прощение и возвращение всего потерянного. При этом случае упрямство, коим всегда отличался Ермолов, обнаружилось в полном

блеске. Хотя он благодарил Казадаева за его дружеское участие, но вместе с тем отказался писать к графу Кутайсову. Таким образом он отказался от царского прощения, которое по ходатайству графа Кутайсова не замедлило бы последовать, и тем обрекал себя на заточение, которое могло быть весьма продолжительным.

В это время проживал в Костроме некто Авель, который был одарен способностью верно предсказывать будущее; находясь однажды за столом у губернатора, Авель предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайною верностью. Простившись с жителями Костромы, он объявил им о намерении своем поговорить с государем; он был, по приказанию Павла, посажен в крепость, но вскоре выпущен. Возвратившись в Кострому, он предсказал день и час кончины Павла. Добросовестный и благородный исправник, подполковник Устин Семенович Ярлыков, бывший адъютантом у генерала Война Васильевича Нащокина, поспешил известить о том Ермолова. Все предсказанное Авелем буквально сбылось. Авель находился в

Москве во время восшествия на престол Николая; он тогда сказал о нем: «Змей проживет тридцать лет».

По вступлении на престол императора Александра формуляр Ермолова, который был вовсе исключен из службы, был найден с большим трудом в Главной канцелярии артиллерии и фортификации. Граф Аракчеев пользовался всяким случаем, чтобы выказать свое к нему неблаговоление; имея в виду продержать его по возможности долее в подполковничьем чине, граф Аракчеев переводил в полевую артиллерию ему на голову либо отставных, либо престарелых и неспособных подполковников. Однажды конная рота Ермолова, сделав переход в 28 верст по весьма грязной дороге, прибыла в Вильну, где в то время находился граф Аракчеев. Не дав времени людям и лошадям обчиститься и отдохнуть, он сделал смотр роте Ермолова, которая быстро вскакала на находящуюся вблизи высоту. Аракчеев, осмотрев конную выправку солдат, заметил беспорядок в расположении орудий. На вопрос его «Так ли поставлены орудия на случай наступления неприятеля?»

Ермолов отвечал: «Я имел лишь в виду доказать вашему сиятельству, как выдержаны лошади мои, которые крайне утомлены». – «Хорошо, – отвечал граф, – содержание лошадей в артиллерии весьма важно». Это вызвало следующий резкий ответ Ермолова в присутствии многих зрителей: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов». Эти слова заставили взбешенного Аракчеева поспешно возвратиться в город. Это сообщено мне генералом Бухмейером.

Во время отступления 1-й армии к Смоленску Ермолов, увидя, что многие отставшие солдаты позволяли себе грабить встречаемые ими на пути церкви, требовал примерного наказания виновных. Вследствие отданного Барклаем приказа главные преступники были повешены. Так как приговор был приведен в исполнение 22 июля, то цесаревич, не раз упрекавший за это Ермолова, говорил: «Я никогда не прощу вам, что у вас в армии в день именин моей матушки было повешено пятнадцать человек». Это мне сообщено Ермоловым и Курутою.

Отправляя князя Волконского в армию, государь сказал ему: «Узнай, отчего при сдаче Москвы не было сделано ни одного выстрела; спроси у Ермолова, он должен все знать». Ермолов, избегая встречи с князем Волконским, уехал на время из штаба.

Однажды Платов сказал в 1812 году Ермолову, называвшему Вольцогена wohlgezogen (хорошо воспитанный. – *Ред.*): «Пришли ты мне этого скверного немца-педанта; я берусь отправить его в авангардную цепь, откуда он, конечно, не вернется живым».

После сражения при Бриенне государь, проезжая сквозь ряды войск, отдававших ему честь, сказал Ермолову следующие замечательные слова: «В России все почитают меня весьма ограниченным и неспособным человеком; теперь они узнают, что у меня в голове есть что-нибудь». Когда его величество повторил это же самое в Париже, Ермолов возразил ему: «Подобные слова редки в устах частных людей; но они несравненно реже встречаются у государей. Они тем более удивительны, что в настоящую великую эпоху слава вашего

величества не уступает славе величайших монархов в истории».

В Париже Ермолов увидал в числе представлявшихся нашему государю генерала Лекурба, человека исполинского роста, одетого в мундир времен республики. Он разговорился с ним о знаменитой кампании его в Швейцарии. Лекурб сказал ему громко, указывая на французских маршалов, тут находившихся: «Je ne voudrais pas de ces pleutresla pour des chefs de demi-brigades» («Я не хотел бы видеть этих трусов в качестве полубригадных начальников». – *Ред.*)

В 1815 году Ермолов, возвращавшийся из Парижа, остановился в Эрфурте; он обласкал хозяина дома, где ему отведена была квартира. Хозяин, будучи тем тронут, дал ему письмо к главе иллиуминатов Вейсгаупту, проживавшему в Готе. Пользуясь репутацией весьма либерального человека, Ермолов, не желая дать многочисленным врагам своим нового оружия, не поехал в Готу; посланный им туда генерал Писарев был обласкан Вейсгауптом, который не сказал ему, однако, ничего особенного.

Однажды, в 1815 году, государь, оставшись недовольным Ермоловым за то, что он не прибыл к обеденному столу его величества по причине большого количества бумаг, оказывал ему в продолжение нескольких дней холодность; генерал-адъютант барон Федор Карлович Корф говорил по этому случаю: «Хотя государь недоволен Ермоловым, но он ему скоро простит; быть ему нашим фельдмаршалом и пить нам от него горькую чашу».

Первые неудовольствия между Ермоловым и Паскевичем начались в этом же 1815 году; Ермолов, находя дивизию Рота лучше обученною, чем дивизия Паскевича, призвал первую в Париж для содержания караулов, присоединив к ней прусский полк из дивизии Паскевича; так как он самого Паскевича не вызвал, то это глубоко оскорбило сего последнего.

Аракчеев сказал однажды Ермолову: «Много ляжет на меня незаслуженных проклятий».

Ермолов, произведенный в генералы от инфантерии в 1818 году, чрез десять лет после производства своего в генерал-майоры, не принадлежал, однако, никогда к числу осо-

бренных фаворитов государя. Граф Аракчеев в поздравительном письме своем от 2 августа 1818 года по этому случаю писал ему между прочим: «Когда вы будете произведены в фельдмаршалы, не откажитесь принять меня в начальники главного штаба вашего».

Ермолов сказал однажды государю: «Мои поселения на Кавказе гораздо лучше ваших; мои необходимы для края, где по причине недостатка в женщинах развелось в больших размерах мужеложство. Моим придется разводить виноград и сарацинское пшено, а на долю ваших придется разведение клюквы». По мере приближения к Кавказу этих рот их оставляли в течение года на Кавказской линии, где они приучались постепенно к жаркому климату и зарабатывали себе деньги.

Граф Аракчеев и князь Волконский, видя, что расположение государя к Ермолову возрастает со дня на день, воспользовались отъездом его в Орловскую губернию, чтобы убедить его величество, что Ермолов желает получить назначение на Кавказ. Ермолов, вызванный фельдъегерем в Петербург, узнал о своем назначении; государь, объявив ему

лично об этом, сказал ему: «Я никак не думал, чтобы тебе такое назначение могло быть приятно, но я должен был поверить свидетельству графа Алексея Андреевича и князя Волконского. Я не назначил ни начальника штаба, ни оберквартирмейстера, потому что ты, вероятно, возьмешь с собой Вельяминова и Иванова». Действительно, оба этих генерала, из которых второй погиб преждевременно жертвою ипохондрии, были утверждены в этих должностях.

Ермолов, опоздав однажды к обеденному столу на Каменном острове, вопреки приглашения высланного придворного чиновника, возвратился домой. Государь, увидав его вскоре после этого, сказал ему: «Мы сели ранее за стол по случаю отъезда матушки, но я велел тебя непременно звать». Ермолов отвечал на это: «Я не люблю употреблять во зло чье бы то ни было внимание и беспокоить кого бы то ни было, так как я знаю, что вы не дозволили бы себе не встать из-за стола для того, чтобы меня встретить, я решился уехать». Государь отвечал: «Я сделал бы то же самое».

Ермолов, страдая рожею на ноге в 1821 го-

ду, просил однажды государя назначить адъютанта своего, молодого и неизмеримо щедро одаренного природою графа Самойлова, флигель-адъютантом; он просил его величество сделать это в память службы Потемкина и отца его. Тогда государь отвечал: «Ты знаешь, что мне никто не дает адъютантов, а я сам их выбираю, но я сделаю это не для деда, не для отца, а для тебя».

На Терекской линии, недалеко от Ставрополя, находилась шотландская колония анабаптистов-сепаратистов, которая значительно разбогатела продажей овощей. Ермолов, не желая терпеть здесь присутствия этих безнравственных людей, изгнал их и поселил вблизи Волжский казачий полк. Ермолов не разделял мнения графа Торماسова, некогда просившего, в видах распространения просвещения, пригласить в Грузию католических миссионеров. Прибывшему сюда члену Базельского евангелического общества Зарамбе Ермолов сказал: «Вместо того чтобы насаждать слово Божие, займитесь лучше насаждением табака». Основатель Лондонского библейского общества Пинкертон, обласканный

нашим министром духовных дел, прибыл в Грузию, но Ермолов поспешил его выслать. С 1745 года существовала миссия, имевшая целью обращать в христианскую веру осетин, коих привлекали к тому различными подарками. Эта миссия, которую Ермолов называл конной миссией, сопровождаемая пятьюдесятью казаками, ежегодно стоила казне 50 тысяч рублей. Главою миссии был архиепископ Досифей из фамилии Пуркеладзе (принадлежавший некогда князю Аристову); этот архиерей, будучи архимандритом, предводительствовал разбойниками и был ранен. По просьбе Ермолова миссия была вызвана, а Досифей выслан.

В 1820 году вспыхнуло в Имеретин возмущение вследствие противозаконных требований нашего духовенства; митрополит Феофилакт, человек отлично умный и способный, по приказанию князя Голицына стал требовать у жителей возвращения земель, за пятьдесят лет перед тем розданных им в аренду духовенством. Ермолов громко порицал это, говоря: «Я слышу руку вора, распоряжающуюся в моем кармане, но, схватив ее, я увидел,

что она творит крестное знамение, и вынужден ее целовать». В отсутствие Ермолова губернатор Тифлиса Роман Иванович Ховен допустил духовенство обратиться к жителям с этим требованием. Вспыхнул мятеж, митрополит бежал, будучи охраняем двумя ротами; прочее духовенство заперлось в соборе, из которого вышел епископ Софроний (из фамилии князей Цулукидзе) в полном облачении, с крестом в руках, и с трудом усмирил мятеж. Хотя епископ Софроний, напуганный возмутителями, и подписал одобрение их воззвания, но за мужество, высказанное им, впоследствии он был награжден Анненскою лентою по ходатайству Ермолова, который приказал вывезти с фельдъегерем двух митрополитов – Геннагеля и Кукателя.

При предместнике Ермолова начальник Кавказской линии Дель-поццо поселил близ Нарзана и реки Сушки воинственный и враждебный чеченцам народ ингушей, исповедовавших магометанскую веру. Находясь по торговым делам в Тифлисе, некоторые из их старшин приняли христианскую веру. Возвратясь к себе, они увидели себя поставлен-

ными в неприятное положение: прочие единоплеменные им ингуши стали их чуждаться. Вновь обращенные выехали на линию и стали просить Ермолова дозволить им вновь обратиться в магометанство, на что он отвечал им: «Ступайте к священникам и поговорите с ними». Они вскоре вновь сделались магометанами.

Ермолов просил выслать в Грузию тридцать три семейства немецких колонистов, хорошо изучивших земледелие; но вместо этого числа ему прислали пятьсот; один переезд их до Тифлиса стоил казне около миллиона рублей. Ермолов же приготовил на Норе близ Мухровани лишь тридцать три дома; прибывшие немцы были анабаптисты, незнакомые с земледелием, которые менялись между собою женами; двести из них входили некогда в состав германского контингента Наполеона. Они, не желая подчиняться местным властям, хотели быть под покровительством императрицы Марии Федоровны; Ермолов потребовал их к себе и объявил, что если они не дозволят себя наказывать за совершаемые ими преступления, то он немилосердно станет

предавать суду виновных. Они, посоветовавшись с своими старшинами, дозволили наказывать тех из них, которых вины будут обнаружены. Вместе с тем Ермолов писал государю: «Прибывшие немцы не способны к земледелию; переезд их в Грузию стоит весьма дорого, но пусть убыток падает на казну за неосмотрительный вызов иностранцев». Я это знаю от Ермолова, Марченки и некоторых приближенных государя.

Большая часть наших писателей, несмотря на известное к Ермолову неблаговоление Николая Павловича, восхваляли Ермолова в прозе и в стихах. Незабвенный наш А.С. Пушкин посещал его несколько раз в Орле; Ермолов сказал ему однажды: «Хотя Карамзин есть историк-дилетант, но нельзя не удивляться тому терпению, с каким он собирал все факты и создал из них рассказ, полный жизни». В ответ на это Пушкин сказал ему: «Читая его труд, я был поражен тем детским, невинным удивлением, с каким он описывает казни, совершенные Иоанном Грозным, как будто для государей это не есть дело весьма обыкновенное».

Хотя Ермолов не был никогда облечен властью главнокомандующего, но он присвоил себе права, превышавшие власть этих уполномоченных лиц; он, например, сам назначал начальников на Кавказскую линию, в Абхазии и в Дагестане. Оставшись вполне довольным образом действий шамхала Тарковского, он, священным именем государя, наградил его 7 тысячами подданных; таким же образом он наградил Аслан-хана Кюринского – ханством Казикумухским, заключавшим в себе не менее 15 тысяч жителей, а Бековича и Татар-хана наградил обширными землями в Кабарде. Он вместе с тем приобрел для казны почти миллион десятин земли.

Находясь в 1821 году в Петербурге, Ермолов прибыл 30 августа во дворец для принесения поздравлений государю в день его тезоименитства. Государь, сказавший ему по этому случаю: «Ты во все царствование мое в первый раз на моих именинах», хотел возвести его и Раевского в графское достоинство; Ермолов, не желавший того, громко говорил, что оно ни к кому так мало не пристало, как к нему, и что он в этом не нуждается. След-

ствие этого указа о том и не последовало.

Известный статс-секретарь при Потемкине, Василий Степанович Попов, упрекал его за то, что он отказался от пожалованной аренды в 40 тысяч рублей на двадцать лет. Ермолов не желал принять от Попова 100 десятин земли в Крыму, которые этот последний предлагал ему: Попов приказал даже выстроить дом для Ермолова, согласившегося принять лишь 5 десятин земли. Граф Воронцов, сходясь с ним также в коротких отношениях и зная благоволение императора Александра к Ермолову, предлагал также выстроить ему дом на своей земле, но со вступлением на престол Николая Воронцов вдруг прервал все свои с ним дружеские сношения и не упоминал более о своем прежнем предложении. Воронцов желал овладеть пограничным ему клочком земли, принадлежащим сыну В.С. Попова, где протекал ручей воды, в которой ощущается вообще большой недостаток в Крыму. Не успев склонить Попова (сына статс-секретаря и бывшего адъютанта Ермолова) к уступке этого участка, Воронцов написал его величеству донос, в коем он называл

Попова крайне либеральным человеком. Поповичем сослан в Вятку, где и оставался в продолжение нескольких лет. Вследствие просьб Ермолова и других лиц граф Бенкендорф, воспользовавшись отъездом Воронцова за границу и убедившись чрез жандармского офицера в несправедливости обвинений, исходатайствовал прощение Попову, который вскоре после умер.

Император Александр, приказавший посылать Ермолову всю нашу дипломатическую переписку с прочими дворами, написал ему однажды между прочим: «Quant a vos principes si larges» («Что касается ваших столь широких принципов». – *Ред.*).

В бытность Ермолова в Султанин старшая жена шаха передала ему письмо к императрице Марии Федоровне, в коем находилось следующее: «Ты вмещала в себе коробку, где находились первые перлы твоей империи». Письмо ее к императрице Елизавете Алексеевне заключало в себе: «Пусть зефир дружбы моей навевает под широкие полы твоего пышного платья».

Ермолов, самовольно отправивший Мура-

вьева в Хиву, требовал от хана, чтобы он ему писал как старшему, прикладывая свою печать сверху. Ермолов рассказывал государю, что хан Хивинский в бумагах своих к нему величал его следующим образом: «Великодушному и великому повелителю стран между Каспийским и Черным морями».

Граф Сергей Кузьмич Вязмитинов был человек не глупый, но вялый и нерасторопный; Ермолов называл всегда Вязмитинова, не бывшего никогда военным человеком, тетушкой Кузминишной. Василий Степанович Попов и Дмитрий Прокофьевич Троцинский были люди замечательных способностей и обширного ума; по мнению их, надлежало учредить департаменты Сената не в столице, но в различных городах, чрез что значительно бы ускорилось течение дел.

Граф Илларион Васильевич Васильчиков – человек вполне благородный, благонамеренный, мужественный, но не отличающийся, к сожалению, ни большим умом, ни сведениями. Ермолов, отдававший всегда полную справедливость замечательным доблестям Васильчикова, называл всегда этого генерала,

В эпоху его могущества, матушкой-мямлей. Во время войны 1812 года, близ Вильны, Ермолов помирил Васильчикова с пылким, но благородным Сеславиным, который, не желая сносить начальнических выходов Васильчикова, наговорил ему много неприятностей. Командуя впоследствии гвардией, Васильчиков не умел предупредить истории Семеновского полка, которая имела для многих столь плачевные последствия; извещенный в 1822 году библиотекарем гвардейского штаба Грибом, прозванным Грибовским, человеком весьма умным, коварным и алчным, о существовании заговора, он пренебрег вначале этим известием. Узнав о том впоследствии обстоятельнее от брата своего, бесстрашного Дмитрия Васильчикова, Илларион Васильевич просил зятя своего, князя Дмитрия Владимировича Голицына, известить его тотчас: находятся ли подозреваемые лица в Москве? По получении удовлетворительного ответа Васильчиков приказал Грибовскому изложить все им рассказанное на бумаге, отправил все к государю, который находился в это время на конгрессе в Вероне. После кончины

его величества этот список найден в шкатулке государя, который сделал на нем свои замечания карандашом. Нынешний государь, вопреки представлениям Васильчикова, назначил Грибовского губернатором; но, будучи обвинен в страшных злоупотреблениях, он вскоре был удален со срамом.

Граф Аракчеев находился с 1808 года в весьма хороших сношениях с Ермоловым; оставшись недоволен отзывом Ермолова о военных поселениях, впервые устроенных близ Могилева, он немного охладел к нему.

Незаконный сын Аракчеева, Шуйский, одаренный необыкновенными способностями, был, к сожалению, горьким пьяницею; эта болезнь развилась в нем, по показанию медиков, вследствие болезни солитера. Император Николай, разжаловав его из флигель-адъютантов, прислал в Грузию, где Ермолов имел о нем большое попечение. Граф Аракчеев, называемый Закревским «змеей, что на Литейной живет», прислал последний поклон Ермолову чрез губернатора Тюфяева. Он велел ему передать: «Весьма желал бы с вами видеться, но в обстоятельствах, в коих мы с вами нахо-

димся, это невозможно». Этот отлично умный, хотя грубый и кровожадный солдат нередко пугал вообще поселения именем достойного своего адъютанта Клейнмихеля. Найдя после смерти своей любовницы Настасьи много писем с подарками, он собрал их в одну комнату; пригласив к себе всех просителей, имена которых находились в конце писем, он сказал им: «Это ваши вещи, пусть каждый возьмет свое».

Министр финансов граф Канкрин говорил Николаю Павловичу: «Хотя Ермолов никогда не воображал быть администратором, но он вник в нужды края, и многое, им сделанное на Кавказе, очень хорошо; не надобно было разрушать того, что было им сделано, а лишь дополнить».

Ермолов предложил в Государственном совете уничтожить в сенатских департаментах звание первоприсутствующих, кои, по его мнению, могли иметь в виду лишь одно – угождать министру юстиции.

Он находился вполне в отличных сношениях с нашим знаменитым адмиралом графом Мордвиновым, у которого граф А.И. Чер-

нышев, столь способный на всякий благородный подвиг, именем рассудительного Николая похитил в его присутствии все бумаги;

Ермолов защищал в совете дело его о Байдарской долине (купленной им у Высоцкого, которому она досталась в наследство после князя Потемкина) и которую самым незаконным образом оспаривал Воронцов именем татар крымских. Престарелый адмирал, редко являвшийся в совет, лишь тогда подписывал приносимые ему на дом дела, когда встречал подпись Ермолова.

Ермолов был всегда в отличных сношениях с адмиралом Шишковым; когда он ослеп и оставил министерство, то жена его, родом полька, говорила: «Один Ермолов остался нам верным».

Ермолов, выехавший с Кавказа в 1821 году, узнав в земле донских казаков, что генерал А.И. Чернышев, известный по своему примерному хвастовству и презренным душевным свойствам, отдал под суд генерала А.К. Денисова, решил спасти его. Чернышев, о котором Александр Львович Нарышкин сказал государю вскоре после возвращения его с Дона:

«Si le general n'a pas le don de la parole, il a au moins la parole du Don», нашелся вынужденным, вследствие разговора своего с Ермоловым, освободить Денисова от суда. Хотя Денисов, увидав после того Ермолова, благодарил за его ходатайство, но он при этом сказал следующее: «Я благодарю вас за себя, но не за казаков, потому что, если б суд состоялся, я не преминул бы выставить все глупости и злоупотребления Чернышева, о коих я теперь вынужден молчать».

Генералу Чернышеву удалось совершить замечательные подвиги в 1812 и 1813 годах, слишком преувеличенные и превознесенные его презренным холопом Михайловским-Данилевским. Чернышев омрачил, к сожалению, все свои подвиги непомерным хвастовством и полным отсутствием скромности.

Ермолов прибыл в 1821 году в Петербург, куда ожидали государя из Германии; в это время возвратился из Сибири знаменитый Мих. Мих. Сперанский. Так как большинство придворных было враждебно расположено к Сперанскому, то Ермолов при посредничестве отлично-способного чиновника своего Рых-

левского (назначенного государем вскоре после того олонецким губернатором) сошелся с ним. Вскоре пришло известие о новом конгрессе и о том, что государь вернется лишь через восемь месяцев. Ермолов, желая видеть государя, писал князю Волконскому письмо, в котором он, между прочим, говорил, что непринятие его государем будет почтено в Грузии знаком неблаговоления к нему, а потому курс его в этой стране значительно упадет. Он был вскоре после того вызван и назначен главнокомандующим союзною армиею в Италии. Когда он представлялся государю, его величество спросил его: «Ты верно знал о своем назначении; я знаю это из письма твоего к князю Волконскому». На это Ермолов отвечал: «Я имел нужду видеть ваше величество, но нисколько не ожидал получить это назначение, тем более что у вас есть много генералов, несравненно более меня достойных и знаменитых». На вопрос его величества: «Знаешь ли ты Сперанского?» – он отвечал: «Я был слишком ничтожен, чтобы обратить на себя внимание столь значительного лица, но, узнав его теперь короче, я имел случай оце-

нить его достоинства». Государь сказал на это: «Он действительно усердный, способный и полезный человек; если б война не началась так внезапно, многого бы не случилось. Хотя я во многом перед ним виноват, но я не пропускал ни одного случая, чтобы не послать ему поклонов в ссылку». Когда Ермолов передал впоследствии эти слова Сперанскому, тот отвечал ему: «Государь никогда не почитал себя виновным относительно меня, а я получал его поклоны лишь весьма редко; если бы я уступил и поддался внушениям некоторых лиц (которых он не хотел назвать. – М. П.), многое бы изменилось».

Почтенный Федор Петрович Уваров советовал Ермолову представить государю необходимость уменьшения состава нашей армии, требующей огромных издержек. Государь, любивший употреблять слова: *preponderance politique* (политический перевес. – *Ред.*), прогнал от себя графа Петра Александровича Толстого, который решился ему о том говорить. Вследствие настоятельных советов Уварова, говорившего ему: «Хотя государь выгнал от себя графа Толстого, но он те-

бя выслушает», Ермолов навел незаметно разговор на этот предмет, но государь возразил на это: «Я с тобой вполне согласен, что надлежит уменьшить число войск, но ты, вероятно, не посоветуешь мне сделать это теперь, когда умы еще не совсем успокоились и армия нам нужна pour notre preponderance politique». Ермолов предложил государю в Лайбахе допустить гласность в военных судах, на что его величество отвечал: «Надо об этом подумать; надо бы допустить гласность и в гражданских судах, где она может быть еще полезнее».

Князь Любецкий, оканчивавший в 1821 году в Вене счета между Россией и Австрией, сказал Ермолову: «Ты думаешь, что ты прибыл сюда лишь для содействия австрийцам; нисколько; твой приезд для меня необходим и крайне выгоден. Мы остаемся должны Австрии за прошлые кампании, но с моим приездом я поверну дела в нашу пользу». И точно, дела были поведены Любецким таким образом, что император Франц нашелся вынужденным прибегнуть к великодушию нашего государя.

Во все время царствования императора

Александра Ермолов, никогда не просивший его о себе, любил ходатайствовать о других; он излагал подобного рода просьбы в письмах своих к князю Волконскому, Кикину и Меллер-Закомельскому, зная, как много пострадало во время вторжения французов от заразных болезней имение А.М. Каховского, и так как на основании существующих правил надлежало ему заплатить кварту или четвертую часть доходов, равно как и недоимки за несколько лет, – Ермолов просил графа Гурьева об уничтожении всего долга. Вследствие отказа графа Гурьева, отвечавшего, что он не смеет утруждать о том его величества, Ермолов написал одному из своих приятелей письмо, которое было прочитано государем. Это письмо оканчивалось словами: «Граф Гурьев почел нужным поручиться в том, что его величество недоступен чувству великодушия и справедливости, и просил меня потому не входить впредь с подобными просьбами». Государь, много смеявшийся во время чтения письма, повелел сложить с Каховского все недоимки и уничтожить все кварталы.

Генерал Пестель, невзирая на неудачу свою под Байтами, в 1819 году, донес в Тифлис, что он одержал победу над горцами; так как он давно не получал наград, Ермолов ходатайствовал о награждении его знаками Св. Анны 1-й степени. Когда истина обнаружилась и надлежало выслать Муравьева, который поправил дела, Ермолов советовал Пестелю отбыть в Россию. В письме своем к государю Ермолов, прося извинения в том, что он ввел его в заблуждение, присовокупил: «Пестель скоро будет иметь счастье лично представить вашему величеству свою неспособность».

Оставив недостроенную крепость Грозную, Ермолов двинулся к Карабудахкенту, близ которого находились огромные массы неприятелей; благодаря внезапной ночной атаке неприятель, занимавший сильную позицию, был обращен в бегство. Высланные из акушинского селения Мере пять представителей, увидав малочисленность русского отряда, наделали дерзостей шамхалу, угощавшему их обедом. Ермолов, советовавший шамхалу не выказывать своего неудовольствия, приказал

после победы своей под Ловашами высланным старшинам строго наказать самого дерзкого из их посланных.

Ермолов, зная, что у шамхала Зухум-Кади существовало канлы, или кровомщение, к одному значительному жителю акушинскому, убедил его прекратить все и предать все дело полному забвению. По прочтении муллою молитвы и адекватных взаимных глажений бород мир между ними был установлен. В ауле Губдене Ермолов, имевший стачала также в виду помирить два враждебных семейства, отказался от того; они хотя объявили ему, что готовы исполнить его волю, но присовокупили, что потеряют после того всякое уважение жителей. Шамхал питал большую дружбу и глубокое уважение к Ермолову; жена его, которая была сестрою бывшего хана Дербентского, взяла к себе старшего сына Ермолова, рожденного от туземки, и сама нянчилась с ним.

Ермолов сохранил в Грузии прежнее число агаларов, но Паскевич и его преемники значительно увеличили количество их. Ермолов, негодовавший на жителей аула Дадал-Юрт,

находившегося близ Терека, за постоянное содействие, оказываемое хищникам, вторгшимся в наши земли, готовил им страшное наказание. Усыпив их ласковым обращением, он внезапно окружил этот аул, овладел им, причем погибли все жители за исключением детей; мужчины, не видя себе спасения, сами закалывали своих жен. Это подействовало на всех соседних жителей.

Объезжая в первый раз Кавказ, Ермолов прибыл в Дербент, где содержался под стражей Ибрагим-хан Табасаранский с братом, которые, имея вражду с третьим братом, жившим в вольном Табасаране и весьма враждебным нашему правительству, зарезали его самого, равно как и его беременную жену. Они были преданы суду и на основании высочайшей конфирмации, еще, впрочем, не объявленной им, надлежало одного повесить, а другого сослать в Сибирь. Ермолов, узнав, что они желали его видеть, потребовал их к себе. Объяснив ему ход дела, они присовокупили: «Хотя мы слышали, что мы уже приговорены к наказанию, но мы мстили брату не столько за себя, сколько за постоянные набеги в рус-

ские земли; дозволю одному остаться заложником, а другому сходить в горы для устройства дел». Ермолов, отпустив одного в горы, ходатайствовал о них пред государем, говоря, что надлежит принять во внимание дикие нравы виновных и постоянную преданность их России. Так как государь дозволил Ермолову поступить в этом случае по его благоусмотрению, он простил князей и этим приобрел в них России весьма полезных и преданных слуг.

Находясь всегда в весьма коротких сношениях со всеми участниками заговора 14 декабря, я не был, однако, никогда посвящен в тайны этих господ, невзирая на неоднократные покушения двоюродного брата моего Василия Львовича Давыдова. Он зашел ко мне однажды перед событием 14 декабря и оставил записку, которою приглашал меня вступить в Tugendbund, на что я тут же приписал: «Что ты мне толкуешь о немецком бунте? Укажи мне на русский бунт, и я пойду его усмирять». Эта записка была представлена нынешнему государю, который сказал: «Это видно, что Денис Давыдов ни о чем не знает».

Странный характер у нашего нынешнего государя: иногда великодушен, но большею частью крайне злопамятен. Накануне казни главных заговорщиков 14 декабря он во весь вечер изыскивал все способы, чтобы придать этой картине наиболее мрачный характер: в течение ночи последовало высочайшее повеление, на основании которого приказано было барабанщикам бить во все время бой, какой употребляется при наказании солдат сквозь строй. Государь не изъявил согласия на просьбу графини Канкриной, ходатайствовавшей об отправлении в Сибирь лекаря для пользования сосланного больного брата ее, Артамона Муравьева.

Закревскому, которого государь всегда разумел лишь как верного исполнителя своих повелений, расширили власть во время продолжительного отсутствия императора Александра за границей и с ним князя Волконского. Я помню, как в нем постоянно в то время искали всесильные ныне граф Бенкендорф и П.Д. Киселев. Этот последний – человек умный и отменно любезный – никогда не был администратором; он был после Бородинско-

го сражения назначен адъютантом к Милорадовичу лишь вследствие ходатайства Павла Христофоровича Граббе. Когда государь вернулся в 1821 году в Петербург, Ермолов спросил князя Волконского, к какой награде должен был быть представлен Закревский. Услышав, что ему хотели дать лишь Владимира 2-й степени, Ермолов возразил, что, принимая во внимание обширные занятия Закревского как дежурного генерала, он почитает эту награду слишком ничтожною, тем более что это была лишь очередная награда, какую он мог получить во всякое другое время. Хотя Волконский, рассердившись, сказал ему: «Не прикажете ли дать ему Андреевского ордена?» – но, зная, что Ермолов довел бы об этом обстоятельстве до сведения государя, он исходатайствовал генерал-лейтенантский чин Закревскому, который по этому случаю обошел весьма многих.

Князь Багратион, имевший всегда большое влияние на Платова, любившего предаваться пьянству, приучил его в 1812 году к некоторому воздержанию от горчичной водки – надеждой на скорое получение графского досто-

инства. Платов часто осведомлялся у Ермолова, не привезен ли был в числе бумаг указ о возведении его в графское достоинство. Ермолову долгое время удавалось обманывать Платова, но атаман, потеряв наконец всякую надежду быть графом, стал ужасно пить; он был поэтому выслан из армии в

Москву; Кутузов же, отправляясь в армию, вызвал его опять туда и в октябре того года доставил ему графский титул.

Фельдмаршал князь Паскевич, которому, конечно, никто не откажет в блистательном мужестве, хладнокровии в минуты боя, вполне замечательной заботливости о снабжении продовольствием армии и покровительстве, оказываемом им угнетенным полякам, – есть, однако, баловень судьбы. Прибыв на Кавказ, он нашел превосходные войска, созданные в течение десяти лет Ермоловым, умевшим воодушевить их духом суворовским. Он прибыл в армию, действовавшую против польских инсургентов, которою временно командовал умный и энергичный граф Толь. До его прибытия в армию один корпус перешел уже Вислу, а вся армия, хотя и значительно рассе-

янная по огромному пространству вследствие распоряжений Дибича, намеревалась атаковать Варшаву. Несогласия, возникшие между жителями Варшавы, контрреволюция, вспыхнувшая там, и уныние, распространившееся по всему царству, предвещали уже близкое торжество нашего оружия. Нельзя, однако, не воздать Паскевичу хвалу за все им совершенное, но не слепую и безусловную, какую требует он от многочисленных льстецов своих, но хвалу в пределах справедливости и законности. Оставаясь верным истине, я не могу не упомянуть о великих заслугах лиц, кои подготовили ему значительные материалы и много способствовали в одержании успехов; я тем более решаюсь обратить на них внимание моих читателей, что эти лица имели несчастье подвергнуться вполне недобросовестному приговору слишком пристрастного и недальновидного правительства.

А.С. Грибоедов, знаменитый автор комедии «Горе от ума», служил в продолжение довольно долгого времени при А.П. Ермолове, который любил его, как сына. Оценивая литературные дарования Грибоедова, но находя в

нем недостаток способностей для служебной деятельности или, вернее, слишком малое усердие и нелюбовь к служебным делам, Ермолов давал ему продолжительные отпуска, что, как известно, он не любил делать относительно чиновников, не лишенных дарований и рвения. Вскоре после события 14 декабря Ермолов получил высочайшее повеление арестовать Грибоедова и, захватив все его бумаги, доставить с курьером в Петербург; это повеление настигло Ермолова во время следования его с отрядом из Червленной в Грозную. Ермолов, желая спасти Грибоедова, дал ему время и возможность уничтожить многое, что могло более или менее подвергнуть его беде. Грибоедов, предупрежденный обо всем адъютантом Ермолова Талызиным, сжег все бумаги подозрительного содержания. Спустя несколько часов послан был в его квартиру подполковник Мищенко для произведения обыска и арестования Грибоедова, но он, исполняя второе, нашел лишь груды золы, свидетельствующую о том, что Грибоедов принял все необходимые для своего спасения меры. Ермолов простер свою, можно сказать,

отеческую заботливость о Грибоедове до того, что ходатайствовал о нем у военного министра Татищева.

После непродолжительного содержания в Петербурге, в главном штабе, Грибоедов был выпущен, награжден чином и вновь прислан на Кавказ. С этого времени в Грибоедове, которого мы до того времени любили как острого, благородного и талантливового товарища, совершилась неимоверная перемена. Заглушив в своем сердце чувство признательности к своему благодетелю Ермолову, он, казалось, дал в Петербурге обет содействовать правительству к отысканию средств для обвинения сего достойного мужа, навлекшего на себя ненависть нового государя. Не довольствуясь сочинением приказов и частных писем для Паскевича (в чем я имею самые неопровержимые доказательства), он слишком коротко сблизился с Ванькой Каином, то есть Каргановым, который сочинял самые подлые доносы на Ермолова. Паскевич, в глазах которого Грибоедов обнаруживал много столь недосто- хвального усердия, ходатайствовал о нем у государя. Грустно было нам всем разочаровать-

ся насчет этого даровитого писателя и отлично острого человека, который вскоре после приезда Паскевича в Грузию сказал мне и Шимановскому следующие слова: «Как вы хотите, чтоб этот дурак, которого я коротко знаю, торжествовал бы над одним из умнейших и благонамереннейших людей в России; верьте, что наш его проведет и Паскевич, приехавший еще впопыхах, уедет отсюда со срамом». Вскоре после того он говорил многим из нас: «Паскевич – несносный дурак, одаренный лишь хитростью, свойственной хохлам; он не имеет ни сведений, ни сочувствия ко всему прекрасному и возвышенному, но вследствие успехов, на которые он не имел никакого права рассчитывать, будучи обязан ими превосходным ермоловским войскам и искусным и отважным Вельяминову и Мадатову, он скоро лишится и малого рассудка своего».

Но в то же самое время Грибоедов, терзаемый, по-видимому, бесом честолюбия, изощрял ум и способности свои для того, чтобы более и более заслужить расположение Паскевича, который был ему двоюродным братом

по жене. Дружба его с презренным Ванькою Каином, который убедил Паскевича, что Ермолов хочет отравить его, подавала повод к большим подозрениям. В справедливом внимании за все достохвальные труды, подъятые на пользу и славу Паскевича, Грибоедову было поручено доставить государю Турк-манчайский договор. Проезжая чрез Москву, он сказал приятелю своему Степану Никитичу Бегичеву: «Я вечный злодей Ермолову». По ходатайству Паскевича Грибоедов был, согласно его желанию, назначен посланником в Тегеран, где он погиб жертвою своей неосторожности...

Предместник Грибоедова в качестве посланника в Персии, Мазарович, был человек отлично-способный и умный; будучи медиком, он, вследствие ходатайства Ермолова, был назначен первым постоянным посланником при персидском шахе. Грибоедов, состоявший некоторое время при нем в качестве советника, был человеком блестящего ума, превосходных способностей, но бесполезный для службы. Не зная никаких форм, он во время отсутствия Мазаровича писал бумаги в Ти-

Флис, где ими возбуждал лишь смех в канцелярии Ермолова.

Однажды явился к Мазаровичу армянин, некогда захваченный персиянами в плен, бывший помощником Манучар-хана, хранителя сокровищ и любимца шаха, с просьбой исходатайствовать ему позволение возвратиться к нам в Грузию. Так как это могло дать повод к различным обвинениям, потому что, в случае пропажи чего-либо, наше посольство и армянин были бы подозреваемы в похищении шахских сокровищ, Ермолов советовал Мазаровичу убедить армянина отказаться от своего намерения.

Грибоедов, отправленный к государю с Туркманчайским договором, говорил, не стесняясь, мне, Шимановскому и весьма многим: «Паскевич так невыносим, что я не иначе вернусь в Грузию как в качестве посланника при персидском дворе». Это желание Грибоедова, благодаря покровительству его нового благодетеля, исполнилось, но на его пагубу... Действия этого пылкого и неосмотрительного посланника возбудили негодование шаха и персиян. Он в лице шахского зятя Аллаяр-ха-

на нанес глубокое оскорбление особе самого шаха. Грибоедов, вопреки советам и предостережениям одного умного и весьма способного армянина, служившего при нем в качестве переводчика, потребовал выдачи нескольких русских подданных – женщин, находившихся в гареме Аллаяр-хана в должности прислужниц. Это требование Грибоедова было, вероятно, предъявлено им вследствие ложного понимания вещей и с явным намерением доказать свое влияние и могущество у персидского двора. Хотя шах не мог не видеть в этом нарушении персидских обычаев, но, не желая отвечать на требование Грибоедова положительным отказом, он позволил ему взять их самому; посланные в гарем конвойные привели пленниц в посольский дом. Персияне, увидевшие в этом явное неуважение русских к особе шахского зятя, к самому шаху и к существующим народным обычаям, взволновались. Вскоре вспыхнуло возмущение, вероятно не без одобрения шаха; около сорока человек наших было убито, в том числе весьма много полезных лиц; спасся один бесполезный Иван Сергеевич Мальцов и с ним двое

людей, вследствие особенного к нему расположения каких-то персиян, которые спрятали его в сундук на чердаке.

Фельдмаршал Паскевич оказал России и в особенности Кавказу неоцененную заслугу присоединением к нему некоторых провинций, но на выгоднейшую границу со стороны Персии указал Ермолов, который, будучи изгнан из службы, был поражен грубыми ошибками, коими был наполнен присланный из Санкт-Петербурга план с обозначением границы, какую надлежало требовать при заключении мира. Наше самонадеянное правительство, весьма мало понимающее нужды края, но никогда не почитающее необходимым прибегать к советам людей, известных по своей опытности и глубокому знанию дела, решилось само начертать новую границу: она должна была проходить в 20 верстах от Тавриза чрез Хойское ханство, где палящий жар вынуждает природных жителей откочевывать летом в горы; один из пунктов, который надлежало укрепить и занять нашими войсками, находился на расстоянии половины перехода от Тавриза к Тегерану. Занимая

его, мы могли весьма легко пресечь сообщение между Тавризом, резиденциею наследника престола, и Тегераном, что вынуждало бы нас содержать огромную армию на Кавказе и потребовало бы значительных издержек. Правительство наше вовсе упустило из виду местечко Кульп, где добывается в большом количестве каменная соль и куда, до начатия последней войны, с разрешения шаха приходил ежегодно из Грузии караван под предводительством грузинского князя. Хотя Ермолов был изгнан из Грузии самым позорным образом и проживал в орловской деревне под присмотром земской полиции и наблюдением местных воинских властей, но он слишком пламенно любил свое отечество и край, коим он так славно управлял в течение десяти лет, чтобы не указать на ошибки правительства, которое, по его мнению, не могло заключить прочного мира на вышеизложенных условиях. Он говорил, что самые войска, расположенные на границах, коих правительство хотело требовать, подвергнутся губительному действию климата; он находил притом необходимым требовать уступки Кульпа. Прави-

тельство, оценив эти мудрые возражения, воспользовалось ими, но оно сочло излишним выразить Ермолову малейшую за то признательность. Границы наши со стороны Персии весьма хороши, но нельзя того же сказать относительно новой границы Кавказа со стороны Азиатской Турции.

Паскевич, при замечательном мужестве, не одарен ни прозорливостью, ни решительностью, ни самостоятельностью, свойственными лишь высоким характерам. Не отличаясь ни особенной твердостью духа, ни даром слова, ни способностью хорошо излагать на бумаге свои мысли, ни умением привлекать к себе сердца ласковым обращением, ни сведениями по какой-либо отрасли наук, он не в состоянии постигнуть духа солдат и потому никогда не может владеть сердцами их. В настоящее время толпы низкопоклонных льстецов превозносят этого любимца и советника государева, приписывая ему качества и достоинства, коих никто и никогда в нем прежде не замечал. Паскевич до сорокапятилетнего возраста слыл храбрым, но и весьма ограниченным человеком даже в семье своей; слова

его, не отличавшиеся остроумием, назывались тогда в насмешку *des pasquinades*. Отличаясь лишь посредственным умом, он, подобно всем землякам своим, малороссиянам, обладает необыкновенною хитростью и потому может быть по всей справедливости назван заднепровским италиянцем.

Предвещения Грибоедова сбылись: высокомерие, гордость, самонадеянность Паскевича, которому успехи и почести совершенно вскружили голову, не имеют пределов; он почитает себя великим человеком и первым современным полководцем. Во время первого пребывания Паскевича в Петербурге после взятия Варшавы все спешили заявить ему свое благоговение. В числе особ, поздравлявших его с одержанными успехами, находилась одна дама, которой князь Варшавский по врожденной скромности своей сказал: «Я давно имел право занимать то положение, на которое я ныне поставлен: я еще в 1812 году указывал на грубые ошибки Наполеона и Кутузова, но меня не послушались». Однажды льстецы, говоря с отцом его, Федором Григорьевичем Паскевичем, восклицали: «Князь

Варшавский – гений». Умный старик возразил по-малороссийски: «ГЦо гений, то не гений, а що везе, то везе».

Пред отправлением своим под Елисаветполь Паскевич явился к Ермолову; Алексей Петрович, придавший ему двух отличных генералов, Вельяминова и Мадатова, начертал карандашом на своем предписании диспозицию войск на случай сражения. Ермолов, по причине малочисленности войск, советовал ему строить войска в двухротные каре, причем начертил карандашом подобного рода каре на своем предписании, которое должно ныне храниться в Кавказском штабе.

Слава о мудрой справедливости, бескорыстии и могуществе Ермолова, справедливо почитаемого одним из умнейших, способнейших, благонамереннейших и бескорыстнейших людей своего времени, распространилась по всему Востоку, где имя его производило на всех жителей обаятельное действие. Если б он показался пред персиянами, им, без сомнения, была бы одержана победа, далеко и во всех отношениях превзошедшая Елисаветпольскую. Мне известно, что в начале это-

го сражения Паскевич не отступил с поля сражения лишь вследствие советов Вельяминова и Мадатова, ручавшихся за успех, невзирая на огромное превосходство в числе людей армии Аббас-Мирзы. В этом сражении сарбазы, или регулярные войска персидские, стоявшие некогда в почетном карауле у Ермолова во время пребывания его в Султанин, отделились нам потому, что они полагали, что Ермолов лично предводительствует нашими войсками. Впоследствии сам государь сказал Мирзе-Сале, сопровождавшему Хозрев-Мирзу: «Благодарите Бога, что моими войсками предводительствовал в последнюю войну не Ермолов; они были бы непременно в Тегеране».

Ермолов с самого 1817 года не переставал доносить государю, что война с Персией неотвратима. Аббас-Мирза, которому шах почти передал управление всем краем, находясь под влиянием лиц, нам враждебных, мечтал лишь о возвращении провинций, которые Ермолову удалось удержать за Россией. Ермолов писал в Петербург, что своевременная присылка одной дивизии была бы достаточною для того, чтобы предупредить войну с персия-

нами, коих дерзость и высокомерие возрастают лишь вследствие убеждения, что мы слабы и не в состоянии противопоставить им больших сил. Он даже убедительно просил заготовить провиант в Астрахани и в Баку, но его представления не были уважены. Граф Нессельрод утверждал, что война лишь в мыслях Ермолова, желавшего ее из честолюбивых видов, и что заготовление провианта в выше-сказанных городах может подать повод к войне.

В 1823 году съехались со стороны Персии и России чиновники для определения границ; Аббас-Мирза приказал своим чиновникам оказывать русским явное невнимание и не соглашаться ни на одно из наших представлений. Ермолов писал в 1824 году государю из Белого Ключа: «Многие завидуют мне в том, что я пользуюсь благоволением вашего величества, а в случае войны с Персией обвинят меня в подании к тому повода; я весьма сожалею, что управляющий

Министерством иностранных дел не хотел внять моим представлениям и что война с Персией неотвратима. Не желая заслужить

этого нареkania, я прошу ваше величество уволить меня от командования корпусом, дозволив остаться в Грузии частным человеком, дабы быть ближе свидетелем унижения недостойной Каджарской династии».

Ермолов писал нынешнему государю: «Я глубоко сожалею, что его величество в Бозе почивающий государь последовал советам графа Нессельрода. Война, внезапно начатая, не может нанести мне бесчестия как частному человеку, но в качестве правителя края тяжело видеть репутацию свою, страдающую через неспособность министра иностранных дел».

В день 14 декабря находился в Петербурге английский полковник Шиль, пользовавшийся неограниченным доверием Аббас-Мирзы; на другой день он выехал из Петербурга. Прибыв в Тавриз, он уверял Аббас-Мирзу, что в России вспыхнула междоусобная война между двумя братьями-императорами и что на основании Гюлистанского мира Россия обратится к Персии с просьбой о помощи. По мнению Шили, наступил для персиян самый благоприятный момент для втор-

жения в Грузию, где у русских были весьма слабые силы. Персияне двинулись, и князь Меншиков, отправленный послом в Тегеран, встретил уже их почти на самой границе нашей. Таким образом Аббас-Мирза без предварительного объявления войны вторгнулся в провинции Бамбакскую и Шурагельскую.

Ермолов приказал полковникам Назимову и Реуту поспешно отступить пред превосходными силами неприятеля и стараться, избегая с ним встреч, сосредоточить свои войска. Зная, что они получили Георгиевские кресты в войне с персиянами при генерале Ртищеве, он почитал их наиболее способными для вновь начинающейся войны с персиянами. Они вовсе не оправдали возлагаемого на них доверия; персиянам удалось истребить несколько наших рот и взять две пушки. Ермолов сделал в этом случае великую и непростительную ошибку, которая имела прямое и гибельное влияние на все его поприще. Он должен был лично выступить против персиян и по одержании над ними решительной победы возвратиться в Тифлис, где он мог занять необходимыми для войны приготавлен-

ниями. Вместо того он выслал сперва Мадатова, который нанес при Шамхоре решительное поражение персиянам, причем Аминь-сардар, дядя Аббас-Мирзы, был убит. Из донесения Паскевича, отправленного вскоре после того, видно, что пространство от Шамхора до Елисаветполя было покрыто трупами персиян. Ермолов, не зная характера нового государя и почитая свое присутствие более необходимым в Тифлисе, выслал Паскевича против персиян. Победа, одержанная при Елисаветполе, внушила государю мысль, что он может вполне верить Паскевичу войска Кавказского корпуса и удалить Ермолова, к которому он оказывал явное неблаговоление. Между тем Грузия и Кахетия, вследствие приближения многочисленной персидской армии, пришли в волнение; внимание всех было обращено на Ермолова, одно присутствие которого удерживало весь край в спокойствии и повиновении. Оставшись в Тифлисе лишь с четырьмястами человеками, Ермолов, озабоченный заготовлением провианта и всего необходимого для войны, обнаруживал невозмутимое хладнокровие. Жители Кахе-

тии прислали в Тифлис князя Григория Чалокоева затем, чтобы удостовериться, в каком расположении духа находится Ермолов.

Хотя вследствие его распоряжений персияне были изгнаны из наших пределов, но вся слава была отнесена к Паскевичу. Ряд замечаний и выговоров государя вывел Ермолова из терпения; не пользуясь доверием государя, который вел мимо его конфиденциальную переписку с Паскевичем, Ермолов решился написать государю известное письмо от 3 марта 1827 года.

Ермолов думал разделить Персидскую войну на три кампании; по его мнению, надлежало сохранить преимущественно войска, не подвергая их губительному действию знойного климата страны, где колодцы, наполненные вредными насекомыми, встречались лишь чрез каждые 40 верст. В первую кампанию надлежало, по его мнению, занять пространство до Аракса, выслав кавалерию и лошадей на высоты Ардебиля; потом следовало двинуться зимним путем на Тегеран, стараясь миновать возвышенности Султанин, покрытые снегом; в третий период войска долж-

ны были прибыть на высоты Ардебилля, где, выждав жары, возвратиться в Грузию. Персияне, невзирая на их многочисленность, будучи предводительствуемы неспособным Аббас-Мирзою, могли оказать нам лишь ничтожное сопротивление. В Петербурге видели в этом лишь желание Ермолова властвовать неограниченно в течение трех лет.

Между тем Мадатов, предводительствуя летучим отрядом, явился в Карабах, где овладел весьма важным пунктом – Агарью; если бы у него было более войска, он мог бы пресечь сообщения Аббас-Мирзы с Тегераном. В опровержение мнения, будто бы Ермолов не избрал сильного пункта, снабженного всем необходимым и где бы малочисленные отряды могли найти убежище в случае быстрого наступления большой неприятельской армии, можно указать на

Шушу. Так как в исходе 1826 года ни одного неприятеля не оставалось более в наших пределах, Ермолов приказал Мадатову, которого главные персидские силы готовились окружить, присоединиться к прочим войскам. Вскоре после того Абул-Фет-хан Кара-

бахский, брат Мехти-Кули-хана Карабахского, просил Ермолова назначить его беглербеком Тавриза, обещаясь в таком случае взбунтовать весь Адербиджан; но в это время прибыл в Грузию курьер с приказанием удалить Ермолова.

Паскевич, вскоре после прибытия своего в Грузию и находясь еще под начальством Ермолова, получил от государя письмо, в котором было, между прочим, сказано: «Помнишь, когда мы с тобой играли в военную игру; а теперь я твой государь и ты – мой главнокомандующий». Это доказывает, что государь, отправляя Паскевича в Грузию, твердо положил в уме своем заменить им Ермолова, глазная вина которого заключалась в медленности, с какою войска были приведены к присяге. Паскевич, который не мог простить Мадатову занятия Агари, очернил его в глазах государя. Мадатова, обвиненного в грабительстве, лишили владений, пожалованных ему Мехти-Кули-ханом Карабахским по ходатайству Ермолова, имевшего в виду приучить кавказских владетелей жаловать землями храбрых русских генералов, на что император

Александр изъявил свое соизволение.

Во время Персидской и Турецкой войн Паскевич, боясь, чтобы победы, им одержанные над бездарными пашами, предводительствовавшими сволочью, не были отнесены к генералам, пользовавшимся в армии хорошою репутацией, высылал их из армии на другой день после одержания какой-либо победы и беспрестанно менял начальников штаба.

Не принадлежа никогда к числу почитателей Паскевича, я не могу, однако, не заметить, что, во-первых, он никогда не обнаруживал крайне утомляющей суетливости Дибича, прозванного Ермоловым *le grand broillon* (великий путаник. – *Ред.*). Но что в Паскевиче заслуживало величайшие похвалы – это примерная заботливость о снабжении армии провиантом. Этим редким и неоцененным качеством, вынуждавшим его часто терять много драгоценного времени, он превзошел многих полководцев, под начальством которых я когда-либо служил в течение моего военного поприща.

Прибыв в 1831 году в армию нашу в Польше, Паскевич принял сперва все необходи-

мые меры для того, чтобы вполне обеспечить армию продовольствием, и лишь тогда уже решился он подступить к Варшаве. Еще до приезда Паскевича распоряжениями Толя был наведен мост чрез Вислу и один корпус находился уже на правом берегу реки; Толь воспользовался для этой цели судами, нагруженными хлебом, которые были высланы по распоряжению прусского правительства вверх по Висле. На собранном военном совете фельдмаршал, выслушав мнение всех членов относительно лучшего способа овладеть Варшавой, предпочел атаку Волы, как наисильнейшего пункта, падение которого должно было неминуемо повлечь за собой покорение Варшавы и, следовательно, Польши. Будучи оконтужен в самом начале дела, представлявшего неимоверные затруднения по причине недостатка в лестницах, кои были притом слишком коротки, Паскевич, отъезжая от армии, объявил Толю, что в случае неудачи вся ответственность падет на него одного!

Деятельность, мужество и энергия Толя, на которого, однако, не может не пасть доля нареканий, столь справедливо заслуженных Ди-

бичем, были в этот день невероятными. Не было вполне опасного пункта, куда бы Толь не появлялся; не было колонны войск, мало-мальски изнуренной и отбитой мужественным неприятелем, которую бы Толь не поспешил ободрять; короче сказать: в этот решительный и кровопролитный бой он был истинным ангелом-хранителем русской армии.

Узнав о благополучном исходе боя, Паскевич поспешил напомнить о себе армии, тщетно отыскивавшей его во время ужасов кровавого побоища. Заслуг Паскевича никто не отрицает, но знаменит и велик подвиг Толя, который, будучи представлен самому себе во все время этого рокового побоища, умел извернуться таким образом, что отсутствие фельдмаршала не только не имело губительного влияния на исход битвы, но даже осталось никем не замеченным. Паскевич, никогда не отличавшийся скромностью и беспристрастием, свойственными лишь высоким, избранным характерам, не хотел в своем донесении государю поставить в надлежащем свете заслуги многих лиц, блистательному содей-

ствию которых он был обязан одержанной победой. Напротив того, алчность к присвоению чужих заслуг, нисколько не умаляющих его собственные, желание приписать всю славу победы лишь самому себе побудили его отозваться не совсем благоприятно о многих лицах.

Ряд милостей посыпался на Паскевича — вождя, достойного времен великого Николая, как выразился редактор одного журнала; почести окончательно вскружили ему голову, и он, в пылу самонадеянности, возмечтал о себе, что он полубог. Не имея повода питать глубокого уважения к фельдмаршалу князю Варшавскому, я, однако, для пользы и славы России не могу не желать ему от души новых подвигов. Пусть деятельность нашего Марса, посвященная благу победоносного российского воинства, окажет на него благотворное влияние. Пусть он, достойно стоя в челе победоносного русского воинства, следит за всеми усовершенствованиями военного ремесла на Западе и ходатайствует у государя, оказывающего ему полное доверие, о применении их к нашему войску; я в таком случае готов от пол-

ноты души извинить и позабыть прежние гнусные его поступки и недостойные клеветы, к коим он не возгнушался прибегать для достижения высокого своего сана.

Князь Мадатов, изгнанный с Кавказа Паскевичем, убедившим государя, что этот генерал, пользуясь будто бы благоволением Ермолова, ограбил жителей Карабаха, что было совершенно ложно, – ознаменовал себя блистательною храбростью в Европейской Турции: под Шумлой со спешенными гусарами он овладел несколькими редутами. Он умер в Молдавии, перед смертью ему было суждено выслушать следующее признание умирающего генерал-адъютанта Константина Христофоровича Бенкендорфа, столь ограниченного умом, сказавшего ему: «Я перед вами, но в особенности перед Алексеем Петровичем Ермоловым, много виноват; я вам обоим много повредил через брата моего, но верьте, что это лишь по одному неведению, а потому простите меня».

Мадатов, который не был князем от рождения, но стал называть себя князем впоследствии, носил имя своей матери; дядя его Пет-

рус-Бек пользовался большим уважением в Карабахе. Алексей Петрович Ермолов, любивший Мадатова, сказал ему однажды: «Ты настоящий яшка» (уменьшительное от армяшка); на это Мадатов возразил: «Если я Яшка, вы целый Яков Яковлевич». Граф Дибич сказал ему однажды: «Я знаю, что Паскевич вам много повредил; если вы когда-нибудь попадете ко мне, я постараюсь вам все вознаградить».

Мадатов, говоривший: «Не все надо брать храбростью, нужно и хитростью», был женат на дочери генерала Саблукова, в которую я был долго влюблен. Этот до невероятия неустрашимый и хитрый генерал, трепетавший одного взгляда Ермолова, вступил в брак лишь в надежде получить звание генерал-адъютанта. Молодая жена его согласилась выйти за него замуж в убеждении, что князь Мадатов весьма значительное в Карабахе лицо. Вскоре после приезда молодых в Карабах княгиня изъявила желание посетить могилу своего тестя, человека безнравственного, ничтожного и которого место погребения не было никому известно. Князь Мадатов,

не желая на первых порах разочаровать свою молодую жену, приказал одному расторопному офицеру, состоявшему при нем в должности адъютанта, отыскать на армянском кладбище богатую гробницу, убрать ее цветами и проложить к ней дорожку. Исполнив приказание, адъютант донес о том своему генералу, который повел жену свою к этой гробнице. Молодая княгиня, введенная таким образом в заблуждение, став на колени, возносила молитвы о упокоении души усопшего. Невзирая на то что Мадатов вступил в брак с молодой и весьма красивой женщиной, он продолжал предаваться гнусному пороку, столь распространенному на Востоке. Однажды княгиня, войдя совершенно неожиданно в кабинет мужа, была поражена зрелищем, которое не могло не возмутить ее; но князь, нимало не смутившийся этим внезапным появлением жены, сказал ей: «Это ничего, Софья; я это делаю для того, чтобы сохранить влияние на здешний народ».

Мадатов, будучи весьма умным и чрезвычайно хитрым человеком, владел довольно хорошо русским языком; невзирая на то, он с

намерением употреблял часто в разговоре весьма неправильные обороты. Оpozдав однажды к Ермолову, он извинился тем, что его задержал какой-то жид. «Он думал провести меня по-жидовски, – сказал князь, – но я ему запустил армянского, и он остался внакладе».

Ермолов, поручив ему однажды дочь одного кадия, или старшины, объявил ему грозно, что он желает, чтобы она была доставлена к родителям в целомудренном состоянии; Мадатов, боявшийся одного взгляда Ермолова, говорил: «Я нашелся вынужденным не спать по ночам, потому что не мог поручиться за своих адъютантов».

Во время пребывания в Тифлисе барона Дибича он отсоветовал Ермолову предпринимать что-либо против персидского города Энзели. Дибич сказал ему однажды следующее: «Государь весьма недоволен тем, что вы самовольно позволяете себе заключать многих штаб-офицеров в крепость на продолжительное время». Ермолов отвечал: «Я это делаю потому, что желаю скорее подвергнуть виновных временному наказанию, чем такому, которое могло бы иметь для них неприятные и

невыгодные последствия. Я ограничиваюсь временным заключением их в крепость, но не предаю уже их суду. Ни один из них за то на меня не пожалуется. Вам это трудно понять, потому что вы, рано отделившись от толпы, скоро возвысились; но мне, сроднившемуся с толпой, несравненно более знакомы ее нужды».

Я всегда полагал, что император Николай одарен мужеством, но слова, сказанные мне бывшим моим подчиненным, вполне бесстрашным генералом Чеченским, и некоторые другие обстоятельства поколебали во мне это убеждение. Чеченский сказал мне однажды: «Вы знаете, что я умею ценить мужество, а потому вы поверьте моим словам. Находясь в день 14 декабря близ государя, я во все время наблюдал за ним. Я вас могу уверить честным словом, что у государя, бывшего во все время весьма бледным, душа была в пятках. Не сомневайтесь в моих словах, я не привык врать». Во время бунта на Сенной государь прибыл в столицу лишь на второй день, когда уже все начинало успокаиваться. До тех пор он находился в Петергофе и сам

как-то случайно проговорился: «Мы с Волконским стояли во весь день на кургане в саду, – сказал он, – и прислушивались, не раздаются ли со стороны Петербурга пушечные выстрелы». Вместо озабоченного прислушивания в саду и непрерывных отправок курьеров в Петербург он должен был лично поспешить туда: так поступил бы всякий мало-мальски мужественный человек.

Генерал-губернатор П.К. Эссен, столь известный по отсутствию умственных способностей, думал успокоить народ речью, которой никто не понял; но Васильчиков, Закревский и Василий Перовский привели войска на Сенную площадь и тем восстановили там порядок. На следующий день государь, имея около себя князя Меншикова и графа Бенкендорфа, въехал в коляске в толпу, наполнявшую площадь; он закричал ей: «На колени», и толпа поспешно исполнила это приказание. Сказав короткую, по прекрасную речь, государь приказал Закревскому отслужить тотчас панихиду по убиенным. Так как толпы любопытствующих последовали за экипажем его величества на площадь, государь, увидав

несколько лиц, одетых в партикулярные платья, вообразил себе, что это были лица подзрительные; он приказал взять этих несчастных на гауптвахты и, обратившись к народу, стал кричать: «Это все подлые полячишки, они вас подбили». Подобные неуместные выходы совершенно испортили, по моему мнению, результаты дня.

Все мною здесь сказанное сообщено мне очевидцами, заслуживающими полного доверия.

Во время войны 1828 года в Турции корабль, на котором находился государь с своей свитой, едва не был прибит бурей к Константинополю. Государь, не желая быть узнанным, переоделся в партикулярное платье; молодой и смелый князь Александр Суворов громко сказал при этом случае: «Пусть узнают монархи, что стихии им по крайней мере неподвластны». Этот самый молодой человек, которого отец был в самых приятельских сношениях с Ермоловым, состоял при сем последнем на Кавказе. Известно, что после изгнания

Ермолова из Кавказа жители Гурии, желая

угодить Паскевичу, вынесли портрет Алексея Петровича из залы, в которой дан был ими обед графу Эриванскому. Князь Суворов, присутствуя на одном официальном обеде и видя, что никто не хочет вспомнить о бывшем начальнике, предложил его здоровье; присутствующие были вынуждены, против своего желания, последовать его примеру.

Когда впоследствии жандармские власти стали допрашивать прибывших в Петербург грузин с намерением узнать от них что-либо, могущее послужить к большему обвинению Ермолова, они отвечали: «Мы лишь за то были недовольны им, что он говорил, что у грузин вместо голов – тыквы».

Величайшие и вполне непростительные ошибки Ермолова суть: во-первых, то, что он не отправился под Елисаветполь лично, но отправил туда Паскевича, придав ему двух отличных генералов Вельяминова и Мадатова, которые убедили Паскевича принять сражение, а во-вторых, поступление его вновь на службу. Невзирая на то, Паскевич распространил слух, что Ермолов, отправляя его в Елисаветполь, обрекал его на верную гибель; Ермо-

лов должен был, по моему мнению, проникнуть гораздо ранее намерение государя не давать ему должностей, которые бы соответствовали его способностям, и переехать в Москву.

При увольнении Ермолова от службы ему было назначено около 14 тысяч рублей бумажками пенсия; графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская, узнав о том, сказала, что она почла бы себя счастливою, если бы Ермолов взял в свое распоряжение одно из ее богатых поместий. Так как все вообще пенсии были значительно увеличены, то Ермолову, ничего не получавшему от отца своего, было еще прибавлено, вследствие ходатайства графа Дибича, около 14 тысяч рублей бумажками.

Прибыв в Москву, Ермолов посетил во фряке Дворянское собрание; приезд этого генерала, столь несправедливо и безрассудно удаленного со служебного поприща, произвел необыкновенное впечатление на публику; многие дамы и кавалеры вскочили на стулья и столы, чтобы лучше рассмотреть Ермолова, который остановился в смущении у входа в

залу. Жандармские власти тотчас донесли в Петербург, будто Ермолов, остановившись на- супротив портрета государя, грозно посмот- рел на него!!!

Сестра его, Анна Петровна, вышла замуж за некоего А.А. Павлова, вполне замечатель- ного по своему уму и вполне презренного по свойствам души. Хотя Ермолов на основании духовной отца своего обязан был выделить сестре своей лишь */ часть имения, но, имея намерение дать ей гораздо большую часть, он поручил одному из своих приятелей заняться разделом. Медленность, с которой этот раздел совершался, внушила Павлову мысль, вос- пользовавшись известным неблагоприятием государя к Ермолову, подать прошение его ве- личеству с приложением нескольких писем Ермолова, писанных им когда-то в либераль- ном духе. Хотя последовал указ о принужде- нии Ермолова ускорить раздел, но он, в спра- ведливом негодовании на презренный посту- пок своего зятя и сестры, объявил, что ника- кая сила не заставит его выделить часть, большую того, что было ей назначено покой- ным их родителем. Ермолов получил в на-

следство около 280 тысяч рублей бумажками.

Ермолов имел сначала намерение воспитать своих сыновей за границу, но вследствие вновь появившегося в 1834 году указа и настояния великого князя Михаила Павловича он поместил их в артиллерийское училище.

На одном бале у князя Дмитрия Владимировича Голицына государь имел с Ермоловым следующий разговор:

Г. Как хороша Скрипицына! Как стройна!

Е. Да, государь, она как стебель лилии.

Г. О! Да ты поэт, как брат твой Денис. Как жаль, что этот человек служит урывками! С его средствами и дарованиями, чем бы он не был! Писал ли ты когда-нибудь стихи?

Е. Никогда, государь, не мог прибрать ни одной рифмы и ни с одним стихом не умел сладить.

Г. А Денис пишет ли стихи?

Е. Редко теперь – он занимается серьезными сочинениями.

Г. Я этого не знал; может быть, урывками, так же, как служит?

Е. Нет, государь, весьма постоянно, можно

сказать, как трудолюбивейший комментатор.

Г. К чему он не способен когда захочет, с его способностями и дарованием? Он, однако, прежде писал неприличные стихи.

Е. Правда, государь; быв гусаром, он славил и пил вино и оттого прослыл пьяницею, а он такой же пьяница, как я.

Г. Это я знаю; жаль, что он урывками служит. Он был бы полезен и для всех и для себя и пошел бы далеко.

Примечания

Человек с большими возможностями (*фр.*).
(Здесь и далее примеч. авт., кроме особо указанных случаев.)

[^^^]

2

Париж, столица Франции... ищите, дети мои!
(фр.)

[^^^]

3

Они отмечены буквой «С».

[^^^]

Он умер сенатором и действительным тайным советником. У меня записаны еще два анекдота в этом роде. У Ермолова спросили однажды, какой милости он желает? «Пусть пожалуют меня в немцы», – отвечал Ермолов, и объяснял свой ответ тем, что немцем он может получить все уже сам. В другой раз, войдя в залу перед внутренними покоями императора Александра, где ждало много военных, он вдруг без всякого повода обратился к ним с вопросом: «Позвольте узнать, господа, говорит ли кто из вас по-русски?» Не нужно припоминать, что в то время был сильный антагонизм между русскими и немцами, теперь, к общему удовольствию, не существующий.

[^^^]

Во время пребывания своего в Грузии Алексей Петрович требовал, чтобы окружающие его чиновники и офицеры постились на Страстной неделе и посещали церковь в праздничные дни; в Великий четверг во время чтения о страстях Господних присутствовали даже и некоторые мусульмане.

[^^^]

6

Алексей Петрович рассказал мне однажды: «В царствование Александра I владимирское дворянство пожертвовало сумму на какое-то учреждение. Губернатор отнесся ко мне с приглашением принять участие. Я отвечал, что не присылаю ему потому, что не имею во Владимире, равно как и в прочих губерниях ни одной души».

[^^^]

Напомним кстати о родственной связи, соединявшей следующие знаменитые в России фамилии: Потемкина, Ломоносова, Раевского, Давыдова, Ермолова, Орлова и проч.

У Потемкина было две сестры, одна была в замужестве за Николаем Борисовичем Самойловым (умер сенатором).

У них остались сын и дочь. Сын Ал. Николаевич (следовательно, родной племянник Потемкину), впоследствии граф и генерал-прокурор. Дочь Катерина Ник-вна была в первом браке за Раевским и имела от сего брака сына Николая – знаменитого героя войны 1812 г., следовательно, Раевский был двоюродным внуком Потемкина. Раевский был женат на Константиновой, внучке Ломоносова, и имел двоих сыновей, с которыми бросился вперед в одном из сражений между Смоленском и Можайском, и дочь в замужестве за Михаилом Федоровичем Орловым, другую за князем С.Г. Волхонским. Во втором браке Катерина Николаевна Раевская была за генерал-майором Львом Денисовичем Давы-

довым, от которого был сын Петр Львович, женатый на одной из графинь Орловых.

Лев Денисович имел сестру Марью Денисовну, мать славного Алексея Петровича, и брата Василья Денисовича, у которого был сын Денис. Поэт-партизан, следовательно, двоюродный брат Ермолову.

Мать Раевского была за родным дядею Ермолова. По ней Ермолов находился в свойстве и с ее братом, то есть генерал-прокурором Самойловым, в доме которого и жил в Петербурге при начале своей службы, в царствование императрицы Екатерины II.

[^^^]

Теперь уж не то, говорит г. С., записавший эту черту: «Алексей Петрович иногда забывает, что ему прочтешь. Если начнет рассказывать что-нибудь, то забывает названия местностей, но минуты чрез три вспомнит».

[^^^]

О Грузии и Австрии у меня большие пробелы в записках, и надо ожидать дополнения из моей тетради, с поправками самого Алексея Петровича, которую я все еще надеюсь получить.

[^^^]

Ермолов остался навсегда любителем латинского языка. Переводами с этого языка он занимался, даже когда уже был генералом. «В походе по неметчине скука была ужасная; попадешь в иное место, хуже каторги». Переводы его, однако, не назначались для печати. Только однажды попечитель Московского учебного округа Писарев известил в каком-то журнале, что скоро появится в свет его перевод; но Алексею Петровичу не достало времени продолжать свой труд. Латинская конструкция часто отражается в его слоге. Переведенный на Кавказ, он уже не имел времени заниматься посторонними предметами. (С.)

[^^^]

Секст Проперций. Элегии. Кн. 2. XVII. «Вы, смертные, ищете неверный час кончины и спрашиваете, каким путем придет смерть!»

[^^^]

О времени том Давыдов рассказывает следующий анекдот: «По вступлении на престол императора Александра формуляр Ермолова, который был вовсе исключен из службы, был найден с большим трудом в Главной канцелярии артиллерии и фортификации. Граф Аракчеев пользовался всяким случаем, чтобы выказать свое к нему неблаговоление; имея в виду продержатъ его по возможности долее в подполковничьем чине, граф Аракчеев переводил в полевую артиллерию ему на голову либо отставных, либо престарелых и неспособных подполковников. Однажды конная рота Ермолова, сделав переход в двадцать восемь верст по весьма грязной дороге, прибыла в Вильну, где в то время находился граф Аракчеев. Не дав времени людям и лошадям обчиститься и отдохнуть, он сделал смотр роте Ермолова, которая быстро вскакала на находящуюся вблизи высоту. Аракчеев, осмотрев конную выправку солдат, заметил беспорядок в расположении орудий. На вопрос его «Так ли поставлены орудия на случай наступ-

ления неприятеля?» Ермолов отвечал: «Я имел лишь в виду доказать вашему сиятельству, как выдержаны лошади мои, которые крайне утомлены». «Хорошо, – отвечал граф, – содержание лошадей в артиллерии весьма важно». Это вызвало следующий резкий ответ Ермолова в присутствии многих зрителей: «Жаль, ваше сиятельство, что в артиллерии репутация офицеров зависит от скотов». Эти слова заставили взбешенного Аракчеева поспешно возвратиться в город. Это сообщено мне генералом Бухмейером.

[^^^]

В одном из журналов описано это происшествие.

[^^^]

Генеральский приемыш.

[^^^]

В рассказе Д.В. Давыдова это происшествие описано так: «В Аустерлицком сражении рота его была окружена неприятелем со всех сторон. Прислуга 4 орудий была изрублена, другие три орудия, увязшие в грязи, были также взяты французами, и сам Ермолов, под которым была убита лошадь, взят в плен». Заметим, что Ермолов в своих записках не говорит об убитой под ним лошади.

[^^^]

Давыдов приписывает освобождение Ермолова еще графу Орурку.

[^^^]

«Я не столь ненавистен победе, чтоб не решиться на все во имя великой надежды» (*Вергилий. Энеида. 435. Пер. С. Ошерова*).

[^^^]

Граф Каменский, по рассказу Д.В. Давыдова, так объяснял свой отъезд Ермолову, посетившему его в деревне с отцом своим в 1809 г.: «Всем известно, что в кампанию 1807 г. третья часть армии была распущена; прибыв в армию, я увидел, что ей необходимо следовало отступить к Висле; мне, к концу моего долгого поприща, показалось слишком тесно маневрировать между Вислою и Бугом: я мог испортить в несколько дней свою репутацию, составленную в течение 56 лет, а потому я предпочел оставить армию».

[^^^]

А м т м а н – начальник небольшого округа в Германии и вообще должностное лицо. (*Примеч. ред.*)

[^^^]

Бывшая с ним часть авангарда в тот день была разбита.

[^^^]

25 декабря, когда Багратион за Гофом прикрывал отступление армии к Прейсиш-Эйлау, «Ермолов с конноармейскою ротою своей, находясь в передних рядах, отражал картечью атаковавшие его неприятельские колонны».
(Д.)

[^^^]

Он объезжал поле с Д. Давыдовым.

[^^^]

Близ Цехерна на Пассарге Ермолов стал стрелять из единорогов 12-фунтовыми ядрами. Мы перехватили курьера с донесением маршала Нея, который вследствие этого писал Наполеону: «Les Russes veulent probablement tenir ici, car ils ont amene des pieces de position» («Видимо, русские хотят укрепиться здесь и разбить свой лагерь»). Однако корпус Нея, быв преследуем одним авангардом, перешел реку без большого урона. Князь Багратион, подвинув егерей Раевского к берегу реки против Дешпена, поставил на отлогости горы артиллерию Ермолова, позади которой в лесу была расположена вся пехота авангарда. Накучив бесполезною перестрелкой чрез реку, князь посылал меня два раза к стрелкам с приказанием прекратить стрельбу. Но задор их был таков, что они не слушали ничьего повеления. Я лишь в третий раз мог убедить сих непреклонных героев отступить. (Д.)

См. выше рассказ Д. Давыдова, который выглядит несколько иначе.

[^^^]

К этим действиям относится еще одно обстоятельство, рассказанное у Д.В. Давыдова и во все не упомянутое в записках Ермолова: «По занятии Анкендорфа, от которого был оттеснен Ней, полковник Ермолов выскакал с конною артиллерией своей влево от селения, откуда он успешно поражал неприятельские колонны, отступавшие чистым полем к позиции при Гейлигентале. Расстройство неприятеля было весьма заметно, но за неимением на этом пункте кавалерии мы не могли этим воспользоваться: командующий ею граф Пален не был в этом случае виноват; его взор проникал везде и всюду, и он уже при первом движении вперед отрядил Польский уланский полк для прикрытия артиллерии Ермолова. Но шеф этого полка, генерал Каховский, приобретший в штабе много друзей чрез свое богатство, не только не подвигался, но скорее пресмыкался по направлению к Анкендорфу. При всем том он показался еще вовремя. Увидя голову его колонны, некоторые из нас, находившиеся на батарее Ермолова, подсказа-

к Каховскому, просили его ударить поспешнее на рассыпавшуюся и бегущую пехоту французского арьергарда; но он, ответив нам, что его лошади устали (тогда как полк его продвинулся не далее двухсот сажень от места ночлега), остановился. Убедившись в невозможности отрезать Нея от Деппена, армия наша заняла позицию пред Гейлигенталем...»

[^^^]

Простительно желать знать, кому принадлежит честь подобных распоряжений. Кажется, полковнику Адернау, и кто же осмелился бы оспаривать ее у немца? Ибо с давних времен не умеют найти русского в генерал-квартирмейстеры.

[^^^]

Во время переговоров о мире в Тильзите Ермолов часто ходил в город смотреть на Наполеона. Он останавливался в доме против императорской квартиры. Там по целым часам наблюдал он чрез растворенное окошко все движения своего героя, который пред его глазами раздавал приказания, выслушивал донесения, говорил... Ермолов жадным слухом ловил всякое слово, которое, однако же, не долетало. (Д.)

[^^^]

Д.В. Давыдов предлагает следующие замечания о службе Ермолова в продолжение этой кампании и об отношениях его к разным начальникам: «Будучи произведен в полковники, по ходатайству почтенного и доблестного Ф.П. Уварова, воспользовавшегося отсутствием графа Аракчеева, Ермолов заслужил, в течение войны 1806 и 1807 годов, отличную репутацию. Князь Багратион, письменными делами которого Ермолов заведовал в течение этой войны, исходатайствовал ему за блистательное мужество, выказанное близ Гутштадта, знаки Св. Георгия 3-го класса и обратил на него внимание цесаревича, коего особенным благоволением и покровительством Алексей Петрович пользовался до самой его кончины. Слава, приобретенная им в течение этой войны, была такова, что одного удостоверения его было достаточно для получения знаков Св. Георгия; таким образом получили Георгиевские кресты три штаб-офицера, отличившиеся в глазах Ермолова, под Гейльсбергом. (То были подполковник конно-польского

полка Буняковский и майоры: Лифляндского драгунского Римский-Корсаков и Финляндского – Фитингоф.) Когда солдаты наши замечали роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и в особенности его самого, они громко кричали: «Напрасно француз горячку порет, Ермолов за себя постоит!» Я был очевидцем всего этого». Ф.П. Уваров отозвался с великою похвалою об Ермолове пред государем после Аустерлицкого сражения, король Прусский – после похода 1806 года. Государь отвечал королю Прусскому: «Я уже знаю его».

[^^^]

В записках у меня вот как описано первое свидание Ермолова с графом Аракчеевым. «Вы одеты не по форме», – встретил его военный министр. «Позвольте усомниться, ваше сиятельство», – отвечал Ермолов. Оказалось, что его бригаде за отличие пожалованы были петлицы, о которых Ермолов еще не слышал. Аракчеев своим замечанием выражал ему свое благоволение.

[^^^]

К этому времени относится следующее замечание в записках Д.В. Давыдова: «Будучи произведен в 1808 году в генерал-майоры, Ермолов, состоя в дивизии молодого и пылкого князя Суворова, наблюдал за австрийскою Галицией и Радзивилловскою таможеней; энергические действия его и строгий надзор за контрабандистами едва не навлекли ему больших неприятностей со стороны Коммерц-коллегии, но благодаря покровительству графа Аракчеева он не подвергся взысканию за то, что, по незнанию правил таможенного устава, он бескорыстно уступал все конфискованные предметы казакам, отличившимся при поимке контрабандистов; он не хотел в этом случае подражать своему предместнику Бауэру, который высылал целые эскадроны для конвоирования контрабанды. Получив вскоре после того предписание графа Аракчеева наблюдать за польскими уроженцами западных губерний, коим наше правительство не хотело дозволить вступать в слишком тесные сношения с войсками князя Понятовского,

действовавшими в то время против Австрии, и будучи им уполномочен ссылать виновных, Алексей Петрович успел в этом случае сочетать разумную строгость с редким великодушием».

[^^^]

Услышав, что почетный попечитель Кременецкой гимназии, тайный советник граф Чарский, держал в этом городе непозволительные речи, Алексей Петрович прибыл из Житомира в Кременец; сообщив ему о своем полномочии, он в присутствии многих свидетелей грозно сказал ему: «Благодарю вас, граф, за ваше доброе обо мне мнение; вы, по-видимому, убеждены, что я не захочу воспользоваться предоставленным мне правом, но я обязан предупредить вас. что впредь малейшее неосторожное слово ваше будет иметь самые печальные для вас последствия». Это краткое, но ясное увещание не осталось без желанных последствий. (Д.)

[^^^]

От графа Аракчеева Ермолов получил следующий ответ:

«Милостивый государь мой, Алексей Петрович!

За письмо вашего превосходительства от 15 июня, полученное мною от адъютанта Граббе, принесся вам истинную мою благодарность, прошу вас, милостивый государь мой, принять от меня искреннее уверение, что я, зная отличные заслуги вашего превосходительства, при всяком случае и всегда старался доставлять вам противу прочих генералов лучшие виды по службе. За удовольствие почитаю быть всегда с истинным к вам почтением.

Вашего превосходительства покорный слуга *граф Аракчеев*. С.-Петербург. Июля 4-го дня 1810 года».

[^^^]

От графа Дмитрия Николаевича Блудова, бывшего свидетелем свидания главнокомандующего с Ермоловым, по званию начальника дипломатической канцелярии графа Каменского, имел я честь слышать об отзыве главнокомандующего и о приятном впечатлении, которое производил на всех молодой генерал своею замечательною наружностью.

[^^^]

К этому времени принадлежит следующее письмо Кульнева, свидетельствующее об уважении, коим пользовался Ермолов от всех передовых людей того времени:

«Сher camarade, Алексей Петрович!

Ни время, ни отсутствие дальше не могло истребить из памяти моей любви и того почтения, кое привлекли вы себе от всей армии. Это не лестно вам говорю, и всегда об вас вспоминал. Для чего вас не было в шведскую и последнюю кампанию, турецкую войну. Человеку с вашими способностями не мешало знать образ той и другой войны, и, я полагаю, преградою сей мешала вам какая ни есть придворная чумичка. Время еще не ушло; кажется, вскорости увидимся на ратном поле; меж тем рекомендую вам вручителя сего письма, г. Богданова, отец коего и все семейство дому нашему, и паче мне, большие приятели: прошу вас, по желанию его, постараться перевести его в конную артиллерию; в его лета весьма не кстати ему служить при понтонах. И все, что вы для него сделаете, меня чувстви-

тельно обяжете, как равно все его почтенное семейство. Я проездом заехал в Курск, еду из Молдавии в новый полк, который пошел на прусскую границу.

Кульнев.

[^^^]

Давыдов говорит: «Ермолов был вскоре, против своего желания, назначен сперва командиром гвардейской артиллерийской, а потом и гвардейской пехотной бригад; он имел в это время, по поручению барона П.И. Меллера-Закомельского, сильные стычки с военным министром Барклаем; Михаил Богданович еще более вознегодовал на него, узнав, что Алексей Петрович, объяснив государю устройство прицелов, отдал предпочтение инструменту Кабанова пред тем, который был изобретен его племянником Фицтумом. Супруга Барклая Елена Ивановна не раз говорила мужу о Ермолове: «Lass ihn ruhig, das ist ja ein schrecklicher Mensch» («Сей человек ужасен!»).

[^^^]

«Давайте следовать судьбе, пока она направляет нас» (*Вергилий. Энеида*).

[^^^]

Давыдов замечает при сем вообще, что государь был очень доволен распорядительностью Ермолова при командовании гвардейскою дивизией. Граф Аракчеев, узнав о назначении, сказал Ермолову: «Вам, как человеку молодому, предстоит много хлопот; Михаил Богданович весьма дурно изъясняется и много не досказывает, а потому вам надо стараться понимать его и дополнять его распоряжения своими собственными».

[^^^]

История Суворова, соч. г. Фукса.

[^^^]

Ныне Даугавпилс. (*Примеч. ред.*)

[^^^]

Давыдов свидетельствует: «Чрезвычайные обстоятельства, в которых была в то время поставлена Россия, несогласия между главнокомандующими, вынуждали государя иметь подробные и по возможности частые известия о всем том, что происходило в армии. Уезжая из Полоцка, государь приказал Ермолову извещать его письмами о важнейших происшествиях армии. Ермолов отправлял свои письма с отъезжающими из армии генерал-адъютантами; Кутузову, графу Шувалову и другим были передаваемы письма на имя его величества».

[^^^]

Обратите внимание на сии пророческие слова государственного человека!

[^^^]

От многих современных свидетелей я слышал, что Ермолову обязана была наша армия спасением под Витебском.

[^^^]

К этому времени принадлежит письмо Ермолова к Милорадовичу, которое служит нам красноречивым свидетельством его тогдашних чувств.

«Милостивый Государь, Михаил Андреевич!

Если обстоятельства удерживали ваше высокопревосходительство некоторое время далеко от нас, то судьба нас ныне с вами сблизила. В подобном положении можно было бы и не желать с вами видеться. Вот случаи, которых ни предвидеть невозможно, ни верить их событию нельзя. Спешите, почтеннейший Михайло Андреевич, к нам, и, ежели войска ваши не успеют разделить славу нашу, приезжайте вы одни. Я знаю, что вы здесь нужны. Приезжайте, всеми любимый начальник; будьте свидетелем сражения, которому, конечно, равного долго не будет – мы будем драться как львы, ибо знаем, что в нас – надежда, в нас – защита любезного отечества. Мы можем быть несчастливы, но мы русские, мы будем уметь умереть, и победа достанется

врагам нашим плачевною. Солдаты наши остервенены ужасно. Надо показаться впереди, и ничто, конечно, устоять не может. Здесь нет почти полка, который бы не служил под начальством вашим. Впереди вас никто не бывает, покажитесь – и все противостоящее нам останется истребленным».

[^^^]

Маршал Даву, после сражения с корпусом генерала Раевского, считая оный за авангард и вслед за ним ожидая всех войск армии, отступил, в ожидании генерального сражения, к главным своим силам в Могилев, приготовляться к обороне и таким образом шедшему за корпусом Раевского Багратиону дал возможность пройти к соединению с 1-й армией.

[^^^]

Здесь (под Смоленском) несогласия, существовавшие между Барклаем и князем Багратионом, достигли наибольших размеров; благодаря посредничеству Ермолова, воспользовавшегося болезнью храброго, благородного, но недальновидного графа Сен-При, сношения между главнокомандующими, из которых князь Багратион был гораздо старше в чине и, как питомец Суворова, заклятый враг всякого отступления, сделались гораздо дружелюбнее. Ермолов, передавая приказания Барклая князю и донесения его Барклаю, смягчал по возможности их выражения; он писал ряд писем князю Багратиону, убеждая его именем Бога и отечества не подавать новых поводов к несогласиям, не отказываться от командования армией и исполнять приказания Барклая, ожидая терпеливо назначения нового главнокомандующего, какого требовали современные обстоятельства.

Между тем Барклай, выслушивая донесения князя Багратиона, передаваемые ему Ермоловым, и глядя, по своему обыкновению,

раненую руку свою, говорил ему: «С вашим князем можно еще служить вместе», князь Багратион говорил ему в свою очередь: «С твоим методиком Даву можно еще ладить». К несчастью, выздоровление графа Сен-При, последовавшее чрез две недели, совершенно изменило весь ход дел...

...Близ Смоленска Барклай возымел мысль идти с 1-й армией к городу Белому, направив вторую по Московской дороге, где она, будучи предоставлена самой себе, не могла избежать полного поражения. Ермолов, который, по своему пылкому и решительному характеру, не мог сочувствовать осторожному и методическому Барклаю, резко возразил ему: «Вы не осмелитесь, ваше высокопревосходительство, этого сделать и тем отказаться от выгод, приобретенных нами чудесным соединением армий». Барклай, убедившись в гибельных последствиях этого движения, отказался от своего намерения. (Д.)

[^^^]

Я редко видел его столько любезным и даже на французском языке, на котором он не был очарователен.

[^^^]

Место, о котором сказал я выше и где найдены были мною два эскадрона Сумского гусарского полка.

[^^^]

Мы в большой опасности, как сие могло случиться? (*фр.*)

[^^^]

Алексей Петрович, будучи 410-м генерал-майором по старшинству, был произведен за сражение при Заболотье в генерал-лейтенанты. По этому поводу Давыдов рассказывает следующее: «Хотя Ермолов был представлен за сражение при Заболотье в генерал-лейтенанты, но, видя себя всеми обойденным, потому что в приказах не было объявлено о его производстве, он вошел о том с рапортом к кн. Кутузову, который оставил это без всякого внимания. Во время наступления наших войск на прусские владения государь был столь милостив к Ермолову, что приказал графу Аракчееву узнать, не почитает ли Алексей Петрович себя чем-нибудь оскорбленным. Когда найден был рапорт его князю Кутузову, последовал высочайший приказ о его производстве со старшинством со дня сражения при Заболотье, и по этому поводу состоялось высочайшее постановление о том, что старшинство в чине должно полагаться со дня оказанного отличия».

[^^^]

Растах (от нем. Rasttag) означает «отдых на пути». (Примеч. ред.)

[^^^]

Петр Львович Давыдов, отец В.П. Орлова-Давыдова, прозванный товарищами *capitaine-tempeste*. Отказавшись в 1812 г. от звания тайного советника и камергера, он поступил в армию майором, говоря «Я не имею обыкновения выторговывать себе чины». В течение кампании получил генеральский чин, умер в 40-х гг.

[^^^]

После Кульмского сражения Барклай, старавшийся приписать всю славу победы, одержанной в первый день боя, поручику Диесту, имел в виду сделать неприятность не столько графу Остерману, сколько Ермолову, который был обязан лишь ходатайству его высочества цесаревича тем, что его не обходили наградами во время войны 1813 и 1814 годов. Кстати поместим здесь еще рассказ Давыдова, показывающий ясно, с какою решительностью Ермолов действовал и какое поселил о себе мнение в главных генералах: «Однажды Барклай приказал Ермолову образовать легкий отряд. Шевич был назначен начальником отряда, в состав которого вошли и казаки, под начальством генерала Краснова. Хотя атаман Платов был всегда большим приятелем Ермолова, с которым он находился вместе в ссылке в Костроме в 1800 году, но он написал ему официальную бумагу, в которой спрашивал, давно ли старшего отдадут под команду младшего, как, например, Краснова относительно Шевича, и притом в чужие войска? Ермолов отве-

чал ему официальною же бумагой, в которой находилось между прочим следующее: «О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, потому что в вашей канцелярии не доставлен еще формулярный список этого генерала, недавно к вам переведенного из Черноморского войска; я, вместе с тем, вынужден заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его». Правитель дел атамана Смирной предлагал ему возражать Ермолову, но Платов отвечал: «Оставь Ермолова в покое, ты его не знаешь, он в состоянии сделать с вами то, что приведет ваших казаков в сокрушение, а меня в размышление».

[^^^]

Генерал барон Беннигсен называл пункт сей ключом позиции и требовал, чтоб он укреплен был.

[^^^]

В 1807 году, в первый раз употреблен будучи против неприятеля, находился он на командуемой мною батарее в сражении при Прейсиш-Эйлау. (Ерм.)

[^^^]

Хотя я никогда не бывал Ермолову сердечным другом, я не могу отрицать, что наша армия обязана своим спасением в Витебске, Бородине и при Кульме; во многих других случаях он показал много таланта, мужества, присутствия духа и редкого бескорыстия (*фр.*).

[^^^]

Если бы сделать бойницы в стенах монастырей, то можно было бы продержаться несколько дней (*фр.*).

[^^^]

Мнение мое атаковать неприятеля основано было на необходимости дать сражение, ибо Кутузов не переставал утверждать того; итак, взяв сие за основание, я только избирал способ и всеконечно лучше было не ожидать нападения в порочной позиции. (Ерм.)

[^^^]

Давыдов рассказывает здесь следующий случай: «На втором переходе после выступления из Москвы армия наша достигла так называемого Боровского перевоза. Здесь арьергард был задержан столпившимися на мосту, в страшном беспорядке, обозами и экипажами частных лиц; тщетны были просьбы и приказания начальников, которые, слыша со стороны Москвы пушечные выстрелы и не зная о истинном направлении неприятеля, торопились продвинуть арьергард; но обозы и экипажи, занимая мосты и не пропуская войск, нисколько сами не подвигались. В это время подъехал к войскам Ермолов; он тотчас приказал командиру артиллерийской роты, здесь находившейся, сняться с передков и обратить дула орудий на мост, причем им было громко приказано зарядить орудия картечью и открыть по его команде огонь по обозам. Ермолов, сказав на ухо командиру, чтобы не заряжал орудий, скомандовал: пальба первая. Хотя это приказание ее было приведено в исполнение, но испуганные обозники, бросив-

шись частью в реку, частью на берег, вмиг очистили мост, и арьергард благополучно присоединился к главной армии. Лейб-медик Вилье, бывший свидетелем всего этого, назвал Ермолова «*homme aux grands moyens*» (человеком больших возможностей).

Бывший дежурный генерал 2-й армии Марин, автор весьма многих комических стихотворений, часто посещал Ермолова, о котором он говорил: «Я люблю сего Ахилла в гневе, из уст которого никогда не вырывается ничего оскорбительного для провинившегося подчиненного».

Приводим здесь еще следующую заметку самого Ермолова. «Направление на Владимир, военным министром предложенное, отменено, и определено перейти на Тульскую дорогу. Для сего надлежало предпринять фланговой марш, вблизи от неприятеля небезопасный. В продолжении кампании 1812 года движение сие было решительнейшее и наиболее приличествующее обстоятельствам, а потому весьма многие несправедливо приписывают себе честь сего предложения, хотя еще под Москвою было рассужда-

емо о том, можно ли с Воробьевых гор перейти на Тульскую и даже на самую Калужскую дорогу, а в теперешнем случае мысль сия принадлежит генералу барону Беннигсену, и я свидетелем был, что он говорил о том князю Кутузову».

[^^^]

По этому поводу Давыдов пишет: «П.П. Коновницын был в полном смысле слова благородный и неустрашимый человек, отличавшийся весьма небольшими умственными способностями и еще меньшими сведениями. Будучи назначен дежурным генералом всех армий, он вначале посылал бумаги, им получаемые, к Ермолову, прося его класть на них резолюции. Ермолов исполнил на первый раз его просьбу, но, выведенный из терпения частыми присылками большого количества бумаг, он возвращал их в том виде, в каком получал, с адъютантом своим Фонвизиным, который будил ночью Коновницына и обратно возвращал ему бумаги. Коновницын, прочитав однажды записку Ермолова, в которой было, между прочим, сказано: «Вы напрасно домогаетесь сделать из меня вашего секретаря», сказал Фонвизину: «Алексей Петрович ругается и ворчит». Он приобрел отличного руководителя и наставника в квартирмейстерском полковнике Говардовском, авторе знаменитого письма графа Буксгевдена к гра-

фу Аракчееву. Этот даровитый штаб-офицер погиб в Бородинском сражении. Впоследствии Толь совершенно овладел Коновницей-НЫМ».

[^^^]

Давыдов рассказывает об этом так: «Известно, что в Тарутине Коновницын, назначенный дежурным генералом всех армий, отказывался от своей новой должности под предлогом, что она была выше его сил; Кутузов думал дать ему в помощники Ермолова, который, не желая служить секретарем Коновницыну, настоятельно просил перевода своего во фронт. Фельдмаршал потребовал их обоих к себе; передразнивая их, он сказал им: «Один уверяет, что не может, а другой все может, да не хочет, я о вас обоих напишу государю». Ермолов, не пользовавшийся в то время доверием Кутузова, будучи некогда сам начальником главного штаба армии и вполне сознававший свое значительное превосходство над Коновницыным, возымел твердое намерение перейти во фронт, что, как известно, не состоялось, ибо для этого необходим был в то время указ сената».

Он умер сенатором.

[^^^]

Весь этот разговор был тотчас доведен до сведения государя находившимся в то время при нашей армии бароном Анштетом.

[^^^]

Ими командовал генерал-фельдмаршал Бороздин 1-й.

[^^^]

Мне дана была сия доверенность. (Ерм.)

[^^^]

От жителей, спасшихся от неприятеля.

[^^^]

В записках своих Ермолов винит Витгенштейна и в других упущениях.

[^^^]

Все мною здесь сказанное основано на документах, хранящихся в артиллерийских архивах. (Д.)

[^^^]

К этому времени относится следующее письмо Фигнера к А.П. Ермолову: «Милостивый государь, Алексей Петрович!

Прискорбно мне, что я не могу, по причине болезни, иметь счастье быть у вашего превосходительства и при отъезде своем из армии принять вашего благословения. Вы бы лучше на лице моем усмотрели, что я к вам чувствую, нежели из письма, ибо тут я ничего не пишу, а буду дожидаться случая доказать вам, что я по гроб свой буду почитать и любить вас.

Ваш благодарный и чувствительный *Л. Фигнер*.

Июнь, 1813.

Г. Фридштадт.

Р. С. Подателя письма сего просил я собрать с должников моих деньги, ибо я нахожусь в великой крайности; сего ради прошу ваше превосходительство сделать ему по сему предмету полную доверенность».

Письмо это писано Фигнером незадолго пред смертью.

[^^^]

В моих отметках со слов А.П. записано: «Остерман хотел идти на... Ермолов, основываясь на карте, убедил его оставить это намерение, которое погубило бы нас и, вообще, без Кульмского сражения дало бы другой вид войне. «Пошлите для пробы вот этот ненужный для нас обоз, – сказал он Остерману?! – и вы увидите, что он придет не прежде». Тот согласился. В начале сражения Остерману оторвало ядром ногу, и оно было ведено одним Ермоловым.

[^^^]

В моих отметках записано: под конец сражения подоспел князь Д.В. Голицын и, как старший, должен был принять команду, но благо-родно от нее отказался. «Вы уже решили де-ло, – сказал он Ермолову, – я не хочу похи-щать вашего венца, а если вам нужны мои войска, вы можете распоряжаться ими».

[^^^]

У меня слова эти приписаны великому князю Константину Павловичу. Сражение Кульмское решило судьбу кампании и погибель Наполеона. Государь был в восторге. На месте битвы он надел на победителя орден Св. Александра Невского, а великий князь Константин Павлович сказал: «Ермолов укрепил за собою гвардию». До Кульмского сражения Ермолов имел гвардию только *ad interim*. Государь был на него даже в неудовольствии, и вот по какому случаю (не по люценскому ли? См. выше). После он дал ему бригаду, к которой в досаде Ермолов не хотел являться... во время Бауценского сражения. Тогда государь дал ему арьергард».

[^^^]

В одно из моих путешествий, кажется в 1846 году, мне случилось встретиться в Париже с женеvским священником Каченовским, который передал мне, что старик Остерман, живший тогда в Женеве, велел ему непременно достать портрет Ермолова. Я тогда же передал его желание Алексею Петровичу, и оно доставило ему большое удовольствие.

[^^^]

Однажды, среди разговора, Алексей Петрович начертил мне карандашом на попавшейся под руки желтой четвертке план Кульмского сражения. Эта четвертка с прочими моими автографами поступила в Петербургскую библиотеку.

[^^^]

Я накажу моего помощника за дерзость, учиненную в вашем присутствии, как только вернусь к войскам (*фр*)

[^^^]

Точно так же записано в моих отметках.

[^^^]

Около этого времени Аракчеев писал Ермолову:

«Милостивый государь мой, Алексей Петрович!

Вы некогда позволили мне адресоваться к вашему превосходительству с моими препоручениями: ныне я оным хочу воспользоваться. Податель сего письма, гвардии артиллерийской бригады прапорщик князь Долгорукий (покойный генерал-адъютант, князь Илья Андреевич), находящийся при мне в должности адъютанта, молодой и хорошо воспитанный человек и самый усердный к службе офицер, пожелал быть в действующей армии; почему я решился просить об нем никого больше, как только вас, моего милостивого государя, дабы вы сделали мне ваше одолжение принятием его к себе в штат, с употреблением на службу государя императора, но собственно при вашем превосходительстве. Вы исполнением сей моей просьбы обяжете того, который с истинным почтением и преданностию всегда пребудет вашего пре-

восходителства покорный слуга

граф Аракчеев.

Санкт-Петербург.

23 июня 1815 года».

[^^^]

Этот разговор был передан знаменитым нашим гр. М.И. Платовым, в присутствии которого он происходил. (Д.)

[^^^]

Местами сокращенный г-ном С. Такие сокращенные места поставлены в скобках.

[^^^]

Гофкригсрат {нем. Hofkriegsrat) – придворный военный совет Священной Римской империи германской нации, а затем Австрийской империи, заседавший в Вене с 1556 по 1848 г. В ведении Гофкригсрата, названного так в 1564 г., находились все вопросы, связанные с организацией военного дела в мирное время и ведением войны. В 1565 г. был создан параллельный совет в Граце, отвечавший за оборону самой Австрии и организацию пограничной службы, это разделение было ликвидировано при Марии-Терезии. Все реформы австрийских императоров, начиная с первой половины XVII в. и кончая правлением Иосифа II, были направлены на дальнейшую централизацию всего управления военным делом в Гофкригсрате.

[^^^]

Он тут поколотил урядника колом, но, уезжая, дал ему три червонца.

[^^^]

Здесь оканчивается сокращение дневника
Алексея Петровича Ермолова, сделанное г-
ном С.

[^^^]

Вариант по другому списку: «В доказательство искренней приязни назначаюсь я...»

Подвергался большому взысканию.

[^^^]

Они несколько раз позволяют повторить себе о том приглашении.

[^^^]

Лица.

[^^^]

Главный доктор сардара более всех вкусил целительного состава, а им ободренный сардар подал собою пример прочим собеседникам. Долго на лице одного из священнослужителей видны были следы невоздержания, но действием ликера смягчилось ожесточение мусульманина.

[^^^]

Приводившую в трепет пограничные провинции персидской монархии.

[^^^]

Аги.

[^^^]

В продолжение 20 лет.

[^^^]

Подвластных.

[^^^]

Видим, что люди, в руках которых сосредоточена власть, не познают пределов ее в отношении и пр.

[^^^]

Места, заключенные в скобках, идут по другим спискам.

[^^^]

Вариант: «Каймакаму».

[^^^]

Вариант: «Так как я прибыл не в качестве Наполеонова шпиона, то...»

[^^^]

Оной артиллерии.

[^^^]

Вместо поставленного в скобках: «Я весьма одобрил это все и присовокупил: Трухменцы» и пр.

[^^^]

Закрывающегося в скобках нет в другом списке.

[^^^]

...В котором бы персияне не желали выказать невыносимую гордость свою, и хотя в возврат бывают награждаемы большим или меньшим презрением, но, перенося его равнодушно, они останутся верны принятому правилу. В городе мы расстались...

[^^^]

Экзерцирмейстеры (вместо «военные ростов-
щики»).

[^^^]

Официально.

[^^^]

...Что не ставлю себя на одну доску с другим,
будучи послом...

[^^^]

Он знал, что от меня не укрылась его ненависть к русским и что я его разумею за величайшего из плутов, потому не мог сомневаться, что виною всех могущих случиться неудовольствий выставлен будет он.

[^^^]

Ибо в самой Испагани, кроме малого числа зданий, свидетельствующих некогда о великолелии города во времена Софиев, все прочее в развалинах и гораздо более половины города оставлено жителями.

[^^^]

В другом списке нет этого места.

[^^^]

К таким совершенствам надо присоединить знатную породу, и это возведет его на высочайшие степени в государстве.

[^^^]

Места в скобках нет в другом списке.

[^^^]

Пред ним раболепствовал (вместо «ходит»).

[^^^]

Аскер-хан.

[^^^]

Лучше.

[^^^]

С удивлением заметил я, что люди придворные... составляют...

[^^^]

Просвещения и ловкости (вместо следующих слов).

[^^^]

Послан был.

[^^^]

Этих слов нет в другом списке.

[^^^]

Самоуверенном (вместо «бесстыдном и нагл-лом»).

[^^^]

Уклонялся от (вместо «не сказал»).

[^^^]

В другом списке: «Невзирая на свои большие средства, не хочет...»

[^^^]

Уверяя...

[^^^]

С таким-то.

[^^^]

Этих слов нет в других списках.

[^^^]

Нет в других списках.

[^^^]

Зять.

[^^^]

Всегда.

[^^^]

Нет в других списках.

[^^^]

Вместо «Я говорю» и пр...»: я отдаюсь на суд всякого.

[^^^]

Имело полный успех.

[^^^]

На конференции завел я разговор.

[^^^]

Плут.

[^^^]

Ибо каждый из них признавался в справедливости моих обвинений. Таким образом мне удалось удалить величайшего плута...

[^^^]

Аги.

[^^^]

Там нет обеспеченного престола для кого бы то ни было, но он принадлежит лишь самому смелому, ловкому и предприимчивому искателю.

[^^^]

При этом коснулся шах своей власти, которую почитал несравненно выше власти всех европейских государей, уподобляя себя тени Божией на земле. Я отвечал ему, что весьма приятна тень, падающая от человека, под скипетром которого благоденствует несколько миллионов народонаселения, исчисляющего свои дни его благотворениями, но при этом осмелился сделать вопрос, производила ли то же самое действие тень дядюшки его, Аги-Магмед-хана? Шах был столь милостив ко мне, что принял вопрос мой без неудовольствия и даже усмехнулся.

[^^^]

Без затруднения дозволяли употреблять нам вино и нередко даже доставляли вино весьма хорошее, испанское и ширазское.

[^^^]

См. ниже след, слов до точки: «Для нас нарочно поставлены были столы и стулья. Блюды приготавливаются бесчисленное множество, каждому подаются в особенной посуде и на особенном деревянном раскрашенном подносе, на котором помещается не менее пятнадцати блюд. Посреди стола...» и пр.

[^^^]

Еще покрытую.

[^^^]

На самом столе.

[^^^]

Обедать, не обнаруживая своего существования.

[^^^]

Ужин.

[^^^]

Низамут-Девле.

[^^^]

Угашиваемы были совсем другим образом. Прислуга не ходила по столу и не попирала беседующих. То же число блюд, но всех их пожирать не принуждали. Хозяин, известный в Персии богатством, хотел выказать свою серебряную и золотую посуду.

[^^^]

Садр-Азам Мирза-Шефи.

[^^^]

И, может быть, даже лживо.

[^^^]

Садр-Азам.

[^^^]

Весьма обыкновенных.

[^^^]

Управляющего городом.

[^^^]

Мужчины.

[^^^]

Однако предпочтение.

[^^^]

Вместо нижеслед. до слова: «о мелодии»: «Лица способные восхищаться музыкой персидской, должны находить мелодию и в крике ослов».

[^^^]

Муравьева.

[^^^]

Этого места нет в других списках.

[^^^]

Но... оскорбленный им музыкант... сбил... и наказал розгами.

[^^^]

Покорясь силе обстоятельства.

[^^^]

Если бы зависели они от Персии.

[^^^]

Дядя.

[^^^]

Персидскую.

[^^^]

Но я во всяком случае не хуже.

[^^^]

И Ширвани.

[^^^]

Михмандарь.

[^^^]

Какое истолкование дадут.

[^^^]

Нет в других списках.

[^^^]

Нет в других списках.

[^^^]

Тоже.

[^^^]

Хотя.

[^^^]

Не попытается сплутовать.

[^^^]

Нет в других списках.

[^^^]

Предок рода Ермоловых Арслан-мурза Ермола, а по крещении названный Иоанном... в 7014 (1506) г. выехал к великому князю Василию Ивановичу из Золотой Орды.

[^^^]

С благоговением.

[^^^]

Это, должно быть, ошибка: Ермолов возвратился из Персии в 1816 году.

[^^^]

Граф Дмитрий Дмитриевич Курута.

[^^^]

Все дороги ведут в Рим (*фр.*).

[^^^]

И известно, что все концы с концами сходятся
(*фр.*).

[^^^]

Известно, что Ермолова называли именем иезуита патера Грубера.

[^^^]

Здесь должна быть ошибка: этим же числом помечено и предыдущее письмо, см. выше.

[^^^]

Возвратившиеся в числе 5 тысяч из Башлы.

[^^^]

Князь Мадатов родился в Карабаге.

[^^^]

Бывший инспектор артиллерии.

[^^^]

В письме к Д.В. Давыдову (см. ниже), между другими подробностями, Ермолов говорит: «Я прошел трудными дорогами до самых неприступных утесов Кавказа, и далее уже не было пути».

[^^^]

Не задирайте акушинцев, я хотел бы, чтобы они вели себя тихо, пока я не прибыл в Дагестан. Если замыслият они защитить Абдулла-бека, займите позицию к обороне, чтобы избежать вторжения в Кубу. Хотя ваш отряд небольшой силы, они не спустятся к равнине, чтобы напасть на вас, и вы можете их превозмочь посредством конницы, так как они не могут противостоять силам вашим ни на равных, ни паче того сильнее. Не требую с вас оставаться надолго в том же положении, я хочу только, чтобы, ежели возьмутся они перейти через Самур, вы надежно защищены были... Вы знаете, что окрестности Кубы остались без войск и у Ших-Али-хана немало сторонников.

Я считаю, что поражение Абдуллы-бека наведет трепет в горах и повлияет немало на движение злодея Сурхай-хана, а также Мустафы-предателя, – остерегайтесь ожесточить их обоих до определенного времени.

Хотелось бы, чтобы подданные Уцмия были ему послушны, но остерегайтесь, чтобы он

по лживости и коварству своему не использо-
вал бы их супротив нас. Попробуйте наме-
кать ему, что без защиты правительства мо-
жет он токмо только потерять и вряд ли со-
хранит в собственности имение свое.

Прощай, дражайший Мадатов; у меня есть
токмо один совет вам – остерегайтесь аку-
шинцев, силы их силишком сильны. Малей-
шее движение ретроградное от вас будет их
поощрять и нанесет ущерб делу нашему. Ста-
райтесь держаться равнин, где силы ваши бу-
дут неодолимы, и скорее оставьте высокого-
рье Табасарана, которое нелегко будет поки-
нуть в их присутствии (*фр.*).

[^^^]

Это письмо относится к происшествию, упомянутому в дневнике Ермолова под 18 сентября 1824 г.

[^^^]

Под первым из этих рапортов не выставлено числа в «Чтениях», под вторым выставлено ошибочное.

[^^^]

А.А. Вельяминов, имя которого займет, без сомнения, блестящую страницу в кавказских военных летописях и слишком рано похищенный смертью для пользы и благоденствия Кавказа и славы нашего оружия, обращал на себя справедливое внимание своими замечательными способностями, редкою самостоятельностью в характере, необыкновенно мерным военным взглядом, обширными сведениями и умением превосходно излагать на бумаге свои мысли. Вельяминов, будучи еще штабс-капитаном 1-й гвардейской артиллерийской бригады, обратил на себя с 1811 г. внимание Ермолова, при котором он состоял впоследствии в звании начальника штаба в течение почти 13 лет. Хотя характер его был совершенно противоположен характеру Ермолова, но эти две личности, превосходно понимавшие друг друга, находились постоянно в самых дружеских между собою отношениях. Вельяминов, любивший и почитавший Ермолова как отца, приноравливался, во время продолжительного своего при

нем служения, к его умеренному образу жизни. Сделавшись самостоятельным начальником, Вельяминов, любивший давать всему тому, что он ни предпринимал, огромные размеры, сделался крайне расточителен в отношении к собственному своему состоянию; так, например, во всем, что он ни покупал или заказывал, он брал за единицу дюжину. Ермолов имел в нем и некоторых других генералах и штаб-офицерах превосходных сотрудников. В числе генералов находился и доблестный наказной атаман войска Донского Власов, прославившийся на Кавказе знаменитой победой над закубанцами; Ермолов, отдававший всегда полную справедливость его редким военным и гражданским достоинствам, но знавший любовь его к крайне длинным донесениям, был однажды вынужден просить его «воздержаться от страсти к многописанию». Отправив к нему лист бумаги, обрезанный форменным образом, он просил его не выходить из этого предела; хотя донесения Власова уместались после того лишь на одном форменном листе бумаги, но к этим листам привязывались снизу довольно пол-

ные тетради с подробнейшим изложением всего хода дел. Между гражданскими чиновниками канцелярии Ермолова, число коих никогда не превосходило девятнадцати, находились также отлично способные и благонамеренные лица.

[^^^]

Атаман Власов после следствия, произведенного г. Стрекаловым, отдан был под суд, но это не помешало ему получить после чин и много наград и принять назначение наказного атамана войска Донского.

[^^^]

Перед прибытием к войску генерала Паскевича Мадатов просил Ермолова о присылке в дополнение к его отряду 3 батальонов пехоты и 1 казачьего полка и намерен был дать генеральное сражение.

[^^^]

Но ведь война Персидская началась чрез десять лет после посольства, в продолжение коих Ермолов управлял Грузией с полною властью и пользовался неограниченною доверенностью императора Александра. Следовательно, едва ли есть такая связь между сими событиями.

[^^^]

Все здесь мною сказанное сообщено мне лицами, заслуживающими доверия, которые были не только очевидцами этого события, но принимали в нем весьма действительное участие.

[^^^]

Мне это сообщил брат его, добрый и благородный зять мой, Д.Н. Бегичев.

[^^^]

Узнаю вас, генерал: вы весьма похожи на
свои портреты (*фр*)

[^^^]

Мне кажется, это ложное мнение, по крайней мере в отношении к большинству.

[^^^]

Высокопочтимый генерал, его величество соизволили мне передать вам просьбу, чтобы вы лично изложили переданные мной обстоятельства, побуждающие вас оставить Совет (*фр.*).

[^^^]

Помещено в «Чтениях Ист. общества» (1862. Ч. III).

[^^^]

Статейка моя подала повод к присылке ко мне с разных сторон многих материалов, которых скрывать под спудом я не счел себя вправе.

[^^^]

Начало конца (*фр.*).

[^^^]

Прибавлю здесь кстати другое известие. Императрица Екатерина вела ежедневные почти записки. Камердинеры обязаны были готовить свежие тетрадки, а исписанные класть для сохранения в известном шкафу.

[^^^]

Следовательно, положение было не так отчаянно, как полагал Каменский.

[^^^]

Статья, полученная от неизвестного. Автор говорит: «В «Московских ведомостях» 1863 года г. Погодин изъявил желание, чтоб ему сообщали, кто что знает об Алексее Петровиче Ермолове. Вот что я слышал и читал об этом. Может быть, из всего здесь набросанного что-нибудь пригодится».

[^^^]

Не нарываясь (*фр.*).

[^^^]

Запоздалыми мыслями (*фр.*).

[^^^]

Меньшее зло (*фр.*).

[^^^]

Багратион особенно любил и уважал Алексея Петровича, что видно и из писем его, во время отступления от границы к Москве до самого Бородинского сражения. В минуты особого расположения называл его тескою, хотя его имя было Петр, а Ермолова звали Алексеем. «Что твой Давуст?» – спрашивал Багратион Ермолова о Барклае. А когда Багратион был недоволен Ермоловым, то писал к нему – «милостивый государь».

[^^^]